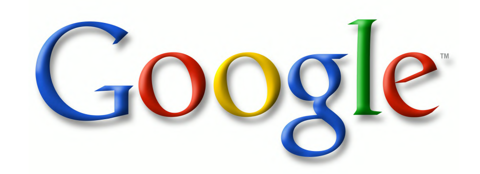

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

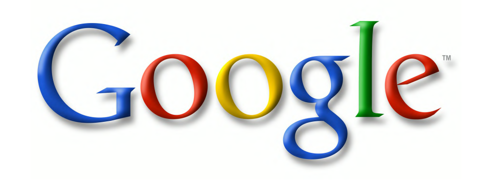
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at http://books.google.com/

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заиис и, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

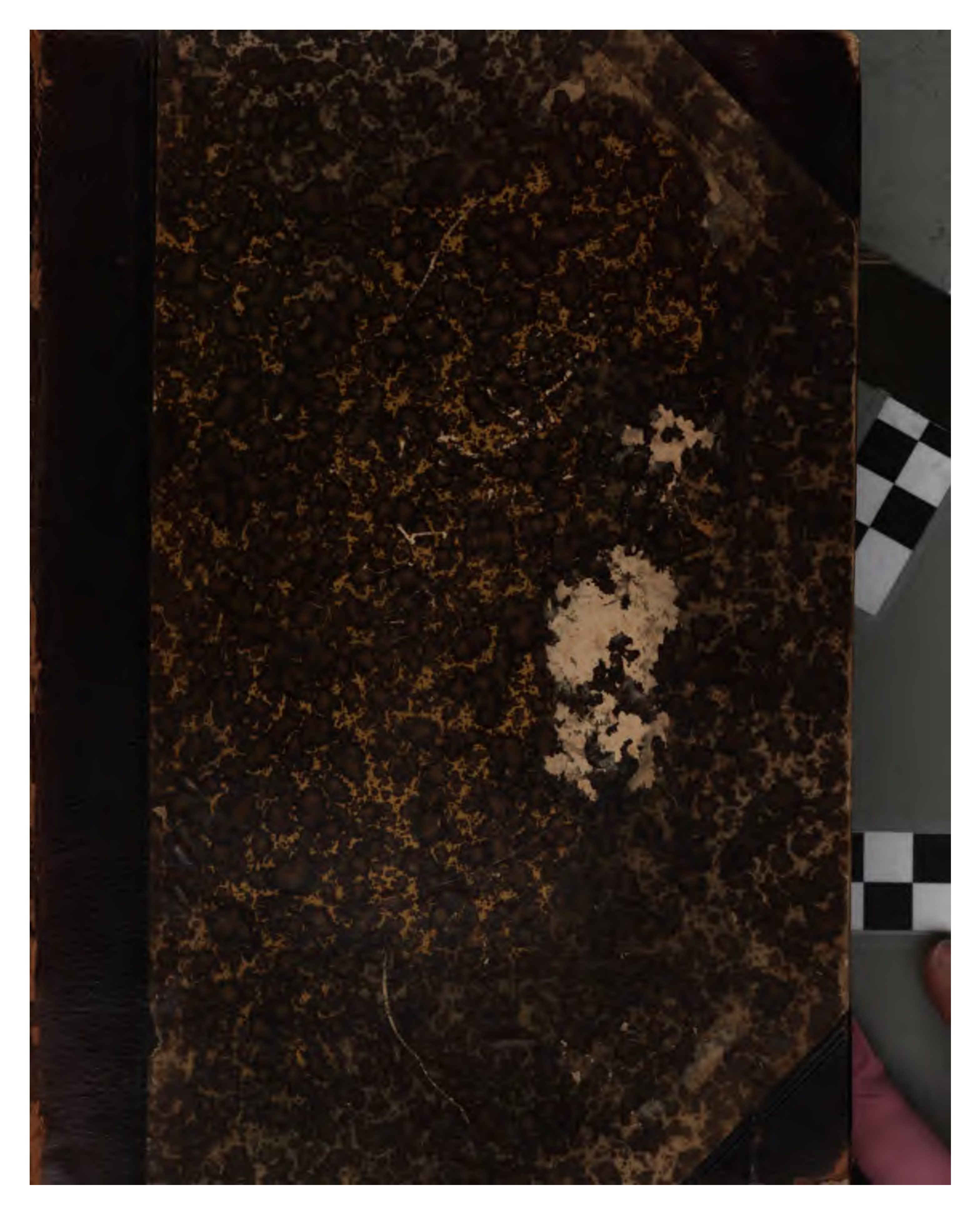
Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

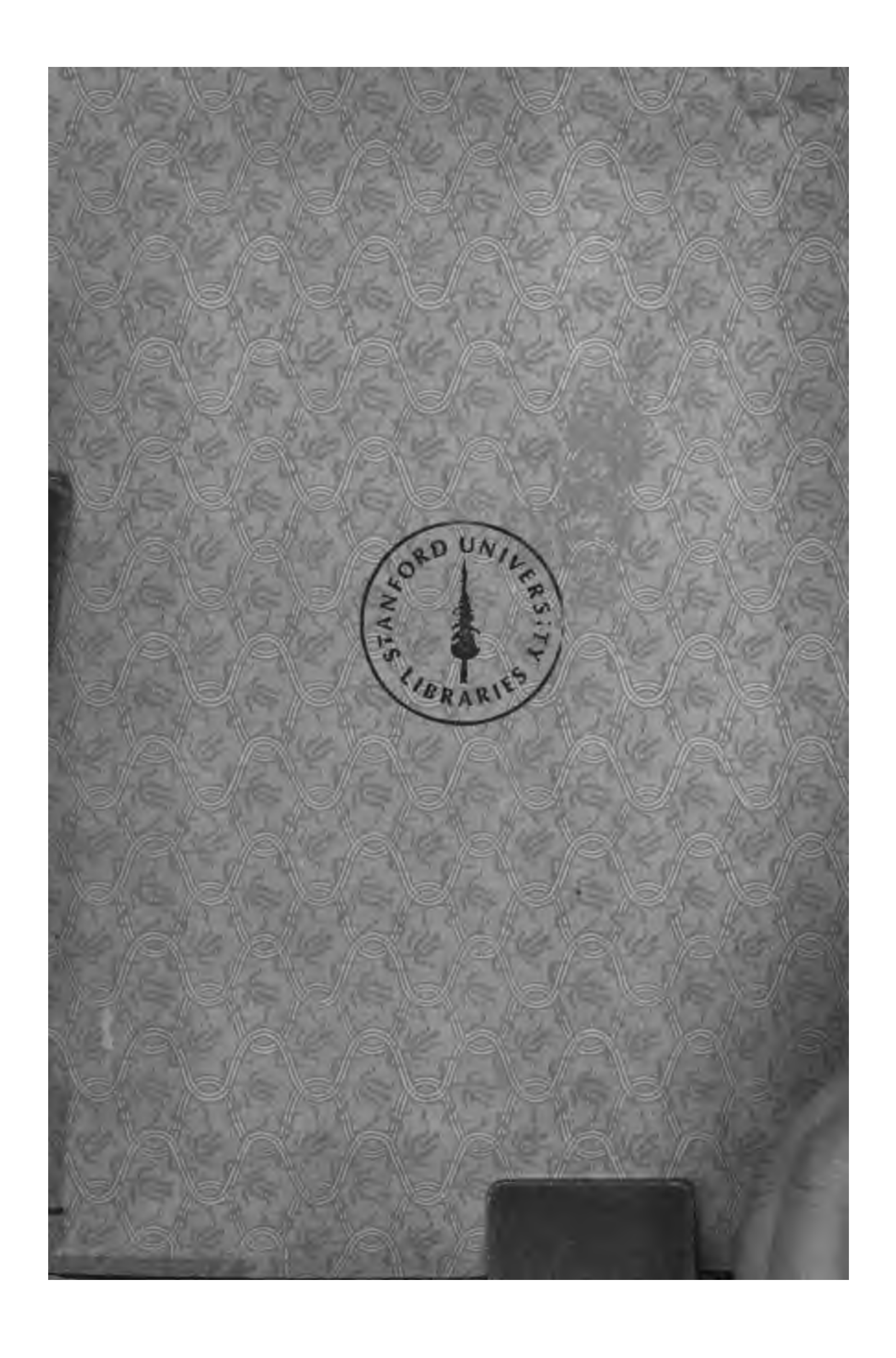
Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице http://books.google.com/

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

Фототипія А. И. Вильборгъ

Главное зданіе университета.

ИМПЕРАТОРСКІЙ
ЮРЬЕВСКІЙ, бывшій ДЕРПТСКІЙ,
УНИВЕРСИТЕТЪ

ЗА СТО ЛѢТЪ ЕГО СУЩЕСТВОВАНІЯ
(1802—1902)

ТОМЪ I: ПЕРВЫЙ и ВТОРОЙ ПЕРІОДЫ (1802—1865)

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Е. В. ПѢТУХОВА
ординарнаго профессора Императорскаго Юрьевскаго университета

Съ фототипическими приложеніями

Юрьевъ
Типографія К. Маттисена.
1902.

MF '78

LF4220
P5
v.1

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Юрьевскаго Университета.

Юрьевъ, 3 октября 1909 г.

№ 2651. Ректоръ: А. Филипповъ.

Отъ автора.

Настоящее сочиненіе написано по порученію избранной Совѣтомъ Императорскаго Юрьевскаго университета Комиссіи для собиранія и изданія матеріаловъ по исторіи названнаго учрежденія ко дню столѣтія со времени его основанія въ 1802 году. Историческая связь Дерптскаго-Юрьевскаго университета въ XIX вѣкѣ съ латино-шведскимъ университетомъ въ Дерптѣ и Перновѣ въ XVII-мъ и началѣ XVIII-го вѣка внушила автору мысль коснуться судьбы также и этого отдаленнаго его предшественника въ роли высшей школы въ предѣлахъ Прибалтійскаго края.

Что касается содержанія предлагаемаго труда, то, по своему плану, оно соображено съ другой юбилейной работой, предпринятой также по почину упомянутой Комиссіи, именно съ „Біографическимъ Словаремъ" профессоровъ и преподавателей университета, гдѣ должно найти мѣсто изображеніе ученой и учебной дѣятельности какъ преподавательскаго персонала университета, такъ и его учебно-вспомогательныхъ учрежденій; въ виду этого, авторъ настоящаго сочиненія, не касаясь подробно названной стороны университетской жизни, обратилъ свое главное вниманіе на изображеніе какъ внѣшнихъ условій существованія университета,

такъ и тѣхъ внутреннихъ его сторонъ, которыя выходили за предѣлы учебной и ученой дѣятельности членовъ университетской корпораціи. Такимъ образомъ, „Біографическій Словарь“ является въ органической связи съ предлагаемымъ теперь читателямъ „историческимъ очеркомъ“.

Выпускаемый нынѣ первый томъ настоящаго сочиненія обнимаетъ первый и второй періоды существованія университета, съ 1802 по 1865 годъ; разсмотрѣніе, по тому же принятому плану, жизни и дѣятельности Юрьевскаго университета за 1865—1902 годы составитъ содержаніе второго тома, который имѣетъ быть выпущенъ въ непродолжительномъ времени.

Е. П.

Введеніе.

I. Обзоръ печатнаго и рукописнаго матеріала.

Считаемъ необходимымъ представить прежде всего обзоръ печатнаго матеріала, непосредственно относящагося къ исторической разработкѣ прошлыхъ, какъ отдаленныхъ, такъ и болѣе близкихъ, судебъ Дерптскаго-Юрьевскаго университета, а также дать нѣкоторыя указанія на тотъ архивный и вообще рукописный матеріалъ, который послужилъ главнымъ основаніемъ для настоящей работы.

А. Печатный матеріалъ.

1.

Офиціальныя публикаціи: уставы, правила, постановленія, распоряженія, отчеты.

На первомъ мѣстѣ должны быть названы офиціальныя публикаціи какъ самого университета, такъ и высшихъ учрежденій и властей, сопровождавшія собою основаніе университета, теченіе университетской жизни и возникновеніе тѣхъ или иныхъ органовъ университетскаго управленія и обученія. Таковы: „актъ постановленія“ 1802 года, высочайше утвержденные уставы и штаты университета

и округа [1]), постановленія и распоряженія министерства народнаго просвѣщенія, всеподданнѣйшіе отчеты министровъ, циркуляры попечителей учебнаго округа и ихъ отчеты министерству, годовые отчеты университета, правила для студентовъ и т. п. „Актъ постановленія для Императорскаго Дерптскаго университета“ былъ опубликованъ много разъ [2]). Уставъ и штаты можно найти въ Полномъ собраніи законовъ Россійской имперіи [3]); кромѣ того, они печатались и отдѣльно какъ на русскомъ языкѣ, такъ и на нѣмецкомъ [4]),

---

1) Участіе Дерптскаго университета въ управленіи учебными заведеніями округа продолжалось съ основанія университета да 20-го января 1837 года, когда къ нему примѣнено было „Положеніе объ учебныхъ округахъ“ 25-го іюня 1835 года.

2) Полное собраніе законовъ Россійской имперіи, № 20.551; Періодическое сочиненіе о успѣхахъ народнаго просвѣщенія, № 1. Спб. 1803, стр. 22—34; Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія. Т. I, изд. 2. Спб. 1875, ст. 6—12; Die Kaiserliche Universität zu Dorpat, fünfundzwanzig Jahre nach ihrer Gründung. Dorpat MDCCCXXVII, стр. III—V, IX—XI, по-русски и по-нѣмецки; Russland unter Alexander dem Ersten. Eine historische Zeitschrift, herausgegeben von Heinrich Storch, B. II. (1804), стр. 79—86, по-нѣмецки, и въ другихъ изданіяхъ.

3) Уставъ и штатъ 1803 года не помѣщены въ этомъ изданіи; №№ 28.303 (уставъ 1820 года), 41.667 (уставъ 1865 года); уставъ 1865 года помѣщенъ, въ нѣсколько измѣненномъ и дополненномъ видѣ, въ сводѣ законовъ т. XI, изд. 1893 года.

4) Планъ университета. Безъ указанія времени и мѣста печатанія (Спб. 1799). Plan der errichtenden Universität. Безъ указанія времени и мѣста печатанія, переводъ предыдущаго (Riga 1799).

Уставъ Императорскаго Дерптскаго университета 1803 года, официальное изданіе, безъ обозначенія времени и мѣста печатанія (Спб. 1803). Statuten der Kaiserlichen Universität zu Dorpat. Dorpat (1803), переводъ предыдущаго, перепечатанный также у Шторха, Russland unter Alexander dem Ersten, B. II, стр. 353—401.

Уставъ Императорскаго Дерптскаго университета 1820 года. Уставъ учебныхъ заведній, подвѣдомыхъ Императорскому Дерптскому университету, официальное изданіе, безъ указанія времени и мѣста печатанія (Спб. 1820). Уставъ Императорскаго Дерптскаго университета. Statut der Kaiserlichen Universität Dorpat, по-русски и по-нѣмецки. Dorpat MDCCCXX. Послѣдовавшія за уставомъ 1820 года узаконенія и распоряженія нашли себѣ систематическое указаніе въ двухъ изданіяхъ университета: „Register über das am 4 Junius 1820 Allerhöchst bestätigte Statut der Kaiserlichen Univer-

а по-русски вошли еще и въ офиціальныя изданія министерства народнаго просвѣщенія [1]).

Постановленія и распоряженія министерства народнаго просвѣщенія относительно Дерптскаго-Юрьевскаго университета и округа нашли себѣ мѣсто въ двухъ объемистыхъ изданіяхъ: „Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія“ [2]) и „Сборникъ распоряженій по ми-

---

sität Dorpat. Mit Nachweisungen ergänzender Gesetze und Vorschriften. Dorpat 1824“ и „Alphabetisch geordnetes Verzeichniss der speciell für die Kaiserliche Universität zu Dorpat erlassenen, noch in Kraft stehenden Verordnungen aus älterer und neuerer Zeit, mit Nachweisung der betreffenden allgemeinen Gesetze. Dorpat 1844“.

Уставъ Императорскаго Дерптскаго университета 1865 года, офиціальное изданіе. Спб. 1865. Уставъ Императорскаго Дерптскаго университета 1865 года. Statut der Kaiserlichen Universität Dorpat 1865, по-русски и по-нѣмецки. Dorpat 1865.

1) Уставъ университета 1803 года: Періодическое сочиненіе, № IV. Спб. 1804, стр. 389—484; Сборникъ постановленій, т. I, ст. 139—199. Постановленія Императорскаго Дерптскаго университета относительно до надзиранія училищъ его округа (1804): Періодическое сочиненіе, № V. Спб. 1804, стр. 1—13. Штатъ университета 1803 года: Сборникъ постановленій, т. I, ст. 194—199. Штатъ округа 1804 года: Періодическое сочиненіе, № V, стр. 14—16; Сборникъ постановленій, т. I, приложенія стр. 4—5.

Уставъ университета 1820 года: Журналъ департамента народнаго просвѣщенія, ч. II, стр. 319; Сборникъ постановленій, т. I, ст. 1382—1439. Уставъ учебныхъ заведеній, подвѣдомыхъ Императорскому Дерптскому университету (1802): Сборникъ постановленій, т. I, ст. 1439—1549. Штаты университета и округа (1817 и 1820 гг.): Сборникъ постановленій, т. I, приложенія, стр. 36—38. Дополнительный штатъ 1842 года: „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, ч. XXXVI (1842), стр. 36—39, и Сборникъ постановленій, т. II, 2, приложенія, стр. 19—20.

Уставъ и штатъ университета 1865 года: „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, 1865, № 1, стр. 14—42; Сборникъ постановленій, т. IV. Спб. 1871, ст. 3—24, и приложенія, стр. 1—3.

2) До сихъ поръ вышло 13 томовъ этого изданія: Спб., 1864—1898, обнимающихъ собою соотвѣтствующіе документы или извлеченія изъ нихъ съ учрежденія министерства въ 1802 году по 1895 годъ; первые три тома выпущены въ 1875—1876 гг. вторымъ изданіемъ (въ четырехъ частяхъ), съ дополненіями, а также и съ весьма немногими сокращеніями, противъ перваго. Въ 1866 году изданъ былъ особый алфавитный указатель къ первымъ тремъ

нистерству народнаго просвѣщенія“ [1]). Съ 1831 года печатается ежегодно особой книжкой „Извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета министра народнаго просвѣщенія“, гдѣ находилъ и находитъ себѣ мѣсто и Дерптскій-Юрьевскій университетъ. Здѣсь же должны быть упомянуты: „Десятилѣтіе министерства народнаго просвѣщенія. 1833—1843 (записка, представленная Государю Императору Николаю Павловичу министромъ народнаго просвѣщенія графомъ Уваровымъ въ 1843 году). Спб. 1844“, гдѣ, на страницахъ 47—61, даны свѣдѣнія и брошенъ общій взглядъ на ходъ учебнаго дѣла за указанный періодъ въ Остзейскихъ губерніяхъ и въ Дерптскомъ университетѣ въ частности, и помѣщенъ представленный Государю отчетъ С. С. Уварова объ обозрѣніи имъ Дерпскаго университета въ іюнѣ 1833 года [2]).

Отчеты попечителя (Ф. И. Клингера, жившаго въ Петербургѣ) Главному Правленію Училищъ о личныхъ посѣщеніяхъ имъ Дерптскаго университета и округа въ первые годы ихъ существованія помѣщались въ „Періодическомъ сочиненіи о успѣхахъ народнаго просвѣщенія“ [3]). Въ послѣдующее время попечительскіе отчеты такого рода не публиковались, а съ 1830-хъ годовъ, когда попечители (начиная съ Г. Б. Крафстрема) стали жить въ Дерптѣ или въ Ригѣ, ихъ вполнѣ замѣняли обычные годовые университетскіе отчеты, представлявшіеся высшему начальству въ концѣ каж-

---

томамъ перваго изданія, а въ 1888 году изданъ былъ новый алфавитный указатель къ семи томамъ „Сборника“; начиная съ VIII тома при каждомъ томѣ имѣется особый алфавитный указатель.

1) Вышло 5 томовъ: Спб., 1866—1881, заключающихъ въ себѣ документы съ 1802 по 1873 годъ; къ первымъ тремъ томамъ этого изданія имѣется особый алфавитный указатель, напечатанный въ 1867 году.

2) Напечатанъ въ Сборникѣ постановленій, т. II. I, ст. 590—602; по-нѣмецки переведенъ въ Baltische Monatsschrift, B. XXXI. 1883, стр. 500—510.

3) № VII. 1804, стр. 73—88, о посѣщеніи университета въ іюнѣ 1804 года; № XIII. 1805, стр. 60—69, о посѣщеніи въ іюнѣ 1805 года; № XVI. 1806, стр. 416—426, о посѣщеніи въ іюнѣ 1806 года; № XXV. 1810, стр. 156—161, о посѣщеніи въ августѣ 1809 года.

даго гражданскаго года. Эти отчеты въ цѣломъ видѣ никогда не печатались, и лишь выдержки изъ нихъ за нѣкоторые годы помѣщены были: по-нѣмецки — при официальныхъ актовыхъ „Festreden“ за годы 1871—1891, а за болѣе раннее время — у Шторха, Russland unter Alexander dem Ersten[1]), въ Dörptische Beyträge für Freunde der Philosophie, Litteratur und Kunst проф. Моргенштерна[2]) и въ другихъ изданіяхъ[3]); по-русски: въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“[4]) и въ „Ученыхъ Запискахъ Юрьевскаго университета“[5]). „Циркуляры по Дерптскому (Рижскому) учебному округу“ начали издаваться, ежемѣсячно, лишь съ 1886 года.

Правила для учащихся въ университетѣ печатались какъ въ официальныхъ изданіяхъ, такъ и отдѣльно: въ послѣднемъ случаѣ по-русски и по-нѣмецки[6]).

---

1) B. II, стр. 208—237: Uebersicht des Zustandes der Universität zu Dorpat vom Januar bis November 1803.

2) B. I, стр. 226—258: Chronik der Kaiserlichen Universität zu Dorpat vom J. 1812; стр. 373—427: Chronik der Kaiserlichen Universität zu Dorpat vom J. 1813; B. III, стр. 400—448: Chronik der Kaiserlichen Universität zu Dorpat im J. 1814.

3) Chronik der Kaiserlichen Universität zu Dorpat vom Jahre 1812 въ G. Merkel's Zeitung für Literatur und Kunst 1812 №№ 19—20; (E. Wegener), Chronik der Universität Dorpat seit dem Jahre 1827, въ Inland 1836: № 7 (Veränderung im Lehrerpersonal seit 1827), № 11 (Uebersicht der seit dem Jahre 1828 gehaltenen öffentlichen Vorlesungen), № 15 (Uebersicht der Frequenz der Studierenden vom Jahre 1828 bis 1835).

4) За 1847—48 г. въ „Официально-учебномъ приложеніи 1849“, стр. 10; за 1848—49 г. въ „Официально-учебномъ приложеніи 1850“, стр. 23; за 1863 годъ въ Ж. М. Н. Пр. ч. CXXII. 1864, стр. 653—690; за годы 1871—1888 въ Ж. М. Н. Пр. 1872—1889: см. Указатель статей, помѣщенныхъ въ неофиціальной части „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія“ съ 1867 по 1891 годъ. Спб. 1894, стр. 137—138.

5) 1893 № 1, стр. 55—76, за 1892 годъ; 1894 № 1, стр. 17—38, за 1893 годъ; 1895 № 1, стр. 17—38, за 1894 годъ; 1896 № 1, стр. 17—43, за 1895 годъ; 1897 № 2, стр. 1—21, за 1896 годъ; 1898 № 1, стр. 17—38, за 1897 годъ; 1899 № 5, стр. 1—22, за 1898 годъ; 1900 № 1, стр. 1—22, за 1899 годъ; 1901 № 1, стр. 1—26, за 1900 годъ.

6) Періодическое сочиненіе № III. 1803, стр. 227—256; „Жур-

На другія офиціальныя и полуофиціальныя изданія, исходившія отъ самого университета или его касавшіяся, будетъ указано въ своемъ мѣстѣ.

2.

Матеріалы и сочиненія по исторіи латино-шведскаго университета въ Лифляндіи въ XVII и началѣ XVIII вѣка.

Переходимъ теперь къ матеріаламъ, имѣющимъ историческій характеръ; тутъ удобнѣе всего держаться хронологіи, при чемъ въ извѣстныхъ случаяхъ рядомъ съ матеріаломъ, въ документальномъ смыслѣ, придется говорить и о попыткахъ его освѣщенія и связнаго историческаго изложенія единичныхъ событій изъ исторіи университета или отдѣльныхъ періодовъ его существованія.

Время латино-шведскаго университета, существовавшаго, съ перерывомъ, въ Дерптѣ и Перновѣ съ 1632 по 1710 годъ, а затѣмъ рядъ попытокъ остзейскаго дворянства въ теченіе всего XVIII вѣка побудить русское правительство къ возстановленію мѣстнаго университета, закон-

---

налъ Министерства Народнаго Просвѣщенія", ч. II. 1834, № 4, стр. XXV—LVIII и тамъ же ч. XIX. 1838, № 7, стр. I—XXXVII; Сборникъ постановленій т. I, ст. 119—138 (Правила 1803 года), т. II. 1. ст. 718—745 (1834 года), т. II. 1, ст. 1348—1374 (1838 года).

Reglement der academischen Polizey-Verordnungen für die Kaiserliche Universität zu Dorpat. D. 1802; Правила для учащихся въ Императорскомъ Дерптскомъ университетѣ, офиціальное изданіе, безъ обозначенія времени и мѣста печатанія (Спб. 1803); то же по-нѣмецки: Vorschriften für die Studierenden auf der K. Universität zu Dorpat, D. 1803, перепечатанное у Шторха въ Russland unter Alexander dem Ersten, B. II, стр. 86—110. Другія нѣмецкія изданія: D. 1819, 1821, 1827, 1830, 1832, 1834, 1838, 1862, 1869, 1871, 1875, 1886. Затѣмъ — только на русскомъ языкѣ: Правила для студентовъ и постороннихъ слушателей Императорскаго Дерптскаго университета (утв. 12-го января 1893 года), въ „Ученыхъ Запискахъ Юрьевскаго университета" 1893 № 1, стр. 19—52 и отдѣльно: Юрьевъ 1893; другое изданіе этихъ же Правилъ, съ позднѣйшими къ нимъ дополненіями: Юрьевъ 1896.

чившихся указомъ императора Павла 24-го декабря 1800 года, вызвали отчасти въ шведской, а главнымъ образомъ въ нѣмецкой, мѣстной и заграничной, литературѣ значительное количество разысканій, опубликованныхъ какъ въ періодическихъ изданіяхъ, такъ и въ отдѣльномъ видѣ.

Первымъ если не историкомъ, то лѣтописцемъ шведскаго университета, основаннаго въ 1632 году въ Дерптѣ, былъ профессоръ исторіи и древностей Меніусъ (**Friedrich Menius**), написавшій непосредственно по открытіи университета историческую записку объ этомъ событіи, съ приведеніемъ, въ ней нѣкоторыхъ официальныхъ документовъ, которые предшествовали и сопровождали собою открытіе „Густавіанской Академіи“ (**Academia Gustaviana**) въ Лифляндіи[1]). Тоже въ качествѣ скорѣе лѣтописца и библіографа, нежели историка, выступилъ и другой профессоръ (философіи) Дерптско-Перновскаго университета Сіѳбергъ (**Gabriel Siöberg**), выпустившій въ 1703 году, безъ обозначенія мѣста печатанія[2]), брошюру, въ которой далъ въ алфавитномъ порядкѣ перечень сочиненій и диссертацій членовъ университета[3]). Вкратцѣ касается судебъ Дерптско-Перновскаго университета, также болѣе описательно, и одинъ

---

1) Relatio von Inauguration der Universität zu Dorpat, geschehen den 15 Octobris, im Jahre 1632. Gedruckt zu Dörpath, in Liefflаnd, durch und in Verlegung Jacob Beckern (1632). Эта записка, въ виду ея рѣдкости, позднѣе была цѣликомъ перепечатана Паукеромъ въ журналѣ Archiv für die Geschichte Liv-, Ehst- und Curlands, herausgegeben von Dr. F. G. v. Bunge und Dr. E. J. A. Paucker, B. VII. Reval 1854, стр. 242—271. Тому же Меніусу принадлежитъ и другое произведеніе — не историческаго, но поэтическаго характера — написанное по поводу того же событія: Nuncius Parnassi Livonici poeticus und frölicher Lobgesang auff die Fundation der Königl. Schwedischen Academiae zu Dörpat in Liefflаnd d. 15 Oct. anno 1632. Dörpat (1632).

2) По Винкельману (Bibl. Liv. 2-е изд. № 21) такимъ мѣстомъ была Рига, а по Кеппену (Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи, I, стр. 10) — Перновъ.

3) Pernavia literata, breviter concinnata et in lucem publicam anno 1703 emissa. Ex officina Georg. Matth. Nölleri.

изъ его бывшихъ питомцевъ, Арвидъ Моллеръ, въ своей Исторіи города Дерпта до 1710 года[1]).

Но собственно историческое отношеніе къ Дерптскому университету впервые является въ трудѣ Бакмейстера (H. L. Chr. Backmeister) въ 1764 году[2]), когда это учрежденіе закончило уже свое существованіе и ждало возможности возродиться къ новой жизни. Авторъ касается тутъ двухъ періодовъ существованія университета, въ Дерптѣ и въ Перновѣ (1632—1656, 1690—1710), и сообразно этому дѣлитъ свой разсказъ на двѣ части, предпосылая ему въ началѣ введеніе, съ указаніемъ источниковъ, которыми онъ пользовался при своемъ изложеніи: это были, съ одной стороны, рукописи изъ шведскихъ архивовъ, сообщенныя автору черезъ шведское посольство въ Петербургѣ, и нѣкоторые документы самого университета отъ перновской эпохи его существованія, а съ другой — рядъ печатныхъ изданій разнообразнаго содержанія на латинскомъ, шведскомъ и французскомъ языкахъ, гдѣ находились какія-либо свѣдѣнія по избранному вопросу, а также диссертаціи, торжественныя рѣчи, программы и другія произведенія, изданныя самимъ университетомъ. Этотъ первый опытъ историческаго разсказа о судьбахъ Дерптско-Перновскаго университета, особенно если принять во вниманіе недостатокъ матеріала, которымъ могъ располагать авторъ, долженъ быть признанъ весьма удачнымъ. Онъ въ значительной степени облегчилъ собою появленіе другого труда на ту же тему, принадлежащаго профессору философіи и библіотекарю Лундскаго

1) Сочиненіе его „Fata Dorpati“ издано было въ 1755 году по-шведски; переводъ на нѣмецкій языкъ помѣщенъ въ Neuer Dorpater Kalender 1876, стр. 93—126, и 1877, стр. 77—122; объ университетѣ тутъ: 1876, стр. 116—120; 1877, стр. 77—79, 83—86.

2) Nachrichten von den ehemaligen Universitäten zu Dorpat und Pernau, von Hartwich Ludwig Christ. Backmeister, въ извѣстномъ сборникѣ Г. Ф. Мюллера Sammlung russischer Geschichte, Th. IX. 1764, стр. 95—262 и отд. S.-Petersburg 1764, а во второмъ изданіи того же сборника Th I. 1777, стр. 172—204.

университета Соммеліусу (Gustavus Sommelius) и напечатаннаго на латинскомъ языкѣ въ 1796 году[1]). Въ то время какъ Бакмейстеръ имѣлъ въ виду главнымъ образомъ внѣшнюю исторію университета, Соммеліусъ хотѣлъ соединить съ этимъ и изложеніе исторіи его внутренней жизни, его учебныхъ и ученыхъ трудовъ; имѣя возможность, какъ онъ самъ говоритъ въ предисловіи[2]), пополнить матеріалы своего предшественника многими новыми и послѣднему неизвѣстными данными, нашъ авторъ дѣйствительно даетъ сочиненіе, разнящееся отъ труда Бакмейстера бо̀льшимъ количествомъ біографическаго и библіографическаго матеріала, который у того почти совершенно отсутствовалъ. Чрезвычайно аккуратно исполненный съ внѣшней стороны, трудъ Соммеліуса однако же не даетъ въ полной мѣрѣ того, что можно было бы ожидать отъ его автора, принимая во вниманіе заявленіе объ обиліи матеріала, которымъ онъ располагалъ: библіографическій элементъ (перечень сочиненій членовъ университета и диссертацій) подавляетъ и какъ бы вытѣсняетъ у него остальные отдѣлы книги, затемняя общую историческую картину; по части историческихъ документовъ Соммеліусъ въ дѣйствительности оказался немногимъ богаче Бакмейстера, а его приподнятый стиль много теряетъ теперь рядомъ съ простымъ и трезвымъ изложеніемъ его предшественника. Кромѣ того, сочиненіе не доведено до конца сообразно той программѣ, которую самъ авторъ себѣ поставилъ[3]); въ первомъ томѣ разсмотрѣна дѣятельность университета до 1656 года; продолженіе не появлялось въ печати[4]).

---

1) Regiae Academiae Gustavo-Carolinae sive Dorpato-Pernaviensis historiae, academicis, quae in unum collectae sunt, disputationibus (1790—1796) editae. Vol. I. Consignavit Gustavus Sommelius, Prof. Regius et Academiae Carolinae Bibliothecarius. Lundae, MDCCXCVI.

2) Стр. 4—5.

3) Стр. 26—27.

4) Napiersky K. E. Fortgesetzte Abhandlung von livländi-

Впрочемъ, оба названныя сочиненія, Бакмейстера и Соммеліуса, представляли для своего времени далеко не заурядное явленіе; ихъ достоинста ясно выступаютъ въ глазахъ читателя и въ настоящее время, а недостатки въ значительной степени объясняются тѣмъ состояніемъ матеріала, при которомъ оба автора вели свои работы.

Въ самомъ началѣ XIX вѣка судьбами Дерптско-Перновскаго университета интересовался извѣстный въ свое время протестантскій церковный историкъ Г. Генке (H. Ph. C. Hencius), который въ одномъ изъ торжественныхъ собраній Гельмштедтскаго университета (въ Брауншвейгѣ), гдѣ онъ былъ профессоромъ, произнесъ 25-го іюня 1802 года рѣчь, въ которой изложена была исторія университета въ Лифляндіи въ XVII—XVIII вв. Рѣчь эта, сколько намъ извѣстно, отъ имени автора не была напечатана, но вскорѣ по произнесеніи письменно сообщена была профессору только что открытаго тогда университета въ Дерптѣ К. Моргенштерну, который передалъ ея содержаніе во вступительной латинской статьѣ при обозрѣніи лекцій на второй семестръ 1804 года [1]). Насколько можно судить по этой передачѣ, очеркъ профессора Генке не заключалъ въ себѣ самостоятельныхъ изысканій и не представлялъ по данному вопросу ничего новаго послѣ трудовъ Бакмейстера и Соммеліуса.

Когда, полстолѣтіе спустя, снова пробудился интересъ къ прошлому, латино-шведскому, періоду Дерптскаго университета, то работа велась уже совсѣмъ въ другомъ направленіи: наряду съ общими очерками, стали появляться

---

schen Geschichtschreibern. Ein literar-historischer und bibliographischer Versuch. Mitau 1824, стр. 124—126, гдѣ вкратцѣ передано и содержаніе самаго труда Соммеліуса.

1) Praelectiones semestres in Universitate Literarum Caesarea, quae Dorpati constituta est, a calend. august. anni MDXXXIV habendae indicuntur a Rectore et Senatu academico. Insunt nonnulla de fatis antiquioris Academiae Dorpatensis. Dorpati (1804) стр 3—8.

главнымъ образомъ простые матеріалы въ видѣ документовъ и обработка на этой почвѣ тѣхъ или иныхъ частныхъ вопросовъ.

Въ 1853 году появился историческій очеркъ проф. К. Ширрена (C. Schirren)[1], представлявшій собою изложеніе внѣшней и внутренней жизни Дерптско-Перновскаго университета въ 1632—1710 годахъ, въ общемъ по программѣ Бакмейстера и Соммеліуса и на основаніи какъ этихъ трудовъ, такъ и новаго архивнаго матеріала, который авторъ не только ввелъ въ свое изложеніе, но и напечаталъ въ приложеніяхъ къ своей работѣ; именно, эти приложенія представляютъ собой: списки профессоровъ и другихъ чиновниковъ университета въ разные періоды его существованія, штатъ 1654 года, документы касательно матеріальнаго обезпеченія профессоровъ со стороны шведской казны (1690 и 1702), планы возстановленія университета послѣ его закрытія въ 1656 году (до 1664 и въ 1687), каталогъ книгъ университетской библіотеки 1688 года и т. п. Въ послѣдующіе затѣмъ годы появилось и нѣсколько другихъ, болѣе мелкихъ, сообщеній проф. Ширрена касательно того же предмета[2].

---

1) Zur Geschichte der schwedischen Universität in Livland, von C. Schirren, въ Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Ehst- und Kurlands, herausgegeben von der Gesellschaft für Geschichte und Alterthumskunde der russischen Ostsee-Provinzen. B. VII, Heft 1 (Riga 1853), стр. 1—68, и отдѣльно: Riga 1853.

2) „Dorptsches Studentenleben im XVII Jahrhundert (Die Wissenschaft. Das tägliche Brot. Krawalle), въ Inland 1852, №№ 42 и 44, гдѣ на основаніи шведскихъ архивныхъ документовъ въ Ригѣ представлено нѣсколько любопытныхъ данныхъ о бытовой сторонѣ жизни дерптско-перновскаго студенчества въ XVII столѣтіи; Die Universität in Livland. Ein deutsches Brouillon vom Jahre 1687 ohne Datum, aus den Acten, die im Regierungs-Archiv in Riga aufbewahrt werden, въ Inland 1852 № 47: обсужденіе вопроса о сравнительныхъ преимуществахъ Пернова, Дерпта и Риги для возобновленія тамъ университета, переставшаго существовать въ 1656 году, о профессорахъ и студентахъ, объ ихъ занятіяхъ и средствахъ къ жизни; Actenstücke zur Geschichte der schwedischen Universität Dorpat im

Здѣсь должно упомянуть и о другихъ сообщеніяхъ и замѣткахъ по тому же вопросу гг. Зиберта (J. E. v. Siebert)[1]), Штейна (J. v. Stein)[2]), Бинемана (Fr. Bienemann jun.)[3]) и другихъ[4]).

Почти одновременно съ первой упомянутой работой Ширрена опубликованы были важные матеріалы А. Бухгольцомъ (Aug. Buchholtz)[5]). Основываясь на трудахъ Бакмейстера, Соммеліуса, на „Allgemeines Schriftsteller- und Gelehrten Lexicon" Рекке и Напіерскаго, на сочиненіи послѣдняго „Lebensnachrichten von den livl. Predigern" и на своихъ архивныхъ разысканіяхъ, авторъ даетъ какъ для Academia Gustaviana (1632—1656), такъ и для Academia

---

Jahre 1638. 1690. 1696, въ Inland 1856 № 38. 43. 46: документы касательно положенія профессоровъ въ Дерптѣ и перенесенія университета въ Перновъ (ср. Winkelmann Bibl. Liv., 2 изд. №№ 2764. 2746. 2741).

1) Vorlesungen Dorpatscher Professoren zu Reval im Jahr 1657, въ Archiv für die Geschichte Liv-, Ehst- und Curlands, B. VI, Heft 1 (Reval 1850), стр. 105—108.

2) Miscellen zur Geschichte Pernau's. I. Die Universität in Pernau von 28 August 1699 bis zum Juni 1710, въ Neue Dörptsche Zeitung 1883 № 126: письмо генералъ-губернатора Дальберга отъ 12-го іюля 1699 года къ перновскому бургомистру и городскому совѣту объ открытіи перенесеннаго изъ Дерпта въ Перновъ университета, нѣкоторыя свѣдѣнія о профессорахъ и студентахъ, штатъ университета въ 1699—1710 годахъ.

3) Ein Tumult in Dorpat anno 1641, въ Baltische Monatsschrift, B. 49. 1900, Heft 5, стр. 293—311. О томъ же ранѣе была замѣтка въ Dörptsche Zeitung 1873 № 164: Ein Studententumult in Dorpat im Jahre 1641.

4) Von der alten Universität, въ Dörptsche Zeitung 1873 № 212: письмо ассесора консисторіи Барт. Штюбнера, 25-го августа 1690, къ своему зятю о торжествѣ возобновленія университета въ Дерптѣ; Aeltestes academisches Programm aus Pernau (1699), въ Livländische Schulblätter, Riga 1815, стр. 205—206.

5) Verzeichniss sämmtlicher Professoren der ehemaligen Universitäten zu Dorpat und Pernau und der academischen Beamten. Zusammengestellt und mit archivalischer Beilage versehen von Dr. Aug. Buchholtz, въ Mittheilungen, B. VII. 1854, Heft 1, стр. 159—273, и Heft 2, стр. 493—495. Къ статьѣ приложены снимки университетскихъ печатей 1632 года и гравюра, изображающая студента въ парадномъ костюмѣ того времени.

Gustavo-Carolina (1690—1710) списки ректоровъ, проректоровъ, профессоровъ всѣхъ факультетовъ и другихъ должностныхъ лицъ университета, съ указаніемъ срока ихъ службы, иногда времени смерти и нѣкоторыхъ другихъ свѣдѣній, а въ приложеніяхъ — цѣлый рядъ документовъ, касающихся главнымъ образомъ внутренней исторіи университета, то въ латинскихъ и нѣмецкихъ подлинникахъ, то въ нѣмецкомъ переводѣ шведскихъ оригиналовъ.

За списками профессоровъ послѣдовали списки студентовъ въ матеріалахъ Ѳ. Бейзе (Th. Beise), извлеченныхъ изъ рукописей Дерптской университетской библіотеки [1]). Тутъ же должно быть упомянуто и сообщеніе В. Ф. Шлютера о рукописномъ альбомѣ I. Гернгроса (Joh. Gerngros), относящемся къ 1699 году и заключающемъ въ себѣ имена нѣкоторыхъ профессоровъ и студентовъ второго шведскаго университета въ Дерптѣ и Перновѣ [2]).

Вопросъ о мѣстѣ возобновленія университета, поднятый въ 1687 г. и давшій матеріалъ для одного изъ упомянутыхъ выше сообщеній Ширрена, настолько уже выяснился

---

1) Beitrag zur Geschichte der ältesten Universität Dorpat, въ Mittheilungen, B. VIII, Heft 1 (1855), стр. 146—191. и B. VIII, Heft 3 (1857), стр. 513—550; Beitrag zur Geschichte der zweiten schwedisch-livländischen Universität, въ Mittheilungen, B. XII (1880), стр. 309—332. Здѣсь, разсказавъ предварительно любопытную исторію упомянутыхъ университетскихъ рукописей, авторъ печатаетъ списки студентовъ съ 1632 по 1710 годъ, какъ имматрикулированныхъ, такъ и подвергшихся обряду „депозиціи“, по тремъ рукописнымъ подлинникамъ: „Matricula Academiae Dorpatensis, coepta anno MDCXXXII prorectore Georgio Mancelio“, Matricula seu catalogus illorum, qui in Academia Dorpatensi cornua deposuerunt, anno 1632“ и „Academiae Dorpatensis Album studiosorum, confectum ipsa restaurationis die 21 mensis Augusti, anno MDCXC“. По поводу первой половины матеріаловъ Бейзе напечатаны были замѣтки: А. Шифнера (Schiefner) „Einige Bemerkungen zur Matrikel der ältesten Universität Dorpat“, въ Inland 1855 № 43, гдѣ авторъ дѣлаетъ систематическій подсчетъ опубликованныхъ Бейзе именъ студентовъ по мѣсту происхожденія, и К. Ширрена, въ Inland 1857 № 21.

2) Das Stammbuch des stud. theol. Joh. Gerngros. Von Dr. W. Schlüter. Nordlivländische Zeitung 1900, №№ 32—33.

въ накопившейся литературѣ [1]), что подалъ поводъ Фр. Бинеману подробно разсмотрѣть его въ особой статьѣ [2]), безъ привлеченія впрочемъ новаго матеріала.

Наконецъ, любопытные, извлеченные изъ подлинныхъ документовъ, матеріалы по вопросу о подготовительныхъ дѣйствіяхъ остзейскаго дворянства передъ учрежденіемъ университета при императорѣ Александрѣ I можно найти въ двухъ статьяхъ В. Бока (W. v. Bock) [3]), достоинство которыхъ много теряетъ однако же отъ чрезвычайно манернаго изложенія, растянутости и страстнаго полемическаго тона автора.

Таковы матеріалы для исторіи латино-шведскаго университета въ Дерптѣ и Перновѣ въ XVII и XVIII вв. Всего болѣе освѣщены въ нихъ: личный составъ учившихъ и учившихся, перенесеніе университета изъ одного города въ другой и роль главнѣйшихъ остзейскихъ городовъ въ этомъ вопросѣ, отношеніе правящихъ шведскихъ сферъ къ университету при его возникновеніи, отчасти бытовая сторона студенческой жизни; менѣе выясненъ бытъ профессоровъ, ихъ личныя между собою отношенія, особенно на почвѣ

---

1) Объ однородномъ вопросѣ, возникшемъ въ 1668 году, были сдѣланы сообщенія: въ Rigaische Stadt-Blätter 1814, № 43, стр. 227—279 (Ob in Riga eine Academie anzulegen gerathen sei?); Inland 1836 № 17 (Landtags-Propositiones ... auf dem Schlosse zu Riga den 31. October 1668, сообщилъ A. v. Reutz); Mittheilungen, B. XI (1868), стр. 145—147 (Wegen Transportirung der Academie von Pernau nach Riga und dero Declinirung, an das Hochpreissl. Königl. Cancelley-Collegium d. 4. Sept. 1703 nach Stockholm gesandt).

2) Zur Gründungsgeschichte der zweiten schwedisch-livländischen Universität in Dorpat, von Dr. Fr. Bienemann jun., въ Mittheilungen, B. XV (1893), стр. 398—420.

3) Die Historie von der Universität zu Dorpat und deren Geschichte, въ Baltische Monatsschrift, B. IX. 1864, стр. 107—193. 487—522, и Die erste baltische Central-Commission (1798), тамъ же B. XIII. 1866, стр. 97—122. Пересказъ первой изъ этихъ статей Бока сдѣланъ К. Ширреномъ: Zur Geschichte der Universität Dorpat, въ Dorpater Tagesblatt 1864, №№ 74. 77. 80. 89. Вѣрное сужденіе объ общемъ характерѣ работы Бока высказано К. Э. Беромъ: Selbstbiographie. 2 Ausg. Braunschweig 1866, стр. 121.

двухъ разныхъ національностей, нѣмецкой и шведской, ихъ пріемы преподаванія и вообще способы, средства и результаты учебной дѣятельности университета. Впрочемъ, причину этого неравномѣрнаго вниманія историковъ и собирателей матеріала къ названнымъ сторонамъ университетской жизни надо искать, повидимому, въ своеобразномъ направленіи и характерѣ этой жизни и въ тѣхъ особыхъ, непрочныхъ и одностороннихъ, отношеніяхъ шведскаго правительства къ мѣстному университету въ Остзейскомъ краѣ, которыя опредѣлили собою состояніе и сохранность самыхъ источниковъ. При всемъ томъ, должно признать, что, по сравненію съ послѣдующимъ столѣтнимъ нѣмецко-русскимъ существованіемъ университета въ Дерптѣ-Юрьевѣ, этотъ латино-шведскій періодъ исторически освѣщенъ довольно хорошо, и въ этомъ отношеніи можно и теперь повторить сужденіе одного мѣстнаго историка, который въ 1868 году справедливо находилъ, что объ этой „Vorgeschichte" Дерптскаго-Юрьевскаго университета писано было гораздо больше и основательнѣе, чѣмъ о настоящей его „Geschichte", т. е. о времени съ 1802 года[1]).

3.

Труды по исторіи университета въ XIX вѣкѣ.

Рядъ историческихъ матеріаловъ о времени существованія нѣмецко-русскаго университета въ Дерптѣ-Юрьевѣ открывается трудомъ профессора философіи Еше (G. B. Jäsche), представляющимъ собою подробное описаніе торжества открытія университета 21-го и 22-го апрѣля 1802 года[2]).

1) (J. Eckardt). In Dorpat. Rigascher Almanach für 1868, стр. 4.

2) Geschichte und Beschreibung der Feyerlichkeiten bey Gelegenheit der am 21-sten und 22-sten April 1802 geschehenen Eröfnung der neu angelegten Kayserlichen Universität zu Dorpat in Livland. Von Gottlob Benjamin Jäsche, Professor der Philosophie (Dorpat 1802).

Въ этомъ описаніи цѣликомъ помѣщены, между прочимъ, произнесенныя въ дни празднествъ: проповѣдь оберъ-пастора Ф. Д. Ленца, рѣчь предсѣдателя „кураторіума“ университета графа Мантейфеля, рѣчи проректора Л. Эверса — одна по-нѣмецки, другая по-латыни, — рѣчь профессора Г. Ф. Паррота, латинская рѣчь профессора М. Э. Стикса, латинская же рѣчь профессора Г. Ф. Пешмана, рѣчь профессора Д. Г. Балка, рѣчь пастора Мазинга; въ концѣ брошюры перечислены имена записавшихся въ университетъ студентовъ и съѣхавшихся профессоровъ, даны краткія свѣдѣнія о библіотекѣ и естественно-историческомъ кабинетѣ, и упомянуто о посѣщеніи университета императоромъ Александромъ I 22-го мая 1802 года. Вышедшая въ слѣдующемъ затѣмъ году книжка дерптскаго оберъ-пастора Ленца (Fr. Dav. Lenz) хотя по заглавію[1]) и посвящена городу Юрьеву-Дерпту, но въ сущности вся вторая половина ея (стр. 51—96) занята разсказомъ объ университетѣ, о торжествѣ его открытія и въ особенности о празднованіи университетомъ и цѣлымъ городомъ 23-го декабря 1802 года полученія учредительной грамоты 12-го декабря 1802 года[2]), которая тутъ напечатана цѣликомъ.

Въ августѣ 1805 года, незадолго до закладки главнаго университетскаго зданія (15-го сентября 1805 года), профессоръ древне-классической филологи К. Моргенштернъ сообщилъ нѣсколько историческихъ свѣдѣній о мѣстѣ, на которомъ должно было быть возведено главное зданіе уни-

---

1) Skizze einer Geschichte der Stadt Dorpat. Entworfen von Friedrich David Lenz, Oberpastor in Dorpat. Nebst einem Anhange, der die Allerhöchste Kayserliche Constitutions-Acte für die hiesige Kayserliche Universität, imgleichen die Ukasen wegen der neuen Organisation der Schulen und der Direction der Universitäten, und besonders der Dörptschen enthält. Dorpat 1803.

2) Эта часть книжки выпущена была нѣсколько ранѣе и особо, подъ заглавіемъ: Nachricht von der feyerlichen Bekanntmachung der von S. Kais. Maj. Alaxander I der Universität zu Dorpat Allergnädigst geschenkten Fundations-Acte. Dorpat, 23. Dec. 1802.

верситета, напечатавъ ихъ при обозрѣніи лекцій на второй семестръ 1805 года[1]).

Затѣмъ, черезъ промежутокъ болѣе, чѣмъ въ двадцать лѣтъ, именно по поводу празднованія университетомъ въ 1827 году первой четверти столѣтія своего существованія, вышли въ свѣтъ отъ имени университета два изданія, имѣющія значительный историческій интересъ. Первое изъ нихъ[2]), чрезвычайно роскошно, in folio, изданное и посвященное „благодарной памяти Александра I" (der dankbaren Erinnerung an Alexander I), вышло подъ редакціей тогдашняго ректора университета Густава Эверса. Оно заключаетъ въ себѣ: во-первыхъ, „историческое введеніе" самого редактора (стр. 1—XXXIV), гдѣ сообщены краткія свѣдѣнія о латино-шведскомъ университетѣ въ XVII и XVIII вѣкахъ и о подготовительныхъ событіяхъ для открытія университета въ 1802 году, напечатана учредительная грамота 12-го декабря 1802 года, вкратцѣ разсказана жизнь университета за первыя 25 лѣтъ, даны штаты университета 1799, 1803 и 1818 (точнѣе: 1817) гг. и нѣкоторыя, преимущественно статистическія, свѣдѣнія о профессорахъ и студентахъ; во-вторыхъ, подробное описаніе (стр. 1—60) всѣхъ тогда существовавшихъ университетскихъ учрежденій и занимаемыхъ ими зданій, объемъ и характеръ учебныхъ средствъ университета и пользованія ими, административное устройство университета и округа; къ изданію приложено 19 прекрасно исполненныхъ на мѣди, большого формата, въ величину самой книги, рисунковъ работы проф. архитектуры Краузе и гравированныхъ проф. Зенфомъ: они представляютъ собою планы и чертежи

---

1) Praelectiones semestres in Universitate literarum Caesarea, quae Dorpati constituta est, a calendis aug. anni MDCCCV habendae indicuntur a Rectore et Senatu academico. Insunt nonnulla de area aedium academicarum. Dorpati (1805), стр. 3—4.

2) Die Kaiserliche Universität zu Dorpat. Fünfundzwanzig Jahre nach ihrer Gründung. Dorpat MDCCCXXVII.

университетскихъ мѣстностей и зданій [1]). Второе юбилейное изданіе [2]), посвященное князю К. А. Ливену (бывшему тогда попечителемъ университета, а съ 25-го апрѣля 1828 года — министромъ народнаго просвѣщенія), даетъ: подробное описаніе юбилейнаго торжества, съ присоединеніемъ къ нему личнаго состава университета къ концу 1827 года (стр. V—XXIV), проповѣдь профессора Г. Э. Ленца въ городской церкви (3—17), историческій очеркъ университета, произнесенный въ видѣ рѣчи ректоромъ Г. Эверсомъ (21—44), рѣчь профессора физики Фр. Паррота (47—62), благодарственное обращеніе профессора І. Фр. Эрдмана къ собравшимся на торжество (65—68) и, наконецъ, написанную къ торжеству греческую оду (съ нѣмецкимъ переводомъ) профессора классической филологіи І. В. Франке. Позднѣе, въ 1852 году, въ газетѣ Inland, №№ 49 и 50, въ статьяхъ „Ueber die Feierlichkeiten bei der erster Eröffnung der Universität Dorpat“ и „Die Universität Dorpat in J. 1827“. воспроизведены были современныя газетныя описанія торжествъ открытія и празднованія 25-лѣтія Дерптскаго университета [3]).

1) Эти гравюры, почти въ томъ же видѣ, вышли еще ранѣе отдѣльно: Die Kaiserliche Universität zu Dorpat. Abbildungen. Dorpat 1821. Въ томъ же 1821 году въ Дерптѣ вышло другое собраніе изображеній университетскихъ зданій, художника Клара, въ количествѣ семи таблицъ малаго формата. См. объ этомъ: Ansichten der Universitätsgebäude in Dorpat, von Prof. R. Hausmann, въ Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft 1894, стр. 138 — 142.

2) Das erste Jubelfest der Kaiserlichen Universität Dorpat, fünfundzwanzig Jahre nach ihrer Gründung, gefeiert am 12 December 1827. Dorpat 1828.

3) Къ первому юбилею университета приготовлялся и еще одинъ трудъ. Именно, проф. Бушъ въ „Mittheilungen an Jünglinge, die sich der Wissenschaft, insbesondere der Theologie, widmen“, I Sammlung. Riga und Dorpat 1826, стр. 127—134, объявилъ объ имѣющемъ выйти въ свѣтъ его сочиненіи „Geschichte der Königlich-Schwedischen und Russisch-Kaiserlichen Universitäten in Dorpat und Pernau von 1632—1825, nebst einer kurzen Geschichte des ältern und neuern Dorpatschen Gymnasiums“, въ двухъ томахъ. О ходѣ работы онъ сообщалъ, что она уже въ значительной степени подвинута впередъ, и что „почтенные знатоки дѣла“ обѣщали автору свое содѣйствіе

При всемъ интересѣ, который имѣютъ въ настоящее время указанныя юбилейныя изданія, историческій элементъ въ нихъ былъ очень невеликъ, что объясняется отчасти и близостію времени, о которомъ шла рѣчь; историческая точка зрѣнія на событія этого времени сдѣлалась возможной только въ позднѣйшіе годы и вызвала появленіе нѣкоторыхъ матеріаловъ и изслѣдованій касательно этой эпохи. Въ 1880 году появилось начало труда М. Ригера (M. Rieger), посвященнаго жизни и дѣятельности перваго попечителя университета Клингера [1]). 20-я глава II тома этого сочиненія („Dörptische Dinge") посвящена изложенію событій изъ жизни Клингера во время его попечительства въ Дерптскомъ округѣ; авторъ передаетъ тутъ немало любопытныхъ подробностей о Дерптскомъ университетѣ и его дѣятеляхъ, пользуясь частію печатными источниками, частію хранящимися въ университетской библіотекѣ бумагами изъ собранія проф. Моргенштерна; наиболѣе цѣнная часть этого послѣдняго источника, въ видѣ писемъ Клингера къ Моргенштерну, вошла въ подлинномъ видѣ въ III-ій, добавочный, томъ (Briefbuch) труда Ригера, гдѣ напечатаны также: часть переписки Г. Ф. Паррота съ Клингеромъ, письма Клингера къ ректору Гринделю, письма его къ генералъ-суперинтенденту Зонтагу и нѣсколько попечительскихъ офиціальныхъ предписаній по университетскимъ дѣламъ; всѣ эти матеріалы извлечены изъ архивовъ въ Ригѣ и Дерптѣ. Ранѣе того напечатанная рѣчь въ Рижскомъ Историческомъ Обществѣ фонъ-Бракеля (Harald v. Brackel) о Клингерѣ [2]),

---

(стр. 133). Но сочиненіе это осталось ненаписаннымъ или, по крайней мѣрѣ, не появилось въ печати. Результатомъ историческаго интереса проф. Буша къ университету явился упоминаемый ниже трудъ его о князѣ Ливенѣ.

1) Friedrich Maximilian Klinger. Sein Leben und Werke. Dargestellt von M. Rieger. Th. 1—II, mit einem Briefbuch. Darmstadt, 1880—1896.

2) Ueber Friedrich Maximilian von Klinger als Menschen und Staatsbürger, въ Inland 1853, №№ 3—5.

представляя собою отрывокъ изъ неоконченной и оставшейся неопубликованной біографіи его, даетъ лишь общую характеристику послѣдняго, при томъ въ панегирическомъ духѣ, преимущественно по личнымъ воспоминаніямъ автора, и не заключаетъ въ себѣ почти ничего о Клингерѣ какъ попечителѣ; ничего не даетъ въ послѣднемъ отношеніи о Клингерѣ также и небольшая статья фонъ-Сиверса[1]). По связи съ личностью Клингера, въ названномъ сочиненіи Ригера имѣются кое-какія данныя и о его сотрудникѣ, профессорѣ Г. Ф. Парротѣ, знаменитомъ ректорѣ Дерптскаго университета. Настоящей, полной біографіи Паррота до сихъ поръ не имѣется. Біографическая статья о немъ В. Глезера (W. H. Chr. Gläser)[2]) даетъ касательно Паррота лишь разсказъ объ его отношеніяхъ къ Сперанскому, да и то на основаніи извѣстнаго труда барона Корфа о графѣ Сперанскомъ. Интересная переписка Паррота съ Императоромъ Александромъ I и письма его къ Императору Николаю I въ достаточномъ объемѣ сдѣлались извѣстны лишь въ сравнительно недавнее время благодаря Фр. Бинеману[3]), извлеченія изъ опубликованныхъ матеріаловъ котораго сдѣланы, для русской публики, М. Е. Мардарьевымъ[4]); но въ этой перепискѣ дѣло идетъ о разнаго рода государственныхъ вопросахъ, главнымъ образомъ о вопросахъ просвѣщенія, и Дерптскаго университета непосредственно письма эти касаются весьма мало.

Перу г. Бинемана принадлежитъ и начало очень хорошей біографіи Паррота, доведенной пока лишь именно

1) Friedrich Maximilian von Klinger (1753—1831). Von Jegór von Sivers, въ Inland 1854, №№ 36 и 37.

2) Der erste Rector der Dorpater Deutschen Universität (1812), въ Livländische Hefte. 1 Heft, Januar 1876. Lübeck 1876, стр. 1—28.

3) Aus dem Briefwechsel G. Fr. Parrot mit Kaiser Alexander I. Deutsche Revue über das gesammte nationale Leben der Gegenwart, 1894, B. IV, стр. 161—175, 318—336; Ein Freiheitskämpfer unter Kaiser Nicolaus I. Тамъ же, 1895, B. I, стр. 100—114, 224—235.

4) Письма и записки Георга-Фридриха Паррота къ императорамъ Александру I и Николаю I. Русская Старина 1895, № 4.

до времени вступленія Паррота на службу въ Дерптскій университетъ [1]).

О второмъ попечителѣ Дерптскаго университета, князѣ Ливенѣ, и его управленіи университетомъ и округомъ вышелъ въ 1846 году трудъ профессора Буша (Friedrich Busch) [2]), богатый по положенному въ него и особенно сосредоточенному въ „прибавленіяхъ“ и „примѣчаніяхъ“ матеріалу, но написанный въ панегирическомъ тонѣ. Тутъ имѣются и нѣкоторыя свѣдѣнія о ректорѣУставѣ Эверсѣ, сотрудникѣ князя Ливена по университету, также, подобно Парроту, не имѣющемъ доселѣ полной біографіи. Опубликованная часть переписки князя Ливена съ Г. Фр. Парротомъ, что составляетъ также заслугу г. Бинемана [3]), даетъ нѣсколько интересныхъ подробностей для характеристики личности князя Ливена, какъ человѣка и какъ администратора, особенно въ отношеніи къ Дерптскому университету.

Ко времени десятыхъ и двадцатыхъ годовъ относятся воспоминанія нѣкоторыхъ студентовъ о порѣ своего университетскаго ученья въ Дерптѣ. Между ними первое мѣсто, безспорно, принадлежитъ воспоминаніямъ знаменитаго натуралиста К. Э. Бера [4]), изучавшаго въ Дерптѣ въ 1811—1814 гг. медицину и естественныя науки; тутъ можно найти [5]) интересныя свѣдѣнія о многихъ профессорахъ того времени, особенно медицинскаго факультета, о студенческой жизни, о возникновеніи корпорацій. Къ 1809—1811 годамъ

1) Georg Friedrich Parrot's Jugendleben (1767—1801). Von Friedrich Bienemann. Separat-Abdruck aus der „St. Petersburger Zeitung“. St.-Petersburg 1897.

2) Der Fürst Karl Lieven und die Kaiserliche Universität Dorpat unter seiner Oberleitung. Denkschrift von Dr. Friedrich Busch. Dorpat und Leipzig 1846.

3) Briefe des Fürsten Carl Lieven. Mitgetheilt von Friedrich Bienemann, въ Baltische Monatsschrift B. XLII. Reval 1895, стр. 192—204, 265—280, 422—438.

4) Nachrichten über Leben und Schriften des Herrn Geheimraths Dr. Karl Ernst von Baer, mitgetheilt von ihm selbst. S.-Petersburg 1866. Zweite Ausgabe, Braunschweig 1866.

5) По второму изд. стр. 109—148.

относятся воспоминанія фонъ-Рейнталя[1]), весьма краткія, но съ интересными указаніями на тогдашній бытъ и настроеніе Дерптскаго студенчества. Къ тому же времени относятся и отрывки изъ дневника одного студента-медика (Jul. H. Aur. Schmidt, изъ Саксоніи)[2]), которые, среди подробностей чисто личной жизни простодушнаго и откровеннаго автора, даютъ любопытныя черты домашней жизни нѣкоторой части студенчества, ихъ отношеній къ своимъ квартирнымъ хозяевамъ и вообще къ городскимъ жителямъ Дерпта. Свѣдѣнія эти дополняются воспоминаніями К. Фр. Бурдаха[3]), который провелъ въ Дерптѣ, въ качествѣ профессора анатоміи, физіологіи и судебной медицины, время съ 1811 по 1814 годъ: въ яркихъ чертахъ изображаетъ онъ свою Дерптскую жизнь, отношенія къ товарищамъ-профессорамъ, къ студентамъ, къ городскому обществу, къ начальству. Отъ 1814 года остались путевыя письма изъ Дерпта У. фонъ-Шлиппенбаха, бывшаго въ 1798 году представителемъ Пильтенскаго дворянства на совѣщаніяхъ въ Митавѣ по вопросу объ основаніи университета въ Остзейскомъ краѣ. Тутъ[4]), въ спокойномъ и довольно безпристрастномъ изложеніи, передаются свѣдѣнія объ университетѣ, профессорахъ и студентахъ, о городѣ Дерптѣ и общественной его жизни. Къ началу 20-хъ годовъ относятся опубликованныя В. Грейфенгагеномъ[5]) отрывки изъ воспоминаній одного студента-медика, небезынтересныя по

1) E. v. Reinthal, Jugenderinnerungen, mit Einblick in die Gegenwart. Inland 1862, № 17.

2) Aus dem Tagebuch eines Dorpater Studenten. Geschrieben in den Jahren 1809 und 1810. Dorpat 1872.

3) Rückblick auf mein Leben. Selbstbiographie von Karl Friedrich Burdach. Leipzig 1848, стр. 215—275.

4) Erinnerungen von einer Reise nach St.-Petersburg im Jahre 1814. Von Ulrich Freiherrn von Schlippenbach. Th. II: Briefe aus Dorpat und Riga. Hamburg 1818, стр. 15—54.

5) W. Greifenhagen, Bilder aus dem Dorpater Universitätsleben zu Anfang der zwanziger Jahre. Rigascher Almanach für 1891. Riga, стр. 1—25.

сообщаемымъ имъ свѣдѣніямъ о бытѣ студентовъ и объ образованіи корпорацій. Этимъ же характеромъ отличаются и къ тому же времени относятся воспоминанія П. Э. фонъ-Фока, Ф. В. Вальтера, А. В. Гиппіуса, А. Гершельмана, Г. В. Витте, барона А. А. Врангеля, писанныя въ 1871 году, и Э. Э. фонъ-Нотбека, писанныя въ 1897 году, которыя опубликованы изъ архива корпораціи „Эстонія“ [1]). Вторую половину 20-хъ годовъ захватываютъ воспоминанія Э. Андерса [2]), бывшаго впослѣдствіи библіотекаремъ Дерптской университетской библіотеки; воспоминанія эти написаны авторомъ въ глубокой старости и хотя блещутъ юморомъ и остроуміемъ, отличавшими автора съ раннихъ лѣтъ его жизни, но заключаютъ въ себѣ гораздо болѣе чертъ анекдотическихъ, нерѣдко весьма занимательныхъ и характерныхъ, нежели положительныхъ указаній. Къ концу 20-хъ годовъ примыкаютъ воспоминанія Ю. К. Арнольда [3]), извѣстнаго впослѣдствіи теоретика-музыканта, заключающія интересныя подробности о нѣкоторыхъ представителяхъ тогдашней русской колоніи въ Дерптѣ, прикосновенныхъ къ университету, и вообще о студенческой жизни того времени. Къ 1828—1829 годамъ относятся и письма профессора Фр. Гебеля къ женѣ, съ любопытными подробностями объ университетѣ, профессорахъ, студентахъ и объ общественной жизни въ тогдашнемъ Дерптѣ [4]). Къ 20-мъ и отчасти 30-мъ годамъ относятся воспоминанія о студенческой, главнымъ образомъ корпораціонной, жизни А. Дуборга, Ф. Р. Крейцвальда и Г. І. Шульца [5]).

---

1) Nachträge zum Album Estonorum. 2 Heft. 1899, стр. 23—64.

2) Erinnerungen des Bibliothekars Emil Anders (1810—1840), nebst einer Biographie und Charakteristik des Verfassers, herausgegeben von L. v. Schröder. Baltische Monatsschrift. B. XXXIX. 1892, стр. 32—40, 89—105, 146—160, 214—233, 285—301.

3) Арнольдъ, Ю. К. Воспоминанія В. І. М. 1892, стр. 112—169.

4) Friedemann Goebel, Briefe aus alter Zeit. Von Jena an den Embach. Neue Dörptsche Zeitung 1895, №№ 106—137.

5) Nachträge zum Album Estonorum. 3 Heft. 1901, стр. 21—45.

Наконецъ, перечень этихъ матеріаловъ можно дополнить еще указаніемъ на сочиненіе извѣстнаго А. Коцебу[1]), гдѣ помѣщено нѣсколько бѣглыхъ замѣчаній путешественника о Дерптскомъ университетѣ въ первые годы его существованія.

Въ 1852 году университетъ праздновалъ 50-лѣтіе со дня своего основанія. Подобно первому юбилею, и этотъ второй вызвалъ со стороны университета два изданія. Первое изъ нихъ, вышедшее подъ редакціей профессора А. фонъ-Бунге[2]), заключаетъ въ себѣ: описаніе двухдневнаго юбилейнаго торжества, съ относящимися сюда документами (стр. III—XXXIV), проповѣди въ Ивановской церкви проф. А. Христіани и проф. Т. Гарнака (3—6, 9—18), историческое сообщеніе ректора Э. Гафнера о полувѣковой дѣятельности университета (21—49), рѣчь профессора астрономіи Г. Медлера (53—71) и объявленіе ректора о лицахъ, избранныхъ въ почетные члены университета (75—80); въ приложеніи къ книгѣ помѣщены личный составъ университета къ концу 1852 года и статистическія таблицы за 1802—1852 гг. о награжденныхъ медалями и объ удостоенныхъ ученыхъ степеней и званій[3]). Къ этой книгѣ имѣлось въ виду присоединить описаніе университетскихъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій въ томъ состояніи, въ какомъ они находились къ концу 1852 года, подобно тому, какъ это было сдѣлано къ юбилею 1827 года; но предпріятіе это не было осуществлено, и результатомъ его осталась лишь анонимная статья объ университетской библіотекѣ[4]). Второе изданіе,

1) Aug. Kotzebue, Erinnerungen von einer Reise aus Liefland nach Rom und Neapel. Th. I. Berlin 1805, стр. 17—23.

2) Das zweite Jubelfest der Kaiserlichen Universität Dorpat. Fünfzig Jahre nach ihrer Gründung, gefeiert am 12 und 13 December 1852. Dorpat 1853.

3) Кромѣ того, описаніе юбилейныхъ торжествъ напечатано было въ разныхъ газетахъ, напр. въ Inland 1852 №№ 51, 52, 1853 №№ 1, 2, 8, 49; Dörptsche Zeitung 1852 №№ 198, 199, 200; Zuschauer 1852 №№ 7262—65; St. Petersburger Zeitung 1853 №№ 1—5.

4) Die wissenschaftlichen Sammlungen, Institute und Cabinette

принадлежащее перу университетскаго синдика Ѳ. Бейзе [1]), является съ характеромъ исключительно историческимъ. Пользуясь отчасти архивнымъ, но главнымъ образомъ печатнымъ матеріаломъ, авторъ этого сочиненія даетъ, послѣ „введенія" о городѣ Юрьевѣ-Дерптѣ, о латино-шведскомъ университетѣ и объ обстоятельствахъ, непосредственно предшествовавшихъ открытію университета въ 1802 году (стр. 1—30), въ хронологическомъ изложеніи перечень постепенно смѣнявшихъ одинъ другого представителей различныхъ каѳедръ по всѣмъ факультетамъ, сопровождая этотъ перечень замѣчаніями о разныхъ возникавшихъ или прекращавшихъ свою дѣятельность университетскихъ учрежденіяхъ. Трудъ этотъ, раздѣленный внѣшнимъ образомъ на двѣ части, по двумъ двадцатипятилѣтіямъ (стр. 31—96, 97—168), совершеннно лишенъ описательнаго элемента (въ противоположность одному изъ юбилейныхъ изданій 1827 года) и ничего не говоритъ о студентахъ. Отличаясь главнымъ образомъ біографическимъ и библіографическимъ характеромъ, выполненная довольно тщательно, работа Бейзе во всякомъ случаѣ являетея важнымъ и полезнымъ источникомъ для знакомства съ прошлымъ Дерптскаго университета въ первыя 50 лѣтъ его существованія. Къ сожалѣнію, отсутствіе указателя и даже оглавленія дѣлаетъ весьма затруднительнымъ обращеніе къ ней за справками. Содержаніе этой книги Бейзе довольно подробно изложено было М. Х. (Отинскимъ) по-русски [2]).

---

der Universität beim Jahresschlusse 1852. I. Die Universitätsbibliothek. — Эта статья извѣстна лишь въ отдѣльномъ, весьма рѣдкомъ, оттискѣ; форматъ, печать и счетъ страницъ, съ 89 по 111, указываютъ на предположенную принадлежность ея къ изданію „Das zweite Jubelfest", гдѣ именно приложенія начинаются съ 89-ой страницы; безъ сомнѣнія, эту брошюру имѣлъ въ виду Винкельманъ въ Bibl. Liv. Hist., 2 изд. № 2829.

1) (Th. Beise). Die Kaiserliche Universität Dorpat während der ersten fünfzig Jahre ihres Bestehens uud Wirkens. Denkschrift zum Jubelfeste am 12 und 13 December 1852, Dorpat (1852).

2) Очеркъ исторіи Императорскаго Дерптскаго университета,

Изъ другихъ матеріаловъ, касающихся Дерптскаго университета въ 30-хъ и 40-хъ годахъ, должно указать въ особенности на воспоминанія знаменитаго хирурга Н. И. Пирогова, воспитанника Профессорскаго Института въ Дерптѣ (1827—1833), а затѣмъ профессора Дерптскаго университета (1836—1840)[1]). Эти воспоминанія, при чрезвычайной ихъ правдивости, при яркомъ, высоко-талантливомъ изложеніи, несмотря на всю свою литературную „неотдѣланность", отличаются необыкновеннымъ богатствомъ содержанія, захватывая широкую сферу явленій тогдашней Дерптской университетской жизни, выводя на сцену много замѣчательныхъ лицъ и освѣщая все это тѣмъ особымъ свѣтомъ исключительнаго ума, геніальнаго пониманія людей и событій и той безграничной искренностью, которыя составляли отличительныя свойства духовнаго и литературнаго склада ихъ автора. Рядомъ съ этимъ, чрезвычайно важнымъ, источникомъ, приходится лишь для полноты упомянуть о воспоминаніяхъ графа В. А. Соллогуба, бывшаго студентомъ Дерптскаго университета въ 1830—1833 годахъ[2]), о бѣглыхъ замѣткахъ извѣстнаго Ѳ. В. Булгарина объ университетѣ и нѣкоторыхъ профессорахъ его, относящихся къ веснѣ 1835 года[3]), а также объ описатель-

---

со времени основанія его въ 1802 году. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1853, №№ 2 и 8.

1) Вопросы жизни. Дневникъ стараго врача, 1879—1881. Русская Старина, т. XLV, 1885, и отдѣльно: Сочиненія Н. И. Пирогова. Т. I. Спб. 1887, 2 изд. Спб. 1900. На нѣмецкомъ языкѣ воспоминанія Пирогова о Дерптѣ см. въ статьѣ: F. Waldmann, Pirogow's Erinnerungen an Dorpat, въ Baltische Monatsschrift, B. XL. 1893, стр. 20—44, 93—108, 204—219, а также въ отдѣльномъ изданіи: A. Fischer, Nic. Iwan. Pirogow. Lebensfragen. Tagebuch eines alten Arztes. Aus dem Russischen. Stuttgart 1894.

2) Воспоминанія графа В. А. Соллогуба. Спб. 1887, стр. 108—112, 119—120, 275—276.

3) Прогулка по Ливоніи, въ „Сочиненіяхъ Ѳ. Булгарина", ч. III. Спб. 1836, стр. 434—464.

ныхъ очеркахъ I. Г. Коля[1]), пастора Карла Брандта[2]) и Эдуарда Озенбрюггена[3]), касающихся Дерпта и университета въ 1840-хъ годахъ; извѣстный интересъ имѣютъ для 40-хъ годовъ и воспоминанія пастора К. Мауреха, касающіяся нѣкоторыхъ изъ тогдашнихъ профессоровъ богословскаго факультета и явленій студенческой, преимущественно корпораціонной, жизни[4])

Здѣсь же должно упомянуть о статьяхъ: проф. Моргенштерна, давшаго нѣкоторыя свѣдѣнія о дѣятельности Учительскаго Института и преобразованной изъ него Педагогическо-филологической Семинаріи[5]), Г. Ф. Шмидта — о Профессорскомъ Институтѣ въ Дерптѣ[6]), проф. фонъ-Мадаи — съ изложеніемъ извѣстнаго дѣла профессора Ульмана и его юридической оцѣнкой[7]) и двухъ статей въ извѣстномъ сборникѣ „**Fünfzig Jahre russischer Verwaltung in den baltischen Provinzen, Leipzig 1883**“[8]), представляющихъ небезынтересный матеріалъ для исторіи университета въ 1830-хъ и 1840-хъ годахъ; лишь для полноты упомянемъ

1) Die deutsch-russischen Ostseeprovinzen oder Natur- und Völkerleben in Kur-, Liv- und Esthland. Von J. G. Kohl. Th. I. Dresden und Leipzig 1841, стр. 250—268.

2) (Carl Brandt). Reminiscenzen aus meiner Vergangenheit, oder Reise-Beschreibungen eines seines Amtes entlassenen Curländischen evangelisch-lutherischen Krons-Predigers. Erstes Heft als erste Abtheilung der Reminiscenzen aus dem Jahre 1842. Reval (1844), стр. 26—44.

3) Die Universität Dorpat, въ сборникѣ: Nordische Bilder. Von Eduard Osenbrüggen. Leipzig 1853, стр. 205—242.

4) Eines livländischen Pastors Leben und Streben. Kämpfen und Leiden. In seinem fünfundsiebzigsten Jahre niedergeschrieben von Carl Maurach, Pastor emeritus. Leipzig 1900, стр. 53—93.

5) Carolus Morgensternus. Narratio de nonnullis, quae antiquarum litterarum studium apud Dorpatenses adjuverint, при изданіи: Observationes criticae de tragicorum graecorum dialecto. Scribebat Carolus Köhlstaedt. Revaliae 1832, стр. XI—XXII.

6) G. F. Schmidt, Das Professoren-Institut in Dorpat, 1827—1838. Russische Revue, Jahrgang XIX. 1881, стр. 136—166.

7) Madai, C. O. Die Vorgänge in Dorpat im November 1842, въ Augsburger Allgemeine Zeitung 1843, №№ 172—173.

8) Стр. 17—42: Angriffe auf das deutsche Bildungswesen; стр. 231—235: Angriffe auf die Universität Dorpat.

здѣсь о бѣдныхъ фактическимъ содержаніемъ замѣткахъ Аврелія Буддея[1]).

Указанная до сихъ поръ литература о Дерптскомъ университетѣ въ главныхъ своихъ явленіяхъ вызвана была двумя университетскими юбилеями, въ 1827 и 1852 годахъ, предшествуя имъ, сопровождая ихъ или слѣдуя за ними и находя въ нихъ поводъ для своего появленія на свѣтъ. Послѣ 1852 года такого повода не повторилось, такъ какъ 75-лѣтіе университета, въ 1877 году, офиціально не праздновалось и оставило свой слѣдъ лишь немногими газетными статьями, объединенными тогда же въ особую брошюру[2]). Статьи эти слѣдующія: I. Aus der ältesten Geschichte der Universität (стр. 1—14). II. Die Eröffnung der Universität im Jahre 1802 (15—32). III. Die Fundations-Acte der Universität (33—41). IV. Georg Friedrich Parrot (42—47). V. Die Rectore der Universität (48—51). VI. Die Studentenschaft in ältester Zeit (52—55), и въ приложеніи: Verfassungs-Urkunde der Dörptschen Burschenschaft (I—XII); но эти статьи весьма кратки и не представляютъ собою никакихъ новыхъ разысканій по источникамъ, а являются лишь сообщеніями на указанныя темы по ранѣе извѣстнымъ матеріаламъ, за исключеніемъ развѣ помѣщеннаго въ приложеніи устава, сопровождавшаго собою попытку къ объединенію извѣстной части дерптскаго студенчества въ первой половинѣ 20-хъ годовъ.

Нѣсколько ранѣе, именно по поводу введенія въ Дерптскій университетъ новаго устава 1865 года, появился офиціальный компилятивный трудъ профессора философіи Л. Штрюмпеля[3]), напечатанный безъ имени автора и

---

1) Halbrussisches. Von Aurelio Buddeus. Leipzig 1847. По 3 изд., Leipzig 1844, Th. II, стр. 29—46.

2) (Zalle, J.). Gedenkblätter an das fünfundsiebenzigjährige Bestehen der Landesuniversität Dorpat zum 21 April 1877, gesammelt und aneinandergereiht von der Redaction des „Dorpater Stadtblattes“. Dorpat 1877.

3) Обзоръ дѣятельности Императорскаго Дерптскаго университета. На память о 1802—1865 годахъ. Составленъ по отчетамъ и донесе-

имѣвшій своей задачей въ историческомъ обозрѣніи „съ одной стороны очевиднѣе выставить значеніе этого университета въ прошедшемъ, а съ другой — послужить историческимъ основаніемъ тѣмъ ожиданіямъ, на которыя университетъ даетъ право въ будущемъ". Составленная исключительно на основаніи отчетовъ и донесеній университета попечителю округа, книга эта представляетъ расположенный въ порядкѣ факультетовъ (медицинскій стр. 5—43, физико-математическій 44—81, историко-филологическій 82—116, юридическій 117—140, богословскій 141—172) обзоръ измѣненій въ составѣ и замѣщеніи каѳедръ за указанное время, съ краткими сообщеніями объ ученой дѣятельности наиболѣе выдающихся преподавателей университета, о дѣятельности нѣкоторыхъ университетскихъ учрежденій и о диссертаціяхъ на высшія ученыя степени, защищенныхъ въ университетѣ. По характеру вошедшаго въ него матеріала, „Обзоръ" напоминаетъ указанное выше сочиненіе Бейзе, но онъ уступаетъ послѣднему въ полнотѣ матеріала и въ библіографической обстоятельности; съ внѣшней стороны онъ разнится отъ труда Бейзе по плану (въ послѣднемъ изложеніе раздѣлено не по факультетамъ, а по двумъ эпохамъ, въ предѣлахъ которыхъ всѣ факультеты разсматриваются вмѣстѣ), а сходится съ нимъ по отсутствію указателя и оглавленія, лишающему „Обзоръ" извѣстной доли своего значенія при справкахъ. Подобно труду Бейзе, „Обзоръ" совершенно не касается внутренней, бытовой стороны университетской жизни, вполнѣ умалчиваетъ о студентахъ, лишенъ какихъ бы то ни было статистическихъ и

ніямъ, представленнымъ попечителю Дерптскаго учебнаго округа. Дерптъ 1866. То же по-нѣмецки: Rückblick auf die Wirksamkeit der Universität Dorpat. Zur Erinnerung an die Jahre 1802 bis 1865. Nach den vom Curator des Dörptschen Lehrbezirks eingezogenen Berichten und Mittheilungen. Dorpat 1866. Сочиненіе это первоначально написано по-нѣмецки; редакція русскаго перевода принадлежитъ Н. А. Иванову, бывшему передъ тѣмъ (1856—1859) профессоромъ русской исторіи въ Дерптскомъ университетѣ.

другихъ подобныхъ свѣдѣній; наконецъ, самые источники, положенные въ его основаніе, представляя собою выборку почти только одного свѣтлаго или по меньшей мѣрѣ безразличнаго въ университетской жизни, даютъ „Обзору", какъ произведенію въ извѣстномъ смыслѣ формальному, лишь условное значеніе въ отношеніи вѣрнаго изображенія дѣйствительности.

При такихъ качествахъ „Обзора", весьма важнымъ дополненіемъ къ нему является работа Ю. Экарта, также посвященная Дерптскому университету съ 1802 по 1865 годъ и напечатанная два года спустя послѣ выхода въ свѣтъ „Обзора" 1). Заслуга автора этого труда заключается въ томъ, что онъ обратилъ вниманіе именно на внутреннюю жизнь университета, на характеръ господствовавшихъ въ немъ направленій, далъ мѣсто характеристикѣ студенчества, его быту, отношеніямъ его къ университету и къ окружающей средѣ. Статья г. Экарта не носитъ на себѣ характера документальности; она не цитуетъ источниковъ, а представляетъ скорѣе отдѣльныя, весьма интересно написанныя картины университетской жизни, расположенныя въ хронологическомъ порядкѣ; но автору слѣдуетъ поставить въ упрекъ недостатокъ безпристрастія въ этихъ изображеніяхъ, обусловившій его симпатіи и антипатіи, которыя могли бы оказаться въ противорѣчіи съ данными дѣйствительности при нѣсколько иной общей точкѣ зрѣнія на дѣло.

Наконецъ, въ этомъ ряду болѣе или менѣе общихъ сочиненій о Дерптскомъ университетѣ нельзя обойти молчаніемъ и книгу, вышедшую анонимно заграницей и принадлежащую перу одного изъ мѣстныхъ писателей Остзей-

1) Первоначально напечатана была, безъ имени автора, подъ заглавіемъ „In Dorpat" въ Rigascher Almanach für 1868. Riga, стр. 1—34; потомъ, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, вошла въ извѣстный сборникъ статей автора: Julius Eckardt. Die Baltischen Provinzen Russlands. Politische und culturgeschichtliche Aufsätze. Leipzig 1868, подъ заглавіемъ „Die Universität Dorpat", стр. 383—419, а по второму изданію (Leipzig 1869) стр. 361—397.

скаго края [1]). Сочиненіе это предпринято по довольно обширному плану: сначала авторъ даетъ въ немъ краткій историческій очеркъ Прибалтійскихъ губерній (стр. 1—4), потомъ исторію шведскаго университета въ Дерптѣ и Перновѣ (5—20), общую исторію университета въ Дерптѣ съ 1802 по 1882 годъ (21—66), хронологически разсматриваетъ составъ каждаго факультета (67—97), предлагаетъ историческій очеркъ студенчества (98—129), затѣмъ подводитъ итоги сказанному (130—134) и въ концѣ развиваетъ мысли о современномъ состояніи университета и о его желательной будущности (135—161). Какъ литературное произведеніе, написанное очень живо и занимательно, книга „Die deutsche Universität Dorpat“ не лишена своего значенія; она даетъ картину прошлаго и современнаго, къ моменту своего появленія, состоянія университета въ разныхъ отношеніяхъ. Но насколько это сочиненіе имѣетъ значеніе въ отношеніи историческомъ, насколько представленная авторомъ картина вѣрна дѣйствительности — это другой вопросъ. Въ интересахъ историческаго безпристрастія достойно сожалѣнія, что талантливый авторъ усвоилъ въ своемъ изложеніи ту характеризуемую духомъ религіозной и національной нетерпимости точку зрѣнія, которая лишила названный трудъ значительной доли его исторической цѣны; это — не „историческая студія“, а скорѣе памфлетъ, написанный на подкладкѣ наскоро собраннаго и односторонне истолкованнаго историческаго матеріала.

Здѣсь умѣстно также указать на одинъ эпизодъ изъ мѣстной журнальной полемики по поводу Дерптскаго университета, не лишенный историческаго значенія и интереса. Въ 1872 году, въ одномъ изъ остзейскихъ журналовъ, „Baltische Monatsschrift“, появилось начало статьи [2], въ

1) Die deutsche Universität Dorpat im Lichte der Geschichte und der Gegenwart. Eine historische Studie auf dem Gebiete östlicher Culturkämpfe. Leipzig 1882. То же: Dritte, bedeutend vermehrte und erweiterte Auflage. Leipzig 1882.

2) Plaudereien eines Heimgekehrten I. Bemerkungen über zwei

которой не подписавшій своего имени авторъ, возвратившись изъ заграницы на родину и разбирая нѣкоторыя особенности культурной жизни Остзейскаго края, съ особымъ вниманіемъ останавливается на университетѣ и приходитъ къ грустнымъ заключеніямъ: студенты мало учатся, но много веселятся и безвозвратно тратятъ лучшіе годы своей жизни на легкомысленную болтовню, фехтовальныя упражненія, сборища и попойки; профессора также лѣнятся, мало занимаются наукой, мало пишутъ и издаютъ и, поглощенные самодовольствомъ и исключительнымъ „лифляндскимъ партикуляризмомъ“, уклоняются, къ ущербу интересовъ университета, отъ общенія съ научной жизнью Германіи. Статья еще не была закончена, какъ, по поводу приведенныхъ сужденій автора объ университетѣ, въ томъ же журналѣ послѣдовало возраженіе со стороны профессора А. Бетхера[1]), который старался снять обвиненіе въ бездѣятельности по крайней мѣрѣ съ представителей медицинскаго факультета, къ которому самъ принадлежалъ, а затѣмъ, признавая въ общемъ небезосновательными упреки противника относительно студентовъ, высказалъ мысль, что въ этомъ виноваты во всякомъ случаѣ не профессора, и что успѣхъ учебной дѣятельности университета зависитъ столько же отъ профессоровъ, сколько и отъ студентовъ. Далѣе, въ журналѣ помѣщено было продолженіе начатой статьи[2]), подъ которой уже подписано было имя автора — К. фонъ-Гена (C. v. Hehn), а за нею, со стороны редакціи журнала[3]), возраженія на высказанныя ранѣе пессимистическія заключенія о культурныхъ и литературныхъ успѣхахъ въ Остзей-

---

livländische Vorzüge. II—III. Ueber baltisches Schriftstellerthum. Baltische Monatsschrift. B. XXI. 1872, стр. 181—188, 285—291, 382—389.

1) Prof. Arthur Böttcher, Offener Brief an den heimgekehrten Plauderer. Balt. Mon. B. XXI. стр. 390—400.

2) IV. Ueber baltisches Schriftstellerthum, стр. 471—478.

3) Plaudereien über Plaudereien. Von der Redaction an den heimgekehrten Plauderer, стр. 479—488.

скомъ краѣ: редакція находитъ эти заключенія неосновательными или преувеличенными и въ доказательство ссылается на факты, игнорируемые противникомъ. Послѣ того, въ полемику вступаетъ четвертый участникъ, написавшій, по поводу указанія профессора Бетхера о значительной винѣ студентовъ въ малыхъ учебныхъ успѣхахъ Дерптскаго университета, возраженіе, безъ подписи своего имени [1]); признавая нѣкоторыя дѣйствительно слабыя стороны студенческой жизни и не отрицая недостаточныхъ результатовъ университетскаго ученья въ Дерптѣ, авторъ старается однако же доказать, что гораздо большая часть вины въ этомъ падаетъ на преподавательскую корпорацію университета, на скудость учебныхъ пособій и другія неблагопріятныя обстоятельства, устраненіе которыхъ зависитъ скорѣе отъ профессоровъ, нежели отъ студентовъ. Въ послѣдовавшей затѣмъ заключительной главѣ своихъ очерковъ [2]) Генъ, отвѣчая на сдѣланныя ему возраженія, старается снять съ себя обвиненіе въ крайностяхъ, которыхъ онъ не высказывалъ и которыя приписали ему его противники, но въ общемъ онъ остается при прежнемъ мнѣніи по затронутымъ вопросамъ. Примирительное замѣчаніе къ этой части статьи со стороны редакціи [3]) положило конецъ полемикѣ, имѣющей теперь несомнѣнный историческій интересъ, какъ живое свидѣтельство современниковъ, обсуждавшихъ одинаково для всѣхъ ихъ важный вопросъ съ разныхъ точекъ зрѣнія.

Позднѣе, уже въ эпоху реформы университета, въ смыслѣ сближенія его съ остальными университетами имперіи, имѣла мѣсто тоже не лишенная историческаго интереса полемика между А. С. Будиловичемъ и Г. фонъ-Эттингеномъ [4]), при чемъ обсуждался и освѣщался ис-

1) Ein Wort über die Universität Dorpat und ihre Schüler, als Antwort auf Herrn Professor Arthur Böttcher's „Offenen Brief an den heimgekehrten Plauderer", стр. 514--528.

2) Zur Abwehr und Verständigung, стр. 573—585.

3) Стр. 585—587.

4) А. Будиловичъ, Историческая замѣтка о бюджетныхъ

торическими справками и соображеніями вопросъ о Дерптскомъ-Юрьевскомъ университетѣ, его образовательныхъ и культурныхъ средствахъ до реформы въ названномъ направленіи и послѣ нея. По содержанію трактуемаго вопроса примыкаютъ къ этой полемикѣ, хотя и явились независимо отъ нея, статьи гг. Н—ва и В. Ф. 1), также посвященныя сравнительной характеристикѣ двухъ разныхъ эпохъ Дерптскаго-Юрьевскаго университета, но въ собственномъ смыслѣ историческаго матеріала заключающія въ себѣ весьма мало.

По спеціальному вопросу о мѣстѣ происхожденія профессоровъ Дерптскаго университета, т. е. откуда они были вызваны на службу въ Дерптъ, имѣются тщательныя разысканія проф. Л. Мейера, первоначально опубликованныя въ 1875 году 2) и позднѣе явившіяся въ значительно дополненномъ и переработанномъ видѣ 3).

По вопросу о роли русскаго языка, какъ языка преподаванія и дѣлопроизводства въ университетѣ, должно указать здѣсь на основанный на документахъ трудъ проф.

отношеніяхъ Юрьевскаго университета, въ Ж. М. Н. Пр. 1895 № 9 и отдѣльно: Спб. 1895; Г. фонъ-Эттингенъ, Отвѣтъ ректора Дерптскаго университета ректору Юрьевскаго университета. „С.-Петербургскія Вѣдомости" 1897 № 71; А. Будиловичъ, Юрьевскій университетъ (нѣсколько документальныхъ справокъ по содержанію: „Отвѣтъ бывшаго ректора Дерптскаго университета ректору Юрьевскаго университета"). „Рижскій Вѣстникъ" 1897 и отд. Рига 1897; Г. фонъ-Эттингенъ, Еще о Дерптскомъ и Юрьевскомъ университетѣ. „С.-Петербургскія Вѣдомости" 1897, № 142; А. Будиловичъ, Еще два слова о балтскихъ взглядахъ на Юрьевскій университетъ. „Рижскій Вѣстникъ" 1897, №№ 149—150.

1) Н—въ, Университетъ Дерптскій и Юрьевскій, въ „Русскомъ Вѣстникѣ" 1895, № 11, стр. 32—71; В. Ф. Изъ Юрьева, въ „Русскомъ Обозрѣніи" 1896, № 6, стр. 870—876.

2) Meyer, Leo, Ueber Personalgeschichte der Universität Dorpat. Neue Dörptsche Zeitung 1875 №№ 21—22 и отд. Dorpat 1875, а также въ Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft zu Dorpat, 1875 (D. 1876), стр. 6—17, 83—84.

3) Zur Personalgeschichte der Universität Dorpat. Neue Dörptsche Zeitung 1886 №№ 31—32 и отд. Dorpat 1886, а также: Ueber die Herkunft der Professoren der Universität, въ Sitzungsberichte der Gel. Estn. Ges. zu Dorpat, 1886 (D. 1887), стр. 1—27. Въ извѣстномъ смыслѣ дополненіемъ къ этой работѣ проф. Л. Мейера явля-

А. С. Будиловича[1]); историческія данныя о русскомъ языкѣ какъ предметѣ преподаванія въ университетѣ собраны нами[2]).

Что касается дерптскаго студенчества, то вопросъ этотъ офиціальными историками университета почти совершенно не затрогивался, да и въ трудахъ неофиціальныхъ является онъ довольно поздно. Впрочемъ, въ виду той связи, которая существовала между учащимися въ университетѣ съ одной стороны и университетскимъ преподавательскимъ персоналомъ, администраціей и разнаго рода университетскими учрежденіями — съ другой, естественно, что во многихъ изъ указанныхъ выше матеріаловъ свѣдѣнія о студентахъ занимаютъ все-таки извѣстное мѣсто; особенно это слѣдуетъ сказать о воспоминаніяхъ — какъ профессоровъ (Бурдахъ, Пироговъ), такъ и самихъ бывшихъ студентовъ (Беръ, Рейнталь, Андерсъ), о трудѣ г. Экарта, о сборникѣ газетныхъ статей по поводу 75-лѣтія университета.

Первымъ изъ литературныхъ предпріятій, посвященныхъ спеціально студенчеству въ Дерптѣ, былъ юбилейный альбомъ 1852 года, составленный на основаніи архивнаго матеріала и представлявшій собою перечень всѣхъ имматрикулированныхъ студентовъ Дерптскаго университета, со времени его основанія въ 1802 году, съ краткими указаніями времени пребыванія каждаго изъ нихъ въ университетѣ, факультета или факультетовъ, на которыхъ студентъ

ются позднѣйшія воспоминанія его объ обстоятельствахъ своего собственнаго перехода изъ Геттингена въ Дерптъ, а отчасти и о дѣятельности въ послѣднемъ, особенно по отношенію къ Эстонскому Ученому Обществу: Persönliches, mit besonderem Hinblick auf die Gelehrte Estnische Gesellschaft въ „Nordlivländische Zeitung" 1899 №№ 61—63.

1) А. С. Будиловичъ. Объ успѣхахъ русскаго языка въ Юрьевскомъ университетѣ въ истекающемъ столѣтіи. Юрьевъ 1899.

2) Каѳедра русскаго языка и словесности въ Юрьевскомъ (Дерптскомъ) университетѣ. Составилъ по архивнымъ и печатнымъ матеріаламъ Е. В. Пѣтуховъ. Юрьевъ 1900, стр. 3—25.

былъ записанъ, и нѣкоторыхъ свѣдѣній изъ послѣдующей служебной или общественной ихъ дѣятельности, до смерти включительно [1]); въ слѣдующемъ 1853 году вышло уже второе изданіе этого альбома [2]), давшее черезъ нѣсколько лѣтъ матеріалъ для статистической работы Г. Пфаффа [3]), въ которой впервые сдѣланъ былъ систематическій подсчетъ бывшаго дерптскаго студенчества со стороны послѣдующаго общественнаго положенія его членовъ, и тѣмъ положено начало разработки этого матеріала въ смыслѣ опредѣленія и оцѣнки того, что далъ Дерптскій университетъ остзейской и общерусской жизни, какъ источникъ высшаго образованія въ краѣ. Въ 1867 году вышло третье изданіе альбома, пополненное спискомъ студентовъ до послѣдняго времени [4]), а въ 1889 году четвертое изданіе, не только пополненное списками вновь поступившихъ въ университетъ лицъ, но и заново переработанное въ біографической своей части гг. А. Гассельблатомъ и Г. Отто [5]).

Впрочемъ, оба названныя лица не ограничились новымъ изданіемъ Альбома, на которое пришлось положить имъ очень много труда какъ по собиранію новаго, такъ и по провѣркѣ и пополненію стараго матеріала: они предприняли еще систематическую классификацію всѣхъ накопившихся въ Альбомѣ данныхъ и результаты своихъ наблюденій опубликовали въ особой книжкѣ [6]), однородной по

1) (Rummel, C. v.), Album academicum der Kaiserlichen Universität Dorpat. Zur Jubelfeier ihres fünfzigjährigen Bestehens, am 12-en December 1852. Dorpat 1852.

2) Zweite, berichtete Ausgabe. Dorpat 1853.

3) Пфаффъ, Г. Статистическіе матеріалы для опредѣленія общественнаго положенія лицъ, получившихъ образованіе въ Имп. Дерптскомъ университетѣ въ 1802—1862 г. Спб. 1862. Ср. по поводу этого изданія замѣтку J. N. „Statistisches über die Universität zu Dorpat“ въ Inland 1862 № 41.

4) Album academicum der Kaiserlichen Universität Dorpat. Dorpat 1867.

5) Album academicum der Kaiserlichen Universität Dorpat. Bearbeitet von A. Hasselblatt und Dr. G. Otto. Dorpat 1889.

6) Von den 14.000 Immatriculirten. Streifzüge in das „Album

темѣ съ упомянутой работой Пфаффа; здѣсь именно, послѣ вводныхъ статей о числѣ поступившихъ въ университетъ по пятилѣтіямъ, объ умершихъ изъ бывшихъ студентовъ и проч., вся масса нѣкогда учившихся въ университетѣ распредѣлена по разнообразнымъ категоріямъ служенія ихъ государству, наукѣ, искусству, литературѣ, обществу и т. д., при чемъ это распредѣленіе сопровождается пояснительными цифровыми таблицами, справками и нѣкоторыми обобщеніями на почвѣ интереса къ исторіи Дерптскаго университета за 1802—1889 годы. Кромѣ того, г. Гассельблатъ, на основаніи того же матеріала, представленнаго Альбомомъ, сдѣлалъ экскурсію въ область спеціальнаго вопроса — о лицахъ, удостоенныхъ медалей за сочиненія на темы, ежегодно задаваемыя факультетами ко дню университетскаго акта 12-го декабря [1]): тутъ авторъ даетъ сначала историческое обозрѣніе случаевъ присужденія медалей за время 1802—1892 годовъ, съ разныхъ точекъ зрѣнія, затѣмъ посвящаетъ особую статью получившимъ двѣ медали заразъ или нѣсколько медалей въ теченіе своего университетскаго курса; наконецъ, дѣлаетъ распредѣленіе выданныхъ медалей по факультетамъ и по мѣсту происхожденія лицъ, ихъ получившихъ.

Такъ какъ весьма видную роль въ жизни Дерптскаго студенчества играли корпораціи, то, несмотря на сравнительную замкнутость и негласность ихъ дѣятельности, въ печати имѣются нѣкоторые матеріалы о нихъ, не лишенные историческаго интереса.

На первомъ мѣстѣ стоятъ „альбомы“ отдѣльныхъ корпорацій, съ поименнымъ перечнемъ ихъ членовъ и краткими біографическими свѣдѣніями о нихъ, именно: „Estonia“ [2]),

academicum der Kaiserlichen Universität Dorpat“. Von Dr. G. Otto und A. Hasselblatt. Dorpat 1891.

1) Die Ehrenlegion der 14.000 Immatriculirten. Weitere Streifzüge in das „Album academicum der Kaiserlichen Universität Dorpat“. Von A. Hasselblatt. Jurjew (Dorpat) 1893.

2) Axel v. Gernet. Album Estonorum. Dorpat 1888. 2 изд.

„Livonia“ [1]), „Curonia“ [2]) и „Fraternitas Rigensis [3]). Затѣмъ, должны быть отмѣчены очерки по исторіи отдѣльныхъ корпорацій — въ трудахъ гг. Неандера[4]), Гернета[5]), Фере[6]). Сюда же могутъ быть отнесены и нѣкоторыя газетныя статьи и отдѣльныя изданія, съ историческими указаніями, по поводу праздновавшихся юбилеевъ корпорацій [7]), а также и безъ упомянутаго

1896. — Nachträge zum Album Estonorum. Heft 1—3. Jurjew (Dorpat) 1898—1901.

1) Th. Beise. Album Dorpato-Livonorum (Dorpat 1875). — Nachtrag zum Album Dorpato-Livonorum. Dorpat 1883. — Alex. Ammon. Album Dorpati Livonorum (1890). — Nachtrag sowie Correcturen und Ergänzungen zu dem im Jahre 1890 herausgegebenen Album Dorpati Livonorum (1897). — Album der Livonia. Zur Erinnerung an die 75-jährige Jubelfeier, mit Text. Dorpat 1898.

2) Verzeichniss der Mitglider der Curonia. Dorpat 1883. — Alex. Bernewitz. Album Curonorum. Mitau 1886.

3) Die Landesleute der Fraternitas Rigensis. Vom 21 Jan. 1823 bis 21 Jan. 1873. Dorpat 1873. — Arendt Berkholz. Album der Landesleute der Fraternitas Rigensis. 1823—1887. Riga 1888. Тоже: 1823—1898, 2-te vermehrte und verbesserte Auflage. Riga 1898.

4) Die Keimbildung der Dorpater Landsmannschaften. Eine kritisch-historische Untersuchung von Theodor Neander. Mitau 1884.

5) Geschichte der Estonia. Unter Mitwirkung von Friedrich Stillmark bearbeitet von Axel v. Gernet. Als Manuscript für die Mitglieder der Estonia gedruckt. St.-Petersburg 1893.

6) (Eduard Fehre). Geschichte der Fraternitas Rigensis. Als Manuscript für die Glieder der Fraternitas gedruckt. St.-Petersburg 1898.

7) Vor fünfundzwanzig Jahren. Aus einem alten Briefe eines Estonen über die Feier des 7 September 1871. „Neue Dörptsche Zeitung“ 1896, № 201. — Die 75-jährige Livonia-Jubelfeier. Festberichte der „Nordlivländischen Zeitung“ (Юрьевъ 1897). Тутъ приложено и Das 50-jährige Jubiläum der Livonia im Jahre 1872. Festberichte der „Neuen Dörptschen Zeitung“ (Юрьевъ 1872). — Hollander, Ed. Die Jubelfeier der Fraternitas Rigensis im Januar 1873. Leipzig 1873. — Die 50-jährige Jubelfeier der Fraternitas Rigensis im Januar 1873. „Dörptsche Zeitung“ 1873. Jan. 24 и 29. Перепечатано въ „Nordlivländische Zeitung“ 1898, №№ 14—16. — Die Feier des 75-jährigen Jubiläums der Fraternitas Rigensis 1898. „Nordlivländische Zeitung“ 1898, №№ 9, 15—24, 26. — Zur Erinnerung an das 75-jährige Jubiläum der Curonia. Der Convent seinen Philistern. Als Manuscript gedruckt. Mitau 1884. Главнымъ образомъ на основаніи этой брошюры, но также и другихъ матеріаловъ, составленъ очеркъ Д. К. Зеленина „Студенчество стараго Дерпта,“ въ „Вѣстникъ всемірной исторіи“ 1901, февраль, стр. 33—55.

повода [1]). Такъ называемому „Шаржиртенъ-конвенту“, какъ формѣ объединенія разныхъ дерптскихъ корпорацій, имѣвшему огромное значеніе въ жизни и характерѣ отдѣльныхъ студенческихъ учрежденіи Дерпта-Юрьева, посвящены труды Э. Крауса [2]) и А. Гернета [3]).

Для внѣшней и внутренней жизни дерптско-юрьевскаго студенчества представляютъ интересъ другія работы тѣхъ же гг. Гернета [4]) и Крауса [5]), а также одна статья изъ извѣстнаго сборника „Deutschprotestantische Kämpfe in den baltischen Provinzen Russlands“ (Leipzig 1888) [6]) и основанное на архивныхъ документахъ сообщеніе Е. Чешихина [7]), рисующее студенческіе нравы Дерптскаго университета въ самомъ началѣ его существованія. Обѣ послѣднія работы дали матеріалъ и поводъ къ появленію очерка А. А. Чумикова [8]). Литературные студенческіе кружки въ второе десяти лѣтіежизни университета дали матеріалъ для интереснаго изданія Фридриха Бине-

---

1) Студенческія корпораціи при Юрьевскомъ университетѣ. „Рижскій Вѣстникъ“ 1901, №№ 102—103, и отдѣльно: Рига 1901.

2) Der Dorpater Chargirten-Convent von seiner Gründung bis 1880. Eine historische Skizze von Eberhard Kraus. Sonderabdruck aus der „Neuen Dörptschen Zeitung“. Dorpat 1883. Русскій переводъ этого сочиненія: „Дерптскій Шаржиртенъ-конвентъ съ его основанія до 1880 года. Историческій очеркъ Эб. Крауса. Переводъ съ нѣмецкаго Т. Ш.“ напечатанъ въ „Прибалтійскомъ Листкѣ“ 1894 г. №№ 22, 25—30, 32—33, 41, 43.

3) Die Hauptmomente in der Geschichte des Dorpater Chargirten-Convent. Von Axel v. Gernet. „Baltische Monatsschrift“, B. XLI. 1894, стр. 375—418.

4) Das Ringen des landmannschaftlichen und burschenschaftlichen Princips in Dorpat. Eine historische Skizze. Separatabdruck aus der „Neuen Dörptschen Zeitung“. Dorpat 1893.

5) Studentische Strömungen in den vierziger Jahren. „Baltische Monatsschrift“, B. XXXV. 1888, стр. 282—314.

6) Именно III статья, стр. 195—238: „Die russische Staatsregierung und die Dorpater Studentenschaft“.

7) Студенческія безчинства въ Дерптѣ (1804), въ „Русскомъ Архивѣ“ 1887, № 10, стр. 265—281.

8) Лѣтопись забавъ и шалостей дерптскихъ студентовъ 1803—1862. „Русская Старина“ 1890 № 2, стр. 341—370, а также „Ревельскій Городской Листокъ“ 1890 №№ 83, 88—89, 96, 99.

мана[1]). Нѣсколько подробностей можно найти въ воспоминаніяхъ и замѣткахъ бывшихъ студентовъ Н. Варадинова[2]) и Павла — ва[3]). Въ извѣстномъ смыслѣ не лишены интереса и сборники рисунковъ изъ студенческаго быта названнаго выше г. Э. Крауса[4]) и Р. фонъ-Цурмюлена[5]). Имѣется также нѣсколько мелкихъ замѣтокъ спеціально о положеніи русскихъ студентовъ въ Дерптѣ къ 60-ые годы[6]). Здѣсь же должна быть упомянута брошюра анонимнаго автора „О студенческой жизни въ Дерптѣ"; первое изданіе ея[7]) вызвало полемическую отповѣдь г. Харузина[8]); во второмъ изданіи своего труда[9]) анонимный авторъ пространно отвѣчалъ на возраженія своего оппонента и вызвалъ тѣмъ новыя критическія замѣчанія со стороны послѣдняго[10]). Обмѣнъ мнѣній между обоими авторами, изъ которыхъ каждый отстаивалъ свою точку зрѣнія, касался нѣкоторыхъ особенностей студенческой жизни въ Дерптѣ, преимущест-

1) Dorpater Sängerbünde 1812—1816. Lieder aus der Jugendzeit der alma mater Dorpatensis. Herausgegeben und eingeleitet von Friedrich Bienemann. Reval 1896.

2) Объ условіяхъ университетскаго образованія, въ „Русскомъ Словѣ" 1859 № 4. По этому поводу замѣтка въ „Revaler Zeitung" 1861, № 262.

3) Изъ воспоминаній дерптскаго студента, въ „Библіотекѣ для Чтенія" 1859 № 9. Это вызвало замѣтку: Erinnerung eines Dorpater Studenten, въ „Inland" 1859 № 44, на которую послѣдовало возраженіе автора воспоминаній въ „Inland" 1860 № 10.

4) Lose Blätter aus dem Dorpater Burschenleben. Libau 1888.

5) Нѣкоторые отдѣльные листы изъ изданій: Heimische Bilder. Von R. von Zur-Mühlen (Юрьевъ 1885), малаго формата, и Dorpater Skizzen. Dorpat 1886, большого формата.

6) „Русское Слово" 1861 № 7 (Дневникъ темнаго человѣка); „Русская Рѣчь" 1861 № 57 (В. Манассеинъ, Бытъ русскихъ студентовъ въ Дерптскомъ университетѣ) и № 62 (Его же, Нѣсколько словъ о дерптскихъ студентахъ).

7) Спб. 1891.

8) Алексѣй Харузинъ. По поводу брошюры „О студенческой жизни въ Дерптѣ". М. 1891.

9) Двѣ статьи о студенческой жизни въ Дерптѣ. Спб. 1892.

10) Алексѣй Харузинъ. Къ вопросу о корпоративномъ строѣ студентовъ въ Дерптѣ. По поводу анонимной брошюры „Двѣ статьи о студенческой жизни въ Дерптѣ". Ревель 1893.

венно по сравненію съ обычаями и понятіями студенческой среды въ другихъ русскихъ университетахъ.

Наконецъ, упомянемъ тутъ и о нѣкоторыхъ фактахъ изображенія жизни Дерптскаго университета въ беллетристической формѣ. При историческомъ наблюденіи надъ прошлымъ университета, эти попытки, конечно, не могутъ быть поставлены въ ряду съ матеріалами собственно историческими, но онѣ не лишены все-таки нѣкотораго значенія, являясь какъ бы дополненіемъ и иллюстраціей къ послѣднимъ, по мѣрѣ своей фактической достовѣрности или художественной цѣнности. Таковы: очерки Г. Ю. Шульца, болѣе извѣстнаго подъ псевдонимомъ д-ра Бертрама, съ картинками университетской жизни изъ первыхъ десятилѣтій существованія университета [1]; ему же принадлежитъ сборникъ анекдотическихъ разсказовъ о профессорахъ и нѣкоторыхъ другихъ лицахъ Дерпта въ 1820-ые и 1830-ые годы [2], вызвавшій возраженіе со стороны Н. Анке, который выступилъ подъ псевдонимомъ, составленнымъ изъ обратнаго чтенія буквъ имени своего псевдонима-противника [3]; повѣсти графа В. А. Соллогуба изъ тридцатыхъ годовъ [4]; извѣстный романъ П. Д. Боборыкина „Въ путь-дорогу“ — конца пятидесятыхъ годовъ и начала шестидесятыхъ [5]; повѣсть Т. Неандера приблизительно изъ того же времени [6]; романъ

1) „Die Studenten vor fünfzig Jahren“, въ сборникѣ Baltische Skizzen oder fünfzig Jahre zurück. Von Dr. Bertram. Dorpat 1853. 2-е изд. 1857, 3-е изд. 1873: по послѣднему изданію во II томѣ, стр. 145—208, и въ III, стр. 211—257; „Ein Ball im Jahre 1804“, въ сборникѣ Gesammelte Schriften. I Band. Dorpat 1875, стр. 190—212.

2) Dorpats Grössen und Typen vor vierzig Jahren. Von Dr. Bertram. Dorpat 1868.

3) Bemerkungen zu Dr. Bertram's Flugschrift: Dorpat's Grössen und Typen vor 40 Jahren. Von Dr. Martreb. Moskwa 1868.

4) Именно, „Аптекарша“ и „Два Студента“: Сочиненія графа В. А. Соллогуба. Т. I. Спб. 1855.

5) Спб. 1864. Описаніе дерптской жизни находится въ III части романа.

6) Ein Ball ein Leben. Novelle aus weiland Dorpats Tagen. Von Theodor Neander. Leipzig 1894.

Н. Каванага[1]), разсказы Магды Карсенъ[2]), Г. Германа[3]); очерки И. Головина[4]), Г. Боссе[5]) и М. Лаврецкаго[6]); послѣднее сочиненіе вызвало появленіе брошюры г. Харузина[7]).

Вотъ — въ главныхъ чертахъ перечень того опубликованнаго въ печати матеріала, который такъ или иначе можетъ быть пригоденъ или интересенъ для наблюдателя прошлыхъ судебъ Дерптскаго-Юрьевскаго университета. Въ этомъ обзорѣ мы не имѣли въ виду безусловной полноты; нашей цѣлію было лишь точное указаніе всего болѣе или менѣе важнаго. По принятому нами плану дальнѣйшаго изложенія, которое имѣетъ въ виду охватить главные моменты жизни университета лишь въ его цѣломъ и преимущественно во внѣшнихъ отношеніяхъ этого учрежденія къ разнымъ условіямъ его существованія, мы, при указаніи матеріаловъ, ограничивались кругомъ такихъ явленій университетской жизни, которыя касаются или внѣшней исторіи университета, или если внутренней — то въ объемѣ не одного, а нѣсколькихъ факультетовъ вмѣстѣ. Поэтому, въ нашемъ перечнѣ не нашло себѣ мѣста все то, что относится къ учебной дѣятельности университета въ узкомъ смыслѣ; ни исторія факультетовъ или факультетскихъ учеб-

1) Ein Jugendleben. Roman aus Livland. Von Norman Kavanagh, въ Nordische Rundschau. B. III. Reval 1885, Heft 5—6.

2) „Lizzie's erster Ball", въ сборникѣ: Skizzen. Von Magda Kaarsen. Reval 1895, стр. 23—72.

3) Ich hatte einst ein schönes Vaterland. Novellen von H. Hermann. Dresden und Leipzig 1900, стр. 101—150, 151—188.

4) Iwan Iwan Golowin, Russische Charaktere B. II. Grimma 1847, стр. 3—15: Der Dorpater Student.

5) (Heinrich Bosse), Skizzen aus Dorpat. Von einem alten Dorpater Studenten. Первоначально напечатаны были въ Rigasche Zeitung 1861, а потомъ отдѣльно: Dorpat 1862, 2 изд. Riga 1897.

6) М. Лаврецкій, Городъ студентовъ. Бытовыя картинки стараго Дерпта. Ревель 1891.

7) Алексѣй Харузинъ. Городъ студентовъ. По поводу брошюры М. Лаврецкаго „Городъ студентовъ; бытовыя картинки стараго Дерпта". Ревель 1891.

но-вспомогательныхъ и иныхъ учрежденій, ни жизнь или ученая и учебная дѣятельность преподавателей въ данномъ случаѣ не имѣлись нами въ виду. Въ большинствѣ случаевъ, обойдены нами молчаніемъ также и тѣ продукты текущей университетской печатной литературы, въ видѣ рѣчей и т. п., которые въ свое время не имѣли историческаго характера и задачи. Кромѣ того, мы почти совершенно оставили въ сторонѣ, при нашемъ перечнѣ, газетную и легкую журнальную литературу послѣднихъ десятилѣтій, въ особенности въ изобиліи сопровождавшую собою процессъ реформы университета въ смыслѣ сближенія его съ остальными русскими университетами: нося на себѣ большею частію полемическій, нерѣдко страстный, характеръ, эта литература въ большей своей части лишена историческаго значенія; тѣмъ не менѣе о нѣкоторыхъ, наиболѣе цѣнныхъ или характерныхъ, явленіяхъ этого рода мы все-таки сочли нужнымъ упомянуть.

Но не найдя себѣ мѣста въ приведенномъ обзорѣ, печатный матеріалъ упомянутыхъ категорій былъ однакоже использованъ нами по мѣрѣ его пригодности къ трактуемымъ вопросамъ, и въ извѣстныхъ мѣстахъ на него сдѣланы, гдѣ это было нужно, соотвѣтствующія ссылки.

Б. Архивный и рукописный матеріалъ.

Подъ архивнымъ матеріаломъ, въ отношеніи къ нашей работѣ, мы разумѣемъ такой, который находится или находился ранѣе въ органическомъ составѣ архива того или иного учрежденія; онъ имѣетъ характеръ и достовѣрность офиціальнаго источника; матеріалъ этотъ почти исключительно рукописный, и только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ намъ приходилось пользоваться имъ въ печатномъ видѣ, когда офиціальныя бумаги печатались въ небольшомъ числѣ экземпляровъ для удобства ознакомленія

съ ними извѣстныхъ немногихъ лицъ и не выходили, большею частію, за стѣны канцелярій и архивовъ. Подъ рукописнымъ же матеріаломъ въ собственномъ смыслѣ имѣли мы въ виду такой ненапечатанный матеріалъ, который не носитъ на себѣ слѣдовъ офиціальнаго происхожденія и сохраняется не въ архивахъ, а въ библіотекахъ.

По отношенію къ латино-шведскому періоду университета мы совсѣмъ не пользовались архивнымъ и рукописнымъ матеріаломъ — отчасти по его меньшей для насъ доступности, а отчасти потому, что глава, посвященная у насъ латино-шведскому университету въ Лифляндіи въ XVII—XVIII вв., занимаетъ въ нашемъ изложеніи лишь второстепенное мѣсто; кромѣ того, архивный матеріалъ этой эпохи уже въ очень значительной степени опубликованъ, и тѣмъ самымъ сдѣлался доступнымъ въ печатномъ видѣ.

Собственно архивъ Дерптско-Перновскаго университета передъ самой осадой Пернова въ 1710 году, когда университетъ прекратилъ свое существованіе, былъ сложенъ на корабль и, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими принадлежащими университету вещами, отвезенъ въ Швецію; это сдѣлалось извѣстнымъ лишь послѣ опубликованія названнаго выше труда Бакмейстера въ 1764 году, а до того времени существовало мнѣніе, что упомянутый архивъ потонулъ вмѣстѣ съ принявшимъ его судномъ. Когда въ началѣ XIX вѣка профессора Генке и Моргенштернъ, по случаю открытія университета въ Дерптѣ въ 1802 году, заинтересовались судьбою бывшаго латино-шведскаго университета въ Лифляндіи, то оживился интересъ и къ названному архиву, и въ 1820-хъ годахъ XIX столѣтія, особенно благодаря содѣйствію генералъ-губернатора Прибалтійскихъ губерній маркиза Паулучи, часть этого архива была возвращена изъ Стокгольма въ Россію, вмѣстѣ съ другими архивными документами, увезенными изъ Риги также въ 1710 году въ Швецію. То, что касалось университета, передано было въ университетскую библіотеку въ Дерптѣ,

хотя и въ остальной массѣ привезенныхъ изъ Стокгольма бумагъ, нашедшихъ себѣ помѣщеніе въ т. наз. „шведскомъ архивѣ“ генералъ-губернаторскаго замка въ Ригѣ, имѣется кое-что касающееся университета; къ сожалѣнію, этотъ послѣдній архивъ до сихъ поръ не имѣетъ себѣ подробнаго описанія. Нѣкоторые архивные документы этой же присылки попали и въ другіе рижскіе архивы, напр. „гофъ-герихта“ и евангелическо-лютеранской „консисторіи“. Главнымъ образомъ на основаніи этихъ полученныхъ изъ Стокгольма матеріаловъ появились упомянутые выше труды и сообщенія К. Ширрена, А. Бухгольца и Ѳ. Бейзе, при чемъ послѣдній пользовался именно матеріалами, находящимися нынѣ въ Юрьевской университетской библіотекѣ, въ отдѣлѣ рукописей подъ №№ 235 (W. 2739)[1], 236, 261 (W. 2749). Описанный г. Шлютеромъ альбомъ I. Гернгросса также находится между рукописями университетской библотеки, № 19. Въ той же библіотекѣ въ Юрьевѣ находятся, въ числѣ рукописныхъ документовъ графовъ Де-Ла-Гарди, переданныхъ въ библіотеку черезъ посредство профессора Буша въ 1848 году: „Protocolle der alten schwedischen Universität in Dorpat aus den Jahren 1694—1709“ № 262 (W. 2751) и „Sammlung von Diarien, Protocolle, Rechenschaften und Miscelaneen, die Universität Dorpat und Pernau und die dortigen Consistorien betreffend“ № 227 (W. 2729).

Въ библіотекѣ Рижскаго „Общества исторіи и древностей Прибалтійскихъ губерній“ есть рукописные матеріалы касательно университета въ Дерптѣ и Перновѣ — № 776: „Dorpat. Alte Universität. Zusammenstellung aller auf die schwedische Universität bezügliche gedruckte und ungedruckte Schriften“ и „Pernau Universität“, № 777: „Relation visitationis factae

---

1) Буква W обозначаетъ ссылку на извѣстный трудъ: Bibliotheca Livoniae historica. Systematisches Verzeichniss der Quellen und Hülfsmittel zur Geschichte Estlands, Livlands und Kurlands, von Dr. Eduard Winkelmann. 2 Ausgabe. Berlin 1878.

anno 1653", № 779: Новѣйшій списокъ „Constitutiones Academiae Dorpatensis" XVII в. Здѣсь же должно упомянуть, согласно указаніямъ Винкельмана (B. L. №№ 2728 и 2748), о рукописяхъ библіотеки Лифляндскаго дворянства въ Ригѣ: № 120 „Collectaneen zur Geschichte der alten und neuen Universität" и Рижскаго Городского архива: Aeuss. Arch. №№ IV. 16 „Relation der nach Dorpat zur Inauguration der Academie abgefertigten rigischen Deputation mit allen dazu gehörigen historischen Nachrichten", а также университетской библіотеки въ Упсалѣ „Historia Academiae Dorpatensis" (W. 2732) и семейнаго архива графовъ Де-Ла-Гарди въ замкѣ Лёберёдѣ, въ Швеціи, „Handlingar rörande Dorpts Universitet" (W. 2734). Кромѣ того, немалое число документовъ изъ той же эпохи Дерптско-Перновскаго университета, по наблюденіямъ Ширрена, находится въ Королевской библіотекѣ въ Стокгольмѣ и въ университетской въ Упсалѣ [1]); о стокгольмскихъ рукописяхъ еще ранѣе были напечатаны свѣдѣнія въ газетѣ „Inland" въ 1838 году, на основаніи сообщеній пастора фонъ-Яннау. Наконецъ, въ словарѣ Рекке и Напіерскаго [2]), въ числѣ оставшихся въ рукописи сочиненій профессора римскаго и шведскаго права въ Дерптѣ въ 1691—1699 гг. О. Гермелина, названа его „Historia Academiae Dorpatensis", но гдѣ находится эта рукопись и что она въ себѣ заключаетъ, точно не опредѣлено.

Что касается, затѣмъ, исторіи университета въ Дерптѣ-Юрьевѣ въ XIX вѣкѣ, то, конечно, главнѣйшимъ источникомъ для знакомства съ нею служитъ университетскій архивъ въ Юрьевѣ, въ составъ котораго вошелъ и т. наз. „Кураторскій архивъ", переданный туда при упраздненіи

---

1) C. Schirren. Verzeichniss livländischer Geschichtsquellen in schwedischen Archiven und Bibliotheken. Dorpat 1861—1868, стр. 210. 231.

2) Т. II, стр. 262.

„кураторіума“ въ 1803 году; въ университетѣ же хранится и часть попечительскаго архива за первыя два десятилѣтія существованія университета, переданная туда при попечителѣ графѣ Паленѣ въ февралѣ 1830 года. Весьма важное значеніе имѣетъ для той же цѣли архивъ канцеляріи г. попечителя Рижскаго Учебнаго Округа, въ Ригѣ, въ которомъ дѣла, касающіяся университета, начинаются съ 30-хъ годовъ XIX столѣтія. Наконецъ, не менѣе важнымъ является и архивъ Департамента Народнаго Просвѣщенія, въ Петербургѣ, въ которомъ дѣла Дерптскаго-Юрьевскаго университета имѣются съ самаго основанія послѣдняго въ 1802 году. Дѣла изъ этихъ трехъ архивовъ, поскольку намъ представлялось возможнымъ ими воспользоваться, явились, какъ уже сказано, главнымъ матеріаломъ для настоящей работы, и потому здѣсь не представляется необходимости въ перечисленіи весьма длиннаго ряда отдѣльныхъ документовъ и цѣлыхъ ихъ связокъ, изъ которыхъ извлечены нами тѣ или другія свѣдѣнія и факты; ссылки на эти матеріалы сдѣланы только въ немногихъ случаяхъ, когда изъ одного какого-либо дѣла извлекался цѣлый рядъ фактовъ или передавался какой-либо крупный эпизодъ, составлявшій содержаніе особаго „дѣла“; въ остальныхъ же случаяхъ, во избѣжаніе излишней пестроты текста, ссылки, особенно изъ дѣлъ университетскаго архива, совершенно устранены.

Изъ рукописей касательно этого времени, имѣющихъ однакоже большею частью архивный характеръ, здѣсь приходится назвать лишь весьма немногія.

Въ библіотекѣ Юрьевскаго университета, среди рукописнаго собранія проф. Моргенштерна №№ DVIII—DXIX. CCCXLVII. CCCCXI. CCCCXVI. CCCCXX. CCCCXXI. DCXXVI, находятся бумаги какъ общаго содержанія, такъ въ особенности касательно Училищной Комиссіи, Общаго Учительскаго Института, Педагогическо-Филологической Семинаріи и Профессорскаго Института; затѣмъ: № 228 „Ver-

handlungen der Piltenschen Ritter- und Landschaft betreffend die Universität Dorpat, 1799—1801", № 249 „J. W. Krause, Gefällige Gedanken über Dorpat und verschiedene Professoren".

Въ библіотекѣ Рижскаго Общества исторіи и древностей Прибалтійскихъ губерній: № 780 (Бумаги по вопросу о преимуществѣ Митавы передъ Дерптомъ для основанія университета), № 781 „Nachrichten über die Stiftung und Einrichtung der Universität Dorpat" (1788—1807), № 783 „Actenstücke und Briefe betreffend die Universität Dorpat im 19 Jahrhundert", № 785 (Письмо одного студента изъ Дерпта въ Ригу, къ отцу, 1835—1838) № 1011 „Nap. Asmuss, Sammlung dörptscher Studentenausdrücke aus den Jahren 1826—1830".

Въ библіотекѣ Академіи Наукъ въ Петербургѣ, изъ оставшихся послѣ Г. Ф. Паррота бумагъ: 26. 2. I. 13—16 и 23—24 (Матеріалы для исторіи редакціи „акта постановленія" 12 декабря 1802 года), 26. 2. I. 17 (Конецъ рѣчи проф. Моргенштерна на актѣ 12 дек. 1806 года, на французскомъ языкѣ), 26. 2. I. 18 (Письмо Паррота къ императору Александру I отъ 16 апр. 1803 года, изъ Дерпта).

II. Латино-шведскій университетъ въ Дерптѣ и въ Перновѣ въ XVII и началѣ XVIII вѣка.

Городъ Юрьевъ, основанный съ этимъ именемъ великимъ княземъ Ярославомъ I, сыномъ Владиміра Святого, въ 1030 году [1]) и позднѣе принявшій другое названіе, извѣстное въ многочисленныхъ измѣненіяхъ несомнѣнно эстонскаго происхожденія и породившее собою позднѣйшее нѣ-

---

1) Соловьевъ, Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Изд. товарищества „Общественная Польза", кн. I. 206.

мецкое „Dorpat“ и русское „Дерптъ“ [1]), послѣ почти 200-лѣтняго владычества русскихъ перешелъ въ 1224 году во власть ордена меченосцевъ и вскорѣ сдѣлался мѣстомъ пребыванія особаго Дерптскаго епископа; подъ властію епископовъ, Дерптъ пробылъ болѣе 300 лѣтъ, когда въ 1558 году покоренъ былъ царемъ Іоанномъ Грознымъ; въ 1582 году онъ перешелъ къ Польшѣ и оставался въ числѣ польскихъ владѣній до 1625 года, когда долженъ былъ уступить силѣ войскъ короля Густава Адольфа, включившаго Дерптъ въ составъ новыхъ пріобрѣтеній шведской короны. Въ эти почти шестьсотъ лѣтъ своей исторіи Юрьевъ-Дерптъ, переходя отъ одного характера управленія къ другому, то свободный, то подчиненный чужой волѣ, видѣлъ дни славы и униженія, силы и слабости, богатства и бѣдности, процвѣтанія и упадка; но, занимая центральное положеніе въ краѣ, будучи долгое время членомъ Ганзейскаго торговаго союза, онъ постоянно видѣлъ надъ собой движеніе жизни, и среди городовъ старой Ливоніи немного можно назвать такихъ, которые бы болѣе его подвергались разнообразнымъ перемѣнамъ судьбы.

Шведское господство въ XVII вѣкѣ застало Ливонію въ полномъ упадкѣ. Постоянныя войны почти совершенно убили земледѣліе, промышленность и торговлю; коренное, латышское и эстонское, населеніе обѣднѣло и погружалось въ невѣжество и грубость; школъ почти не существовало. Густавъ Адольфъ, этотъ „первый евангелическій государь своего времени“, горячій сторонникъ и носитель высокихъ идеаловъ нравственно-религіознаго просвѣщенія, овладѣвъ Ливоніей, немедленно же обратилъ вниманіе на ея внутреннее устройство и на созданіе лучшихъ условій жизни. Генералъ-губернаторомъ Ливоніи, съ присоединеніемъ къ ней Кореліи и Ингерманландіи, назначенъ былъ одинъ изъ выдающихся

---

1) Meyer. L., Ueber den Namen Dorpat. „Nordlivländische Zeitung“, 1898, №№ 58, 59, 60.

по уму, образованію и энергіи государственныхъ шведскихъ людей того времени Іоаннъ Скитте, вполнѣ входившій въ намѣренія своего государя и преданный ему сотрудникъ.

Изъ ливонскихъ городовъ Дерптъ въ особенности привлекъ на себя вниманіе короля какъ въ силу прежняго значенія этого города въ странѣ, такъ и по его положенію въ срединѣ Ливоніи и по довольно раннимъ успѣхамъ въ немъ дорогого королю протестантизма, главнымъ образомъ благодаря проповѣди Мельхіора Гофмана и Сильвестра Тегельмейера, въ 1524—1525 годахъ. Дерптъ долженъ былъ, по мысли короля, сосредоточить въ себѣ не только высшія, судебное и церковно-административное, учрежденія края („гофъ-герихтъ" и „оберъ-консисторіумъ"), но и сдѣлаться центромъ просвѣщенія для Ливоніи. 13-го октября 1630 года открыта была въ Дерптѣ „королевская гимназія", явившаяся съ задачами высшаго учебнаго заведенія — приготовлять лицъ, способныхъ занять въ странѣ духовныя и свѣтскія должности; въ ней преподавались математика, краснорѣчіе, юриспруденція, медицина, языки еврейскій, греческій, латинскій, французскій, нѣмецкій, латышскій и эстонскій, а также нѣкоторыя „свободныя искусства". Для преподаванія въ этой гимназіи назначено было 8 профессоровъ; такъ какъ поступленіе въ нее ожидалось и со стороны бѣдныхъ классовъ населенія, то учреждены были отъ правительства стипендіи и пропитаніе натурою для извѣстнаго числа учащихся за весьма дешевую плату [1]). Это учебное заведеніе съ самаго же начала обнаружило столько жизнеспособности, оказалось столь отвѣчающимъ нуждамъ края, что не замедлила возникнуть мысль о преобразованіи его

---

1) Офиціальное объявленіе объ этомъ учрежденіи, отъ 18-го августа 1630 года, по повелѣнію короля, отъ лица Іоанна Скитте, см. въ сочиненіи проф. Соммеліуса „Regiae academiae Gustavo-Carolinae sive Dorpato-Pernaviensis historiae. V. I, Lundae 1769", стр. 7—9, по-латыни, и въ современной событію „реляціи" проф. Меніуса, въ Archiv für die Geschichte Liv,- Ehst- und Kurlands. B. VII. Reval 1854, стр. 247—249, по-нѣмецки.

въ настоящую „академію“ или „университетъ“, со всѣми особенностями, средствами, правами и обязанностями подобныхъ заведеній въ Западной Европѣ.

1.

Первый латино-шведскій университетъ въ Дерптѣ (1632—1656).

Король Густавъ Адольфъ подписалъ декретъ о преобразованіи Дерптской гимназіи въ университетъ 30-го іюня 1632 года въ лагерѣ подъ Нюренбергомъ, за четыре мѣсяца до своей смерти (въ сраженіи при Люценѣ, въ Саксоніи, 6-го ноября 1632 года). Въ этомъ декретѣ король, желая обезпечить всестороннее благосостояніе завоеванныхъ провинцій, на основѣ „страха Божія и справедливости“, объявлялъ о своемъ рѣшеніи достигнуть поставленной цѣли путемъ основанія высшаго учебнаго заведенія въ Дерптѣ; университетъ долженъ былъ состоять изъ обычныхъ четырехъ факультетовъ — богословскаго, юридическаго, медицинскаго и философскаго. Для новаго учебнаго заведенія не было издано особаго устава; ему просто были усвоены всѣ тѣ постановленія и привилегіи, которыми пользовался старый Упсальскій университетъ, основанный еще въ 1476 году [1]).

Въ отношеніи преподавательскаго состава новый университетъ, или, какъ онъ тогда назывался, Academia Gustaviana, организованъ былъ слѣдующимъ образомъ: на богословскомъ факультетѣ положено было четыре профессора, на юридическомъ — два, на медицинскомъ — два, на фи-

1) Декретъ напечатанъ у Бакмейстера „Nachrichten von den ehemaligen Universitäten zu Dorpat und Pernau“ въ Sammlung Russischer Geschichte Мюллера, ч. I, изд. 1777, стр. 179 — 182; у Соммеліуса, назв. соч. стр. 16—19; у Меніуса, назв. соч. стр. 260—262. Постановленія Упсальскаго университета перепечатаны А. Бухгольцемъ въ Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv,- Ehst- und Kurlands. B. VII. Riga 1854, стр. 202—208.

лософскомъ — одиннадцать (въ частности: на политику, этику, физику, исторію и древности, восточные языки, греческій языкъ, краснорѣчіе, логику и поэтику — по одному, а на математику — два)[1]; кромѣ того, былъ преподаватель французскаго языка. Высшими начальниками университета были канцлеръ и проканцлеръ, назначавшіеся королемъ и являвшіеся посредниками между университетомъ и королевской властью. Внутреннее управленіе университета принадлежало коллегіи профессоровъ, во главѣ которой стоялъ ректоръ, утверждавшійся въ этой должности канцлеромъ; спеціальные вопросы по преподаванію разрѣшались въ факультетахъ, которые, совмѣстно съ ректоромъ, вырабатывали и планъ преподаванія на каждый предстоящій семестръ; планъ этотъ утверждался канцлеромъ и до начала занятій публиковался отдѣльной брошюрой. Профессора обязаны были читать какъ „публичныя" лекціи, такъ и вести частныя занятія (privatissima) со студентами, а также принимать участіе въ диспутахъ и произносить при разныхъ случаяхъ рѣчи. Университетъ представлялъ собою и судебное учрежденіе для его членовъ, какъ учащихъ, такъ и учащихся, при чемъ первой инстанціей былъ ректоръ, второй — коллегія профессоровъ, а третьей и послѣдней — канцлеръ. Посѣщеніе университета учащимися обезпечено было закономъ, по которому каждый, желавшій вступить на государственную службу или быть учителемъ въ государственной или частной школѣ, долженъ былъ выдержать соотвѣтственный экзаменъ въ университетѣ; кромѣ того, въ немъ обязанъ былъ подвергнуться особому коллоквіуму по части вѣроученія всякій, кто желалъ отправиться заграницу для продолженія своихъ занятій. На содержаніе университета назначено было еже-

1) Соммеліусъ, стр. 19—20; Меніусъ, стр. 263; у Бакмейстера, стр. 182—183, не показанъ профессоръ этики. Болѣе подробно, но съ нѣкоторой разницей въ числѣ профессоровъ по факультетамъ противъ указанныхъ источниковъ, см. въ Archiv für die Geschichte Liv-, Ehst- und Kurlands. B. VI. Reval 1850, стр. 108—109.

годно $5.333^1/_4$ рейхсталера, при чемъ эта сумма должна была получаться отъ доходовъ съ особо указанныхъ на то имѣній въ Ингерманландіи [1]).

Назначенный канцлеромъ университета генералъ-губернаторъ Іоаннъ Скитте, особой публикаціей отъ 21-го сентября 1632 года, опредѣлилъ день торжественнаго открытія его 15-го октября того же года. Торжество это въ назначенный день дѣйствительно состоялось — вѣроятно, въ зданіи бывшей „гимназіи" [2]) — въ присутствіи канцлера, профессоровъ, представителей лифляндскаго и эстляндскаго дворянства, городовъ Риги, Ревеля, Пернова, Нарвы и Дерпта, гофгерихта Лифляндіи, Ингерманландіи и Кореліи, духовенства и многочисленнаго собранія разныхъ другихъ приглашенныхъ лицъ. Первую рѣчь, на латинскомъ языкѣ, держалъ канцлеръ Іоаннъ Скитте, въ которой указывалъ на цѣли, руководившія королемъ при рѣшеніи преобразовать Дерптскую гимназію въ университетъ, и на средства достиженія этихъ цѣлей совокупными усиліями будущихъ членовъ новаго учрежденія; на эту рѣчь отъ имени университета отвѣчалъ профессоръ краснорѣчія М. Г. Ольденбургъ, выразившій благодарность королю за его высокій просвѣтительный подвигъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ желаніе и надежду, что вновь основанный университетъ будетъ въ состояніи выполнить то дѣло, къ которому онъ призывается волею монарха; далѣе слѣдовала проповѣдь профессора богословія А. Виргиніуса на текстъ изъ 117 псалма, послѣ которой профессоръ Г. Манцеліусъ произнесъ латинскую рѣчь на тему „о совѣсти". Затѣмъ, первымъ ректоромъ универси-

---

1) Schirren, Zur Geschichte der schwedischen Universität in Livland. Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Ehst- und Kurlands. B. VII. Riga 1854, стр. 7—8; Backmeister, назв. соч., стр. 183—184.

2) По словамъ Бакмейстера, назв. соч. стр. 178, гимназія помѣщалась „in dem gewesenen Jesuitencollegio in der Steinstrasse", но гдѣ именно было это мѣсто соотвѣтственно нынѣшнему плану города, съ точностью указать мы не имѣемъ возможности.

тета провозглашенъ былъ сынъ канцлера Яковъ Скитте, а проректоромъ профессоръ Виргиніусъ. Названныя части торжества отдѣлялись одна отъ другой музыкой соотвѣтствующаго характера. Кромѣ того, по окончаніи своей рѣчи канцлеръ университета предъявилъ и прочелъ упомянутую выше учредительную грамоту короля, а въ концѣ торжества ректору переданы были уставъ университета, книга матрикулъ, печать, ключъ отъ карцера, ректорская мантія и два серебряныхъ скипетра, какъ эмблема двойной, административной и судебной, власти главы университета [1]).

Первый шведскій университетъ въ Дерптѣ существовалъ 24 года. Основатель его скончался, какъ упомянуто, черезъ нѣсколько недѣль послѣ его открытія, и дальнѣйшая жизнь перваго высшаго разсадника наукъ въ Дерптѣ протекла первыя 12 лѣтъ (1632—1644) въ правленіе опекуновъ малолѣтней королевы Христины (род. 8-го декабря 1626), дочери Густава Адольфа, а потомъ 10 лѣтъ (1644—1654) подъ самостоятельнымъ управленіемъ королевы; остальные два года (1654—1656) прошли подъ правленіемъ короля Карла X. Опекунское правленіе отнеслось весьма сочувственно къ университету, чтя въ немъ слѣды просвѣтительной дѣятельности Густава Адольфа; за университетомъ остались всѣ дарованныя ему королемъ-основателемъ матеріальныя средства и разныя права и привилегіи; въ 1639 и 1640 годахъ выстроено было для него новое зданіе [2]) и освящено

1) Объ этомъ торжествѣ мы знаемъ изъ упомянутой выше „реляціи“ проф. Меніуса, бывшаго очевидцемъ событія и напечатавшаго свое описаніе тогда же, въ Дерптѣ въ 1632 году, отдѣльно; перепечатано оно цѣликомъ въ Archiv für die Geschichte Liv-, Est- und Kurlands. B. VII. Reval 1854, стр. 242—271.

2) Сколько можно заключать по планамъ стараго Дерпта, это зданіе находилось по теперешней Яковлевской улицѣ, противъ праваго крыла нынѣшняго главнаго университетскаго зданія, по лѣвую сторону отъ большой аллеи, ведущей отъ университета на Домскую гору; въ настоящее время мѣсто это не застроено и составляетъ часть парка Домской горы. Сообщеніемъ картъ и разъясненіями въ указанномъ смыслѣ обязанъ я любезности университетскаго архитектора Р. Ф. Гулеке. Впрочемъ, существуетъ на этотъ счетъ

2-го ноября 1641 года; позднѣе королева пожертвовала университету собраніе книгъ весьма разнообразнаго содержанія по предметамъ, входящимъ въ составъ наукъ богословскихъ, медицинскихъ, юридическихъ и философскихъ.

Положенныя по штату профессуры для новаго университета не могли быть замѣщены сразу; нѣкоторыя лица занимали одновременно двѣ каѳедры. Изъ профессоровъ прежней гимназіи назначены были профессорами университета шесть лицъ (именно: Манцеліусъ, Раикусъ, Савоніусъ, Ольденбургъ, Меніусъ и Варнеке); остальные приглашены были частію изъ Швеціи, но главнымъ образомъ изъ Германіи [1]); вообще въ первомъ шведскомъ университетѣ въ Дерптѣ, въ теченіе всего времени его существованія, въ составѣ профессоровъ значительное большинство принадлежало нѣмцамъ и меньшинство — шведамъ. Преподаваніе велось, по обычаю того времени, на латинскомъ языкѣ, который употреблялся въ извѣстныхъ случаяхъ и какъ языкъ офиціальныхъ документовъ; переписка университета съ канцлеромъ производилась частью по-нѣмецки, частью по-шведски, т.-е. именно обращенія университета къ канцлеру писались обыкновенно на нѣмецкомъ языкѣ, а обратныя — на шведскомъ [2]); въ устномъ обиходѣ университетской жизни рядомъ съ тремя названными языками употреблялся еще и финскій.

Вызовъ изъ-за границы нѣмецкихъ ученыхъ для перваго шведскаго университета въ Дерптѣ объясняется не

и другое мнѣніе, по которому зданіе шведскаго университета находилось по теперешней Ивановской улицѣ, противъ входа въ церковь того же названія, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится тюрьма („Vom Dom zu Dorpat“, въ Dörptsche Zeitung 1869 № 200).

1) Перечень ихъ именъ, съ біографическими данными и указаніями на ихъ труды, имѣется у Соммеліуса въ назв. соч., стр. 158—291, а также въ статьѣ А. Бухгольц'а „Verzeichniss sämmtlicher Professoren der ehemaligen Universität zu Dorpat und Pernau und der academischen Beamten“, въ Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Ehst- und Kurlands. B. VII, стр. 163—175.

2) Aug. Buchholtz, назв. ст., стр. 177.

столько давними историческими связями Ливоніи съ Германіей, сколько тогдашней скудостью ученыхъ силъ въ самой Швеціи. Шведское правительство смотрѣло на Ливонію какъ на завоеванную силою оружія страну, и это обстоятельство, въ связи съ духомъ обособленности нѣмецкаго элемента въ краѣ, было одной изъ немаловажныхъ причинъ того обоюднаго отчужденія двухъ національностей, которое на первыхъ же порахъ не замедлило явиться въ профессорской средѣ новаго университета; къ этому присоединилось самолюбіе, обидчивость, невоздержность въ словахъ и поступкахъ и извѣстная эксцентричность, особенно свойственная ученому сословію того времени; наконецъ — разнаго рода денежные счеты, соперничество изъ-за посторониихъ должностей, въ виду недостаточной обезпеченности жалованьемъ; все это вмѣстѣ давало множество поводовъ къ столкновеніямъ между собою членовъ университетской ученой корпораціи, нерѣдко влекшимъ за собою жалобы и разнаго рода обращенія къ высшему начальству въ лицѣ канцлера [1]).

Дѣйствительно, матеріальное положеніе университета было весьма непрочно, и средства недостаточны. Доходы съ имѣній въ Ингерманландіи, долженствовавшіе идти на содержаніе университета, съ самаго же начала оказались невѣрными: арендаторы запаздывали уплатой, и это самымъ чувствительнымъ образомъ отражалось на университетской казнѣ, не имѣвшей другихъ ресурсовъ; поэтому, уже въ 1635 году правительство, управлявшее имѣніями черезъ особыхъ чиновниковъ, чтобы снять съ себя отвѣтственность за неаккуратную доставку университетскихъ суммъ, передало управленіе названными имѣніями самому университету; но отъ этого главная причина неудобнаго положенія вещей нисколько не была устранена, а на университетъ взвалена была посторонняя для его прямыхъ задачъ обязанность

1) О нѣкоторыхъ подобныхъ случаяхъ разсказываетъ Ширренъ въ назв. соч. Zur Geschichte der schwedischen Universität in Livland, стр. 8—13.

управлять отдаленными имѣніями, при чемъ онъ по прежнему долженъ былъ подвергаться всѣмъ случайностямъ неаккуратнаго поступленія арендной платы, такъ что вскорѣ управленіе имѣніями снова перешло къ казнѣ, и правительство обѣщало выплачивать университету положенную на его содержаніе сумму въ извѣстный срокъ наличными деньгами, независимо отъ имѣній [1]). Впрочемъ, обѣщаніе это въ полной мѣрѣ не было выполнено. Жалованье профессоровъ было весьма скудное [2]) и часто не выплачивалось въ срокъ; нерѣдко вмѣсто денегъ платили натурою —

1) Backmeister, назв. соч., стр. 184—185. Нѣкоторые относящіеся сюда документы напечатаны у Бухгольца въ Verzeichniss sämmtlichen Professoren... и т. д., стр. 213—214, 219—222, 228—238.

2) Вотъ штатъ, утвержденный 20-го августа 1638 года: первому профессору (ординарному) богословія—500 рейхсталеровъ, второму профессору (экстраординарному) богословія—350, первому профессору юридическихъ наукъ—400, второму профессору юридическихъ наукъ—300, профессору медицины—350, исторіи и политики —400, ораторскаго искусства и поэзіи—400, логики и этики—400, физики и астрономіи—400, геометріи и ариѳметики—400, еврейскаго и греческаго языковъ—400, секретарю—50, казначею—150, двумъ управляющимъ университетскими имѣніями—300, двумъ педелямъ—50, типографщику—50, всего —4.900 рейхсталеровъ (Buchholtz, назв. соч., стр. 225—226). Какъ примѣненъ былъ этотъ штатъ къ опредѣленнымъ лицамъ, видно изъ таблицы расходовъ университета, относящейся къ 1654 году; дѣйствительная цифра расходовъ выставлена тутъ 8.700 рейхсталеровъ, что объясняется съ одной стороны назначеніемъ особой стипендіальной суммы (на 80 студентовъ) 2.800 рт., а съ другой—нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями къ штату: напримѣръ, за исполненіе обязанностей библіотекаря одинъ профессоръ получалъ 100 рт. добавочныхъ, казначей получалъ не 150, а 200 рт.; положено было на увеличеніе библіотеки 150 рт.; имѣлся, кромѣ двухъ профессоровъ на богословскомъ факультетѣ, еще „адъюнктъ богословія", котораго обязанности возложены были, впрочемъ, на профессора логики и этики М. П. Лиденіуса съ особымъ вознагражденіемъ въ 150 рт.; подобное совмѣщеніе должностей въ одномъ лицѣ бывало и въ другихъ случаяхъ: профессоръ физики и астрономіи Д. І. Штернштраль былъ въ то же время профессоромъ права, съ прибавкой за послѣднюю должность 200 рт.; профессоръ исторіи и политики М. О. Вексіоніусъ занималъ въ тоже время и каѳедру краснорѣчія, съ прибавкой въ 300 рт. и т. д. (Schirren, назв. соч., стр. 43).

рожью и пшеницей, при чемъ расчетъ производился по цѣнамъ стокгольмскаго рынка, которыя были выше цѣнъ дерптскихъ [1]); поэтому, многіе изъ профессоровъ принуждены были искать другихъ занятій: для богослововъ открыты были городскія пасторскія мѣста, юристамъ — засѣданіе въ королевскомъ гофъ-герихтѣ, а члены философскаго факультета брали на себя обязанности секретаря, казначея, управителя университетскихъ имѣній, библіотекаря и т. п. Кромѣ того, профессора не отказывались и отъ разнаго рода частныхъ занятій, а нѣкоторые изъ нихъ пользовались первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы покинуть службу въ университетѣ для какого-нибудь болѣе обезпечивающаго положенія. Иные изъ профессоровъ отягощены были большими долгами, и былъ даже случай, когда одинъ изъ нихъ, исполнявшій обязанности библіотекаря, стѣсненный денежными затрудненіями, прибѣгъ къ самовольному позаимствованію изъ библіотечныхъ средствъ недоданной ему части жалованья [2]).

Въ полномъ соотвѣтствіи со скудостью денежныхъ средствъ находилось и состояніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій университета и разнаго рода коллекцій предметовъ, необходимыхъ для преподаванія, а также библіотеки; несмотря на упомянутое выше пожертвованіе королевы Христины, библіотека даже къ концу существованія перваго университета въ Дерптѣ, по позднѣйшей описи 1688 года, заключала въ себѣ сравнительно лишь весьма небольшое книжное собраніе [3]).

Что касается учащихся, то въ годъ открытія университета имматрикулировано было 84 студента, въ слѣдую-

1) Dörptsche Studentenleben im XVII Jahrhundert. Inland 1852, № 42, ст. 791.
2) Schirren, назв. соч., стр. 14.
3) Schirren, назв. соч., стр. 15—16, 47—62.

щемъ 1633 году — 44[1]), въ 1634 году — 30 и т. д. По подсчету Ширрена, на основаніи подлинныхъ именныхъ списковъ студентовъ, имматрикулированныхъ за годы съ 1632 по 1656, когда первый шведскій университетъ въ Дерптѣ прекратилъ свое существованіе[2]), выходитъ, что за указанный промежутокъ времени имматрикулировано было: изъ Швеціи и Финляндіи — 595, изъ Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи — 310, изъ-за границы — 106, а всего — 1011[3]). По національности и мѣсту происхожденія, составъ студентовъ былъ, какъ видно, въ большинствѣ шведскій, и такимъ образомъ численное отношеніе въ университетѣ двухъ національностей, нѣмецкой и шведской, среди учащихся было обратное отношенію этихъ національностей между профессорами: профессоровъ было больше нѣмцевъ, а студентовъ шведовъ; что касается учащихся, пріѣхавшихъ изъ-за границы, то между ними были изъ Помераніи, Бранденбурга, Мекленбурга, Голштиніи, Вестфаліи, Саксоніи, Австріи, Седмиградія и т. д.[4]). Соотвѣтственно указанному отношенію двухъ національностей среди учащихся, изъ 202 диссертацій, написанныхъ воспитанниками перваго шведскаго университета въ Дерптѣ съ 1632 по 1655 годъ и перечисленныхъ у Соммеліуса[5]),

---

1) Извѣстіе Адама Олеарія, который проѣзжалъ черезъ Дерптъ 23—29-го декабря 1633 года, что тогда въ университетѣ студентовъ было „всего 10 шведовъ и нѣсколько человѣкъ изъ чуди (Finnen)“, явно неточно и объясняется, быть можетъ, отсутствіемъ въ эти дни студентовъ въ Дерптѣ по случаю зимнихъ вакацій: Подробное описаніе путешествія Голштинскаго посольства въ Московію въ 1633, 1636 и 1638 годахъ, составленное секретаремъ посольства Адамомъ Олеаріемъ. Пер. съ нѣм. Павелъ Барсовъ. М. 1870, стр. 12—13. Ср. (Th. Beise), Die Kaiserliche Universität Dorpat während der ersten fünfzig Jahre ihres Bestehens und Wirkens. Dorpat (1853), стр. 10, прим. 16.

2) Опубликованы Ѳ. Бейзе въ Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Ehst- und Kurlands. B. VIII. Riga 1857, стр. 150—188.

3) Inland, 1857, № 21, ст. 354.

4) Backmeister, назв. соч., стр. 185—186.

5) Назв. соч., стр. 49—68.

около 170 принадлежатъ студентамъ изъ Швеціи и Финляндіи и только около 30 — студентамъ мѣстнаго происхожденія и нѣкоторымъ иностранцамъ [1]). Причины этого сравнительно слабаго посѣщенія университета мѣстной молодежью лежали, главнымъ образомъ, въ томъ, отчасти скрытомъ, нерасположеніи, съ которымъ встрѣчено было мѣстнымъ дворянствомъ основаніе шведскаго университета въ Дерптѣ, и въ нежеланіи сближаться съ офиціально господствующей національностью въ краѣ; поэтому, многіе дворяне продолжали отсылать своихъ сыновей учиться въ заграничные, главнымъ образомъ нѣмецкіе, университеты, слѣдуя въ этомъ старой привычкѣ, установившейся еще съ XV вѣка [2]); не мало нѣмецкихъ семействъ въ это время переселилось заграницу. Съ другой стороны, и шведское правительство склонно было давать разнаго рода преимущества представителямъ своей національности, особенно при распредѣленіи казенныхъ должностей въ краѣ, право на которыя для всѣхъ обусловлено было университетскимъ дипломомъ; то же самое наблюдалось и въ присужденіи стипендій и пособій между студентами университета [3]).

Указанныя неблагопріятныя обстоятельства жизни перваго шведскаго университета въ Дерптѣ могли уступить дѣйствію времени въ будущемъ, при необходимомъ условіи продолжительныхъ и крѣпкихъ связей Швеціи съ присоединеннымъ краемъ; антагонизмъ національностей могъ смягчиться путемъ обоюднаго пониманія и вѣрной оцѣнки

---

1) Schirren, Zur Geschichte der schwedischen Universität in Livland, стр. 8.

2) См. Aug. Seraphim, Liv-, Est- und Kurländer auf der Universität zu Königsberg i. Pr. Th. I—II. Ein Beitrag zur baltischen Bildungsgeschichte, въ Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Est- und Kurlands. B. XVI. Riga 1896, стр. 1—261, 337—514.

3) См. списокъ именъ студентовъ, допущенныхъ къ пользованію дешевымъ казеннымъ столомъ, передъ самымъ открытіемъ университета: Buchholtz, Verzeichniss sämmtlicher Professoren... и т. д., стр. 238—239.

себя и другихъ, внесеніемъ справедливости во взаимныя отношенія съ той и другой стороны; денежные недочеты представляли наименьшую трудность для ихъ устраненія. Но для всего этого нужно было именно время; а между тѣмъ не прошло и полной четверти столѣтія, не успѣло выросги даже одного новаго поколѣнія людей, какъ Ливонія снова сдѣлалась ареной войны, и ей опять приходилось ожидать новаго рѣшенія судьбы въ смыслѣ характера своего политическаго существованія. Дѣйствительно, въ августѣ 1656 года царь Алексѣй Михайловичъ, вступивъ въ борьбу съ Карломъ X, лично явился во главѣ своего войска для осады города Риги, а князь Трубецкой съ 40.000-мъ отрядомъ отправленъ былъ для взятія Дерпта; несмотря на то, что осада Риги оказалась неудачной и была вскорѣ снята, Дерптъ 12-го октября 1656 года капитулировалъ передъ русскими войсками, въ виду крайней слабости находившагося въ немъ гарнизона и измѣны со стороны нѣкоторыхъ его жителей [1]).

Этимъ положенъ былъ конецъ шведскому владычеству въ Дерптѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ прекратили свое существованіе и находившіяся въ немъ шведскія государственныя учрежденія, въ томъ числѣ и университетъ. Профессора и студенты разошлись въ разныя стороны, кто куда хотѣлъ или могъ. Университетская библіотека и типографія были замурованы, во время осады города, въ подвалахъ церкви св. Маріи, гдѣ и найдены потомъ, по указанію проф. І. Г. Гезеліуса, въ 1688 году; эта церковь, нынѣ не существующая (на ея мѣстѣ стоитъ теперь правое крыло нынѣшняго главнаго зданія университета), дала въ своихъ стѣнахъ пріютъ университету и до постройки особаго зданія для него въ 1641 году [2]).

---

1) Соловьевъ, Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, кн. II, 1698.

2) Schirren, Zur Geschichte der schwedischen Universität in Livland, стр. 15; Backmeister, назв. соч., стр. 185.

Первый латино-шведскій университетъ въ Дерптѣ, существовавшій 24 года, выпустилъ изъ своихъ стѣнъ немало лицъ, которыя занимали потомъ тѣ или другія государственныя должности въ краѣ, а нѣкоторыя изъ нихъ являются и въ числѣ профессоровъ второго шведскаго университета въ Дерптѣ и Перновѣ.

2.

Второй латино-шведскій университетъ въ Дерптѣ и Перновѣ (1690—1710).

Дерптъ оставался на этотъ разъ въ русскихъ рукахъ недолго. 13-го февраля 1660 года умеръ шведскій король Карлъ X, и ему наслѣдовалъ сынъ его Карлъ XI, бывшій тогда въ дѣтскомъ возрастѣ; управленіе страною перешло къ регентамъ, которые и поспѣшили заключить миръ со всѣми государствами, съ которыми въ предшествующее царствованіе Швеція вела войну; 21-го іюня 1661 года подписанъ былъ въ Кардисѣ съ Россіей мирный договоръ, по которому Дерптъ былъ уступленъ обратно Швеціи.

Тогда шведское правительство снова стало думать о возстановленіи университета, но мысль эта получила осуществленіе нескоро.

Послѣ погрома 1656 года нѣкоторые изъ профессоровъ перекочевали въ Ревель, оставшійся во власти шведовъ, и пытались продолжать тамъ свою академическую дѣятельность: таковы были, напр., богословъ А. Виргиніусъ и Г. Эльверингъ, философъ Прейссіусъ, математикъ І. Шеленіусъ [1]). Нельзя сказать, чтобы эта дѣятельность въ Ревелѣ была совершенно частная; названные профессора пользовались покрови-

1) Интересныя подробности объ этомъ переданы въ статьѣ І. Ф. Зиберта, Vorlesungen Dorpatschen Professoren zu Reval im Jahre 1657, въ Archiv für die Geschichte Liv-, Est- und Kurlands. B. VII. Reval 1850, стр. 105—108.

тельствомъ и содѣйствіемъ, хотя и не единодушнымъ, шведскихъ государственныхъ и городскихъ ревельскихъ властей; по прежнему велись матрикулы вновь поступающимъ студентамъ, которыхъ было, впрочемъ, весьма немного: въ 1657 году—5, въ 1658—6, въ 1659—2, въ 1660—3, въ 1661—15 и т. д., а всего за годы съ 1657 по 1665—49 человѣкъ[1]). Преподаваніе велось тутъ по весьма немногимъ предметамъ, безъ надлежащихъ приспособленій, отрывочно и безъ общаго плана; это была, такъ сказать, агонія смерти закончившаго свою дѣятельность перваго шведскаго университета въ Дерптѣ, послѣдніе остатки потухавшей жизни.

Первый серьезный шагъ шведскаго правительства къ возобновленію университета относится къ 1665 году, когда послѣдовалъ королевскій указъ на имя генералъ-губернатора Лифляндіи сдѣлать объ этомъ соотвѣтствующее представленіе, запросивъ предварительно мнѣніе рыцарства и другихъ сословій страны; въ томъ же году со стороны регентства, управлявшаго государствомъ во время малолѣтства короля Карла XI (1660—1697), послѣдовало обращеніе къ мѣстнымъ жителямъ о назначеніи будущему университету необходимыхъ средствъ въ видѣ доходныхъ участковъ земли въ Эстляндіи и Ингерманландіи; мысль эта занимала шведское правительство и въ 1667 году, при чемъ вопросъ о мѣстѣ возобновленія университета сразу же получилъ направленіе въ пользу Пернова сравнительно съ Дерптомъ. Въ предпочтеніи Пернова Дерпту въ глазахъ правительства наибольшую роль играло, вѣроятно, удобство сообщенія этого города съ Швеціей моремъ и связанная съ этимъ бо̀льшая независимость отъ мѣстныхъ условій, также сравнительная безопасность отъ вражескаго вторженія съ востока. Къ

---

1) Mittheilungen. B. VIII, стр. 187—188. Такимъ образомъ, если присоединить эту цифру къ указанной выше общей суммѣ 1011 за годы 1632—1656, то получится общее число всѣхъ имматрикулированныхъ въ первомъ шведскомъ университетѣ въ Дерптѣ и Ревелѣ студентовъ—1060.

предварительной разработкѣ вопроса особенно привлечены были генералъ-губернаторъ графъ Тоттъ и генералъ-суперинтендентъ Прейссіусъ, которые, по тогдашнему обычаю, имѣлись въ виду первый — на должность канцлера, а второй вице-канцлера будущаго университета; они въ особенности заняты были изысканіемъ необходимыхъ матеріальныхъ средствъ и высшимъ наблюденіемъ за ходомъ работъ по постройкѣ новаго университетскаго зданія. Но дѣло въ общемъ подвигалось весьма слабо. Въ виду плохого состоянія государственныхъ финансовъ Швеціи, истощенныхъ продолжительными и дорого стоившими войнами, шведская казна не могла выдѣлить изъ себя для университета нужныхъ средствъ; начатая еще въ предшествовавшее царствованіе „редукція" въ пользу казны дворянскихъ имѣній продолжалась и при Карлѣ XI и, разумѣется, всего менѣе могла расположить болѣе обезпеченные классы населенія къ какой-либо добровольной жертвѣ; начатая постройка университетскихъ зданій въ Перновѣ не могла идти успѣшно столько же по недостатку отпускаемыхъ средствъ, сколько и по безпорядочности веденія самаго дѣла, встрѣчавшаго на своемъ пути постоянныя затрудненія и задержки; дѣло не обходилось и безъ денежныхъ растратъ и разнаго рода злоупотребленій со строительнымъ матеріаломъ [1]).

Болѣе энергическій ходъ дѣлу данъ былъ лишь въ 1687 году, при чемъ весьма заинтересованнымъ лицомъ въ немъ явился самъ король Карлъ XI, объявленный въ 1672 году совершеннолѣтнимъ и, по устраненіи регентства, проявившій наклонность къ самостоятельному управленію государственными дѣлами. Обративши вниманіе на заброшенный было вопросъ объ университетѣ въ Лифляндіи, король пожелалъ поставить его какъ-бы заново, и потребовалъ отъ генералъ-губернатора графа Гастфера мнѣнія о томъ, гдѣ предпочтительнѣе возобновить университетъ — въ Перновѣ

1) Schirren, назв. соч., стр. 21—24.

или въ Дерптѣ. Гастферъ отнесся къ вопросу съ большимъ вниманіемъ и старался разсмотрѣть его, повидимому, совершенно независимо отъ какихъ-либо вліяній и по возможности съ разныхъ сторонъ: признавая за Дерптомъ преимущество центральнаго положенія въ странѣ и удобство доставленія средствъ продовольствія для будущихъ „академическихъ гражданъ", онъ находилъ однако же, что городъ этотъ слишкомъ разоренъ, плохо укрѣпленъ на случай нападенія врага, и въ немъ нѣтъ готоваго университетскаго зданія [1]), тогда какъ Перновъ послѣднимъ условіямъ удовлетворяетъ лучше, и потому онъ высказался за Перновъ [2]). Не трудно однако же видѣть, что въ этомъ рѣшеніи немалую роль играли матеріальныя соображенія и боязнь передъ обременительными расходами, которыхъ такъ опасался бережливый король, а этого, конечно, не могъ не имѣть въ виду Гастферъ. Къ обсужденію вопроса привлечено было и еще одно лицо, генералъ-суперинтендентъ Фишеръ, который высказалъ мнѣніе, что лучшимъ мѣстомъ для возобновляемаго университета была бы Рига [3]). Но король не согласился

---

1) Зданіе перваго университета въ Дерптѣ сгорѣло, вѣроятно, въ 1686 году: Backmeister, назв. соч., стр. 190.

2) Fr. Bienemann jun., Zur Gründungsgeschichte der zweiten schwedisch- livländischen Universität in Dorpat. Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Est- und Kurlands. B. XV. Riga 1893, стр. 399—401, 404.

3) Въ несомнѣнной связи съ этими разсужденіями находится одинъ современный, точно не датированный, документъ, въ видѣ черновой записки, въ которой разсматриваются достоинства и недостатки Пернова, Дерпта и Риги примѣнительно къ вопросу о мѣстѣ возобновленія университета. Выходя изъ той мысли, что избранный для этой цѣли городъ долженъ: 1) во время войны и мира представлять безопасность для студентовъ, 2) обладать дешевизной жизненныхъ продуктовъ, 3) располагать здоровымъ воздухомъ и и водой, 4) имѣть достаточное количество квартиръ для студентовъ и 5) представлять возможность учащимся находить хорошее общество среди жителей, — неизвѣстный авторъ высказывается за то, что, въ противоположность Пернову и Дерпту, Рига удовлетворяетъ всей совокупности указанныхъ условій и потому всего болѣе имѣетъ право на учрежденіе въ ней университета: Die Universität in Livland. Ein deutsches Brouillon vom Jahre 1687, ohne Datum, aus den

ни съ тѣмъ, ни съ другимъ мнѣніемъ своихъ совѣтниковъ; собственной волею рѣшилъ онъ вопросъ въ пользу Дерпта, мотивируя это рѣшеніе (отъ 13 марта 1688 года) тѣмъ, что въ Дерптѣ уже былъ университетъ, что тамъ находится въ настоящее время королевскій гофъ-герихтъ, а также и другими „обстоятельствами", на которыя король точно не указывалъ [1]; быть можетъ, подъ послѣдними онъ разумѣлъ необходимость сдѣлать пріятное вліятельному въ странѣ лифляндскому дворянству и въ то же время болѣе естественнымъ образомъ поставить университетъ въ желательную для короля матеріальную зависимость этого учрежденія отъ мѣстнаго населенія.

Когда, такимъ образомъ, мѣсто для университета было окончательно выбрано, Гастферъ занялся обсужденіемъ вопроса объ университетскомъ зданіи въ Дерптѣ, т. е. слѣдуетъ ли возстановить старое или построить новое; и тутъ король, выходя главнымъ образомъ изъ экономическихъ соображеній, самъ рѣшилъ вопросъ въ первомъ смыслѣ. 28 января 1689 года утвержденъ былъ королемъ уставъ возобновленнаго университета [2]. Въ томъ же году Гастферъ назначенъ былъ канцлеромъ университета, и 18 августа 1690 года произошло торжественное его открытіе въ присутствіи многочисленныхъ депутатовъ отъ дворянства, духовенства, городского сословія и немалаго числа приглашенныхъ частныхъ лицъ [3].

Возобновленный университетъ получилъ названіе **Academia Gustavo-Carolina**, указывая этимъ на свою преемственную связь съ созданіемъ короля Густава Адольфа, чему, очевидно, придавалъ значеніе и самъ Карлъ XI, какъ это видно изъ приведенной выше мотивировки имъ своего рѣ-

Acten, die im Regierungsarchiv in Riga aufbewahrt werden. Inland 1852 № 47, ст. 869—871.

1) Fr. Bienemann, назв. соч., стр. 409—410.

2) Въ цѣломъ видѣ до насъ не дошедшій: Bienemann, стр. 417; Backmeister, стр. 194—196; Buchholtz, стр. 178, 239—246.

3) Backmeister, назв. соч., стр. 191—193.

шенія возобновить университетъ именно въ Дерптѣ. Нельзя отрицать, что характеръ и условія существованія второго университета были тѣ же, что и перваго, но органическая связь обоихъ университетовъ была въ дѣйствительности весьма ничтожной. Отъ перваго университета въ Дерптѣ въ наслѣдство второму не осталось ничего, кромѣ обгорѣлыхъ стѣнъ стараго зданія, реставрированнаго заново, да развѣ части типографіи и библіотеки, оставшейся отъ перваго университета, въ 1656 году замурованной и теперь снова найденной въ подвалахъ церкви св. Маріи, которая въ 1689 и 1690 годахъ, какъ и раньше въ 1639 и 1640 годахъ, дала временный пріютъ университетскимъ занятіямъ, до офиціальнаго открытія новаго университета.

Второй шведскій университетъ въ Лифляндіи существовалъ нѣсколько менѣе перваго, всего 20 лѣтъ. Эта двадцатилѣтняя жизнь его распадается на двѣ, почти равныя, части, изъ которыхъ первая прошла въ Дерптѣ, а вторая въ Перновѣ. Уже самъ сторонникъ возобновленія университета въ Дерптѣ король Карлъ XI усмотрѣлъ въ 1695 году, въ виду надвигавшейся военной грозы, необходимость перенесенія университета въ Перновъ; но выполненіе этого дѣла выпало на долю его преемника на шведскомъ престолѣ, знаменитаго Карла XII (1697—1718); несмотря на то, что въ это время раздавались голоса, шедшіе особенно изъ профессорской среды, за перенесеніе университета въ Ревель, воля короля рѣшила въ пользу Пернова, гдѣ уже для университета былъ построенъ домъ, обращенный потомъ въ складъ казенныхъ вещей и въ помѣщеніе для смирительнаго дома, а теперь снова предназначенный для роли храма науки. 17 іюня 1699 года послѣдовалъ на имя генералъ-губернатора Лифляндіи графа Эрика Дальберга, какъ канцлера университета, королевскій указъ о предстоящемъ перенесеніи университета въ Перновъ; 25-го іюля того же года профессоръ краснорѣчія говорилъ въ университетѣ въ Дерптѣ прощальную рѣчь „de migrati-

one litterarum“, а 28-го августа 1699 года состоялось уже торжественное открытіе университетскихъ занятій въ Перновѣ, при чемъ канцлеръ говорилъ соотвѣтствующую случаю рѣчь.

Изъ учащагося въ Дерптѣ юношества только весьма немногіе перекочевали за своими профессорами для продолженія занятій въ Перновъ; большая часть отправилась для этой цѣли въ Швецію или за границу; причина этого заключалась главнымъ образомъ въ тѣхъ тревожныхъ, обстоятельствахъ, при которыхъ происходило самое переселеніе въ Перновъ, и которыя не давали никакой гарантіи для спокойнаго продолженія ученья въ будущемъ. Дѣйствительно, въ томъ же 1699 году заключенъ былъ Даніей, Россіей и Польшей секретный договоръ для совмѣстныхъ военныхъ дѣйствій противъ Карла XII, а въ февралѣ слѣдующаго 1700 года началась „сѣверная война“, поглотившая всѣ силы и вниманіе шведскаго правительства, которое въ это время не могло уже думать объ университетѣ въ Лифляндіи; самая судьба послѣдней опять представлялась загадкой для будущаго. Предоставленный собственнымъ слабымъ силамъ, университетъ въ Перновѣ влачилъ еще десять лѣтъ свое печальное существованіе. Лѣтомъ 1704 года взяты были русскими Дерптъ и Нарва, при чемъ царь Петръ принималъ личное участіе въ осадѣ и взятіи перваго города [1]). Въ іюлѣ 1710 года капитулировала передъ русскими войсками Рига [2]), при чемъ въ предварительныхъ условіяхъ капитуляціи, заключенныхъ 4—15 іюля 1710 года между фельдмаршаломъ Шереметевымъ и лифляндскимъ дворянствомъ, земскими и городскими людьми, находился слѣдующій (4) §: „Университетъ въ Лифляндіи, понеже оной довольными доходами и маетностями снабденъ,

1) Соловьевъ, Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, кн. III, 1275—1276.

2) Тамъ же, IV, 38.

дабы по прежнему остался и всегда имѣлъ искусныхъ профессоровъ Лютерскаго закона, и чтобъ для выгоды шляхетскихъ младыхъ людей во ономъ университетѣ учители языковъ и экзерцицій опредѣлены были". Русскій отвѣтъ былъ таковъ: „Сколь скоро помощію Божіею городъ Перновъ подъ владѣніе Его Царскаго Величества приведенъ будетъ, то Его Величество университета выгоды и привиллегіи, ежели оный во время приступа къ городу не противенъ учинится и ни во что вступаться не будетъ, паче распространитъ, нежели убавитъ, и того смотрѣть будетъ, чтобъ университетъ всегда искусными профессорами, такожде и учителями языковъ и экзерцицій снабденъ былъ; понеже Его Царское Величество изъ своихъ собственныхъ государствъ и земель младыхъ людей для обученія туда посылать будетъ, для лучшей славы онаго университета. Чего ради Высокопомянутому Его Царскому Величеству свободное отправленіе греческаго закона предоставляется. А ежели городъ не съ договоромъ, но штурмомъ взятъ будетъ и принадлежащіе къ университету персоны оборону учинятъ, то съ ними такъ, какъ со всѣми прочими городскими обыватели, по образу и обыкновенію воинскому, поступлено будетъ" [1]). Несмотря на такой въ высшей степени благопріятный для будущности университета отвѣтъ, судьба университета рѣшена была въ совершенно обратномъ смыслѣ; по выраженію одного историка, профессора „пожелали скорѣе дать погибнуть полезному учрежденію, чѣмъ подвергнуться малѣйшимъ неудобствамъ военнаго времени" [2]): еще до осады Пернова профессора поспѣшили оставить городъ и университетъ и уѣхать въ Швецію, взявъ съ собою библіотеку и многіе документы университетскаго архива. 21-го августа 1710 года Перновъ былъ взятъ русскими войсками подъ начальствомъ генерала Бауэра. Что

---

1) Полное собраніе законовъ, т. IV, № 2276, стр. 521.
2) Backmeister, назв. соч., стр. 202.

взглядъ, выраженный въ русскомъ отвѣтѣ на упомянутый выше пунктъ объ университетѣ, составлялъ глубокое убѣжденіе самаго царя, видно изъ резолюціи Петра I по поводу этого пункта, отъ 12-го октября 1710 года: „На прошеніе о содержаніи академіи или высокой школы въ Перновѣ въ добромъ состояніи: позволяетъ Его Царское Величество своему вѣрному Рыцарству, что они съ верховнымъ консисторіемъ своимъ искусныхъ профессоровъ назначать и предлагать могутъ, и тогда Его Величество о ихъ призваніи такое попеченіе прилагать изволитъ, чтобъ высокая школа благоснабдена была, якоже объ оной совершенномъ и довольномъ учрежденіи и содержаніи Его Царское Величество все чинить будетъ; но при томъ оставляетъ себѣ особливаго профессора въ высокой школѣ учредить, которой словянскому языку обучати и оной бы тамъ ввести могъ“ [1]).

Такъ закончилъ свое существованіе второй латино-шведскій университетъ въ Дерптѣ и Перновѣ. Но мы вернемся нѣсколько назадъ, чтобы сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія о характерѣ его внутренней жизни.

Нѣкоторые профессора приглашены были еще въ 1688 году, какъ профессоръ логики, метафизики, физики и морали Г. Сіёбергъ или богословъ О. Мобергъ [2]); другіе же не замедлили въ скоромъ времени къ нимъ присоединиться [3]). Составъ каѳедръ второго университета былъ скуднѣе, нежели перваго; тутъ на всѣ четыре факультета полагалось только

---

1) Полное собраніе законовъ, т. IV, № 2304, стр. 579. Ср. Schirren, Die Capitalutionen der livländischen Ritter- und Landschaft und der Stadt Riga vom 4 Juli 1710 nebst deren Confirmationen. Dorpat 1865, стр. 37—38. 54; Backmeister, назв. соч., стр. 201—202. 203.

2) Buchholtz, Verzeichniss... и т. д. стр. 183. 187.

3) Перечень ихъ именъ, съ извѣстіями объ ихъ жизни и служебной дѣятельности, а также и другихъ членовъ служебнаго персонала второго университета, см. у Buchholtz'a, назв. соч., стр. 182—199.

11 профессоровъ: 3—на богословскій, 6—на философскій и по одному на юридическій и медицинскій [1]); кромѣ того, были учителя французскаго и итальянскаго языковъ, рисованія, фехтованія, танцевъ [2]). На содержаніе университета въ общемъ положена была приблизительно та же сумма, что и на первый университетъ въ Дерптѣ, но такъ какъ стипендіальная сумма была опредѣлена вдвое меньше, а, съ другой стороны, было меньше профессоровъ, то матеріальная сторона каждаго изъ нихъ была обставлена нѣсколько лучше, чѣмъ ихъ товарищей полвѣка назадъ [3]). Тѣмъ не менѣе теперь, какъ и тогда, они прибѣгали къ занятію посторонних ихъ прямымъ обязанностямъ должностей. На этотъ разъ большинство профессоровъ были шведы, а меньшинство — нѣмцы; по расчету Ширрена [4]), въ то время какъ въ первомъ университетѣ изъ 24 профессоровъ было только 7 шведовъ, во второмъ университетѣ изъ 28— только 4 нѣмца, да и то изъ нихъ лишь трое вступили въ дѣйствительную службу: М. Дау, Д. Эбергардъ и Я. Вильде. Національное нерасположеніе тѣмъ не менѣе и здѣсь находило себѣ пищу, выражаясь нерѣдко весьма грубо или пользуясь для преобладанія надъ против-

---

1) (Th. Beise), Die Kaiserliche Universität Dorpat, стр. 13, прим. 22.

2) Buchholtz, назв. соч., стр. 194—195.

3) Вотъ штатъ 1699—1710 годовъ, заключающій въ себѣ впрочемъ не 11, а только 10 профессоровъ: старшему профессору богословія—1.000 рейхсталеровъ, двумъ младшимъ профессорамъ богословія — по 600, профессору права—500, медицины—500, краснорѣчія и поэзіи—500, исторіи—500, восточныхъ языковъ—500, математики—500, философіи—500, секретарю и библіотекарю—300, учителю верховой ѣзды—200, учителю фехтованія—200, учителю танцевъ 200, типографщику—50, педелю—60, десяти стипендіатамъ по 50—500, десяти по 40—400; десяти по 30—300, десяти по 20—200, на ремонтъ зданія и непредвидѣнные расходы—200, а всего 8.310 рейхсталеровъ: J. v. Stein, Miscellen zur Geschichte Pernau's, въ Neue Dörptsche Zeitung, 1883, № 126.

4) Zur Geschichte der schwedischen Universität in Livland, стр. 30.

никомъ сомнительными въ нравственномъ отношеніи средствами.

Положенныя на содержаніе университета деньги должны были получаться съ дохода отъ имѣній, лежавшихъ недалеко отъ Дерпта, и управленіе этими имѣніями принадлежало университету. Деньги поступали неаккуратно, и система эксплоатаціи имѣній мѣнялась; одно время, взамѣнъ жалованья деньгами, каждый профессоръ надѣленъ былъ землей, съ лѣсомъ и лугами и двумя крестьянами-батраками, и долженъ былъ вести, такимъ образомъ, свое хозяйство за собственный счетъ и страхъ [1]). Этотъ порядокъ вещей, сходный во многомъ съ тѣмъ, что было при первомъ университетѣ, повлекъ за собою тѣ же послѣдствія; университетъ въ сущности не могъ быть увѣренъ въ полученіи и этой малой суммы, которая была ему ассигнована, и постоянно находился въ зависимости отъ постороннихъ обстоятельствъ.

О преподавательской дѣятельности профессоровъ второго университета мы такъ же мало знаемъ, какъ и относительно перваго. Латинскій языкъ, какъ и въ первомъ университетѣ, оставался языкомъ преподаванія, но въ роли языковъ шведскаго и нѣмецкаго, при офиціальномъ ихъ употребленіи, произошло измѣненіе въ пользу перваго, что было совершенно естественно при почти исключительно шведскомъ составѣ преподавательскаго персонала.

Второй университетъ, подобно первому, относительно учащихся обезпеченъ былъ объявленіемъ королевской воли, черезъ посредство генералъ-губернатора графа Гастфера, отъ 1-го іюля 1690 года, о томъ, что всякій желающій получить общественную должность въ краѣ, свѣтскую или

---

1) У. Ширрена, въ назв. соч. стр. 67, напечатанъ интересный документъ, представляющій собою распредѣленіе земли, съ поименнымъ спискомъ крестьянъ для профессоровъ, и относящійся къ 1690 году.

духовную, долженъ предварительно проучиться два года въ университетѣ и подвергнуться потомъ соотвѣтствующему испытанію [1]). Не безъ связи съ желаніемъ расширить кругъ слушателей новаго университета или, по крайней мѣрѣ, дать воспитанникамъ его возможность болѣе широкаго приложенія своихъ способностей и познаній среди мѣстнаго населенія, было сдѣланное въ 1693 г. отъ имени всѣхъ профессоровъ предложеніе ввести въ университетѣ преподаваніе латышскаго, русскаго и польскаго языковъ; но предложеніе это не получило осуществленія.

Хотя второй шведскій университетъ существовалъ лишь на четыре года меньше перваго, но въ немъ обучалось сравнительно гораздо меньше студентовъ. По опубликованнымъ Бейзе именнымъ спискамъ [2]), всего заимматрикулировано было во второмъ университетѣ 587 студентовъ [3]), приблизительно двѣ трети которыхъ (409) падаетъ на время пребыванія университета въ Дерптѣ, и одна треть (178) — на годы, проведенные имъ въ Перновѣ. По національности и мѣсту происхожденія, въ дерптскую половину преобладали, хотя и не очень значительно, шведы и финляндцы (174 изъ Швеціи и Финляндіи, 147 изъ Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи, 44 иностранца), а въ перновскую половину шведы и финляндцы, напротивъ, были въ значительномъ меньшинствѣ (33 изъ Швеціи и Финляндіи, 101 изъ Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи, 35 иностранцевъ); о мѣстѣ происхожденія остальныхъ въ спискахъ точныхъ свѣдѣній не имѣется [4]).

---

1) Backmeister, назв. соч., стр. 196.

2) Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Est- und Kurlands. B. XII. Riga 1880, стр. 312—332.

3) Въ сочиненіи „Die deutsche Universität Dorpat“ (Leipzig 1882, стр. 12—15) общая сумма представлена 586, но тамъ невѣрно подсчитано число студентовъ за 1697 годъ: ихъ было не 35, а 36.

4) Mittheilungen. B. XII, стр. 310—311.

3.

Черты внутренней университетской жизни въ Дерптѣ и Перновѣ въ XVII—XVIII вѣкахъ.

Внутренняя жизнь студенчества въ Дерптѣ и Перновѣ въ XVII и началѣ XVIII вѣка, отношенія его къ университету и къ городскому населенію мало извѣстны, по недостатку дошедшихъ до насъ данныхъ. Нѣкоторое представленіе объ этомъ однако же могутъ дать тогдашнія „правила для студентовъ", заключающія въ себѣ перечень ихъ правъ („привилегій") и обязанностей. Оставаясь по существу одними и тѣми же какъ въ первомъ, такъ и во второмъ шведскомъ университетѣ, правила эти получили болѣе точную и обстоятельную формулировку уже въ періодъ дерптско-перновскій.

Вотъ въ какихъ условіяхъ представляется намъ тогдашній студентъ въ Дерптѣ и Перновѣ по „статутамъ", утвержденнымъ королемъ Карломъ XI 28-го января 1689 года [1]).

По пріѣздѣ въ университетскій городъ, молодой человѣкъ долженъ по возможности немедленно, и не позднѣе восьми дней, явиться къ ректору и внести свое имя въ книгу матрикулъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ принести присягу передъ университетскимъ начальствомъ, съ обѣщаніемъ полнаго подчиненія всѣмъ университетскимъ правиламъ и порядкамъ; въ этой присягѣ, кромѣ того, еще говорилось: „За обиды, мнѣ нанесенныя, я не буду мстить по собственному произволу ни явно, ни тайно, но какъ въ этихъ, такъ и въ другихъ затруднительныхъ для меня случаяхъ буду подчиняться рѣшенію ректора или университетскаго сената.

---

1) Напечатаны подъ заглавіемъ „E Constitutionibus Regiae Academiae Dorpatensis excerpta privilegia et promotiones studiosorum concernentia" отдѣльно, безъ обозначенія года (Dorpati. Excudit Johannes Brendeken, Acad. Typogr.), и перепечатаны въ „Mittheilungen", B. VII, стр. 239—246.

Изъ университета я удалюсь не иначе, какъ съ благосклоннаго согласія ректора и, если буду подвергнутъ имъ задержанію или аресту, не стану отъ этого уклоняться. Домашнюю утварь и всѣ мои вещи я вывезу изъ города лишь послѣ надлежащаго удовлетворенія моихъ кредиторовъ" (Cap. IV, Membr. III, § V).

Повиновеніе распоряженіямъ ректора являлось первой обязанностью вступившаго въ число студентовъ; не явившійся на его призывъ наказывается карцеромъ, а упорно отказывающійся подчиняться рѣшеніямъ ректора и университетской „консисторіи" (consistorium) подвергается „публичному исключенію" (publica relegatio) изъ университета, которое не только лишаетъ наказаннаго возможности продолжать въ университетѣ свои занятія, но можетъ оказать невыгодное вліяніе и на его послѣдующую жизнь, при желаніи имъ занять какую-либо почетную общественную должность (Cap. XXIII. De vita et moribus studiosorum, § 9). Студентъ долженъ также оказывать должное почтеніе профессорамъ (§ 7).

Цѣлью вступленія въ университетъ является столько же пріобрѣтеніе необходимыхъ для жизни познаній, сколько и совершенствованіе себя въ религіозномъ и нравственномъ отношеніяхъ. Поэтому, студентъ долженъ соблюдать благочестіе, учиться истинной вѣрѣ, долженъ ежедневно, утромъ и вечеромъ, читать Библію и всѣ занятія свои направлять къ славѣ Божіей (§ 1). Стремленіемъ своимъ къ истинному познанію христіанскаго ученія долженъ онъ дорожить болѣе всего — въ своихъ занятіяхъ, поведеніи и обращеніи съ людьми, и, напротивъ, „какъ ада избѣгать и проклинать ложь", уклоняться отъ клеветы, порицаній, ссоръ, вѣроломства, коварства, тщеславія и притворства во всѣхъ отношеніяхъ (§ 3). Студентъ долженъ относиться съ уваженіемъ къ вѣрнымъ служителямъ слова Божія (§ 6) и какъ можно чаще посѣщать общественное богослуженіе, отъ котораго никто не можетъ уклоняться; запре-

щаются въ извѣстное время всѣ прогулки и игры, которыя могутъ отвлекать отъ него молодыхъ людей, и кто въ воскресный день или главный праздникъ, въ часы церковной службы, будетъ находиться на площади или въ окрестностяхъ города, тотъ долженъ быть наказанъ карцеромъ; этому же наказанію подвергаются и тѣ, которые нарушаютъ въ церкви тишину шумомъ или разговоромъ и послѣ сдѣланнаго имъ о томъ замѣчанія не исправятся (§ 4).

Подобно душѣ, которая должна быть свободна отъ дурныхъ страстей, безпечности и суевѣрія, студентъ долженъ сохранять въ чистотѣ и свое тѣло, какъ жилище св. Духа, не оскверняя его грязными пороками, уличенный въ которыхъ подвергается опредѣленному наказанію (§ 5).

Поступая въ университетъ для обогащенія своего ума познаніями, студентъ долженъ аккуратно посѣщать положенныя для него лекціи и упражненія и тщательно записывать все, что преподается; не посѣщающіе лекцій, если послѣ напоминанія не исправятся, должны быть удаляемы изъ университета къ родителямъ или на родину (§§ 12, 13). Студенты обязаны являться на извѣстныя собранія въ университетѣ и внѣ его, въ родѣ публичныхъ актовъ, диспутовъ, похоронъ и т. п. (§ 11). Такъ какъ преподаваніе въ университетѣ есть дѣло исключительно принадлежащее опредѣленнымъ на то лицамъ, то никому изъ студентовъ не дозволяется нарушать этого права путемъ частнаго обученія; точно также однимъ только этимъ лицамъ дозволяется вывѣшивать на „публичной доскѣ", безъ предварительнаго разрѣшенія ректора или декана, объявленія, и никто изъ студентовъ, подъ страхомъ двухдневнаго карцера, не можетъ снять этихъ объявленій, безъ особаго на то приказанія (§§ 14, 15).

Студентамъ запрещается устраивать земляческія сходки (nationalia conventicula), и виновный въ созывѣ ихъ или посѣщеніи подвергается исключенію (relegatio) навсегда; этому же наказанію подлежитъ и тотъ, кто предоставитъ для по-

добной сходки помѣщеніе; но если студенты желаютъ собраться ради заботы о больномъ товарищѣ или похоронъ, то собраніе разрѣшается въ домѣ ректора (§ 17).

Въ частной жизни студентъ долженъ воздерживаться отъ нанесенія кому-либо обиды или насилія, отъ обмана, дракъ и всякаго рода буйства, отъ нападенія на дома, выбиванія оконъ и вышибанія дверей; не долженъ безчестить кого-либо, оскорблять честныхъ и невинныхъ людей ложными обвиненіями, ябедническими клеветами или распространеніемъ пасквилей (§§ 22, 28). Ни ночью, ни днемъ не долженъ онъ въ городѣ стрѣлять или производить какой-либо взрывъ порохомъ, подъ страхомъ карцера или исключенія изъ университета (§ 23). Въ трактирѣ онъ не долженъ засиживаться позднѣе девятаго часа вечера, и трактирщикъ, продающій вино или пиво послѣ девятаго часа, подвергается наказанію отъ городского магистрата (§ 24). На улицѣ онъ не долженъ заводить какихъ-либо ссоръ или принимать въ нихъ участіе, и не можетъ обнажить свою шпагу иначе, какъ вынуждаемый къ тому открытымъ насиліемъ, подъ страхомъ лишиться права ея ношенія (§§ 25, 26).

Студентамъ запрещаются всякаго рода шалости, шутовскія дурачества, пирушки и попойки, неприличныя игры — въ шашки, кости, карты и т. п. (§§ 16, 18); студентъ долженъ быть бережливъ, избѣгать излишнихъ расходовъ, роскоши и мотовства (§ 21); онъ долженъ строго различать границу между своимъ и чужимъ и быть аккуратнымъ и честнымъ въ уплатѣ долговъ, особенно хозяевамъ за содержаніе и квартиру (§§ 19, 20).

Дуэль строго запрещается, и подвергаются наказанію какъ вызвавшій, такъ и вызванный (§ 27).

На студента налагается обязанность, вырабатывая въ себѣ должную скромность, имѣть однако же вѣрное и неприниженное мнѣніе о себѣ и о своемъ отечествѣ, не слишкомъ преклоняться передъ иностраннымъ (§ 29); въ загра-

ничные университеты для продолженія образованія можетъ отправиться только тотъ, кто уже на родинѣ получилъ надлежащія познанія въ наукахъ и правилахъ вѣры и доказалъ это передъ собраніемъ профессоровъ (§ 30). Оставляющій университетъ долженъ получить свидѣтельство отъ ректора, если желаетъ впослѣдствіи воспользоваться выгодами своего положенія (§ 31).

Таковы были обязанности „академическаго гражданина" въ Дерптѣ и Перновѣ того времени, возможность уклоненія отъ которыхъ сопровождалась въ правилахъ напоминаніемъ о разныхъ степеняхъ наказанія по законамъ общимъ или университетскимъ. Но кромѣ этихъ обязанностей, въ правилахъ нашелъ себѣ мѣсто и перечень ихъ правъ или „привилегій".

„Привилегіи" эти, подобно правамъ, касаются отношеній студента въ университетѣ и внѣ его.

Всякій, поступившій обычнымъ порядкомъ въ число студентовъ, не только имѣетъ возможность пользоваться „публичными" и „частными" лекціями профессоровъ, но и право „для большаго успѣха въ своихъ занятіяхъ дважды въ недѣлю посѣщать публичную (университетскую) библіотеку, для просматриванія и чтенія хорошихъ книгъ, при чемъ позволяется дѣлать и извлеченія изъ нихъ" (Cap. XXIV. De privilegiis studiosorum, §§ 10, 11). Разъ имматрикулированный студентъ, по чему-либо временно отлучившійся изъ университета, удерживаетъ за собою право возвращенія въ университетъ въ продолженіе двухъ лѣтъ, безъ новыхъ денежныхъ взносовъ (§ 14).

Студентамъ позволяется имѣть собственную кассу для помощи бѣднымъ товарищамъ на случай ихъ болѣзни и погребенія. Касса эта составляется изъ добровольныхъ взносовъ, до имматрикуляціи у декана, въ размѣрѣ по крайней мѣрѣ шести марокъ (sex ad minimum marcas), которыя опускаются въ особую кружку и отмѣчаются въ соотвѣтственной счетной книгѣ; кружка эта хранится въ уни-

верситетскомъ казначействѣ и имѣетъ два ключа, изъ которыхъ одинъ хранится у ректора, а другой у декана; когда представляется случай, деньги берутся оттуда кѣмъ-либо изъ студентовъ въ присутствіи ректора и казначея, и взятая сумма аккуратно записывается въ книгу (§ 9).

Студенты освобождаются отъ военной службы, какого бы сословія или званія они ни были, и ни подъ какимъ предлогомъ не привлекаются къ ней противъ воли (§ 8); они пользуются свободой отъ всякихъ общественныхъ взысканій и налоговъ на свое имущество, деньги и т. п. (§ 6).

Въ предѣлахъ шести миль отъ города студентъ не можетъ быть задержанъ безъ вѣдома университетскаго начальства, и только въ томъ случаѣ, если онъ захваченъ на мѣстѣ преступленія или обнаруживаетъ намѣреніе скрыться послѣ совершеннаго дурного дѣянія, онъ можетъ быть взятъ и представленъ университетскому начальству (§ 1). Нанесшій студенту, безъ всякой вины со стороны послѣдняго, обиду не только подвергается обычному наказанію, но и обязанъ уплатить обиженному 20 марокъ (§ 3). Въ случаѣ убійства студента, за убійцу не можетъ быть принято никакое поручительство (§ 4). Студентъ не можетъ быть заключенъ за долги въ тюрьму, если онъ представитъ поручителей (§ 5). Если студентъ имѣетъ въ чужомъ судѣ тяжбу, то дѣло должно быть рѣшено немедленно, подъ страхомъ отвѣтственности суда передъ верховной королевской судебной властью (§ 2). При раздѣлѣ между наслѣдниками полученнаго имущества, студентъ имѣетъ преимущественное право передъ другими наслѣдниками, не занимающимися науками, удержать за собою подлежащія раздѣлу книги съ уплатою ихъ стоимости (§ 7).

„Привилегіи“ эти относятся только къ тѣмъ, которые ведутъ себя въ университетѣ какъ прилично студентамъ (§ 15).

Таковы были эти студенческія правила. Что указанія на обязанности студентовъ, предусматривавшія ихъ проступки,

были основаны на опытѣ и на знакомствѣ съ дѣйствительной жизнью студенческой среды того времени, это подтверждается нѣкоторыми — впрочемъ, весьма немногими — опубликованными изъ той поры документами. И тутъ, какъ и въ „правилахъ“, главными отрицательными сторонами тогдашняго студенчества являются небрежность относительно занятій и склонность къ попойкамъ и дракамъ.

Захарій Клингіусъ, назначенный въ 1652 году лифляндскимъ суперинтендентомъ и вице-канцлеромъ университета, послѣ ознакомленія съ послѣднимъ указывалъ университетскому совѣту на необходимость тщательнаго наблюденія за стипендіатами, чтобы они аккуратно посѣщали лекціи и участвовали въ другихъ занятіяхъ, чтобы мѣсячные и семестральные экзамены производились имъ со всей строгостью: многіе изъ нихъ являлись въ университетъ только за полученіемъ стипендіи и нерѣдко проводили дни и ночи въ попойкахъ. Между студентами существовалъ тогда такой взглядъ, что кто не получаетъ стипендіи, тотъ можетъ и совсѣмъ не посѣщать лекцій. Впрочемъ, въ этой небрежности относительно посѣщенія лекцій студентами виноваты были также и нѣкоторые профессора; особенно въ этомъ отношеніи выдавался юридическій факультетъ. Когда въ 1693 г. канцлеръ университста, похваливши студентовъ богословскаго и философскаго факультетовъ, выразилъ порицаніе студентамъ-юристамъ за ихъ набрежное отношеніе къ своимъ занятіямъ, то они, въ свою очередь, жаловались на профессора шведскаго и римскаго права Лунда (1690—1695), въ аудиторіи котораго они бывали чаще, нежели самъ профессоръ, чрезвычайно неаккуратно читавшій лекціи; съ пасхи 1692 г. по ноябрь 1693-го онъ читалъ всего шесть разъ и оправдывалъ это тѣмъ, что со времени возобновленія университета въ 1690 году на юридическій факультетъ поступаетъ весьма мало слушателей — всего два-три студента изъ Риги и изъ лифляндскаго дворянства, остальные же — менѣе почетнаго проис-

хожденія: поэтому профессоръ полагалъ, что, въ виду очевиднаго упадка юридическаго факультета, слушатели его хорошо бы сдѣлали, если бы перешли на философскій или богословскій факультетъ [1]).

13-го іюля 1641 года, на крестинахъ у одного дерптскаго жителя, произошла между нѣсколькими студентами и другими лицами ссора и драка, при чемъ одинъ студентъ былъ убитъ, а нѣсколько другихъ участниковъ получили болѣе или менѣе тяжкія раны; въ этомъ дѣлѣ участвовали и два сына штатгальтера Фабіана Врангеля, бывшіе уже тогда на военной службѣ; въ числѣ сильно пострадавшихъ оказался ассесоръ дерптскаго гофъ-герихта, впослѣдствіи довольно извѣстный шведскій дѣятель, ученый и поэтъ Георгъ Штернгельмъ [2]). Вскорѣ послѣ этого, въ концѣ іюля того же года, нѣсколькими студентами было сдѣлано нападеніе на возвращавшагося домой унтеръ-офицера, который получилъ при этомъ опасную рану; студенты нападали также и на солдатъ мѣстнаго гарнизона, унтеръ-офицеры котораго, по словамъ современнаго документа, вообще „kaum sicher die Runde gehen können“. 13-го апрѣля 1695 года университетскій совѣтъ доносилъ канцлеру о случившемся 7-го апрѣля въ церкви между студентами и солдатами столкновеніи. 28-го сентября 1696 года командиръ дерптскаго гарнизона доносилъ канцлеру о ночныхъ столкновеніяхъ на улицѣ между студентами и офицерами, стараясь представить подробности этого дѣла въ другомъ свѣтѣ, нежели какъ это изложено было въ донесеніи университетскаго начальства, которое хотѣло по возможности выгородить студентовъ [3]).

---

1) Dörptsches Studentenleben im XVII Jahrhundert, въ Inland 1852, № 42, ст. 789—791.

2) Ein Studententumult in Dorpat im Jahre 1641, въ Dörptsche Zeitung 1873, № 164; Fr. Bienemann, Ein Tumult in Dorpat anno 1641, въ Baltische Monatsschrift, B. 49. 1900, Heft 5, стр. 293—311.

3) Inland 1852, № 44, ст. 821—823.

Такъ какъ подобнаго рода случаи были главнымъ образомъ результатомъ нетрезваго состоянія студентовъ, то приведенное выше правило для студентовъ отъ 1689 года о трактирахъ послѣ девяти часовъ вечера подтверждалось съ разныхъ сторонъ новыми постановленіями: въ 1692 году — со стороны генералъ-губернатора дерптскому бургомистру, а въ 1708 году со стороны городского совѣта города Пернова[1]).

Къ числу особенностей внутренней жизни перваго шведскаго университета въ Лифляндіи принадлежалъ обрядъ „депозиціи“ (depositio), отсутствовавшій во второмъ университетѣ въ Дерптѣ и Перновѣ.

Обрядъ этотъ древняго происхожденія. Въ его основѣ лежала та идея, что душа человѣка и все его нравственное существо облагораживается путемъ знанія, и что поэтому самое вступленіе въ храмъ науки есть моментъ, совпадающій для человѣческой личности съ ея полнымъ перерожденіемъ. Еще въ раннихъ философскихъ школахъ, языческихъ и христіанскихъ, сталъ создаваться обычай закрѣплять этотъ моментъ какимъ-либо видимымъ символическимъ актомъ, но сколько-нибудь опредѣленный видъ, способный создать традицію, получилъ этотъ актъ посвященія ищущаго науки какъ бы въ новую жизнь въ европейскихъ школахъ лишь въ XVI вѣкѣ, во времена реформаціи; особенно привился онъ въ университетахъ Германіи, Даніи и Швеціи; имена Лютера и Меланхтона связаны съ актомъ „депозиціи“, получившей къ этому времени окончательно смыслъ символическаго освобожденія человѣка отъ свойствъ безсловеснаго животнаго и принятія имъ человѣческаго вида[2]). Особенное распространеніе обрядъ „депозиціи“ по-

1) Inland 1852, № 44, ст. 824; J. v. Stein, Miscellen zur Geschichte Pernau's, въ Neue Dörptsche Zeitung 1883, № 126.

2) A. Tholuck, Das academische Leben des XVII Jahrhunderts, mit besonderer Beziehung auf die protestantisch-theologischen Facultäten Deutschlands (I часть Vorgeschichte des Rationalismus). Erste Abtheilung. Halle 1853, стр. 201—202.

лучилъ въ XVII вѣкѣ, къ которому относятся особыя сочиненія о немъ Гофмана (1657 г.), Вингольда (1689 г.) и другихъ. Проникши довольно рано въ Упсальскій университетъ, актъ „депозиціи“ перенесенъ былъ оттуда, вмѣстѣ съ другими постановленіями и обычаями, также и въ Дерптъ, гдѣ уже въ самый годъ основанія университета (1632) фигурировалъ въ качествѣ „депозитора“ (depositor), т.-е. лица, совершавшаго обрядъ „депозиціи“ надъ другими, первый имматрикулированный студентъ этого университета Бенедиктъ Базіусъ [1]).

До насъ не дошло описанія обряда „депозиціи“, практиковавшагося въ Дерптѣ [2]), но, вѣроятно, это былъ тотъ же обрядъ, что и въ Упсалѣ, о которомъ передаетъ довольно подробныя свѣдѣнія де-ла-Мотрей [3]).

Между тѣмъ, актъ этотъ, заключавшій въ себѣ смѣсь грубости и шутовства, неприличныхъ для мѣста науки, еще съ начала XVII вѣка сталъ вызывать противъ себя возраженія въ нѣкоторыхъ университетахъ Германіи; мало-помалу агитація противъ этого пережитка старины сдѣлалась всеобщей и повлекла за собою отмѣну его въ большинствѣ европейскихъ университетовъ [4]), такъ что когда въ 1690 году въ Дерптѣ возобновленъ былъ университетъ, то въ слѣдующемъ же 1691 году состоялось распоряженіе о совершенной отмѣнѣ прежняго обряда „депозиціи“ для новаго университета [5]). Въ спискѣ должностныхъ лицъ второго шведскаго университета совсѣмъ не значится „депозитора“, и такимъ образомъ уничтоженіе этого обряда составляетъ одну изъ отличительныхъ особенностей этого учрежденія

---

1) Mittheilungen, B. VIII, стр. 150, 514.
2) Sommelius, назв. соч., стр. 35—36.
3) Voyage en Europe, Asie et Afrique, II, стр. 316: приведено у Соммеліуса, стр. 37—39.
4) Tholuck, назв. соч., стр. 204—206.
5) Mittheilungen, B. VII, стр. 195—196, прим. 49.

сравнительно съ его предшественникомъ въ 1632—1656 годахъ въ Дерптѣ [1]).

Подвергавшимся обряду „депозиціи“ въ Дерптѣ и Ревелѣ въ 1632—1665 годахъ велся особый списокъ, опубликованный Ѳ. Бейзе [2]). Если сравнить упомянутый выше списокъ имматрикулированныхъ за тѣ же годы студентовъ со спискомъ подвергшихся „депозиціи“, то они окажутся не вполнѣ тожественными: первый списокъ заключаетъ въ себѣ болѣе именъ, нежели второй, и это указываетъ на то, что не всѣ имматрикулировавшіеся подвергались „депозиціи“; изъ общаго числа 1060 „депозиціи“ подверглись лишь 787. Фактъ этотъ объясняется, съ одной стороны, тѣмъ, что изъ поступавшихъ въ Дерптскій университетъ иностранцевъ только весьма немногіе подвергались въ Дерптѣ „депозиціи“, такъ какъ отбыли этотъ обрядъ гдѣ-нибудь у себя дома, а съ другой стороны — не всѣ и изъ мѣстной молодежи желали выполненія надъ собой обряда „депозиціи“, который былъ не обязательнымъ и лишь полу-офиціальнымъ. Замѣчательно, что списки подвергшихся „депозиціи“ въ Ревелѣ въ 1657—1665 годахъ заключаютъ въ себѣ болѣе именъ, нежели списки заимматрикулированныхъ тамъ же и за то же время [3]): очевидно, не всѣ выполнившіе этотъ обрядъ поступили затѣмъ въ студенты; 1656 годъ за все время существованія „депозиціи“ въ Дерптѣ представляетъ единственный примѣръ того, что число подвергшихся ей равнялось и числу получившихъ имматрикуляцію. Обрядъ „депозиціи“ совершался то въ одинъ день съ имматрикуляціей, то нѣсколько предшествовалъ ей, то слѣдовалъ за нею. Онъ имѣлъ мѣсто обыкновенно въ домѣ декана философскаго факультета, иногда же въ домѣ ректора или въ какомъ-либо изъ университет-

---

1) Mittheilungen, B. VII, стр. 175.

2) Mittheilungen, B. VIII, стр. 514—549: Matricula seu Catalogus illorum, qui in Academia Dorpatensi cornua deposuerunt.

3) Mittheilungen, B. VII, стр. 187—188, 546—549.

скихъ помѣщеній, а также и въ частномъ домѣ какого-либо извѣстнаго и уважаемаго лица [1].

Такъ просуществовалъ, въ общей сложности, около полустолѣтія разсадникъ высшаго образованія въ Лифляндіи въ XVII и началѣ XVIII вѣка. Въ обѣ половины своего существованія, раздѣленныя тремя десятками лѣтъ войны или безпокойства, университетъ жилъ при одинаково неблагопріятныхъ условіяхъ: лишенный необходимыхъ матеріальныхъ средствъ, безъ крѣпкихъ связей со страной и безъ сочувствія къ нему мѣстнаго населенія, страдая въ своей внутренней жизни антагонизмомъ двухъ національностей, онъ едва могъ влачить свою незавидную долю. Двукратное прекращеніе его существованія, въ 1656 и 1710 годахъ, совпало съ успѣхами русскаго оружія возлѣ Дерпта и Пернова, но не русскіе виноваты были въ паденіи университета, лишеннаго той внутренней силы, которая была бы способна вдохнуть въ него жизнь послѣ тревожныхъ событій военнаго времени: особенно ясно это изъ обстоятельствъ, при которыхъ университетъ прекратилъ свое существованіе въ 1710 году.

Такимъ образомъ, университетъ въ Дерптѣ и Перновѣ въ XVII и XVIII вѣкахъ былъ растеніемъ, посаженнымъ болѣе или менѣе случайно, чужою рукою, и не привившимся къ почвѣ, не пустившимъ въ нее глубокаго корня. Вліяніе его на страну было невелико, но все-таки было бы ошибочно совершенно отрицать это вліяніе. Болѣе полуторыхъ тысячъ молодыхъ людей воспользовались въ той или другой мѣрѣ средствами высшаго образованія въ Дерптѣ и Перновѣ, и хотя большая часть изъ нихъ были шведы, тѣмъ не менѣе многіе изъ воспитанниковъ универ-

1) Inland 1857, № 21, ст. 355.

ситета оставались въ странѣ, занимая разныя общественныя и правительственныя должности. Наконецъ, университетъ, при всей его внутренней слабости и недостаткахъ, поддерживалъ въ странѣ идею высшаго образованія, которая продолжала жить позднѣе и не осталась безъ послѣдствій въ будущемъ для судебъ высшаго образованія въ Лифляндіи.

III. Вопросъ объ университетѣ въ Лифляндіи въ XVIII вѣкѣ.

Вопросъ объ университетѣ при Петрѣ I. — Училище барона М. В. Нирода близъ Дерпта. — Ходатайства объ основаніи университета при Екатеринѣ I, Аннѣ Іоанновнѣ и Елизаветѣ Петровнѣ. — Отношеніе къ вопросу Екатерины II. — Указъ Павла I 9 апрѣля 1798 года. — Комиссія изъ представителей дворянства и споръ о мѣстѣ основанія университета; „планъ" 4 мая 1799 года; кураторы. — Указы Александра I 12 апрѣля 1801 года и 5 января 1802 года.

Весьма малый интересъ, обнаруженный послѣдними дѣятелями латино-шведскаго университета въ Перновѣ къ будущей судьбѣ этого учрежденія, не могъ, конечно, много содѣйствовать живучести самой идеи высшаго образованія въ Лифляндіи въ первые годы въ ней русскаго господства. Мѣстное населеніе, довольно равнодушно относившееся къ университету въ Дерптѣ и Перновѣ, также не обнаруживало на первыхъ порахъ какой-либо иниціативы въ этомъ вопросѣ. Поэтому при жизни Петра Великаго о возобновленіи университета въ Лифляндіи не заводилось и рѣчи. Самъ Петръ, неутомимая мысль котораго постоянно искала средствъ и способовъ насажденія образованности въ Россіи, во вторую половину своего царствованія, среди продолжавшихся еще военныхъ событій, обдумывалъ между тѣмъ планъ основанія въ Петербургѣ высшаго ученаго учрежденія, которое должно было принять на себя также задачи средней и высшей школы и, такимъ образомъ, быть въ одно и то же время академіей наукъ, гимназіей и университетомъ.

Докладъ объ окончательномъ устройствѣ этого учрежденія, составленный лейбъ-медикомъ Блюментростомъ, былъ разсмотрѣнъ и утвержденъ Петромъ 22-го января 1724 года, при чемъ необходимыя денежныя средства для содержанія Академіи Наукъ, какъ указано было самимъ Петромъ, „собираются съ городовъ Дерпта, Нарвы, Пернова и Аренсбурга таможенныхъ и лицентныхъ“ [1]). Приглашеніе изъ-за границы лицъ для занятія мѣстъ въ новомъ учрежденіи потребовало еще цѣлый годъ времени, и открытіе Академіи совершилось лишь въ 1725 году, въ первый годъ царствованія императрицы Екатерины I.

Академія Наукъ въ Петербургѣ, въ обсужденіи предварительнаго плана которой принимали участіе такіе выдающіеся германскіе ученые, какъ Лейбницъ и Христіанъ Вольфъ, и составъ которой на первое время былъ исключительно нѣмецкій, явилась учрежденіемъ, безъ сомнѣнія, весьма близкимъ по духу къ той университетской средѣ, которая дѣйствовала незадолго передъ тѣмъ въ Дерптѣ и Перновѣ, хотя въ чисто научномъ отношеніи была значительно выше послѣдней; впрочемъ, непосредственныхъ, личныхъ связей между этими двумя учрежденіями, конецъ существованія одного изъ которыхъ только пятнадцатью годами отдѣлялся отъ начала существованія другого, не существовало.

По общей связи съ идеей высшаго образованія въ Лифляндіи въ эпоху Петра Великаго, нельзя не упомянуть здѣсь объ основаніи въ 1720 году, съ согласія Петра I, эстляндскимъ барономъ и вице-президентомъ коммерцъ-коллегіи въ Петербургѣ Магнусомъ-Вильгельмомъ Нироддомъ, въ центрѣ своихъ имѣній Альпъ, Седелькауленъ и Кукферъ, училища „для шляхетныхъ и нешляхетныхъ учениковъ“; тутъ преподавались языки нѣмецкій, латинскій и француз-

---

1) Пекарскій, П. Исторія Императорской Академіи Наукъ въ Петербургѣ. Т. I. Спб. 1870, стр. XXXI.

скій, географія, исторія, философія, ариѳметика, геометрія, фортификація, архитектура и живопись, политика, мораль, а также предполагалось обученіе танцамъ, фехтованію и верховой ѣздѣ. Эту школу посѣтилъ, на пути въ Дерптъ, архіепископъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, о чемъ и писалъ Марковичу отъ 10-го мая 1720 года. Знаменитому сотруднику Петра Великаго учрежденіе это очень понравилось: найдя тамъ до ста воспитанниковъ, между которыми среди большинства лифляндцевъ было нѣсколько и русскихъ, онъ послалъ туда еще трехъ молодыхъ своихъ земляковъ изъ Кіева. Это училище устроено было по образцу сиротскихъ домовъ въ Галле, съ примѣненіемъ въ немъ методы извѣстнаго піэтиста Августа-Германа Франка. Одинъ ученикъ изъ этого училища, Шиллингъ, учился потомъ въ Академіи Наукъ въ Петербургѣ, а впослѣдствіи сдѣлался русскимъ придворнымъ врачемъ [1]).

Фактъ существованія НироДовскаго училища ясно показываетъ, что если бы лифляндское и эстляндское дворянство пожелали сдѣлать передъ правительствомъ рѣшительные шаги къ возобновленію мѣстнаго университета, они, безъ сомнѣнія, встрѣтили бы живое сочувствіе со стороны великаго преобразователя, которое притомъ было бы въ полномъ соотвѣтствіи съ мыслями, выраженными, какъ мы видѣли, по этому вопросу Петромъ въ 1710 году; но шаги эти сдѣланы не были.

Начало попытокъ ходатайствовать о возстановленіи университета въ Лифляндіи относится ко времени лишь послѣ Петра Великаго. Тянутся онѣ черезъ всѣ три послѣднія четверти XVIII вѣка, съ значительными перерывами и не энергично, и увѣнчиваются успѣхомъ лишь въ самомъ концѣ этого столѣтія, со вступленіемъ на престолъ императора Павла I.

Еще въ концѣ 1725 года городской совѣтъ Дерпта

---

1) Пекарскій, назв. соч., т. I, стр. XXV—XXVII.

просилъ о перенесенiи въ этотъ городъ гофъ-герихта и о возобновленiи въ немъ университета; на вторую просьбу послѣдовалъ уклончивый отвѣтъ генералъ-губернатора князя А. И. Репнина, отъ 7-го декабря 1725 года, съ указанiемъ на то, что шведское правительство, вѣроятно, не безъ основанiя перенесло университетъ изъ Дерпта въ Перновъ [1]). Въ томъ же году мысль о возстановленiи университета въ Лифляндiи обращалась и среди лифляндскаго и эстляндскаго дворянства, но не была высказана передъ правительствомъ открыто, такъ какъ дворянство занято было главнымъ образомъ хлопотами передъ императрицей о дарованiи ему извѣстной независимости въ области мѣстныхъ судебныхъ учрежденiй [2]).

Въ 1730 году, со вступленiемъ на престолъ императрицы Анны Iоанновны, эстляндское дворянство возбудило вопросъ объ университетѣ, но не встрѣтило въ этомъ помощи со стороны дворянства въ Лифляндiи, и дѣло кончилось ничѣмъ; но что императрица сочувственно относилась къ этому вопросу, видно изъ назначенiя въ 1734 году вице-канцлера графа А. И. Остермана „покровителемъ вновь учреждаемаго Дерптскаго университета" [3]).

При Елизаветѣ Петровнѣ перновскiй магистратъ поднялъ въ 1754 году вопросъ о возобновленiи университета, но безъ результата [4]).

Въ началѣ царствованiя императрицы Екатерины II оберъ-прокуроръ Синода И. И. Мелиссино, бывшiй до того директоромъ Московскаго университета, а впослѣдствiи его кураторомъ, возбудилъ въ 1764 году вопросъ объ университетѣ въ Лифляндiи, послѣдствiемъ чего, вѣроятно, и

---

1) (Th. Beise). Die Kaiserliche Universität Dorpat, стр. 20.

2) W. v. Bock, Die Historie von der Universität zu Dorpat und deren Geschichte. Baltische Monatsschrift. B. IX. Riga 1864, стр. 146—147.

3) Тамъ же, стр. 147—150.

4) Тамъ же, стр. 151—153.

явился указъ сената отъ 16-го ноября 1764 года на имя лифляндскаго, генералъ-губернатора, съ требованіемъ сообщить свѣдѣнія о „привилегіяхъ“ бывшаго Перновскаго университета, а также о томъ, какія средства будутъ необходимы для его возобновленія и откуда они могутъ быть получены. Быть можетъ, не безъ связи съ этими сношеніями находятся слѣдующія слова, которыми первый историкъ латино-шведскаго университета въ Лифляндіи заканчиваетъ свой очеркъ, опубликованный въ 1764 году: „Wünschen und erwarten noch alle patriotischgesinnte Liefländer von dem Winke ihrer jetzt regierenden allergnädigsten Monarchin die Stiftung einer neuen Academiae Catharinianae“ [1]). Но дѣло опять кончилось ничѣмъ [2]). Нѣсколько позднѣе, въ 1767 и 1768 годахъ, лифляндское дворянство, главнымъ образомъ въ лицѣ своего ландрата барона К. Ф. Шульца, хлопочетъ о возобновленіи университета въ Дерптѣ [3]), что находилось въ нѣкоторомъ соотвѣтствіи съ мыслью самой императрицы объ умноженіи очаговъ высшаго образованія въ Россіи путемъ основанія университетовъ въ Пензѣ, Черниговѣ и Псковѣ; идея объ основаніи университета именно въ Псковѣ, вблизи Остзейскаго края, или въ Дерптѣ занимала умы и въ самой Лифляндіи [4]). Кромѣ того, здѣсь, на мѣстѣ, нѣкоторые лифляндскіе писатели довольно подробно разсма-

---

1) Backmeister, назв. соч., стр. 204.

2) W. v. Bock., стр. 155, 160—161. Ср. (Th. Beise), Die Kaiserliche Universität Dorpat, стр. 20, прим. 31, гдѣ упомянутый указъ сената ставится въ связь съ новымъ ходатайствомъ объ университетѣ со стороны города Пернова.

3) W. v. Bock, стр. 163—165, 177—190.

4) Она была выражена въ статьѣ „Entwurf einiger Grundsätze für die Erziehung überhaupt, besonders aber für die Erziehung des Adels“, помѣщенной въ митавскомъ журналѣ „Für Leser und Leserinnen“ за декабрь 1780 года и принадлежала перу извѣстнаго несчастнаго поэта эпохи „бури и натиска“, лифлянскаго уроженца Я. Р. Ленца. Что вопросъ объ университетѣ въ Лифляндіи вообще занималъ умъ Ленца, видно изъ его частныхъ писемъ: W. v. Bock, стр. 511—518.

тривали въ печати вопросъ о необходимости университета для Лифляндіи, сопровождая свою мысль обстоятельными соображеніями о томъ, къ какимъ послѣдствіямъ привело Лифляндію отсутствіе въ ней столь продолжительное время высшей школы, и какіе благіе результаты могутъ быть ожидаемы въ будущемъ отъ ея новаго учрежденія, а также и о необходимыхъ для дѣла матеріальныхъ затратахъ; таковы въ особенности сочиненія Гупеля въ 1772 году[1]), Морица въ 1780[2]) и Шервинскаго въ 1789[3]). Но, сдержанная въ своихъ просвѣтительныхъ начинаніяхъ въ послѣдніе годы жизни, Екатерина II, державшаяся къ тому же по отношенію къ Остзейскому краю политики объединенія его съ остальными частями имперіи, не была склонна разрѣшить въ положительномъ смыслѣ вопросъ о мѣстномъ университетѣ въ Лифляндіи; ея собственныя идеи о другихъ университетахъ въ Россіи также, какъ извѣстно, не получили осуществленія.

Такимъ образомъ, возбуждаемый съ разныхъ сторонъ вопросъ объ университетѣ въ Лифляндіи въ XVIII вѣкѣ вплоть до кончины императрицы Екатерины II не далъ никакихъ положительныхъ результатовъ. Причины этого лежали частію въ пассивномъ отношеніи къ вопросу въ самой Лифляндіи, въ соперничествѣ между собою лифляндскаго и эстляндскаго дворянства, въ недостаткѣ желанія

---

1) (A. W. Hupel). An das Lief- und Ehstländische Publicum. 1772. Стр. 19: Ehedem hatten wir eine Universität; стр. 19—28: Die beschwerliche Kindererziehung; стр. 28—29: Die Besetzung der Aemter; стр. 29—31: Vortheile einer Liefländischen Universität; стр. 31—34: Die Errichtung einer Universität; стр. 34—37: Die Kosten zur Universität; стр. 37—40: Schluss.

2) Moritz, Joh. Chr. Fr., Gedanken über die Versendung der vaterländischen Jugend in auswärtige Schulanstalten, въ „Programm des Rigaer Lyceums“ 1780.

3) (Chr. Fr. Scherwinsky). Etwas von und für Livland, oder abermals eine gute Absicht. Reval 1789. Стр. 1—26: Möchte Livland doch eine Universität haben! стр. 27—42: Versuch einer Beantwortung der Frage: Warum in Livland so wenige Jünglinge studiren, oder überhaupt nicht ausdauernd genug die Schulen besuchen?

у мѣстныхъ жителей принести необходимыя жертвы и въ предпочтеніи университету преимуществъ гражданской жизни совсѣмъ другого порядка, а частію — въ сдержанномъ отношеніи къ этому вопросу въ Петербургѣ, гдѣ въ продолженіе многихъ десятилѣтій верховная власть усиленно занята была другими заботами, болѣе близкими и неотложными.

Новую эру въ вопросѣ объ университетѣ въ Остзейскомъ краѣ, увеличенномъ въ своемъ составѣ присоединенной въ 1795 году къ Россіи Курляндіей, открыло воцареніе императора Павла I, вступившаго на престолъ 6-го ноября 1796 года.

Уже черезъ три недѣли по полученіи власти, 28-го ноября 1796 года, императоръ Павелъ подписалъ указъ о дарованіи Лифляндіи и Эстляндіи, а 24-го декабря того же года и Курляндіи — значительной доли прежняго самоуправленія. Это предвѣщало и рѣшеніе вопроса объ университетѣ въ желательномъ для края смыслѣ, такъ какъ университетъ долженъ былъ, сообразно всему характеру и настроенію мѣстной жизни, явиться важнымъ оплотомъ обособленности. Дѣйствительно, въ декабрѣ 1797 года офиціальнымъ представителямъ лифляндскаго дворянства въ Петербургѣ сдѣлалось уже извѣстнымъ, что императоръ сочувственно относится къ мысли объ основаніи университета въ Остзейскомъ краѣ, но еще не рѣшено было, гдѣ именно — въ Лифляндіи или Курляндіи[1]). 9-го апрѣля 1798 года изданъ былъ указъ, которымъ запрещалось молодымъ русскимъ людямъ учиться заграницей „по причинѣ возникшихъ нынѣ въ иностранныхъ училищахъ зловредныхъ правилъ къ воспаленію незрѣлыхъ умовъ, на необузданныя и развратныя умствованія подпускающихъ и, вмѣсто ожидаемой отъ воспитанія посылаемыхъ туда молодыхъ людей пользы, пагубу имъ навлекающихъ“; „но — говорится

1) W. v. Bock, Die erste baltische Central-Commission. Baltische Monatsschrift. B. XIII. Riga 1866, стр. 109.

далѣе въ указѣ — дабы не ограничить тѣмъ способовъ къ образованію и просвѣщенію, въ особенности благородному юношеству лифляндскому, эстляндскому и курляндскому, и тѣмъ наипаче воздѣйствовать къ общему и частному благу, Всемилостивѣйшій Государь Императоръ соизволилъ оказать высокомонаршую волю, чтобы рыцарства курляндское, лифляндское и эстляндское, по собственному ихъ согласію, избрали приличнѣйшее для учрежденія университета мѣсто и на основаніи, желаемой пользѣ соотвѣтственномъ, устроили оный" [1]).

Этотъ указъ представляетъ собою первое официальное выраженіе высочайшей воли объ основаніи университета въ Дерптѣ-Юрьевѣ, и исторія нынѣшняго Юрьевскаго университета, въ подготовительной своей стадіи, можетъ считать его своею отправною точкою. Но прошло еще цѣлыхъ четыре года, прежде чѣмъ университетъ дѣйствительно былъ открытъ и фактически началъ свою дѣятельность.

Въ полномъ соотвѣтствіи съ указомъ 9-го апрѣля 1798 года было повелѣніе императора Павла I, чтобы всѣ русскіе подданные, учившіеся тогда заграницей, возвратились въ отечество въ двухмѣсячный срокъ, считая съ 18-го іюня 1798 года; объявленіе объ этомъ со стороны лифляндскаго генералъ-губернатора фонъ-Рихтера состоялось отъ 22-го іюня 1798 года и произвело въ краѣ сильное впечатлѣніе той очевидною рѣшимостью, съ которой новый императоръ взялся за разрѣшеніе давно назрѣвшаго въ Лифляндіи вопроса объ основаніи университета. И мѣстное дворянство также начало энергически дѣйствовать.

Еще 20-го апрѣля 1798 года генералъ-губернаторъ фонъ-Рихтеръ сдѣлалъ извѣстнымъ въ краѣ высочайшій указъ 9-го апрѣля 1798 года, непосредственнымъ результатомъ котораго былъ созывъ депутатовъ лифляндскаго, эстляндскаго

---

1) Полное Собраніе Законовъ, т. XXV, № 18. 474.

и курляндскаго дворянства на 9-е августа того же года въ Митаву для подробнаго обсужденія вопроса объ университетѣ. Но къ назначенннному сроку депутаты эстляндскаго дворянства въ Митаву не явились, вслѣдствіе чего совѣщанія были отложены до 10-го октября того же года, когда они дѣйствительно и открылись въ составѣ представителей дворянства всѣхъ частей Остзейскаго края. На этомъ собраніи отъ Лифляндіи были: Фридрихъ-Вильгельмъ фонъ-Таубе, Георгъ фонъ-Бокъ и фонъ-Сиверсъ, мѣсто котораго потомъ заступилъ Карлъ-Отто фонъ-Левенштернъ; отъ Эстляндіи: Іоганнъ фонъ- Бреверпъ, баронъ Рейнгольдъ фонъ-Унгернъ-Штернбергъ и баронъ Отто фонъ-Штакельбергъ; отъ Курляндіи: Фридрихъ-Георгъ фонъ-Ливенъ, Георгъ-Фридрихъ фонъ-Фелькерзамъ и Эрнстъ-Іоганнъ-Александръ фонъ-Медемъ; отъ Пильтенскаго округа: Ульрихъ фонъ-Шлиппенбахъ и Эрнстъ-Готтгардъ фонъ-Дершау [1]).

Важнѣйшимъ вопросомъ на совѣщаніяхъ этой митавской „комиссіи" былъ вопросъ о мѣстѣ будущаго университета. Въ этомъ отношеніи мнѣнія депутатовъ раздѣлились: лифляндское дворянство желало, чтобы такимъ мѣстомъ былъ Дерптъ, эстляндское — Перновъ или Вейсенштейнъ, а курляндское и пильтенское — Митава, гдѣ еще съ 1775 года существовала такъ называемая Gymnasium illustre — учебное заведеніе средняго типа, но съ нѣкоторыми особенностями высшей школы; потомъ эстляндскіе депутаты уступили и подали свой голосъ также за Дерптъ; такимъ образомъ, остались два проекта, за Дерптъ и Митаву. Оба эти проекта, вмѣстѣ съ подробной мотивировкой, поступили потомъ на разсмотрѣніе сената, который, подвергнувъ ихъ тщательному обсужденію, отдалъ предпочтеніе мнѣнію, поданному за Дерптъ: „ибо онъ — говорится во всеподданнѣйшемъ докладѣ сената по этому по-

---

1) W. v. Bock, Die erste baltische Central-Commission, стр. 114—115.

воду — находится почти въ срединѣ означенныхъ трехъ губерній; положеніе свое имѣетъ на сухомъ мѣстѣ, между тѣмъ какъ Митава окружена болотами; употребляетъ россійскую монету и ассигнаціи и, сверхъ того, превосходитъ дешевизною съѣстныхъ припасовъ, слѣдовательно можетъ болѣе доставлять способовъ недостаточнымъ родителямъ къ помѣщенію въ предполагаемое училище дѣтей своихъ"; при этомъ докладѣ представленъ былъ и окончательно выработанный „планъ университета", заключавшій въ себѣ его уставъ и штатъ; послѣдній выразился въ суммѣ 56.050 рублей. Указомъ сенату, послѣдовавшимъ 4-го мая 1799 года въ Павловскѣ, этотъ докладъ его, вмѣстѣ съ „планомъ" университета, былъ утвержденъ, при чемъ повелѣно было отвести для учреждаемаго „протестантскаго университета" въ Дерптѣ „потребное количество земли и казенный домъ": это была именно Домская гора и площадь шведской церкви св. Маріи, съ находящимися на нихъ строеніями; кромѣ того, въ томъ же указѣ повелѣно было, „когда всѣ части университета воспріимутъ свое дѣйствіе и приведены будутъ въ успѣшное движеніе", избрать сто лифляндскихъ земельныхъ гаковъ и представить особый докладъ для утвержденія ихъ за университетомъ, который станетъ пользоваться доходомъ съ нихъ; доходъ этотъ, по исчисленію сенатскаго доклада, принимая въ соображеніе тогдашнія арендныя цѣны, равнялся 18.350 рублямъ.

Такимъ образомъ, вопросъ объ учрежденіи университета былъ окончательно рѣшенъ какъ въ общемъ, такъ и въ частностяхъ; но для осуществленія этого дѣла отъ казны была лишь обѣщана часть потребной суммы, и въ наличности находилось только дарованное 1-го сентября 1799 года мѣсто для построекъ; существовавшія уже на немъ строенія для университета были весьма мало пригодны. Нужны были матеріальныя средства на открытіе и содержаніе учреждаемаго учебнаго заведенія, и забота объ отысканіи ихъ возложена была на дворянство.

Именно, задачи дворянства формулированы были въ § 111 „плана“, утвержденнаго 4-го мая 1799 года [1]), слѣдующимъ образомъ: „По утвержденіи сего плана отъ Лифляндской, Эстляндской и Курляндской губерній избрать кураторовъ и присоединить къ нимъ на первый случай изъ каждой же провинціи по одному или по два помощника. Сей соединенной комиссіи сдѣлать распоряженіе купить мѣсто, расположить строеніе, избрать и вызвать первыхъ профессоровъ, учителей и прочихъ чиновъ, а потомъ, коль скоро хотя часть заведенія образуется, освятить и открыть университетъ“. Въ исполненіе выраженной тутъ императорской воли во всѣхъ указанныхъ частяхъ, за исключеніемъ покупки мѣста для университета, которое уже было подарено Павломъ I, образована была прежде всего комиссія „кураторовъ“, въ которую вошли слѣдующія лица: кураторы Карлъ-Отто фонъ-Транзее, а позднѣе графъ Готтгардъ-Андрей Мантейфель — для Лифляндіи, Клаусъ-Густавъ фонъ-Барановъ для Эстляндіи и Іоганнъ-Ульрихъ фонъ-Гроттгусъ — для Курляндіи, и ихъ замѣстители Готтлибъ-Сигизмундъ фонъ-Брашъ — для Лифляндіи, баронъ Іоганъ-Фридрихъ Унгернъ-Штернбергъ — для Эст-

1) По-русски напечатанъ тогда же, въ листъ на 14 страницахъ, безъ обозначенія времени и мѣста печати и безъ обложки, съ присоединеніемъ въ началѣ, на 4 ненумерованныхъ страницахъ того же формата, текста указа 4-го мая 1799 года и сенатскаго доклада. Въ переводѣ на нѣмецкій языкъ „планъ“ этотъ изданъ былъ также отдѣльно, на 20 страницахъ въ листъ, подъ заглавіемъ: Befehl Seiner Kaiserlichen Majestät, des Selbstherrschers aller Reussen, aus der Liefländischen Gouvernements-Regierung, zu jedermännlicher Wissenschaft. Auf Geschehenes Ansuchen des Liefländischen Landraths-Collegii wird hiermit von der Gouvernements-Regierung der von Seiner Kayserlichen Majestät Allerhöchst confirmirte Plan der in der Stadt Dörpt zu errichtenden Universität, in der davon durch das gedachte Landrathscollegium veranstalteten teutschen Uebersetzung zu jedermännlicher Nachricht und Wissenschaft bekannt gemacht. Riga-Schloss, am 7-ten December 1799. C. A. v. Richter. G. Schwartz. A. Karomalyn. Secretaire J. C. Lenz. № 3690. На послѣдней страницѣ: Dieses wird vom Hof zu Hof umhergesandt und alsdann dem Kirchspielsprediger zugestellet.

ляндіи и Отто фонъ-Мирбахъ — для Курляндіи; въ качествѣ ассистентовъ оказались Густавъ-Іоганнъ фонъ-Будденброкъ и Б. фонъ-Бергъ для Лифляндіи, баронъ Отто Штакельбергъ, а позднѣе профессоръ Морицъ фонъ-Энгельгардтъ — для Эстляндіи и Эрнстъ-Готтгардъ фонъ-Дершау для Курляндіи; впослѣдствіи баронъ І. Ф. Унгернъ-Штернбергъ назначенъ былъ вице-кураторомъ и дѣлопроизводителемъ комиссіи, а его мѣсто занялъ баронъ Рейнгольдъ Унгернъ-Штернбергъ. Комиссія эта прибыла въ Дерптъ и начала свою дѣятельность 12-го іюля 1800 года. По ея предложенію, начало лекцій ожидалось 15-го января 1801 года, если къ тому времени будутъ въ наличности нѣкоторые профессора и студенты, торжественное же открытіе университета отнесено было къ 15-му мая того же 1801 года. Между тѣмъ, еще въ 1799 году дворянствомъ всѣхъ трехъ губерній назначены были на содержаніе университета опредѣленныя суммы. Именно, лифляндское дворянство опредѣлило по 10 копеекъ съ каждой ревизской души мужского пола на 1800 и 1801 годы, „aus den eigenen Mitteln dieser Guts-Besitzer und ohne einige Belästigung der Bauern", а на 1802 годъ сборъ этотъ былъ уменьшенъ до 4 копеекъ съ души; эстляндское дворянство на первые два года установило тотъ же сборъ по 10 коп., а на 1802 годъ увеличило его до 20 коп.; въ Курляндіи съ Пильтеномъ тоже по 10 коп. Всего собрано было такимъ образомъ съ Лифляндіи за три года 45.431 р. 60 к., съ Эстляндіи за тотъ же срокъ 36.002 р. 32 к., а съ Курляндіи всего лишь 2.447 р. 28 к., такъ какъ, вслѣдствіе измѣнившихся вскорѣ отношеній курляндскаго и пильтенскаго дворянства къ учрежденному университету, оно получило разрѣшеніе съ 11-го мая 1801 года не участвовать въ общихъ издержкахъ; кромѣ того, нѣкоторой суммой принимали участіе въ этихъ послѣднихъ также и города, безземельные дворяне и духовенство не только въ Лифляндіи и Эстляндіи, но и въ Финляндіи и на о. Эзелѣ.

Комиссія кураторовъ вела дѣло по выбору профессоровъ [1]) и вообще по приготовленію университета къ открытію настолько энергично, что послѣднее ожидалось въ самомъ непродолжительномъ времени, какъ вдругъ, вслѣдствіе настоятельныхъ ходатайствъ дворянства Курляндіи и Пильтена, послѣдовалъ императорскій указъ отъ 25-го декабря 1800 года объ учрежденіи университета не въ Дерптѣ, а въ Митавѣ, гдѣ въ университетъ предположено было обратить тамошнюю Gymnasium illustre [2]). Комиссія переѣхала въ Митаву и продолжала тамъ свою дѣятельность. Но 12-го марта 1801 года императоръ Павелъ I скончался, и ровно черезъ мѣсяцъ, 12-го апрѣля 1801 года, послѣдовалъ указъ императора Александра I объ учрежденіи университета, согласно прежнему плану, въ Дерптѣ, „по причинѣ положенія онаго въ средоточіи трехъ губерній: Рижской, Ревельской и Курляндской, удобностей жизни, изобилія, обращенія государственной монеты и другихъ обстоятельствъ, не менѣе важныхъ“ [3]); при этомъ указомъ 11-го мая того же года дворянству Курляндіи и Пильтена разрѣшено было, какъ выше упомянуто, воздержаться отъ дальнѣйшихъ матеріальныхъ жертвъ въ пользу новаго учрежденія, согласно чему изъ внесенныхъ уже имъ 5.000

1) Въ рукописномъ Сборникѣ библіотеки Юрьевскаго университета, подъ № 228, содержащемъ въ себѣ документы касательно дѣятельности остзейскаго дворянства въ вопросѣ основанія университета въ концѣ XVIII и началѣ XIX в., есть, между прочимъ, два списка профессоровъ и преподавателей, приглашенныхъ и предположенныхъ къ приглашенію въ Дерптскій университетъ. Оба эти списка не вполнѣ тожественны; изъ нихъ видно, что лица для занятія каѳедръ въ будущемъ университетѣ приглашались кураторами какъ изъ-за границы (Кенигсбергъ, Геттингенъ, Іена, Веймаръ, Дрезденъ), такъ и изъ остзейскихъ городовъ (Рига, Ревель, Дерптъ), а также изъ Вильны. Изъ названныхъ въ этихъ спискахъ кандидатовъ на профессуру только одинъ оказался впослѣдствіи дѣйствительно назначеннымъ въ Дерптскій университетъ — именно профессоръ философіи Еше, изъ Кенигсберга (1802—1839).

2) Полное Собраніе Законовъ, т. XXVI, № 19.700.

3) Полное Собраніе Законовъ, т. XXVI, № 19.831.

рублей возвращено было по расчету 2.552 р. 72 к. Новый императоръ, указомъ 5-го января 1802 года, утвердилъ пожалованную раньше Павломъ I университету „Домскую гору“ и площадь шведской церкви св. Маріи, и такъ какъ лифляндское и эстляндское дворянство опредѣленную на содержаніе университета указомъ 4-го мая 1799 года ежегодную сумму 56.050 рублей — по словамъ сенатскаго доклада — „взносить не въ состояніи, а испрашиваетъ на то отъ щедротъ монаршихъ Всемилостивѣйше назначенныхъ ста гаковъ“, то эти обѣщанные гаки и были дѣйствительно предоставлены университету, при чемъ арендная стоимость каждаго гака посчитана была въ 560 р. 50 к. въ годъ [1]). Такимъ образомъ, содержаніе университета казна взяла въ концѣ концовъ на свой счетъ; кромѣ того, на возведеніе университетскихъ зданій отпущена была изъ казны сумма въ 25.000 рублей.

Такъ, наконецъ, рѣшенъ былъ вопросъ объ основаніи въ Остзейскомъ краѣ мѣстнаго университета [2]).

---

1) Полное Собраніе Законовъ, т. XXVII, № 20.104.

2) Оригинальная судьба его до опредѣленнаго рѣшенія о мѣстѣ, гдѣ онъ долженъ быть, подала поводъ одному мѣстному поэту удачно сравнить университетъ съ блуждающимъ огнемъ: „Irrwisch-Universität, die hier entsteht und dort vergeht“ (Karl Petersen, Poetischer Nachlass, стр. 11).

Часть первая.

Первый періодъ существованія университета (1802—1820).

I. Время съ 21 апрѣля по 12 декабря 1802 года.

Торжество открытія университета 21 и 22 апрѣля 1802 года. — Первые профессора и студенты; начало лекцій; I семестръ 1802 года. — Первый временный уставъ университета. — Правила для студентовъ. — Посѣщеніе Дерпта и университета императоромъ Александромъ I 22 мая 1802 года. — Манифестъ 8 сентября 1802 года объ учрежденіи министерствъ. — Актъ постановленія для Дерптскаго университета 12 декабря 1802 года. — Ректоръ Г. Ф. Парротъ; его отношенія къ университету и къ императору Александру I. — Попечитель Ѳ. И. Клингеръ.

Торжественное открытіе университета послѣдовало 21 и 22 апрѣля 1802 года, но офиціальная запись студентовъ началось еще 5 апрѣля, и къ моменту открытія было имматрикулировано уже 19 человѣкъ. Изъ приглашенныхъ профессоровъ еще не всѣ прибыли къ этому дню въ Дерптъ, и на лицо были лишь слѣдующіе: по богословскому факультету — Л. Эверсъ, по юридическому — І. Л. Мютель, по медицинскому — Д. Г. Балкъ, М. Э. Стиксъ и Э. Г. Арцтъ, по философскому — Г. Б. Еше, Г. Ф. Парротъ, Г. Ф. Пешманъ и Г. А. Германъ; вскорѣ послѣ торжества открытія къ нимъ присоединились: богословы В. Ф. Гецель и Г. Л. Беллендорфъ, юристъ К. Ф. Мейеръ и филологъ

К. Моргенштернъ; кромѣ того, были на лицо преподаватели: Кнорре по математикѣ, Петерсенъ по нѣмецкому языку, Елачичъ по русскому языку, фонъ-Дауэ по фехтованію и верховой ѣздѣ. Предварительныя совѣщанія съѣхавшихся профессоровъ о предстоящемъ торжествѣ открытія университета и о нѣкоторыхъ другихъ вопросахъ происходили въ квартирѣ профессора Паррота съ 30 марта по 19 апрѣля 1802 года.

Своего зданія университетъ тогда еще не имѣлъ, и роль таковаго въ первые годы жизни университета исполнялъ домъ фонъ-Бока (впослѣдствіи тамъ была „Академическая Мусса“, а нынѣ поликлиника и нѣкоторыя другія университетскія учебно-вспомогательныя учрежденія), уступившаго „изъ патріотизма“, какъ говорится въ современныхъ документахъ, верхній этажъ его университету безвозмездно на первыя пять лѣтъ. Изъ этого именно дома въ первый день торжества открытія, 21 апрѣля 1802 года, въ 10 часовъ утра и отправилась торжественная процессія въ городскую церковь св. Іоанна. Въ этой процессіи были: кураторы, поименованные профессора и преподаватели, немногочисленные пока чиновники университета по административной части, записавшіеся въ студенты молодые люди и приглашенные почетные гости. Проповѣдь въ церкви говорилъ оберъ-пасторъ Ф. Д. Ленцъ, послѣ чего служебный персоналъ университета былъ приведенъ къ присягѣ. Затѣмъ процессія двинулась обратно во временное помѣщеніе университета, гдѣ состоялся торжественный актъ открытія. Тутъ сначала говорилъ рѣчь отъ лица кураторовъ графъ Мантейфель, послѣ чего слѣдовала, со стороны профессоровъ, рѣчь Л. Эверса, на котораго возложены были обязанности проректора новаго университета въ первый годъ его существованія; затѣмъ былъ прочтенъ уставъ университета, и делегаціей отъ лифляндскаго дворянства публично выражена благодарность кураторамъ за услуги, оказанныя ими дѣлу учрежденія университета; въ этотъ же день графъ Мантейфель

далъ блестящій обѣдъ, а городское управленіе балъ и ужинъ для приглашенныхъ гостей. Вторая половина торжества происходила на другой день, 22 апрѣля, въ томъ же помѣщеніи. Тутъ произнесены были рѣчи: Л. Эверсомъ, затѣмъ профессоромъ физики Парротомъ, знаменитымъ впослѣдствіи ректоромъ Дерптскаго университета, а также профессоромъ діэтетики и государственнаго врачебновѣдѣнія Стиксомъ, профессоромъ всеобщей исторіи Пешманомъ и профессоромъ патологіи и терапіи Балкомъ; этотъ рядъ рѣчей, отличавшихся, въ противоположность рѣчамъ перваго дня, большею частію научнымъ характеромъ, закончился краткимъ словомъ пастора Мазинга изъ Эстляндіи, обратившагося съ пожеланіемъ счастія и успѣха въ начатомъ великомъ дѣлѣ къ кураторамъ и профессорамъ, какъ представителямъ двухъ половинъ будущей дѣятельности университета, административной и учебной. По окончаніи рѣчей, проректоръ передалъ 19-ти записавшимся студентамъ матрикулы, сопровождая этотъ актъ соотвѣтствующимъ назидательнымъ словомъ къ первымъ дерптскимъ „академическимъ гражданамъ" новаго университета, дававшимъ пожатіемъ руки ректору торжественное обѣщаніе исполнять обязательные для нихъ университетскіе законы. Этотъ второй день торжества окончился трапезой отъ имени коллегіи кураторовъ. Упомянутыя рѣчи произнесены были частію на латинскомъ, а частію на нѣмецкомъ языкѣ [1]).

Объ открытіи Дерптскаго университета опубликовано было во всеобщее свѣдѣніе сенатскимъ указомъ 25 мая 1802 года [2]).

Непосредственно слѣдовавшіе за открытіемъ дни посвящены были наличными профессорами, при участіи кура-

---

1) Онѣ напечатаны, вмѣстѣ съ описаніемъ торжества открытія, въ брошюрѣ: Geschichte und Beschreibung der Feyerlichkeiten bey Gelegenheit der am 21-sten und 22-sten April 1802 geschehenen Eröffnung der neu angelegten Kayserlichen Universität zu Dorpat in Lievland. Von Gottlob Benjamin Jäsche, Professor der Philosophie. (Dorpat 1802), стр. 4—86.

2) Полное Собраніе Законовъ, т. XXVII, № 20. 279.

торовъ, первоначальной организаціи университетскаго совѣта и факультетовъ, причемъ, какъ уже упомянуто, очереднымъ проректоромъ, согласно § 51 Устава, на первый годъ явился членъ богословскаго факультета Лоренцъ Эверсъ, а деканами факультетовъ, по § 66 Устава, оказались: юридическаго — Мютель, медицинскаго — Стиксъ, философскаго — Парротъ, а богословскаго — проректоръ Эверсъ, временно, до пріѣзда другого члена этого факультета, такъ какъ по § 68 Устава проректоръ не могъ быть въ то же самое время и деканомъ.

Лекціи начались 1 мая, и этотъ первый семестръ продолжался всего два мѣсяца, май и іюнь, при чемъ профессорами читались лишь курсы, имѣвшіе характеръ введенія въ науки, методологическаго и энциклопедическаго содержанія, какъ это видно изъ изданной тогда же программы лекцій на I семестръ 1802 года[1]). Изъ 31 студента перваго семестра 1802 года большинство поступило на юридическій факультетъ (16), затѣмъ на богословскій (7), медицинскій (6) и философскій (2)[2]). На лѣтнія вакаціи положенъ былъ іюль мѣсяцъ, а на зимнія — январь; остальные 10 мѣсяцевъ учебнаго времени въ году распре-

---

1) Anzeige der Vorlesungen, welche auf der Kayserlichen Academie zu Dorpat vom 1 May bis zum 1 Julius des Jahres 1802 gehalten werden. Dorpat. Gedruckt bey Michael Gerhard Grenzius, Universitäts-Buchdrucker. 6 стр.

2) Album academicum der Kaiserlichen Universität Dorpat. D. 1889, стр. 1—3. Вслѣдствіе столь ограниченнаго количества студентовъ, они распредѣлились по нѣкоторымъ отдѣльнымъ предметамъ въ весьма маломъ числѣ, такъ какъ обязательныхъ плановъ преподаванія еще не существовало, и каждый студентъ выбиралъ тѣ лекціи, которыя хотѣлъ; въ виду этого, коллегія кураторовъ со своей стороны предложила профессорамъ гарантировать гонораръ по крайней мѣрѣ съ пяти слушателей, и если бы таковыхъ въ дѣйствительности записалось меньше, то доплачивать соотвѣтствующую сумму изъ университетскихъ средствъ; но профессора, въ коллективномъ заявленіи кураторамъ (отъ 24 апрѣля 1802 года), отклонили это предложеніе, ссылаясь на свое желаніе послужить университету и при неблагопріятныхъ пока съ матеріальной стороны условіяхъ.

дѣлялись на два семестра: съ 1 февраля по конецъ іюня и съ 1 августа по конецъ декабря, каковымъ и былъ уже второй семестръ 1802 года, привлекшій въ университетъ 15 новыхъ студентовъ: 11 на юридическій и 4 на богословскій факультетъ [1]).

Руководствомъ для университета, въ смыслѣ устава, былъ въ первые полтора года его существованія „планъ", утвержденный, какъ выше упомянуто, вмѣстѣ съ заключающимся въ немъ штатомъ, императоромъ Павломъ I 4 мая 1799 года. Согласно этому первому уставу Дерптскаго университета, послѣдній учрежденъ былъ „для всей Россійской Имперіи, наипаче же для рыцарства Лифляндскаго, Эстляндскаго и Курляндскаго" (§ 1); кромѣ мѣстнаго дворянства, въ него разрѣшалось принимать какъ „разночинцевъ", такъ и „иностранныхъ" (§ 2). Высшее наблюденіе надъ университетомъ принадлежитъ коллегіи кураторовъ, избираемыхъ по одному лицу дворянствомъ лифляндскимъ, эстляндскимъ и курляндскимъ и утверждаемыхъ Сенатомъ въ своемъ званіи (§ 21), причемъ каждый кураторъ имѣетъ отъ своей губерніи „субститута", заступающаго, въ случаѣ наобходимости, его мѣсто (§ 22). Коллегія кураторовъ имѣетъ надъ собою по дѣламъ университетскимъ лишь власть Сената, въ который посылаетъ полугодовыя и чрезвычайныя увѣдомленія и представленія (§ 25), къ которому обращается за разрѣшеніемъ разныхъ затрудненій (§ 41), и который разсматриваетъ могущія послѣдовать на кураторовъ жалобы (§ 44). Коллегія кураторовъ избираетъ и назначаетъ профессоровъ, учителей и другихъ должностныхъ лицъ въ университетѣ (§ 26), слѣдитъ за „образомъ, порядкомъ и ясностью ученья" (§ 29), а равно и отрѣшаетъ отъ должности тѣхъ профессоровъ или учителей, которые „признаны будутъ нерадивыми къ долгу своего званія и соблазнительнаго поведенія" (§ 31); въ вѣдѣніи

---

1) Album academicum, стр. 3—4.

кураторовъ находятся всѣ университетскія учрежденія и университетская казна (§ 35). Для контроля надъ дѣятельностью кураторовъ, дворянству всѣхъ трехъ губерній предоставлялось право посылать въ университетъ черезъ каждое шестилѣтіе въ назначенный срокъ по одному депутату въ особую комиссію, которая будетъ „разсматривать управленіе кураторовъ и входить въ состояніе всего университета“ (§ 43).

Но такъ какъ коллегія кураторовъ созывалась только дважды въ годъ, „всегда за двѣ недѣли до окончанія обыкновенныхъ лекцій“ (§ 23) и, слѣдовательно, функціонировала лишь періодически, а не постоянно, то для непрерывнаго наблюденія за университетомъ и своевременнаго рѣшенія текущихъ дѣлъ изъ ея среды выбирается „вице-кураторъ“ (§ 45), которому должно „быть всегда при университетѣ, безъ дозволенія кураторовъ никуда не отлучаться и исполнять во всей точности наставленіе, данное ему отъ коллегіи“ (§ 47).

Для распорядка учебныхъ дѣлъ въ университетѣ учрежденъ былъ университетскій совѣтъ, членами котораго являются всѣ профессора (§ 9), а также четыре факультета (§ 63); во главѣ совѣта стоитъ проректоръ, должность котораго въ продолженіе одного года исполняетъ каждый членъ совѣта по очереди, и „никто въ другой разъ должности сей отправлять не можетъ, доколѣ очередь не обошла всѣхъ профессоровъ“ (§ 51); во главѣ же факультетовъ стоятъ деканы, которые избираются „по старшинству изъ ординарныхъ профессоровъ на годъ“ (§ 66).

Каѳедры по факультетамъ распредѣлены были слѣдующимъ образомъ. На богословскомъ факультетѣ: 1) догматики и богословскаго нравоученія, 2) экзегетики и восточныхъ языковъ, 3) церковной исторіи и богословской литературы, 4) гомилетики и пасторальной богословіи; на первыя три каѳедры полагалось по ординарному профессору, а на четвертую — экстраординарный. На юридическомъ факуль-

тетѣ четыре ординарныхъ профессора по каѳедрамъ: 1) позитивнаго государственнаго и народнаго права, 2) гражданскаго и уголовнаго права, 3) провинціальныхъ въ Остзейскихъ губерніяхъ существующихъ правъ, также и россійскихъ, 4) практическаго правовѣдѣнія. На медицинскомъ факультетѣ шесть ординарныхъ профессоровъ по каѳедрамъ: 1) физіологіи и патологіи, 2) терапіи и клиники, 3) анатоміи и врачебной науки, 4) хирургіи и повивальной науки, 5) ботаники и „матеріи медики" (materia medica), 6) химіи и фармацевтики. Наконецъ, на философскомъ факультетѣ восемь ординарныхъ профессоровъ по каѳедрамъ: 1) теоретической и практической философіи, 2) чистой и употребительной математики, 3) смѣшанной математики и военной науки, 4) натуральной исторіи, 5) физики теоретической и экспериментальной, 6) экономіи, камеральной науки, статистики и лѣсовѣдѣнія, 7) эстетики, краснорѣчія латинскаго и греческаго языковъ и древностей, 8) всеобщей исторіи и географіи, особенно же россійской. Кромѣ того, положено было семь „учителей": 1) россійскаго языка, 2) французскаго, 3) англійскаго, 4) итальянскаго, 5) сталмейстеръ (верховая ѣзда), 6) фехтованія и волтижированія, 7) рисованія и танцевъ (§§ 81—85). Хотя учителя нѣмецкаго языка по уставу не было положено, однако, какъ мы видѣли, фактически онъ былъ приглашенъ и явился къ исполненію своихъ обязанностей однимъ изъ первыхъ.

При университетѣ имѣлось въ виду устроить библіотеку, натуральный кабинетъ, астрономическую обсерваторію, собраніе математическихъ и физическихъ инструментовъ и моделей, клиническій институтъ на 14 постелей, повивальный институтъ на 6 постелей и при немъ школу повивальной науки, ботаническій садъ, анатомическій театръ, химическую лабораторію и манежъ съ 8 лошадьми (§ 86).

При богословскомъ факультетѣ предположено было образовать изъ наиболѣе способныхъ молодыхъ людей „богословскую семинарію", каждый членъ которой „долженъ по

очереди еженедѣльно въ полуденное время говорить въ церкви проповѣдь и преподавать обучающимся въ университетѣ катехизисъ“ (§ 96), а при философскомъ факультетѣ — „философическую семинарію“, члены которой также будутъ „преподавать безденежно юношамъ своего факультета наставленія въ свободныхъ художествахъ и изящныхъ наукахъ вообще, также и особенныя знанія, нужныя школьному учителю“ (§ 98).

Отъ профессоровъ требовалось „въ преподаваніи лекцій наблюдать порядокъ и ясность; не оставлять безъ объясненій и самыхъ первыхъ основаній наукъ и не только писать по книгѣ или диктовать свои лекціи, но стараться изъяснить ихъ и наизусть, дабы тѣмъ большее произвесть впечатлѣніе“ (§ 95).

Интересно установленіе гонорара профессорамъ за „приватныя лекціи“: „на богословскія лекціи, на которыхъ обыкновенно бываетъ большее число студентовъ и притомъ неимущихъ, платить не свыше 8 рублей; за философическія теоретическія, которыя каждый желающій обучаться богословіи долженъ слушать, по 8 рублей; за практическія же, къ коимъ причислить и медицинскія, платить по 10 рублей, а за юридическія, которыя по большей части слушаютъ одни дворяне и, слѣдовательно, въ меньшемъ противу прочихъ числѣ, по 12 рублей за полгода“ (§ 91).

Какъ уже сказано, годовой бюджетъ университета исчисленъ былъ въ 56.050 рублей. Изъ частныхъ цифръ интересны слѣдующія: жалованья вице-куратору полагалось 2000 рублей, ординарному профессору 1500 р., экстраординарному 1000 р., учителю 300 р., на манежъ 1000 р., на библіотеку и всякаго рода коллекціи, астрономическіе инструменты и пр. 3000 р., ботаническій садъ 1000 р., анатомическій театръ 600 р., клиники 4000 р., химическую лабораторію 200 р.

Таковъ былъ въ главныхъ чертахъ этотъ „планъ“. Учебная часть университета была для того времени опре-

дѣлена въ немъ довольно широко; въ административномъ отношеніи, по этому „плану", университетъ всецѣло находился въ рукахъ дворянства, власть котораго представлена была чрезвычайно широкой компетенціей въ университетскихъ дѣлахъ коллегіи кураторовъ.

Этотъ первый, недолго дѣйствовавшій, уставъ Дерптскаго университета былъ подтвержденъ и нѣсколько дополненъ указомъ императора Александра I отъ 5 января 1802 года. Дополненія заключались, главнымъ образомъ, въ слѣдующемъ: учредить при университетѣ особую цензуру не только для издаваемыхъ университетомъ книгъ, но и для безпрепятственнаго полученія университетомъ книгъ изъ-за границы (ср. § 14 „плана"); „ради большаго къ университету привлеченія и тѣмъ къ наукамъ поощренія", послѣ двухъ лѣтъ со времени открытія университета опредѣлять на службу въ губерніяхъ Лифляндской и Эстляндской изъ дворянъ, мѣщанъ и разночинцевъ только тѣхъ, которые проучились въ университетѣ не менѣе двухъ лѣтъ (ср. § 18); основанія богословской науки и присягу на преподаваніе ея предоставить на соглашеніе университета съ консисторіями (ср. § 29); проректора выбирать баллотированіемъ, а не опредѣлять по очереди (ср. § 51); нужныя перемѣны касательно профессоровъ и вообще чиновниковъ университета, а также преподаванія наукъ, предоставить рѣшать самому университету въ совѣтѣ и факультетахъ и представлять о томъ кураторіуму (ср. § 26)[1]).

---

1) Полное Собраніе Законовъ, т. XXVII, № 20.104. Систематическую комбинацію этихъ дополненій и измѣненій съ соотвѣтствующими статьями „плана", а также развитіе нѣкоторыхъ отдѣльныхъ частей послѣдняго представляетъ собою печатный проектъ: „Statuten der Kayserlichen Universität zu Dorpat, nach Anleitung des am 4 May 1799 Allerhöchst confirmirten Planes, nebst den durch den namentlichen Befehl Sr. Kayserl. Majestät am 5 Januar 1802 hinzugekommenen Veränderungen. Zum eigenen Gebrauch der Universität gedruckt. In der academischen Buchdruckerey bey M. G. Grenzius. 1802", не получившій впрочемъ утвержденія. Развитіемъ §§ 45—50 этихъ

Существеннымъ дополненіемъ къ „плану“ 4 мая 1799 года и вмѣстѣ съ тѣмъ другимъ важнымъ источникомъ для характеристики административныхъ воззрѣній „кураторовъ“ относительно университета является „Reglement der akademischen Polizey-Verordnungen für die Kaiserliche Universität zu Dorpat“, напечатанный въ 1802 году за подписью: „Graf Manteuffel. C. G. v. Baranoff“ [1]). Эти правила, касающіяся главнымъ образомъ студентовъ, состоятъ изъ помѣщеннаго въ началѣ предисловія, въ которомъ говорится о наказаніяхъ вообще, и затѣмъ изъ двухъ отдѣловъ. Въ первомъ изъ этихъ отдѣловъ (§§ 1—10) изложены общія постановленія касательно всѣхъ „членовъ университета“ (Glieder der Academie), т. е. какъ студентовъ, такъ и преподавателей и чиновниковъ по административной части; здѣсь говорится о подчиненіи „членовъ университета“ законамъ общимъ и спеціально-университетскимъ о правахъ и обязанностяхъ проректора и „кураторіума“ въ отношеніи наказаній и о различныхъ степеняхъ послѣднихъ. Второй отдѣлъ состоитъ изъ семи главъ (§§ 11—50): первая (§§ 11—15) посвящена имматрикуляціи вновь поступающихъ студентовъ; вторая (§§ 16—29) предписываетъ правила ихъ поведенія въ церкви, дома, въ частныхъ и общественныхъ собраніяхъ, на улицахъ и площадяхъ, днемъ и ночью, имѣя въ виду предупредить угрозою штрафовъ всякаго рода безчинства, шалости и излишества вплоть до костюма и куренія табаку; въ третьей главѣ (§§ 30—34) находимъ мы запрещеніе земляческихъ и иныхъ обществъ, а также шумныя и въ особенности азартныя игры; четвертая (§ 35) посвящена предупрежденію произвольной расправы и дуэлей; въ пятой (§§ 36—43) изложены условія и границы денежнаго кредита студентамъ со стороны постороннихъ лицъ; въ шестой

„статутовъ“ является тогда же составленная, но оставшаяся ненапечатанной „Instruction für den Vice-Curator der Universität“, въ 36 §§.

1) Gedruckt in der Universitäts-Buchdruckerey bey M. G. Grenzius. 1802. 28 стр.

(§§ 44—48) сдѣланы указанія на то, какъ должны вести себя студенты, въ особенности по отношенію къ мѣстнымъ военнымъ властямъ и гарнизону; наконецъ, въ седьмой главѣ (§§ 49—50) указывается на необходимость для студента, при оставленіи имъ университета, озаботиться полученіемъ соотвѣтствующаго свидѣтельства какъ объ успѣхахъ, такъ и о поведеніи.

Въ главной своей части, именно тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ обязанностяхъ студентовъ касательно ихъ быта и отношеній къ окружающей городской средѣ, правила эти обнаруживаютъ свою тѣсную связь съ извѣстными уже намъ правилами для студентовъ въ шведскій періодъ существованія университета въ Лифляндіи.

Выдающимся внѣшнимъ событіемъ для университета въ I семестрѣ 1802 года было посѣщеніе Дерпта и университета 22 мая императоромъ Александромъ I, проѣзжавшимъ черезъ этотъ городъ и Ригу къ прусской границѣ на свиданіе съ прусскимъ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III въ Мемелѣ. Городъ устроилъ монарху торжественную встрѣчу, въ которой массы городского населенія приняли самое горячее участіе. Особенное вниманіе государь оказалъ университету, посѣтивъ временное его помѣщеніе, гдѣ была представлена ему вся наличная корпорація университета. Кураторъ графъ Мантейфель произнесъ краткую привѣтственную рѣчь на французскомъ языкѣ, при чемъ передалъ государю списокъ личнаго состава университета, рапортъ о состояніи послѣдняго, „программу" состоявшагося открытія университета и „каталогъ лекцій" на первый двухмѣсячный семестръ; собственно отъ имени университета привѣтствовалъ государя, также французской рѣчью, профессоръ Парротъ. Государь отвѣчалъ на эти привѣтствія милостивымъ обѣщаніемъ принять университетъ подъ свое особое покровительство. Рѣчь Паррота такъ понравилась государю, что, оставляя въ тотъ же день Дерптъ, онъ пожелалъ имѣть ее въ письменномъ видѣ, и

такъ какъ рѣчь не была въ такомъ видѣ достаточно готова, то, по желанію государя, она была переслана ему съ курьеромъ на ближайшую отъ города станцію Уддернъ, гдѣ онъ обѣдалъ [1]).

Рѣчь Паррота, понравившаяся государю и положившая начало ихъ взаимному сближенію, которое имѣло для будущей судьбы университета чрезвычайно важныя послѣдствія, заслуживаетъ быть приведенной здѣсь въ томъ видѣ, какъ она записана была въ протоколѣ состоявшагося въ тотъ же день, 22 мая 1802 года, засѣданія университетскаго совѣта:

„Sire! Vous venez d'entendre les acclamations de Votre peuple, ces acclamations si sincères, si vrayes qui ne se font entendre qu' aux monarques chéris.

Vous en êtes profondement touché; Votre grand coeur éprouve en ce moment la plus douce des jouissances, la certitude que Vous faites réelement tout le bien que Vous voulez faire, et ces cris de joye et ces preuves de notre amour ne font qu' un echantillon de ce qui se passera dans chaque province que V. M. honorera de Sa présence. Sire, transportez Vous en idée sur chaque point de Votre vaste Empire, voyez chacun de Vos sujets Vous remercier pour un bienfait particulier. Le possesseur des terres de cette province Vous est redevable de la diminution des impôts, l'homme de lettres du retablissement de la littérature, le négociant de la liberté du commerce, l'artisan du réveil de l'industrie, le cultivateur à qui le systéme féodal n'a presque laissé qu' une existence précaire — Sire, Vous, Vous ne le méprisez pas; une puissance invisible lui a trahi le secret de Votre coeur: déja le père de famille jette le premier coup d'oeil serein sur les enfants. Jouissez, Sire, de ces beaux fruits de Vos soins, de Vos veilles, de Votre amour; savourez la jouissance de faire tout notre bonheur.

Sire, que ces grandes idées, ces augustes sentiments Vous occupent tout entier. Trop fortement entrainée elle même dans

1) Jäsche, назв. соч., стр. 90—91; Fr. D. Lenz, Skizze einer Geschichte der Stadt Dorpat. D. 1803, стр. 60—63.

le torrent de la reconnoisance publique, l'academie, Sire, qui doit son existence à Vos soins paternels, n'enterprend pas de faire éclater aujourd'hui d'une manière particulière la profonde gratitude dont elle est pénétrée ou de fixer les augustes regards de V. M. sur les prémices de ces travaux, mais elle espère, elle ose au moins désirer que V. M. veuille bien lui accorder cette grace à une autre occasion. Si d'un coté la mediocrité de la sphère actuelle de son activité semble en quelque sorte lui ôter le droit d'aspirer à une faveur particulière, d'un autre coté elle se souvient du but de son existence — et ce but est grand et par là même cher à V. M. Nous ne comptons, il est vrai, encore que par jours la durée de notre existence; mais que n'avez Vous été present, Sire, au jour de notre installation, au moment où nous jurâmes à l'autel de la divinité l'obéissance à la plus sainte de ces loix et à V. M. la soumission à Sa volonté la plus décidée, celle de consacrer toutes nos forces au bien de l'humanité.

Mais qui nous empêche de répéter dans ce lieu même ce moment auguste. Amis, confrères et Vous qui presidez à nos travaux, repetons le. Qu' Alexandre soit temoin de nos voeux solemnels! Dieu suprème! nous jurons en ta présence, en présence de ton image chérie, de consacrer nos veilles et nos talents à l'emploi que tu nous a confié; de travailler avec zèle et fidelité à répandre des lumières utiles. Nous jurons de respecter l'humanité dans toutes les classes et sous toutes les formes; de ne distinguer le pauvre du riche, le foible du puissant que pour vouer au pauvre et au foible un interêt plus actif et plus tendre. Nous jurons que chaque action de notre Monarque, chaque bienfait qu'il répandra sur ton peuple nous rappellera la sainteté de nos devoirs.

Sire, recevez ces serments, ils sont sincères, ils sont purs, comme le voeu que Vous avez fait de rendre Vos sujets heureux“ [1]).

---

1) Въ тожественномъ видѣ рѣчь эта напечатана Н. К. Шильдеромъ въ соч. „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе“ т. II, стр. 348—349.

Отвѣтъ государя былъ таковъ: „Je Vous remercie, Monsieur, de l'attention que Vous avez bien voulu me marquer, et Vous assure que cette Académie, erigée pour répandre les lumières parmi mes sujets et qui s'en acquitte déjà si bien, peut compter, que je ferai mon possible pour lui donner des preuves de ma protection particulière".

Въ засѣданіи совѣта 28 іюня 1802 года Парротъ избранъ былъ проректоромъ и офиціально вступилъ въ эту должность, согласно постановленію совѣта, съ 1 августа, т. е. съ начала II семестра 1802 года. При торжествѣ вступленія онъ произнесъ рѣчь, въ которой, вспоминая недавнее прошлое, такъ обратился къ первому проректору Л. Эверсу: „Тогда было насъ мало, и мы не были еще организованы въ одну коллегію; мы были тогда не болѣе, какъ зародышемъ будущаго университета. И въ то время, какъ мы, большею частію молодые люди, лишены были всякихъ предшествовавшихъ заслугъ, Вы, благородный старецъ, занимали въ нашемъ кругу особенное мѣсто по своимъ многолѣтнимъ заслугамъ, глубокой учености, шестидесятилѣтней опытности и вмѣстѣ съ тѣмъ по юношеской энергіи къ дѣятельности. Вы окружены были толпой молодежи, которой Вы открывали дорогу къ знанію и справедливости, и каждый изъ насъ только за васъ подавалъ свой голосъ, видя въ этомъ для себя особенную честь. Вы стояли во главѣ насъ, работая съ увѣренностью, преданностью дѣлу и счастіемъ, на благо нашего университета, для котораго въ эти три протекшихъ мѣсяца Вы сдѣлали болѣе, чѣмъ, быть можетъ, сдѣлаютъ будущіе проректоры въ теченіе цѣлаго года" [1]. Далѣе, Парротъ высказалъ, между прочимъ, увѣренность, что вновь учрежденный разсадникъ науки послужитъ источникомъ благополучія для различныхъ общественныхъ

---

1) Parrot, G. Fr. Rede über den Einfluss einer Universität auf die Geistescultur derjenigen, welche sich nicht eigentlich dem gelehrten Stande widmen. Bey Gelegenheit der Uebernahme des Prorectorats am 1 August 1802 gehalten. D. 1802, стр. 6—7.

классовъ государства. Первый изъ имматрикулированныхъ студентовъ, Густавъ Петерсенъ, отвѣчая на эту рѣчь отъ имени своихъ товарищей, также выразилъ надежду на близкое осуществленіе великихъ и общеполезныхъ задачъ новаго учрежденія [1]).

Этотъ II семестръ 1802 года отмѣченъ былъ для Дерптскаго университета двумя событіями большой важности.

8 сентября 1802 года опубликованъ былъ манифестъ объ учрежденіи министерствъ, между которыми было и министерство народнаго просвѣщенія, долженствовавшее имѣть „въ непосредственномъ вѣдѣніи своемъ Главное Училищное Правленіе со всѣми принадлежащими ему частями, Академію Наукъ, Россійскую Академію, университеты и всѣ другія училища", кромѣ т. наз. учрежденій императрицы Маріи. Министромъ народнаго просвѣщенія назначенъ былъ графъ П. В. Завадовскій. Въ тѣсной связи съ этимъ находились изданныя 24 января 1803 года „Предварительныя правила народнаго просвѣщенія", по которымъ „народное просвѣщеніе въ Россійской имперіи составляетъ особую государственную часть, ввѣренную министру сего отдѣленія и, подъ его вѣдѣніемъ, распоряжаемую Главнымъ Училищнымъ Правленіемъ" (§ 1); согласно этимъ „Правиламъ", учреждены были особые учебные округа, а во главѣ учебныхъ заведеній каждаго округа долженъ былъ стоять университетъ; кромѣ уже существовавшаго (съ 1755 года) университета въ Москвѣ и только что учрежденныхъ въ Дерптѣ (1802) и Вильнѣ (1803), рѣшено было основать университеты въ Петербургѣ, Казани и Харьковѣ (§ 14); одновременно съ этимъ, того же 24 января 1803 года, послѣдовало назначеніе попечителями учебныхъ округовъ шести членовъ Главнаго Правленія Училищъ, при чемъ попечителемъ Дерптскаго Учебнаго Округа назначенъ былъ извѣстный нѣмецкій поэтъ

1) Краткая рѣчь Петерсена помѣщена въ приложеніи къ рѣчи Паррота въ упомянутомъ изданіи.

знаменитой эпохи „бури и натиска", генералъ-маіоръ русской службы Ѳ. И. Клингеръ; въ область Дерптскаго учебнаго округа включены были губерніи Лифляндская, Эстляндская, Курляндская и Финляндская [1]).

Этими чрезвычайно важными постановленіями, имѣвшими неисчислимыя послѣдствія въ ходѣ народнаго образованія въ Россіи XIX столѣтія и отразившими собою высокій полетъ просвѣтительной мысли императора Александра I, вновь учрежденный Дерптскій университетъ освобожденъ былъ отъ власти надъ нимъ и вліянія на него дворянства трехъ губерній Остзейскаго края и переданъ въ вѣдѣніе центральнаго управленія, взявшаго на себя общее руководство судьбами народнаго образованія всей имперіи [2]); узкій сословный контроль дворянства былъ замѣненъ для него наблюденіемъ и заботами со стороны министерства народнаго просвѣщенія, просвѣтительныя задачи котораго, имѣвшія въ виду весьма обширный кругъ явленій и фактовъ, вводили Дерптскій университетъ — по крайней мѣрѣ, по офиціальному его административному положенію — въ сферу русскихъ общегосударственныхъ интересовъ. А за истинно просвѣщенный духъ этого руководства ручалась, въ извѣстной степени, сама личность перваго министра народнаго просвѣщенія, одного изъ замѣчательнѣйшихъ государственныхъ людей эпохи Александра I. „Назначивъ Завадовскаго министромъ народнаго просвѣщенія — говоритъ одинъ изъ историковъ русскаго просвѣщенія — государь сдѣлалъ самый счастливый выборъ. Изъ всѣхъ служебныхъ обязанностей ни одна не была такъ близка душѣ Завадовскаго, вполнѣ соотвѣтствуя его призванію, какъ управленіе комиссіей училищъ и мини-

1) Сборникъ постановленій, I. 4. 13—15. 21—22.

2) Объ этомъ замѣчательномъ для университета событіи министръ народнаго просвѣщенія графъ Завадовскій извѣстилъ куратора фонъ-Баранова письмомъ отъ 9 декабря 1802 года, требуя при этомъ, чтобы отнынѣ университетъ посылалъ министру, „еженедѣльныя меморіи о всѣхъ вообще дѣлахъ, въ ономъ происходящихъ".

стерствомъ просвѣщенія. Памятникомъ заслугъ Завадовскаго въ дѣлѣ народнаго образованія служитъ послѣдовательный рядъ зрѣло обдуманныхъ и благотворныхъ для народной жизни дѣйствій училищной комиссіи и главнаго правленія училищъ. Время управленія министерствомъ Завадовскаго останется навсегда блестящею эпохою въ исторіи народнаго просвѣщенія въ Россіи" [1]).

Но на этомъ дѣло остановиться не могло: вполнѣ естественнымъ и необходимымъ послѣдствіемъ перехода университета подъ высшее руководство министерства народнаго просвѣщенія являются и заботы государя о его матеріальномъ обезпеченіи, окончательно поставившія университетъ въ полную независимость отъ остзейскаго дворянства. Выраженіемъ этихъ заботъ явился знаменательный „Актъ постановленія для Императорскаго университета въ Дерптѣ", подписанный государемъ въ денъ своего рожденія 12 декабря 1802 года; день этотъ сдѣлался впослѣдствіи днемъ ежегоднаго университетскаго акта и торжества.

„Актъ постановленія" носитъ на себѣ черты особаго благоволенія государя къ Дерптскому университету, учрежденному, какъ говорится тамъ, „на вѣчныя времена для имперіи Нашей, а въ особенности для губерній Лифляндской, Эстляндской и Курляндской"; „и какъ столь пріятно — читаемъ далѣе — Нашему сердцу привести сіе святилище наукъ въ цвѣтущее состояніе, то по сему и пріемлемъ оный университетъ въ особенное наше покровительство и защиту". За университетомъ подтверждаются пожалованныя ранѣе ему мѣсто и постройки; кромѣ того, вмѣсто прежнихъ 100 лифляндскихъ гаковъ жалуются университету 240 гаковъ казенной земли, при расчетѣ арендной стоимости каждаго гака въ 500 рублей, но въ виду того, что университетъ

1) Сухомлиновъ, М. И. Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе императора Александра I, въ сборникѣ: „Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію", т. I. Спб. 1889, стр. 9.

не можетъ вступить сразу въ ихъ пользованіе, отпускается изъ государственнаго казначейства соотвѣтствующая сумма въ 120.000 рублей асс. ежегодно, съ тѣмъ чтобы потомъ уменьшать эту сумму по мѣрѣ фактическаго перехода земельныхъ гаковъ во владѣніе университета согласно указанному выше расчету (§ 1). Хотя университетъ, какъ ясно было и изъ манифеста 8 сентября 1802 года, поступалъ въ вѣдѣніе министра народнаго просвѣщенія, а также, какъ прибавлено въ „актѣ постановленія", „и члена комиссіи училищъ, на котораго возложено будетъ попеченіе о семъ университетѣ" (§ 4), однако существованіе „кураторовъ", выбранныхъ отъ дворянства трехъ губерній, этимъ не устранялось: они остаются „для управленія дѣлъ университета по экономической части" (§ 2), при чемъ, впрочемъ, университетъ „распоряжаетъ всѣми доходами своими подъ главнымъ надзираніемъ министра народнаго просвѣщенія" (§ 3); должность вице-куратора сама собою упраздднялась. Во внутреннихъ дѣлахъ дана университету довольно широкая автономія и возможность самостоятельнаго почина касательно необходимыхъ перемѣнъ существующаго порядка. Важнымъ нововведеніемъ является учрежденіе должности ректора, который избирается совѣтомъ университета изъ профессоровъ и утверждается властью государя; профессоровъ же, по избранію совѣта, утверждаетъ, черезъ посредство попечителя, министръ народнаго просвѣщенія (§ 9). Жалованья профессорамъ положено было на первыя десять лѣтъ существованія университета 2000 р., при чемъ черезъ 25 лѣтъ предоставлена пенсія, равная этому жалованью (§§ 12, 13); опредѣлены условія обезпеченія пенсіей осиротѣлыхъ профессорскихъ семействъ (§ 14), и обозначены нѣкоторыя матеріальныя и сословныя привилегіи профессоровъ и воспитанниковъ университета (§§ 5, 11, 15, 16, 17).

Такимъ образомъ, какъ можно видѣть, „актъ постановленія" 12 декабря 1802 года имѣлъ въ виду главнымъ

образомъ матеріальное обезпеченіе университета и его членовъ, не касаясь подробностей въ этомъ отношеніи и не разсматривая частныхъ сторонъ вопроса о его внутреннемъ устройствѣ, административномъ и учебномъ; поэтому, онъ не замѣнилъ собою вполнѣ прежняго „плана" 4 мая 1799 года и дополненій къ нему 5 января 1802 года, а представилъ къ нимъ лишь существенныя измѣненія и дополненія; такой характеръ „акта постановленія" объясняется тѣмъ, что новый уставъ и штатъ Дерптскаго университета уже разрабатывались въ это время въ Дерптѣ и въ Петербургѣ, и, какъ мы увидимъ, въ слѣдующемъ 1803 году были утверждены и приведены въ дѣйствіе.

Не подлежитъ сомнѣнію что „актъ" 12 декабря 1802 года былъ удовлетвореніемъ самыхъ горячихъ желаній членовъ только что начавшей организоваться университетской корпораціи, которая естественно должна была стремиться для новаго учрежденія и ради своего собственнаго, личнаго интереса къ болѣе прочному матеріальному положенію, къ внутренней автономіи и предпочесть зависимость отъ центральнаго государственнаго управленія зависимости отъ мѣстнаго дворянства; въ этомъ послѣднемъ желанія профессоровъ вполнѣ совпадали и съ планами правительства. Чрезвычайно удачнымъ и счастливымъ выразителемъ этихъ стремленій университетской среды въ Дерптѣ и какъ бы душою ихъ явился второй проректоръ университета, профессоръ Г. Ф. Парротъ, на долю котораго выпала главная и поистинѣ блестящая роль вь дѣлѣ исходатайствованія для университета „акта" 12 декабря 1802 года. Ободренный чрезвычайно милостивымъ къ нему вниманіемъ государя 22 мая 1802 года въ Дерптѣ, Парротъ, какъ представитель университета, дѣйствовалъ смѣло и энергично. Въ засѣданіи совѣта 3 октября 1802 года Парротъ испросилъ себѣ отпускъ въ Петербургъ на 28 дней, оставивъ своимъ заместителемъ въ проректорствѣ проф. Балка. Но по истеченіи указаннаго срока, въ засѣданіи 1 ноября, было

доложено профессоромъ Балкомъ письмо къ нему Паррота изъ Петербурга, съ извѣстіемъ, что государь, въ личномъ разговорѣ съ Парротомъ, выразилъ свое особенное милостивое расположеніе къ Дерптскому университету, и что онъ, Парротъ, надѣется, что въ скоромъ времени послѣдуетъ подтвержденіе этого расположенія въ видѣ торжественнаго „акта постановленія". Дѣйствительно, Парротъ, возвратившійся въ Дерптъ 21 декабря 1802 года и пробывшій, т. о., въ отпуску около трехъ мѣсяцевъ, привезъ съ собою оригиналъ лично ему врученнаго государемъ „акта постановленія" и доложилъ его въ засѣданіи совѣта на слѣдующій день, 22 декабря, сообщивъ при этомъ и объ обстоятельствахъ своего пребыванія въ Петербургѣ, поскольку они касались университета [1]). Въ томъ же засѣданіи совѣта, согласно § 9 „акта постановленія", Парротъ былъ избранъ въ ректоры университета, и на слѣдующій затѣмъ день, 23 декабря, назначено было торжественное публичное оповѣщеніе новой монаршей милости къ университету. Торжество это, состоявшееся при большомъ стеченіи публики, заключало въ себѣ сначала рѣчь временнаго проректора Балка съ отчетомъ объ исполненныхъ имъ обязанностяхъ,

1) Въ рукописномъ отдѣленіи библіотеки Академіи Наукъ въ Петербургѣ, въ числѣ бумагъ, перешедшихъ туда по смерти Паррота, находится и первоначальная редакція „акта постановленія" съ собственноручными карандашомъ поправками императора Александра I (26. 2. I. 13). Поправки эти немногочисленны, касаются главнымъ образомъ стиля, и объясненія ихъ сдѣланы на поляхъ по-французски. Замѣчательно, что въ одномъ изъ §§ этого проекта (именно 12-мъ, который соотвѣтствуетъ § 11-му принятой потомъ окончательно редакціи) государемъ были зачеркнуты слова, которыми предоставлялось иностраннымъ профессорамъ, чиновникамъ и даже служителямъ университета освобожденіе „навсегда отъ всякой личной подати" и право „по желанію ихъ выѣхать заграницу, безъ всякаго съ имущества ихъ въ казну платежа"; но впослѣдствіи, очевидно, и по этому пункту испрошена была Парротомъ уступка, и означенный § вошелъ въ утвержденную государемъ редакцію, лишь съ исключеніемъ „служителей" университета изъ числа лицъ, которымъ предоставлялись упомянутыя льготы.

а затѣмъ рѣчь Паррота, среди которой прочитанъ былъ и самый „актъ“, давшій, по словамъ оратора, университету „новое бытіе“ и явившійся для него „залогомъ счастія, палладіумомъ свободы и документальной основой его правъ“; наконецъ, говорилъ отъ лица своихъ товарищей студентъ богословскаго факультета Лундбергъ, выражая чувства радости и благодарности по поводу совершившагося счастливаго для университета событія [1]). Такимъ образомъ, 12 декабря 1802 года, день подписанія государемъ „акта постановленія“, явился тѣмъ моментомъ, съ котораго университетъ сталъ считать свое дѣйствительно „новое“ существованіе.

Указанныя событія, ознаменовавшія собою для Дерптскаго университета вторую половину перваго года его существованія, были лишь предварительными, хотя и весьма крупными, шагами этого учрежденія на пути къ новой жизни, основы которой вырабатывались уже теперь, но получили свою окончательную внѣшнюю организацію лишь въ 1803 году.

Однако, прежде чѣмъ перейти къ разсказу объ этой организаціи, полагаемъ умѣстнымъ остановиться здѣсь въ краткихъ чертахъ на двухъ личностяхъ, изъ которыхъ въ 1802 году одна уже вошла въ сферу университетскихъ событій, а другая была къ этому предназначена, и которыя обѣ чрезвычайно близко, хотя и не въ равной степени, стояли къ судьбамъ Дерптскаго университета въ первую эпоху его существованія.

Личности эти — Парротъ и Клингеръ.

Мы уже видѣли Паррота въ роли представителя университета, успѣвшаго въ первый же годъ его существованія

---

1) Nachricht von der feyerlichen Bekanntmachung der von Sr. Kayserl. Majestät Alexander dem Ersten der Universität zu Dorpat allergnädigst geschenkten Fundations-Acte, въ прибавленіи къ цит. соч. Ф. Д. Ленца: Skizze einer Geschichte der Stadt Dorpat, стр. 69—84.

оказать ему чрезвычайно важныя услуги. Судьба этого человѣка весьма замѣчательна, даже для того времени, когда жизнь очень многихъ людей въ Россіи изобиловала необыкновенными случайностями и неожиданными поворотами; впрочемъ, среди этихъ людей конца XVIII и начала XIX вѣка фигура Паррота обрисовывается въ чертахъ, за которыя ему не приходится краснѣть передъ судомъ исторіи. На половину французъ по происхожденію (по семейнымъ преданіямъ, родъ его вышелъ изъ Шотландіи), Георгъ-Фридрихъ Парротъ родился (5 іюля 1767 года) въ тогда вюртембергскомъ, а нынѣ французскомъ городкѣ Монбельярѣ, мѣстѣ рожденія также и натуралиста Кювье, который былъ двумя годами моложе Паррота. Проучившись до 14 лѣтъ въ мѣстной гимназіи родного города, молодой Парротъ въ 1781 году поступилъ въ академію въ Штутгартѣ, гдѣ одновременно съ нимъ учился и его знаменитый впослѣдствіи землякъ; тутъ его въ особенности интересовали науки экономическія, а затѣмъ физика и математика. 18 лѣтъ отъ роду Парротъ покидаетъ высшую школу и проводитъ нѣсколько лѣтъ домашнимъ учителемъ сначала во Франціи, потомъ въ Германіи, владѣя одинаково свободно какъ нѣмецкимъ, такъ и французскимъ языкомъ и съ раннихъ лѣтъ совмѣщая въ своей чрезвычайно одаренной натурѣ живость и впечатлительность французскаго темперамента съ тѣми положительными и устойчивыми чертами ума и характера, которыя дало ему нѣмецкое воспитаніе. Рано женившись на Вильгельминѣ Лефортъ, родомъ изъ Женевы, Парротъ уже въ 1794 году овдовѣлъ и остался съ двумя сыновьями, Фридрихомъ и Вильгельмомъ. Не имѣя еще опредѣленной жизненной перспективы, Парротъ принялъ въ 1795 году приглашеніе переселиться въ Лифляндію, въ качествѣ домашняго воспитателя въ домѣ графа Сиверса въ Венденѣ. Въ 1797 году онъ вторично женился въ Ригѣ на А. Г. фонъ-Гаузенбергъ и вскорѣ получилъ здѣсь мѣсто секретаря Лифляндскаго „Общеполезнаго и экономическаго Общества“,

какъ человѣкъ уже пріобрѣтшій извѣстность опубликованными имъ трудами по физическимъ и математическимъ наукамъ. Въ роли секретаря Общества, имѣвшаго, какъ практическія, такъ и чисто научныя задачи, Парротъ въ короткое время обнаружилъ такую дѣятельность и тѣмъ привлекъ на себя такое вниманіе въ широкихъ кругахъ мѣстнаго общества, что когда вскорѣ рѣшено было открытіе университета въ Дерптѣ, то онъ въ 1800 году приглашенъ былъ „кураторіумомъ“ на каѳедру физики. Не желая бросать секретарство въ обществѣ, Парротъ въ декабрѣ 1800 года предлагаетъ ему на обсужденіе вопросъ о перенесеніи Общества изъ Риги въ Дерптъ, приводя въ пользу своей мысли возможность лучшаго его процвѣтанія въ университетскомъ городѣ, болѣе богатомъ научными силами, чѣмъ торговая Рига; но предложеніе это не было принято, и въ маѣ 1801 года Парротъ, покинувъ Ригу, переселился въ Дерптъ, получивши незадолго передъ этимъ, 12 апрѣля 1801 года, степень доктора философіи отъ Кенигсбергскаго университета [1]). Между тѣмъ, дѣло съ открытіемъ университета замедлилось, и 25 ноября 1801 года Парротъ открылъ въ Дерптѣ частный курсъ популярной механики, который и продолжалъ вплоть до открытія университета 21 апрѣля 1802 года.

О роли Паррота въ 1802 году въ отношеніи къ университету мы уже знаемъ. Самымъ замѣчательнымъ событіемъ этихъ немногихъ мѣсяцевъ жизни Паррота было его сближеніе съ государемъ, имѣвшее чрезвычайно важныя послѣдствія какъ для самого Паррота, такъ и для университета, и поставившее его въ совершенно исключительныя условія въ средѣ университетской корпораціи, служебныя отношенія съ которой и съ университетомъ связывали Паррота цѣлую четверть вѣка.

1) L. Stieda. G. Fr. Parrot, въ Allgemeine Deutsche Biographie, B. XXV, стр. 184; Fr. Bienemann. G. Fr. Parrot's Jugendleben (1767—1801). S.-Petersburg 1897, стр. 99—110.

Намъ уже извѣстенъ внѣшній поводъ сближенія Паррота съ императоромъ Александромъ I, но еще болѣе интересны тѣ внутреннія причины, которыя привели къ этимъ необыкновеннымъ отношеніямъ между могущественнымъ монархомъ и скромнымъ служителемъ науки, продолжавшимся болѣе десяти лѣтъ и измѣнившимся только позднѣе, когда и самъ государь, во вторую половину своего царствованія, во многомъ измѣнился. Вѣроятнѣе всего, что государемъ руководило при этомъ непосредственное увлеченіе тѣмъ искреннимъ и благороднымъ тономъ, съ которымъ обратился къ нему Парротъ въ своей первой привѣтственной рѣчи въ Дерптѣ; ближайшее личное знакомство съ Парротомъ подтвердило и усилило это первое впечатлѣніе, и возвышенное сердце государя, искавшее дружбы безкорыстной и нелицемѣрной, побудило его приблизить къ себѣ дерптскаго профессора и поставить его въ положеніе друга и ближайшаго совѣтника по самымъ важнымъ и интимнымъ дѣламъ; много сдѣлалъ тутъ и необыкновенный тактъ Паррота, его тонкій, образованный и проницательный умъ, а главное — его искреннее, совершенно чуждое узкаго эгоизма увлеченіе личностью молодого монарха, дѣйствительно обладавшаго всѣми данными привлекать къ себѣ сердца. Парротъ въ своихъ отношеніяхъ къ государю обнаружилъ столько же непосредственной искренности и энтузіазма, сколько и глубокаго пониманія той высокой и исключительно поставленной душевной организаціи, съ которой онъ имѣлъ дѣло: тутъ нельзя было выбирать средняго пути, и Парротъ почти не ставилъ границъ своей откровенности и свободѣ обращенія къ государю, который самъ на то его вызвалъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ обширная переписка между государемъ и Парротомъ, веденная съ обѣихъ сторонъ въ духѣ взаимнаго довѣрія, обоюдной душевной симпатіи и неослабѣвающаго возвышеннаго настроенія. Искренность и правдивость оставались все время основными чертами этихъ отношеній, но этими же чертами

объясняется и послѣдующее ослабленіе той связи, въ которой оба участники слѣдовали только побужденіямъ своего ума и сердца. Парротъ былъ старше императора Александра I на 10 лѣтъ и, вступивъ съ нимъ въ дружескія отношенія, несмотря на весь пылъ своего темперамента, былъ человѣкомъ уже опредѣленныхъ убѣжденій и значительной житейской опытности, между тѣмъ какъ въ государѣ въ это время сердечныя движенія преобладали надъ требованіями разсудка; въ 10 лѣтъ онъ многому научился, и хотя не имѣлъ причинъ разочароваться въ возвышенныхъ и благородныхъ чертахъ характера Паррота, но уже на многое смотрѣлъ своими глазами; кромѣ того, во вторую половину своего царствованія онъ воспринялъ въ религіозной и политической области идеи, съ которыми не мирился трезвый, склонный къ раціонализму умъ Паррота; тонъ строгаго наставника, въ которомъ нерѣдко говорилъ съ нимъ Парротъ, не могъ ему уже больше нравиться: вотъ почему ко времени 1812 года прежнія отношенія государя къ Парроту охлаждаются, хотя Парротъ продолжалъ относиться къ своему царственному другу съ неизмѣнной любовью, а государь до конца своей жизни питалъ глубокое уваженіе къ дарованіямъ, уму и высокой честности Паррота. Такимъ образомъ, въ этомъ разрывѣ виновато было одно время, въ силу котораго онъ и долженъ былъ непремѣнно совершиться. И Парротъ и Александръ I оставались вѣрны тому высокому идеалу дружбы, который предполагаетъ искренность отношеній, взаимную симпатію и уваженіе, и потому дружба эта является не только интереснымъ историческимъ фактомъ, но и поучительнымъ явленіемъ нравственнаго характера, одинаково выгодно рисующимъ съ этой стороны того и другого участника этихъ необыкновенныхъ отношеній [1]).

1) Главные моменты изъ исторіи этихъ отношеній, вмѣстѣ съ послѣдовавшимъ затѣмъ охлажденіемъ, изобразилъ самъ Парротъ, въ весьма прочувствованныхъ выраженіяхъ, въ письмѣ своемъ къ государю отъ 5 февраля 1816 года: Шильдеръ. Императоръ Александръ Первый, т. IV, стр. 290—293. 555—557.

Баронъ М. А. Корфъ такъ говоритъ объ этихъ отношеніяхъ Александра I къ Парроту: „Парротъ не только былъ облеченъ правомъ, которымъ и пользовался очень часто, писать къ государю въ тонѣ не подданнаго, а друга, о всемъ, что хотѣлъ, о предметахъ правительственныхъ, домашнихъ, сердечныхъ, не только получалъ отъ него самого письма самыя задушевныя, но и при каждомъ своемъ пріѣздѣ изъ Дерпта въ Петербургъ шелъ прямо въ государевъ кабинетъ, гдѣ по цѣлымъ часамъ оставался наединѣ съ царственнымъ хозяиномъ. Александръ, со всѣмъ порывомъ свойственной ему сердечной теплоты, искалъ пріобрѣсти и упрочить дружбу скромнаго ученаго, нерѣдко довѣряя ему свои тайны, и государственныя и частныя. Этотъ ученый былъ честный, умный, добросовѣстный нѣмецъ, конечно болѣе мечтатель, нежели практикъ, но всегда правдивый и прямодушный; съ безкорыстіемъ и смѣлостію человѣка, ничего не искавшаго и даже отклонявшаго всякое внѣшнее проявленіе милости, онъ предался Александру всею душою, и, далекій отъ всякой лести, строгій въ своихъ приговорахъ, какъ совѣсть, постепенно присвоилъ себѣ роль и права сокровеннаго ментора“ [1]).

Такого именно человѣка судьба поставила въ руководители Дерптскаго университета при его возникновеніи. Правда, офиціальнымъ главой университета Парротъ былъ недолгое время: проректоромъ съ 28 іюня по 22 декабря 1802 года и ректоромъ съ 22 декабря 1802 по 1 августа 1803 года [2]), съ 1 августа 1805 по 1 августа 1806 и съ 1 августа 1812 по 1 августа 1813 года, слѣдовательно всего въ общемъ нѣсколько болѣе трехъ лѣтъ; но вліяніе

---

1) Жизнь графа Сперанскаго, т. II, стр. 13. Приблизительно тѣми же чертами характеризуетъ эти отношенія и Шильдеръ: Императоръ Александръ Первый, т. II, стр. 87—88.

2) На слѣдующій годъ онъ отъ предложеннаго ему совѣтомъ ректорства отказался: M. Rieger. Fr. Max. Klinger. Briefbuch, стр. 260.

его почти на всѣ дѣла и вопросы университетской жизни фактически не прекращалось до конца его службы въ университетѣ (1826), чему причиною были не одни только его личныя отношенія къ государю, но и необыкновенная разносторонность образованія опытность и познанія его въ разнаго рода теоретическихъ и практическихъ вопросахъ, неисчерпаемая энергія и непреклонная сила воли, проявлявшаяся нерѣдко въ такихъ формахъ, которыя ставили его въ рѣзкія отношенія къ товарищамъ и подавали послѣднимъ поводъ жаловаться на его тяжелый характеръ. Переселившись въ 1826 году въ Петербургъ, въ качествѣ члена Академіи Наукъ, Парротъ и тамъ не оставался совершенно чуждъ къ судьбѣ Дерптскаго университета, хотя и не могъ оказывать на его дѣла прежняго вліянія; отношенія Паррота къ императору Николаю I уже ничѣмъ не напоминали прежнюю его дружбу къ императору Александру, хотя молодой государь иногда и читалъ подаваемыя ему Парротомъ письма и записки по разнымъ вопросамъ внѣшней и внутренней политики государства, написанныя въ прежнемъ непринужденномъ и весьма откровенномъ тонѣ. Парротъ умеръ, во время поѣздки въ Финляндію, 8 іюля 1852 года, въ Гельсингфорсѣ.

Другимъ лицомъ, руководившимъ судьбами Дерптскаго университета, хотя и не столь близко къ нему стоявшимъ, какъ Парротъ, былъ попечитель Дерптскаго учебнаго округа Клингеръ, тоже иностранецъ по происхожденію. Фридрихъ-Максимиліанъ, по-русски Ѳедоръ Ивановичъ, Клингеръ, пріобрѣтшій извѣстность въ Германіи какъ писатель эпохи „бури и натиска“ — самое имя которой, какъ девизъ, далъ именно онъ одной своей драмой („Wirrwarr“ 1777 года, въ позднѣйшихъ изданіяхъ „Sturm und Drang“) — родился 17 февраля 1752 года во Франкфуртѣ на Майнѣ, въ семьѣ городского полицейскаго офицера, жена котораго также была не болѣе, какъ дочерью простого сержанта. Мать Клингера, послѣ смерти мужа въ 1760 году, содержала

оставшихся дѣтей мелкой торговлей и стиркой. До осени 1772 года мальчикъ посѣщалъ гимназію во Франкфуртѣ, а 16 апрѣля 1774 года поступилъ въ Гиссенскій университетъ для изученія права. Въ этотъ промежутокъ времени, между гимназіей и университетомъ, онъ познакомился съ Гете и его кружкомъ. Въ Гиссенѣ Клингеръ жилъ въ домѣ профессора римскаго права Гепфнера, благодаря чему имѣлъ возможность пріобрѣсти довольно широкій кругъ знакомства въ средѣ ученыхъ и образованныхъ людей. Покинувъ въ іюнѣ 1776 года университетъ, Клингеръ, влекомый литературными и художественными интересами, переселился въ Веймаръ, гдѣ былъ любезно принятъ Виландомъ и Гете; съ этого времени начинается его полная перемѣнъ, неопредѣленная, сопровождаемая литературными успѣхами и разочарованіями жизнь въ Лейпцигѣ, Дрезденѣ, Дюссельдорфѣ и другихъ нѣмецкихъ городахъ, пока наконецъ въ августѣ 1780 года не принялъ онъ приглашенія вступить въ русскую военную службу при дворѣ великаго князя Павла Петровича, которому его рекемендовалъ зять его принцъ Фридрихъ-Евгеній Вюртембергскій. Въ Россіи не прекращалась литературная дѣятельность Клингера, сосредоточиваясь, вмѣсто прежняго драматическаго рода, на романахъ, но главнымъ дѣломъ его въ эту эпоху жизни была служба. При Екатеринѣ II и Павлѣ I Клингеръ то разъѣзжалъ съ великимъ княземъ по Европѣ, то принималъ участіе въ походахъ противъ поляковъ и турокъ, но со вступленіемъ на престолъ Александра I, когда вопросы просвѣщенія сдѣлались самыми близкими вниманію молодого государя, Клингеръ, уже дослужившійся тогда до чина генералъ-маіора, употребленъ былъ именно къ этой столь важной тогда отрасли государственной службы: въ 1801 году онъ назначенъ былъ начальникомъ Кадетскаго корпуса, а въ слѣдующемъ Пажескаго. Когда 8 сентября 1802 года учреждена была, одновременно съ министерствомъ народнаго просвѣщенія, и „комиссія училищъ“, то въ число шести

ея членовъ былъ назначенъ и Клингеръ, при чемъ на обязанности этой „комиссіи“ лежало „особенно пещись о успѣхахъ всѣхъ заведеній, для распространенія просвѣщенія учрежденныхъ, по соображенію нуждъ и потребностей каждаго отдѣленія, нѣсколько губерній объемлющаго“, и „главной цѣлію, которую должны имѣть члены тѣхъ отдѣленій, гдѣ еще нѣтъ университетовъ, есть учрежденіе оныхъ“ [1]). Когда затѣмъ 24 января 1803 года изъ этихъ, едва лишь намѣченныхъ, „отдѣленій“ были учреждены учебные округа, то Клингеръ назначенъ былъ попечителемъ Дерптскаго округа и университета [2]), оставаясь впрочемъ жить въ Петербургѣ и засѣдая въ Главномъ Правленіи Училищъ.

Въ попечители Дерптскаго округа порекомендовалъ Клингера государю Парротъ. По словамъ профессора Моргенштерна, которому разсказывалъ объ этомъ событіи тридцать лѣтъ спустя Парротъ, дѣло было такъ. Во время пребыванія Паррота въ октябрѣ и ноябрѣ 1802 года въ Петербургѣ, когда онъ, пользуясь расположеніемъ государя, энергически велъ дѣло объ „актѣ постановленія“ для университета, ему случилось быть, въ присутствіи государя, при приготовленіяхъ къ подъему воздушнаго шара на площадкѣ передъ Кадетскимъ корпусомъ, директоромъ котораго былъ Клингеръ. Приготовленія не удались, и даже былъ моментъ, когда Клингеръ поспѣшно отодвинулъ государя отъ опаснаго мѣста. Императоръ тутъ же далъ Парроту порученіе разслѣдовать причину этой неудачи и опредѣлить, не было ли въ этомъ присутствія злой воли. По отъѣздѣ государя, Клингеръ шелъ вмѣстѣ съ Парротомъ и по дорогѣ говорилъ о томъ, какъ горячо онъ любитъ государя. Это произвело на Паррота тѣмъ большее впечатлѣніе, что до того онъ зналъ Клингера лишь со стороны его суроваго характера, которымъ онъ былъ и вообще из-

1) Сборникъ постановленій, I. 4—5.
2) Тамъ же, I. 21.

вѣстенъ въ Петербургѣ, а особенно въ отношеніи къ Кадетскому корпусу. Этотъ разговоръ и далъ Парроту мысль предложить государю, при подписаніи „акта постановленія“, Клингера въ попечители Дерптскаго округа и университета[1]). Едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что рѣшимости Паррота рекомендовать Клингера на столь важный и близкій его собственнымъ интересамъ постъ предшествовало обоюдное соглашеніе ихъ по вопросамъ сюда относящимся и достаточное знакомство Паррота со взглядами Клингера на дѣло, которому онъ призывался служить. Весьма вѣроятно также, что благородный и увлекающійся Парротъ, въ своихъ симпатіяхъ къ Клингеру и въ готовности содѣйствовать передачѣ въ руки послѣдняго столь дорогого ему самому дѣла, руководился какъ извѣстностью литературнаго имени будущаго попечителя Дерптскаго университета, такъ въ особенности преданностію его государю, въ первый разъ бросившейся ему въ глаза при упомянутомъ случаѣ съ поднятіемъ воздушнаго шара. Парротъ считалъ Клингера и позднѣе однимъ изъ преданнѣйшихъ государю людей, и такъ, напр., писалъ своему царственному другу въ концѣ мая 1805 года, раздѣляя окружающихъ государя людей на три категоріи и, послѣ двухъ первыхъ, говоря о третьей: „третья категорія — небольшая кучка безупречныхъ людей, которыхъ Вы рѣдко видаете; къ нимъ рѣшаюсь причислить и себя. Въ главѣ этихъ безупречныхъ людей стоитъ Клингеръ, который между всѣми самый необходимый для Васъ по своему сильному характеру; такого друга нѣтъ при дворѣ. Я его знаю два года по службѣ и восемь мѣсяцевъ наблюдаю въ частной жизни. Пусть онъ будетъ въ числѣ тѣхъ, которыхъ Вы постоянно видите; пусть для него всегда будутъ открыты Ваши двери“[2]).

---

1) M. Rieger, Friedrich Maximilian Klinger. Sein Leben und Werke. Th. II, стр. 569.

2) Русская Старина 1895 № 4, стр. 198; ср. Deutsche Revue, 1894, B. IV, стр. 170.

Впрочемъ, преданность Клингера государю, составлявшая, какъ сказано, главную основу симпатій съ нему Паррота, была у него нѣсколько иного порядка, чѣмъ у Паррота: въ то время, какъ послѣдній совершенно искренно и всѣмъ сердцемъ увлекался личностью обожаемаго монарха, Клингеръ, по самому своему характеру, былъ не болѣе, какъ преданный и вѣрный слуга государя; его жесткій и прямолинейный, даже суровый характеръ не допускалъ для него возможности близкихъ отношеній къ другой душѣ; душевная его отчужденность и одиночество не совмѣстимы были съ настоящимъ чувствомъ дружбы; самъ Парротъ, вспоминая прошлое, говорилъ Моргенштерну о деспотизмѣ Клингера [1]; питомецъ вѣка, въ который господствовалъ раціонализмъ, поклонникъ Руссо, онъ относился съ большимъ равнодушіемъ къ вопросамъ вѣры. Но какъ „служака", какъ исполнитель воли своего государя, Клингеръ далеко былъ не лишенъ достоинствъ: честный въ самомъ широкомъ смыслѣ, съ характеромъ открытымъ и смѣлымъ, онъ обладалъ энергіей и стойкостью въ отстаиваніи разъ принятаго рѣшенія; обширное литературное образованіе и знаніе людей, пріобрѣтенное путемъ продолжительныхъ съ ними сношеній, дѣлали изъ него нерѣдко цѣннаго совѣтника при разрѣшеніи тѣхъ или другихъ вопросовъ. О патріотизмѣ Клингера по отношенію къ Россіи, какъ его второму отечеству не можетъ быть и рѣчи: преданный своему государю, онъ не любилъ Россіи и къ русскимъ людямъ не питалъ симпатій; въ этомъ отношеніи онъ шелъ даже гораздо дальше Паррота, у котораго черты эти нѣсколько смягчались широтой философскаго міровоззрѣнія и тѣмъ глубокимъ идеализмомъ, который жилъ въ его душѣ вмѣстѣ съ силой характера и стойкостью убѣжденій.

Клингеръ былъ на посту попечителя Дерптскаго университета и округа 14 лѣтъ (до 17 января 1817 года),

1) M. Rieger, назв. соч., II, стр. 577.

живя постоянно въ Петербургѣ и только изрѣдка пріѣзжая въ Дерптъ для непосредственнаго знакомства съ ходомъ дѣла. Въ ту пору и попечители другихъ учебныхъ округовъ тоже жили въ Петербургѣ, будучи членами Главнаго Правленія Училищъ: быть можетъ, въ этомъ отразилось отчасти вліяніе мысли извѣстнаго знатока университетскихъ вопросовъ геттингенскаго профессора Мейнерса, который привлеченъ былъ въ эпоху просвѣтительныхъ начинаній въ Россіи при Александрѣ I къ совѣщаніямъ по дѣламъ, касавшимся народнаго просвѣщенія и въ особенности устройства университетовъ; Мейнерсъ именно находилъ вреднымъ пребываніе попечителей въ тѣхъ же городахъ, гдѣ находятся университеты, такъ какъ, живя постоянно въ университетскомъ кругу, попечитель подвергается опасности поддаться вліянію партіи или кружка и уклониться отъ начала невмѣшательства во внутреннія дѣла университета [1]).

Оставивъ въ 1820 году государственную службу, Клингеръ вышелъ въ отставку, и 13 февраля 1831 года умеръ въ Петербургѣ.

Таковы были тѣ два лица, которыя въ теченіе перваго періода жизни Дерптскаго университета держали въ своихъ рукахъ вліяніе и власть надъ этимъ учрежденіемъ.

---

1) Сухомлиновъ, М. И. Изслѣдованія и статьи, т. I, стр. 47.

II. Первоначальная организація университета по уставу 1803 года[1]).

1.

Несогласія первыхъ профессоровъ съ кураторами по поводу университетскаго устава. — Подготовительныя работы въ совѣтѣ для новаго устава 1803 года; протестъ кураторовъ; утвержденіе устава. — Работы совѣта надъ составленіемъ „правилъ" для студентовъ и утвержденіе этихъ правилъ 23 августа 1803 года. — Главнѣйшія черты университетскаго устава и „правилъ" для студентовъ 1803 года. — Упраздненіе кураторіума.

„Актъ постановленія" 12 декабря 1802 года былъ тѣмъ благодѣтельнымъ и могучимъ толчкомъ, который сразу поставилъ юный Дерптскій университетъ на вѣрную дорогу и обезпечилъ его будущность во внѣшне-административномъ и матеріальномъ отношеніяхъ. Теперь сталъ на очередь вопросъ о внутренней организаціи университета, и нетрудно было предугадать направленіе, въ которомъ послѣдняя должна была совершиться. „Актъ постановленія" былъ чрезвычайно важнымъ шагомъ молодой университетской корпораціи въ дѣлѣ успѣшной борьбы съ кураторами, назначенными отъ дворянства; этой блестящей побѣдой университетъ всецѣло обязанъ былъ личности Г. Ф. Паррота, съумѣвшаго въ самое короткое время достигнуть, при помощи своего вліянія у императора Александра I, чрезвычайно важныхъ результатовъ на пользу своего любимаго дѣтища.

Дальнѣйшая работа должна была сосредоточиться на выработкѣ внутреннихъ условій жизни университета. И

1) Архивъ Юрьевскаго университета: Organisations-Geschichte der Dörptschen Universität (1802—1803); General-Acta des Curatorii, betreffend die Fundation und Organisation der Universität (1802); General-Protocoll des Universitäts-Conseils. 1803; Das Reglement der Studierenden. V. I. 1802—1819. — Архивъ Департамента Народнаго Просвѣщенія, № 2237—113.

тутъ Парротъ явился главнымъ дѣйствующимъ лицомъ университетской корпораціи, какъ ректоръ и какъ человѣкъ, особенно заинтересованный судьбою новаго учрежденія. На эту работу ушелъ весь 1803 годъ, второй годъ существованія университета, который можно было назвать по преимуществу организаціоннымъ, между тѣмъ какъ первый 1802 годъ носилъ характеръ, такъ сказать, созидательный; и если въ этотъ первый годъ изъ подъ неутомимаго пера Паррота вышелъ въ окончательной редакціи „актъ постановленія" 12 декабря 1802 года, то архивныя дѣла университета 1803 года представляютъ массу всякаго рода бумагъ менѣе крупнаго, но во всей своей совокупности, быть можетъ, не менѣе важнаго значенія для университета, вышедшихъ изъ рукъ того же Паррота. Эти безчисленные его проекты, доклады, переписка съ кураторами и попечителемъ и разнаго рода редакціонныя работы дышатъ тѣмъ же творческимъ духомъ и носятъ на себѣ тотъ же отпечатокъ борьбы за независимость университета отъ мѣстныхъ вліяній, какъ и самый „актъ постановленія."

На первомъ планѣ стоялъ вопросъ объ университетскомъ уставѣ.

Выше упомянуто было, что кураторы еще въ началѣ 1802 года выработали и напечатали „для собственнаго употребленія университета" уставъ (Statuten der Kaiserlichen Universität zu Dorpat. 1802), въ которомъ старались согласовать „планъ" 4 мая 1799 съ указомъ 5 января 1802 года, присоединивъ сюда нѣсколько еще новыхъ статей (всего 118 §§); этотъ проектъ, составленный въ духѣ преобладающаго вліянія кураторовъ на университетъ, представленъ былъ послѣдними къ утвержденію въ сенатъ уже 6 марта 1802 года, а пока являлся какъ бы неофиціально-обязательнымъ, и на него можно найти постоянныя ссылки въ бумагахъ, исходившихъ изъ канцеляріи кураторіума, и въ протоколахъ совѣта въ 1802 и 1803 годахъ. Между тѣмъ, въ малочисленной пока средѣ профессоровъ, съѣхав-

шихся въ Дерптъ и готовившихся приступить къ своей дѣятельности, образовалось довольно единодушное настроеніе противъ этого проекта, готоваго сдѣлаться закономъ, и вообще противъ политики кураторовъ въ отношеніи университета. Душою этого настроенія былъ Парротъ. 19 апрѣля 1802 года, за два дня до офиціальнаго открытія университета и, слѣдовательно, еще до организаціи университетскаго совѣта, профессора, на одномъ изъ предварительныхъ совѣщаній, бывшихъ въ квартирѣ Паррота, когда ими получено было отъ кураторіума предложеніе принести присягу на службу по выработанной кураторами формулѣ, рѣшили не принимать въ этой формулѣ двухъ пунктовъ: повиновеніе уставу, еще не утвержденному и формально имъ неизвѣстному, и повиновеніе кураторіуму; профессора отказывались отъ признанія надъ собою иной высшей власти, кромѣ центральной государственной и ея представительницы въ краѣ — губернской. Съ начала II семестра 1802 года совѣтъ сталъ дѣйствовать энергичнѣе противъ отосланнаго для утвержденія проекта. Въ засѣданіи 20 августа рѣшено было избрать изъ среды совѣта особую комиссію для совмѣстнаго съ кураторіумомъ разсмотрѣнія проекта вновь, а пока поручить профессорамъ Парроту, Мейеру и Балку немедленно войти по этому вопросу съ кураторами въ устные переговоры. Выслушавъ доклады этой депутаціи, вице-кураторъ І. Ф. Унгернъ-Штернбергъ согласился обратиться въ сенатъ съ просьбой не утверждать пока представленнаго проекта. Избранная 3 сентября комиссія изъ профессоровъ Гецеля (который, въ виду временнаго его отсутствія, замѣщенъ былъ Эверсомъ), Балка, Мютеля и Еше занялась изученіемъ проекта по существу, и когда 18 сентября ея заключеніе было въ совѣтѣ одобрено, то Парроту и Балку поручено было войти съ кураторіумомъ въ личное соглашеніе. Результатомъ этихъ работъ, въ которыхъ активная роль во всякомъ случаѣ принадлежала совѣту, явились двѣ обширныя записки объ уставѣ, одна отъ совѣта и

другая отъ кураторіума, которыми занимался совѣтъ 3 и 21 октября. А въ это время Парротъ дѣйствовалъ въ Петербургѣ, и 12 декабря подписанъ былъ „актъ постановленія“, опредѣлившій скромное положеніе кураторовъ въ университетѣ и тѣмъ самымъ давшій совершенно новое положеніе и вопросу объ уставѣ.

Дѣйствительно, еще 24 декабря 1802 года, на другой день послѣ торжественнаго объявленія объ „актѣ постановленія“, Парротъ представилъ кураторіуму о необходимости скорѣйшаго согласованія прежняго проекта съ основами „акта“ 12 декабря, а 29 декабря 1802 года избрана была въ совѣтѣ комиссія изъ профессоровъ Паррота, Моргенштерна, Балка, Мютеля и Беллендорфа (въ замѣстители къ двумъ послѣднимъ — Мейера и Эверса) для выработки уже совершенно новаго устава, независимо отъ прежняго проекта, въ духѣ „акта постановленія“ и сообразно новымъ матеріальнымъ условіямъ, въ которыя поставленъ былъ университетъ этимъ послѣднимъ. Теперь совѣтъ уже дѣйствовалъ безъ участія кураторіума, вполнѣ самостоятельно и съ большей увѣренностью и энергіей. Насколько твердую почву нашелъ для себя совѣтъ въ „актѣ постановленія“, работая надъ уставомъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующее обстоятельство. Назначенный 24 января 1803 года попечитель Ѳ. И. Клингеръ, прислалъ (отъ 10 февраля 1803 года) въ университетъ „Временныя правила для Дерптскаго университета“ (Vorläufige Instructionen für die Universität zu Dorpat), состоявшія изъ 11 §§ и опредѣлявшія главнымъ образомъ формальныя отношенія университета и округа къ попечителю. Между прочимъ, въ § 8 этихъ „правилъ“ попечитель ставилъ въ обязанность университету не производить никакихъ сверхштатныхъ расходовъ безъ предварительнаго его разрѣшенія а равно и директорамъ подвѣдомыхъ университету учебныхъ заведеній — не производить таковыхъ-же расходовъ безъ разрѣшенія университетскаго начальства; въ отвѣтъ на это ректоръ Парротъ

обратился къ попечителю съ энергическимъ заявленіемъ (отъ 17 февраля 1803), что упомянутое его требованіе противорѣчитъ 3-му пункту „акта постановленія", предоставляющему университету право самому распоряжаться всѣми своими доходами, подъ надзоромъ министра народнаго просвѣщенія; и отъ попечителя не послѣдовало на это никакого возраженія.

Работа надъ выработкой новаго устава ведена была комиссіей настолько успѣшно, что уже въ мартѣ 1803 года совѣтъ могъ заниматься въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ обсужденіемъ составленнаго проекта, а къ 1 апрѣля изготовлена была окончательная его редакція, принадлежавшая профессору Моргенштерну, и представлена на утвержденіе. Между тѣмъ, кураторы, остававшіеся невольно сторонними зрителями этой работы, попытались сдѣлать послѣдній шагъ къ тому, чтобы удержать ускользавшую у нихъ подъ ногами почву. Лифляндскій представитель дворянства Фитингофъ и эстляндскій Унгернъ-Штернбергъ обратились въ Петербургѣ къ министру внутреннихъ дѣлъ графу В. П. Кочубею съ письмомъ (отъ 20 апрѣля 1803), въ которомъ просили его не допустить утвержденія новаго проекта устава, такъ какъ — говорилось тамъ — „статуты сіи сочинены безъ вѣдома кураторовъ, дворянство представляющихъ, и, посланы будучи въ комиссію народнаго просвѣщенія, содѣлались предметомъ справедливаго безпокойства нашихъ провинцій", при чемъ авторы письма просили предоставить имъ принять участіе въ окончательной выработкѣ проекта, и въ особой запискѣ (отъ 6 мая 1803) подробно мотивировали свою просьбу, ссылаясь на преждедарованныя имъ права и привилегіи. Просьба эта была не только напрасной, но и запоздалой, такъ какъ уже 25 апрѣля Клингеръ представилъ проектъ устава министру народнаго просвѣщенія графу Завадовскому. Депутатами отъ университета при разсмотрѣніи проекта въ Главномъ Правленіи Училищъ назначены были профессора Парротъ и

Глинка [1]). Уставъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и новый штатъ университета, разработанный Парротомъ и принятый въ засѣданіи совѣта 29 декабря 1802 года, на сумму 120.000 р., согласно § 1 „акта постановленія", и позднѣе въ Петербургѣ увеличенный прибавкой къ этому 6.000 рублей на управленіе подвѣдомыми университету школами, утверждены были государемъ 12 сентября 1803 года. Парротъ поспѣшилъ въ Дерптъ обрадовать извѣстіемъ объ этомъ важномъ событіи университетъ, и уже 19 сентября совѣту было доложено какъ о самомъ фактѣ утвержденія устава и штата, такъ и объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ

---

1) Изъ ненапечатаннаго доселѣ письма Паррота къ проф. Моргенштерну, отъ 13 іюня 1803 года, писаннаго имъ передъ отъѣздомъ изъ Дерпта въ Петербургъ, видно, что и Моргенштернъ хотѣлъ быть участникомъ этой депутаціи, но Парротъ уговорилъ его отъ этого отказаться, ссылаясь на особенныя личныя отношенія свои къ государю, при которыхъ Моргенштерну пришлось бы играть слишкомъ второстепенную роль, а также на свои „деспотическія" наклонности и привычку рѣшать дѣла самолично, отъ чего могли бы возникнуть нежелательныя разногласія его съ Моргенштерномъ, способныя подать въ Петербургѣ поводъ къ истолкованію ихъ въ дурную сторону для университета; наконецъ, послѣ поѣздки Паррота для „акта постановленія" въ Петербургъ единолично, посылка теперь двухъ лицъ могла бы показаться въ Петербургѣ знакомъ недовѣрія къ Парроту университета; Глинку же Парротъ беретъ не какъ равноправнаго участника, а лишь какъ помощника, полезнаго по своему русскому происхожденію и по знакомству съ мѣстными обстоятельствами въ Петербургѣ. Вообще, это письмо для характеристики Паррота весьма интересно. Въ другомъ, также ненапечатанномъ письмѣ къ Моргенштерну, писанномъ уже изъ Петербурга въ іюлѣ 1803 года, Парротъ, между прочимъ, дѣлится съ нимъ впечатлѣніями отъ успѣшнаго хода дѣла. Въ разнаго рода препятствіяхъ и завистливомъ отношеніи къ успѣху дѣла не было недостатка: „Ich habe mehr zu kämpfen, als ich vermuthete, weil man unsre Arbeit zwar mit Beyfall überhaupt, aber mit Neid ansieht"; интересно отношеніе къ этому дѣлу проф. Глинки, какъ его изображаетъ Парротъ: „Glinka sperrt Mund und Nase auf. Das alles klingt ihm nicht russisch. Er sieht wie glücklich wir sind, und glaubt es nicht. Er sieht Berge himmelan sich thürmen und zerrinnen — und traut kaum" (Рукопись б-ки Юрьевскаго университета, изъ собранія Моргенштерна № CCCXLII: Briefe von Gelehrten etc. an Morgenstern 1802—1808, т. 4, стр. 275—278. 305—307).

теченіе этого дѣла въ его окончательной фазѣ въ Петербургѣ.

Другимъ, хотя и не столь важнымъ, какъ уставъ, но тѣсно съ нимъ связаннымъ дѣломъ университетскаго совѣта, выполненнымъ имъ въ 1803 году, въ тѣхъ же цѣляхъ внутренней организаціи университета, было составленіе „правилъ“ для студентовъ. Упомянутый выше „Reglement der academischen Polizey-Verordnungen“, вышедшій изъ канцеляріи кураторіума въ 1802 году, на первыхъ же порахъ оказался неудовлетворительнымъ, и уже 27 сентября 1802 года совѣтъ поручилъ профессорамъ Мютелю, Еше и Герману войти съ кураторіумомъ въ устные переговоры по вопросу о необходимости переработать студенческія „правила“, въ которыхъ многое было неясно или совсѣмъ упущено изъ виду, но вниманіе совѣта, повидимому, отвлечено было отъ этого другими дѣлами, и только 23 февраля слѣдующаго 1803 года въ совѣтѣ избрана была комиссія изъ профессоровъ Балка, Германа и Еше для составленія проекта новыхъ правилъ. Въ виду изложенныхъ выше, по поводу выработки новаго устава для университета, обстоятельствъ, кураторіумъ уже не вмѣшивался въ дѣло проекта новыхъ правилъ, и послѣднее всецѣло было предоставлено совѣту, который, обсудивъ проектъ комиссіи, постановилъ 7 марта 1803 года представить его на утвержденіе. Препровождая проектъ этотъ попечителю Клингеру, Парротъ, въ представленіи своемъ отъ 8 марта 1803 года, писалъ, что при составленіи этихъ правилъ имѣлось въ виду, „чтобы цѣль сихъ постановленій“ была соображена „съ цѣлью общихъ гражданскихъ узаконеній“, именно „что справедливость, спокойствіе и порядокъ оными сохраняемы быть должны“; впрочемъ, онъ полагалъ, что между общими узаконеніями и правилами для студентовъ должно быть положено и различіе: „будучи лишены попеченія и воспитанія родителей и попечителей своихъ, сіи молодые академическіе граждане по справедливости ожидаютъ на-

ходить не строгихъ судителей, а мужей, заступающихъ имъ мѣсто родителей и попечителей, и, въ случаѣ какого-либо оскорбленія и ограничиванія правъ ихъ, могутъ имѣть прибѣжище къ особенному покровительству, при чемъ должны они быть увѣщеваемы съ тщаніемъ и родительскимъ снисхожденіемъ". Правила эти утверждены были государемъ 23 августа 1803 года, и приблизительно черезъ мѣсяцъ, 19 сентября, Парротъ доложилъ объ этомъ въ совѣтѣ, вмѣстѣ съ извѣстіемъ объ утвержденіи новаго устава и штата.

Два дня спустя послѣ этого засѣданія, 21 сентября 1803 года, происходило въ „большой аудиторіи" университета торжественное объявленіе о новомъ уставѣ и штатѣ и о „правилахъ для студентовъ", при чемъ Парротъ говорилъ рѣчь какъ по поводу этого событія, такъ вмѣстѣ съ тѣмъ и по поводу передачи ректорства другому лицу, профессору Балку. Тутъ онъ, между прочимъ, такъ изображалъ обстоятельства, предшествовавшія появленію новыхъ университетскихъ законовъ и его сопровождавшія: „Великодушіе Александра дало основаніе нашему университету. Навѣки незабвенный въ лѣтописяхъ просвѣщенія „актъ постановленія" былъ фундаментомъ и главной стѣной того зданія, внутреннее устройство котораго требуетъ еще новыхъ трудовъ. Не было установленій для внутренней организаціи, не было ближайшаго согласованія всѣхъ старыхъ и новыхъ условій жизни этого учрежденія, не было правилъ для студентовъ. Совѣтъ университета получилъ въ высшей степени почетное порученіе, которое могло быть вызвано лишь высочайшимъ довѣріемъ, самому проектировать всѣ эти законы. Главное Правленіе Училищъ въ Петербургѣ, которое во главѣ со своимъ достойнымъ руководителемъ, на глазахъ самого монарха, неутомимо продолжало свои важные труды, разсмотрѣло эти проекты. Депутація отъ университета имѣла счастіе присутствовать при этомъ разсмотрѣніи въ засѣданіяхъ упомянутой высшей коллегіи

для народнаго просвѣщенія. Наконецъ, эта работа была представлена на утвержденіе истинно просвѣщеннаго монарха, и онъ утвердилъ проекты". Въ концѣ онъ говорилъ: „Мой взоръ съ восторгомъ останавливается на очаровательныхъ видахъ для нашего учрежденія, для блага человѣчества. Никогда обстоятельства не складывались столь счастливо, чтобы дать исторіи русскаго просвѣщенія такой быстрый и вѣрный ходъ. Облака, которыя показываются иногда тамъ и тутъ на горизонтѣ новаго школьнаго дѣла, скоро разсѣются. Истинный патріотизмъ сдѣлаетъ очевиднымъ несостоятельность нѣкоторыхъ пріобрѣтенныхъ правъ и ложныхъ предразсудковъ, и тогда наступитъ спокойствіе" [1]).

„Уставъ" и „правила" 1803 года, вышедшіе изъ подъ пера частію однихъ и тѣхъ же, частію вполнѣ согласныхъ между собою лицъ, одновременно составленныя и прошедшія цензуру однихъ и тѣхъ же учрежденій въ Дерптѣ и Петербургѣ, естественно, представляютъ собою одно цѣлое, или, точнѣе, „правила" составляютъ какъ бы органическое дополненіе къ той части устава, которая имѣетъ въ виду внутренній распорядокъ жизни университета.

Что же представляютъ собою эти постановленія, призванныя руководить внутренней жизнью Дерптскаго университета почти на два десятка лѣтъ?

Уставъ Дерптскаго университета 1803 года [2]) съ внѣшней стороны представляетъ довольно обширное произведеніе, заключающееся въ 290 §§, изъ которыхъ, впрочемъ, послѣдніе 11 (§§ 280—290) заняты отдѣльными статьями штата; но и остающіеся 279 §§ представляютъ собою внушительную цифру по сравненію, напримѣръ, съ уставомъ

---

1) Parrot, G. Fr. Rede bey Gelegenheit der Publication der Statuten der Universität und der Abgabe des Rectorats am 21 Sept. 1803 gehalten. D. (1803), стр. 7—8. 13.

2) Сборникъ постановленій, I. 139—199.

Московскаго университета, утвержденнымъ 5 ноября 1804 года и заключающимъ въ себѣ только 189 §§ 1), особенно если принять въ соображеніе, что въ числѣ этихъ послѣднихъ (§§ 163—177) находятся и постановленія объ училищахъ Московскаго округа, тогда какъ для училищъ Дерптскаго округа были изданы (въ 29 §§) 21 марта 1804 года особыя „постановленія", составляющія, вмѣстѣ съ „правилами" для студентовъ 23 августа 1803 года, необходимое дополненіе къ уставу университета. Разница эта объясняется, главнымъ образомъ, болѣе детальной разработкой въ уставѣ Дерптскаго университета постановленій „объ университетской судебной расправѣ" (глава XI, §§ 154—215), а также внесеніемъ особыхъ статей „о благотворительныхъ заведеніяхъ университета" (глава X, §§ 136—153), заключающихъ въ себѣ постановленія о пенсіяхъ профессоровъ, о стипендіяхъ для студентовъ, о награжденіяхъ послѣднихъ медалями за сочиненія, и статей „объ общихъ преимуществахъ университета" (глава I, §§ 8—19). Распредѣленіе столь обширнаго матеріала по отдѣльнымъ частямъ сдѣлано не вполнѣ систематично: объ однородныхъ предметахъ говорится въ разныхъ мѣстахъ, и нерѣдко различные предметы разсмотрѣны рядомъ. Быть можетъ, на этомъ отразилась та спѣшность, съ которой уставъ былъ составленъ.

Въ главнѣйшихъ чертахъ онъ представляетъ собою слѣдующее.

Университетъ „учрежденъ въ Россійской имперіи для общаго блага, въ особенности же для пользы Лифляндской, Эстляндской, Курляндской и Финляндской губерній" (§ 1); онъ состоитъ „подъ главнымъ начальствомъ" министра народнаго просвѣщенія и „въ особомъ вѣдѣніи" попечителя (§ 3).

Во внутреннемъ своемъ устройствѣ университетъ имѣетъ право „самъ предрасполагать нужныя перемѣны, каковыя

1) Тамъ же, I. 295—331.

дозволитъ сумма, вообще опредѣленная на его содержаніе“, но для утвержденія этихъ перемѣнъ должно быть испрошено, черезъ попечителя, согласіе министра народнаго просвѣщенія (§ 4).

Органами внутренняго административнаго распорядка въ университетѣ являются: совѣтъ, правленіе и ректоръ. Университетскій совѣтъ состоитъ лишь изъ однихъ ординарныхъ профессоровъ, а изъ экстраординарныхъ присутствуетъ въ немъ только одинъ профессоръ правовѣдѣнія, въ качествѣ „протосиндика“, съ правомъ лишь совѣщательнаго голоса; онъ вѣдаетъ, подъ главнымъ надзоромъ ректора, письмоводство совѣта и управляетъ его канцеляріей (§§ 22. 23). Совѣтъ является высшимъ органомъ внутренней университетской администраціи: „представляя собою весь университетъ, управляетъ онымъ, дѣйствуетъ по его правамъ и сіи защищаетъ“ (§ 27); онъ есть высшая инстанція по дѣламъ, восходящимъ отъ факультетовъ, по цензурнымъ дѣламъ и по дѣламъ университетскаго суда, равно какъ ему принадлежитъ и управленіе университетскими доходами (§§ 28—31); совѣтъ собственной властью, безъ представленія высшему начальству, назначаетъ учителей, чиновниковъ и служителей; онъ же вѣдаетъ и всѣми принадлежащими къ университету учебными и другими заведеніями (§§ 36. 44). Что касается профессоровъ, то избраніе ихъ предоставляется совѣту, а утвержденіе, черезъ попечителя, министру народнаго просвѣщенія (§ 32). Правленіе составляетъ ежегодно обновляемый „комитетъ“ совѣта состоящій изъ ректора и пяти декановъ факультетовъ или „отдѣленій“ и предназначенный „для производства текущихъ дѣлъ“ (§ 47). Правленію ввѣряется веденіе извѣстной части переписки университета съ казенными учрежденіями и частными лицами, расходованіе изъ штатныхъ университетскихъ суммъ до 500 рублей, „храненіе университетскихъ правъ“, нѣкоторыя стороны управленія подчиненными университету учебными и благотворительными заве-

деніями, распредѣленіе стипендій, увольненіе въ отпускъ срокомъ до 8 дней (§ 48). Вообще же неопредѣленность компетенціи правленія по извѣстнымъ статьямъ объясняется зависимостью его отъ совѣта. Ректоръ избирается совѣтомъ изъ ординарныхъ профессоровъ ежегодно въ концѣ мая и утверждается высочайшей властью черезъ министра народнаго просвѣщенія (§ 32). Онъ есть глава университета и предсѣдатель всѣхъ его административныхъ и судебныхъ органовъ, за исключеніемъ тѣхъ засѣданій совѣта, когда послѣдній является высшей апелляціонной инстанціей по судебнымъ дѣламъ (§ 55); въ случаѣ болѣзни или отлучки по законнымъ причинамъ, ректоръ опредѣляетъ вмѣсто себя замѣстителя („проректора"), за котораго самъ и отвѣчаетъ (§ 64). Смѣняющійся ректоръ слагаетъ свое званіе произнесеніемъ въ торжественномъ собраніи университета соотвѣтствующей рѣчи, а новый ректоръ, принимая на себя званіе, также произноситъ рѣчь (§ 63).

Судебнымъ органомъ по всякимъ дѣламъ, касающимся учащихъ, учащихся и служащихъ въ университетѣ, является въ первой инстанціи ректоръ, во второй — университетскій судъ и въ третьей — университетскій совѣтъ. Окончательныя рѣшенія ректоръ даетъ по проступкамъ, ведущимъ за собою лишь выговоръ или заключеніе подъ стражу до трехъ дней, а также по взысканіямъ до 15 рублей включительно (§ 160). Университетскій судъ состоитъ, подъ предсѣдательствомъ ректора, изъ декана юридическаго факультета и синдика, а также двухъ декановъ изъ остальныхъ факультетовъ, избираемыхъ попеременно; протоколъ суда ведется секретаремъ университетскаго совѣта, подъ наблюденіемъ синдика (§ 167); границы безапелляціонныхъ приговоровъ университетскаго суда опредѣляются исками не свыше 50 рублей, штрафами не свыше 25 рублей и заключеніемъ подъ стражу до 14 дней (§ 178); университетскій судъ разсматриваетъ дѣла, касающіяся дисциплины, порядка и благочинія между „университетскими гражданами", денеж-

ныхъ взысканій, споровъ объ имуществѣ движимомъ и отчасти недвижимомъ (§§ 52. 171. 188—195), передавая другія дѣла или университетскому совѣту, или общимъ судамъ, гражданскому и уголовному (§§ 185—187). Послѣдней судебной инстанціей въ университетѣ является совѣтъ, въ которомъ, какъ упомянуто, предсѣдательствуетъ въ такихъ случаяхъ не ректоръ, а особое лицо изъ профессоровъ, спеціально на то выбираемое совѣтомъ. Этотъ судъ имѣетъ право безаппелляціоннаго рѣшенія: по всѣмъ дѣламъ, касающимся студентовъ; по дѣламъ, искъ по которымъ не превышаетъ 500 рублей; по жалобомъ на ректора, декановъ, профессоровъ, учителей, чиновниковъ и служителей университета; по приговоромъ къ денежнымъ взысканіямъ не свыше 100 рублей (§ 211). По дѣламъ, не рѣшеннымъ въ университетскихъ инстанціяхъ, жалобы переносятся совѣтомъ въ Правительствующій Сенатъ (§ 213).

Особымъ учрежденіемъ при университетѣ являлся „Цензурный комитетъ“. Назначеніе его заключалось въ томъ, чтобы „какъ можно болѣе удалить отъ университета все противное нравственности вообще, религіи и правительству“ (§ 218); онъ состоялъ изъ ректора и пяти декановъ, сотрудниками которыхъ, въ качествѣ „лекторовъ“ подлежащихъ цензурѣ рукописей и книгъ, являлись всѣ профессора и „учители“ университета (§ 217). Цензурный комитетъ долженъ былъ заниматься цензурою представленныхъ къ печатанію рукописей и разсмотрѣніемъ иностранныхъ книгъ въ районѣ Дерптскаго учебнаго округа (§ 216); по вѣдѣнію его не подлежало все, печатаемое самимъ университетомъ или кѣмъ-либо изъ ординарныхъ его профессоровъ, а равно не подлежали его вѣдѣнію и книги, выписываемыя изъ-за границы какъ для университета, такъ и для кого-либо изъ университетскихъ профессоровъ (§§ 219. 226); при разсмотрѣніи же рукописей и книгъ во всѣхъ другихъ случаяхъ, поручались преимущественному вниманію комитета тѣ изъ нихъ, ко-

торыя касались „вообще или частно до Россійскаго государства“ (§ 225).

По канцелярской части, кромѣ упомянутаго уже ранѣе „протосиндика“, который, подъ главнымъ надзоромъ ректора, вѣдаетъ письмоводство не только въ совѣтѣ, но и въ правленьи (§ 230), положенъ еще особый „синдикъ“, который управляетъ канцелярской частью въ другихъ учрежденіяхъ университета (§§ 228. 235), а также является представителемъ университета и его интересовъ въ различныхъ внѣуниверситетскихъ судебныхъ и иныхъ учрежденіяхъ (§ 232). Письменное дѣлопроизводство ведутъ секретари, которыхъ положено три: одинъ для совѣта, правленья и судебныхъ учрежденій университета, другой при экономическомъ комитетѣ и казначействѣ и третій при цензурѣ и библіотекѣ; они же вѣдаютъ и архивъ (§§ 236. 237).

Въ учебномъ отношеніи, университетъ, оставаясь при четырехъ факультетахъ, получилъ слѣдующую организацію. На богословскомъ факультетѣ (или „отдѣленіи“) четыре профессора: 1) догматики и богословскаго правоученія, 2) экзегетики и восточныхъ языковъ, 3) церковной исторіи и богословской словесности и 4) практическаго богословія; вездѣ положены ординатуры. На юридическомъ факультетѣ пять профессоровъ: 1) положительнаго государственнаго и народнаго права, политики, исторіи правъ и юридической словесности, 2) римскаго и нѣмецкаго права по гражданской и уголовной части, 3) лифляндскаго провинціальнаго права и практическаго правовѣдѣнія, 4) эстляндскаго и финляндскаго провинціальнаго права — ординатуры и 5) курляндскаго провинціальнаго права — экстраординатура; этотъ послѣдній профессоръ предназначенъ исправлять должность протосиндика въ совѣтѣ и правленьи; кромѣ того, „въ послѣдствіи времени“ обѣщана каѳедра теоретическаго и практическаго россійскаго правовѣдѣнія. На медицинскомъ факультетѣ шесть профессоровъ: 1) анатоміи, физіологіи и судебной врачебной

науки, 2) патологіи, семіотики, терапіи и клиники, 3) діэтетики, врачебнаго веществословія (materiae medicae), врачебной исторіи и словесности, 4) хирургіи и повивальнаго искусства — ординатуры и 5) скотнаго лѣченія — экстраординатура; кромѣ того, полагался 6) прозекторъ, съ званіемъ экстраординарнаго профессора. На философскомъ факультетѣ тринадцать профессоровъ, распредѣленныхъ по „классамъ" такимъ образомъ: А. Въ физико-математическомъ классѣ: 1) теоретической и практической философіи, 2) чистой и прикладной математики — обѣ ординатуры и, кромѣ того, 3) обсерваторъ, въ званіи экстраординарнаго профессора; В. Въ классѣ естественныхъ наукъ: 1) теоретической и опытной физики, 2) теоретической и опытной химіи, 3) натуральной исторіи вообще и ботаники въ особенности — ординатуры; С. Въ филологическо-историческомъ классѣ: 1) краснорѣчія и словесности древнихъ языковъ, филологіи, эстетики и исторіи словесности и художествъ, 2) россійскаго языка и словесности, 3) всеобщей исторіи, статистики и географіи, 4) исторіи, статистики и географіи россійскаго государства, а въ особенности Эстляндской, Лифляндской, Курляндской и Финляндской губерній — ординатуры; D. Въ технологико-экономическомъ классѣ: 1) экономіи, технологіи и гражданской архитектуры, 2) камеральной науки, финансовъ и торговли — ординатуры и 3) военныхъ наукъ —экстраординатура. Сверхъ того, полагались еще учителя языковъ: 1) россійскаго, 2) нѣмецкаго, 3) латышскаго, 4) эстляндскаго и финляндскаго, 5) французскаго и 6) англійскаго; а также учителя „искусствъ": 1) шталмейстеръ, 2) фехтованія и волтижированія, 3) рисовальнаго искусства и гравированія, 4) музыки, 5) танцованія и 6) плаванія (§§ 83—87). Кромѣ того, университетскому совѣту предоставлено было право разрѣшать чтеніе лекцій и „вообще лицамъ, университетскія степени имѣющимъ", подъ условіемъ представленія ими особой диссертаціи pro venia legendi (§ 91).

Такимъ образомъ, общее число профессоровъ положено

29, учителей 12, между тѣмъ какъ по уставу 1804 года въ Московскомъ университетѣ профессоровъ было 28, а учителей 6; но въ послѣднемъ, кромѣ того, положено 12 адъюнктовъ, которымъ въ Дерптскомъ университетѣ соотвѣтствуетъ неопредѣленное число вольныхъ преподавателей, получившихъ veniam legendi. Что же касается вообще сравненія съ Московскимъ университетомъ, въ которомъ положено было четыре факультета — нравственныхъ и политическихъ наукъ, физическихъ и математическихъ наукъ, врачебныхъ или медицинскихъ наукъ, словесныхъ наукъ — то, исключая въ Дерптскомъ университетѣ богословскій факультетъ съ его четырьмя каѳедрами, а въ Московскомъ двѣ каѳедры юридическаго факультета, предназначенныя для православнаго богословія и церковной исторіи, получимъ въ Московскомъ 26, а въ Дерптскомъ 25 каѳедръ; если же каѳедры Дерптскаго университета переставить примѣнительно къ теперешней факультетской схемѣ русскихъ университетовъ, то получится, что для физико-математическихъ и медицинскихъ наукъ и тамъ и тутъ положено одинаковое число каѳедръ (8 и 6), для историко-филологическихъ въ Дерптскомъ 5 и въ Московскомъ 8, а для юридическихъ въ Дерптскомъ 6 и въ Московскомъ 4. Изъ этого видно, что въ общемъ числѣ каѳедръ перевѣсъ одной каѳедры въ Дерптскомъ университетѣ надъ Московскимъ падаетъ на богословскій факультетъ и, затѣмъ, что медицинскія и физико-математическія каѳедры въ обоихъ университетахъ были представлены численно одинаково, историко-филологическія полнѣе въ Московскомъ, а юридическія — въ Дерптскомъ; впрочемъ, послѣдній выводъ относительно юридическихъ каѳедръ въ Дерптскомъ университетѣ ослабляется и получаетъ условный характеръ въ виду того, что изъ 6 каѳедръ юридическаго факультета по крайней мѣрѣ три, если не четыре, посвящены спеціальнымъ отдѣламъ мѣстнаго права; къ тому же, одна каѳедра лишь обѣщана въ будущемъ, такъ что съ общимъ характеромъ является только одна, первая, каѳедра и отчасти вторая,

тогда какъ въ Московскомъ университетѣ дѣло поставлено было въ этомъ отношеніи шире: тамъ именно изъ четырехъ каѳедръ только одна была посвящена русскому праву, а остальныя три — общимъ.

При университетѣ положены были слѣдующія учебно-вспомогательныя учрежденія: при медицинскомъ факультетѣ — анатомическій театръ, медицинскій клиническій институтъ, хирургическій клиническій институтъ, институтъ повивальнаго искусства, собраніе анатомическихъ препаратовъ (§§ 98. 123); при философскомъ факультетѣ — музей искусствъ, натуральный кабинетъ, собраніе физическихъ орудій, химическая лабораторія, собраніе военно-учебныхъ моделей, обсерваторія, ботаническій садъ (§§ 118—122. 124—126); кромѣ того, библіотека (§§ 113—117), а также манежъ, танцовальный залъ и заведеніе для купанья и плаванія (§ 111). Наконецъ, предположено было при философскомъ факультетѣ учредить „Общій Учительскій или Педагогическій Институтъ“, на содержаніе воспитанниковъ котораго опредѣлены были особыя денежныя стипендіи (§§ 103—110).

Такъ какъ, согласно „акту постановленія“ 12 декабря 1802 года, предполагалось, что университетъ самъ будетъ управлять дарованными ему 240 лифляндскими гаками земли, то для этой цѣли уставомъ предположено было учрежденіе при университетѣ „Хозяйственнаго Комитета“, въ которомъ должны быть ректоръ, кураторы со стороны дворянства и особые засѣдатели, по числу кураторовъ, изъ декановъ или профессора экономіи (§ 245); кромѣ того, для управленія доходами университета учреждена „Контора“ изъ ректора и двухъ декановъ, засѣдающихъ въ „Комитетѣ“ (§ 251), а для храненія наличныхъ денегъ и денежныхъ документовъ — университетское „Казначейство“ изъ ректора, одного изъ засѣдающихъ въ „Конторѣ“ профессоровъ и секретаря „Хозяйственнаго Комитета“ (§§ 266—267).

Что касается денежныхъ средствъ, то, какъ уже ска-

зано выше, Дерптскій университетъ получилъ 126.000 рублей ежегодно, на 4000 менѣе Московскаго, на который положено было въ 1804 году 130.000 рублей. Въ частности, по новому штату въ Дерптскомъ университетѣ, сравнительно съ прежнимъ штатомъ, интересны слѣдующія цифры: жалованья ординарнымъ профессорамъ положено было 2000 р., экстраординарнымъ 1500 р., учителямъ языковъ по 500 р., но шталмейстру и учителю рисованія по 900 рублей; на учебно-вспомогательныя учрежденія всего 22.700 р.; вице-кураторъ фигурируетъ тутъ уже только въ качествѣ пенсіонера въ 1000 р. (§§ 280—290). Дополненіемъ къ жалованью профессоровъ являлся гонораръ: за полугодичный трехъ- или четырехъ-часовой въ недѣлю курсъ студентъ вносилъ 10 рублей асс.; при большемъ количествѣ часовъ, читаемыхъ профессоромъ, могла увеличиваться и гонорарная плата, не превышая однакоже 15 руб. за одинъ предметъ въ полугодіе (§ 88). Этотъ пунктъ о гонорарѣ отсутствовалъ въ уставѣ 1804 года русскихъ университетовъ и для Дерптскаго университета прошелъ въ Петербургѣ не безъ возраженій, исключительно благодаря настойчивости Паррота и поддержкѣ со стороны Клингера; въ проектѣ устава Парротъ предлагалъ еще и плату профессорамъ за возведеніе въ ученыя степени, но внесенія этого пункта въ уставъ отстоять ему не удалось [1]), хотя фактически, какъ мы увидимъ дальше, такой видъ дохода практиковался въ Дерптскомъ университетѣ въ описываемый періодъ его существованія.

Изъ 126.000 рублей, положенныхъ на университетъ, 6000 р. опредѣлены были на разъѣзды ревизоровъ-профессоровъ для обозрѣнія училищъ и „на другія по сему же предмету издержки“ (§ 290). Эта статья указывала на совершенно особую сторону дѣятельности университета по части среднихъ и низшихъ училищъ округа, и такъ

---

1) Briefbuch zu Friedrich Max. Klinger, стр. 250. 261. 262.

какъ въ уставѣ не дано было на этотъ предметъ никакой инструкціи, то въ слѣдующемъ году были изданы утвержденныя 21 марта 1804 года „Постановленія для Императорскаго Дерптскаго университета относительно до надзиранія училищъ его округа", составляющія существенное дополненіе къ университетскому уставу 1803 года. „Постановленія" эти состоятъ изъ двухъ главъ, изъ которыхъ въ первой говорится „объ обязанностяхъ университета къ училищнымъ его округа заведеніямъ" (§§ 1—18), а во второй „объ Университетской Училищной Комиссіи" (§§ 19—29). Эта Училищная Комиссія должна была состоять изъ 7 ординарныхъ профессоровъ, со включеніемъ въ ихъ число и ректора, который предсѣдательствуетъ въ ней; на ея обязанности лежало разсмотрѣніе и рѣшеніе дѣлъ, касающихся училищъ округа, но „въ случаяхъ нѣкоторой важности" рѣшеніе это восходило на окончательное сужденіе о томъ совѣта, который, когда почиталъ то нужнымъ, могъ производить ревизію дѣлъ Комиссіи (§ 19). На содержаніе учебныхъ заведеній Дерптскаго округа положено было 118.000 рублей [1]).

Дѣятельность свою по новому уставу университетъ началъ въ совѣтѣ 6 октября, а въ правленіи и въ университетскомъ судѣ 15 октября 1803 года. Первый годичный актъ, по введеніи новаго устава, состоялся 12 декабря 1803 года, на которомъ говорили рѣчи: ректоръ Балкъ „Wirkung des Clima's und der Regierungsform auf den Charakter einer Nation" и проф. Моргенштернъ „Charakteristik Johann Winkelmann's"; кромѣ того, проф. Пешманъ читалъ своего сочиненія стихи „Stanzen am Geburtsfest S. K. M. Alexander I". На этомъ актѣ также впервые объявлены были темы на соисканіе наградъ медалями для студентовъ, на что ежегодно ассигновалось по 500 р., согласно §§ 150—153 устава.

---

1) Сборникъ постановленій, I. 226—232.

Изъ представленнаго обозрѣнія устава Дерптскаго университета 1803 года можно видѣть, какъ далеко ушелъ онъ въ разныхъ отношеніяхъ впередъ на пользу университета сравнительно съ прежнимъ „планомъ“ 4 мая 1799 года. Соотвѣтствующій его задачамъ матеріалъ обнятъ широко и разработанъ довольно подробно. Составленный въ духѣ „акта постановленія“, уставъ этотъ совершенно освобождаетъ университетъ отъ власти и вліянія дворянскихъ кураторовъ, которымъ предоставлялось только принимать участіе въ управленіи пожалованными университету гаками, при чемъ даже и эта скромная роль на дѣлѣ свелась совершенно къ нулю, такъ какъ гаками вообще управлять университету не пришлось, и во все послѣдующее время онъ получалъ изъ казны на свое содержаніе наличныя деньги. На мѣсто кураторовъ, полнымъ хозяиномъ университета по новому уставу является совѣтъ, въ денежныхъ дѣлахъ, судебныхъ, въ обученіи и администраціи, связанный лишь формальной зависимостью отъ центральной власти министра народнаго просвѣщенія, черезъ посредство попечителя округа. Болѣе чѣмъ удвоенный противъ прежняго штатъ давалъ университету полную возможность идти той широкой дорогой, на которую выводила его счастливая судьба и исключительное благоволеніе къ нему императора Александра I, такъ что выдающійся нѣмецкій историкъ, сравнивая положеніе русскихъ университетовъ той эпохи съ западно-европейскими, писалъ: „въ отношеніи матеріальныхъ средствъ, русскіе университеты далеко превосходятъ всѣ остальныя высшія школы материка, исключая развѣ Вѣны“ [1]).

„Правила для учащихся въ Дерптскомъ университетѣ“ 1803 года, утвержденныя, какъ мы видѣли, почти одновременно съ новымъ уставомъ, представляютъ по своему

---

1) C. Meiners, Geschichte der Entstehung und Entwickelung der hohen Schulen unsers Erdtheils. B. IV. Göttingen 1805, стр. 206.

содержанію и духу гораздо менѣе новаго относительно „Reglement der academischen Polizey-Verordnungen“ 1802 года, чѣмъ уставъ относительно предшествовавшаго ему „плана“ 1799 года. Причина этого лежала, конечно, въ самомъ характерѣ вопроса о правахъ и обязанностяхъ студентовъ, на который не могъ повліять „актъ постановленія“. Въ смыслѣ распредѣленія матеріала и послѣдовательности частей, „Правила“ 1803 года гораздо удачнѣе „устава“. Они состоятъ изъ введенія и шести главъ. Во введеніи указано на назначеніе этихъ „Правилъ“ и на характеръ того положенія, въ которое становится юноша, поступающій въ университетъ; затѣмъ, дается краткое обозрѣніе „отдѣленій“ или факультетовъ и перечисленіе назначенныхъ для пользованія учащимся университетскихъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій; въ концѣ сообщается о судебныхъ инстанціяхъ университета, объемъ и характеръ дѣятельности которыхъ опредѣлены были въ „уставѣ“. Въ первой главѣ (§§ 1—6) говорится объ обязанностяхъ студента при вступленіи его въ университетъ, т. е. о „предварительномъ искусѣ“, иммавтрикуляціи и другихъ формальностяхъ для полученія права посѣщать лекціи; вторая глава (§§ 7—37), наиболѣе важная по содержанію, трактуетъ объ обязанностяхъ студента къ самому себѣ, къ членамъ и чинамъ университета и къ публикѣ; тутъ, послѣ указанія, что цѣль студента въ университетѣ „состоитъ въ пріобрѣтеніи высшихъ познаній для будущаго своего назначенія, въ образованіи себя въ нравственности и знаніи людей, въ пріобрѣтеніи навыка въ надлежащемъ употребленіи свободы своей и управленіи собою“, даются довольно подробныя наставленія о томъ, какъ нужно пользоваться этой свободой въ своей домашней и личной жизни; затѣмъ, какъ относиться къ товарищамъ, профессорамъ и начальству; наконецъ, какъ вести себя относительно непринадлежащихъ къ университету лицъ, въ церкви, въ общественныхъ мѣстахъ и на улицѣ, днемъ или ночью; третья глава (§§ 38—44) спеціально посвя-

щена статьямъ о договорахъ, заключаемыхъ студентами, и о дѣлаемомъ имъ довѣріи, при чемъ указаны предѣлы денежныхъ исковъ къ студентамъ и крайніе сроки денежнаго довѣрія къ нимъ, при соблюденіи которыхъ посторонні лица могутъ обращаться къ содѣйствію университетскаго суда; четвертая глава (§§ 45—54) трактуетъ о наказаніяхъ, которымъ могутъ подвергаться студенты въ университетѣ за тѣ или иные проступки; въ пятой главѣ (§§ 55—57) рѣчь идетъ объ обязанностяхъ студента при оставленіи имъ университета, и, наконецъ, въ шестой (§§ 58—66) говорится о правахъ студентовъ въ отношеніи защиты ихъ со стороны университета и о наградахъ, которыхъ они могутъ быть удостоены въ университетѣ.

Какъ уже сказано, многія статьи этихъ „Правилъ" напоминаютъ собою соотвѣтствующія части Reglement'а 1802 года, особенно что касается поступленія студентовъ въ университетъ, ихъ быта, дуэлей и денежныхъ обязательствъ.

Мы уже знаемъ, что напряженной дѣятельности Паррота и университетскаго совѣта въ 1802—1803 годахъ, въ результатѣ которой получились „актъ постановленія" и новый уставъ, сопутствовало ослабленіе значенія и власти кураторовъ, завершившееся въ 1803 году полной ликвидаціей этого учрежденія. Тутъ умѣстно упомянуть лишь о весьма немногихъ фактахъ. Изъ трехъ дворянскихъ кураторовъ одинъ, именно фонъ-Гроттгусъ, бывшій представителемъ курляндскаго дворянства, уже въ силу упомянутаго выше указа 11 мая 1801 года, вышелъ изъ состава „кураторіума"; затѣмъ, въ 1803 году, по прошенію, былъ уволенъ отъ кураторства эстляндскій представитель фонъ-Барановъ, и на его мѣсто назначенъ бывшій вице-кураторъ І. Ф. Унгернъ-Штернбергъ, котораго должность уставомъ 1803 года была упразднена и которому въ силу этого предоставлена была пенсія въ 1000 р. въ годъ; лифляндскій кураторъ графъ Мантейфель 24 января 1803 года назначенъ былъ попечителемъ въ Казань, но вскорѣ по вступленіи въ должность былъ замѣненъ

другимъ лицомъ, а въ качествѣ куратора на его мѣсто былъ назначенъ Фитингофъ, который, какъ мы видѣли, вмѣстѣ съ Унгернъ-Штернбергомъ пытался предстательствомъ передъ гр. В. П. Кочубеемъ помѣшать утвержденію новаго университетскаго устава, но безуспѣшно. Такъ какъ по уставу 1803 года кураторамъ предоставлено было только участіе въ управленіи университетскими землями, а послѣднія никогда не перешли въ фактическое пользованіе университета, то изъ этого вытекала сама собою необходимость для обоихъ кураторовъ оставить университетъ навсегда; фактически это имѣло мѣсто уже въ 1803 году; оставляя университетъ, вмѣстѣ съ передачею университетскому совѣту архива „кураторіума", оба эти куратора уносили съ собой и послѣднюю надежду дворянства удержать за собою хотя бы долю того могущественнаго вліянія, подъ которымъ идея Дерптскаго университета впервые получила свое осуществленіе при императорѣ Павлѣ I [1]).

Совершенно естественно, что, при указанной борьбѣ университетской профессорской корпораціи и особенно Паррота съ кураторами, отношенія послѣднихъ къ первому, какъ вожаку, носили недоброжелательный и даже враждебный характеръ; не любило Паррота и вообще остзейское дворянство, особенно въ Лифляндіи. На него возводились въ Петербургѣ всякаго рода обвиненія, сыпались доносы, въ устной и письменной формѣ, имѣвшіе цѣлію подорвать успѣхъ его дѣятельности въ пользу университета, и только особыя личныя отношенія къ государю спасали его отъ послѣдствій этихъ нападокъ; въ нихъ дворяне не останавливались даже передъ обвиненіями политическаго свойства, стараясь выставить Паррота не только вреднымъ дѣятелемъ въ университетѣ, но и опаснымъ демагогомъ, готовымъ под-

---

1) Th. Beise, назв. соч., стр. 23—24; M. Rieger, назв. соч., II, стр. 570—573.

нять мѣстныхъ крестьянъ противъ дворянства; и Парроту приходилось объясняться и оправдываться [1]).

---

1) Одно изъ такихъ оправдательныхъ писемъ Паррота къ государю, доселѣ не напечатанное и писанное изъ Дерпта отъ 16 апрѣля 1803 года, находится, въ собственноручной копіи автора, въ числѣ его бумагъ, хранящихся въ рукописномъ отдѣленіи библіотеки Академіи Наукъ въ Петербургѣ (26. 2. I. 18). „A peine quatre mois sont écoulés — начинаетъ Парротъ — depuis le 12 décembre doublement cher à nos coeurs, où V. M. J. signa l'acte de la régéneration de notre Université. Après tout de soins voués à cette constitution, Vous aviez, Sire, assurement le droit de regarder la chose comme terminée. La Noblesse du gouvernement de Livonie se place sous un autre point de vue; prévoyant dans nos droits les dangers pour ses prétendus privilèges elle se prépare à des réclamations. Je le sais, Sire, ces reclamations ne sont que ridicules. Nous avons Votre parole sacrée, et j'y crois, et j'y croirai aussi longtemps que je serai capable d'un sentiment honnête. Aussi ce n'est pas la crainte qui me force à prévenir V. M. La crainte ne fut jamais mon foible. Mais on nous attaquera personellement, surtout moi, comme on l'a déjà fait en pleine diète, et si, avant d'être instruit de la vérité, Vous croyez, Sire, devoir me demander une justification de l'Université, alors mon devoir me forcera à Vous offrir le tableau de l'administration de nos cidevant-curateurs, démarche que j'ai évitée jusqu'a ce jour, démarche que j'ai regardée comme ignoble lors de mon séjour à Pétersbourg, démarche qui offriroit au coeur sensible de V. M. la triste nécessité de punir de fautes sur lesquelles il vaut mieux tirer le voile du silence.“ И далѣе онъ останавливается на двухъ главнѣйшихъ обвиненіяхъ, которыя выставляютъ противъ него представители дворянства: первое — что онъ, вмѣстѣ со своими ближайшими друзьями, подбираетъ для занятія каѳедръ въ университетѣ посредственныхъ лицъ, чтобы легче удерживать надъ ними свое преобладаніе, а второе — что онъ вмѣшивается своимъ голосомъ въ отношенія крестьянъ къ нимъ, помѣщикамъ. На первый пунктъ Парротъ отвѣчаетъ такъ: „Sire, la commission générale des écoles, le ministre de l'instruction publique réponderont à cette vile inculpation. On Vous nommera Gaspari, Scherer, Sonntag, Krause, Isenflamm au nombre de nos nominations, hommes respectables qui feroient honneur à quelque Université qui ce fut; depuis plusieurs mois nous travaillons pour les mathématiques à enlever à Stuttgardt la principale colonne de son Université abolie, ou bien à Helmstädt la fleur de ses professeurs, et nous y réussirons; pour la partie de la jurisprudence, très difficile à completter, nous nous sommes adressés au fameux Pütter, juge assurément compétent dans cette partie“. Изъ объясненія по второму пункту оказывается, что дворяне недовольны были Парротомъ за отстаиваемую имъ мысль о томъ, чтобы университетское образованіе доступно было не однимъ дворянамъ, но и остальнымъ классамъ

Отголоскомъ прежнихъ отношенiй дворянства къ Дерптскому университету явилась и попытка курляндскаго дворянства создать ему въ 1803 году соперника въ лицѣ второго университета, который предполагалось открыть въ Митавѣ, подъ именемъ „Рыцарской Академiи", путемъ обра-

---

общества. Припоминая, что эта самая мысль высказаня была уже по поводу основанiя университета при Густавѣ Адольфѣ, Парротъ говоритъ; „Vous connoissez, Sire, les droits de l'homme; ils sont gravés dans Votre coeur magnanime. Vous connoissez les devoirs de l'homme en place. Vous êtes notre sublime modèle. Vous jugerez non sur la foi d'autrui, mais d'après Vos propres principes, si nous devons être insensibles aux oppressions du despotisme dans les provinces, dont la culture nous est confiée, culture absolument impossible pour le maitre comme pour l'esclave, tant que les rélations présentes subsisteront." Далѣе онъ говоритъ, что вопроса о крестьянахъ ему пришлось коснуться два раза: первый разъ — въ упомянутой уже нами рѣчи его 1 августа 1802 года, гдѣ онъ указывалъ молодымъ людямъ, поступившимъ въ студенты, что они обязаны извѣстной признательностью къ тому народу, который своимъ трудомъ обусловливаетъ благосостоянiе и досугъ къ занятiю науками дворянству; второй разъ упоминалъ онъ о крестьянствѣ въ приведенной выше рѣчи его по поводу проѣзда государя черезъ Дерптъ 22 мая 1802 года. Онъ говоритъ, что эта послѣдняя рѣчь доставила ему лучшiя минуты въ его жизни, но вмѣстѣ съ тѣмъ навлекла на него и ненависть дворянства: „Je me suis chargé de cette haine — прибавляетъ Парротъ — volontairement, après en avoir été menacé par les curateurs quelques instants avant Votre arrivée. Je m'en suis chargé, sans prévoir qu'un jour la providence m'offriroit le plus beau, le plus sublime dédomagement. L'instant étoit sacré; l'humanité le revendiquoit, et j'osai le lui donner, j'osai forcer Votre conseiller intime à Vous recevoir, sinon dignement, au moins d'une manière qui exprimat notre reconnoissance pour l'honneur que Vous nous accordiez. Quelques heures avant Votre arrivée il étoit encore décidé dans le conseil de nos maitres qu' on recevroit le Monarque de la Russie, un froid rapport à la main, sans Lui dire qu'il est le Bienvenu." Кромѣ этихъ двухъ случаевъ, онъ остерегался говорить о крестьянахъ не только публично, но и въ частной бесѣдѣ: „Du reste j'employe au moins 14 heures par jour à remplir mes devoirs de Recteur et de professeur; les heures des repos et le reste de la soirée sont à ma famille, en sorte que, quand même j'en aurois l'intention, il me seroit impossible de me repandre dars les sociétés pour y précher les principes dont on m'accuse." Это замѣчательное письмо наилучшимъ образомъ рисуетъ ту роль, которую пришлось играть Парроту въ отношенiи къ кураторамъ въ дѣлахъ университета, и тѣ поистинѣ трудныя условiя, съ которыми ему надо было считаться.

щенія въ нее Митавской гимназіи. По этому дѣлу въ Петербургъ явился, въ качествѣ депутата отъ курляндскаго дворянства, баронъ Корфъ съ прошеніемъ и готовымъ проектомъ. Проектъ этотъ, по высочайшему повелѣнію, переданъ былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ на разсмотрѣніе попечителю Клингеру, который и подвергъ его, въ своемъ докладѣ государю, строгой критикѣ какъ со стороны самой идеи учрежденія второго университета въ Прибалтійскомъ краѣ, такъ и со стороны способовъ его осуществленія. На основаніи этого доклада положена была 7 марта 1803 года резолюція, которую только и можно было ожидать при тогдашнихъ обстоятельствахъ: „Митавская гимназія должна пребыть въ зависимости отъ Дерптскаго университета“ [1]), какъ это естественно вытекало и изъ смысла указа 24 января 1803 года объ учрежденіи учебныхъ округовъ.

2.

Организація университета по новому уставу: личный составъ факультетовъ и учебно-вспомогательныя учрежденія къ концу 1803 года.

Рядомъ съ работами, имѣвшими цѣлію опредѣленіе основъ для внутренней жизни университета, шла и организація послѣдняго въ отношеніи личнаго состава и тѣхъ учебно-вспомогательныхъ и иныхъ учрежденій, существованіе которыхъ опредѣлено было новымъ уставомъ.

Составъ профессоровъ и преподавателей, приглашенныхъ частію изъ Остзейскаго края, а главнымъ образомъ изъ-за границы, къ концу 1803 года представлялся по факультетамъ въ слѣдующемъ видѣ [2]).

---

1) Сборникъ постановленій, I. 28.

2) Uebersicht des Zustandes der Universität zu Dorpat vom Januar bis November 1803. Aus den officiellen Berichten der Universität gezogen. Storch, Russland unter Alexander dem Ersten, B. II. 208—237.

На богословскомъ факультетѣ каѳедру догматики и богословскаго нравоученія занялъ д-ръ Лоренцъ Эверсъ (1802—1824), экзегетики и восточныхъ языковъ д-ръ Вильгельмъ-Фридрихъ Гецель (1802—1820), практическаго богословія д-ръ Германъ-Леопольдъ Беллендорфъ (1802—1823); четвертая каѳедра, церковной исторіи и богословской словесности, въ виду того, что избранный на нее 6 февраля 1803 года совѣтомъ университета рижскій оберъ-пасторъ Зонтагъ не оставался и двухъ мѣсяцевъ въ должности профессора, вслѣдствіе открывшейся ему болѣе видной служебной перспективы, была нѣкоторое время вакантна, и болѣе или менѣе прочно замѣщена впервые лишь въ декабря 1804 года д-ромъ Іоганномъ Горномъ (1804—1810).

Юридическій факультетъ состоялъ пока изъ двухъ профессоровъ: римскаго и нѣмецкаго права по гражданской и уголовной части Карла-Фридриха Мейера (1802—1817) и лифляндскаго провинціальнаго права и практическаго правовѣдѣнія Іоганна-Людвига Мютеля (1802—1812); другія же три каѳедры замѣщены были нѣсколько позднѣе: эстляндскаго и финляндскаго провинціальнаго права Христіаномъ-Даніелемъ Розенмюллеромъ (1803—1805) и курляндскаго провинціальнаго права Фридрихомъ-Казимиромъ Клейненбергомъ (1803—1813), а положительнаго государственнаго и народнаго права, политики, исторіи правъ и юридической словесности только въ 1811 году Іоганномъ-Георгомъ Нейманомъ (1811—1814).

На медицинскомъ факультетѣ замѣщены были каѳедры: анатоміи, физіологіи и судебной врачебной науки д-ромъ Гейнрихомъ-Фридрихомъ Изенфламмомъ (1802—1810), патологіи, семіотики, терапіи и клиники д-ромъ Даніелемъ-Георгомъ Балкомъ (1802—1817), діэтетики, врачебнаго веществословія, врачебной исторіи и врачебной словесности д-ромъ Мартиномъ-Эрнестомъ Стиксомъ (1802—1826); остальныя каѳедры нашли себѣ представителей позже: повивальнаго искусства и скотнаго лѣченія въ лицѣ д-ра Хри-

стіана-Фридриха Дейча (1804—1833), хирургіи — д-ра Михаила-Эренрейха Кауцмана (1804—1810)[1]) и прозектора — Людвига-Эмиля Цихоріуса (1804—1814).

На физико-математическомъ отдѣленіи философскаго факультета были назначены: по каѳедрѣ теоретической и практической философіи д-ръ Готтлибъ-Веніаминъ Еше (1802—1839); другая каѳедра, чистой и прикладной математики, была замѣщена нѣсколько позднѣе д-ромъ Іоганномъ-Вильгельмомъ Пфаффомъ (1804—1809); кромѣ того, обсерваторомъ былъ назначенъ въ 1805 году бывшій дотолѣ преподаватель математики Христофъ-Фридрихъ Кнорре (1805—1810).

На отдѣленіи естественныхъ наукъ философскаго факультета заняли каѳедры: теоретической и опытной физики — д-ръ Георгъ-Фридрихъ Парротъ (1802—1826), теоретической и опытной химіи — д-ръ Александръ-Николай Шереръ (1802—1804), натуральной исторіи вообще и ботаники въ особенности — д-ръ Готтфридъ-Альбертъ Германъ (1802—1809).

На историко-филологическомъ отдѣленіи философскаго факультета каѳедры распредѣлились такъ: краснорѣчія и словесности древнихъ языковъ, филологіи, эстетики и исторіи словесности и художествъ — д-ръ Карлъ-Симонъ Моргенштернъ (1802—1836), россійскаго языка и словесности — Григорій Андреевичъ Глинка (1802—1810), всеобщей исторіи, статистики и географіи — д-ръ Георгъ-Фридрихъ Пешманъ (1802—1812), исторіи, статистики и географіи Россіи, а въ особенности Эстляндской, Лифляндской, Курляндской и Финляндской губерній — д-ръ Адамъ-Христіанъ Гаспари (1803—1809).

---

1) Въ 1804 году хирургія, соединенная по уставу 1803 года вмѣстѣ съ повивальнымъ искусствомъ, была выдѣлена въ особую каѳедру для ординарнаго профессора, а „скотное лѣченіе“ соединено въ одну каѳедру съ повивальнымъ искусствомъ, съ присвоеніемъ и этой каѳедрѣ ординатуры, вмѣсто положенной по уставу для каѳедры „скотнаго лѣченія“ экстраординатуры.

На технологико-экономическомъ отдѣленіи философскаго факультета были профессора: экономіи, технологіи и гражданской архитектуры — Іоганнъ-Вильгельмъ Краузе (1803—1828), камеральной науки, финансовъ и торговли — д-ръ Фридрихъ-Эбергардъ Рамбахъ (1803—1826), военныхъ наукъ — маіоръ баронъ Фридрихъ-Готтлибъ фонъ-Эльснеръ (1803—1813)[1].

На мѣста учителей языковъ назначены были: русскаго Іосифъ Елачичъ (1802—1804), нѣмецкаго Карлъ-Фридрихъ Петерсенъ (1802—1818), „эстляндскаго и финляндскаго" Фридрихъ-Давидъ Ленцъ (1802—1809), французскаго д-ръ Луи Валле-де-Барръ (1803—1825), англійскаго д-ръ Веніаминъ Бересфордъ (1803—1806), латышскаго Отто Розенбергеръ (1803—1847). Учителями искусствъ были: шталмейстеръ, онъ же и учитель фехтованія, Юстусъ фонъ-Дауэ (1803—1833), рисованія Карлъ-Августъ Зенфъ (1803—1838), танцевъ Людвигъ Шевалье (1803—1816); кромѣ того, механическимъ работамъ обучалъ баронъ Христіанъ-Фридрихъ Веллингъ (1802—1807).

Изъ этого перечня видно, что къ концу 1803 года всего полнѣе и, какъ показало будущее, всего счастливѣе въ качественномъ отношеніи замѣщены были каѳедры философскаго факультета; изъ четырехъ отдѣленій послѣдняго осталось сзади другихъ, въ смыслѣ полноты занятыхъ каѳедръ, физико-математическое. Затѣмъ, довольно полно замѣщенъ былъ богословскій факультетъ; медицинскій относительно профессоровъ былъ обезпеченъ лишь на половину, а юридическій — и того менѣе. Впрочемъ, указанныя

1) Изъ перечисленныхъ здѣсь профессоровъ нѣкоторые приглашены были на службу въ Дерптскій университетъ кураторіумомъ ранѣе 1802 года: Эверсъ, Стиксъ, Парротъ и Пешманъ — въ 1800 году, Беллендорфъ и Гецель — въ 1801; кромѣ того, здѣсь не упомянутъ нами профессоръ химіи Ф. Э. Арцтъ, приглашенный въ 1800 году, но преподававшій лишь въ первый двухмѣсячный семестръ 1802 года и неожиданно похищенный затѣмъ смертію въ августѣ того же года.

недостачи къ 1805 году были такъ или иначе заполнены, за исключеніемъ одной, и въ педагогическомъ отношеніи весьма важной, каѳедры на юридическомъ факультетѣ, получившей своего представителя лишь девять лѣтъ спустя послѣ открытія университета. Кромѣ того, достойно замѣчанія, что никто изъ профессоровъ юридическаго факультета, впервые назначенныхъ на положенныя тамъ каѳедры, не имѣлъ высшей ученой степени, и большинство изъ нихъ ранѣе были практическіе дѣятели или чиновники, а не ученые спеціалисты.

Изъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій университета при его организаціи, и по важности своего назначенія и по общему своему характеру, первое мѣсто занимала библіотека. Съ самаго же начала организаціонныхъ работъ возникла мысль обратить для ея помѣщенія развалины католическаго собора св. Діонисія на Домской горѣ. Храмъ этотъ, построенный дерптскимъ епископомъ Германомъ I въ 1223—1230 годахъ, во время послѣдующихъ частыхъ войнъ подвергавшійся непріятельскимъ нападеніямъ и послѣдній разъ пострадавшій отъ пожара въ 1598 году, представлялъ съ того времени величественныя руины средневѣковаго готическаго стиля, стоявшія безъ всякаго употребленія и предоставленныя разрушительному дѣйствію стихій и времени. При основаніи университета основныя части этихъ развалинъ (фундаментъ и стѣны) были однакоже настолько прочны, что рѣшено было алтарную часть бывшаго храма, послѣ необходимаго, впрочемъ весьма капитальнаго, ремонта, предоставить для устройства тамъ библіотечнаго помѣщенія. Подготовительныя работы къ ремонту начались еще въ апрѣлѣ 1803 года; на нихъ ушелъ цѣлый годъ, въ виду трудностей, которыми сопровождались вообще первыя постройки университета, при недостаткѣ рабочихъ рукъ и матеріаловъ на мѣстѣ, при высокихъ цѣнахъ и другихъ неудобствахъ, такъ что только въ апрѣлѣ 1804 года приступлено было къ дѣйствительному ремонту будущаго библіотечнаго помѣ-

щенія, которое въ готовомъ видѣ освящено было 15 сентября 1806 года. Постройкой завѣдывалъ профессоръ I. В. Краузе. Получилось зданіе въ 116 футовъ длины, 75 ф. ширины и 60 ф. вышины; чтобы наиболѣе выгоднымъ образомъ использовать его въ послѣднемъ отношеніи, внутри его устроено было три этажа, вышиною отъ $18^1/_2$ до 20 ф. каждый, сообщавшіеся между собою одной каменной лѣстницей внѣ собственно библіотечнаго помѣщенія и нѣсколькими деревянными лѣстницами внутри его. Постройка эта обошлась въ общемъ 43.000 рублей. Главное завѣдываніе библіотекой вручено было до изданія „акта постановленія“ 12 декабря 1802 года вице-куратору, а послѣ того одному изъ профессоровъ, который былъ въ тоже время библіотекаремъ; такимъ лицомъ оказался проф. Моргенштернъ, а помощникомъ его по библіотекѣ, съ званіемъ вице-библіотекаря, проф. Пешманъ. Что касается книгъ, то для перваго начала ассигновано было на ихъ покупку 35.000 рублей изъ казны. На эти деньги, а также на положенные по штату 1803 года „на содержаніе и пріумноженіе библіотеки“ 5000 р. ежегодно, сдѣланы были первые книжные заказы по запискамъ наличныхъ профессоровъ, а также куплены были партіи книгъ изъ библіотекъ частныхъ лицъ: Фесслера и Гедике (въ Берлинѣ), Шульце (въ Галле), Голландера и Ленца (въ Ригѣ), Вальтера (въ Ревелѣ). Кромѣ того, уже въ 1802—1803 годахъ въ библіотеку поступило нѣсколько цѣнныхъ пожертвованій, между которыми весьма видное мѣсто занимало собраніе книгъ отъ цесаревича в. кн. Константина Павловича въ количествѣ 682 томовъ различнаго, главнымъ образомъ историческаго, содержанія; также пожервованія поступили отъ графини Лестокъ (около 300 томовъ по статистикѣ, эстетикѣ и беллетристикѣ), отъ д-ра Шульца въ Торнѣ и нѣкоторыхъ другихъ лицъ. По содержанію книгъ, къ концу 1803 года въ университетской библіотекѣ болѣе или менѣе удовлетворительно были представлены богословіе, медицина, правовѣдѣніе, естественная

исторія, физика, отчасти исторія и философія, но гораздо слабѣе — математика, географія, древне-классическая литература, новые языки, всеобщая исторія литературы, изящныя искусства.

Изъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій при факультетахъ, возникшихъ при организаціи въ 1803 году, всѣ относятся исключительно къ философскому факультету. Благодаря профессору Парроту, занимавшему каѳедру физики, лучше всего съ самаго же начала обставленъ былъ физическій кабинетъ, впрочемъ не во всѣхъ частяхъ науки одинаково; полнѣе всего было собраніе приборовъ для изученія общихъ свойствъ тѣлъ и равновѣсія, тогда какъ электричество и магнетизмъ обставлены были весьма слабо. Для химическаго кабинета были пріобрѣтены лишь самые необходимые приборы. Въ кабинетѣ естественной исторіи находилось уже довольно значительное собраніе минераловъ, составившееся частію изъ пожертвованія цесаревича в. кн. Константина Павловича, частію путемъ покупки отъ берграта Фойгта въ Ильменау и профессора Ленца въ Іенѣ; кромѣ того, для пополненія этого собранія рѣшено было устраивать, подъ руководствомъ проф. Германа, во время лѣтнихъ вакацій, экскурсіи по морскому берегу Эстляндіи, при участіи студентовъ; другія части естественной исторіи были представлены въ кабинетѣ очень слабо. Для устройства ботаническаго сада куплена была университетомъ въ іюнѣ 1803 года, на публичномъ аукціонѣ, расположенная въ Рижскомъ предмѣстьи часть земли, принадлежавшая ранѣе фонъ-Пистолькорсу, а потомъ купцу Зеебаху, съ оранжереями и другими постройками за 7560 р. асс., а въ сентябрѣ того же года къ ней присоединенъ былъ еще участокъ, купленный отъ ландрата фонъ-Баранова за 4000 р.; впрочемъ, въ мартѣ 1806 года для ботаническаго сада назначено подаренное университету Анной-Маріей фонъ-Розенкампфъ другое, болѣе удобное и понынѣ занимаемое имъ мѣсто, куда переведены были и всѣ обзаведенія, успѣвшія возникнуть въ

этотъ короткій промежутокъ времени; прежнее мѣсто продано было университетомъ въ 1809 году въ частныя руки, и часть его занята въ настоящее время садомъ Ремесленнаго Общества, что на Прудовой улицѣ [1]). Наконецъ, для учрежденнаго музея искусствъ къ концу 1803 года пока еще ничего не было на мѣстѣ, но проф. Моргенштернъ вошелъ уже къ этому времени въ сношеніе съ нѣкоторыми лицами за границей о доставленіи небольшого собранія картинъ, гравюръ, рисунковъ, гипсовыхъ копій съ произведеній античной скульптуры, монетъ и т. п. Для другихъ учрежденій философскаго факультета, предусмотрѣнныхъ уставомъ, начало было положено позднѣе: съ 1804 года стало составляться собраніе техническихъ и военно-учебныхъ моделей, а въ 1807—1810 годахъ построена астрономическая обсерваторія.

Учебно-вспомогательныя учрежденія медицинскаго факультета всѣ возникли позднѣе 1803 года. Медицинская клиника открыла свою дѣятельность въ 1804 году въ наемномъ помѣщеніи. Хирургическая клиника, не имѣя особаго помѣщенія, пользовала съ 1805 года своихъ больныхъ сначала лишь амбулаторно, и только въ слѣдующемъ 1806 году, и то въ наемной квартирѣ, принимала больныхъ для излѣченія у себя на мѣстѣ. Клиника „повивальнаго искусства“, начавшая свою дѣятельность въ 1806 году, пользовалась сперва также частнымъ помѣщеніемъ. Въ 1805—1808 годахъ выстроено было для всѣхъ этихъ трехъ клиникъ особое зданіе изъ бывшей казармы на Домской горѣ; впослѣдствіи перестроенное, оно въ настоящее время занято одной Медицинской клиникой [2]). Въ 1803—1805

---

1) Moritz Willkommm. Der botanische Garten der Kaiserlichen Universität Dorpat. D. 1873, стр. 1—5.

2) L. Aug. Struve. Historischer Bericht über die Leistungen des medicinischen Klinikums der Kaiserlichen Universität zu Dorpat, von seiner Eröffnung im Jahre 1804 bis zum Schlusse des Jahres 1826. D. 1827, стр. 7—8.

годахъ построено было зданіе Анатомическаго театра, гдѣ нашло себѣ помѣщеніе и собраніе анатомическихъ препаратовъ.

Наконецъ, изъ учрежденій, предназначенныхъ для физическаго развитія учащихся, довольно прочное положеніе уже съ самаго начала получилъ манежъ. Въ сущности, онъ началъ свое дѣйствительное существованіе ранѣе самого университета и какого бы то ни было изъ его учрежденій, основанный, благодаря стараніямъ кураторовъ, еще въ 1800 году. Въ 1802 году для него построено было спеціальное деревянное зданіе, которое въ 1821 году было замѣнено каменнымъ на томъ же самомъ мѣстѣ, невдалекѣ отъ главнаго зданія университета.

Въ 1803 году организованъ былъ составъ Училищной Комиссіи, въ которую 1 апрѣля были избраны совѣтомъ, кромѣ ректора Паррота, профессора Моргенштернъ, Мютель, Зонтагъ, Пешманъ, Еше и Балкъ, хотя, какъ мы видѣли, болѣе или менѣе опредѣленную инструкцію это учрежденіе получило лишь черезъ годъ, а также началъ свои дѣйствія и Цензурный Комитетъ [1]).

Къ концу 1803 года ближайшимъ образомъ намѣчена была также и дѣятельность Общаго Учительскаго или Педагогическаго Института; именно, директорами его назначены были профессора Моргенштернъ, Еше и Пешманъ, при чемъ главное руководство возложено было на перваго; 21 ноября 1803 года дирекція эта имѣла первое свое засѣданіе, въ которомъ и положено было принять въ Институтъ извѣстное число студентовъ въ качествѣ „семинаристовъ“, съ предоставленіемъ имъ установленныхъ стипендій; 5 декабря Институтъ былъ открытъ, но правильныя занятія въ немъ начались лишь съ начала слѣдующаго 1804 года.

До постройки главнаго университетскаго зданія на

1) Th. Beise, стр. 32. 37.

площади шведской церкви, куда университетъ перешелъ только въ 1809 году, роль его при организаціи университета въ 1803 году выполнялъ съ одной стороны домъ фонъ-Бока, въ которомъ находились аудиторіи и помѣщались пока начатки будущихъ университетскихъ коллекцій, а съ другой — т. наз. впослѣдствіи „старое университетское зданіе“, на углу Большой Рыночной и Рыцарской улицъ; оно составляло раньше частную собственность ландмаршала барона Унгернъ-Штернберга и куплено было университетомъ, послѣ смерти владѣльца, съ аукціона 21 августа 1802 года за 21.000 рублей; впрочемъ, пользованіе этимъ зданіемъ во всемъ его объемѣ началось со стороны университета не ранѣе 1804 года, при чемъ отдѣльныя комнаты его служили то въ видѣ аудиторій, то для офиціальныхъ засѣданій, то для временнаго помѣщенія въ нихъ нѣкоторыхъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій; здѣсь же было нѣсколько квартиръ для служащихъ, и часть помѣщеній отдавалась въ наемъ въ пользу университета.

14 октября 1803 года составленъ былъ изъ профессоровъ Краузе, Германа, Паррота и Моргенштерна особый комитетъ, принявшій на себя задачу по систематической распланировкѣ Домской горы, по насажденію ея деревьями и кустарниками и вообще по приспособленію ея для прогулокъ какъ лицамъ изъ университетской среды, такъ и остальнымъ жителямъ города.

Таковы были, въ общихъ чертахъ, организаціонныя работы университета 1802—1803 годовъ, представлявшія собою по многимъ частямъ лишь начало; конецъ этой организаціи можно видѣть не ранѣе 1810 года, когда всѣ предначертанныя уставомъ 1803 года стороны университетской жизни получили то или иное фактическое выраженіе. Отдѣльное развитіе этихъ сторонъ въ первый періодъ жизни университета, заканчивающійся появленіемъ новаго устава 1820 года, и составляетъ предметъ дальнѣйшаго изложенія.

III. Состоянiе и дѣятельность университета до конца перваго перiода (1803—1820).

1.

Клингеръ какъ попечитель округа и университета, его отношенiя къ Парроту и университетской средѣ. — Ректоры перваго перiода. — Перемѣны въ личномъ составѣ профессоровъ и преподавателей. — Замѣщенiе вакантныхъ каѳедръ.

Въ строгомъ смыслѣ, первый перiодъ жизни Дерптскаго университета замыкается смѣною перваго его попечителя Ѳ. И. Клингера (17 января 1817 года), такъ какъ главнымъ образомъ благодаря его преемнику, графу К. А. Ливену, университетъ получилъ новый штатъ 17 августа 1817 года, при которомъ только и возможно было примѣненiе новаго устава 4 iюня 1820 года; но такъ какъ, съ другой стороны, новый штатъ, дѣйствовавшiй въ эти три промежуточные года въ рамкахъ стараго устава не могъ оказать своего плодотворнаго влiянiя на ходъ университетской жизни во всей ея широтѣ, то будетъ справедливо считать первый перiодъ жизни университета на протяженiи 18 лѣтъ, изъ которыхъ первые полтора года пошли, какъ мы видѣли, на первоначальную, формальную и фактическую, организацiю новаго разсадника высшаго образованiя въ Прибалтiйскомъ краѣ.

Клингера, какъ попечителя, влiявшаго на судьбу университета въ этой должности въ теченiе 14 лѣтъ, едва ли можно упрекнуть въ недостаткѣ интереса къ этому учрежденiю и въ отсутствiи у него заботы объ его процвѣтанiи; но этотъ интересъ и заботы понималъ онъ весьма своеобразно. Повидимому, его девизомъ было при управленiи университетомъ: неуклонная строгость къ профессорамъ и студентамъ и экономiя въ предоставленiи университету матерiальныхъ средствъ; впрочемъ, то и другое оправдывалось въ значительной степени обстоятельствами времени: уни-

верситетская среда дѣйствительно весьма часто нуждалась тогда въ сдерживающемъ началѣ, а событія военнаго времени, совпавшія съ первымъ періодомъ жизни университета, преждевременно поколебали достаточность бюджета, который въ 1803 году представлялся для университета вполнѣ обезпечивающимъ его дальнѣйшее развитіе.

Мы уже знаемъ, въ какихъ отношеніяхъ находился Клингеръ къ первому ректору университета Г. Ф. Парроту при назначеніи своемъ на постъ попечителя. Въ первый, организаціонный, годъ жизни университета по уставу 1803 года между ректоромъ и попечителемъ велась оживленная переписка, съ внѣшней стороны имѣвшая частный характеръ, но касавшаяся исключительно университетскихъ дѣлъ. Часть ея, опубликованная Ригеромъ[1]), представляетъ выдающійся интересъ какъ для исторіи университета вообще, такъ, въ частности, и для характеристики отношеній этихъ двухъ его дѣятелей въ первый періодъ его существованія.

Клингеръ вполнѣ довѣрялъ Парроту. Еще въ періодъ выработки новаго устава и противодѣйствія этому со стороны кураторовъ въ первой половинѣ 1803 года, Клингеръ сообщаетъ въ своихъ письмахъ къ Парроту тѣ или иныя новости въ министерствѣ и въ Главномъ Правленіи Училищъ касательно Дерптскаго университета; дѣлится съ нимъ своими планами, какъ въ извѣстномъ случаѣ обезоружить или одолѣть „враговъ"; радуется удачамъ въ университетскихъ дѣлахъ, вполнѣ расчитывая на сочувствіе Паррота и нерѣдко прибавляя, что эта „ваша и моя тайна" или что пока нужно держать переданное „sub silentio". Обращенія его къ Парроту самыя дружескія и интимныя („mein Treuerster", „mein Treuer und Wacker", „Biedrer und Treuer"); онъ характеризуетъ своего друга какъ „человѣка, полнаго огня, духа и силы". Въ самомъ дѣлѣ, „въ душевной силѣ и энергіи Парротъ нисколько не уступалъ Клингеру, б. м.

---

1) Briefbuch zu Friedrich Maximilian Klinger, стр. 230—264.

даже превосходилъ его, и это обстоятельство, при разности ихъ воспитанія и взглядовъ, неминуемо должно было приводить къ столкновеніямъ. Главнѣйшимъ источникомъ такихъ несогласій являлся вопросъ о границахъ власти и компетенціи попечителя и совѣта въ университетскихъ дѣлахъ, гдѣ Парротъ и Клингеръ стояли на разныхъ точкахъ зрѣнія. Въ особенности интересны въ этомъ отношеніи два письма, которыми обмѣнялись попечитель и ректоръ въ мартѣ 1803 года. Въ письмѣ своемъ Клингеръ высказывается, по поводу одного частнаго случая, весьма откровенно: „У меня другія, болѣе скромныя, понятія, и потому между нами всегда будутъ недоразумѣнія. Быть можетъ, въ данномъ случаѣ Вы найдете съ моей стороны боязливость и потворство ради моего собственнаго интереса; быть можетъ, даже увидите въ этомъ своего рода политику; здѣшніе люди, съ которыми мнѣ приходится вести борьбу, ближе знакомы съ обстоятельствами въ послѣднемъ отношеніи, и мнѣ, какъ врагу, отдаютъ по крайней мѣрѣ справедливость; что же касается перваго, то я слишкомъ гордъ, чтобы доказывать противоположное. Вы находите, что ваша свобода подвергается опасности? Вы ссылаетесь на мои юные годы, на академическій путь? И о какомъ деспотизмѣ идетъ тутъ рѣчь? Что университетскій совѣтъ въ извѣстной формѣ долженъ давать отчетъ или испрашивать разрѣшеніе на положенные по штату расходы? что Глинка, единственный русскій, получаетъ 2000 рублей? . . Если Вы вмѣстѣ съ совѣтомъ дѣйствительно считаете себя оскорбленными, то вамъ представляется возможность обратиться къ монарху. Жалуйтесь, жалуйтесь на меня; скажите, что свобода университета нарушена! Я чувствую себя свободнымъ и стараюсь сохранить ваши права и свободу, какъ мои собственныя; но я настаиваю на томъ, что если мнѣ приходится говорить, по крайней мѣрѣ въ обществѣ, то это имѣетъ добрыя цѣли и не вытекаетъ изъ малодушія“. Переходя затѣмъ къ своимъ личнымъ отношеніямъ къ Парроту, Клингеръ говоритъ:

„Вслѣдствіе всего сказаннаго, я Вамъ непріятенъ. На это отвѣчу только, что высокое мнѣніе, которое я о Васъ имѣю, заставляетъ меня именно теперь сказать Вамъ, что дѣло, у котораго мы оба стоимъ, слишкомъ важно, чтобы намъ думать объ обоюдныхъ пріятностяхъ во всѣхъ отношеніяхъ, и что если и на будущее время мнѣ придется столь же откровенно говорить Вамъ, то это также будетъ знакомъ моего высокаго къ Вамъ уваженія. Моя опытность меня научила, что два человѣка не могутъ идти по одной линіи, и что это не только невозможно, но даже и ненужно. Если это мое письмо или вообще мое отношеніе къ дѣлу, о которомъ идетъ рѣчь, Вамъ непріятны, то оставимъ все какъ оно есть, будемъ держаться формальныхъ и официальныхъ отношеній, а я буду продолжать свое дѣло съ прежней настойчивостью и энергіей, пока хватитъ у меня къ этому охоты и терпѣнья". Въ отвѣтъ на это письмо Клингера, Парротъ, не касаясь дѣловыхъ вопросовъ, такъ говоритъ объ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ и объ отношеніи ихъ обоихъ къ тому дѣлу, которому они служатъ: „Вы очень ошибаетесь, если думаете, что мы вообще не понимаемъ другъ друга. Нѣкоторые наши съ той и другой стороны поступки мы, быть можетъ, истолковываемъ невѣрно; мы удалены другъ отъ друга и стоимъ на разныхъ точкахъ зрѣнія; Вы умудрены опытомъ, а я простой другъ добра, безъ того образованія, въ которомъ я Вамъ такъ часто завидовалъ. Но развѣ мы вообще не понимаемъ другъ друга? Я понимаю Васъ такъ хорошо, что нисколько не колеблюсь написать Вамъ это письмо, въ которомъ Вы найдете всю мою душу. . . Вы человѣкъ съ большимъ вліяніемъ, особенно для меня, и въ сферѣ Вашей дѣятельности я имѣю передъ собой только душу монарха, которую со всѣхъ сторонъ хотятъ у меня вырвать." Далѣе, Парротъ проситъ о продолженіи прежнихъ вполнѣ довѣрчивыхъ отношеній, вмѣсто предлагаемыхъ Клингеромъ официальныхъ и формальныхъ, желая доказать несправедливость пословицы, что „два твердыхъ камня плохо

мелютъ“ и прибавляетъ: „Будемъ дѣйствовать вмѣстѣ, Вы въ общихъ дѣлахъ, я въ частностяхъ, и Вы увидите, что именно благодаря нашимъ индивидуальнымъ понятіямъ оба мы сойдемся на той точкѣ зрѣнія, на которой теперь стоимъ. Я высоко уважаю Васъ со всей Вашей политикой; любите и Вы меня со всей моей простотой. Вы тщательно соображаетесь съ людьми, чтобы ими руководить, а я считаю этотъ трудъ ненужнымъ, и, быть можетъ, изъ двухъ насъ я большій эгоистъ“ [1]). Этотъ характерный обмѣнъ мыслей наилучшимъ образомъ вводитъ насъ въ интимныя условія, при которыхъ шла общая работа Клингера и Паррота по дѣламъ университета; расходясь во многомъ, они умѣли дѣлать взаимныя уступки ради общаго дѣла, и черезъ нѣсколько дней послѣ упомянутаго письма Паррота Клингеръ писалъ ему въ апрѣлѣ 1803 года: „Мы понимаемъ и будемъ всегда понимать другъ друга. Итакъ, будемъ дѣйствовать въ прежнемъ смыслѣ и духѣ, который для меня остается нерушимымъ“, и еще черезъ нѣсколько дней: „Мы стоимъ на твердой почвѣ, и я стою на ней непоколебимо“ [2]).

Положеніе Клингера, какъ попечителя, было не легкое. Съ одной стороны, онъ имѣлъ передъ собой университетскую корпорацію, часто мѣнявшуюся въ своемъ составѣ и лишенную пока опредѣленныхъ традицій; въ средѣ ея далеко не было единства и того внутренняго порядка, который хотя отчасти обезпечивается взаимнымъ уваженіемъ и довѣріемъ отдѣльныхъ членовъ другъ къ другу; попечителю нерѣдко приходилось становиться въ трудное положеніе судьи, и его постоянныя заботы о томъ, чтобы все было спокойно и тихо въ университетѣ, далеко не всегда увѣнчивались успѣхомъ, не только относительно студентовъ, но и профессоровъ; служебныя требованія отъ послѣднихъ формулировалъ онъ въ одномъ письмѣ къ Парроту (3 марта

1) Briefbuch, стр. 248—250.
2) Тамъ же, стр. 253. 257.

1803) весьма просто и ясно: „кто исполнилъ свой долгъ, тотъ уже сдѣлалъ для меня все, и можетъ быть увѣренъ въ моемъ уваженіи“ [1]). Съ другой стороны, попечитель долженъ былъ установить и поддерживать, для пользы университета, свой авторитетъ и значеніе въ Петербургѣ. Обстоятельства, при которыхъ Клингеръ сдѣлался попечителемъ, были, какъ мы видѣли, весьма для него благопріятны. Въ особенности полезно и цѣнно было ему содѣйствіе по разнымъ касающимся до университета дѣламъ со стороны извѣстнаго государственнаго дѣятеля при Александрѣ I члена Главнаго Правленія Училищъ и попечителя Петербургскаго учебнаго округа Н. Н. Новосильцова, состоявшаго при государѣ по особымъ порученіямъ и пользовавшагося его особеннымъ довѣріемъ; въ письмахъ къ Парроту Клингеръ часто и съ большимъ сочувствіемъ упоминаетъ о Новосильцовѣ, называя его „Der Freund“, „Unser Freund“, „Vortrefflicher N.“, „Der Edle“ [2]).

Изъ профессорскаго персонала въ Дерптѣ, исключая близкія отношенія къ Парроту, Клингеръ ближе другихъ зналъ, уважалъ и въ извѣстныхъ случаяхъ пользовался нравственнымъ содѣйствіемъ со стороны еще двухъ лицъ, Моргенштерна и Еше; перваго цѣнилъ онъ въ особенности за широкое образованіе, неутомимую учено-литературную дѣятельность и живое участіе къ дѣламъ университета, второго — за выдающіяся черты нравственнаго характера и научныя заслуги [3]); съ тѣмъ и другимъ, въ особенности съ Моргенштерномъ, Клингеръ велъ оживленную переписку.

Живя постоянно въ Петербургѣ, Клингеръ обязанъ былъ посѣщать университетъ разъ въ каждые два года; но въ первые годы своего попечительства онъ ѣздилъ въ Дерптъ каждый годъ, обыкновенно въ концѣ весенняго семестра, и

1) Briefbuch. стр. 239.
2) Тамъ же, стр. 242. 246. 249. 252. 255. 257.
3) M. Rieger, назв. соч., II. 577—584. 615—616.

проводилъ въ университетской средѣ 10—12 дней, председательствуя въ совѣтѣ, присутствуя на лекціяхъ профессоровъ, посѣщая учебно-вспомогательныя учрежденія университета и вообще наблюдая жизнь послѣдняго съ разныхъ сторонъ. Первый разъ посѣтилъ онъ университетъ въ маѣ 1804 года, но съ 1810 года такія посѣщенія прекратились, хотя именно незадолго передъ этимъ оконченъ былъ постройкой каменный домъ въ ботаническомъ саду, предназначенный для остановокъ попечителя во время пріѣздовъ его въ Дерптъ и обращенный позднѣе въ квартиру директора сада. Причину этой своей перемѣны къ университету Клингеръ такъ объясняетъ въ письмѣ къ Моргенштерну отъ 25 декабря 1811 года: „Что касается моего пріѣзда въ Дерптъ, то ничего другого объ этомъ я не могу сказать кромѣ того, что во всякомъ случаѣ такую поѣздку я предпринялъ бы весьма неохотно. Послѣднія событія [1]), которыя указываютъ на полный упадокъ дисциплины, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ продолжающіяся и постоянно возрастающія партійныя несогласія въ университетской средѣ не могутъ привлекать къ такому путешествію, при которомъ пришлось бы ближе видѣть эти обстоятельства и изслѣдовать ихъ причины; и это тѣмъ болѣе, что едва ли теперь можно питать надежду привести дѣла въ лучшее положеніе: страсти и личности, кажется, слишкомъ уже получили перевѣсъ, такъ что все остальное приносится имъ въ жертву“ [2]). Объясненію этому во всякомъ случаѣ нельзя отказать въ полной искренности. Дѣйствительно, къ этому времени, какъ мы потомъ увидимъ, уже вполнѣ успѣли обнаружиться тѣ внутреннія неурядицы, которыя разъѣдали университетскую среду и, вмѣстѣ съ другими обстоятельствами, вели университетъ къ весьма вѣроятному окончательному паде-

---

1) Тутъ разумѣются нѣкоторыя обстоятельства изъ студенческой жизни, о которыхъ рѣчь будетъ въ своемъ мѣстѣ ниже.
2) Briefbuch, стр. 146.

нію; тѣмъ не менѣе мотивъ, приводимый Клингеромъ для объясненія перемѣны своего отношенія къ университету, является весьма характернымъ: принимая близкое участіе въ дѣлахъ университета въ первые годы своего попечительства, Клингеръ потомъ сильно охладѣлъ къ этому учрежденію, не хотѣлъ близко вникать въ условія его жизни и потерялъ надежду по прежнему оказывать на нее вліяніе своимъ личнымъ присутствіемъ и авторитетомъ. И въ эту вторую половину своего попечительства, въ 1810—1812 годахъ, онъ имѣлъ въ Дерптѣ человѣка хотя и не столь близкаго ему, какъ Парротъ, тѣмъ не менѣе такого, административному такту котораго онъ вполнѣ отдавалъ справедливость и оказывалъ полное довѣріе; это былъ ректоръ Гриндель, въ письмахъ къ которому [1]) онъ нерѣдко говоритъ объ университетѣ съ большимъ сарказмомъ или тономъ горькой безнадежности; въ одномъ изъ этихъ писемъ, отъ 31 января 1811 года, попечитель подводитъ итогъ и вообще своимъ отношеніямъ къ профессорской средѣ: „я знаю, что съ самаго начала и до сихъ поръ въ Дерптѣ моей участью было и будетъ остаться неузнаннымъ, если не всѣми, то во всякомъ случаѣ многими“ [2]). Какъ бы ни объяснять это признаніе временнымъ разочарованіемъ Клингера относительно университета, оно имѣетъ несомнѣнную цѣну указанія на непопулярность его въ университетѣ; да и отношеніе Клингера къ университету во вторую половину попечительства было, какъ мы видѣли, совсѣмъ иное, чѣмъ въ первую.

Въ уваженіе литературныхъ заслугъ Клингера, философскій факультетъ присудилъ ему, 5 декабря 1814 года, степень почетнаго доктора философіи, какъ „poetae philosopho, operibus litterarum nationis germanicae condecorantibus per Europam claro, quibus non solum sapientiam politicam, moralem et litterariam singularium observationum et praeceptorum rara

1) Напечатаны у Ригера въ Briefbuch, стр. 264—281.
2) Briefbuch, стр. 273.

veritate egregie docuit, sed etiam virtutis masculae, nec vanae doctrinae blandis praestigiis obcaecatae, nec fortunae inimicae diris casibus fractae, exempla praeclara, tum tragoediis veterum granditatem felicissime aemulantibus, tum fabulis romanensibus ingeniosissime ita confictis, ut altae mentis vinculo inter se copulatae corpus integrum constituant".

Ближайшимъ сотрудникомъ попечителя по управленію университетомъ являлся ректоръ, глава университета и его представитель во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда того требовали обстоятельства внутренней или внѣшней жизни университета. Мы уже знаемъ, что избраніе ректора изъ среды совѣта происходило, по уставу 1803 года, каждый годъ. Изъ ректоровъ Дерптскаго университета въ первый періодъ его существованія совершенно исключительное положеніе занималъ Парротъ, хотя, какъ было упомянуто, въ общей сложности онъ былъ въ разное время ректоромъ лишь нѣсколько болѣе трехъ лѣтъ. Изъ другихъ ректоровъ этого времени никто особенно не выдвинулся ни продолжительностью службы, ни особымъ вліяніемъ или заслугами. Ректоръ выбирался съ 1 августа по то же число слѣдующаго года и, кромѣ Г. Ф. Паррота, срокъ ректорства котораго указанъ былъ выше (стр. 126), въ другое время ректорами были: профессоръ патологіи Д. Г. Балкъ (одинъ годъ, съ 1 авг. 1803—1 авг. 1804), профессоръ русской исторіи А. Х. Гаспари (одинъ годъ, 1804—1805), профессоръ римскаго права Г. Ф. Мейеръ (два года, 1806—1808), профессоръ акушерства Х. Ф. Дейчъ (два года, 1808—1810), профессоръ химіи Д. Г. Гриндель (два года, 1810—1812), профессоръ діэтетики М. Э. Стиксъ (одинъ годъ, 1813—1814), профессоръ камеральныхъ наукъ Ф. Э. Рамбахъ (два года, 1814—1816), профессоръ лифляндскаго провинціальнаго права Х. Ю. Штельцеръ (одинъ годъ, 1816—1817), профессоръ химіи І. Е. Гизе (одинъ годъ, 1817—1818). Въ 1818 году, при попечителѣ графѣ Ливенѣ, ректоромъ избранъ былъ профессоръ русской исторіи Густавъ

Эверсъ, избиравшійся въ эту должность цѣлыхъ 12 лѣтъ сряду (1818—1830), но его дѣятельность относится уже ко второму періоду жизни Дерптскаго университета. Болѣе другихъ съ намѣреніями Клингера, повидимому, гармонировалъ Гриндель, которому попечитель писалъ 6 августа 1812 года, послѣ сложенія имъ съ себя въ послѣдній разъ ректорскаго званія: „Вы исполнили, къ моему великому удовольствію, эту важную должность съ рвеніемъ, бдительностью и строгой точностью въ отношеніи всякаго рода возложенныхъ на Васъ обязанностей“ [1]).

Что касается профессоровъ, то выше были названы тѣ изъ нихъ, которыми замѣщены были каѳедры при организаціи университета въ 1803 году; за послѣдующіе годы до 1820-го въ личномъ составѣ каѳедръ по отдѣльнымъ факультетамъ произошли слѣдующія пополненія и измѣненія.

На богословскомъ факультетѣ новымъ лицомъ явился только, по выходѣ въ отставку профессора церковной исторіи и богословской словесности I. фонъ-Горна, преемникъ его Христіанъ-Фридрихъ Зегельбахъ (1810—1823).

На юридическомъ факультетѣ, напротивъ, къ концу перваго періода оказались по всѣмъ каѳедрамъ новыя лица. По каѳедрѣ римскаго и нѣмецкаго права по гражданской и уголовной части послѣ смерти К. Ф. Мейера (1817) назначенъ былъ Христофоръ-Христіанъ Дабеловъ (1818—1830), начавшій преподаваніе, впрочемъ, лишь со II семестра 1819 года; каѳедра лифляндскаго права по смерти I. Л. Мютеля (1812) оставалась до 1815 года вакантной, пока не замѣщена была сначала Христіаномъ-Юліемъ Штельцеромъ (1815—1817), а потомъ I. Г. Нейманомъ (1818—1827), бывшимъ за четыре года до того профессоромъ по каѳедрѣ положительнаго государственнаго и народнаго права; кромѣ того, въ 1818—1819 гг. лифляндское право преподавалъ,

1) Briefbuch, стр. 280—281.

въ качествѣ приватъ-доцента, Вольдемаръ-Фридрихъ фонъ-Дитмаръ. Эстляндское и финляндское право, послѣ ухода Х. Д. Розенмюллера, представлено было сначала Христіаномъ-Гейнрихомъ Кёхи (1805—1817), а послѣ его отставки каѳедра эта, обращенная временно въ каѳедру уголовнаго права, замѣщена была Вильгельмомъ Снеллемъ (1819), который, впрочемъ, по обстоятельствамъ, о которыхъ будетъ сказано ниже, даже и не началъ своей преподавательской дѣятельности. На каѳедру курляндскаго права, послѣ смерти Ф. К. Клейненберга (1813), назначенъ былъ Фридрихъ Лампе (1813—1814), перешедшій вскорѣ на каѳедру положительнаго государственнаго и народнаго права (1814—1823), занятую до того, какъ выше указано, I. Г. Нейманомъ въ первые годы его службы въ Дерптскомъ университетѣ; каѳедра же курляндскаго права, оставаясь послѣ Лампе нѣсколько лѣтъ вакантной, была занята на I семестръ 1820 года Гейнрихомъ-Куртомъ Стеверомъ.

По медицинскому факультету, когда Г. Ф. Изенфламмъ оставилъ службу въ Дерптскомъ университетѣ, преемникомъ ему по каѳедрѣ анатоміи, физіологіи и судебной врачебной науки былъ приглашенъ изъ Лейпцига Карлъ-Фридрихъ Бурдахъ, остававшійся впрочемъ недолго (1811—1814), и послѣ его назначенъ былъ Л. Э. Цихоріусъ (1814—1827), бывшій до того въ должности прозектора. По каѳедрѣ патологіи, семіотики, терапіи и клиники, за уходомъ Д. Г. Балка, назначенъ былъ ему преемникомъ Іоганнъ-Фридрихъ Эрдманъ (1817—1824). Каѳедра хирургіи послѣ Л. Э. Кауцмана была представлена нѣкоторое время лишь въ лицѣ приватъ-доцента Іоганна-Людвига Іохмана (1811—1814), а потомъ на нее назначенъ былъ профессоромъ Іоганнъ-Христіанъ Мойеръ (1814—1836). Что же касается должности прозектора, то, съ переходомъ въ 1814 году Л. Э. Цихоріуса на каѳедру анатоміи, она оставалась вакантной до 1820 года, когда на нее назначенъ былъ Іоганнъ-Фридрихъ Эшшольцъ (1820—1829), бывшій впослѣдствіи профессоромъ анатоміи;

это былъ первый случай назначенія въ Дерптскій университетъ собственнаго питомца [1]).

По философскому факультету, на физико-математическомъ отдѣленіи, послѣ ухода въ 1809 году І. В. Пфаффа, каѳедра чистой и прикладной математики оставалась вакантной до 1811 года, когда на нее назначенъ былъ Готфридъ Гутъ (1811—1818), послѣ котораго каѳедра эта опять оставалась незамѣщенной до 1821 года, и математику временно преподавали въ 1810—1820 гг. обсерваторъ астрономической обсерваторіи, впослѣдствіи знаменитый профессоръ астрономіи, Фридрихъ-Вильгельмъ Струве, а въ 1820 году частный преподаватель Іоганнъ-Михаилъ Гаусманъ; обсерваторомъ послѣ Х. Ф. Кнорре назначенъ былъ Магнусъ-Георгъ Паукеръ (1811—1813), а за уходомъ его Ф. В. Струве (1814—1820).

На отдѣленіи естественныхъ наукъ, послѣ ухода А. Н. Шерера въ Петербургскую Медико-хирургическую Академію, по каѳедрѣ химіи назначенъ былъ сначала Давидъ-Іеронимъ Гриндель (1804—1814), а потомъ Фердинандъ Гизе (1814—1821). По каѳедрѣ натуральной исторіи вообще и ботаники въ особенности, послѣ смерти Г. А. Германа (1809), преподавалъ этотъ предметъ въ І семестрѣ 1810 года профессоръ химіи Гриндель, а потомъ на эту каѳедру назначенъ былъ Христіанъ-Фридрихъ Ледебуръ (1811—1836).

На историко-филологическомъ отдѣленіи, по каѳедрѣ русскаго языка и словесности, за уходомъ Г. А. Глинки, назначенъ былъ ему въ преемники Андрей Сергѣевичъ Кайсаровъ (1810—1813), а послѣ его смерти, въ сраженіи при Гайнау (14 мая 1813), мѣсто его занялъ Алек-

1) Достойно здѣсь упоминанія, что въ печатномъ росписаніи лекцій на І семестръ 1819 года въ должности „экстраординарнаго профессора медицины и прозектора“ объявленъ былъ знаменитый впослѣдствіи Карлъ-Эрнстъ фонъ-Беръ, но онъ вскорѣ отъ предложенной ему профессуры отказался: Selbstbiographie von Dr. Karl Ernst von Baer. 2 Aufl. 1866, стр. 238—239.

сандръ Өедоровичъ Воейковъ (1814—1820). Каөедра всеобщей исторіи, послѣ смерти Г. Ф. Пешмана (1812), оставалась вакантной до 1828 года. На каөедру русской исторіи, географіи и статистики, послѣ ухода А. Х. Гаспари въ Кенигсбергъ, назначенъ былъ Густавъ Эверсъ (1810—1820), бывшій впослѣдствіи профессоромъ положительнаго государственнаго и народнаго права на юридическомъ факультетѣ. Кромѣ того, указомъ 21 апрѣля 1817 года, положенная по уставу 1803 года каөедра краснорѣчія и словесности древнихъ языковъ, филологіи, эстетики и исторіи словесности и художествъ раздѣлена была на двѣ, а именно: на каөедру краснорѣчія и древней классической словесности и каөедру эстетики и исторіи литературы и искусствъ. Обѣ эти каөедры замѣщены были однимъ лицомъ, Карломъ Моргенштерномъ, преподававшимъ доселѣ предметы, входившіе въ нихъ до раздѣленія одной каөедры на двѣ, „во уваженіе обширныхъ его по сей части познаній и опытности“, при чемъ, сказано далѣе въ томъ же указѣ, „въ разсужденіе заслугъ, оказанныхъ имъ университету и особеннаго одобренія объ немъ отъ попечителя онаго генералъ-лейтенанта графа Ливена“, положено производить ему жалованье по обѣимъ каөедрамъ [1]).

На технологико-экономическомъ отдѣленіи, каөедра военныхъ наукъ, послѣ вступленія въ военную службу Ф. Г. Эльснера (1813), оставалась шесть лѣтъ вакантной, и въ теченіе нѣкотораго времени читалъ для студентовъ лекціи по этому предмету инженеръ-маіоръ А. фонъ-Цёкель; въ 1819 году на каөедру военныхъ наукъ былъ приглашенъ маіоръ прусской службы Фридрихъ-Вильгельмъ фонъ-Адеркасъ, занимавшій эту каөедру до самаго ея закрытія (1819—1830).

Въ составѣ „учителей языковъ“, или лекторовъ, произошли въ разсматриваемый періодъ слѣдующія перемены.

---

1) Сборникъ постановленій, I. 983—984.

Лекторомъ русскаго языка, послѣ I. Елачича, былъ Іоганнъ-Фридрихъ Тернеръ (1804—1822); нѣмецкій языкъ, послѣ Петерсена, преподавалъ Августъ-Гейнрихъ фонъ-Вейраухъ (1819—1821); англійскую лектуру, послѣ В. Бересфорда, занималъ сначала Александръ Монтагъ (1806—1812), а потомъ она оставалась нѣсколько лѣтъ вакантной, пока съ 1818 года не сталъ преподавать англійскій языкъ, частнымъ образомъ, лекторъ русскаго языка Тернеръ, перешедшій впослѣдствіи (1822) окончательно на англійскую лектуру; итальянскій языкъ преподавалъ Паскалъ-Этторе Морелли (1815—1818); лекторами эстонскаго языка, послѣ Ф. Д. Ленца, были Георгъ-Филиппъ фонъ-Ротъ (1810—1817) и Людвигъ-Вильгельмъ Морицъ (1817—1822).

Наконецъ, среди „учителей искусствъ" встрѣчаемъ слѣдующія новыя имена. Въ обученіи танцамъ Л. Шевалье смѣнилъ Феликсъ Пелабонъ (1817—1828); съ 1812 года являются особые учителя фехтованія, обученіе которому соединено было прежде съ верховой ѣздой: это были Іоганнъ Мателинъ (1812) и Александръ Дюфуръ (1817—1824); хотя вопросъ объ учителѣ музыки поставленъ былъ еще въ 1803 году, но рѣшенъ былъ лишь позднѣе назначеніемъ Гейнриха-Вильгельма Фрике (1807—1815), за которымъ слѣдовалъ Николай Томсонъ (1816—1839); механическимъ работамъ, послѣ Х. Ф. Веллинга, обучалъ Веніаминъ Политуръ (1807—1824).

По этому перечню можно видѣть, что изъ 28 каѳедръ, положенныхъ по уставу 1803 года (если не считать одной, „теоретическаго и практическаго россійскаго правовѣдѣнія", которая была только обѣщана „въ послѣдствіе времени", но въ описываемый періодъ осталась неоткрытой) и замѣщенныхъ въ первые годы жизни университета, къ 1820 году удержали своихъ первоначальныхъ представителей 11 каѳедръ: три на богословскомъ факультетѣ (Л. Эверсъ, Гецель, Беллендорфъ), три на медицинскомъ (Стиксъ, Дейчъ, Цихоріусъ) и пять на философскомъ (Еше, Парротъ, Морген-

штернъ, Краузе, Рамбахъ); на юридическомъ факультетѣ не осталось никого изъ первоначальнаго состава. Если принять въ соображенiе эти цифры вмѣстѣ съ числомъ положенныхъ по каждому факультету каѳедръ, то выйдетъ, что устойчивѣе всего въ данномъ отношенiи оказался богословскiй факультетъ, въ которомъ сохранилось къ концу перваго перiода три четверти первоначальнаго профессорскаго состава; за нимъ идетъ медицинскiй, сохранившiй половину своихъ членовъ; менѣе половины своего состава сохранилъ философскiй факультетъ, а юридическiй не сохранилъ никого. На болѣе быструю смѣну лицъ на юридическомъ факультетѣ, хотя и не изъ первоначальнаго состава, не безъ влiянiя осталось удаленiе нѣкоторыхъ его членовъ въ 1817 году за незаконное присужденiе степени доктора правъ двумъ лицамъ въ 1816 году, о чемъ будетъ сказано ниже; вслѣдствiе этого юридическiй факультетъ въ I сем. 1818 года, когда еще не успѣло послѣдовать назначенiе новыхъ лицъ вмѣсто уволенныхъ, состоялъ всего изъ одного лица (проф. Лампе), а въ теченiе трехъ семестровъ (II 1818, I и II 1819) изъ двухъ (Лампе и Нейманъ). Всего долѣе оставалась незамѣщенной каѳедра всеобщей исторiи, послѣ смерти Пешмана — цѣлыхъ 16 лѣтъ (1812—1828), изъ которыхъ первыя 8 падаютъ на первый перiодъ жизни университета, а вторыя 8 заходятъ во второй; старанiя факультета найти подходящаго кандидата встрѣчали препятствiе или въ отказахъ тѣхъ лицъ, на которыхъ падалъ выборъ, въ виду затруднительныхъ матерiальныхъ обстоятельствъ университета во вторую половину перваго перiода, или въ противодѣйствiи избраннымъ кандидатамъ со стороны попечителя.

Попечитель Клингеръ, особенно въ первую половину своего попечительства, принималъ живое участiе въ замѣщенiи вакантныхъ каѳедръ, заботясь прежде всего о научныхъ достоинствахъ выставляемаго совѣтомъ кандидата и иногда указывая на кандидатовъ со своей стороны. Онъ,

напр., въ началѣ 1803 года подавалъ Парроту мысль пригласить изъ Геттингена извѣстнаго филолога І. Т. Буле и ботаника Г. Ф. Гофмана [1]), но приглашеніе это не состоялось, и оба названные ученые достались въ 1804 году Московскому университету; около того же времени онъ выражалъ свое полное удовольствіе по поводу выбора университетомъ Рамбаха [2]), но, съ другой стороны, позднѣе былъ, напр., противъ избранія на каѳедру всеобщей исторіи Струве и Роммеля или на каѳедру хирургіи упомянутаго выше приватъ-доцента Іохмана, находя ихъ научную подготовку несоотвѣтствующей требованіямъ, предъявляемымъ къ профессору [3]). Этотъ контроль по отношенію къ совѣту въ самомъ дѣлѣ былъ тогда, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, весьма умѣстенъ, такъ какъ исходилъ отъ лица хотя и не достаточно компетентнаго въ научномъ смыслѣ, но чуждаго предубѣжденіямъ или стороннимъ соображеніямъ университетской среды; нѣкоторыя каѳедры оставались вакантными довольно долгое время именно по винѣ совѣта, предпочитавшаго по разнымъ мотивамъ, не всегда согласнымъ съ интересами преподаванія, замѣщать ихъ временно кѣмъ-либо изъ наличнаго состава по другимъ каѳедрамъ, отчего, конечно, болѣе выигрывалъ временный замѣститель, нежели университетъ и учащіеся; Клингеръ нерѣдко и весьма энергически возставалъ противъ такого порядка [4]).

Въ матеріальномъ отношеніи, касательно каѳедръ имѣли мѣсто два измѣненія сравнительно съ тѣмъ, что было положено по уставу 1803 года: какъ выше было указано, при новомъ распредѣленіи по двумъ каѳедрамъ предметовъ хирургіи, повивальнаго искусства и скотнаго лѣченія въ 1804 году одна экстраординатура была обращена въ орди-

---

1) Briefbuch, стр. 236.
2) Тамъ же, стр. 256.
3) M. Rieger, назв. соч., II. 601—604; Briefbuch, стр. 169.
4) M. Rieger, назв. соч., II. 600; Briefbuch, стр. 272.

натуру; въ томъ же 1804 году профессору военныхъ наукъ фонъ-Эльснеру, каѳедра котораго по уставу соединялась съ экстраординатурой, лично была высочайше предоставлена ординатура.

2.

Совѣтъ. — Правленіе. — Судебныя учрежденія университета. — Денежныя средства отъ казны; освобожденіе отъ управленія земельными гаками; добавочныя статьи къ штату 1803 года.

Уставъ 1803 года, предоставляя совѣту весьма широкую компетенцію въ дѣлахъ университета (§§ 22—46), этимъ самымъ поставилъ совѣтъ въ соприкосновеніе со всѣми болѣе или менѣе важными вопросами и событіями университетской жизни; но именно потому и придется здѣсь упомянуть объ его дѣятельности весьма кратко и лишь съ внѣшней стороны, такъ какъ указаніе на важнѣйшіе труды совѣта, когда онъ являлся обыкновенно рѣшающей инстанціей, найдетъ себѣ мѣсто ниже, когда будетъ рѣчь о тѣхъ или иныхъ сторонахъ жизни университета въ цѣломъ и въ частностяхъ.

Университетскій совѣтъ въ первые годы собирался весьма часто, каждую недѣлю и даже чаще, но съ теченіемъ времени, когда организаціонныхъ вопросовъ становилось все меньше и меньше, и университетская жизнь принимала опредѣленныя формы, не требовавшія уже столь частаго обмѣна мыслей между членами совѣта, послѣдній сталъ собираться рѣже; это ясно изъ слѣдующей градаціи числа засѣданій по годамъ: въ 1803—93, въ 1804—46, въ 1805—47, въ 1806—36, въ 1807—33, въ 1808—28, въ 1809—20 и т. д. Ежегодно, въ концѣ мая, полагалось по уставу (§ 24) засѣданіе совѣта для выбора ректора и декановъ; достойно замѣчанія, что въ избраніи декановъ принимали участіе не только члены соотвѣтствующаго факультета, но и весь совѣтъ, „дабы имѣлъ онъ (деканъ)

довѣріе всѣхъ своихъ сочленовъ въ университетскомъ совѣтѣ", при чемъ на практикѣ дѣло велось такъ, что въ день избранія ректора совѣтъ предлагалъ отъ себя каждому факультету двухъ кандидатовъ изъ числа его членовъ для выбора въ деканы, и факультетъ, избиравшій декана въ засѣданіи совѣта, долженъ былъ выбрать именно одного изъ этихъ кандидатовъ (§ 68).

Самымъ важнымъ дѣломъ, исключительно принадлежавшимъ совѣту, былъ выборъ кандидатовъ на вакантныя каѳедры. Процедура избранія состояла изъ двухъ половинъ — „назначенія" или заявленія именъ кандидатовъ и самаго „избранія"; обѣ эти половины совершались въ двухъ отдѣльныхъ засѣданіяхъ совѣта, между которыми долженъ быть промежутокъ времени не меньше недѣли. Въ первое засѣданіе ректоръ спрашивалъ объ именахъ кандидатовъ сначала членовъ соотвѣтствующаго факультета, а потомъ и остальныхъ членовъ совѣта, при чемъ имена эти вносились въ нарочно предназначенную на то книгу; каждый членъ совѣта могъ внести только одного кандидата, съ объясненіемъ мотивовъ своего предложенія, и мотивы эти должны были быть тѣмъ обстоятельнѣе, чѣмъ дальше отстояла спеціальность предлагающаго отъ спеціальности предлагаемаго кандидата; во второе засѣданіе производилось собственно избраніе, при чемъ, если голоса въ совѣтѣ раздѣлялись поровну, и вторичная баллотировка давала тотъ же результатъ, то вопросъ рѣшался членами соотвѣтствующаго факультета (§§ 33—35). Изъ другихъ дѣлъ, университетскій совѣтъ занимался разсмотрѣніемъ апелляцій по рѣшеніямъ факультетовъ, вопросами училищными и цензурными, увольненіемъ въ отпускъ не свыше 28 дней, хозяйственной частью.

Когда въ Дерптъ пріѣзжалъ попечитель, то онъ нерѣдко самъ предсѣдательствовалъ въ совѣтѣ; въ первый разъ это имѣло мѣсто 25 и 31 мая 1804 года. Засѣданія совѣта до постройки главнаго зданія университета въ

1803—1809 гг. имѣли мѣсто то въ домѣ фонъ-Бока, то въ такъ наз. „старомъ университетскомъ зданіи“; въ главномъ же зданіи первое засѣданіе совѣта состоялось 7 августа 1809 года.

На обязанности совѣта лежало также устройство торжественныхъ засѣданій, на которыхъ произносились рѣчи и куда имѣли доступъ и посторонніе лица. Уставъ предписывалъ (§ 63), чтобы ежегодная смѣна ректора сопровождалась произнесеніемъ рѣчи какъ прежнимъ ректоромъ, такъ и новымъ, и порядокъ этотъ въ первую половину перваго періода довольно строго соблюдался, при чемъ такое засѣданіе обыкновенно устраивалось въ августѣ мѣсяцѣ; но съ 1814 года торжественныя собранія по поводу смѣны ректора или стали соединяться съ другими, напр. съ днемъ празднованія коронаціи 15 сентября, или совсѣмъ не устраивались. Изъ произнесенныхъ на нихъ рѣчей должно здѣсь назвать слѣдующія: въ 1805 году — Гаспари „Ueber die Verdienste, welche die Russen sich um die Erweiterung der Erdkunde zur See erworben haben“ и Паррота „Von dem Berufe und den Pflichten der Studierenden“, въ 1806 году — Паррота „Ueber die Erweiterung des menschlichen Daseyns“ и Мейера „Woran es liege, das der wissenschaftliche Charakter der positiven Jurisprudenz hin und wieder noch verkannt und nicht gehörig gewürdigt wird?“, въ 1808 году — Мейера „Fortschritte der Universität bis auf ihren gegenwärtigen Zustand“ и Дейча „Vergleichung der verschiedenen Entwickelungsperioden des menschlichen Geistes und Körpers“.

Кромѣ того, въ торжественныя собранія въ теченіе года сходился университетъ еще въ слѣдующіе дни: 13 января въ день рожденія императрицы Елизаветы Алексѣевны, 12 марта въ день восшествія на престолъ императора Александра I, 30 августа въ день тезоименитства государя, 15 сентября въ день коронаціи, 14 октября въ день рожденія вдовствующей императрицы Маріи Ѳеодоровны

и 12 декабря въ день рожденія государя и вмѣстѣ съ тѣмъ годовщину университета. Торжества эти также сопровождались рѣчами, изъ которыхъ назовемъ здѣсь слѣдующія: въ 1804 году — Моргенштерна „Von der erhabenen Planmässigkeit im Kaiserleben Alexanders des Ersten“ (12 декабря); въ 1805 году — Пешмана „Ueber den Zustand des weiblichen Geschlechts im ältern Russland“ (13 января), Гринделя „Ueber die Fortschritte des menschlichen Geistes durch Naturforschung“ (30 августа), Моргенштерна „Ueber Planmässigkeit im Lesen“ и „Ueber Klopstock“ (обѣ 12 декабря); въ 1806 году — Балка „Ueber die Organenlehre des Dr. Gall“ (13 января) и его же „Ueber die physische und intellectuelle Menschenentwickelung“ (30 августа); въ 1811 году — Моргенштерна „Ueber die früheren dramatischen Werke eines deutschen Dichters“ (12 декабря), дополненіемъ къ которой является его же рѣчь въ 1812 году „Ueber die späteren dramatischen Werke eines deutschen Dichters“ (12 декабря)[1]; въ 1813 году — Рамбаха „Betrachtungen über den Krieg“ (30 августа); въ 1814 году — Зегельбаха „Das Namenfest S. M. des Kaisers Alexander I“ (30 августа)[2]; въ 1815 году — Моргенштерна „Von Charakterschönheit und Charaktergrösse und von der Seltenheit ihres Bundes“ (12 декабря); въ 1816 году — Штельцера „Die Pflicht des Lehrers und der Lernenden“ (15 сентября); въ 1817 году — Моргенштерна „Luther, Melanchton und Erasmus“; въ 1819 году — „Ueber das Wesen des Bildungsromans“ (12 декабря). Подъ конецъ періода, особенно въ послѣдніе годы, когда жизнь университета приняла апатичный и нѣсколько вялый характеръ, такія торжественныя собранія устраивались рѣже, чѣмъ въ первые годы: напр., въ 1818 и 1819 гг. было всего только по два

1) Рѣчь идетъ о литературной дѣятельности Клингера.

2) Обозрѣніе заслугъ в. кн. Александра Невскаго, сравнительно съ заслугами императора Александра I, для Россіи.

собранія, 30 августа и 12 декабря. Въ 1803—1807 гг. торжественныя собранія устраивались въ домѣ ф.-Бока, въ 1807—1809 гг. въ нижнемъ этажѣ библіотечнаго зданія, а съ 1809 года — въ актовомъ залѣ главнаго зданія университета.

Правленіе, которому, какъ мы видѣли, уставомъ 1803 года предоставленъ былъ лишь небольшой кругъ дѣлъ, не могло проявлять въ разсматриваемый періодъ особенно оживленной дѣятельности, сводившейся въ сущности къ распредѣленію стипендій и къ освобожденію бѣдныхъ студентовъ отъ уплаты гонорара. Въ первые годы правленіе университета собиралось чаще, сравнительно съ послѣдующимъ временемъ: въ 1803—8 разъ, въ 1804—12, въ 1805—12, въ 1806—10, въ 1807—8, въ 1808—9, въ 1809—6, въ 1810—4, и далѣе засѣданія свелись приблизительно къ двумъ въ каждый семестръ, съ нѣкоторымъ повышеніемъ, до 7 и 8 въ годъ, въ 1813—1815 годахъ.

Широкая судебная компетенція, предоставленная университету уставомъ 1803 года, нашла себѣ немалое приложеніе во всѣхъ трехъ инстанціяхъ: „ректорскомъ судѣ" (Rectoratsgericht), „университетскомъ судѣ" (Universitätsgericht) и „апелляціонномъ судѣ" (Apellationsgericht). Ректорскій судъ разрѣшалъ дѣла по дисциплинарнымъ проступкамъ студентовъ въ узкомъ смыслѣ слова и по взысканію незначительныхъ долговъ; о количествѣ засѣданій этого суда могутъ дать понятіе слѣдующія цифры: въ 1807 году — 24, въ 1808—13, въ 1809—24, въ 1810—13, въ 1811—63, въ 1812—82, въ 1813—37, въ 1814—42 и т. д., съ большой неравномѣрностью. Болѣе важныя дѣла восходили на рѣшеніе „университетскаго суда"; тутъ имѣли мѣсто офиціальныя разслѣдованія по порученію совѣта и правленія касательно студентовъ, разнаго рода прошенія и жалобы со стороны „академическихъ гражданъ" или ихъ касающіяся, болѣе или менѣе значительные дисциплинар-

ные проступки, долговыя претензіи, дѣла о наслѣдствахъ, разныя дѣла касательно прислуги и т. п. Число засѣданій этого суда и число самыхъ дѣлъ нерѣдко было очень велико: напр., въ 1807 году — 75 засѣданій для 98 дѣлъ, въ 1808 году — 113 засѣданій для 102 дѣлъ, въ 1809 году — 113 засѣданій для 124 дѣлъ, въ 1810 году — 89 засѣданій для 86 дѣлъ, въ 1811 году — 116 засѣданій для 98 дѣлъ, въ 1812 году — 119 засѣданій для 167 дѣлъ, въ 1813 году — 120 засѣданій для 155 дѣлъ, въ 1814 году — 98 засѣданій для 203 дѣлъ, въ 1815 году — 107 засѣданій для 235 дѣлъ и т. д. Но многія изъ дѣлъ, рѣшеніемъ которыхъ въ университетскомъ судѣ одна изъ сторонъ была недовольна, переносились въ „апелляціонный судъ", въ постановленіяхъ котораго принималъ участіе весь университетскій совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ особаго выбраннаго на то изъ его среды лица; первымъ такимъ лицомъ былъ въ 1803 году проф. Мютель, а затѣмъ, въ послѣдующіе годы, предсѣдательствовали въ апелляціонномъ судѣ Мейеръ, Балкъ, Нейманъ, Кехи, Лампе и Густавъ Эверсъ. Этому суду приходилось также собираться довольно часто: въ 1807 году было 29 засѣданій, въ 1808—10, въ 1809—21, въ 1810—45, въ 1811—53, въ 1812—97, въ 1813—45, въ 1814—57, въ 1815—31, въ 1816—20, въ 1817—24, въ 1818—19, въ 1819—22.

О содержаніи нѣкоторыхъ дѣлъ и о положенныхъ на нихъ рѣшеніяхъ какъ университетскаго, такъ и апелляціоннаго суда, характерныхъ для быта и воззрѣній тогдашней академической среды въ Дерптѣ, сказано будетъ въ своемъ мѣстѣ.

Кромѣ трехъ названныхъ судебныхъ инстанцій университета, слѣдуетъ указать еще на т. наз. „судъ чести", предусмотрѣнный въ § 20 с. „Правилъ для учащихся" 1803 года. Но существованіе этого суда извѣстно намъ только въ 1803 году. Отъ имени университетскаго совѣта при-

сутствующими на этомъ судѣ избраны были профессора Розенмюллеръ и Парротъ, а „выбранными отъ студенчества“ оказались въ немъ двое студентовъ, фонъ-Клотъ и Кронъ; на судѣ предсѣдательствовалъ ректоръ Балкъ. Такимъ „судомъ чести“ разобрано было только одно дѣло въ трехъ засѣданіяхъ 17—19 декабря 1803 года, по поводу ссоры двухъ студентовъ при игрѣ въ шахматы; но окончательнымъ рѣшеніемъ этого суда одна изъ сторонъ осталась недовольна, и дѣло пришлось перенести на апелляцію въ „университетскій судъ“; быть можетъ, эта неудача, разочаровавшая администрацію университета въ цѣлесообразности названнаго учрежденія, и была причиною того, что въ описываемый періодъ „судъ чести“ болѣе уже не примѣнялся [1]).

Названныя судебныя установленія университета ставили лицъ, такъ или иначе прикосновенныхъ къ университету, почти совершенно внѣ компетенціи обычной мѣстной судебной и полицейской власти. Но здѣсь должно упомянуть, что дважды въ теченіе перваго періода, именно въ 1808 и 1816 гг., въ виду обратившихъ на себя особое вниманіе проступковъ студентовъ, послѣдніе, по высочайшей волѣ, временно лишаемы были дарованнаго имъ § 6 устава 1803 года права непринадлежности къ кругу дѣятельности мѣстнаго полицейскаго начальства [2]). Кромѣ того, въ 1819 году университетскій судъ освобожденъ былъ отъ производства дѣлъ по жалобамъ своихъ типографщиковъ и книгопродавцевъ, такъ какъ послѣдніе, пользуясь дарованнымъ имъ тѣмъ же § 6 устава правомъ, возбуждали множество дѣлъ съ частными лицами, особенно передъ апелляціоннымъ судомъ въ университетѣ, и тѣмъ чрезвычайно осложняли его дѣятельность, не платя въ то же время пошлинъ, которыя были бы

1) Архивъ Юрьевскаго университета: Die Organisation des Ehrengerichts. 1803.

2) Сборникъ постановленій, I. 557. 874.

обязательны при веденіи тѣхъ же дѣлъ въ обычныхъ судебныхъ учрежденіяхъ внѣ университета [1]).

Денежныя средства университета состояли, какъ мы знаемъ, изъ ежегодной штатной суммы въ 126.000 р., которая должна была уменьшаться по мѣрѣ перехода во владѣніе университета пожалованныхъ ему 240 лифляндскихъ земельныхъ гаковъ, съ расчетомъ по 500 р. арендной платы за каждый гакъ. Впервые перешли во владѣніе университета въ 1805 году мызы Воттигферъ въ $5^1/_2$ гаковъ и Анрепсгофъ въ $2^5/_8$ гака, управленіе которыми поручено было временно особой комиссіи изъ профессоровъ Краузе, Рамбаха (котораго замѣнилъ потомъ Парротъ) и Глинки, съ участіемъ синдика Унгернъ-Штернберга; положенный по уставу для этой цѣли хозяйственный комитетъ не былъ еще учрежденъ, такъ какъ Парротъ, въ качествѣ ректора, сдѣлалъ въ 1805 году представленіе объ измѣненіи основаній этого единственнаго учрежденія въ университетѣ, въ которомъ отведено было нѣкоторое мѣсто и кураторамъ: съ такой удивительной послѣдовательностью преслѣдовалъ этотъ человѣкъ идею полнаго устраненія кураторовъ отъ какого бы то ни было участія въ университетскихъ дѣлахъ. Окончаніе этого дѣла превзошло ожиданія самого Паррота. Въ 1806 году перешли во владѣніе университета еще двѣ мызы, Айденковъ въ $15^3/_4$ гаковъ и Кастолацъ въ $1^3/_4$ гака. Т. о., всего оказалось теперь въ распоряженіи университета $25^5/_8$ гаковъ земли, которая и сдана была съ публичнаго торга по 300 р. 29 коп. за гакъ вмѣсто предположенныхъ 500 р.; полученная за аренду сумма равнялась 7620 р., т. е. меньше предположеннаго на 5067 р. Перспектива такой потери и въ будущемъ при управленіи университета гаками могла свести бюджетъ университета чуть не къ половинѣ и во всякомъ случаѣ поставить его въ зависимость отъ перемѣны арендныхъ цѣнъ. Ходатайство Паррота видо-

1) Сборникъ постановленій, I. 1296—1299.

измѣняло это обстоятельство въ смыслѣ полнаго освобожденія университета отъ управленія гаками, которое не только грозило ему матеріальными затрудненіями, но и отвлекало силы и вниманіе профессоровъ отъ дѣлъ болѣе имъ свойственныхъ, и въ результатѣ явился высочайшій указъ 19 мая 1806 года, по которому вмѣсто гаковъ положено было впредь производить университету изъ государственнаго казначейства 126.000 р., а гаки взять цѣликомъ въ казну[1]). Въ силу этого упомянутая временная комиссія изъ профессоровъ прекратила свое существованіе, передавъ всѣ четыре мызы, вмѣстѣ съ арендными контрактами на нихъ и залогами, въ Лифляндскую Казенную Палату. Т. о., проектированный уставомъ 1803 года „хозяйственный комитетъ“ фактически даже и не началъ своей дѣятельности, а вмѣстѣ съ тѣмъ исчезла навсегда и послѣдняя тѣнь какой бы то ни было зависимости университета отъ дворянства.

Къ этой штатной суммѣ въ 126.000 рублей сдѣланы были въ теченіе перваго періода нѣкоторыя дополненія, имѣвшія въ виду главнымъ образомъ матеріальное благосостояніе профессоровъ. Именно, 29 іюля 1805 года, по докладу министра народнаго просвѣщенія, повелѣно было отпускать профессорамъ Дерптскаго университета изъ государственнаго казначейства квартирныхъ денегъ ежегодно по 500 р. каждому, а всѣмъ 29—14.500 р.; въ докладѣ прибавка эта мотивировалась такъ: „во-первыхъ, для пользы самого университета нужно обезпечить сихъ чиновниковъ со стороны хозяйственныхъ надобностей, дабы они не развлекались мелкими заботами, обыкновенно въ таковыхъ случаяхъ встрѣчающимися, и обращены были единственно къ возвышенію успѣховъ учебныхъ заведеній; во-вторыхъ, самая справедливость требуетъ предоставить всѣ выгоды и удобства призываемымъ изъ чужихъ краевъ ученымъ, которые, въ противность врожденной привязанности къ отечеству, остав-

1) Сборникъ постановленій, I. 443—444.

ляютъ оное для блага чуждаго имъ государства; можно заключать, что ежели вызванные нынѣ въ россійскіе университеты профессоры лишены будутъ сей выгоды, то въ предбудущее время приглашенія изъ чужихъ краевъ ученыхъ останутся тщетными, что уже видно изъ настоящихъ опытовъ, ибо попечитель утверждаетъ, что сіе обстоятельство понынѣ затрудняло университетъ пріискивать способныхъ людей для занятія праздныхъ каѳедръ"; при этомъ предполагалось въ будущемъ построить для профессоровъ казенныя помѣщенія и тогда прекратить отпускъ квартирныхъ денегъ [1]). Постройка казенныхъ квартиръ, впрочемъ, не осуществилась. Въ приведенной мотивировкѣ, исходившей въ существѣ своемъ отъ попечителя, любопытно то, что черезъ два года послѣ дарованія штата 1803 года, справедливо казавшагося заграницей весьма щедрымъ, матеріальныя требованія заграничныхъ ученыхъ къ Дерптскому университету сильно повысились, хотя плохія времена для русскихъ ассигнацій тогда еще пока не наступили. Выше упомянуто было о раздѣленіи каѳедры „краснорѣчія и словесности древнихъ языковъ, эстетики и исторіи словесности и художествъ" въ 1817 году на двѣ; необходимую при замѣщеніи двухъ каѳедръ добавочную сумму въ 5.500 р. повелѣно было производить въ первый годъ изъ общаго училищнаго капитала, а съ 1818 года изъ государственнаго казначейства. Кромѣ того, здѣсь же умѣстно упомянуть и о высочайшемъ повелѣніи 24 іюля 1803 года освободить дома, занимаемые профессорами, отъ постоя и отъ взысканія квартирныхъ денегъ [2]).

1) Сборникъ постановленій, I. 429—430.

2) Сборникъ постановленій, I. 89. Хотя это повелѣніе относится не къ одному только Дерптскому, но и ко всѣмъ остальнымъ русскимъ университетамъ, тѣмъ не менѣе оно состоялось по поводу представленія объ этомъ со стороны Клингера именно о Дерптскомъ университетѣ, подобно тому, какъ упомянутое выше повелѣніе о производствѣ квартирныхъ денегъ профессорамъ Дерптскаго университета повлекло за собою такое же повелѣніе въ 1805 году относительно Харьковскаго, а въ 1810 — относительно Казанскаго университета (Сборникъ постановленій, I. 437. 606).

3.

Учебно-вспомогательныя учрежденія университета. — Библіотека. — Общій Учительскій Институтъ. — Училищная Комиссія. — Цензурный Комитетъ. — Университетская типографія. — Постройка университетскихъ зданій. — Домская гора.

Изъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій университета мы должны остановиться здѣсь лишь на библіотекѣ. Какъ было выше сказано (стр. 162—163), работы по приспособленію „домскихъ" развалинъ къ помѣщенію библіотеки, законченныя вчернѣ еще осенью 1804 года [1]), были продолжаемы по части внутренней отдѣлки зданія и размѣщенія въ немъ книгъ до осени 1806 года, когда тамъ окончательно водворена была университетская библіотека, въ двухъ верхнихъ этажахъ: въ 1807—1809 годахъ, т. е. въ промежутокъ времени между концомъ срока дарового пользованія помѣщеніями въ домѣ ф.-Бока и окончаніемъ постройки главнаго зданія университета, нижній этажъ библіотеки служилъ также и актовымъ заломъ, гдѣ происходили торжественныя университетскія собранія. Средства для книжныхъ пріобрѣтеній состояли, кромѣ ежегодно отпускаемой по штату 1803 суммы въ 5000 р., еще изъ нѣкоторыхъ особыхъ прибавокъ. Именно, въ 1806 году изъ остатковъ отъ штатной университетской суммы выдѣлено было на библіотеку единовременно 5000 рублей; въ 1812 году, когда умеръ вице-библіотекарь проф. Пешманъ, то шедшая на вознагражденіе по этой должности сумма въ 300 р. въ годъ, по предложенію „библіотекаря", т. е. главнаго начальника библіотеки, проф. Моргенштерна, была обращена на пріобрѣтеніе книгъ, а самая должность вице-библіотекаря упразднена; библіотекарю же, при исполненіи имъ обязанностей, стали помогать безплатно „приставы" изъ студентовъ, при

---

1) Bau-Rede beym Richten des Daches der Kaiserlichen Bibliothek zu Dorpat. Oeffentlich gesprochen von Johann Grebnitz aus Magdeburg, den 21. Oktober 1804. D. (1804).

Университетская библіотека.

[illegible] библиотека, [illegible] 1809 годахъ, т. [illegible]
времени [illegible] срока дарового [illegible]
мѣщан[illegible] ф.-Бока и окончат[illegible]
главн[illegible] университета, нижній [illegible]
служ[illegible] и актовымъ заломъ, гдѣ [illegible]
университетскія собранія. Средства [illegible]
[illegible] состояли, кромѣ [illegible]
[illegible] 1803 суммы въ 5000 р. [illegible]
[illegible]овъ. [illegible] въ 1806 году [illegible]
[illegible] университетской суммы [illegible]
[illegible] 5000 рублей, въ 1812 [illegible]
[illegible] проф. [illegible]
[illegible] по этой должности сумма [illegible]
[illegible] „библіотекаря“, т. е. [illegible]
[illegible] проф. Моргенштерна, была [illegible]
[illegible] а самая должность вице-библіотекаря [illegible]
[illegible] библіотекарю же, [illegible]
[illegible] безплатно „[illegible]“ изъ [illegible]

[illegible] beym [illegible]
[illegible] Oeffentl[illegible]
[illegible] 21. [illegible]

ФОТОТИПІЯ А. И. ВИЛЬБОРГЪ

С.П.Б. МѢЩ. 9-27.

Университетская библіотека.

чемъ въ библіотекѣ еще работали „секретарь библіотеки“ и писецъ; впрочемъ, въ 1817 году должность бывшаго вице-библіотекаря была возстановлена, подъ именемъ „помощника библіотекарскаго“, и ее исполнялъ смотритель Дерптскаго училища, получая въ прибавку къ своему штатному жалованью изъ университетскихъ суммъ 250 р. въ годъ[1]).

По пріобрѣтенію книгъ для библіотеки, согласно предписанію кураторіума отъ 8 августа 1802 года, признанъ былъ „университетскимъ книгопродавцемъ“ Іоганнъ-Людвигъ Г а у г е р ъ, который согласился исполнять заказы университета, со скидкой 20% съ номинальной цѣны, по покупкѣ книгъ какъ въ Россіи, такъ и заграницей; въ 1810 году онъ продалъ свою книжную торговлю, а вмѣстѣ съ тѣмъ и право комиссіонерства для университета, М е й н с г а у з е н у. Кромѣ того, книги покупались университетомъ на аукціонахъ какъ заграницей, черезъ посредство особаго „литературнаго корреспондента“, такъ и въ Россіи. Случайныя пріобрѣтенія бывали и въ самомъ Дерптѣ, особенно по смерти нѣкоторыхъ профессоровъ; напр., въ 1812 куплены были книги естественно-историческаго содержанія изъ распродававшейся съ аукціона библіотеки умершаго за три года до того проф. Германа. Русскихъ книгъ пріобрѣталось чрезвычайно мало. Библіотека пополнялась также ежегодно подарками, шедшими то отъ цензурнаго университетскаго комитета, то отъ общественныхъ учрежденій въ Россіи и за границей, то отъ частныхъ лицъ. Кромѣ упомянутыхъ ранѣе пожертвованій, сдѣланныхъ библіотекѣ при организаціи университета въ 1802 и 1803 годахъ, здѣсь должно упомянуть еще, что въ 1818 году попечитель графъ Ливенъ пожертвовалъ библіотекѣ коллекцію изданій Библіи и Новаго Завѣта на различныхъ языкахъ, дополненіемъ къ которой послужило полученное въ 1819 году, черезъ посредство попечителя, въ подарокъ отъ Британскаго Библейскаго Общества въ Лон-

1) Сборникъ постановленій, I. 983.

донѣ собраніе изданій тѣхъ же книгъ, не имѣвшихся до того въ библіотекѣ; въ томъ же 1819 году ландратъ Отто-Магнусъ фонъ-Рихтеръ пожертвовалъ библіотекѣ оставшіяся послѣ смерти его сына рукописи и оригинальныя изданія типографій въ Скутари и Константинополѣ на восточныхъ языкахъ [1]). Накоплявшіяся въ библіотекѣ дублеты не сохранялись, а продавались съ аукціона: такъ, въ 1812 году съ подобнаго аукціона выручено было 1148 руб. 50 коп., которые пошли на пріобрѣтеніе новыхъ книгъ. Тутъ слѣдуетъ также упомянуть, что въ 1817 году бывшій баварскій посланникъ въ Петербургѣ графъ Де-Брей (de Bray) пожертвовалъ библіотекѣ 600 экземпляровъ своего сочиненія „Essay critique sur l'histoire de la Livonie, suivi d'un tableau de l'état actuel de cette province. I—III. Dorpat 1817", вырученныя отъ продажи котораго деньги должны были пойти на покупку для библіотеки историческихъ книгъ.

Общее количество книгъ въ библіотекѣ въ 1820 году состояло изъ 32.118 томовъ, при чемъ самымъ богатымъ былъ отдѣлъ географіи, статистики, исторіи и древностей (5867); за нимъ слѣдовали: богословіе (4037), медицина (3556), изящная литература и искусства (2921), технологія (2346), филологія (2240), естественныя науки (1921), юриспруденція (1885), всеобщая исторія и литература (1845), философія (1099), математика (1023), политика (527), педагогика (324), военныя науки (250), научная библіографія (122); кромѣ того, въ отдѣлѣ смѣси считалось 2155 томовъ.

Въ библіотеку выписывались также и немногія нѣмецкія заграничныя газеты, число которыхъ въ послѣдніе годы періода не превышало четырехъ; это именно были: „Leipziger Allgemeine Litteraturzeitung", „Jenasche Allgemeine Litteraturzeitung" и къ ней „Ergänzungsblätter", Hallische Allgemeine „Litteraturzeitung" и къ ней „Ergänzungsblätter", „Göttingische Gelehrte Anzeigen". Эти газеты сначала циркулировали между профессорами для чтенія дома, но потомъ въ 1814

---

1) Dörptsche Beyträge, B. III, стр. 494—496. 468—470.

году признано было желательнымъ устроить профессорскую читальню въ зданіи университета, для чего и отведена была особая комната при университетской канцеляріи, гдѣ названныя газеты лежали на столахъ для чтенія и уже по домамъ не разносились. Въ продолженіе всего перваго періода библіотека находилась подъ главнымъ вѣдѣніемъ проф. Моргенштерна, который, согласно уставу, сначала носилъ званіе „библіотекаря“, а со II семестра 1805 года сталъ называться „директоромъ библіотеки“ [1]). При непосредственномъ участіи Моргенштерна и въ значительной степени его собственнымъ трудомъ, съ первыхъ лѣтъ велся вновь поступающимъ книгамъ простой инвентарный списокъ, который служилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и каталогомъ при пользованіи библіотекой; это составляло немалое затрудненіе, такъ какъ влекло за собою при каждой выдачѣ той или иной книги личное участіе въ этой операціи библіотекаря-директора или его помощника; для устраненія такого неудобства начато было и велось одновремено съ продолженіемъ инвентаря составленіе систематическаго каталога на отдѣльныхъ листкахъ, которое и закончено было къ 1817 году.

Относительно пользованія книгами, съ самаго же начала установленъ былъ такой порядокъ, что для студентовъ и публики библіотека была открыта два дня въ недѣлю, отъ 2 до 4 часовъ; кромѣ того, со II семестра 1810 года офиціально объявлялось, что для проѣзжихъ лицъ библіотека доступна во всякое время, а со II семестра 1811 года для профессоровъ библіотека была открыта каждый день отъ 9 до 12 часовъ и отъ 2 до 4.

---

1) Поэтому, въ біографіи Моргенштерна, составленной проф. Мерклиномъ (Carl Morgenstern. Gedächtnissrede, gehalten von Dr. Ludwig Merklin. Dorpat 1853, стр. 25), гдѣ сказано, что „директоромъ библіотеки“ М. былъ съ 1803 года, заключается неточность лишь терминологическая; въ сущности М. былъ подъ обоими названіями одинаково главнымъ начальникомъ библіотеки съ самаго начала ея существованія, принявъ на себя въ этомъ отношеніи, согласно „акту постановленія“ 12 декабря 1802 года, обязанности, возложенныя ранѣе на вице-куратора.

Другія учебно-вспомогательныя учрежденія, какъ принадлежащія къ факультетамъ, останутся, согласно принятому нами плану, внѣ нашего изложенія; историческія свѣдѣнія объ ихъ ростѣ можно найти въ первомъ юбилейномъ изданіи университета[1]); интересныя свѣдѣнія о состояніи этихъ учрежденій въ 1814 году даетъ въ своихъ путевыхъ замѣткахъ баронъ Шлиппенбахъ, съ особенной похвалой отзываясь о физическомъ кабинетѣ и о клиническомъ институтѣ[2]). Изъ учрежденій, предназначенныхъ для физическаго развитія учащихся, къ тому, что выше было сказано о манежѣ, можно еще прибавить, что университетъ дѣлалъ попытки, особенно въ 1807 году, къ устройству собственной купальни и школы для плаванія, но старанія эти не получили успѣха.

Уставомъ 1803 года положенъ былъ при университетѣ „Общій Учительскій или Педагогическій Институтъ“ [3]), имѣвшій цѣлію подготовлять учителей для среднихъ и низшихъ училищъ Дерптскаго округа. Курсъ ученія долженъ былъ состоять изъ двухъ лѣтъ; первый годъ уходилъ на теоретическія занятія по предметамъ школьнаго преподаванія, второй имѣлъ характеръ практическій, въ видѣ разнаго рода упражненій и сочиненій, а также собственнаго преподаванія воспитанниковъ въ учебныхъ заведеніяхъ Дерпта подъ контролемъ профессоровъ (§ 107). Преподавателями въ Институтѣ являлись профессора философскаго факультета, при чемъ тремъ изъ нихъ поручалось главное начальство надъ Институтомъ: профессору краснорѣчія и классической филологіи, профессору философіи и профессору всеобщей исторіи; эти три лица завѣдывали пріемомъ воспитанниковъ въ Институтъ, подвергая желающихъ поступить въ него предва-

---

1) Die Kaiserliche Universität zu Dorpat. Fünfundzwanzig Jahre nach ihrer Gründung. Dorpat MDCCCXXVII, стр. 7—18. 24—44.

2) Briefe aus Dorpat und Riga. Von Ulrich Freiherrn von Schlippenbach. Hamburg 1818, стр. 26—45.

3) Архивъ Юрьевскаго университета: Das Allgemeine Lehrer-Institut und das Pädagogisch-philologische Seminarium.

рительному испытанію, составляли и измѣняли планъ ученія и, „въ полномъ качествѣ учителей“, преподавали въ Институтѣ соотвѣтствующія науки (§§ 104—105). На содержаніе воспитанниковъ положено было отъ казны 24 стипендіи по 100 р. 8 по 150 р., 3 по 200 р. и 1 въ 250 р., всего на 3250 р. (§ 109). Окончившіе съ успѣхомъ курсъ въ Институтѣ имѣли право быть назначенными на мѣста старшихъ и младшихъ учителей Дерптскаго округа, при чемъ обязывались оставаться въ этой службѣ не менѣе шести лѣтъ (§ 108).

Это весьма полезное учрежденіе, давшее цѣлый рядъ учителей Дерптскому учебному округу, существовало въ теченіе всего перваго періода жизни университета и продолжало свое существованіе и въ второмъ періодѣ, подъ новымъ названіемъ „Педагогическо-филологической Семинаріи“.

Первоначальная идея учрежденія при университетѣ Института для приготовленія учителей принадлежала проф. Моргенштерну, сообщившему о ней лично попечителю Клингеру еще въ 1802 году; разработка плана поручена была попечителемъ Моргенштерну и Еше и ведена была столь быстро, что не только общія основанія Института нашли себѣ мѣсто въ уставѣ 12 сентября 1803 года, но и самое открытіе его, согласно этимъ основаніямъ, состоялось 5 декабря 1803 года. Завѣдываніе Институтомъ ввѣрено было тремъ „директорамъ“: Моргенштерну, Еше и Пешману. Съ I семестра 1804 года начались занятія въ Институтѣ, при чемъ въ составъ его принято было 9 воспитанниковъ-стипендіатовъ. Съ начала II семестра 1804 года совѣтомъ университета, по предложенію директоровъ Института, рѣшено было ходатайствовать объ измѣненіи положенія о стипендіяхъ въ томъ смыслѣ, чтобы съ одной стороны уменьшить ихъ число, а съ другой увеличить каждую стипендію въ отдѣльности, такъ какъ прежній размѣръ стипендій являлся недостаточнымъ для проживанія молодому человѣку въ Дерптѣ и не могъ гарантировать въ будущемъ достаточное число желающихъ ими пользоваться;

по новому плану положено было сократить число стипендій до 10, но размѣръ каждой стипендіи увеличить до 300 р., а остальную сумму, въ количествѣ 250 р., предоставить на другія стипендіи въ университетѣ; при этомъ, по предложенію Моргенштерна, предположено было, кромѣ этихъ 10 стипендій, предоставить въ Институтѣ еще 6 мѣстъ для желающихъ поступить въ него безъ стипендій, но и безъ всякаго обязательства относительно службы. 18 января 1805 года эти предположенія были утверждены.

Въ теченіе всего времени существованія Института подъ этимъ названіемъ (1803—1820), онъ находился подъ главнымъ завѣдываніемъ проф. Моргенштерна, который назывался, въ отличіе отъ двухъ другихъ директоровъ, „verwaltender Director", а съ 1818 г. „geschäftsführender Director"; во время заграничной поѣздки Моргенштерна въ 1808—1809 г. г. его замѣнялъ въ этой роли проф. Еше, который также оставался все время директоромъ Института; что касается третьяго директора, проф. Пешмана, то онъ находился въ этой должности до своей смерти, 17 марта 1812 года, послѣ чего преемника ему избрано не было, и Институтъ остался при двухъ директорахъ. Кромѣ трехъ названныхъ лицъ, въ Институтѣ преподавали по своимъ спеціальностямъ особые курсы воспитанникамъ: профессоръ Глинка и лекторъ Тернеръ -- русскій языкъ, проф. Пфаффъ и преподаватель Кнорре — математику, профессора Гаспари и Густавъ Эверсъ — русскую исторію, проф. Рамбахъ — всеобщую исторію. Директора и преподаватели трудились безъ вознагражденія.

Число воспитанниковъ въ Институтѣ не каждый семестръ было полное. Всего получило въ немъ образованіе до 70 студентовъ; первый выпускъ, въ количествѣ двухъ окончившихъ курсъ и вскорѣ назначенныхъ на мѣста, состоялся въ концѣ 1805 года. Не всѣ воспитанники оставались вѣрны цѣлямъ, которыми они руководились при поступленіи въ Институтъ. Такъ, въ 1807 году одинъ сти-

пендіатъ пожелалъ оставить Институтъ, чтобы перейти на юридическій факультетъ. Такъ какъ это былъ первый подобный случай, то начальство Института недоумѣвало, какъ поступить, имѣя въ виду съ одной стороны обязательство стипендіата пробыть на учебной службѣ въ округѣ шесть лѣтъ, а съ другой — невозможность принуждать молодого человѣка къ занятіямъ, къ которымъ онъ не чувствовалъ склонности; попечитель, на разрѣшеніе котораго представленъ былъ этотъ вопросъ, рѣшилъ его такъ, что въ данномъ случаѣ можно разрѣшить студенту оставить Институтъ, но на будущее время всякій желающій оставить Институтъ до окончанія курса студентъ долженъ былъ уплатить полученную имъ отъ университета въ качествѣ стипендіи сумму и, кромѣ того, вообще лишался права на полученіе какой бы то ни было стипендіи въ университетѣ; университетъ же не долженъ принимать въ Институтъ никого ранѣе 6-мѣсячнаго въ немъ пребыванія, когда уже молодой человѣкъ имѣлъ достаточную возможность опредѣлить тотъ или другой свой интересъ къ наукѣ и къ будущей своей дѣятельности. Тѣмъ не менѣе, и въ послѣдующіе годы были случаи желанія воспитанниковъ оставить Институтъ до полнаго окончанія въ немъ курса, и вообще къ концу періода число стипендіатовъ въ Институтѣ сильно уменьшилось, что въ значительной степени объясняется общимъ упадкомъ университета, матеріальными затрудненіями и отливомъ молодежи, въ виду событій военнаго времени, на другіе жизненные пути.

Въ тѣсной связи съ Учительскимъ Институтомъ, по отношенію къ учебнымъ дѣламъ округа, стояла и учрежденная при университетѣ Училищная Комиссія, начало дѣятельности которой также относится къ 1803 году.

Согласно постановленіямъ 21 марта 1804 года, Училищная комиссія должна была состоять изъ 7 ординарныхъ профессоровъ, включая сюда и ректора, и находиться подъ контролемъ и въ зависимости отъ совѣта (§ 19). Одному

изъ этихъ членовъ поручалось общее вѣдѣніе дѣлами, касающимися до гимназій, уѣздныхъ и частныхъ училищъ, другому — дѣла, относящіяся до приходскихъ училищъ; остальные же члены дѣлили между собою завѣдываніе всѣми вообще училищами по губерніямъ, а ректоръ предсѣдательствовалъ въ комиссіи (§ 25). Комиссія должна была заботиться о томъ, чтобы всѣ гимназіи и уѣздныя училища округа каждый годъ подвергались ревизіи назначенныхъ для того четырехъ членовъ комиссіи (по числу губерній: Лифляндская, Эстляндская, Курляндская и Финляндская), при чемъ комиссія не должна была упускать изъ виду приходскія и частныя школы, хотя непосредственное обозрѣніе первыхъ лежало на обязанности смотрителей, а вторыхъ — губернскихъ директоровъ (§ 27). Обозрѣніе училищъ членами комиссіи производилось два раза въ годъ, во время лѣтнихъ и зимнихъ каникулъ, при чемъ каждый разъ подвергались осмотру двѣ губерніи (§ 28). Выборъ и назначеніе должностныхъ лицъ въ училищахъ округа принадлежали почти всецѣло университету: только губернскій директоръ нуждался въ утвержденіи со стороны Главнаго Правленія Училищъ (§ 5); смотрителя же и учителя въ гимназіи и училища назначались университетомъ непосредственно (§§ 7. 9); учителя приходскихъ училищъ избирались смотрителями и утверждались въ своей должности университетомъ (§ 10). Эти труды по выбору и назначенію должностныхъ лицъ въ училищахъ фактически также падали главнымъ образомъ на членовъ Училищной комиссіи университета.

Внутренній распорядокъ и учебный строй среднихъ и низшихъ школъ, подвѣдомыхъ университетамъ, былъ опредѣленъ особымъ „уставомъ“ для этихъ учебныхъ заведеній 5 ноября 1804 года [1]). Этотъ уставъ долженъ былъ имѣть въ виду и Дерптскій университетъ, наравнѣ съ другими

---

1) Сборникъ постановленій, I. 331—368.

русскими университетами; но черезъ три года Дерптскій университетъ убѣдился на практикѣ „въ невозможности при теперешнихъ затрудненіяхъ, сопряженныхъ съ мѣстными положеніями и обстоятельствами въ Дерптскомъ округѣ, слѣдовать всѣмъ статьямъ устава учебныхъ заведеній“ и предложилъ къ нему довольно многочисленныя измѣненія, въ которыхъ учебный матеріалъ представленъ былъ въ значительно иномъ видѣ, нежели въ гимназіяхъ и училищахъ внутри Россіи, особенно въ отношеніи изученія нѣмецкаго языка, „какъ природнаго языка сихъ провинцій“. Измѣненія эти, съ одобренія Главнаго Правленія Училищъ, были утверждены попечителемъ Клингеромъ въ 1807 году [1]).

Въ виду сложности дѣлъ по организаціи учебныхъ заведеній въ краѣ, гдѣ не было для того ни приличныхъ зданій, ни учебныхъ пособій, ни достаточнаго состава хорошихъ учителей, комиссіи, особенно на первыхъ порахъ, приходилось весьма напряженно работать. Засѣданія происходили, смотря по накопленію дѣлъ, разъ или два раза въ недѣлю въ учебное время года, такъ что, напр., въ 1805 году было 69 засѣданій, въ 1806—81, въ 1807—56, въ 1808—39, въ 1809—33, въ 1810—32, въ 1811—27 и т. д.

Немало разнаго рода затрудненій встрѣтила Училищная Комиссія при первыхъ шагахъ своей дѣятельности, о чемъ свидѣтельствуетъ одинъ изъ ея ревностнѣйшихъ членовъ, проф. Пешманъ [2]). Тѣмъ не менѣе, въ теченіе 1804 и 1805 годовъ, согласно новому „уставу учебныхъ заведеній“, учреждено было въ Дерптскомъ округѣ 4 гимназіи и 16 уѣздныхъ училищъ, при чемъ 3 декабря 1804 года изъ

---

1) Періодическое сочиненіе о успѣхахъ народнаго просвѣщенія, № XIX (1807), стр. 218—240.

2) Einige historische Bemerkungen in Beziehung auf das Schulwesen in den Ostsee-Provinzen. Bei Gelegenheit der feyerlichen Eröffnung des Gymnasiums und der Kreisschule zu Dorpat am 15. September 1804. (D. 1804), стр. 61.

общаго училищнаго капитала было отпущено на постройку школьныхъ зданій 37.000 рублей асс. и 300 рублей сер. Донося объ этомъ въ 1806 году Главному Правленію Училищъ, Клингеръ прибавлялъ, что „въ непродолжительномъ времени могли бы открыты быть училища гораздо въ превосходнѣйшемъ числѣ, есть-ли бы не предстояло неудобствъ въ ихъ помѣщеніи; многія училища находятся въ домахъ, требующихъ большихъ починокъ, для другихъ же училищъ нужно вновь построить домы или купить готовые“; въ виду этого, онъ представилъ смѣту необходимыхъ расходовъ, которые сводились къ суммѣ въ 23.182 рейхсталера, 30 марокъ и 153.466 р. 42 коп. [1]). Главное Правленіе Училищъ не нашло возможнымъ отпустить всей этой суммы разомъ, а лишь 33.650 рублей; остальную же сумму положило „распредѣлить на годы, соображаясь съ количествомъ остатка отъ училищнаго капитала, за употребленіемъ онаго на учебныя заведенія другихъ округовъ“ [2]).

Во всякомъ случаѣ, сообразно съ имѣвшимися средствами, устройство гимназій и уѣздныхъ училищъ Дерптскаго округа къ концу 1806 года было закончено. Къ этому времени въ немъ имѣлось 5 гимназій (въ Митавѣ, Ригѣ, Дерптѣ, Ревелѣ и Выборгѣ) и 33 уѣздныхъ училища, общее число учащихся въ которыхъ простиралось до 1535 человѣкъ; кромѣ того, частію были преобразованы, частію вновь учреждены различныя учебныя заведенія, числомъ 53, получавшія содержаніе изъ городскихъ доходовъ, съ 2119 учениками и ученицами; въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ числилось 1124 учащихся обоего пола [3]). За труды эти какъ самъ Клингеръ, такъ и тогдашніе члены комиссіи Парротъ, Еше, Пешманъ, Гаспари, Рамбахъ и Беллендорфъ получили соотвѣтствующія награды [4]).

---

1) Періодическое сочиненіе, № XV (1806), стр. 246—251.
2) Сборникъ постановленій, I. 439—440.
3) Періодическое сочиненіе, № XVII (1807), стр. 88—97.
4) Тамъ же, стр. 38—39. 97—98.

Самъ попечитель непосредственно знакомъ былъ только съ учебными заведеніями города Дерпта, и въ 1805 году далъ о нихъ такой отзывъ: „Дерптская гимназія [1]) имѣетъ очень достойныхъ учителей, а успѣхами учениковъ я былъ доведенъ до удивленія. Въ ученыхъ языкахъ успѣли они настолько, что во второмъ классѣ заданныя мною мѣста изъ Цицерона и Виргилія они мнѣ перевели и разобрали; также видѣлъ я ихъ упражненія въ греческомъ языкѣ и слышалъ, какъ разбирали они Гомера и Ксенофонта, а сдѣлавъ имъ нѣкоторые вопросы, удостовѣрился въ ихъ знаніяхъ. Не менѣе успѣховъ оказали они и въ наукахъ. . . Дерптское училище для дѣвицъ, состоящее подъ надзираніемъ профессора Кнорре, преподаваніемъ наукъ и женскихъ рукодѣлій совершенно соотвѣтствуетъ предположенной цѣли правительства. Равнымъ образомъ, заведенныя въ Дерптѣ приходскія училища и частные пансіоны находятся въ исправномъ состояніи“ [2]). Въ 1809 году попечитель Главному Правленію Училищъ писалъ: „Дерптская гимназія и школы находятся въ цвѣтущемъ состояніи, и число учениковъ отъ году въ годъ возрастаетъ“ [3]).

Дѣятельность университета на пользу мѣстнаго школьнаго обученія находила себѣ откликъ и въ нѣкоторыхъ лицахъ изъ окружавшей его среды. Таковы были: пасторъ Ротъ, устроившій въ первый годъ существованія университета на свой счетъ училище для крестьянскихъ дѣтей своего прихода въ дер. Каннапе [4]); затѣмъ — судья Сиверсъ, основавшій въ дер. Ензекилѣ подобное же училище въ память посѣщенія его мызы императоромъ Александромъ I 15 мая 1804 года и обезпечившій его достаточными сред-

1) Весьма интересныя свѣдѣнія объ уѣздномъ училищѣ въ Дерптѣ, бывшемъ до учрежденія гимназіи единственнымъ учебнымъ заведеніемъ города и находившемся къ тому времени въ полномъ упадкѣ, даетъ проф. Пешманъ, въ цит. соч., стр. 62—69.

2) Періодическое сочиненіе, № XIII (1805), стр. 68.

3) Тамъ же, № XXV (1810), стр. 161.

4) Burdach, K. Fr. Rückblick auf mein Leben, стр. 237—239.

ствами, какъ наличностью, такъ и землей; тутъ же долженъ быть упомянутъ и рижскій купецъ Бернгардъ Клейнъ; онъ поддерживалъ основанное д-ромъ Дирзеномъ училище, въ которомъ обучались безплатно дѣти обоего пола, а послѣ смерти Дирзена въ 1804 году, по упраздненіи училища, принялъ этихъ дѣтей къ себѣ на воспитаніе и обставилъ ихъ всѣми необходимыми для того средствами [1]).

Но дѣло не обошлось и безъ противодѣйствующаго соперничества. Уже выше было упомянуто о безуспѣшной попыткѣ курляндскаго дворянства создать въ 1803 году въ лицѣ преобразованной Митавской гимназіи соперника только что возникшему университету въ Дерптѣ. Тотъ самый баронъ Корфъ, который тогда явился посредникомъ между правительствомъ и курляндскимъ дворянствомъ, оказался въ той же роли и въ 1806 году: именно, онъ доставилъ на высочайшее имя просьбу дворянства Курляндіи о томъ, чтобы Митавской гимназіи возвращено было прежнее ея положеніе, въ которомъ находилась она до резолюціи 7 марта 1803 года, поставившей ее въ зависимость отъ Дерптскаго университета, и что рядомъ съ этимъ курляндское дворянство готово устроить на собственный счетъ въ Митавѣ обыкновеннаго типа губернскую гимназію. Главное Правленіе Училищъ, которому была передана эта просьба на разсмотрѣніе, нашло возможнымъ удовлетворить ее только отчасти — возстановить Митавскую Академическую Гимназію на прежнихъ основаніяхъ въ отношеніи обученія, но оставить ее въ зависимости отъ Дерптскаго университета, что, конечно, не входило въ расчеты дворянства; соотвѣтственно этому мнѣнію состоялась и высочайшая резолюція 26 января 1807 года [2]).

Въ маѣ 1812 года послѣдовалъ указъ, по которому учебныя заведенія Финляндіи взяты были изъ вѣдѣнія Дерптскаго университета и переданы на управленіе каѳедраль-

1) Періодическое сочиненіе, № XIII (1805), стр. 69—70.
2) Сборникъ постановленій, I. 477—481.

ному капитулу въ Борго, чѣмъ значительно облегчены были обязанности Училищной Комиссіи [1]).

Такъ какъ дѣятельность Училищной Комиссіи по своимъ результатамъ принадлежитъ исторіи среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній въ краѣ болѣе, нежели исторіи университета, то мы ограничиваемся здѣсь приведеными замѣчаніями, которыя, кажется, вполнѣ достаточны для уясненія общаго характера и условій жизни этого учрежденія, составлявшаго тогда одну изъ сторонъ дѣятельности Дерптскаго университета.

То же самое вполнѣ примѣнимо и къ Цензурному Комитету, также открытому при университетѣ въ 1803 году. Выше (стр. 145—146) уже указано было на то назначеніе, которое имѣлъ въ виду для этого учрежденія уставъ 1803 года. Роль его отчасти была предусмотрѣна еще до этого устава; именно, въ указѣ, данномъ Сенату 5 января 1802 года и служившемъ, какъ мы видѣли, дополненіемъ къ „плану" Дерптскаго университета 4 мая 1799 года, положено было „для вящаго удобства въ учености Цензурную Комиссію при университетѣ учредить не только для собственныхъ издаваемыхъ сочиненій, но и для выписываемыхъ университетомъ книгъ, музыки и всякихъ цензурѣ подверженныхъ сочиненій, которыя по отношенію университета и пропускать незадержно учрежденными цензурами на собственный отвѣтъ университета, коему и наблюдать неупустительно предписанныя цензурамъ правила" [2]). Затѣмъ, особый указъ на имя министра коммерціи графа Румянцева, отъ 18 августа 1802 года, гласилъ: „Желая Дерптскому университету доставить возможность получать изъ заграницы нужныя книги, повелѣваю, какъ тѣ изъ нихъ, кои прямо университетомъ выписываемы будутъ, такъ и привозимыя пріѣзжающими въ сей университетъ учеными, пломбируя ящики съ оными въ

1) Th. Beise, назв. соч., стр. 62.

2) Сборникъ постановленій и распоряженій по цензурѣ съ 1720 по 1862 годъ. Спб. 1862, стр. 72.

Полангенской Таможнѣ, пропускать безъ задержанія" [1]). Оба эти повелѣнія нашли себѣ выраженіе въ § 7 „акта постановленія" 12 декабря 1802 года, по которому „университетъ имѣетъ собственную свою цензуру для всѣхъ издаваемыхъ имъ или членами его сочиненій, также и для книгъ, выписываемыхъ имъ для своего употребленія изъ чужихъ краёвъ; привозъ оныхъ какъ моремъ, такъ и сухимъ путемъ безпрепятственно дозволяется". Затѣмъ слѣдовали указанія устава 1803 года; существенною особенностію ихъ является расширеніе сферы дѣятельности университета по цензурной части, которая должна была простираться не только на печатную производительность самого университета и умноженіе его книжныхъ собраній иностранными сочиненіями, но и на контроль за дѣятельностью типографій всего учебнаго округа, какъ по части отдѣльно выходящихъ книгъ, брошюръ и листковъ, такъ и періодической прессы. Уставъ 1803 года не входилъ въ подробныя условія дѣятельности университетскаго цензурнаго комитета относительно періодическихъ изданій, и дополненіемъ къ нему послужилъ, въ этомъ отношеніи, утвержденный 9 іюля 1804 года „Уставъ о цензурѣ" (§§ 4, 12—36) [2]), служившій руководствомъ для Дерптскаго университета въ теченіе всего перваго періода его существованія. Уставъ этотъ, вполнѣ отвѣчавшій по своему духу просвѣтительнымъ стремленіямъ первой половины царствованія Александра I, несмотря на многіе печальные факты своего примѣненія на практикѣ, давалъ однакоже значительную внутренную свободу дѣятельности университетскихъ „цензурныхъ комитетовъ", и только при концѣ перваго періода въ жизни Дерптскаго университета, въ силу общихъ мѣропріятій реакціоннаго характера второй половины упомянутаго царствованія, совпавшихъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія съ дѣятельностью гр.

1) Сборникъ постановленій и распоряженій по цензурѣ, стр. 75.
2) Тамъ же, стр. 85—95.

А. К. Разумовскаго и кн. А. Н. Голицына, Цензурный Комитетъ въ Дерптѣ получилъ нѣсколько разъясненій путемъ попечительскихъ предписаній отъ 27 апрѣля, 21 мая и 14 іюня 1819 года; сущность этихъ предписаній сводилась, съ одной стороны, къ необходимости усиленнаго надзора за выходящими печатными произведеніями вообще, а съ другой, въ частности, рекомендовалось самое внимательное отношеніе Комитета къ тѣмъ сочиненіямъ, которыя имѣли предметомъ состоявшееся въ Лифляндіи въ 1818 году освобожденіе крестьянъ и критику особаго „положенія“ для нихъ, высочайше утвержденнаго 25 марта 1819 года.

Такъ какъ главная работа членовъ Цензурнаго Комитета по чтенію подлежащихъ просмотру рукописей и книгъ происходила дома, а въ засѣданіяхъ докладывался только результатъ этой работы, то засѣданія эти созывались не часто: въ первые годы — приблизительно разъ въ мѣсяцъ въ теченіе учебнаго времени, а потомъ разъ въ два мѣсяца. Печатныя сочиненія, представлявшіяся въ Комитетъ и остававшіяся по разсмотрѣніи въ его архивѣ, передавались потомъ въ университетскую библіотеку.

Мы не можемъ входить здѣсь въ подробное разсмотрѣніе работъ Цензурнаго Комитета, представляющихъ интересъ главнымъ образомъ для исторіи печати и просвѣщенія въ Прибалтійскомъ краѣ. Довольно взглянуть, въ этомъ отношеніи, на два конечные пункта разсматриваемаго періода, чтобы видѣть совершившійся за это время въ краѣ ростъ печатной литературы и типографій, въ которомъ университетъ принималъ участіе не одной только формой офиціальнаго контроля, но и литературной работой своихъ членовъ. Въ 1804 году Цензурнымъ Комитетомъ университета дано было разрѣшеніе на напечатаніе 51 книги, изъ которыхъ было: на русскомъ языкѣ — 1, на нѣмецкомъ — 33, на латышскомъ — 5, на эстонскомъ — 2, на шведскомъ — 1, на французскомъ — 7, на нѣмецкомъ и французскомъ — 1, на нѣмецкомъ и англійскомъ — 1;

появилось въ печати изъ этихъ книгъ въ названномъ году — 42. Изъ періодическихъ изданій подъ цензурой Комитета въ томъ же году выходилъ лишь одинъ „Nordisches Archiv", ежемѣсячно въ Ригѣ. Газеты не подлежали компетенціи Дерптскаго Цензурнаго Комитета; ихъ было тогда всего четыре: „Dörptsche Zeitung" въ Дерптѣ, „Intelligenzblatt" и „Rigische Zeitung" въ Ригѣ, „Revalsche Wöchentliche Nachrichten" въ Ревелѣ. Типографій въ краѣ было 6: изъ нихъ въ Дерптѣ — 1, въ Ригѣ — 2, въ Митавѣ — 1 и въ Ревелѣ — 2. Въ 1819 году представлено было въ Цензурный Комитетъ 210 сочиненій въ рукописи, изъ которыхъ 208 получили разрѣшеніе на напечатаніе; изъ этихъ 210 рукописей было: 89 — книгъ, брошюръ и музыкальныхъ сочиненій, а остальные 121 — летучіе листки и краткія стихотворенія на извѣстные случаи; изъ первой категоріи на русскомъ языкѣ было — 1, на нѣмецкомъ — 57, на эстонскомъ — 16, на латышскомъ — 6, на латинскомъ 4, нотъ — 5; изъ второй: на нѣмецкомъ языкѣ — 117, на эстонскомъ — 1, на латышскомъ — 1, на латинскомъ — 2; появилось въ печати въ томъ же году изъ первой категоріи — 67, изъ второй — всѣ 121. Изъ періодическихъ изданій подъ цензурою Комитета выходили: въ Дерптѣ — „Dörptsche Zeitung", въ Ригѣ — „Neueres Oekonomisches Repertorium für Livland", Magazin für protestantische Prediger, vorzüglich im Russischen Reiche", „Medicinisch-Pharmaceutische Blätter", „Der Zuschauer", „Rigasche Zeitung" и „Rigasche Stadtblätter", въ Митавѣ — „Allgemeine Deutsche Zeitung für Russland" и „Mitausches Intelligenzblatt", въ Перновѣ — „Pernausche Wöchentliche Nachrichten". Изъ газетъ, не подлежавшихъ цензурѣ Комитета, издавались: „Revalsche Wöchentliche Nachrichten" и „Rigasche Anzeigen". Типографій было 7: изъ нихъ въ Дерптѣ — 1, въ Ригѣ — 2, въ Митавѣ — 1, въ Ревель — 2 и въ Перновѣ — 1.

Изъ представлявшихся на разсмотрѣніе Цензурнаго Комитета рукописей нѣкоторымъ было отказано въ разрѣ-

шенія быть напечатанными или по политической тенденціи, или по безнравственному характеру, или по намекамъ на живыя личности, или просто „по отсутствію вкуса". Изъ недопущенныхъ такимъ образомъ къ печати сочиненій можно здѣсь упомянуть: „Petite galerie de nos Aristotes ou Eloges des personnes de tout age et de tout sèxe, qu'un rare merite appelle á l'éducation de la jeunesse de Livonie, de Courlande et de l'Estonie" (1807), вслѣдствіе многихъ нападокъ на живших еще остзейскихъ „литератовъ"; „Kleine Aufsätze merkwürdiger Begebenheiten aus den Jahren 1805, 1806, und 1807" (1808), „Phantasie über einige wesentliche Theile der Constitution des Ostens" (1808), „Die Gründung von St. Petersburg, ein Schauspiel" (1809), „Die Schatten, ein fragmentarisch-politischer Traum" (1809), „Kurzes politisches Glaubensbekenntniss eines nach Wahrheit ringenden Cosmopoliten, abgelegt im Jahre der Welt post Christum 1812" (1812) — всѣ по политической тенденціи; „Ueber den Contrakt der Gutbesitzer mit den Bauern, von Graf Stroinovsky, aus dem Russischen ins Deutsche übersetzt" (1815) — въ виду того, что раньше уже подвергся запрещенію со стороны центральной цензуры русскій переводъ этой книги съ польскаго.

Въ числѣ типографій, находившихся подъ надзоромъ Цензурнаго Комитета университета, была и такъ наз. „университетская типографія". Въ собственномъ смыслѣ, университетъ не имѣлъ своей типографіи. Та, которая носила такое названіе, принадлежала частному лицу, Михаилу-Гергарду Гренціусу, который, когда въ 1799 году число частныхъ типографій въ Россіи было сильно сокращено, получилъ однако же разрѣшеніе имѣть типографію въ Дерптѣ; 12 февраля 1802 года кураторіумъ предоставилъ владѣльцу званіе „университетскаго типографа", и Гренціусъ исполнялъ университетскіе типографскіе заказы за извѣстную плату. Уставомъ 1803 года положеніе это узаконено были въ слѣдующемъ видѣ: „При университетѣ находится также и типографія; содержатель

оной обязанъ по условленной цѣнѣ печатать все то, что университетъ желаетъ предать тисненію; для напечатанія же таковыхъ сочиненій, которыя издаются отъ посторонныхъ лицъ, долженъ онъ просить отъ университетскаго совѣта особеннаго позволенія“ (§ 128). Съ 1818 года „университетская типографія“ перешла къ новому владѣльцу Іоганну-Христіану Шюнману, на прежнихъ основаніяхъ. Университетъ оказывалъ этой типографіи со своей стороны нѣсколько разъ единовременную матеріальную поддержку: въ 1803 году онъ ссудилъ Гренціусу 1.000 рублей на пріобрѣтеніе одной машины для печатанія; въ 1806 и 1807 годахъ былъ купленъ на университетскій счетъ запасъ русскаго и восточныхъ шрифтовъ, при чемъ въ 1812 году, при командированіи профессоровъ Кайсарова и Рамбаха на мѣсто военныхъ дѣйствій заграницу при Барклаѣ де-Толли, часть русскаго, а также и нѣмецкаго шрифта пошла на устройство походной типографіи; затѣмъ, съ 1813 года университетъ выдавалъ владѣльцу типографіи по 350 рублей въ годъ на наемъ помѣщенія для послѣдней. Типографія обязывалась исполнять университетскіе заказы въ первую очередь.

Мы уже знаемъ, что проектированное какъ „актомъ постановленія“ 12 декабря 1802 года, такъ и уставомъ 1803 года хозяйство университета, въ видѣ управленія земельными гаками, было въ 1806 году въ самомъ же началѣ упразднено; тѣмъ не менѣе, независимо отъ гаковъ, сложная организація университета, для котораго не только внутреннюю, но и всю внѣшнюю обстановку надо было созидать вновь, потребовала весьма усиленныхъ заботъ и трудовъ, особенно въ первые годы, также и по хозяйственной части. Самую важную роль играли тутъ университетскія зданія. При основаніи своемъ университетъ получилъ мѣсто, называемое „Домской горой“, и т. наз. площадь шведской церкви св. Маріи. „Домская гора“ представляла собою въ то время пустынное мѣсто, безъ всякой растительности, заваленное вѣками на-

копившимся мусоромъ и обломками, почти безъ построекъ; на площади шведской церкви были однѣ развалины.

8 іюня 1803 года образована была изъ пяти профессоровъ „строительная комиссія", во главѣ которой сталъ профессоръ архитектуры I. В. Краузе, которому университетъ обязанъ возведеніемъ многихъ зданій, выполняющихъ свое назначеніе еще и по настоящее время; имъ составлены и разработаны были планы и чертежи многихъ построекъ, и онъ самъ наблюдалъ за осуществленіемъ своихъ проектовъ на дѣлѣ. Прежде всего необходимо было сооруженіе главнаго зданія университета, роль котораго, какъ мы видѣли, при открытіи университета игралъ домъ фонъ-Бока, отданный владѣльцемъ въ безплатное пользованіе университету на пять лѣтъ (1802—1807). Торжественная закладка зданія произошла 15 сентября 1805 года [1]). Постройка главнаго зданія представляла собою большія техническія трудности, особенно въ самомъ началѣ, при укладкѣ фундамента; остатки прежнихъ шведскихъ построекъ глубоко сидѣли въ землѣ, въ видѣ стѣнъ, канавъ и разнаго рода подземныхъ сооруженій; расчистка ихъ, во время который вырыто было немало человѣческихъ костей, для проложенія фундамента по новому плану, при недостаткѣ и дороговизнѣ рабочихъ рукъ, потребовала много времени и денежныхъ затратъ; строительные матеріалы и рабочій трудъ на мѣстѣ сразу чрезвычайно вздорожали, такъ что пришлось выписывать рабочихъ изъ Псковской губерніи, при участіи русскихъ подрядчиковъ; необходимый деревянный матеріалъ выписанъ былъ по Чудскому озеру оттуда же, а желѣзный изъ Петербурга. Тѣмъ не менѣе работы велись настолько успѣшно, что уже

1) Церемонія этого торжества описана въ брошюрѣ: Der fünfzehnte September 1805 in Dorpat. Dorpat (1805). Здѣсь помѣщены: рѣчь проф. Краузе, слово оберъ-пастора Ленца, рѣчь ректора Паррота, рѣчь проф. фонъ-Эльснера и стихотвореніе проф. Гаспари; послѣднее было отпечатано также и отдѣльно: Bey der Feyerlichkeit der Legung des Grundsteins des Hauptgebäudes der K. Universität zu Dorpat den 15-ten September 1805. (D. 1805).

31 іюля 1809 года корпорація профессоровъ могла привѣтствовать въ новомъ зданіи попечителя Клингера, по представленію котораго проф. Краузе былъ удостоенъ 4 сентября 1809 года награжденія орденомъ св. Владиміра 4 ст. „въ возданіе усердныхъ трудовъ при производствѣ зданій Дерптскаго университета“ 1); впрочемъ, внутренняя отдѣлка нѣкоторыхъ частей, распланировка и устройство двора новаго зданія продолжались до 1811 года. Зданіе это, не замѣненное другимъ и до настоящаго времени, представляло собою въ первоначальномъ видѣ сооруженіе въ три этажа, имѣя 240 футовъ въ длину, а въ ширину 78 футовъ по рединѣ и по 60 футовъ по бокамъ. Обширное подвальное помѣщеніе предназначено было для храненія разныхъ хозяйственныхъ вещей, припасовъ и нѣкоторыхъ инструментовъ физическаго и химическаго кабинетовъ, архива и т. п.; въ первомъ этажѣ отведены были помѣщенія для физическаго и химическаго кабинетовъ, съ ихъ лабороторіями и аудиторіями, квартиры для двухъ калефакторовъ и два карцера, во второмъ этажѣ — актовый, въ два свѣта, залъ, музей изящныхъ искусствъ, минералогическій кабинетъ и четыре аудиторіи, по одной для каждаго факультета; третій этажъ занятъ былъ помѣщеніемъ „университетскаго суда“, заломъ для собраній совѣта, комнатой „Училищной Комиссіи“, конторой и казначействомъ, собраніемъ военныхъ моделей, собраніемъ архитектурно-техническихъ моделей и галлереей актоваго зала.

Такъ наз. „старое университетское зданіе“, принадлежавшее ранѣе барону Унгернъ-Штернбергу и купленное, какъ мы видѣли, въ 1802 году университетомъ, никогда въ собственномъ смыслѣ роль главнаго зданія не выполняло; положеніе его на слишкомъ шумномъ мѣстѣ дѣлало неудобнымъ устройство въ немъ аудиторій, а для актоваго зала тамъ не было надлежащаго простора, и въ 1807—1809

1) Періодическое сочиненіе, № XXV (1810), стр. 220.

годахъ, какъ выше было замѣчено, для послѣдней цѣли служилъ нижній этажъ библіотеки.

Хотя „Домская гора“ была предоставлена университету при самомъ его основаніи „актомъ постановленія“ 12 декабря 1802 года, тѣмъ не менѣе фактическій переходъ ея во владѣніе университета нѣсколько замедлился. На мѣстѣ теперешней Медицинской клиники стояли тамъ въ то время казармы мѣстнаго гарнизона, и въ нихъ помѣщался полковой лазаретъ, перенесенный туда изъ прежняго своего помѣщенія за городомъ. Имѣя въ виду перестроить эти казармы для помѣщенія въ новомъ зданіи трехъ университетскихъ клиникъ, университетъ, при содѣйствіи города, нѣсколько разъ возбуждалъ ходатайство о перенесеніи лазарета снова за городъ и объ очищеніи нужныхъ ему казармъ, и только благодаря усиленнымъ представленіямъ попечителя Клингера состоялось 10 ноября 1804 года высочайшее повелѣніе о предоставленіи казармъ университету не позднѣе февраля 1805 года [1]). Цѣлый годъ почти прошелъ въ подготовительныхъ работахъ, и въ 1806—1808 годахъ выстроено было зданіе для трехъ клиникъ: медицинской, хирургической и „повивальнаго искусства.“ Въ 1803—1805 годахъ выстроено было зданіе Анатомическаго театра, съ необходимыми приспособленіями для храненія труповъ и очистки костей, а въ 1809—1810 годахъ построена была Астрономическая обсерваторія, къ которой лишь позднѣе, черезъ десять лѣтъ (1819—1821), пристроена была квартира для профессора астрономіи, соединенная съ обсерваторіей крытымъ ходомъ [2]).

Сама по себѣ „Домская гора“, предназначенная къ размѣщенію на ней главнѣйшихъ учебно-вспомогательныхъ университетскихъ учрежденій, съ самаго же начала служила предметомъ заботъ администраціи университета; имѣлось въ виду не только сдѣлать удобнымъ сообщеніе по ней во

---

1) Сборникъ постановленій, I. 368—369.

2) Левицкій, Г. В. Астрономы Юрьевскаго университета съ 1802 по 1894 годъ. Юрьевъ 1894, стр. 40—42. 115.

всякое время и при всякой погодѣ, но и предоставить возможность прогулки по ней какъ для лицъ прикосновенныхъ къ университету, такъ и для остальныхъ жителей Дерпта: для этого нужно было ее распланировать и засадить растительностью. Съ этой цѣлью 14 октября 1803 года была организована изъ профессоровъ Краузе, Германа, Паррота и Моргенштерна особая „комиссія", весьма дѣятельно принявшаяся за работу, которая и продолжалась до 1815 года. Какъ самый „Домбергъ", такъ и разбросанныя на немъ университетскія учрежденія, уходъ за внѣшнимъ порядкомъ ихъ и чистотой требовали особаго постояннаго надзора, и въ мартѣ 1809 года утвержденъ былъ попечителемъ Клингеромъ составленный проф. Краузе проектъ „домскаго хозяйства", на которое возложена была обязанность доставки дровъ и воды для университетскихъ зданій, поддержаніе чистоты и порядка вблизи построекъ, наблюденіе за цѣлостью и хорошимъ состояніемъ аллей, дорожекъ, мостиковъ и площадокъ на Домской горѣ. Для завѣдующаго „домскимъ хозяйствомъ" былъ построенъ въ 1809—1810 годахъ небольшой каменный домъ между Анатомическимъ театромъ и зданіемъ трехъ клиникъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ находится теперь клиника для женскихъ болѣзней; при этомъ домѣ находились конюшни для университетскихъ рабочихъ лошадей, дровяной сарай, а также помѣщались пожарные инструменты, пріобрѣтеніемъ и размѣщеніемъ которыхъ занимался еще въ 1804 году проф. Парротъ; собраніе этихъ инструментовъ и позднѣе находилось въ завѣдываніи его, вмѣстѣ съ проф. Краузе.

Если принять въ соображеніе, что къ 1810 году закончены были постройки и въ Ботаническомъ саду, то можно видѣть изъ всего сказаннаго, что къ этому году относится вообще конецъ самой горячей строительной поры въ исторіи Дерптскаго университета; дополнительныя работы, по внутренней отдѣлкѣ зданій, планировкѣ и замащиванію дворовъ, дорожекъ и т. п., продолжались до 1812 года, когда 28 августа „строительная комиссія", напряженно работавшая

въ теченіе девяти лѣтъ, представила совѣту общій отчетъ о всей своей дѣятельности; этотъ отчетъ принятъ былъ съ полнымъ удовлетвореніемъ, и комиссіи выражена была благодарность отъ совѣта. Такъ какъ при постройкѣ университетскихъ зданій найдено было въ землѣ немало человѣческихъ костей, то послѣднія были собраны и, по совершеніи общаго погребенія, надъ этой могилой поставленъ былъ еще въ 1806 году особый памятникъ на одной изъ нижнихъ площадокъ „Домской горы". По четыремъ сторонамъ его имѣется, на языкахъ русскомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ и эстонскомъ, тожественная по содержанію надпись; вотъ она по-русски: „Здѣсь покоятся кости различныхъ народовъ отъ XIII до XVIII столѣтія. Дерптъ предалъ ихъ землѣ у ст. Маріи. На гробахъ ихъ воздвигнулъ Александръ новое обиталище музъ. Имъ посвящено сіе мѣсто покоя и тишины. Іюнь MDCCCVI."

Названныя постройки потребовали довольно значительныхъ денежныхъ затратъ: въ 1803 году на нихъ отпущено было изъ казны 120.000 руб., затѣмъ въ 1806 году 100.000 руб. а въ 1808-мъ еще 167.722 р. 53 коп., такъ что, вмѣстѣ съ другими, менѣе крупными, суммами, по вычисленію офиціальнаго историка, ко времени окончанія всѣхъ университетскихъ построекъ въ 1810 году на нихъ издержано было въ общей сложности 734.865 руб. 51½ коп. асс.; на тѣ же цѣли пошли, кромѣ того, отпущенные дворянствомъ Лифляндіи 44.781 р. 60 коп., Эстляндіи 22.383 р. и Курляндіи 2.447 р. 30 коп., всего 69.611 р. 90 коп. асс. [1]), а въ общей сложности 805.477 р. 41½ коп. асс. — сумма для того времени весьма немалая, указывающая при этомъ на мѣру лишь одной части тѣхъ жертвъ, которыя потребовались, почти исключительно со стороны правительства, для Дерптскаго университета на первыхъ порахъ его существованія.

---

1) Die Kaiserliche Universität Dorpat, стр. V—VI.

4.

Студенты. — Вступленіе въ университетъ и предварительная къ тому подготовка; средняя школа въ Остзейскомъ краѣ при основаніи университета. — Общее число студентовъ въ университетѣ и отдѣльно по факультетамъ; распредѣленіе студентовъ по мѣсту происхожденія. — Контроль за занятіями студентовъ при прохожденіи ими курса; окончательныя испытанія при оставленіи университета. — Присужденіе ученыхъ степеней. — Стипендіи для студентовъ, казенныя и частныя. — Вольнослушатели. — Занятія студентовъ. — Сочиненія на медали. — Слабость научныхъ интересовъ среди студенчества. — Положеніе русскаго языка въ университетѣ.

Переходимъ теперь къ учащимся.

При возникновеніи университета въ 1802 въ Дерптѣ, среднія учебныя заведенія въ краѣ были весьма немногочисленны, возникали благодаря частному или общественному почину вполнѣ случайно и не были объединены между собою ни своими конечными цѣлями, ни общимъ планомъ преподаванія, ни зависимостью отъ какой-либо центральной власти. Въ виду этого не могло быть и рѣчи о какой бы то ни было связи университета въ учебномъ отношеніи съ тѣми образовательными учрежденіями, изъ которыхъ въ дѣйствительности выходилъ главный контингентъ университетскихъ слушателей; въ этомъ смыслѣ мѣстная средняя школа весьма мало отличалась тогда отъ условій домашняго образованія, которымъ ограничивались многіе молодые люди тогдашнихъ богатыхъ фамилій въ краѣ передъ поступленіемъ въ университетъ.

Одной изъ задачъ вновь основаннаго университета было внести порядокъ въ характеръ и состояніе мѣстныхъ образовательныхъ средствъ, умножить и развить ихъ подъ своимъ контролемъ и руководствомъ; но плодовъ этой дѣятельности университета нужно было ждать еще долго, и развѣ лишь въ концѣ описываемаго періода университетъ могъ получать питомцевъ, прошедшихъ среднюю школу при тѣхъ новыхъ условіяхъ, проведеніе которыхъ въ жизнь выпало на долю самого университета; пока же въ университетъ поступали

молодые люди съ весьма слабыми предварительными познаніями. Попечитель Клингеръ, послѣ перваго своего посѣщенія университета, говоря о студентахъ, писалъ, что „большая часть студентовъ по сіе время вступаютъ въ университетъ еще не со всѣми познаніями, которыя къ вступленію предварительно имѣть бы дожны“, и что „многихъ студентовъ должо было по вступленіи въ университетъ учить тому, что бы должны они уже знать, не вступая еще въ оный“ [1]). Такимъ образомъ, подготовка слушателей университета, почти въ теченіе всего перваго періода его жизни, была поставлена въ зависимость отъ случайностей и лишена была всякой устойчивости и единообразія; отрицательныя стороны такого положенія вещей ослаблялись до нѣкоторой степени тѣмъ, что многіе смотрѣли тогда на вступленіе въ университетъ несерьезно и не соединяли съ нимъ никакихъ другихъ видовъ, кромѣ намѣренія провести въ товарищеской средѣ нѣсколько веселыхъ лѣтъ жизни и потомъ избрать по желанію ту или иную дорогу, ничѣмъ не связанную и не обусловленную пребываніемъ даннаго лица въ университетѣ.

Опредѣленныхъ требованій отъ молодого человѣка для зачисленія его въ студенты университета не было. Въ уставѣ 1803 года говорилось, что „университетъ принимаетъ въ студенты людей всякаго состоянія, россійскихъ уроженцевъ и иностранныхъ, которые предъявятъ о своемъ состояніи письменныя свидѣтельства“ (§ 1). Въ „Правилахъ для учащихся“ того же 1803 года объ этомъ говорится такъ: „Вступающій въ университетъ долженъ не позже трехъ дней по своемъ пріѣздѣ явиться къ ректору съ паспортомъ и свидѣтельствомъ, отъ училища или гимназіи ему даннымъ, просить о внесеніи его въ списокъ студентовъ и отдать свой паспортъ. Но дабы узнать, имѣетъ ли опредѣляющійся нужныя предшествующія познанія, деканъ философскаго отдѣленія дѣлаетъ ему предварительный искусъ (tentamen)

1) Періодическое сочиненіе. № VII (1804), стр. 78.

и достойному даетъ свидѣтельство, безъ котораго никто не можетъ получить матрикеля или университетскаго вида" (§ 1). Каковы должны были быть эти „предшествующія познанія", и какъ долженъ быть обставленъ по существу и по формѣ этотъ „предварительный искусъ", нигдѣ не было указано, а самъ университетъ выработкой подобныхъ правилъ не занимался. Деканъ философскаго факультета, не имѣя опредѣленныхъ инструкцій, при пріемѣ студентовъ былъ предоставленъ лишь своему собственному взгляду на дѣло, и фактически его „предварительный искусъ" органичивался конечно простою формальностью.

Что касается общаго числа студентовъ по факультетамъ на каждый годъ, то оказывается, что въ 1802 году, въ первый годъ существованія университета, всего поступило 46 человѣкъ: на богословскій факультетъ—11, юридическій—27, медицинскій—6 и философскій—2; а въ 1820 году общее число студентовъ достигло 262, изъ которыхъ на богословскомъ факультетѣ было 59, на юридическомъ —63, на медицинскомъ—92 и на философскомъ—48. Отсюда видно, что общее число студентовъ возрасло къ концу перваго періода почти въ 6 разъ, при чемъ далеко не равномѣрно относительно каждаго факультета въ отдѣльности: въ то время какъ богослововъ оказалось къ данному времени болѣе прежняго приблизительно въ 5 разъ, юристы увеличились въ числѣ къ тому же времени въ 2½ раза, медики въ 15 разъ, а философы въ 24 раза, т. е., другими словами, если слѣдовать точному указанію цифръ, факультеты въ отношеніи роста числа студентовъ слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ: философскій, медицинскій, богословскій и юридическій; впрочемъ, относительно философскаго факультета надо замѣтить, что цифра для 1802 года является болѣе или менѣе случайной, такъ какъ уже въ слѣдующемъ 1803 году ее замѣняетъ 22, и въ послѣдующіе годы не замѣчается другого столь поразительнаго отступленія отъ средней нормы.

Общая сумма студентовъ, достигши въ 1804 году

цифры 155, въ продолженіе цѣлаго пятилѣтія остается почти безъ измѣненія и даже съ наклонностью къ уменьшенію; но съ 1809 года и по 1816 годъ цифра эта весьма значительно возрастаетъ, доходя въ 1811 году до 259, когда студентовъ въ университетѣ было лишь на 3 человѣка меньше, чѣмъ въ самомъ концѣ періода. Увеличеніе это въ значительной степени объясняется событіями военнаго времени, когда нужда во врачахъ вызвала особенный притокъ слушателей на медицинскій факультетъ, въ числѣ которыхъ были и поступившіе въ 1809 году въ университетъ казенные стипендіаты, вызванные, въ качествѣ будущихъ военныхъ врачей, правительствомъ изъ заграницы; въ 1812 году переведены были въ Дерптъ нѣсколько стипендіатовъ изъ Виленскаго университета. Не безъ вліянія остался и общій духовный подъемъ въ тогдашней Россіи, увлекавшій молодежь въ университеты и къ другимъ источникамъ просвѣщенія; въ виду тогдашнихъ политическихъ комбинацій и совмѣстныхъ дѣйствій Россіи съ Германіей, не осталась въ сторонѣ отъ этого увлеченія и нѣмецкая молодежь Остзейскаго края, воодушевленная общимъ тогда въ Россіи обожаніемъ личности основателя университета, императора Александра I; кромѣ того, до 1814 года въ Дерптскій университетъ поступало довольно значительное количество слушателей изъ Финляндіи [1]).

Если же взять каждый факультетъ въ отдѣльности, то на богословскомъ факультетѣ число студентовъ, въ общемъ постепенно увеличиваясь, не претерпѣваетъ значительныхъ колебаній, достигая въ 1819 году своей наибольшей цифры—63. На юридическомъ факультетѣ, наибольшая цифра слушателей котораго, 69, падаетъ на 1811 годъ, замѣчается, напротивъ, сильное уменьшеніе числа студентовъ въ 1817 году, когда съ 60 человѣкъ предшествующаго 1816 года цифра эта падаетъ на 14, т. е. студентовъ

1) G. Otto und A. Hasselblatt. Von den 14.000 Immatriculirten. Dorpat 1891, стр. 4.

дѣлается сразу болѣе чѣмъ вчетверо меньше; вѣроятно, не безъ вліянія на это остался разгромъ факультета вслѣдствіе незаконнаго присужденія имъ докторскихъ дипломовъ въ 1816 году. Ростъ числа слушателей на медицинскомъ факультетѣ былъ весьма нормаленъ, достигая впрочемъ однажды, въ 1810 году, той максимальной цифры, 92, которая падаетъ и на послѣдній 1820 годъ; причины этого послѣдняго обстоятельства лежатъ въ упомянутыхъ выше условіяхъ военнаго времени, которыми также объясняется и паденіе въ ближайшіе послѣдующіе годы цифры студентовъ медиковъ до 51, вслѣдствіе усиленнаго выпуска врачей въ армію или вызова ихъ въ военные лазареты, напр. въ Ригу въ 1812 году. Наконецъ, ростъ философскаго факультета шелъ также, въ указанномъ отношеніи, довольно правильно, достигши, подобно юридическому факультету, наибольшей цифры, 56, въ 1811 году и испытавъ необычное уменьшеніе числа студентовъ, до 28, въ 1817 году, что, вѣроятно, объясняется отчасти тѣмъ общимъ паденіемъ университета, которое обнаружилось въ этомъ году въ разныхъ отношеніяхъ и разрѣшилось назначеніемъ новаго попечителя и дарованіемъ университету новаго штата 17 августа 1817 года.

Относительно распредѣленія числа студентовъ по мѣстопроисхожденію, цифровыя данныя ясно указываютъ на то, что университетъ привлекалъ къ себѣ слушателей главнымъ образомъ изъ трехъ остзейскихъ губерній. Между ними первое мѣсто занимала Лифляндія, изъ которой въ 1802 году поступило въ университетъ болѣе двухъ третей всего числа студентовъ, что вполнѣ объясняется какъ значительной населенностью этой губерніи, сравнительно съ двумя другими, такъ и тѣмъ особымъ участіемъ, которое первоначально обнаруживало лифляндское дворянство въ дѣлѣ основанія университета; хотя пропорція эта въ послѣдующіе годы и не удержалась, тѣмъ не менѣе и позднѣе число лифляндцевъ всегда значительно перевѣшивало число уроженцевъ каждой

изъ двухъ другихъ остзейскихъ губерній, а также число уроженцевъ всѣхъ остальныхъ губерній Россіи вмѣстѣ, и еще въ 1820 году уроженцы Лифляндіи представляли собою болѣе, чѣмъ половину всего числа университетскихъ слушателей. Второе мѣсто въ теченіе нѣсколькихъ первыхъ лѣтъ занимала Эстляндія, а на третьемъ мѣстѣ стояла Курляндія. Этотъ порядокъ относительно Курляндіи и Эстляндіи, представляющійся не вполнѣ понятнымъ съ точки зрѣнія населенности обѣихъ губерній, находитъ себѣ объясненіе въ томъ отчужденномъ положеніи, которое заняло курляндское дворянство относительно университета, когда вопросъ о мѣстѣ его былъ рѣшенъ въ пользу Дерпта, а не Митавы, а въ первые три-четыре года уроженцы Курляндіи охотнѣе отправлялись въ заграничные университеты, чѣмъ въ Дерптъ; но позднѣе курляндцы съ фактомъ этимъ нѣсколько примирились, и число ихъ съ 1807 года обыкновенно превышало число эстляндцевъ; только въ послѣдніе четыре года число курляндцевъ уступило числу уроженцевъ изъ Эстляндіи. Число уроженцевъ изъ прочихъ губерній Россіи вмѣстѣ всегда было ниже числа уроженцевъ любой изъ трехъ остзейскихъ губерній въ отдѣльности, что наглядно показываетъ, какъ мало пользовалось Дерптскимъ университетомъ въ описываемый періодъ остальное населеніе Россіи, и были годы (1802—1804, 1809—1810), когда даже иностранцевъ въ университетѣ было больше, нежели русскихъ подданныхъ не изъ остзейскихъ губерній.

Ни зачета семестровъ, ни перехода изъ курса въ курсъ, ни опредѣленныхъ и обязательныхъ учебныхъ плановъ не было, а потому и не было опредѣленнаго и точно установленнаго срока пребыванія студентовъ въ университетѣ. Впрочемъ, обычной нормой для пребыванія въ университетѣ считалось три года, въ силу § 2 устава 1803 года, по которому „каждый изъ россійскихъ подданныхъ четырехъ губерній (т. е. Лифляндской, Эстляндской, Курляндской и Финляндской) для занятія въ оныхъ какой-либо должности

по службѣ, требующей юридическихъ или другихъ познаній, обязанъ предъявить свидѣтельство, что онъ обучался въ семъ (т. е. Дерптскомъ) или другомъ изъ россійскихъ университетовъ по меньшей мѣрѣ три года". Но норму эту принимали въ соображеніе только тѣ изъ студентовъ, которые имѣли въ виду государственную службу, а въ университетѣ было, какъ сказано, немало и другихъ элементовъ, для которыхъ государственная служба не совпадала съ ихъ жизненной перспективой. Бывали случаи длиннаго перерыва, иногда въ нѣсколько лѣтъ, между годами пребыванія въ университетѣ, но бывало, наоборотъ, и такъ, что университетъ оставляли навсегда черезъ одинъ или два семестра послѣ вступленія. Относительно уроженцевъ изъ Курляндіи въ офиціальномъ годовомъ отчетѣ университета за 1808 годъ было отмѣчено даже, какъ общее явленіе, что почти никто изъ нихъ не остается въ университетѣ полныхъ три года, а оставляетъ его черезъ полгода или годъ, при чемъ особенно мало между ними юристовъ, а большая часть ихъ богословы.

Экзаменовъ въ теченіе курса никакихъ не было, но когда студентъ желалъ оставить университетъ, то онъ долженъ былъ, согласно § 55 „Правилъ для учащихся" 1803 года, „испросить у университетскаго правленія свидѣтельство въ томъ, сколь далеко онъ успѣхами удовлетворилъ предмету своего пребыванія въ университетѣ", и это свидѣтельство при опредѣленіи его на службу принималось „за доводъ его способностей"; а по § 62 тѣхъ же Правилъ, „студентъ, получившій отъ университета похвальное свидѣтельство, принимается въ гражданскую службу въ 14 классѣ или съ оберъ-офицерскимъ чиномъ." Такое свидѣтельство соотвѣтствовало позднѣйшему званію „дѣйствительнаго студента", котораго въ первый періодъ еще не существовало, и т. о. являлось документомъ объ удовлетворительномъ окончаніи обладателемъ его полнаго университетскаго курса.

Болѣе опредѣленности было въ присужденіи „ученыхъ

степеней“ или „достоинствъ“, которыхъ съ самаго начала было три: кандидата, магистра и доктора, при чемъ степень кандидата имѣла мѣсто только на богословскомъ, юридическомъ и философскомъ факультетахъ, а не на медицинскомъ, „ибо врачу посредственныхъ познаній не можетъ быть ввѣрена жизнь человѣческая“ (уставъ 1803 года § 72); только въ самомъ концѣ періода, согласно „Положенію о производствѣ въ ученыя степени“ 20 января 1819 года, установлена была (§ 10) и „степень дѣйствительнаго студента“ на всѣхъ факультетахъ, кромѣ медицинскаго. Для полученія степени кандидата полагалось два испытанія, письменное и устное; послѣднее состояло сначала изъ двухъ вопросовъ, „относящихся до главной науки отдѣленія и выбранныхъ по жребію“, а затѣмъ слѣдовало „произвольное словесное испытаніе“; на медицинскомъ факультетѣ къ кандидатскому экзамену приравнивалось испытаніе на званія „лѣкаря“ и „аптекаря“ (уставъ §§ 74. 82). Испытаніе на степень магистра состояло изъ двухъ главныхъ письменныхъ и двухъ главныхъ устныхъ вопросовъ, выбираемыхъ по жребію изъ всѣхъ главныхъ предметовъ факультета; для испытанія на степень доктора такихъ вопросовъ полагалось по четыре; затѣмъ слѣдовало также „произвольное“ испытаніе. Кромѣ того, для степени какъ магистра, такъ и доктора необходима была публичная защита диссертаціи, при чемъ диспуты должны были происходить на латинскомъ языкѣ, и только „по причинамъ до учености принадлежащимъ“ факультетъ могъ разрѣшить диспутъ и на нѣмецкомъ языкѣ; независимо отъ этого, ищущій степени доктора долженъ былъ „читать въ теченіе трехъ дней сряду публичныя лекціи“ о предметѣ, назначенномъ отъ факультета; кромѣ того, университету предоставлено было право давать лицамъ, „извѣстнымъ своей ученостью и сочиненіями или отличившимся въ государственной службѣ“, почетные дипломы на степень доктора honoris causa (уставъ §§ 73—76. 78. 80). Степень дѣйствительнаго студента давала право на чинъ 14

класса, кандидата — 12-го, магистра — 9-го, а доктора — 8-го.

На практикѣ упомянутыя требованія нерѣдко обходились или смягчались, такъ какъ къ вопросу о присужденіи ученыхъ степеней было весьма свободное отношеніе. Бывали случаи присужденія ученыхъ степеней магистра и доктора (не honoris causa) безъ личной защиты диссертаціи, представленной въ факультетъ заочно (in absentia); въ магистерское и докторское „достоинства" возводились нѣкоторыя лица почти сразу, съ формальнымъ промежуткомъ въ одинъ-два или нѣсколько дней, при чемъ факультетъ довольствовался только одной диссертаціей, и на одномъ изъ диспутовъ фигурировали лишь тезисы [1]). На медицинскомъ факультетѣ былъ случай присужденія степени доктора медицины и хирургіи безъ всякаго экзамена, и этотъ случай побудилъ министерство сдѣлать университету замѣчаніе, а удостоенному такимъ образомъ степени объявить, что безъ экзамена онъ не можетъ производить врачебной практики [2]). Кромѣ того, хотя гонораръ за „промоціи" въ ученыя степени въ уставѣ 1803 года, не смотря на желаніе Паррота, и не былъ установленъ, однако фактически такой гонораръ практиковался, по крайней мѣрѣ на медицинскомъ факультетѣ, сначала по опредѣленію факультета, а потомъ и съ согласія совѣта; при этомъ, установилась даже опредѣленная такса: каждый изъ экзаменаторовъ получалъ по 15 р. сер., деканъ и авторъ факультетскаго отзыва о диссераціи по 12 р., факультетская касса, прозекторъ и секретарь по 4 р., три педеля по 2 р. и на расходы по объявленію въ газетѣ 2 р. Въ 1817 году, при новомъ попечителѣ графѣ Ливенѣ, гонорару этому положенъ былъ ко-

1) Такъ было, напр., со всѣми четырьмя лицами, удостоенными степени доктора по философскому факультету въ 1813 году; первый изъ нихъ, Паукеръ, магистерскій диспутъ имѣлъ 28 февраля, а докторскій 1 марта; второй, Купферъ, 13 и 17 мая; третій, знаменитый впослѣдствіи астрономъ Струве, 8 и 18 октября; четвертый, Шульцъ, 14 и 15 ноября.

2) Сборникъ постановленій, IV. 46.

нецъ, и вмѣсто него введенъ былъ сборъ за дипломы въ пользу общаго пенсіоннаго фонда, при чемъ за магистерскій дипломъ опредѣленъ былъ взносъ въ 30 р., а за докторскій въ 40 р.

Общій итогъ присужденныхъ съ основанія университета по 1819 годъ ученыхъ степеней по каждому факультету былъ слѣдующій. По богословскому: почетныхъ докторовъ — 5, докторовъ — 5, магистровъ — ни одного, кандидатовъ — 12, дѣйствительныхъ студентовъ — 7; по юридическому: почетныхъ докторовъ — 2, докторовъ — 10, магистровъ и кандидатовъ — ни одного и дѣйствительный студентъ 1; по медицинскому: докторовъ медицины и хирургіи — 30, докторовъ медицины — 84, магистровъ медицины и хирургіи — 9, имѣющихъ право на медицинскую и хирургическую практику — 6, на медицинскую практику — 8, на хирургическую практику — 71, аптекарей — 25, провизоровъ — 42, кандидатовъ фармаціи — 2, аптекарскихъ помощниковъ — 109, зубныхъ врачей — 2, повивальныхъ бабокъ — 27, акушеръ — 1; по философскому: почетныхъ докторовъ — 11, докторовъ — 11, магистровъ — 2, кандидатовъ — 4, дѣйствительныхъ студентовъ — ни одного [1]). Такимъ образомъ, всего болѣе ученыхъ степеней присуждено на медицинскомъ факультетѣ, при чемъ особенно богатымъ въ этомъ отношеніи является памятный 1812 годъ, когда выпущено было въ армію небывалое ни до, ни послѣ этого въ теченіе описываемаго времени число докторовъ медицины и хирурговъ; въ меньшемъ количествѣ продолжается выпускъ тѣхъ и другихъ и въ послѣдующіе годы, между тѣмъ какъ до войны со степенью „доктора медицины" совсѣмъ не выпускали, а лишь со степенью „доктора медицины и хирур-

1) Перечень медицинскихъ диссертацій можно найти въ трудѣ „Verzeichniss der von medicinischen Facultät zu Dorpat seit ihrer Gründung veröffentlichen Schriften. Nach den Archiven der Universität zusammengestellt von Abraham Grünfeld", помѣщенномъ въ изданіи проф. Рудольфа Коберта: Historische Studien aus dem Pharmacologischen Institute der Kaiserlichen Universität Dorpat. B. III. Halle 1893. стр. 1—6.

гіи“; спеціально „хирурговъ“ выпущено было до войны также довольно мало, но за то въ нѣкоторые годы выпускались „магистры медицины и хирургіи“, чего послѣ войны совсѣмъ уже не видимъ. Затѣмъ, по количеству присужденныхъ ученыхъ степеней идетъ философскій факультетъ, въ которомъ преобладаютъ доктора, число коихъ перевѣшиваетъ общую сумму магистровъ и кандидатовъ на этомъ факультетѣ вмѣстѣ. Далѣе идетъ богословскій факультетъ, съ полнымъ отсутствіемъ магистровъ, и полѣднее мѣсто занимаетъ факультетъ юридическій, на которомъ въ теченіе всего времени не было присуждено ни одной степени магистра и кандидата, а доктора въ 1816 году — девяти лицамъ заразъ, при чемъ два изъ этихъ присужденій признаны были, вслѣдствіе возбужденнаго по этому поводу особаго противъ юридическаго факультета дѣла, незаконными. Почетные дипломы на степень доктора по богословскому, философскому и отчасти юридическому факультетамъ вообще давались въ описываемое время довольно охотно, при чемъ нерѣдко — лицамъ, назначеннымъ профессорами Дерптскаго университета и не имѣвшимъ до того докторской степени; но въ 1818 году порядку этому былъ положенъ конецъ, когда въ засѣданіи совѣта 30 марта, при присужденіи проф. Воейкову степени доктора философіи honoris causa, рѣшено было считать этотъ случай послѣднимъ въ практикѣ университета, а въ высочайше утвержденныхъ „Правилахъ о производствѣ въ ученыя степени“ 1819 года званіе это совсѣмъ упразднено, „какъ не имѣющее никакого существеннаго значенія“ [1]).

Уставомъ 1803 года назначено было на раздачу стипендій студентамъ 5.000 р. въ годъ (§ 143), при чемъ большая часть этой суммы, именно 3.250 р., какъ было выше упомянуто, опредѣлена для выдачи стипендіатамъ „Общаго Педагогическаго Института“, остальные же 1.750 р. предназначены были на стипендіи внѣ Института: одна въ 250

1) Сборникъ постановленій. I. 1257.

р., двѣ по 200 р., четыре по 150 р. и пять по 100 р. (§ 144). Кромѣ того, университетъ располагалъ еще и нѣсколькими частными стипендіями. Въ 1802 году графиня Лестокъ (урожд. баронесса ф.-Менгденъ) назначила 15.000 р. сер., которые избранные ею попечители должны были послѣ ея смерти обратить въ проценты для выдачи тремъ неимущимъ студентамъ изъ дворянства, по 200 р. сер. въ годъ, а когда изъ остатковъ этихъ процентовъ и первоначальнаго капитала получится сумма въ 16.000 р., то образовать и четвертую стипендію въ томъ же размѣрѣ; управленіе этимъ капиталомъ и назначеніе попечителей по его употребленію ввѣрено было Лифляндскому гофгерихту въ Ригѣ. Въ 1807 году графомъ ф.-Сиверсомъ назначено было 12.000 р. на двѣ стипендіи: одна съ капитала въ 8.000 р., а другая съ капитала въ 4.000 р.; стипендіи эти предназначены были студентамъ богословскаго или медицинскаго факультета; завѣдываніе ими возложено было на правленіе университета [1]). По завѣщанію проф. Швемшуха образована была стипендія, въ 120 альб. рейхстал. ежегодно, для одного студента богословскаго факультета изъ Курляндіи, и управленіе ею ввѣрено было Курляндской консисторіи.

Когда нужды военнаго времени выдвинули необходимость усиленнаго приготовленія врачей для русской арміи, то Дерптскій университетъ не остался внѣ сферы этой дѣятельности, принявъ въ свою среду новыхъ стипендіатовъ. Именно, въ концѣ 1809 года прибыли въ Дерптъ 33 казенныхъ медицинскихъ стипендіата изъ заграницы; на содержаніе каждаго изъ нихъ положено было 452 р. 92½ коп. въ годъ. Немедленно по ихъ пріѣздѣ, для ближайшаго надзора за ними была избрана особая комиссія изъ трехъ членовъ совѣта, нанята была для нихъ общая квартира съ платой за содержаніе и помѣщеніе по 300 р. съ каждаго

1) Сборникъ распоряженій по министерству народнаго просвѣщенія, I. 4. 150.

воспитанника, при чемъ двумъ изъ нихъ, такъ какъ они были женаты, деньги на содержаніе выдавались на руки. Для нихъ составленъ былъ, послѣ произведеннаго испытанія изъ химіи и ботаники, особый учебный планъ, при чемъ ихъ стали спѣшно обучать языкамъ латинскому (проф. Гецель) и русскому (проф. Глинка), изъ которыхъ съ первымъ они были знакомы весьма мало, а со вторымъ и совсѣмъ не были знакомы. Но, какъ показали дальнѣйшія ихъ занятія, воспитанники эти обладали чрезвычайно скудной общей подготовкой и неблестящими способностями, такъ что вскорѣ 10 изъ нихъ были отправлены по домамъ, а одинъ умеръ въ Дерптѣ; на смѣну имъ въ апрѣлѣ и въ августѣ 1809 года явились новые 10 воспитанниковъ, жившіе сначала также въ общемъ помѣщеніи, но потомъ, въ виду неудовольствій между ними и ихъ содержателемъ, пришлось это временное общежитіе закрыть и замѣнить его выдачей каждому денегъ на руки. Въ общемъ, эти заграничные питомцы Дерптскаго университета далеко не оправдали возлагавшихся на нихъ надеждъ, и только часть ихъ въ 1812 году была обращена на предназначенное имъ дѣло. Наконецъ, тутъ должны быть упомянуты также 12 студентовъ Виленскаго университета, изъ числа опредѣленныхъ тамъ 29 декабря 1806 года „казенныхъ воспитанниковъ для врачебной части“, посланные въ январѣ 1811 года въ Дерптъ для усовершенствованія своихъ познаній въ медицинѣ, но они оставались здѣсь весьма недолго, и также въ 1812 году отправились на службу. Объ основанномъ въ 1819 году въ Дерптѣ „Медицинскомъ Институтѣ“ съ 40 казенными воспитанниками придется сказать нѣсколько словъ позднѣе, такъ какъ дѣятельность этого учрежденія всецѣло относится ко второму періоду жизни Дерптскаго университета.

Здѣсь должно упомянуть также и о вольнослушателяхъ, относительно которыхъ въ § 59 Устава 1803 года было сказано, что ректоръ можетъ допускать ихъ, но не иначе, какъ по предварительномъ извѣщеніи объ этомъ того профессора, ко-

тораго лекціи имѣетъ слушать желающій. Изъ имѣющихся о количествѣ вольнослушателей свѣдѣній, къ сожалѣнію не полныхъ, такъ какъ за нѣкоторые годы объ этомъ совсѣмъ не имѣется данныхъ, явствуетъ, что болѣе или менѣе постоянное присутствіе ихъ замѣчается лишь съ 1814 года, при чемъ наивысшей цифры число вольнослушателей достигаетъ въ 1815 году (22), ниже всего падая въ 1819-мъ (1). Съ концомъ перваго періода закончилось на долгое время и присутствіе вольнослушателей въ Дерптскомъ университетѣ, такъ какъ послѣдовавшимъ затѣмъ университетскимъ уставомъ этотъ родъ учащихся не былъ допущенъ.

Что касается успѣховъ студентовъ въ научныхъ занятіяхъ, то объ этомъ чрезвычайно трудно судить за описываемое время, въ виду отсутствія прямыхъ указаній. Послѣ перваго своего посѣщенія университета въ 1804 году, попечитель Клингеръ, между прочимъ, доносилъ въ Главное Правленіе Училищъ: „студенты весьма прилежно посѣщаютъ лекціи, и я, замѣтивъ во всѣхъ ихъ къ преподаванію наукъ вниманіе, заподлинно сказать могу, что они одушевляются истиннымъ желаніемъ достигнуть цѣли пребыванія ихъ въ университетѣ; по свидѣтельству профессоровъ, большая часть изъ нихъ занимается также съ отмѣннымъ прилежаніемъ дома, чему быстрые ихъ успѣхи служатъ наилучшимъ доказательствомъ“; при этомъ попечитель особенно указывалъ на студента Карла Вильямса, ссылаясь на отзывъ проф. Паррота, что „прилежаніе и охота Вильямса къ наукамъ равняются природнымъ его талантамъ“ [1]). И въ послѣдующіе годы попечитель приводилъ подобные же отзывы о занятіяхъ и успѣхахъ студентовъ, ссылаясь на сообщенія профессоровъ [2]), но въ виду своего исключительно формаль-

1) Періодическое сочиненіе, № VII (1804), стр. 77. 88. — Объ этомъ Вильямсѣ, латышѣ по происхожденію, отпущенномъ изъ крѣпостной зависимости ради ученья барономъ Врангелемъ, см. у Г. В. Левицкаго: Астрономы Юрьевскаго у-та, стр. 36.

2) Періодическое сочиненіе, № XV (1806), стр. 420—421; № XXV (1810), стр. 157.

наго характера отзывы эти едва ли могутъ имѣть большое значенiе и скорѣе отражаютъ на себѣ тотъ снисходительный и въ высшей степени оптимистическiй взглядъ, какой имѣли тогдашнiе профессора на занятiя студентовъ [1]); что же касается отдѣльныхъ случаевъ, въ родѣ упомянутаго Вильямса, то условiя шумной, веселой и разсѣянной жизни дерптскаго студенчества того времени, внѣ стѣнъ университета и въ отдаленiи отъ научныхъ интересовъ, дѣлали замѣтнымъ каждое, даже самое умѣренное, исключенiе изъ этого порядка.

Конечно, были и тогда между студентами люди, занимавшiеся своимъ дѣломъ; были и такiе, которые обнаруживали серьезныя научныя стремленiя и трудолюбiе; о такихъ студентахъ свидѣтельствуютъ, между прочимъ, сочиненiя ихъ, удостоивавшiяся медалей на ежегодномъ актѣ 12 декабря. По уставу 1803 года, на награжденiе такихъ сочиненiй, задаваемыхъ отъ факультетовъ, опредѣлено было 500 р. ежегодно, при чемъ предназначалась выдача медалей золотыхъ, стоимостью въ 100 р., и серебряныхъ; ежегодно задавалось пять темъ, и при этомъ философскiй факультетъ располагалъ двумя темами; сочиненiя эти должны были писаться по-латыни, и „только по однѣмъ ученымъ причинамъ" факультетъ могъ разрѣшить отступленiе въ пользу нѣмецкаго языка (§§ 150—152). Въ первый разъ темы были объявлены 12 декабря 1803 года. Это были слѣдующiе вопросы. По богословскому факультету: „Was wird zum gelehrten, was zum populären Theologen erfordert; welches Band vereinigt beyde in Absicht auf die drey Hauptclassen der theologischen Wissenschaften: die exegetische, historische und dogmatische? Bey einer Uebersicht jeder einzelnen Classe werde Rücksicht genommen 1. auf die Methode, 2. auf den Umfang,

---

1) Самъ попечитель въ одномъ письмѣ къ проф. Моргенштерну, отъ 17 мая 1804 года, спрашивалъ о причинахъ слабаго посѣщенiя студентами профессорскихъ лекцiй: Рукописи изъ собранiя Моргенштерна № CCCXLII въ библiотекѣ Юрьевскаго университета „Briefe von Gelehrten etc. an Morgenstern, 1802—1808", т. 4, стр. 225—227.

3. auf die Anwendung der jedem von beyden nöthigen Studien"; по юридическому факультету; „Sind böse Beispiele Gegenstände strafender Gerechtigkeit und in wie fern?"; по медицинскому факультету: „In welchen Verhältnissen stehen Philosophie und Arzneywissenschaft gegen einander? Was hat die erstere der letztern für Nutzen geschaft, und welche Nachtheile hat sie ihr verursacht? Nach welcher Methode, in welchem Grade darf der praktische Arzt ohne Schaden für seine Kunst philosophiren?"; по I и III отдѣленіямъ философскаго факультета: „Wann und wie wurde die Verbindung zwischen Liv- und Deutschland angeknüpft, und von Zeit zu Zeit, vorzüglich in literarischer Hinsicht, befestigt?"; по II и IV отдѣленіямъ философскаго факультета: „Lassen sich Gesetze der Flächenanziehung auf die Standanziehung der Flüssigkeiten in den Gefässen, auf die Anziehung der festen Körper zu den Flüssigkeiten überhaupt, auf die Phänomene der schwimmenden Körper gegen den Stand der Gefässe anwenden, und wie lassen sie sich darauf anwenden? Hiebey soll auf die vorzüglichsten schon bekannten Versuche besondere Rücksicht genommen werden, um diese Versuche selbst und die darauf gebaueten Hypothesen zu würdigen." Первое присужденіе медалей состоялось въ 1805 году и потомъ происходило ежегодно[1]). Количество присужденныхъ медалей въ теченіе всего перваго період̆а, въ 1803—1819 гг., было 38; изъ нихъ 13 золотыхъ и 25 серебряныхъ. Изъ факультетовъ самый богатый медалями былъ богословскій, на долю слушателей котораго досталось около половины всего количества медалей, именно 18 (3 золотыхъ и 15 серебряныхъ);

---

1) Въ собственномъ смыслѣ медали стали раздаваться лишь съ 1809 года, такъ какъ только къ этому времени онѣ были изготовлены по высочайше утвержденному 26 декабря 1805 года рисунку преподавателя рисованія Зенфа, а до того времени ихъ замѣняла соотвѣтствующая денежная сумма и дипломъ; въ 1812 году, вслѣдствіе необычайнаго вздорожанія золота, чеканка золотыхъ медалей была прекращена и не возобновлялась въ теченіе всего перваго період̆а: A. Hasselblatt, Die Ehrenlegion der 14.000 Immatriculirten. Juriew 1893, стр. 8—9.

за нимъ идетъ медицинскій факультетъ — 11 медалей (4 золотыхъ и 7 серебряныхъ), потомъ юридическій — 7 медалей (5 золотыхъ и 2 серебряныхъ) и, наконецъ, философскій, на долю котораго досталось всего 2 медали — 1 серебряная по I и III отдѣленіямъ и 1 золотая по II и IV отдѣленіямъ [1]). Распредѣленіе это, далеко не соотвѣтствующее количеству студентовъ на каждомъ факультетѣ, въ то же время не находитъ себѣ объясненія и въ интенсивности занятій студентовъ на томъ или другомъ факультетѣ и никоимъ образомъ не можетъ служить къ сравнительной характеристикѣ учебно-воспитательной и научной энергіи послѣднихъ; особенно поразительна тутъ разница между философскимъ и юридическимъ факультетомъ, изъ которыхъ первый былъ гораздо выше поставленъ въ научномъ отношеніи, чѣмъ второй; на богословскомъ же факультетѣ большой перевѣсъ серебряныхъ медалей надъ золотыми можетъ свидѣтельствовать не столько о высокомъ качествѣ работъ, сколько о прилежаніи студентовъ. Указанная неравномѣрность между факультетами въ сравнительномъ числѣ присужденныхъ медалей, быть можетъ, нѣсколько объясняется и тѣмъ, что философскій факультетъ менѣе трехъ остальныхъ служилъ практическимъ цѣлямъ на поприщѣ службы, пополнялся болѣе обезпеченными элементами, усиленно предававшимися развлеченіямъ и забавамъ, и не вызывалъ студентовъ къ особенно энергическому соревнованію въ занятіи наукой; возможно, что тутъ играла нѣкоторую роль и неравномѣрная требовательность разныхъ факультетовъ въ оцѣнкѣ представляемыхъ сочиненій.

Но въ общемъ научный духъ среди студентовъ обнаруживался весьма слабо. Объ этомъ имѣемъ мы ихъ собственныя свидѣтельства. Пасторъ Фр. В. Вальтеръ, бывшій студентомъ богословскаго факультета въ 1816—1819 гг., такъ говоритъ о своемъ времени: „Научная жизнь среди

1) Die Ehrenlegion, стр. 33—47.

студентовъ, къ сожалѣнію, была совсѣмъ незамѣтна; если бывали разговоры или споры научнаго характера, то развѣ у медиковъ, и то съ точки зрѣнія практической; богословы знали объ этомъ такъ же мало, какъ и мертвые ихъ профессоры — Зегельбахъ, Беллендорфъ и Гецель — которые сами умерли уже для всякаго знанія. Лекціи посѣщали студенты довольно прилежно, и столь же прилежно записывали на нихъ мертвый хламъ, чтобы потомъ въ неприкосновенности отнести его въ толстыхъ тетрадяхъ домой и оставить лежать въ покоѣ. Даже въ лучшихъ кружкахъ усердно читалась лишь беллетристика, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ поистинѣ очень ревностно, а серьезной работой безпокоили себя только къ экзаменамъ" [1]). О полномъ застоѣ среди богослововъ свидѣтельствуетъ и другой студентъ того же времени, Авг. Г. Гиппіусъ, 1818—1820, отмѣчая также нѣкоторое научное движеніе лишь среди медиковъ и отчасти, со времени проф. Дабелова, среди юристовъ [2]). По отзыву одного изъ тогдашнихъ студентовъ юридическаго факультета, П. Э. фонъ-Бока, 1814—1815, личныя сношенія между профессорами и университетской молодежью были очень незначительны [3]). Отмѣченное выше усердное посѣщеніе лекцій на богословскомъ факультетѣ далеко не было всеобщимъ; напротивъ, съ первыхъ же лѣтъ замѣчено было, что студенты разныхъ факультетовъ слишкомъ рано разъѣзжались въ концѣ каждаго семестра, до окончанія лекцій, такъ что профессора принуждены бывали, за почти полнымъ отсутствіемъ слушателей, прекращать чтеніе ихъ ранѣе положеннаго срока, а при желаніи непремѣнно закончить курсъ — или форсировать увеличеннымъ числомъ часовъ въ концѣ семестра, или переносить недочитанныя лекціи на слѣдующій семестръ. Происходившія отъ этого неудобства побудили совѣтъ еще въ 1806 году обратиться, путемъ публикаціи въ газетахъ,

1) Nachträge zum Album Estonorum. 2 Heft, стр. 28—29.
2) Тамъ же, стр. 35.
3) Тамъ же, стр. 25.

къ родителямъ и опекунамъ студентовъ съ просьбой помочь этому соотвѣтствующими воздѣйствіями на ихъ дѣтей и воспитанниковъ; но мѣра эта, какъ показали послѣдующіе годы, ни къ чему не привела, и въ ноябрѣ 1811 года совѣтъ выработалъ слѣдующія принудительныя постановленія, получившія утвержденіе министра: 1. Тѣмъ студентамъ, которые уѣзжаютъ ранѣе окончанія лекцій или пріѣзжаютъ позднѣе ихъ начала, не засчитываются эти семестры при оставленіи ими университета и выдачѣ соотвѣтственнаго о томъ свидѣтельства; 2. Для удостовѣренія о своемъ присутствіи въ университетѣ въ предѣльные сроки въ началѣ и концѣ каждаго семестра, студенты должны собственноручно записать свои имена въ особую книгу, находящуюся въ канцеляріи университета; 3. Профессора начинаютъ свои лекціи въ весеннемъ семестрѣ 4 февраля, а въ осеннемъ 4 августа, и объ окончаніи ихъ, для котораго срокъ не можетъ быть назначенъ, дѣлаютъ объявленія въ канцеляріи университета. — Какъ можно видѣть, самый характеръ этой мѣры былъ таковъ, что едва ли она могла принести какую-либо пользу.

Среди преподаваемыхъ предметовъ своеобразное положеніе въ университетѣ занималъ русскій языкъ. Съ одной стороны, русскій языкъ, бывшій на положеніи языка иностраннаго, не былъ обязательнымъ, а съ другой — знать его предполагалось необходимымъ въ виду возможности поступленія окончившаго курсъ въ университетѣ на государственную службу. Послѣднее соображеніе сильно ослаблялось тѣмъ крайне обособленнымъ положеніемъ, въ которомъ находился тогда Остзейскій край въ отношеніи къ остальной Россіи; фактически можно было тутъ находиться на государственной службѣ или заниматься общественной дѣятельностью и безъ знанія государственнаго языка, формальная обязательность котораго являлась лишь условной; другихъ побужденій, общественнаго или культурнаго характера, почти не существовало. Вслѣдствіе этого, русскимъ языкомъ

въ университетѣ занимались мало и очень неохотно, хотя для этого и была полная возможность, въ виду наличности „профессора россійскаго языка и словесности“ и „лектора россійскаго языка“, положенныхъ по уставу 1803 года. Попечитель Клингеръ, донося Главному Правленію Училищъ о первомъ своемъ посѣщеніи Дерптскаго университета въ 1804 году, писалъ: „Изъ рапортовъ университета и по собственнымъ моимъ наблюденіямъ примѣтилъ я, что сей (т. е. русскій) языкъ тамъ не въ должномъ уваженіи. Извѣстно однакожъ, что, не зная онаго, молодые люди не могутъ впослѣдствіи пріобрѣтенными отъ науки знаніями быть полезными своему отечеству во всѣхъ онаго краяхъ. Посему, представляя о семъ Главному Училищъ Правленію, покорнѣйше прошу оное дальнѣйшими сильными мѣрами подкрѣпить предпринятое уже мною“ [1]).

Мѣры, принятыя попечителемъ, заключались въ томъ, что въ маѣ 1804 года имъ было предписано университетскому совѣту, чтобы при выдачѣ аттестатовъ объ окончаніи курса, особенно тѣмъ молодымъ людямъ, которые имѣютъ намѣреніе посвятить себя государственной службѣ, обращалось вниманіе на основательное знаніе ими русскаго языка, причемъ совѣту было предложено учредить особую комиссію для производства испытаній по русскому языку изъ трехъ членовъ, профессоровъ Глинки, Шерера и Стикса, которые одни только изъ всего тогдашняго состава университетскаго совѣта были знакомы съ русскимъ языкомъ. Но какъ дѣйствовала эта комиссія, и насколько предписаніе попечителя имѣло вліяніе на успѣшный ходъ занятій русскимъ языкомъ со стороны студентовъ, въ точности неизвѣстно; послѣдующіе факты подсказываютъ въ этомъ отношеніи скорѣе отрицательный, нежели положительный отвѣтъ. По крайней мѣрѣ, въ 1813 году попечитель настоятельно указывалъ совѣту на необходимость обращать большее вни-

1) Періодическое сочиненіе, № VII (1804), стр. 83—84.

маніе на знакомство учащихся въ университетѣ съ русскимъ языкомъ, ссылаясь въ этомъ отношеніи на министра народнаго просвѣщенія гр. А. К. Разумовскаго, который ему писалъ: „прошу и вообще болѣе пещись о томъ, чтобы россійскій языкъ въ училищахъ округа его (т. е. Дерптскаго университета) и въ самомъ университетѣ успѣшнѣе былъ преподаваемъ, нежели какъ сіе доселѣ происходило, къ ущербу собственной славы и чести университета".

Что преподаваніе русскаго языка въ университетѣ и познанія въ немъ студентовъ стояли очень невысоко и въ послѣдующіе годы, указанія на это имѣемъ мы въ сужденіяхъ совѣта университета въ 1818 и 1819 годахъ о мѣрахъ къ усиленію занятій студентовъ русскимъ языкомъ, при чемъ между членами совѣта возникло принципіальное разногласіе по этому вопросу, имѣвшему тогда въ глазахъ большинства профессорской коллегіи не одинъ только учебно-практическій, но и культурно-общественный, даже политическій характеръ.

Профессоръ положительнаго государственнаго и народнаго права І. Г. Нейманъ, иностранецъ по происхожденію, бывшій до поступленія въ Дерптскій университетъ профессоромъ въ Казани, выступилъ съ подробно мотивированнымъ мнѣніемъ своимъ о русскомъ языкѣ, отъ 28 октября 1818 года. „Насколько я могъ донынѣ наблюдать, — писалъ Нейманъ — въ здѣшнемъ университетѣ изученіе русскаго языка находится въ большомъ пренебреженіи. Даже студенты, которые намѣрены посвятить себя государственной службѣ, по гражданской спеціальности, имѣютъ очень слабыя познанія въ русскомъ языкѣ и вовсе не считаютъ необходимымъ включить изученіе его въ свою научную подготовку, хотя это положительно предписано указомъ 6 августа 1809 года [1]). Можно по этому опасаться, что и

1) Тутъ имѣются въ виду „Правила о производствѣ въ чины по гражданской службѣ и объ испытаніяхъ въ наукахъ для производства въ коллежскіе ассесоры и статскіе совѣтники": Сборникъ постановленій, І. 582—589.

подготовляющіеся къ государственной службѣ медики, обремененные очень сложнымъ планомъ 4-лѣтняго курса и увлекаемые общимъ настроеніемъ, не дадутъ себѣ труда достаточно изучить русскій языкъ, чтобы къ концу курса они могли съ нѣкоторой легкостью говорить и писать на немъ; а между тѣмъ такое знаніе безусловно требуется отъ чиновниковъ, поступающихъ на русскую государственную службу, особенно во внутреннія губерніи. Поэтому, не только интересъ службы, но и слава университета понесли бы ущербъ, если бы юноши, получающіе въ немъ образованіе на казенный счетъ, при поступленіи на службу оказывались невѣждами по предмету, знать который обязаны даже гимназисты при поступленіи въ университетъ". Въ виду этого, онъ полагалъ полезнымъ принять такую мѣру: или принимать въ университетъ только тѣхъ молодыхъ людей, которые при поступленіи окажутъ удовлетворительныя познанія въ русскомъ языкѣ, или, если это, въ виду неудовлетворительной постановки преподаванія русскаго языка въ среднихъ школахъ, пока недостижимо, то обязать всѣхъ вообще студентовъ, желающихъ получить аттестатъ объ окончаніи ими университетскаго курса, основательно заняться русскимъ языкомъ въ университетѣ и сдать соотвѣтствующій экзаменъ, безъ чего и самый аттестатъ не можетъ быть выданъ.

Когда мнѣніе это заслушано было въ совѣтѣ 13 ноября того же 1818 года, то вызвало выраженіе несогласія съ нимъ остальныхъ членовъ и въ особенности ректора Эверса, не столько по фактическимъ указаніямъ, сколько по рекомендуемымъ проф. Нейманомъ мѣрамъ, при чемъ, въ общемъ, слабое знакомство студентовъ университета съ русскимъ языкомъ не было отрицаемо.

Въ одномъ изъ послѣдующихъ засѣданій совѣта заслушана была новая записка проф. Неймана о русскомъ языкѣ, отъ 2 апрѣля 1819 года. Тутъ онъ, между прочимъ, писалъ: „Уже нѣсколько разъ офиціально докладывалъ я

о господствующемъ въ нашемъ университетѣ невѣжествѣ по русскому языку. Говорю — „невѣжествѣ", ибо слабыя познанія въ немъ того или другого изъ нашихъ студентовъ не идутъ даже въ расчетъ по сравненію съ тѣмъ, что они должны бы знать; говорю — „господствующемъ", ибо, насколько я могъ донынѣ наблюдать, изъ десяти студентовъ врядъ ли найдется одинъ, хотя бы посредственно лишь знающій этотъ предметъ, а основательное съ нимъ знакомство врядъ ли окажется у одного изъ 20 студентовъ". Ему представляется „противнымъ здравому смыслу", если „молодые люди, получающіе въ русскомъ университетѣ образованіе для служенія русскому государству, выпускаются съ надлежащими аттестатами объ окончаніи курса и, слѣдовательно, объявляются въ публичномъ документѣ достаточно подготовленными для государственной службы, когда извѣстно, что они не понимаютъ языка своей страны"; при чемъ эти молодые люди, „противно закону и видамъ правительства", незаслуженно становятся „соучастниками всѣхъ тѣхъ гражданскихъ преимуществъ, какія по закону соединяются съ таковыми свидѣтельствами, въ видахъ поощренія занятій въ русскихъ университетахъ". Въ виду этого соображенія, а также прямого указанія закона, проф. Нейману кажется, что совѣтъ университета „дѣйствуетъ врядъ ли законно, если выдаетъ свидѣтельства объ успѣшномъ окончаніи наукъ, не имѣя полной увѣренности, что данное лицо основательно владѣетъ русскимъ языкомъ". Поэтому, онъ настаиваетъ на примѣненіи уже ранѣе имъ рекомендованной мѣры; но вслѣдствіе „многихъ условій" и особенно того, что „русскій языкъ не изучается въ школахъ съ такимъ усердіемъ, съ какимъ бы это должно дѣлаться по закону и въ интересахъ государства", онъ предлагалъ, какъ уступку обстоятельствамъ, соблюденіе слѣдующихъ условій: 1. При пріемѣ вновь поступающихъ студентовъ подвергать ихъ испытанію по русскому языку; въ случаѣ, если они не окажутъ надлежащихъ познаній, то принять ихъ въ университетъ, но дать имъ опредѣленный

срокъ, напр. одинъ годъ, въ теченіе котораго они должны приготовиться ко вторичному испытанію по русскому языку. 2. Объявить теперешнимъ студентамъ, что имъ рекомендуется прилежно заняться русскимъ языкомъ, съ указаніемъ на то, что знаніе этого языка безусловно необходимо всѣмъ, желающимъ поступить по окончаніи курса на государственную службу, и что при окончательныхъ испытаніяхъ будетъ производимъ строгій экзаменъ по русскому языку, а недостатокъ познаній въ этомъ языкѣ будетъ особо отмѣченъ въ аттестатахъ. Въ заключеніе своихъ доводовъ относительно необходимости изученія русскаго языка, профессоръ Нейманъ говоритъ: „Нельзя не замѣтить, что обыкновенно только тотъ принимаетъ сердечное участіе въ благополучіи своей страны и можетъ быть истиннымъ патріотомъ, кто сумѣетъ сродниться съ туземцами по языку и стать ихъ компатріотомъ. Представители правительства, въ какомъ бы учрежденіи они ни сидѣли, должны бы внимательно соблюдать это дознанное опытомъ положеніе“.

Мнѣніе проф. Неймана вызвало обширное возраженіе ректора Эверса, отъ 28 апрѣля 1819 года. Сущность этого возраженія сводилась къ слѣдующему. Онъ былъ не согласенъ съ мнѣніемъ проф. Неймана объ обязательности знакомства съ русскимъ языкомъ для всѣхъ студентовъ, такъ какъ знаніе этого языка не является въ равной мѣрѣ необходимымъ для всѣхъ оканчивающихъ курсъ въ Дерптскомъ университетѣ. Всего болѣе необходимо оно для юристовъ, будущихъ судей и адвокатовъ; но избирающіе этого рода дѣятельность сами должны позаботиться о пріобрѣтеніи нужныхъ имъ познаній въ русскомъ языкѣ; университетъ же, съ его широкой академической свободой, долженъ предоставить каждому лишь возможность въ его стѣнахъ научиться русскому языку. Для богослововъ знаніе русскаго языка не представляется необходимымъ; къ тому же это было бы непосильной задачей для тѣхъ изъ нихъ, которые обладаютъ лишь посредственными способностями, такъ какъ

и безъ того они должны изучать нѣсколько языковъ: еврейскій, греческій, эстонскій или латышскій; да и вообще, въ предѣлахъ Остзейскихъ губерній можно быть очень хорошимъ пасторомъ и безъ знанія русскаго языка. Медики, не поступающіе на государственную службу, также могутъ съ полнымъ успѣхомъ заниматься практикой въ Остзейскихъ губерніяхъ безъ знакомства съ русскимъ языкомъ, и можно указать даже въ Петербургѣ и Москвѣ на нѣсколько весьма извѣстныхъ врачей, которые обходятся безъ знанія русскаго языка въ своей практической дѣятельности. Болѣе необходимо знаніе русскаго языка для юристовъ; но для тѣхъ изъ нихъ, которые желаютъ получить дипломъ съ правомъ на чинъ, это предусмотрѣно обязательными особыми испытаніями; тѣхъ же юристовъ, которые не добиваются никакихъ дипломовъ и правъ, было бы несправедливо подвергать русскому экзамену. Вообще же Эверсъ былъ того мнѣнія, что рекомендуемыя проф. Нейманомъ новыя правила о занятіяхъ русскимъ языкомъ въ университетѣ могутъ быть изданы не раньше, чѣмъ будутъ выработаны и введены новыя правила и планы для среднихъ школъ Остзейскаго края, и что во всякомъ случаѣ такія правила не могутъ имѣть одинаковой обязательности для всѣхъ студентовъ, безъ различія факультетовъ. Онъ полагалъ, кромѣ того, что для достиженія лучшаго знакомства студентовъ съ русскимъ языкомъ необходимо съ одной стороны позаботиться о снабженіи среднихъ школъ хорошими учителями русскаго языка, а съ другой — и въ университетѣ дать учащимся возможность лучше и больше заниматься русскимъ языкомъ, чѣмъ это дѣлается въ настоящее время. Свое возраженіе Эверсъ заключалъ нѣсколькими общими соображеніями, въ которыхъ старался доказать, что принудительныя мѣры относительно русскаго языка, несогласныя съ принципомъ университетской свободы, оказались бы въ то же время въ противорѣчіи и съ тѣмъ патріотическимъ духомъ, которымъ всегда были одушевлены губерніи Лифляндская и Эстляндская отно-

сительно Россіи. Полное согласіе съ этимъ мнѣніемъ ректора Эверса, безъ всякихъ оговорокъ, выразили очень многіе изъ членовъ совѣта, въ томъ числѣ и профессоръ русскаго языка и литературы А. Θ. Воейковъ. Поэтому, въ засѣданіи совѣта 28 апрѣля 1819 года, сдѣлано было по поднятому вопросу слѣдующее постановленіе: „Когда воспослѣдуетъ утвержденіе представленнаго высшему начальству новаго школьнаго устава, тогда слѣдуетъ потребовать, чтобы каждый юноша, желающій заниматься юриспруденціей, доказалъ бы свое знаніе русскаго языка либо гимназическимъ свидѣтельствомъ, либо на пріемномъ испытаніи по этому предмету; каждый же выпускной студентъ, ищущій диплома съ правомъ на чинъ, долженъ экзаменоваться по русскому языку; кромѣ того, необходимо озаботиться, чтобы предметъ этотъ хорошо преподавался въ университетѣ“ [1]). Какъ можно видѣть изъ предыдущаго, рѣшеніе совѣта совершенно было согласно съ мнѣніемъ Эверса; вопросъ въ сущности разрѣшенъ не былъ; ученая коллегія оказалась глуха къ убѣдительнымъ доводамъ профессора Неймана, и лучшее знакомство студентовъ съ русскимъ языкомъ не было на будущее время ни въ какомъ отношеніи обезпечено.

Достойно здѣсь упоминанія, что самъ проф. Нейманъ не только отстаивалъ русскій языкъ теоретически, но пытался подтвердить свои убѣжденія о роли государственнаго языка и въ практикѣ: нѣкоторое время онъ читалъ лекціи на русскомъ языкѣ [2]), и это былъ единственный случай за

---

1) Будиловичъ, А. С. Объ успѣхахъ русскаго языка въ Юрьевскомъ университетѣ въ истекающемъ столѣтіи. Юрьевъ 1899, стр. 32—44.

2) (Th. Beise). Die Kaiserliche Universität Dorpat, стр. 70. О Нейманѣ библіотекарь Дерптской университетской библіотеки Э. Андерсъ, слушавшій его лекціи во время своего студенчества въ 1823—1829 годахъ, такъ говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ: „Er sprach das Russische greulich aus, war aber der gründliche Kenner besonders des älteren russischen Rechtes und beschäftigte sich so eingehend und vergleichend mit dem älteren slavischen Rechte, dass er

весь описываемый періодъ, когда русскій языкъ являлся органомъ преподаванія помимо каѳедры русскаго языка и литературы.

Что же касается дѣловой переписки университета, то русскій языкъ употреблялся въ ней, и то не всегда, лишь въ сношеніяхъ съ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Каковъ былъ этотъ русскій языкъ, видно изъ того, что въ засѣданіи 8 мая 1812 года совѣтъ университета долженъ былъ заслушать предписаніе графа Завадовскаго о желательности болѣе правильнаго русскаго языка въ донесеніяхъ университета; на предписаніе это университетъ отвѣтилъ, что онъ не имѣетъ средствъ для найма еще одного русскаго переводчика, при чемъ сослался на то, что веденіе переписки на нѣмецкомъ языкѣ считаетъ формально предоставленнымъ себѣ правомъ.

5.

Дисциплина среди студентовъ. — Первыя впечатлѣнія Клингера. — Случаи нарушенія дисциплины студентами въ 1803, 1804, 1805 и послѣдующихъ годахъ. — Отношеніе къ проступкамъ студентовъ со стороны университетскаго начальства. — Окончательное паденіе дисциплины во вторую половину перваго періода. — Общій характеръ студенческихъ проступковъ.

Весьма естественно, что при наличности нѣсколькихъ сотъ молодыхъ людей вмѣстѣ и при весьма своеобразномъ представленіи многихъ изъ нихъ о цѣляхъ своего пребыванія въ университетѣ, гдѣ они нерѣдко являлись лишь гостями на короткое время, для забавы и участія въ шумномъ круговоротѣ веселой студенческой жизни, при слабости интереса къ научнымъ занятіямъ, при сознаніи своего

---

auch seine Zuhörer mit Schaffariks slavonischer Grammatik bekannt zu machen suchte, damit sie die älteren russischen Rechtsquellen verstehen können. Die anderen Zuhörer blieben bald weg, ich allein war ihm treu" (Baltische Monatsschrift, B. XXXIX, 1892, стр. 220).

особаго привилегированнаго положенія относительно окружающаго его населенія маленькаго города, гдѣ студенты являлись самымъ виднымъ элементомъ, самой большой сплоченной группой, наконецъ при слабости органовъ надзора за молодыми людьми со стороны, дисциплина университетской молодежи въ Дерптѣ за описываемое время оставляла желать весьма многаго.

При крайней снисходительности, съ которой университетское начальство того времени смотрѣло на разные студенческіе проступки, университетская хроника весьма богата была случаями проявленія со стороны юныхъ академическихъ гражданъ неправильнаго пониманія дарованной имъ свободы. Здѣсь мы можемъ остановиться лишь на весьма немногихъ этого рода фактахъ.

Попечитель Клингеръ, при первомъ своемъ посѣщеніи университета въ 1804 году, вынесъ о поведеніи студентовъ весьма выгодное для нихъ впечатлѣніе. Онъ нашелъ „поведеніе и нравственные поступки“ большей части студентовъ достойными похвалы и не замѣтилъ „той грубости и своевольства, а еще менѣе распутства“, которыми отличаются иностранные университеты; напротивъ, онъ нашелъ въ дерптскихъ студентахъ „скромность во всѣхъ поступкахъ, покорность къ начальникамъ и чувство чести“ и выражалъ надежду, что этотъ „добрый духъ, питаемый и поддерживаемый науками и вліяніемъ профессоровъ, будетъ болѣе и болѣе увеличиваться между ними и потомъ сдѣлается господствующимъ“. Тѣмъ не менѣе, попечитель нашелъ нужнымъ, „для предупрежденія впредь всякаго своевольства и для отвращенія отъ дурныхъ поступковъ менѣе пріобрѣтшихъ навыка къ доброму поведенію молодыхъ людей“, предложить совѣту для руководства нѣкоторыя частныя правила, при чемъ рекомендовалъ, чтобы университетъ поступалъ, въ случаяхъ нарушенія студентами дисциплины, „хотя снисходительно, но въ потребномъ случаѣ со строгостію и безъ всякаго послабленія“. Мотивируя необходимость

особаго вниманія къ дисциплинѣ въ университетѣ, попечитель указывалъ на разницу между Дерпскимъ университетомъ и иностранными: „тамъ учащіеся бываютъ недолгое время при одномъ университетѣ, почему и не признаютъ таковой въ разсужденіи ихъ обязанности (т. е. образовывать изъ себя достойныхъ гражданъ государства; здѣсь же образуются сыны отечества предъ глазами онаго; здѣсь должно почти ежедневно давать отчетъ государству и монарху онаго, чего отъ учащихся ожидать можно нѣкогда какъ въ разсужденіи учености, такъ и нравственности“ [1]).

Но оптимистическій взглядъ попечителя не нашелъ себѣ оправданія въ послѣдовавшихъ фактахъ, и его въ основѣ вѣрное мнѣніе, что Дерптскій университетъ, по характеру своего назначенія, „не можетъ быть сравненъ съ иностранными университетами, а и того менѣе устроенъ по образцу оныхъ“, въ дѣйствительности оказалось въ полномъ противорѣчіи съ силою вещей.

Для сужденія о дисциплинѣ въ Дерптскомъ университетѣ за описываемое время богатый матеріалъ представляютъ разслѣдованія и приговоры университетскаго суда. Вотъ нѣсколько отдѣльныхъ фактовъ, возникшихъ, какъ впрочемъ и огромное большинство другихъ дѣлъ, на почвѣ отношеній студентовъ къ окружавшей ихъ городской средѣ.

Еще въ началѣ осенняго семестра 1803 года небольшая группа студентовъ, въ качествѣ депутатовъ отъ своихъ товарищей, насильно вошла въ квартиру проживавшаго въ Дерптѣ колл. сов. Шпальхабера, человѣка уже весьма преклонныхъ лѣтъ, и выразила ему въ очень грубой формѣ неудовольствіе по поводу какихъ-то замѣчаній послѣдняго о студентахъ, при чемъ разбила въ его квартирѣ оконныя стекла. Шпальхаберъ подалъ въ университетскій судъ жалобу, но дѣло это встрѣтило тамъ неблагопріятное къ истцу

---

1) Періодическое сочиненіе, № VII (1804), стр. 78—80.

отношеніе, и хотя студенты и были признаны достойными нѣкотораго легкаго наказанія, но за то и Шпальхаберъ приговоренъ былъ къ штрафу въ 20 р. за оскорбительныя выраженія по адресу университета. Недовольный такимъ исходомъ дѣла, Шпальхаберъ подалъ жалобу главно-управляющему гражданской частью въ Остзейскихъ губерніяхъ, или, какъ его обыкновенно тогда называли, генералъ-губернатору, гр. Ѳ. Ѳ. Буксгевдену, и въ виду этого попечитель Клингеръ долженъ былъ довести обо всемъ дѣлѣ до свѣдѣнія министра народнаго просвѣщенія графа Завадовскаго. Попечитель находилъ, что въ дѣлѣ виноваты главнымъ образомъ студенты, и предлагалъ университетскому суду еще разъ разсмотрѣть дѣло и дать соотвѣтствующее удовлетвореніе Шпальхаберу [1]). Но университетъ смотрѣлъ на дѣло съ совершенно другой точки зрѣнія: не находя въ поступкѣ студентовъ злой воли и видя въ этомъ лишь болѣе или менѣе невинную съ ихъ стороны, хотя и неприличную, выходку, онъ придавалъ, напротивъ, большое значеніе обидѣ, нанесенной университетской корпораціи со стороны Шпальхабера неуважительными его отзывами объ университетѣ. Дѣло было доведено до свѣдѣнія Государя и, по докладѣ ему отъ министра народнаго просвѣщенія, послѣдовалъ отъ 9 марта 1804 года указъ, въ которомъ университету сдѣлано было замѣчаніе, что онъ при разбирательствѣ дѣла Шпальхабера поступилъ неосмотрительно и сразу же не отдѣлилъ въ немъ разные элементы — нарушеніе общественной тишины и благочинія и лично нанесенную Шпальхаберу обиду; съ другой стороны, признана была вина и за Шпальхаберомъ, въ виду непристойныхъ его выраженій относительно университета, и наложенный на него университетскимъ судомъ штрафъ въ 20 р. былъ утвержденъ. Въ основѣ своей того же характера было и другое дѣло 1803 года, объ оскор-

---

1) Письма его на имя совѣта университета отъ 9 октября и 10 ноября 1803 года: Briefbuch, стр. 285—286.

бленіи, нанесенномъ университету проживавшимъ въ Дерптѣ стряпчимъ Кизерицкимъ, который, по поводу приговора университетскаго суда надъ его сыномъ-студентомъ, за одинъ проступокъ послѣдняго, обнаружилъ неуважительное отношеніе къ университету; оберегая свой авторитетъ, университетъ возбудилъ передъ высшимъ начальствомъ жалобу противъ Кизерицкаго, разслѣдованіе по которой передано было волею Государя, выраженною въ томъ же указѣ 9 марта 1804 года, министру юстиціи [1]). Интересъ обоихъ этихъ дѣлъ заключается главнымъ образомъ въ той настойчивости, съ которой университетъ почиталъ нужнымъ всѣми средствами защищать себя даже отъ малѣйшаго посягательства со стороны лицъ, не принадлежавшихъ къ университетской средѣ.

Въ 1804 году безчинства студентовъ, въ видѣ битья оконъ въ домахъ горожанъ, драки на улицахъ съ ремесленниками и солдатами и т. п., приняли весьма значительные размѣры. Одно изъ такихъ безчинствъ обратило на себя особенное вниманіе. Именно, 8 ноября 1804 года, на улицѣ, близъ Каменнаго моста, студенты затѣяли драку съ подмастерьями, и когда для водворенія порядка посланъ былъ отъ мѣстнаго гарнизона патруль, во главѣ съ капитаномъ Тонышевымъ, то студенты набросились на этого послѣдняго, осыпая его оскорбительными выраженіями и не стѣсняясь присутствіемъ тутъ же профессора Эльснера, который спокойно наблюдалъ сцену; затѣмъ всѣ разошлись по домамъ. Результатомъ послѣдовавшаго вскорѣ разбора этого дѣла передъ университетскимъ судомъ было то, что двое студентовъ, Клугенъ и Тидебель, были посажены на два дня въ карцеръ, а на „черной доскѣ“ университета прибито было объявленіе объ обязательности со стороны студентовъ оказывать почтеніе къ воинскому караулу. Но графъ Буксгевденъ, получивъ извѣщеніе объ этомъ дѣлѣ,

1) Сборникъ постановленій, I. 207—209.

а потомъ и о рѣшеніи университетскаго суда, почелъ нужнымъ представить его на сужденіе министра внутреннихъ дѣлъ графа Кочубея, объясняя, между прочимъ, что причина драки заключалась въ запрещеніи подмастерьямъ со стороны студентовъ пѣть студенческія пѣсни, и что послѣдовавшее отъ студентовъ оскорбленіе дежурнаго офицера должно повести къ передачѣ этого дѣла въ уголовный судъ. Графъ Кочубей доложилъ о дѣлѣ Государю, и затѣмъ писалъ графу Буксгевдену 13 января 1805 года: „Государь Императоръ, негодуя на безпорядки, въ Дерптѣ возобновляющіеся, отъ кого бы они ни происходили, и указавъ, чтобы строго объ оныхъ со стороны университета изслѣдовано было, замѣчаетъ однакожъ при томъ, что нѣтъ почти возможности въ мѣстѣ, гдѣ такое большое стеченіе молодыхъ людей на свободѣ живущихъ находится, чтобъ какихъ-либо безпорядковъ отъ юности происходящихъ не случилось; что въ Германіи и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ университеты существуютъ, безпорядки сіи несравненно чаще возобновляются, но что нѣкоторымъ образомъ за правило жителями таковыхъ мѣстъ пріемлется оказывать снисхожденіе во всѣхъ случаяхъ, когда сіе не сопрягается съ явными огорченіями, по уваженію тому, что отъ молодости нельзя ожидать всегда размышленныхъ поступковъ, и что города сіи получаютъ выгоды отъ существованія въ нихъ университетовъ; что Дерптскій университетъ, такъ какъ всѣ другіе въ Россіи и въ иностранныхъ земляхъ существующіе, имѣетъ свои уставы, по какимъ онъ дѣйствуетъ; что такимъ образомъ безпорядки, производимые студентами, должны быть разсматриваемы въ трибуналѣ университета соотвѣтственно правиламъ, на разные случаи по положенію университета опредѣленнымъ, а не на основаніи томъ, какъ въ нарушеніи порядка обыкновенными полицейскими мѣстами дѣла разбираются“; въ концѣ гр. Кочубей прибавлялъ отъ себя, что „управленіе университета, какъ извѣстно, многимъ въ Лифляндіи лично не нравится“, и выражалъ мнѣніе, что

прекращенію безпорядковъ можетъ помочь лучшая организація мѣстной полиціи. На это послѣдовало весьма характерное возраженіе графа Буксгевдена, отъ 4 февраля 1805 года, гдѣ онъ, между прочимъ, писалъ министру: „Я не знаю такихъ въ Лифляндіи, коимъ бы лично управленіе университета не нравилось; но по справедливости не можетъ никому нравиться то единственно, что университетское мѣстное начальство слабымъ за молодыми людьми смотрѣніемъ допускаетъ безпорядки ихъ, отъ коихъ удерживать ихъ при самомъ началѣ тѣмъ болѣе полагаю надобнымъ, дабы не могло усугубиться и утроиться своевольство съ обидою жителей Дерпта"; сравнивая студенческія условія жизни въ германскихъ университетахъ съ дерптскими, графъ Буксгевденъ былъ того мнѣнія, что между тѣми и другими большая разница: тамъ студенты-иностранцы дѣйствительно доставляютъ городамъ доходъ, и потому ихъ безчинства горожане поневолѣ терпятъ, а „въ Дерптскомъ университетѣ суть россійскіе подданные; ихъ избытки и въ Дерптѣ суть избытки россійскіе; университетъ Дерптскій снабженъ во всемъ щедротами Его Императорскаго Величества; студенты и граждане вѣрноподданные одного монарха; жители Дерпта усугубленія промышленности желаютъ вмѣстѣ съ безопасностію и обращаются подъ защиту начальства". Но на сторонѣ университета стоялъ въ этомъ дѣлѣ и попечитель, говоря въ своемъ объясненіи, согласно донесенію университета по данному дѣлу, что ссора между студентами и капитаномъ Тонышевымъ произошла „отъ недоразумѣнія съ одной стороны нѣмецкаго, а съ другой россійскаго языка", а именно: „когда окруженные карауломъ студенты представляли капитану Тонышеву, что ихъ слѣдуетъ вести не на гауптвахту, а къ ректору, и какъ одинъ изъ нихъ, говоря нечисто по-русски, назвалъ капитана братомъ, то онъ за сіе такъ разсердился, что ругалъ ихъ подлыми матерными словами"; самъ попечитель находилъ, что университетъ при разсмотрѣніи дѣла поступилъ совершенно правильно, и хотя

графъ Буксгевденъ не оставилъ этого объясненія безъ возраженій въ новомъ письмѣ къ графу Кочубею, отъ 1 апрѣля 1805 года, но дѣло это было оставлено безъ всякихъ для университета послѣдствій [1]). Зная такое отношеніе къ себѣ университетскаго начальства, студенты черезъ три недѣли послѣ описаннаго происшествія, 30 ноября 1804 года, въ обѣденное время выбили окна въ квартирѣ бригадира Брикенталя, какъ за нѣсколько дней передъ этимъ выбили окна въ квартирѣ ратсгера Вернера, и черезъ нѣсколько дней повторили эту операцію еще разъ у того же лица, а также въ квартирѣ профессора Розенмюллера.

Въ 1805 году продолжались подобные же поступки. Въ мартѣ этого года студенты произвели буйство и драку въ домѣ оловянничнаго мастера Цейдлера; узнавъ объ этомъ, графъ Буксгевденъ донесъ о дѣлѣ Государю, вслѣдствіе чего было повѣлено сообщить объ этомъ министру народнаго просвѣщенія, съ тѣмъ чтобы виновные были строго наказаны. По этому поводу попечитель Клингеръ обратился къ университету съ пространнымъ предложеніемъ, отъ 31 марта 1805 года, въ которомъ, измѣнивъ уже прежнее свое отношеніе къ подобнымъ дѣламъ, писалъ, между прочимъ, такъ: „Теперь университетъ, конечно, признаетъ, что пассивное отношеніе его администраціи не привело къ надлежащей цѣли, и что она должна самымъ серьезнымъ образомъ приложить свои старанія къ предупрежденію событій, угрожающихъ спокойствію въ университетѣ; при этомъ, каждое такое событіе должно быть отселѣ предметомъ самаго внимательнаго и дѣятельнаго его наблюденія“ [2]).

Такой перечень изъ года въ годъ можно было бы продолжать въ теченіе всего описываемаго періода жизни университета; смертельные случаи при дуэляхъ, драки, тради-

---

1) Е. Чешихинъ. Студенческія безчинства въ Дерптѣ (1804). „Русскій Архивъ“ 1887, № 10, стр. 273—281.

2) Briefbuch, стр. 287.

ціонное битье оконъ, даже вѣдомахъ профессоровъ и у ректора, какъ напр. въ 1809 году, шумъ и безчинства на улицахъ въ трезвомъ и нетрезвомъ видѣ, задоръ и разнаго рода грубыя выходки — все это доставляло обильный матеріалъ для работы судебнымъ инстанціямъ университета. Со стороны университетскаго начальства господствовало при этомъ разъ принятое направленіе — снисхожденіе и смотрѣніе на многое сквозь пальцы. Наказанія налагались обыкновенно самыя слабыя: чаще всего карцеръ, потомъ временное удаленіе изъ университета, consilium abeundi, и въ рѣдкихъ случаяхъ „релегація", т. е. удаленіе изъ университета навсегда. Сидѣніе въ карцерѣ не представляло въ себѣ ничего особенно непріятнаго, такъ какъ смягчалось всякаго рода поблажками, о которыхъ начальство университета не знало или на которыя не обращало вниманія, и каждый студентъ считалъ почти обязанностью и какъ бы доказательствомъ своего настоящаго студенческаго духа посидѣть въ карцерѣ; кромѣ того, къ посаженному въ карцеръ студенту находили легкій доступъ не только товарищи, но даже женщины. Узнавъ объ этомъ, попечитель Клингеръ писалъ ректору 7 ноября 1811 года: „карцеръ въ Дерптѣ устроенъ, кажется, болѣе для того, чтобы служить низменнымъ удовольствіямъ заключеннаго и его гостей", и далѣе дѣлалъ безотрадное заключеніе, что „каждое новое происшествіе доказываетъ совершенно упавшую дисциплину въ университетѣ"; попечитель прямо писалъ: „профессора, которые не нравятся студентамъ, сдѣлаютъ всего лучше, если будутъ имѣть свои окна не на улицу, а во дворъ" [1]).

Въ мнѣніи своемъ объ окончательномъ паденіи дисциплины въ Дерптскомъ университетѣ попечитель былъ совершенно правъ, такъ какъ только при этомъ условіи возможно было печальное событіе 21 апрѣля 1815 года, когда,

1) Briefbuch, стр. 279—281.

въ обычный годовой праздникъ дерптскаго студенчества, послѣднее завязало жестокую драку съ нѣкоторыми людьми изъ городского населенія, при чемъ одинъ изъ нихъ на другой день послѣ побоища умеръ. Окончательное сужденіе объ этомъ дѣлѣ, кончившемся впрочемъ сравнительно умѣреннымъ наказаніемъ виновныхъ, произнесено было уголовнымъ судомъ въ Ригѣ.

Подробности этого дѣла, весьма характернаго въ лѣтописяхъ университета въ разныхъ отношеніяхъ, были таковы. 21 апрѣля 1815 года, по установившемуся обычаю, студенты, съ разрѣшенія своего начальства, праздновали годовщину открытія университета; вечеромъ этого дня они отправились съ музыкой на площадь передъ ратушей, и по дорогѣ, на Каменномъ мосту, столкнулись съ нѣсколькими русскими жителями города, которые передъ тѣмъ совершили прогулку въ лодкѣ по Эмбаху; произошла свалка, при чемъ студенты звали на помощь сбѣгавшихся изъ сосѣднихъ улицъ товарищей; явились педеля, а потомъ самъ ректоръ, которому и удалось возстановить порядокъ; полиція пришла уже позже. Дѣло это поступило немедленно на разсмотрѣніе университетскаго суда, который и занимался имъ непрерывно съ 22 по 26 апрѣля, при чемъ установилъ слѣдующую картину событія: причиной драки явился частный преподаватель русскаго языка въ Дерптѣ Александръ Зейдлицъ, который за дурное поведеніе былъ выключенъ изъ университета; участвуя въ шествіи студентовъ, онъ спросилъ встрѣтившихся ему на мосту русскихъ, какое право имѣютъ они заводить музыку, и вступилъ съ ними въ драку, послѣдствіемъ которой было то, что одинъ русскій купецъ, Семенъ Шапошниковъ, на другой день умеръ; педель Кельнеръ тяжело былъ раненъ, и разные участники побоища также получили раны; въ слѣдующіе дни по улицамъ Дерпта студентамъ ходить было небезопасно, такъ какъ на нихъ нападали ремесленники съ палками и огнестрѣльнымъ оружіемъ, при чемъ послѣдніе запасались строго запрещенными т. наз.

„Knotenstöcke". Совѣтъ университета, вполнѣ соглашаясь съ изложеннымъ, требовалъ привлеченія Александра Зейдлица къ отвѣтственности передъ мѣстнымъ ландгерихтомъ и предлагалъ, если это будетъ нужно, дозволить студентамъ явиться туда въ качествѣ свидѣтелей. О дѣлѣ сообщено было, съ одной стороны, военному губернатору въ Ригу, а съ другой — попечителю въ Петербургъ; первый приказалъ Дерптской полиціи усилить надзоръ въ интересахъ безопасности городскихъ жителей и подъ страхомъ ареста запретилъ студентамъ носить „Knotenstöcke", а второй обратился въ университетъ съ весьма строгимъ предписаніемъ, въ которомъ неодобрительно припоминалъ прошлую плохую дисциплину среди студентовъ, вызвавшую по одному недавнему дѣлу общее порицаніе со стороны комитета министровъ, и въ особенности послѣдній случай драки на Каменномъ мосту, который долженъ повлечь за собою весьма плохія для студентовъ послѣдствія. Студенты Левевицъ, Фридрихъ Насакенъ, Фробенъ, Портенъ, Кaубертъ, Экбомъ, Фокъ, Лемке и братья ф.-Гольстъ взяты были подъ арестъ въ ожиданіи суда, который, по предписанію губернскаго правленія, долженъ былъ состоять изъ членовъ ландгерихта и Дерптскаго магистрата, образуя собою judicium mixtum. Разборъ дѣла этимъ „смѣшаннымъ судомъ" тянулся цѣлыхъ 17 мѣсяцевъ, до октября 1816 года. Изъ находившихся подъ судомъ студентовъ двое, подъ поручительствомъ другихъ лицъ, были отпущены, по семейнымъ обстоятельствамъ, одинъ въ Курляндію, другой въ Ригу; но когда затѣмъ пожелали уѣхать изъ Дерпта на тѣхъ же условіяхъ и нѣкоторые другіе изъ этого числа, то университетскій совѣтъ постановилъ, чтобы ни одинъ профессоръ не давалъ за кого-либо изъ названныхъ студентовъ поручительство, какъ далъ передъ этимъ за студента Фока проф. Краузе, а попечителъ Клингеръ увѣдомилъ университетъ, что до тѣхъ поръ, пока не окончится разборъ дѣла, въ министерствѣ не будетъ разрѣшенъ ни одинъ паспортъ за гра-

ницу какому бы то ни было студенту университета, если только онъ не представитъ формальнаго заявленія университетскаго суда, что не причастенъ къ смерти Шапошникова въ данномъ процессѣ. Всего печальнѣе было положеніе Зейдлица, въ которомъ университетскій судъ видѣлъ единственнаго виновника происшедшаго, и который, какъ не студентъ, лишенъ былъ поддержки отъ студенчества; находясь подъ арестомъ, онъ почти умиралъ съ голоду, и бургомистръ Акерманъ обращался къ ректору университета съ предложеніемъ какъ-нибудь позаботиться о прокормленіи Зейдлица, такъ какъ магистратъ объ этомъ заботиться не обязанъ; по прошествіи нѣкотораго времени, бургомистръ снова обращался къ ректору о томъ же, указывая на нравственную обязанность студентовъ, участвовавшихъ въ дракѣ (числомъ до 60 человѣкъ), позаботиться о продовольствіи Зейдлица, чтобы не довести его до самоубійства. Наконецъ, 5 октября 1816 года произнесенъ былъ приговоръ: Александра Зейдлица, зачинщика драки, кончившейся смертію Шапошникова, заключить на 3 года въ крѣпость Дюнамюнде, засчитавъ ему въ этотъ срокъ уже отбытое имъ подъ арестомъ время съ начала дѣла; студента Фридриха Насакена – подвергнуть аресту на три мѣсяца въ университетскомъ Criminal-Carcer'ѣ, съ обязательствомъ уплатить 1000 рублей вдовѣ Шапошникова Еленѣ Шапошниковой, а въ случаѣ отказа отъ послѣдняго — продержать его въ карцерѣ сверхъ трехъ еще семь мѣсяцевъ; студентовъ Экбома, Фока, Портена, Кауберта и Фробена — подвергнуть аресту на два мѣсяца, и, кромѣ того, они должны принять на себя содержаніе Зейдлица, во все время отбыванія имъ срока заключенія въ крѣпости, ежегодной суммой въ 500 р. асс.; студента Лезевица — выпустить на волю безъ наказанія, но держать его подъ особымъ надзоромъ Дерптской полиціи. Приговоромъ этимъ подсудимые остались однако же недовольны и апеллировали въ Лифляндскій гофгерихтъ въ Ригѣ, который менѣе, чѣмъ черезъ мѣсяцъ, 2 ноября 1816 года, вынесъ имъ слѣ-

дующій окончательный приговоръ: такъ какъ не доказано, что Семенъ Шапошниковъ умеръ отъ причиненнахъ ему въ дракѣ ранъ, то никого не считать виновнымъ въ его смерти, и потому всѣхъ подсудимыхъ освободить и только Зейдлица присудить къ тремъ мѣсяцамъ ареста, послѣ отбытія котораго онъ долженъ оставить Дерптъ.

Такъ закончилось это дѣло, изъ котораго и теперь довольно ясно видно, насколько университетъ склоненъ былъ, выгораживая своихъ питомцевъ, жертвовать требованіями справедливости, и въ какой судебной инстанціи могъ онъ встрѣтить себѣ въ этомъ поддержку [1]).

Подобные же безпорядки продолжались въ 1816 и 1817 годахъ и, доведенные до свѣдѣнія Государя, вызвали высочайшее повелѣніе, отъ 5 апрѣля 1817 года, предать всѣхъ участниковъ ихъ гражданскому суду, какъ бы ни велико было число ихъ, и запретить студентатъ впредь носить присвоенныя имъ шпаги, равно какъ и всякое другое оружіе [2]); разрѣшеніе носить шпаги попрежнему возвращено было студентамъ лишь черезъ два года, въ маѣ 1819 года [3]). Выше уже было замѣчено, что той же высочайшей властью дважды въ теченіе перваго періода, въ 1808 и 1816 годахъ, студенты, за часто повторявшіеся безпорядки, лишаемы были права исключительной подсудности въ извѣстныхъ дѣлахъ университетскому суду.

Но всѣ студенческіе безпорядки перваго періода носятъ на себѣ одну отличительную черту: они почти лишены были политическаго элемента, въ широкомъ смыслѣ этого слова; только въ концѣ періода начинаютъ обнаруживаться

---

1) Архивъ Юрьевскаго университета: Die am 21-sten April 1815 zwischen den Studierenden und einigen russichen Einwohnern auf der Steinernen Brücke vorgefallene Schlägerey.

2) Сборникъ постановленій, I. 981.

3) Die russische Staatsregierung und die Dorpater Studentenschaft, въ книгѣ: Deutsch-protestantische Kämpfe in den Baltischen Provinzen Russlands. Leipzig 1888, стр. 202.

броженія этого послѣдняго свойства, но, органически связанныя съ послѣдующими годами университетской жизни, входящими во второй ея періодъ, они найдутъ себѣ указаніе въ своемъ мѣстѣ.

6.

Составъ профессоровъ на факультетахъ. — Лоренцъ Эверсъ; Моргенштернъ; Бурдахъ, Мойеръ. — Недочеты въ способахъ преподаванія. — Отношенія профессоровъ между собою; несогласія въ университетской средѣ; доходъ за „промоціи“. — Незаконное присужденіе юридическимъ факультетомъ докторскихъ дипломовъ въ 1816 году. — Студенческая жизнь. — Типическія черты студента того времени. — Товарищеская среда. — Стремленіе къ организаціи по общестуденческому, земляческому и факультетскому принципамъ. — Времяпровожденіе студентовъ; способы развлеченія. — Попытка основанія „Врачебнаго Общества“ въ 1811 году. — Учрежденіе общества „Академическая Мусса“ въ 1814 году. — Литературные студенческіе кружки.

Предшествующее изложеніе имѣло цѣлію представить сводъ главнѣйшихъ данныхъ офиціальной стороны университетской жизни за описываемый періодъ, нашедшихъ себѣ отраженіе главнымъ образомъ въ источникахъ такого же офиціальнаго характера. Но столь обширное учрежденіе, какъ университетъ, заключавшее въ себѣ много разнообразныхъ элементовъ и поставленное въ различныя жизненныя отношенія къ окружавшей его средѣ, близкой и отдаленной, жило еще, конечно, и другой, внѣшней и внутренней, жизнью, выходившей за предѣлы прямыхъ обязанностей его членовъ, вырабатывало свои идеалы, создавало своеобразныя черты своего существованія, наполняло тѣмъ или другимъ содержаніемъ свою общественную и частную жизнь, отзывалось на событія современности. Дерптскій университетъ съ самаго начала своего существованія такъ тѣсно былъ связанъ съ жизнью края во всѣхъ отношеніяхъ, что его исторію по справедливости можно считать важной частью культурной исторіи послѣдняго въ XIX вѣкѣ.

Преслѣдуя совершенно иную задачу, мы далеки отъ мысли примѣнять къ нашему изложенію эту культурно-историческую точку зрѣнія, и ограничимся лишь весьма немногими указаніями изъ этой области, на основаніи тѣхъ данныхъ, которыя непосредственно связаны съ характеромъ нашей работы.

Первый періодъ жизни Дерптскаго университета въ общемъ представляется вполнѣ законченной и по своему характеру совершенно опредѣленной эпохой въ его исторіи. „Надъ первыми пятнадцатью годами существованія Дерптскаго университета“, говоритъ одинъ мѣстный историкъ, „лежитъ какое-то романтическое очарованіе. Этотъ періодъ можно не безъ основанія разсматривать какъ героическій или золотой вѣкъ Дерпта, хотя въ научномъ отношеніи онъ былъ гораздо менѣе значителенъ, чѣмъ послѣдующія десятилѣтія“ [1]). Конечно, это „очарованіе“ есть личное впечатлѣніе историка, раздѣлявшееся и отчасти раздѣляемое весьма многими; „героической“ же или „золотой“ эпохой это время, разумѣется, можно назвать только условно; тѣмъ не менѣе многое изъ того періода должно казаться намъ теперь необыкновеннымъ и въ историческомъ отношеніи замѣчательнымъ и любопытнымъ.

Составъ профессоровъ былъ довольно разнообразный по возрасту, роду предшествующей дѣятельности, научной подготовкѣ, духовнымъ стремленіямъ и взглядамъ, привычкамъ и личному характеру. Въ числѣ профессоровъ оказались бывшіе учителя среднихъ школъ, практическіе врачи, аптекари, адвокаты; иные изъ нихъ ко времени профессорства давно уже утратили изъ памяти прежніе запасы своего скромнаго научнаго багажа и вносили въ аудиторію устарѣвшіе пріемы и методы, оставленные въ наукѣ взляды; другіе

---

1) Jul. Eckardt. Die Universität Dorpat, въ книгѣ: Die Baltischen Provinzen Russlands. Politische und culturgeschichtliche Aufsätze. Leipzig 1868, стр. 391.

вступали на каѳедру безъ достаточной подготовки и въ самомъ непосредственномъ смыслѣ слова „уча учились"; но были также и немногіе знающіе, энергичные люди, вполнѣ достойные того положенія, къ которому были призваны. По нравственнымъ своимъ качествамъ и складу характера, далеко немногіе изъ профессоровъ того времени могли служить образцомъ для подражанія своимъ слушателямъ, хотя были и въ этомъ отношеніи натуры истинно замѣчательныя; наконецъ, далеко не всѣ обладали достаточнымъ природнымъ тактомъ и не всегда вѣрно опредѣляли ту границу, за которой должны были оставаться въ своихъ отношеніяхъ къ молодежи, безъ явнаго ущерба своему личному, педагогическому и служебному, авторитету.

Видную и своеобразную фигуру представлялъ собою профессоръ догматики Лоренцъ Эверсъ, до вступленія на университетскую каѳедру проведшій долгое время на службѣ въ средней школѣ, въ качествѣ учителя и директора городского училища въ Дерптѣ. Среди господствовавшаго тогда на богословскомъ факультетѣ раціонализма, онъ отличался строго ортодоксальнымъ направленіемъ и глубокой религіозностью. До глубокой старости не имѣя семьи и ограниченный въ своихъ личныхъ потребностяхъ, онъ, не разбирая случаевъ, дѣлалъ добро кому придется, въ той или иной формѣ, изъ непосредственнаго чувства христіанскаго сострадания. Патріархъ среди тогдашняго профессорскаго круга по своимъ лѣтамъ, Эверсъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ, и на этой именно почвѣ симпатіи и безспорнаго нравственнаго авторитета маститаго дерптскаго профессора того времени возникло извѣстное посвященное ему стихотвореніе В. А. Жуковскаго „Старцу Эверсу" (1815), съ которымъ поэтъ въ свою бытность въ Дерптѣ познакомился лично и котораго въ одномъ письмѣ къ А. И. Тургеневу (отъ 31 окт. 1816 года) называлъ „святымъ". Преподаваніе его было устарѣлымъ и въ содержаніи и въ пріемахъ. — Изъ профессоровъ философскаго факультета, кромѣ Паррота, выдавался еще своими

заслугами передъ университетомъ и своею личностью профессоръ древне-классической филологіи, краснорѣчія и эстетики Моргенштернъ. Явившись въ Дерптскій университетъ изъ Данцига, гдѣ онъ былъ учителемъ въ Атенеѣ, съ солидной научной подготовкой, Моргенштернъ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ университетской корпораціи, энергически работая какъ преподаватель, директоръ библіотеки, основатель и директоръ музея искусствъ, членъ училищной комиссіи, главный директоръ Учительскаго Института. Будучи искуснымъ преподавателемъ, онъ вносилъ въ свою науку идею гуманизма, широту воззрѣній и то художественное настроеніе, которое много содѣйствовало пробужденію и развитію вкуса къ занятію наукой, правда нерѣдко лишь диллетантскому, но полезному въ цѣляхъ общаго образованія; эти свои качества многосторонне образованнаго человѣка вносилъ онъ и въ общественные кружки тогдашняго Дерпта, чему немало способствовали его необыкновенная общительность и мягкій, симпатичный характеръ. Изъ другихъ членовъ философскаго факультета, имѣвшихъ значительный научный и нравственный авторитетъ въ свое время, можно назвать профессора философіи Еше, профессора русской исторіи Густава Эверса, впослѣдствіи знаменитаго ректора университета, и профессора натуральной исторіи Ледебура. — На медицинскомъ факультетѣ выдавались въ особенности анатомъ и физіологъ Бурдахъ и хирургъ Мойеръ. Приглашенный изъ Лейпцига, живой и дѣятельный преподаватель, стоявшій, не въ примѣръ многимъ изъ своихъ товарищей современниковъ въ Дерптѣ по факультету, на уровнѣ научнаго движенія въ своей области, Бурдахъ отличался широкимъ образованіемъ и, искренно увлекаясь своей спеціальностью въ лабораторіи и на каѳедрѣ, возбуждалъ охоту къ занятію медициной среди своихъ слушателей; это было первое дѣйствительно извѣстное имя среди тогдашнихъ дѣятелей медицинскаго факультета въ Дерптѣ; общественная его дѣятельность выразилась попыт-

кой, впрочемъ не удачной, хотя и не по его винѣ, основать въ Дерптѣ въ 1811 году первое ученое общество подъ именемъ „Aertzliche Gesellschaft"; учено-литературная его дѣятельность была довольно обширна. Несравненно менѣе извѣстенъ былъ въ послѣднемъ отношенiи Мойеръ, но въ Дерптѣ и за его предѣлами онъ прiобрѣлъ въ свое время большую славу какъ искусный операторъ; дару его преподаванiя, которымъ онъ привлекалъ къ себѣ обширную аудиторiю, университетъ, въ извѣстной степени, обязанъ довольно значительнымъ числомъ хорошихъ хирурговъ, между которыми достаточно упомянуть здѣсь Н. И. Пирогова, собственная профессорская дѣятельность котораго въ Дерптскомъ университетѣ относится къ болѣе позднему времени. Широкая образованность Мойера, прямодушный характеръ, прирожденный тактъ и замѣчательныя музыкальныя дарованiя открывали ему способы влiянiя своей личностью и внѣ университета. — Изъ профессоровъ юридическаго факультета, который въ общемъ былъ неудаченъ по своему составу въ теченiе всего перiода, мы не можемъ назвать ни одного имени, которое бы могло итти вровень съ только что упомянутыми именами по ихъ нравственному или научному авторитету.

Весьма вѣроятно, что на первое время могла обнаружиться въ профессорахъ особая ревность къ преподаванiю, которая и продиктовала попечителю Клингеру, въ первый его прiѣздъ въ Дерптъ въ 1804 году, слѣдующiй крайне снисходительный отзывъ о дѣятельности профессоровъ: „Они читаютъ болѣе лекцiй, употребляютъ на преподаванiе ученiя болѣе часовъ въ день, нежели обыкновенно бываетъ въ университетахъ. Методъ ученiя большей части профессоровъ весьма хорошъ, отмѣнно ясенъ и можетъ служить образцомъ; изъясненiя ихъ опредѣлительны, ясны и, можно сказать, достаточны для того, чтобы занять всю мысль и вниманiе слушателей. Въ каждой каѳедрѣ читаются, сверхъ подлежащихъ предметовъ, однажды въ недѣлю конверсаторiи и краткое содержанiе прошедшихъ лекцiй, что возбуждаетъ

душевныя силы студентовъ, споспѣшествуя развитію ихъ способностей, и служитъ для профессора удостовѣреніемъ о успѣхахъ учащихся. Студентамъ также позволено спрашивать профессоровъ о томъ, чего они не поняли" [1]). Но вскорѣ должны были обнаружиться и слабыя стороны преподаванія по факультетамъ. Уже изъ приведенныхъ выше отзывовъ Фр. В. Вальтера и Авг. Г. Гиппіуса можно было видѣть, что преподаваніе на богословскомъ факультетѣ отличалось мертвенностью и полнымъ застоемъ. „Богословы были такъ же мертвы, какъ мертвъ былъ раціонализмъ" [2]), замѣчаетъ послѣдній. За исключеніемъ Лоренца Эверса, всѣ представители тогдашняго богословскаго факультета дѣйствительно были сторонниками раціоналистическаго направленія, господствовавшаго въ тогдашней германско-протестантской наукѣ Запада, какъ наслѣдіе англійскихъ деистовъ и французскихъ натуралистовъ XVIII вѣка. „Само собою разумѣется — говоритъ офиціальный историкъ — что при тогдашнемъ раціонализмѣ, который въ различіе отъ послѣдующаго, научно-критическаго, раціонализма названъ популярнымъ (rationalismus vulgaris), о наукѣ богословія не могло быть и рѣчи. Поэтому-то богословскія сочиненія, писанныя въ его духѣ, скоро устарѣли и исчезли, такъ что даже позднѣйшій раціонализмъ, при его болѣе научномъ и болѣе отчетливомъ направленіи, долженъ былъ отвергнуть ихъ и оставить безъ вниманія. Не смотря на то, сей-то популярный раціонализмъ безусловно преобладалъ въ Дерптскомъ богословскомъ факультетѣ до начала 20-хъ годовъ, отнималъ силы у учебной дѣятельности преподавателей и дѣлалъ ее безплодной" [3]). Такого характера была преподавательская дѣятельность Белендорфа, Гецеля, Зегельбаха, Горна, при

1) Періодическое сочиненіе, № VII (1804), стр. 73—74.
2) Nachträge zum Album Estonorum. 2 Heft, стр. 35.
3) Обзоръ дѣятельности Императорскаго Дерптскаго университета. Д. 1866, стр. 142—143.

чемъ Гецелю не помогли въ данномъ случаѣ его обширныя научныя познанія и разносторонняя литературная производительность, а Горну — также обширная его ученость и преподавательскій талантъ. Кромѣ того, послѣдній отличался весьма вспыльчивымъ и неуживчивымъ характеромъ, побуждавшимъ его постоянно вступать въ пререканія съ товарищами: такъ, 10 октября 1807 года произошла въ совѣтѣ бурная сцена между Горномъ и ректоромъ Мейеромъ, при чемъ оба они упрекали другъ друга въ несоблюденіи служебной тайны; на сторону Мейера сталъ совѣтъ; распря эта, начавшаяся нѣсколько раньше, продолжалась цѣлыхъ четыре года, пока не вмѣшался въ нее попечитель Клингеръ и не предложилъ Горну подать въ отставку, которую тотъ и получилъ 15 февраля 1810 года [1]).

На медицинскомъ факультетѣ дѣла обстояли не многимъ лучше: тогда „медицина въ Дерптѣ представляла почти только собраніе предразсудковъ и очень скудныхъ фактическимъ содержаніемъ ученій о развитіи жизни въ здоровомъ и больномъ состояніи“ [2]). Независимо отъ этого, многіе представители медицинскаго факультета явились въ Дерптъ уже далеко не въ разцвѣтѣ своихъ силъ, утомленные предшествовавшей жизнью и искавшіе въ университетѣ отдыха и покоя: „Смѣялись надъ убѣжищемъ для инвалидовъ (т. е. надъ университетомъ) — разсказываетъ К. Э. фонъ-Беръ, бывшій въ 1810—1814 гг. студентомъ въ Дерптѣ — и когда медицинскій факультетъ избралъ въ профессоры Стикса и Балка, то я, еще будучи школьникомъ, слышалъ, какъ со смѣхомъ разсказывали, что теперь факультетъ положилъ черезъ Стиксъ балку (бревно), чтобы сдѣлать болѣе вѣрнымъ переходъ въ подземное царство“ [3]). О прозекторѣ Цихоріусѣ, читавшемъ анатомію, а потомъ назначенномъ профессоромъ

1) Обзоръ, стр. 163; M. Rieger, цит. соч., II. 598.
2) Обзоръ, стр. 8.
3) Selbstbiographie, стр. 123.

на эту каѳедру, тотъ же авторъ разсказываетъ: „Во всѣхъ отношеніяхъ animal curiosum! Ставни въ его квартирѣ цѣлый день оставались заперты, и при свѣтѣ можно было видѣть его сидящимъ тамъ въ халатѣ или шубѣ. Но въ Анатомическомъ театрѣ появлялась его высокая фигура всегда въ длинномъ форменномъ сюртукѣ, съ широчайшимъ бѣлымъ галстухомъ, который, покрывая подбородокъ, доходилъ до рта и позволялъ предполагать существованіе зоба, котораго однакоже никто не видѣлъ. Проникнутый важностью своего званія, онъ, кажется, подкрѣплялъ себя для каждой лекціи спиртными напитками, вслѣдствіе чего и страдалъ частой отрыжкой. Отъ времени до времени онъ говорилъ студентамъ рѣчи, въ которыхъ оживленными тѣлодвиженіями показывалъ, что если онъ преподаетъ, то преподаетъ во имя высочайшей власти; этого рода увѣщанія имѣли мѣсто тогда, когда онъ слышалъ или замѣчалъ, что въ аудиторіи смѣялись“ [1]). Нѣчто подобное сообщаетъ о Цихоріусѣ и Бурдахъ, у котораго Цихоріусъ былъ прозекторомъ [2]). Имя этого оригинала нерѣдко фигурируетъ въ дѣлахъ университетскаго суда: такъ, въ 1807 году разбиралась его жалоба на двухъ служанокъ, изъ которыхъ одна обвинялась имъ въ кражѣ пары старыхъ башмаковъ; кромѣ того, въ томъ же году его жена входила въ университетскій судъ съ жалобой противъ мужа на дурное его обращеніе съ нею и на нежеланіе его выдавать кормовыя деньги для ребенка. Беръ сообщаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ также весьма интересные факты изъ исторіи преподаванія на медицинскомъ факультетѣ въ его время: „Методологія и введеніе въ университетскія занятія поручены были человѣку, который былъ собственно поэтъ, но, въ виду болѣзненнаго своего состоянія, предпочелъ поэзіи прозу постояннаго жалованья и преподаванія. Онъ былъ уже совершенной развалиной, и лишь съ

---

1) Selbstbiographie, стр. 130.
2) Rückblick auf mein Leben, стр. 263—264.

трудомъ взбирался на каѳедру; оттуда онъ едва слышнымъ голосомъ преподносилъ названія книгъ и тому подобную ученость, которая уже тогда казалась мнѣ совершенно ненужной, хотя я еще не имѣлъ никакого понятія о томъ, какъ легко профессору показать себя весьма ученымъ передъ студентами. Наконецъ, онъ приступалъ къ медицинѣ и къ тѣмъ качествамъ, которыя должны быть въ наличности, чтобы съ успѣхомъ изучать эту науку. Прежде всего — совершенное знаніе латинскаго языка: вѣдь всѣ рецепты писались только на этомъ языкѣ, и въ анатоміи, какъ и въ другихъ наукахъ, были въ ходу только латинскія названія. Слѣдующая лекція посвящалась темѣ о необходимости греческаго языка, потому что Гиппократъ и Галенъ были великіе врачи". Не менѣе интересныя свѣдѣнія сообщаетъ онъ и о преподаваніи „врачебнаго веществословія (materia medica)", которое излагалось исключительно въ алфавитномъ порядкѣ входящихъ въ его содержаніе предметовъ, безъ малѣйшей попытки болѣе научнаго и естественнаго ихъ распредѣленія [1]). Яркими красками изображаетъ Беръ многочисленные недостатки тогдашняго обученія медиковъ, въ виду отсутствія многихъ необходимыхъ практическихъ занятій, при бѣдно обставленныхъ клиникахъ, случайномъ и мало подготовленномъ ихъ служебномъ персоналѣ [2]). Но поистинѣ комическое впечатлѣніе производитъ его разсказъ о защитѣ своей докторской диссертаціи. Каждый докторантъ до защиты долженъ былъ продѣлать на трупѣ какуюнибудь болѣе значительную операцію. Дѣло было въ августѣ, когда клиники пополнялись новыми больными, и трупъ былъ рѣдкостью: между тѣмъ диссертація уже отпечатана, кромѣ заглавнаго листа, на которомъ обозначался назначенный заранѣе день защиты; во что бы то ни стало, нужно было достать трупъ, и вотъ въ военномъ госпиталѣ

1) Selbstbiographie, стр. 123—124. 127—128.
2) Тамъ же, стр. 135—136.

оказался одинъ больной, относительно котораго госпитальный врачъ увѣрилъ докторанта, что тотъ долженъ умереть не позднѣе, какъ черезъ два дня; положившись на предсказаніе врача, докторантъ, по соглашенію съ деканомъ, печатаетъ на обложкѣ диссертаціи день ея защиты и съ нетерпѣніемъ ждетъ смерти больного, чтобы продѣлать надъ его трупомъ обязательную передъ защитой операцію. Однако больной въ назначенный врачемъ день не умираетъ, огорчая тѣмъ докторанта и принуждая факультетъ отложить защиту, которая могла состояться лишь нѣсколькими днями позднѣе, когда больной дѣйствительно умеръ, и тѣмъ вывелъ изъ затрудненія и докторанта и факультетъ [1]). Общее мнѣніе Бера о профессорахъ его времени было не въ ихъ пользу: „Въ мое время еще довольно велико было число такихъ профессоровъ, образъ жизни которыхъ ни въ какомъ случаѣ не могъ служить примѣромъ для учащихся, а также и такихъ, которые по своимъ незначительнымъ научнымъ познаніямъ не могли внушить къ себѣ съ нашей стороны уваженія“ [2]).

Изъ двухъ другихъ факультетовъ, роль которыхъ въ Дерптскомъ университетѣ какъ въ это время, такъ отчасти и позднѣе, была далеко не столь дѣятельна, какъ богословскаго и медицинскаго, менѣе другихъ могъ вызвать упреки философскій факультетъ, хотя, напр., преподаваніе математики, какъ чистой, такъ и прикладной, въ первые годы существованія университета отличалось крайней элементарностью [3]); впрочемъ, въ одномъ письмѣ къ Моргенштерну, въ іюлѣ 1804 года, Парротъ вообще называлъ философскій факультетъ нелестнымъ именемъ „философскаго сброда“ (Philosophengesindel) [4]). Но особенно слабо шла

1) Selbstbiographie, стр. 146—147.

2) Тамъ же, стр. 123.

3) Г. В. Левицкій. Астрономы Юрьевскаго университета, стр. 82—83.

4) Рукопись библіотеки Юрьевскаго университета, изъ собранія

дѣятельность юридическаго факультета. „Въ теченіе перваго періода — говоритъ объ этомъ факультетѣ офиціальный историкъ — какъ по причинѣ частой перемѣны преподавателей и неоднократнаго перехода ихъ съ одной каѳедры на другую, такъ и потому, что одинъ и тотъ же наставникъ преподавалъ предметы разныхъ каѳедръ, наука не могла подвигаться впередъ ни въ кругу учебной дѣятельности, ни внѣ онаго. Къ этому еще присоединялось, что по тогдашней методѣ каждый предметъ излагался въ самомъ обширномъ объемѣ, а потому часто встрѣчалось, что, теряясь въ мелочныхъ подробностяхъ, не обращали надлежащаго вниманія на связь цѣлаго и руководящія его идеи. Поэтому отдѣльные предметы нерѣдко преподавались по 18 часовъ каждонедѣльно, и случалось, что профессору иногда приходилось въ продолженіе полугодія читать по 25 лекцій въ недѣлю“ 1). Къ числу оригиналовъ печальной памяти этого факультета за описываемый періодъ принадлежалъ профессоръ эстляндскаго и финляндскаго права Кехи, о которомъ Бурдахъ сообщаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ: „Когда я пріѣхалъ, то онъ былъ здѣсь почти безъ всякихъ знакомствъ, запутанный въ непріятный процессъ со своей женой и ея отцомъ, профессоромъ Гецелемъ, и, не смотря на свое одиночество, давалъ достаточный матеріалъ для городскихъ разговоровъ. Сдѣлавши ему, послѣ моего пріѣзда, визитъ, я получилъ представленіе объ его

Моргенштерна, № CCCXLII: „Briefe von Gelehrten etc. an Morgenstern. 1802—1808“. т. 4. стр. 355.

1) Обзоръ, стр. 121—122. — Отзывы проф. Дабелова о своихъ коллегахъ по юридическому факультету за первый періодъ существованія университета, отличающіеся необыкновеннымъ благодушіемъ, безусловно очень далеки отъ истины, о чемъ впрочемъ и самъ онъ отчасти предупреждаетъ, говоря: „о живущихъ коллегахъ, конечно, здѣсь ничего не можетъ быть сказано, а объ умершихъ или оставившихъ службу — лишь хорошее или безразличное, или же опять таки ничего“: Ueber die Juristenfacultät zu Dorpat, въ „Jahrbuch für Rechtsgelehrte in Russland, herausgegeben von E. G. von Bröcker“, B. I. Riga 1822, стр. 298—300.

образѣ жизни: я нашелъ его полуодѣтымъ и лежащимъ на растянутомъ по полу матрацѣ, съ гитарой въ рукахъ; на столѣ была бутылка, масло, хлѣбъ и сапожныя щетки; стулья были заняты всевозможными принадлежностями костюма" и т. д. [1]).

Научныхъ поѣздокъ за описываемый періодъ совершено было профессорами очень мало, не смотря на то, что на этотъ предметъ по уставу 1803 года полагалась сравнительно крупная сумма въ 2000 р. ежегодно. Немногія совершенныя поѣздки почти исключительно являются дѣломъ членовъ философскаго и отчасти юридическаго факультета. Въ 1803, 1804 и 1805 гг. проф. Германъ, при участіи нѣкоторыхъ изъ студентовъ, ѣздилъ по Эстляндіи, Финляндіи, Лифляндіи и по Могилевской губерніи съ цѣлію составленія естественно-историческихъ коллекцій для университетскаго „натуральнаго кабинета". Въ 1805 году проф. Клейненбергъ былъ командированъ въ Митаву для ознакомленія съ тамошними архивами: это представлялось для университета важнымъ не только въ научномъ отношеніи, въ цѣляхъ изученія источниковъ курляндскаго права, но и въ практическомъ, такъ какъ юридическому факультету не разъ приходилось давать мнѣнія и справки университету по спеціально юридическимъ вопросамъ, особенно мѣстнаго права [2]). Въ 1808—1809 гг. проф. Моргенштернъ совершилъ продолжительную поѣздку за границу по Германіи, Франціи, Италіи и Швейцаріи, какъ для пополненія своего научнаго образованія, такъ и ради пріобрѣтенія нѣкоторыхъ предметовъ искусства для коллекцій университетскаго музея. Въ 1816—1818 гг. проф. Струве работалъ надъ тригонометрическимъ измѣреніемъ Лифляндіи, пользуясь матеріальнымъ содѣйствіемъ со стороны Лифляндскаго Экономическаго

---

1) Rückblick auf mein Leben, стр. 264.
2) На такіе случаи можно найти указанія у Г. В. Левицкаго: Астрономы Юрьевскаго университета, стр. 28—29. 39.

Общества [1]). Здѣсь же должно быть упомянуто, что студентъ Паукеръ, бывшій позднѣе астрономомъ - наблюдателемъ Дерптскаго университета, выполнилъ въ 1808 — 1809 гг. довольно точную съемку теченія рѣки Эмбаха отъ истока до устья, получивъ на эту работу отъ университета, при содѣйствіи профессоровъ Паррота, Краузе, бар. Эльснера и Пфаффа, 250 р. с. [2]).

Вообще же научно-литературное возбужденіе среди дерптскихъ профессоровъ въ описываемое время было невелико. Однимъ изъ немногихъ и едва ли не лучшимъ выраженіемъ его въ области общихъ интересовъ являлся журналъ проф. Моргенштерна „Dörptsche Beyträge für Freunde der Philosophie, Litteratur und Kunst", котораго вышло три тома: 1813, 1814, 1816 (Dorpat und Leipzig 1814, 1815, 1821).

Несмотря на то, что борьба съ кураторіумомъ и первая горячая организаціонная работа надъ устройствомъ университета сплотили первоначально университетскую корпорацію въ одно цѣлое, тѣмъ не менѣе вскорѣ же начались въ профессорской средѣ и раздоры. По объясненію профессора Балка, второго ректора университета (1803—1804) и преемника въ этой должности Паррота, главной причиной этихъ несогласій былъ самъ Парротъ, со своей „безграничной жаждой господства" и эгоизмомъ въ отношеніи къ товарищамъ [3]). Какъ бы ни относиться къ этому объясненію Балка, который и самъ обладалъ весьма тяжелымъ характеромъ и нѣсколько позднѣе, какъ деканъ, вошелъ въ непріязненныя отношенія почти со всѣми своими коллегами по медицинскому факультету [4]), однако дѣйствительно нужна была извѣстная выработка нравственнаго характера у членовъ тогдашней университетской корпораціи, чтобы въ про-

---

1) Г. В. Левицкій, назв. соч., стр. 121—125.
2) Тамъ же, стр. 56—58.
3) M. Rieger, цит. соч., II. 576.
4) Тамъ же, II. 598.

долженіе многихъ лѣтъ мириться съ совершенно исключительнымъ положеніемъ человѣка, который формально былъ не болѣе, какъ равноправный ихъ товарищъ; и такъ какъ такихъ благопріятныхъ условій въ профессорской средѣ того времени не было, то дѣло не обходилось безъ зависти, оскорбленнаго самолюбія и часто весьма неосновательныхъ опасеній за свою судьбу. Но для взаимныхъ несогласій были и другія причины. Въ профессорской средѣ были люди разныхъ воззрѣній, дѣлившихъ ихъ на партіи и вносившихъ разладъ во взаимныя ихъ отношенія: объ этомъ свидѣтельствуетъ, по личнымъ наблюденіямъ, профессоръ Краузе въ своихъ доселѣ въ цѣломъ видѣ не напечатанныхъ воспоминаніяхъ, хранящихся въ университетской библіотекѣ въ Юрьевѣ [1]). Изъ находящихся тамъ же писемъ Паррота къ Моргенштерну, также еще не обнародованныхъ и относящихся къ первымъ годамъ жизни университета, видно, что Парротъ считалъ въ числѣ своихъ враговъ Гецеля, Белендорфа, Рамбаха, а также не довѣрялъ и Пешману.

Немалое вліяніе на несогласія въ университетской средѣ имѣли и матеріальные счеты и мотивы. Мы уже знаемъ, что дипломы на высшія ученыя степени на медицинскомъ факультетѣ, почти въ теченіе всего описываемаго періода, приносили профессорамъ извѣстный доходъ, не опредѣленный прямымъ закономъ, но принятый обычаемъ. При нѣсколько свободномъ взглядѣ на дѣло, обычай этотъ, вѣроятно, не оставался безъ вліянія на количество выпускаемыхъ изъ университета обладателей дипломовъ, и еще въ 1805 году Моргенштернъ выражалъ противъ этого обычая протестъ, но встрѣтилъ энергическое сопротивленіе среди медиковъ и натуралистовъ, которые не раздѣляли его правильную и вполнѣ согласную съ закономъ точку зрѣнія.

---

1) (H. Diederichs). Des Professors I. W. Krause Aufzeichnungen über die Gründung und das erste Jahrzehnt der Universität Dorpat. Riga 1901, стр. 26—27.

Во вторую половину перваго періода, когда, вслѣдствіе военнаго времени и сопряженнаго съ нимъ паденія курса бумажныхъ денегъ, матеріальныя условія профессоровъ Дерптскаго университета ухудшились, эти доходы за „промоціи", достававшіеся исключительно медицинскому факультету, заставили профессоровъ другихъ факультетовъ видѣть въ этомъ явную несправедливость, и одинъ изъ нихъ, членъ богословскаго факультета профессоръ Гецель, въ 1816 году обратился къ попечителю съ проектомъ ввести такой же доходъ за „промоціи" и на другихъ факультетахъ, но получилъ отъ министра народнаго просвѣщенія выговоръ за то, что „непростительное, открытое въ одномъ факультетѣ злоупотребленіе желалъ распространить и на другіе факультеты" [1]; затѣмъ, какъ мы уже видѣли, послѣдовало въ 1817 году распоряженіе объ уничтоженіи этихъ сборовъ за „промоціи" и о введеніи сбора за дипломы въ пользу общаго пенсіоннаго фонда.

На этой почвѣ матеріальныхъ затрудненій и нравственной неустойчивости возникло и скандальное, получившее въ свое время столь громкую огласку, дѣло о присужденіи лѣтомъ 1816 года юридическимъ факультетомъ незаконно степени доктора правъ портному Вальтеру и фабриканту Веберу. Юридическій факультетъ присудилъ докторскую степень двумъ названнымъ лицамъ безъ диссертацій, произведя неполный экзаменъ, при томъ въ вакаціонное время, когда легче было избѣжать посторонняго контроля. Узнавъ объ этомъ по слухамъ, попечитель Клингеръ поручилъ совѣту произвести строгое разслѣдованіе [1]; профессора Густавъ Эверсъ и Гизе, дѣйствовавшіе отъ имени совѣта, дали заключеніе о необходимости лишить двухъ упомянутыхъ лицъ полученныхъ ими дипломовъ. По рѣшенію комитета министровъ, куда попечитель внесъ заключеніе со-

---

1) M. Rieger, цит. соч., II. 607.
2) Briefbuch, стр. 292—294.

вѣта, утвержденному государемъ, производство Вальтера и Вебера положено было „не считать дѣйствительнымъ и, отобравъ отъ нихъ подлинные дипломы на докторское достоинство, возвратить оные въ университетъ для уничтоженія“ [1]). Что же касается виновниковъ этого дѣла, то высочайше повелѣно было университетскому совѣту произвести надъ ними судъ, который нашелъ въ дѣйствіяхъ юридическаго факультета слѣдующія отступленія отъ закона: названныя лица, не имѣя степени магистра, произведены были прямо въ докторы; письменные и устные вопросы на экзаменѣ задавались имъ не въ полномъ объемѣ; отъ названныхъ лицъ факультетъ совсѣмъ не потребовалъ диссертацій для публичной защиты. Заключеніе это также разсмотрѣно было въ комитетѣ министровъ, согласно рѣшенію котораго государь повелѣлъ: ректора университета профессора Штельцера, а также декана юридическаго факультета профессора Кехи „удалить вовсе изъ университета и впредь никуда къ должности не опредѣлять“, а „прочимъ членамъ юридическаго факультета, оставивъ ихъ при занимаемыхъ ими профессорскихъ мѣстахъ, сдѣлать въ присутствіи университетскаго совѣта строгій выговоръ, съ подтвержденіемъ, дабы впредь были осмотрительнѣе; не избирать ихъ въ ректоры и деканы до того времени, когда они впредь оправдаютъ себя къ пріобрѣтенію совершеннаго во всемъ довѣрія, и до опредѣленія новыхъ профессоровъ на мѣста двухъ нынѣ удаляемыхъ не имѣть имъ дозволенія ни производить испытаній, ни давать университетскія достоинства, но только продолжать свои лекціи по прежнему“ [2]).

Происшествіе съ незаконно присужденными докторскими степенями произвело самое тяжелое и невыгодное для университета впечатлѣніе не только въ кружкахъ близкихъ къ послѣднему, но и въ болѣе отдаленныхъ. Въ Петер-

1) Сборникъ постановленій, I. 907—908.
2) Сборникъ постановленій, I. 1050—1052.

бургѣ уже заходила рѣчь о томъ, что наказанію долженъ подвергнуться не одинъ только юридическій факультетъ, но цѣлый университетъ, говорили даже о его, по крайней мѣрѣ временномъ, закрытіи. Въ этотъ критическій моментъ университетъ нашелъ себѣ защитника въ лицѣ В. А. Жуковскаго, который, по семейнымъ обстоятельствамъ, жилъ тогда въ Дерптѣ и успѣлъ тѣсно сблизиться съ университетомъ, съ профессорами и студентами, и со многими представителями тогдашняго образованнаго дерптскаго общества. Послѣ скандальной развязки дѣла съ докторствомъ Вальтера и Вебера, стали смотрѣть подозрительно и на другіе докторскіе дипломы отъ Дерптскаго университета, и по одному такому поводу, когда надъ университетомъ висѣла гроза общаго наказанія, онъ писалъ къ вліятельному въ петербургскихъ кругахъ другу своему А. И. Тургеневу, 21 октября 1816 года, изъ Дерпта: „За что ты въ неудовольствіи на Петерсена? Онъ не долженъ быть помѣщенъ въ число Вальтера и Вебера. Его докторство законное, такъ какъ и Тидебеля. И тотъ и другой были экзаменованы какъ должно. Они хорошо учились и знаютъ свое дѣло. Будетъ очень больно, если ихъ не отличатъ отъ прочихъ. Это пятно будетъ незаслуженное. Осуждая виноватыхъ, надо щадить университетъ. Онъ и безъ того упадаетъ и упадаетъ, потому что правительство отняло отъ него свою руку. Неужели всему должно у насъ, не созрѣвъ, разрушаться?“ [1]) Мы не имѣемъ положительныхъ данныхъ утверждать, какую роль въ судьбѣ Дерптскаго университета сыграло заступничество за него и его членовъ Жуковскаго, на что можно найти не мало указаній въ его письмахъ къ А. И. Тургеневу; но весьма вѣроятно высказанное нѣкоторыми мнѣніе, что голосъ близкаго къ придворнымъ кругамъ и тогда уже весьма из-

---

1) Письма В. А. Жуковскаго къ А. И. Тургеневу. Изд. „Русскаго Архива“. М. 1895, стр. 164—165.

вѣстнаго поэта и его друга не могъ оставаться въ данномъ случаѣ безъ вліянія [1]). Въ Дерптѣ ходили даже слухи о назначеніи Жуковскаго попечителемъ послѣ Клингера [2]), но они, повидимому, не имѣли никакихъ основаній.

Отголоски общаго неудовольствія на университетъ по поводу докторскихъ дипломовъ проникли и въ печать. Такъ, въ № 254 1816 года газеты „Zeitung für die elegante Welt" появилась замѣтка, возбудившая тогда большіе толки: авторъ ставилъ вопросъ, какому наказанію подвергнутъ будетъ за незаконное присужденіе докторскихъ дипломовъ университетъ, который, какъ слышно, и по другимъ факультетамъ присуждаетъ довольно щедро, безъ соблюденія законныхъ требованій и за деньги, дипломы на ученыя степени. По поводу этой замѣтки было составлено отъ имени совѣта и за подписью ректора Гизе, отъ 15 марта 1817 года, возраженіе, въ которомъ указанное обобщеніе относительно другихъ факультетовъ весьма энергически отрицалось, и выражена была мысль, что за проступокъ одного факультета не долженъ страдать цѣлый университетъ; повидимому, опроверженіе это предназначалось для печати [3]). Одинъ изъ питомцевъ Дерптскаго университета, путешествуя, уже четыре года спустя послѣ событія съ дипломами, заграницей, такъ писалъ своему другу (фонъ-Зейдлицу) 10/22 ав-

---

1) „Im Jahre 1816 drohte der Hochschule ernste Gefahr. Da trat Joukowsky für sie ein und wirkte durch seinen Freund A. Turgeneff beim Minister Golizin so kräftig, dass die drohende Gefahr abgewandt ward": Rede zur Feier des hundertjährigen Geburtsfestes von W. A. Joukowsky am 29. Januar 1883, gehalten von Dr. Paul von Wiskowatow. Dorpat 1883, стр. 20. Ср. также статью „Der Dichter Wassili Shukowski" въ „Neue Dörptsche Zeitung" 1883 № 24.

2) Erinnerungen des Bibliothekars Emil Anders, въ Baltische Monatsschrift, B. XXXIX. 1892, стр. 230.

3) Рукопись библіотеки Рижскаго Общества исторіи и древностей Прибалтійскихъ губерній № 783: „Actenstücke und Briefe, betr. die Universität Dorpat im XIX Jahrhundert".

густа 1820 г. изъ Геттингена: „Трудно себѣ представить, какой вредъ принесъ этотъ скандалъ нашему университету заграницей; до сихъ поръ я не встрѣчалъ еще здѣсь ни одного человѣка, который бы не зналъ этой исторіи и не спрашивалъ бы объ ней“ [1]).

Дѣло съ докторскими дипломами въ 1816 году, между прочимъ, поставило на ближайшую очередь вопросъ о выработкѣ для университетовъ точныхъ правилъ о присужденіи ученыхъ степеней; такое „Положеніе о производствѣ въ ученыя степени“ было высочайше утверждено 20 января 1819 года [2]).

Студенческая жизнь описываемаго времени представляла немало любопытныхъ явленій, которыхъ мы можемъ коснуться здѣсь лишь въ весьма краткихъ чертахъ.

Многіе смотрѣли тогда на студента какъ на существо совершенно особенное; его мысли, чувства, поступки и весь складъ его жизни должны были быть непохожими на окружающую жизнь обыкновенныхъ людей. Не было рѣдкостью встрѣтить тогда и въ обществѣ и въ студенческой средѣ шутливое, но характерное мнѣніе о дерптскомъ студентѣ, что „на первомъ мѣстѣ стоитъ Богъ, затѣмъ русскій царь, а непосредственно послѣ него — дерптскій студентъ“ [3]). Нечего и говорить, какъ охотно сами студенты раздѣляли подобныя воззрѣнія; но черты этой высокой самооцѣнки и преувеличенное представленіе о своихъ какъ бы особыхъ правахъ на участіе

---

1) Briefe auf einer Reise in Deutschland in den Jahren 1821 und 1822 [1820—1821], geschrieben von Dr. C. E. von Weltzien. Herausgegeben von Dr. C. von Seidlitz. Dorpat 1874, стр. 60.

2) Сборникъ постановленій, I. 1247—1258.

3) „Der Herr Gott, dann der Kaiser von Russland, dann der dörptsche Bursch!“: Nachträge zum Album Estonorum. Heft 3, стр. 40.

въ жизни образовалось не сразу. Хотя уже въ первые годы, какъ мы видѣли, шумное и безпорядочное проявленіе молодости давало себя знать нѣкоторыми поступками студентовъ въ Дерптѣ противъ университетской дисциплины и общественнаго спокойствія, но въ образѣ жизни дерптскій студентъ того времени былъ еще существомъ довольно скромнымъ, находившимъ немалое удовольствіе расхаживать по городскимъ улицамъ въ своей красивой формѣ [1]). Не то мы видимъ во вторую половину перваго періода, когда общее паденіе дисциплины въ университетѣ давало себя знать совершенно ясно: образуется уже болѣе независимый, даже протестующій взглядъ на окружающее; обнаруживается пренебреженіе къ внѣшности и ко всякой формѣ, выражавшееся, впрочемъ, нерѣдко весьма непосредственно и наивно, въ костюмахъ причудливаго покроя, прическѣ, походкѣ, манерахъ внѣшняго обращенія. Умственный багажъ средняго студента описываемаго времени былъ невеликъ: наукой онъ занимался очень мало; въ литературномъ отношеніи довольствовался отрывками изъ Гете, Шиллера, Жана-Поля Рихтера. Задумываться серьезно надъ вопросами жизни не было его удѣломъ, и жизнь представлялась ему веселымъ праздникомъ, на которомъ онъ призванъ былъ играть первую роль; почти независимо отъ внѣшняго своего благосостоянія, онъ смотрѣлъ на нее беззаботно и даже юмористически. Впрочемъ, если была у тогдашняго студента какая серьезная забота, то она была направлена главнымъ образомъ на сохраненіе своего достоинства: необыкновенная чувствительность, даже къ тѣни обиды, во вторую половину перваго періода замѣнила собою преобладавшую въ первой половинѣ сантиментальность; чувствительность эта иногда переходила въ наклонность къ задору и влекла за собою не только весьма нерѣдкія тогда жалобы студентовъ на

1) Описаніе ея въ „Nachträge zum Album Estonorum", Heft 2, стр. 27.

профессоровъ передъ лицомъ университетскаго суда за обидное съ ними обращеніе, но и дуэли между товарищами — впрочемъ, на пистолетахъ рѣдко, чаще на шпагахъ [1]); бывали иногда дуэли и съ смертельнымъ исходомъ: напр., въ 1806 году убитъ былъ на поединкѣ своимъ товарищемъ студентъ І. А. Кубе.

Тогдашній студентъ не любилъ жить въ одиночку. Удѣляя весьма мало времени на свои занятія, если не считать немногихъ усердныхъ тружениковъ [2]), составлявшихъ исключеніе, онъ искалъ общества, которое представляла ему товарищеская среда и окружавшее его городское населеніе.

Въ товарищеской средѣ господствовалъ демократизмъ, и разъ извѣстное лицо попадало въ университетъ, оно уже дѣлалось равноправнымъ членомъ студенческой массы, независимо отъ происхожденія или матеріальнаго достатка: такъ по крайней мѣрѣ требовалось это въ принципѣ, хотя жизнь, конечно, и тутъ выдвигала нерѣдко свои исключенія.

Въ теченіе всего перваго періода студенты жили между собою общей жизнью, не раздробляясь на какія-либо группы; прочную организацію корпоративное устройство получило лишь въ началѣ 20-хъ годовъ. Но стремленіе студенческой среды къ извѣстной группировкѣ, къ созданію нѣкоторой организаціи, въ цѣляхъ однакоже общаго единенія, замѣтно уже и въ описываемое время. Первыя попытки такого стремленія относятся къ 1803 году; онѣ выражались то въ выборѣ депутатовъ отъ студенчества, какъ это мы видѣли въ дѣлѣ съ Шпальхаберомъ, или въ учрежденіи „суда чести“, то въ общихъ студенческихъ собраніяхъ по

---

1) Nachträge zum Album Estonorum, Heft 2, стр. 24. 34.

2) О такихъ на медицинскомъ факультетѣ съ большимъ сочувствіемъ упоминаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ проф. Бурдахъ: Rückblick auf mein Leben, стр. 226. 250.

разнымъ нуждамъ; вообще собираться студентамъ „Правилами для студентовъ“ 1803 года не запрещалось; запрету подлежали лишь такія собранія, относительно которыхъ „доказано будетъ, что они имѣютъ предосудительныя намѣренія, общественному спокойствію и порядку противныя“ (§ 17). Возникновеніе перваго „комана,“ т. е. писаннаго устава, составленнаго для себя студентами, относится къ 1806 году; онъ имѣлъ своими образцами „команы“ Лейпцигскаго и Іенскаго университетовъ; но существованіе этого „комана“ продолжалось весьма короткое время: вслѣдствіе доноса о немъ начальству, онъ былъ сожженъ, и уже въ 1809 году возникшее было тайнымъ образомъ студенческое объединеніе распалось. Впрочемъ, причины распаденія лежали конечно, не въ этомъ, а главнымъ образомъ въ обнаружившейся уже очень рано борьбѣ двухъ принциповъ студенческой организаціи, общестуденческаго и земляческаго. Еще въ 1807—1809 годахъ обозначились отдѣльныя землячества по четыремъ губерніямъ: Curonia, Livonia, Estonia и Finnonia; послѣдняя вскорѣ по недостатку членовъ прекратилась. Въ 1809 году фигурировало въ университетскомъ судѣ дѣло по обвиненію студента Ф. Г. Келера о разбитіи имъ оконъ въ домѣ ректора Дейча, при чемъ обнаружилось, что обвиняемый дѣйствовалъ такъ именно изъ желанія отомстить за своихъ земляковъ-товарищей, оскорбленныхъ будто бы ректоромъ; въ этомъ послѣднемъ мотивѣ относительно землячества судъ усмотрѣлъ важную вину, такъ какъ такого рода организаціи студентамъ не разрѣшались; впрочемъ, любопытно то, что въ томъ же 1809 году землячествами Curonia и Livonia устроена была тому же ректору Дейчу овація, а въ слѣдующемъ 1810 году подобная овація устроена была ректору Гринделю обоими названными землячествами вмѣстѣ. Итакъ, одна часть студентовъ, и особенно курляндцы, которые относятъ основаніе своей Curonia къ 8 сентября 1808 года, стояла за организацію землячествъ, другая противилась этому принципу, настаивая

на общемъ студенческомъ единеніи. Между тѣмъ, существовало уже готовое и вполнѣ естественное дѣленіе студентовъ по факультетамъ на четыре группы; съ 1812 года оно также имѣло характеръ извѣстной организаціи: во главѣ каждой факультетской группы стоялъ выборный „senior“, который созывалъ собранія, завѣдывалъ кассой, заботился объ устройствѣ процессій, прогулокъ; бывали при существованіи этого порядка и общія собранія студентовъ всѣхъ факультетовъ, напр. 1 сентября 1812 года. Участіе въ этихъ факультетскихъ группахъ не было обязательнымъ для каждаго студента; кто не хотѣлъ этого участія, тотъ могъ держаться въ сторонѣ. Хотя университетскимъ начальствомъ эта факультетская группировка въ такомъ видѣ и не признавалась офиціально, но она была ему извѣстна и не вызывала преслѣдованія; въ нѣкоторыхъ случаяхъ „сеніоры“ играли роль посредниковъ и представителей отъ своихъ товарищей передъ администраціей университета, такъ какъ послѣдней казалась эта группировка по факультетамъ менѣе опасной, чѣмъ по землячествамъ. Эти факультетскія группы прекратили свое существованіе въ 1816 году, и затѣмъ въ средѣ дерптскаго студенчества снова начинаетъ созрѣвать земляческій принципъ, который и приводитъ въ началѣ второго періода жизни университета къ организаціи „корпорацій“; главнѣйшія изъ нихъ, получивъ офиціальное утвержденіе въ 1855 году, продолжаютъ существовать и до настоящаго времени [1]).

Такимъ образомъ, стремленія дерптскаго студенчества къ корпоративному устройству въ теченіе перваго періода не создали пока устойчивыхъ условій его жизни въ исключительно своей средѣ. Но общественныя потребности молодежи находили себѣ нѣкоторое удовлетвореніе въ патріар-

---

1) (Eduard Fehre). Geschichte der Fraternitas Rigensis. Als Manuscript für die Glieder der Fraternitas gedruckt. St. Petersburg 1898, стр. 3—12.

хально-провинціальной обстановкѣ тѣсныхъ семейныхъ, преимущественно бюргерскихъ, кружковъ тогдашняго Дерпта; студенты вносили въ эти кружки оживленіе и веселость. Бывали кружки съ участіемъ студентовъ и въ другомъ родѣ; одинъ изъ нихъ, подъ именемъ „Winkelclub bei Volkmann", группировался вокругъ извѣстнаго тогда мѣстнаго поэта Карла Петерсена; тамъ были профессора, учителя, студенты, чиновники, купцы и разныя лица свободныхъ профессій, проводившія нерѣдко долгіе часы за стаканомъ вина въ оживленной дружеской бесѣдѣ [1]). Вообще профессора и студенты сходились тогда вмѣстѣ довольно охотно, хотя въ этомъ общеніи научные интересы занимали гораздо меньше мѣста, нежели стремленіе къ веселому препровожденію времени: „нѣкоторые изъ тогдашнихъ профессоровъ — сообщаетъ Беръ въ своихъ воспоминаніяхъ — не только, выражаясь мягко, думали и жили по-студенчески, но и говорили со студентами такъ либерально, какъ едва-ли дѣлали это сами студенты между собою" [2]); „жить и давать жить другимъ" — таковъ былъ девизъ ректоровъ университета описываемаго періода, по замѣчанію одного мѣстнаго бытописателя [3]).

Немалымъ событіемъ въ студенческой жизни являлись въ то время уличныя процессіи студентовъ при празднованіяхъ начала семестра, погребеніи товарищей или другихъ событіяхъ студенческой жизни, требовавшихъ для себя внѣшняго торжественнаго проявленія. Вотъ какъ вспоминаетъ объ этомъ Е. фонъ-Рейнталь, бывшій студентомъ въ 1812—1815 годахъ: „Я нашелъ еще здѣсь отзвукъ золотого вѣка первыхъ лѣтъ жизни университета. Трубадуры, при громкомъ пѣніи, съ гитарами въ рукахъ, ходили

---

1) Karl Petersen. Poetischer Nachlass, стр. 151.
2) Selbstbiographie, стр. 115.
3) Eckardt, J. Die Baltischen Provinzen Russlands, стр. 397.

по улицамъ въ весеннія и лѣтнія ночи, къ удивленію филистеровъ, сопровождаемые толпою своихъ товарищей. . . Устраивались блестящія факельныя процессіи, въ которыхъ принимали участіе всѣ студенты, для возданія почестей милостивому монарху, въ царскіе дни, или другимъ любимымъ лицамъ — ректору, тому или другому профессору, или же для проводовъ умершаго товарища до могилы. Все было въ полной формѣ, съ прекрасно вышитыми золотомъ по черному бархату воротниками, съ надписью на золотыхъ пуговицахъ: „humanitas", звѣнящей у пояса шпагой, съ рыцарскимъ шлемомъ на головѣ и огромными шпорами на высокихъ сапогахъ. Каждый сеніоръ, сидя на конѣ, покрытомъ вышитой бархатомъ попоной, былъ во главѣ своихъ товарищей по факультету, слѣдовавшихъ за нимъ попарно; адъютанты сеніоровъ, также на покрытыхъ попонами лошадяхъ, наблюдали порядокъ. Подъ конецъ, вся процессія собиралась на площади; всѣ факелы складывались въ одну кучу, образуя громадный костеръ, и студенты, стоя вокругъ его, пѣли торжественныя пѣсни" [1]).

Живое изображеніе нашла себѣ эта сторона студенческой жизни въ Дерптѣ того времени въ стихотвореніи Герм. Дитр. Кольба „Burschenaufzug" (1812), въ свое время распространенномъ во множествѣ списковъ и пользовавшемся чрезвычайной популярностью [2]). Кромѣ того, любимымъ источникомъ развлеченія для тогдашняго студенчества бывали загородныя прогулки въ окрестности Дерпта (Квистенталь, Камби), нерѣдко съ участіемъ профессоровъ, балы, катанья и пр., изображенныя въ очеркахъ Г. И. Шульца [3])

---

1) (E. von Reinthal). Jugenderinnerungen mit Einblicken in die Gegenwart. „Inland" 1862 № 17, стр. 268.

2) Значительная часть его напечатана въ книгѣ: E. Osenbrüggen, Nordische Bilder. Leipzig 1853, стр. 211—216.

3) Baltische Skizzen oder fünfzig Jahre zurück. Von Dr. Bertram. B. II. Dorpat 1873, стр. 161—208; перечень этихъ развлеченій см. тамъ же на стр. 162.

и въ нѣкоторыхъ студенческихъ воспоминаніяхъ того времени, напр. упомянутаго А. В. Гиппіуса [1]).

Университетское начальство относилось вообще не слишкомъ строго къ разнымъ излишествамъ въ студенческихъ развлеченіяхъ, но попечитель Клингеръ нѣкоторымъ изъ послѣднихъ ставилъ однакоже преграды. Именно, въ 1804 году въ Дерптъ, не имѣвшій постояннаго театра, пріѣхала временная труппа Рундталера для представленій; попечитель нашелъ, что „театръ въ семъ городѣ будетъ имѣть вредное вліяніе на прилежаніе и нравы учащихся, отвлекая ихъ отъ ученія и пріучая къ разсѣянію", и, согласно докладу объ этомъ со стороны министра народнаго просвѣщенія, высочайше было повелѣно сообщить дерптскому городскому управленію, чтобы оно не разрѣшало и на этотъ разъ и впредь театральныхъ представленій въ Дерптѣ; тѣмъ не менѣе, театральныя представленія черезъ нѣкоторое время въ Дерптѣ возникли опять, и въ 1812 году попечитель Клингеръ снова обращается къ министру съ предложеніемъ о закрытіи театра въ Дерптѣ; министръ, находя, что театръ „совершенно противенъ цѣли университета и въ разсужденіи нравственности, прилежанія и расточительности, въ такомъ небольшомъ городѣ, для студентовъ весьма предосудителенъ и служитъ къ разнымъ безпорядкамъ, отъ которыхъ студентовъ въ семъ случаѣ удержать весьма трудно", сдѣлалъ по этому вопросу докладъ Государю, чтобы „театръ въ Дерптѣ запрещенъ былъ, и чтобы онаго и впредь ни подъ какимъ видомъ заводимо не было"; въ этомъ смыслѣ и состоялось новое высочайшее повелѣніе [2]). Такую точку зрѣнія на нравственное вліяніе театра имѣлъ тогда попечитель Клингеръ, самъ весьма извѣстный въ нѣмецкой литературѣ и плодовитый драматическій писатель.

---

1) Nachträge zum Album Estonorum. Heft 2, стр. 30—39.
2) Сборникъ постановленій, I. 267. 800—801.

Судьбы театральнаго дѣла въ Дерптѣ тѣснымъ образомъ были связаны съ исторіей университета, въ виду того, что на театральныя представленія въ городѣ начальство смотрѣло въ то время главнымъ образомъ съ точки зрѣнія студенческой дисциплины. Считаемъ поэтому нелишнимъ привести здѣсь нѣкоторыя данныя, разъясняющія упомянутыя высочайшія повелѣнія относительно театра въ 1804 и 1812 годахъ.

Еще въ мартѣ 1803 года антрепренеръ одной театральной труппы Антонъ просилъ разрѣшенія дать въ городѣ нѣсколько представленій, но получилъ отказъ, со ссылкою на указъ императора Павла I, запрещающій въ Дерптѣ театральныя представленія. Въ слѣдующемъ 1804 году антрепренеръ Рундталеръ обратился съ подобной же просьбой, но губернское правленіе предложило въ данномъ случаѣ Дерптскому магистрату спросить совѣтъ университета, не находитъ ли онъ вреднымъ театральныя представленія для студентовъ; послѣдній отвѣтилъ, что ничего не имѣетъ противъ театра въ вакаціонные мѣсяцы январь и іюль. Рундталеръ пріѣзжаетъ тогда въ Дерптъ и начинаетъ свою дѣятельность пьесами „Wirrwarr“ Коцебу и „Rettung für Rettung“ Бека; но такъ какъ представленія были начаты до іюля, еще въ пятницу передъ Троицынымъ днемъ, то проф. Парротъ попросилъ отъ ректора Балка объясненія, и тотъ далъ его въ томъ смыслѣ, что разрѣшеніе Рундталеру начать представленія нѣсколько раньше срока далъ онъ потому, что въ эти дни передъ концомъ семестра прилежные студенты все равно будутъ сидѣть за работой, а другіе станутъ проводить свое время въ кофейняхъ, и принуждать ихъ къ занятіямъ было бы трудно и не педагогично; при этомъ Рундталеръ обѣщалъ ректору, что онъ будетъ слѣдить за тѣмъ, чтобы не было никакихъ сношеній между студентами и персоналомъ театра, и что онъ не станетъ приглашать студентовъ къ участію въ театральной игрѣ; кромѣ того, антрепренеръ обѣщался всѣ ненапечатанныя пьесы до пред-

ставленія на сценѣ подвергать предварительно университетской цензурѣ. По поводу этихъ разъясненій, совѣтъ поручилъ ректору обо всемъ донести попечителю и, кромѣ того, спросить послѣдняго, долженъ ли вообще совѣтъ вмѣшиваться въ городскія театральныя дѣла, и если театръ есть, обязана ли университетская цензура расматривать назначенныя къ представленію пьесы; тогда и послѣдовало высочайшее повелѣніе отъ 6 іюля 1804 года о воспрещеніи театра въ Дерптѣ.

Тѣмъ не менѣе, театральные интересы дерптской городской публики искали себѣ удовлетворенія, и уже въ ноябрѣ 1804 года нѣкоторыя лица обратились къ генералъ-губернатору графу Буксгевдену съ просьбой разрѣшить любительскія представленія въ Дерптѣ съ благотворительной цѣлью; опять спрошенъ былъ объ этомъ совѣтъ университета, который отнесся къ попечителю, и тотъ далъ отвѣтъ, отъ 2 января 1805 года, что министръ народнаго просвѣщенія графъ Завадовскій не разрѣшаетъ и любительскихъ спектаклей. Такъ прошло около пяти лѣтъ, и въ августѣ 1809 года, несмотря на предшествовавшія запрещенія, въ Дерптѣ возникаютъ любительскіе спектакли, при томъ съ личнымъ участіемъ въ нихъ самого профессора Балка, который, очевидно будучи самъ поклонникомъ театральнаго искусства, въ 1804 году, въ качествѣ ректора университета, собственною властію нѣсколько видоизмѣнилъ постановленіе совѣта о срокѣ начала театральныхъ представленій труппой Рундталера. Узнавъ о появленіи Балка на любительской сценѣ, попечитель устно поручилъ ректору Дейчу передать Балку о нежелательности этого, и Балкъ письменно, отъ 10 августа, обѣщалъ попечителю не принимать участія въ спектакляхъ, но не далѣе, какъ черезъ недѣлю послѣ этого не сдержалъ обѣщанія, принявши 16 августа участіе въ представленіи пьесы „Korsen“. Спрошенный объ этомъ ректоромъ, Балкъ пожелалъ дать отвѣтъ лишь передъ университетскимъ судомъ, гдѣ и приводилъ въ свое оправданіе

то, что, во-первыхъ, запрещеніе 1804 года относительно театра ему было неизвѣстно, такъ какъ онъ не присутствовалъ при сообщеніи его въ засѣданіи совѣта, а во-вторыхъ, что, не смотря на запрещеніе попечителя и письменное ему обѣщаніе въ августѣ 1809 года, онъ не сдержалъ слова потому, что пьесу „Korsen“ желалъ видѣть генералъ-губернаторъ, и своимъ отказомъ отъ участія въ ней онъ не хотѣлъ поставить общество въ неловкое положеніе; конечно, университетскій судъ нашелъ эти объясненія совершенно неосновательными и, выразивъ Балку строгое осужденіе, предупредилъ его, что слѣдующее затѣмъ участіе его въ любительскомъ спектаклѣ повлечетъ за собою отрѣшеніе его отъ должности; противъ этого послѣдняго пункта въ рѣшеніи университетскаго суда проф. Мейеръ выразилъ протестъ, такъ какъ въ данномъ случаѣ судъ перешелъ предѣлы своей компетенціи. Между тѣмъ, любительскіе спектакли сплотили между собою извѣстный кружокъ лицъ, который и обратился къ генералъ-губернатору за официальнымъ разрѣшеніемъ; тотъ опять сослался на необходимость получить объ этомъ мнѣніе университетскаго совѣта, а совѣтъ въ данномъ случаѣ раздѣлился: одни, во главѣ съ Парротомъ и ректоромъ, высказались противъ театра, въ силу указа 1804 года, другіе же, среди которыхъ были Мейеръ и Балкъ, стояли за театръ, приводя соображеніе, что театръ составляетъ благородное развлеченіе, что декламаціи учатъ въ школахъ, и что любительскіе спектакли не могутъ оказать на студентовъ дурного нравственнаго вліянія, такъ какъ въ нихъ участвуютъ не актеры сомнительнаго поведенія, а лица изъ хорошихъ фамилій; тѣмъ не менѣе совѣтъ въ большинствѣ остался на буквѣ указа 1804 года.

Черезъ три года, въ августѣ 1812, театральная труппа Лесмана получила въ Дерптѣ разрѣшеніе на представленія, при чемъ тогдашній ректоръ университета Парротъ былъ противъ этого и сложилъ всю отвѣтственность за это на

полицію; но 25 августа въ театрѣ произошелъ скандалъ между полиціей и студентами, при чемъ для водворенія спокойствія потребовалось личное присутствіе въ театрѣ ректора; о случившемся сообщено было офиціально попечителю, результатомъ сношеній котораго съ министромъ народнаго просвѣщенія, а послѣдняго съ управляющимъ министерствомъ полиціи Вязмитиновымъ, и явилось новое высочайшее повелѣніе отъ 6 октября 1812 года объ окончательномъ запрещеніи театра въ Дерптѣ [1]).

Небезинтересно также отношеніе другого попечителя, графа Ливена, къ „мѣщанскому клубу“ (Bürgermusse) въ Дерптѣ. Ища развлеченій, студенты охотно посѣщали балы, дававшіеся въ этомъ клубѣ, но посѣщенія эти нерѣдко сопровождались скандалами, поводъ къ которымъ студенты находили весьма легко, при своей необыкновенной чувствительности къ обидѣ и при томъ высокомѣрномъ взглядѣ, который они имѣли по отношенію къ лицамъ, не принадлежавшимъ къ университету. Въ 1819 году попечитель предлагалъ министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія запретить доступъ студентамъ въ „мѣщанскій клубъ,“ такъ какъ „невозможно, чтобы общество ремесленниковъ могло имѣть благопріятное дѣйствіе на образованіе учащихся, такъ же для того, что по большей части грубый образъ объясненія или обхожденія ремесленниковъ къ студентамъ, легко обижающимся онымъ, можетъ часто подавать поводы къ непріятнымъ явленіямъ“. По докладу Государю объ этомъ, 21 декабря 1819 года, высочайше было повелѣно, чтобы студентамъ запрещенъ былъ входъ въ „мѣщанскій клубъ“ [2]), и когда въ мартѣ слѣдующаго 1820 года одинъ студентъ былъ въ „мѣщанскомъ клубѣ“ и завелъ тамъ ссору, то за это подвергся исключенію изъ университета [3]).

---

1) Архивъ Юрьевскаго университета: Die Einrichtung eines Theaters in Dorpat. V. I—II.

2) Сборникъ постановленій, I. 1313—1314.

3) Тамъ же, I. 1343.

Здѣсь должно упомянуть также и о двухъ важныхъ случаяхъ проявленія общественности въ университетской средѣ, въ смыслѣ общенія профессоровъ со студентами и съ извѣстной частью городского населенія, имѣвшихъ впрочемъ далеко не одинаковую судьбу.

Въ осеннемъ семестрѣ 1811 года проф. К. Ф. Бурдахъ, вскорѣ послѣ своего пріѣзда въ Дерптъ, задумалъ основать медицинскій кружокъ, въ которомъ бы профессора, студенты и уже окончившіе свое образованіе медики могли сходиться для научныхъ докладовъ и сообщеній, чтенія вновь выходящихъ журналовъ и книгъ, для устройства популярныхъ бесѣдъ о научныхъ вопросахъ съ публикой и т. п.; рѣшено было дать этому кружку имя „Aerztliche Gesellschaft zu Dorpat". Когда уже дѣло было фактически налажено, и даже устроено было частнымъ образомъ нѣсколько засѣданій, Бурдахъ обратился 3 ноября 1811 года къ тогдашнему ректору Гринделю съ офиціальнымъ о томъ донесеніемъ, съ присоединеніемъ проекта устава общества и съ просьбой объ исходатайствованіи послѣднему формальнаго разрѣшенія на существованіе; 6 ноября подобное же донесеніе представилъ Бурдахъ о возникшемъ обществѣ и медицинскому факультету, а 8 ноября обратился съ просьбой объ обществѣ къ попечителю Клингеру, увѣдомляя послѣдняго, что имѣетъ въ виду обратиться съ тѣмъ же и къ министру народнаго просвѣщенія. Планъ дѣйствій Бурдаха, очевидно принявшагося за дѣло горячо, явно противорѣчилъ принятому порядку, на что и указалъ ему попечитель въ своемъ отвѣтѣ, находя необходимымъ для Бурдаха, прежде обращенія къ министру, получить согласіе совѣта, котораго представленіе черезъ попечителя и можетъ быть доложено главѣ министерства. Между тѣмъ, ректоръ циркулярно сообщилъ проектъ устава общества членамъ совѣта, голоса которыхъ въ рѣшеніи вопроса объ обществѣ раздѣлились, и въ апрѣлѣ 1812 года Бурдахъ получилъ увѣдомленіе, что совѣтъ находитъ возможнымъ,

согласно предложенію профессоровъ Гута и Ледебура, дозволить Бурдаху лишь веденіе обыкновеннаго „диспутаторія“ и „конверсаторія“ по медицинскимъ вопросамъ внѣ лекцій, и то при условіи, что ректоръ во всякое время можетъ посѣщать эти собранія для контроля надъ характеромъ и направленіемъ этихъ бесѣдъ. Этотъ отвѣтъ совѣта на просьбу объ обществѣ показался Бурдаху во всѣхъ отношеніяхъ оскорбительнымъ, такъ какъ онъ увидѣлъ въ немъ полное недовѣріе къ себѣ и посягательство на свои права и преимущества, какъ профессора, который и безъ того имѣетъ право вести всякаго рода научныя собесѣдованія, не прибѣгая къ особому разрѣшенію на то совѣта. Въ этомъ стѣсненіи научной и общественной иниціативы Бурдахъ видѣлъ симптомъ паденія университета, и въ рѣзкомъ отвѣтномъ письмѣ своемъ совѣту, между прочимъ, писалъ: „Такимъ образомъ профессоръ пойдетъ на лекцію къ своему товарищу, чтобы узнать, соотвѣтствуетъ ли она его воззрѣніямъ, и если нѣтъ — то сдѣлаетъ на товарища доносъ. Какое понятіе о достоинствѣ университетскаго преподавателя! И какъ долженъ опуститься университетъ, чтобы сдѣлаться ареной борьбы мелкихъ страстей, обычныхъ спутниковъ пошлости! Я обвиняю г.г. профессоровъ Гута и Ледебура въ томъ, что они названнымъ предложеніемъ имѣли въ виду уронить достоинство университета“. Въ этомъ отношеніи къ себѣ извѣстной части профессоровъ, такъ какъ предложеніе Гута и Ледебура нашло себѣ въ совѣтѣ значительный откликъ, Бурдахъ усматривалъ несочувствіе къ его натурфилософскимъ воззрѣніямъ, отъ которыхъ „иные открещиваются и желаютъ предать ихъ анаѳемѣ, не будучи въ состояніи бороться съ ними путемъ изложенія своихъ взглядовъ и своихъ научныхъ методовъ“; „университетъ — продолжалъ онъ — ввѣряя мнѣ мое дѣло, не предъявилъ ко мнѣ никакихъ требованій относительно моихъ научныхъ вѣрованій, въ которыхъ бы я долженъ былъ принести присягу; поэтому, онъ и не имѣетъ права указывать мнѣ,

какихъ воззрѣній я долженъ или не долженъ держаться". Свой отвѣтъ совѣту Бурдахъ закончилъ предложеніемъ выразить отъ лица всей корпораціи профессорамъ Гуту и Ледебуру негодованіе за нанесенное ему оскорбленіе и назначить особую комиссію для разслѣдованія взглядовъ Бурдаха, чтобы рѣшить, нуждаются ли они въ особомъ контролѣ или нѣтъ, а до тѣхъ поръ онъ находитъ нужнымъ прекратить преподаваніе. Получивъ такое письмо, писанное, по признанію самого Бурдаха, „in der ersten Hitze", ректоръ просилъ его взять эту бумагу назадъ, чтобы не дать возникшимъ разногласіямъ слишкомъ остраго характера. Видя, что при такихъ условіяхъ дѣйствовать очень трудно, Бурдахъ примирился съ мыслію о необходимости закрыть возникшее и еще не получившее формальнаго утвержденія общество, которое 20 апрѣля 1812 года собралось на 25-е и въ то же время послѣднее свое засѣданіе. Наградой за эту дѣятельность Бурдаху было устройство ему 22 апрѣля шумной оваціи передъ его квартирой со стороны студентовъ, а черезъ нѣсколько дней получилъ онъ письмо отъ попечителя Клингера, отъ 26 апрѣля 1812 года, въ которомъ тотъ произноситъ строгій приговоръ надъ неправильностью дѣйствій Бурдаха съ формальной стороны, заключая свое письмо такими словами: „Позвольте мнѣ выразить вамъ одно общее замѣчаніе: не достаточно желать дѣлать общественное добро, но надо также, чтобы оно дѣлалось такимъ способомъ, какой государство признало для того необходимымъ установить" [1]). Такъ закончилась эта неудачная попытка основанія перваго ученаго общества при Дерптскомъ университетѣ.

Другимъ, несравненно болѣе долговѣчнымъ и прочнымъ учрежденіемъ, съ цѣлями общественнаго характера, явилось основанное въ 1814 году общество „Academische Musse".

---

1) **Burdach**, Rückblick auf mein Leben, стр. 250—258.

Первая попытка къ основанію этого общества, впрочемъ, была неудачна. Еще въ 1802 году въ профессорской средѣ только что начавшаго тогда свое существованіе университета возникла мысль объ основаніи кружка, который объединялъ бы собою университетъ и образованную часть дерптскаго общества внѣ университета; мысль эта нашла себѣ выраженіе въ особо выпущенномъ тогда и помѣченномъ 6 сентября 1802 года „планѣ", подписанномъ проректоромъ Парротомъ, вице-кураторомъ и тремя лицами изъ мѣстнаго дворянства; но осуществленіе этого намѣренія нашло себѣ препятствіе въ лицѣ тогдашняго генералъ-губернатора князя Голицына. Эта неудача тогда чрезвычайно волновала Паррота, но отъ новыхъ, болѣе рѣшительныхъ, шаговъ въ преслѣдованіи идеи основанія общества удерживалъ его Клингеръ, какъ видно изъ письма послѣдняго отъ 17 февраля 1803 года [1]). Снова возродилась мысль эта лишь десять лѣтъ спустя, когда 17 февраля 1813 года 9 профессоровъ университета собрались вмѣстѣ и рѣшили хлопотать объ основаніи общества подъ названіемъ „Museum für Litteratur, Kunst und Erholung". Немедленно составленъ былъ проектъ устава общества, въ выработкѣ котораго приняли участіе также и другіе члены университетской корпораціи. Другое движеніе, со стороны студентовъ, къ той же цѣли обнаружилось въ октябрѣ 1803 года, при чемъ посредниками между университетскимъ совѣтомъ и студентами явились профессора Парротъ, Еше и Лампе. Въ результатѣ всего этого, выработанъ былъ въ окончательномъ видѣ проектъ устава Парротомъ, Еше, Лампе, Гецелемъ и Густавомъ Эверсомъ и представленъ на утвержденіе, которое и послѣдовало 3 іюля 1814 года, при чемъ вновь учрежденное общество получило названіе „Академической Муссы" [2]).

---

1) Briefbuch, стр. 234.

2) Сборникъ постановленій, I. 829.

Согласно уставу [1]), какъ выражено во введенiи къ послѣднему, Общество это имѣло цѣлiю „доставлять членамъ его, а равно и остальной образованной части городского общества, возможность приличнаго и недорогого времяпровожденiя, которое должно состоять не только въ обыкновенныхъ общественныхъ развлеченiяхъ, но и въ занятiяхъ литературой и искусствомъ". Членами Общества являются профессора и вообще преподаватели университета, синдикъ и секретари, студенты, городскiе проповѣдники, учителя казенныхъ учебныхъ заведенiй и тѣ лица изъ городской публики, которыя будутъ приглашены въ качествѣ членовъ-учредителей, а затѣмъ составъ Общества пополняется выборами посредствомъ баллотированiя (§§ 1. 2); управленiе дѣлами Общества ввѣряется девяти „директорамъ", изъ которыхъ шесть выбираются изъ профессоровъ, преподавателей или чиновниковъ университета, городскихъ проповѣдниковъ и школьныхъ учителей, а три — изъ остального состава Общества (§ 8); студенты также избираютъ изъ своей среды девять „представителей", которые установленнымъ порядкомъ дежурятъ въ Обществѣ, подобно директорамъ (§ 12); обыкновенными занятiями Общества являются литературныя бесѣды, чтенiе газетъ и журналовъ, игры, но не азартныя; литературныя бесѣды имѣютъ въ виду главнымъ образомъ сообщенiя свѣдѣнiй о новыхъ открытiяхъ, о произведенiяхъ искусства и науки, чтенiе напечатанныхъ и ненапечатанныхъ произведенiй, устройство художественныхъ выставокъ, общедоступныя сообщенiя на научныя темы; кромѣ того, имѣется въ виду устройство баловъ и концертовъ (§§ 14. 17). Для Общества выбрано было наемное помѣщенiе въ домѣ Крюднера, гдѣ оно помѣщалось въ теченiе всего описываемаго перiода. Съ самаго же начала Общество обнаружило значительную жизненность; число его членовъ быстро возрастало, собранiя бывали многочисленны, и уже

1) Verfassung der Academischen Musse zu Dorpat. D. 1814.

осенью 1814 года устроены были первый балъ и первый концертъ; при этомъ университетъ содѣйствовалъ Обществу на первое время снабженіемъ его своей мебелью изъ университетскаго актоваго зала, а также дозволилъ ему устроить на Домбергѣ кегельбанъ. Студенчество, особенно по вечерамъ, очень усердно посѣщало это Общество, явившееся въ послѣдующемъ ходѣ университетской жизни, несомнѣнно, весьма важнымъ объединительнымъ средствомъ разныхъ слоевъ университетской среды и городского населенія [1]).

Одновременно съ этимъ, въ описываемое время существовали въ студенческой средѣ и болѣе тѣсные кружки, объединенные интересами эстетическими и литературными; они имѣли совершенно частный характеръ, и уставы ихъ никѣмъ офиціально не были допущены и утверждены. Мы имѣемъ болѣе обстоятельныя свѣдѣнія о двухъ такихъ студенческихъ кружкахъ.

Именно, первый кружокъ возникъ 12 октября 1812 года по почину студента-богослова Л. К. Кольбе, который съумѣлъ объединить вокругъ себя еще нѣсколькихъ товарищей богословскаго факультета; кружокъ просуществовалъ до весны 1816 года, т. е. менѣе четырехъ лѣтъ, и естественнымъ образомъ распался, когда члены его одинъ за другимъ оставили университетъ. Тѣмъ не менѣе онъ имѣлъ писанный уставъ, составленный зимой 1813—1814 года и скрѣпленный подписью семи первыхъ его членовъ-учредителей. Согласно этому уставу, кружокъ ставилъ своей цѣлію „всестороннее развитіе ума и сердца", средствами для чего являлись литературныя упражненія его членовъ и обсужденіе ихъ въ своей средѣ, какъ письменно, такъ и устно, преимущественно съ эстетической точки зрѣнія; за-

---

1) Архивъ Юрьевскаго университета: Die Academische Musse. V. I—II. Ср. также Dörptsche Beyträge, herausg. von K. Morgenstern, B. III (1821), стр. 441—443; Nachträge zum Album Estonorum. Heft 2, стр. 45.

нятія членовъ кружка должны были состоять также въ совмѣстномъ чтеніи и обсужденіи образцовыхъ сочиненій извѣстныхъ авторовъ; отъ каждаго члена обязательно требовалось дѣятельное участіе въ литературныхъ интересахъ кружка сочиненіемъ собственныхъ произведеній и посѣщеніемъ собраній; въ новые члены принимались только лица по единодушному согласію наличныхъ членовъ кружка и по предварительному доказательству способности и любви кандидата къ литературнымъ занятіямъ; общество должно было собираться каждую недѣлю у одного изъ своихъ сочленовъ и вело свои засѣданія подъ руководствомъ особаго выборнаго предсѣдателя. Характеръ поэтическихъ опытовъ этихъ молодыхъ людей отмѣченъ былъ модной тогда въ нѣмецкой литературѣ сентиментальностью; писались стихотворенія и на эстонскомъ языкѣ; любимой поэтической формой были баллады; собранія заканчивались иногда пѣніемъ. Общее число членовъ кружка, за все время его существованія, простиралось до 18; нѣкоторые изъ нихъ впослѣдствіи сдѣлались извѣстными въ мѣстной литературѣ своими произведеніями въ стихахъ и прозѣ: таковы — К. Э. Раупахъ, бывшій потомъ лекторомъ нѣмецкаго и итальянскаго языковъ въ Дерптскомъ университетѣ, Германъ Трей, Т. А. Дэнъ, А. Г. Нейсъ [1]).

Второй кружокъ возникъ по связи съ первымъ, и основателемъ его явился названный Германъ Трей. Кружокъ этотъ существовалъ съ 11 сентября 1814 года по конецъ 1815; въ составъ его входили главнымъ образомъ медики и юристы, почти исключительно изъ Курляндіи, и, такимъ образомъ, онъ отличался преобладаніемъ земляческаго принципа, въ противоположность первому, отмѣченному господствомъ принципа факультетскаго. Второй кружокъ также имѣлъ

1) Dorpater Sängerbünde 1812—1816. Lieder aus der Jugendzeit der alma mater Dorpatensis. Herausgegeben und eingeleitet von Friedrich Bienemann. Reval 1896, стр. V—XX. 3—95.

свои писанные „статуты", изъ которыхъ видно, что эта новая организація не отличалась замкнутостью первой, и доступъ въ нее обусловленъ былъ лишь согласіемъ двухъ третей наличныхъ членовъ; въ кружокъ могли вступать и не студенты; онъ не имѣлъ опредѣленнаго мѣстопребыванія, подобно первому въ Дерптѣ, не имѣлъ предсѣдателя, обязанности котораго исполнялъ секретарь; вообще въ немъ было менѣе офиціальности и принудительности, и болѣе было свободы; характеръ занятій кружка былъ тоже литературный, но съ большей, чѣмъ въ первомъ, наклонностью къ критикѣ и къ философіи на эстетической основѣ; предметомъ поклоненія въ немъ былъ извѣстный реформаторъ нѣмецкой литературы Мартинъ Опицъ. Общее число членовъ этого второго кружка простиралось до 16; между ними есть также нѣсколько именъ, пріобрѣтшихъ потомъ нѣкоторую извѣстность въ мѣстной литературѣ Прибалтійскаго края: Карлъ Бурзи, К. К. Крауклингъ и К. Ф. фонъ-деръ-Боргъ, бывшій впослѣдствіи синдикомъ Дерптскаго университета [1]).

7.

Отношеніе университета къ городскому управленію и къ жителямъ Дерпта. — Отношеніе къ мѣстной гражданской и духовной власти. — Посѣщеніе университета государемъ, особами императорской фамиліи и выдающимися русскими людьми. — Отечественная война и отраженіе ея на ходѣ университетской жизни: торжественныя собранія и рѣчи; отъѣздъ въ дѣйствующую армію профессоровъ Кайсарова и Рамбаха; врачебная дѣятельность во время войны профессоровъ и студентовъ. — Связи съ заграницей; литературный корреспондентъ Доппельмайеръ; сношенія дерптскихъ студентовъ съ заграничными.

Дерптскій университетъ въ описываемое время, поставленный въ вполнѣ опредѣленныя отношенія къ попечителю

---

1) Тамъ же, стр. XX—XXXIII. 99—130.

и министру, долженъ былъ самъ установить извѣстныя отношенія къ другимъ учрежденіямъ, съ которыми ему такъ или иначе приходилось имѣть дѣло. И нельзя сказать, чтобы отношенія эти, какъ они сложились въ дѣйствительности, отличались устойчивостью за весь первый періодъ.

Мы уже знаемъ, какую роль играло мѣстное дворянство при основаніи университета, и какой видъ вскорѣ затѣмъ получили ихъ взаимныя отношенія. Эти шероховатыя отношенія университета къ дворянству не ограничивались дѣловой и официальной сферой, а переходили и въ общественную и частную жизнь; объ этомъ свидѣтельствуетъ въ своихъ путевыхъ замѣткахъ баронъ Шлиппенбахъ, наблюдавшій дерптскую жизнь въ 1814 году и видѣвшій въ такомъ отчужденіи университетской среды отъ дворянской одну изъ причинъ, почему студенты, мало посѣщая семейные дома мѣстнаго дворянства, не имѣютъ возможности смягчать грубоватыя формы своей жизни общеніемъ съ наиболѣе культурной мѣстной средой [1]).

Отношенія между университетомъ и городскимъ управленіемъ Дерпта въ первое время были довольно хороши. При основаніи университета, въ Дерптѣ было около 4000 жителей, а къ 1820 году число это увеличилось приблизительно вдвое. При такомъ маломъ населеніи нѣсколько сотъ студентовъ составляли даже количественно весьма замѣтную группу, не говоря о совершенно особомъ ихъ положеніи сравнительно съ другими жителями города. Тогдашній Дерптъ, имѣя въ себѣ университетъ, извлекалъ изъ послѣдняго значительныя матеріальныя выгоды, такъ какъ университетская молодежь и нѣсколько десятковъ профессорскихъ семействъ проживали въ немъ свои доходы; съ другой стороны, „академическіе граждане“ чувствовали себя въ городѣ настоящими господами, благодаря чему и жизнь

---

1) Briefe aus Dorpat und Riga. Hamburg 1818, стр. 50—51.

ихъ могла принять тѣ своеобразныя формы, о которыхъ отчасти приходилось уже упоминать, и, такимъ образомъ, обѣ стороны имѣли основаніе быть довольны другъ другомъ. Характеристикой отношеній между университетомъ и городскимъ управленіемъ можетъ служить, между прочимъ, тотъ фактъ, что въ апрѣлѣ 1804 года изъ университетскихъ средствъ ассигновано было 500 рубл. на поправку городскихъ часовъ, такъ какъ городъ не располагалъ для этой цѣли такой суммой, а между тѣмъ студенты были ближайшимъ образомъ заинтересованы, посѣщая лекціи, въ вѣрномъ ходѣ городскихъ часовъ. Но рядомъ съ этимъ уже въ первые годы возникали между университетомъ и городомъ существенныя недоразумѣнія, особенно по поводу разграниченія подаренной университету Домской горы отъ собственно городской земли; на этой почвѣ возникали у университета съ городомъ неоднократно процессы, особенно въ годы усиленнаго веденія университетомъ разнаго рода построекъ [1]). Позднѣе, особенно во вторую половину перваго періода, недоразумѣнія эти нашли себѣ и другую почву — главнымъ образомъ частыя буйства студентовъ съ дерптскими купцами, мѣщанами и ремесленниками; накопившееся среди послѣднихъ враждебное отношеніе къ студентамъ, которые смотрѣли на нихъ свысока и выбирали ихъ предметомъ своего задора и разнаго рода непріятныхъ выходокъ, отразилось и на настроеніи къ университету городского управленія, тѣмъ болѣе, что университетское начальство при всѣхъ дѣлахъ о столкновеніяхъ студентовъ съ горожанами брало сторону первыхъ, нерѣдко нарушая самымъ очевиднымъ образомъ требованія справедливости. Такъ, когда въ 1810 году, по окончаніи постройки астрономической обсерваторіи, университетъ просилъ у города про-

1) Des Professors J. W. Krause Aufzeichnungen über die Gründung und das erste Jahrzehnt der Universität Dorpat, стр. 25—26.

вести къ ней прямую дорогу по городской землѣ, то городской магистратъ всячески затягивалъ это дѣло, которое разрѣшено было въ пользу университета, черезъ посредство попечителя Клингера, только высочайшимъ указомъ 7 ноября 1811 года. Кромѣ того, университетъ, со своей стороны, былъ недоволенъ состояніемъ городской полиціи, недостаточно принимавшей въ соображеніе интересы студентовъ, да и студенты не упускали случая обнаруживать противъ чиновъ городской полиціи свое нерасположеніе, какъ это особенно ярко обнаружилось въ упомянутомъ выше скандалѣ въ театрѣ, въ августѣ 1812 года, или еще ранѣе, въ маѣ 1807 года, когда одинъ студентъ, поощряемый своими товарищами, дѣйствіемъ оскорбилъ полицеймейстера Калитина на одной изъ городскихъ улицъ. Это неудовольствіе университетскаго начальства и студентовъ на полицію тѣмъ болѣе отражалось на отношеніи ихъ къ городскому управленію, что въ первые годы существованія университета особаго полицеймейстера въ Дерптѣ не было, и полицейскими дѣлами завѣдывалъ городской магистратъ.

Мы видѣли выше, что при возбужденіе вопроса объ основаніи „Академической Муссы“ въ 1802 году и въ сужденіяхъ о студенческихъ проступкахъ въ 1804 году университетъ не находилъ себѣ сочувствія въ представителяхъ высшей правительственной гражданской власти въ краѣ; не жилъ въ особомъ ладу онъ, какъ видно изъ дѣлъ университетскаго суда, и съ мѣстной военной средой.

Съ духовнымъ начальствомъ въ Ригѣ отношенія университета также, повидимому, не были вполнѣ удовлетворительны. Еще въ 1805 году рижская лютеранская оберъ-консисторія обнаружила нѣкоторое недовѣріе къ учившимся въ университетѣ кандидатамъ на пасторскія мѣста; въ 1810 году она установила для нихъ строгій экзаменъ по латышскому и эстонскому языкамъ, ссылаясь на то, что съ этими языками члены богословскаго факультета не знакомы; кромѣ того, оберъ-консисторія установила экзаменъ и по другимъ

предметамъ для тѣхъ молодыхъ богослововъ университета, которые желали имѣть неограниченный доступъ ко всѣмъ вообще приходамъ въ краѣ, а не желавшимъ подвергаться этому особому экзамену предоставлялись мѣста лишь въ нѣкоторыхъ приходахъ, хотя такое ограниченіе косвенно противорѣчило § 5 „Акта постановленія“, § 5 Устава и § 65 „Правилъ для учащихся въ Дерптскомъ университетѣ“.

Къ событіямъ русской жизни внѣ предѣловъ Остзейскаго края университетъ оставался въ значительной мѣрѣ чуждъ; даже сношенія съ Петербургомъ были почти исключительно офиціальныя. Дерптъ стоялъ въ ту пору на прямомъ и обычномъ пути между Петербургомъ и заграницей, и на его долю, а въ особенности на долю, университета, выпало немало случаевъ привѣтствовать самого государя, членовъ царской семьи и нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ русскихъ лицъ.

Выше было уже упомянуто, что 22 мая 1802 года императоръ Александръ I посѣтилъ Дерптъ и университетъ, и что свиданіе его при этомъ случаѣ съ Парротомъ имѣло чрезвычайно важныя послѣдствія для университета. Черезъ два года, 16 и 17 мая 1804 года, государь снова проѣздомъ посѣтилъ городъ и университетъ. Описаніе этого посѣщенія нашло себѣ мѣсто въ протоколѣ засѣданія университетскаго совѣта 20 мая, согласно сдѣланному въ немъ сообщенію объ этомъ событіи проф. Парротомъ. Ректоръ Балкъ привѣтствовалъ государя дважды: первый разъ при выходѣ его изъ экипажа, а второй разъ въ „большой аудиторіи“ университета, въ присутствіи всего профессорскаго персонала и приглашенной публики. Первое привѣтствіе состояло всего изъ нѣсколькихъ словъ, но второе было болѣе пространно. Вотъ оно: „Sire! Une bien petite partie des millions de sujets, qui reconnoissent Votre sceptre doux et bienfaisant, environne en ce moment Votre personne sacrée. Chacun de nous voudroit oser dire à Votre Majesté Impériale, combien vrai et profond est l'amour respectueux, dont il est animé.

Jamais je ne fus ni si heureux, ni si noblement recompensé qu'aujourd'hui que je suis l'organe de cette assemblée et l'interprète de la pureté de sa joie. Daignez, Sire, jeter Vos regards autour de Vous! Le notre Vous exprimera, avec quelle passion nous avons desiré Votré auguste présence. Vous ne l'accompagnez pas de l'eclat de Sa Majesté, d'un Autocrate de toutes les Russies; Vous venez en père tendre et bien veuilland. Voilà Vos enfants! Ils s'approchent avec cette simplicité, qu'inspire l'amour et la confiance, pour Vous présenter Vos propres dons. L'usage qu'ils en ont fait ne répond pas encore à leurs voeux, peut-être pas l'attente de Votre Majesté Imperiale. Le temps seul peut donner de la réalité au zèle et ériger à Vos bienfaits et aux sciences un monument, révéré de la posterité. Daignez, Sire, lui continuer Votre auguste protection! Il est fondé sous Vos auspices pour le bien d'un peuple que Vous chérissez. Consacrez toutes nos forces aux vues magnanimes de notre Monarque; suivre au moins de loin l'exemple sublime, qu'il nous donne; être fidèle à tous les devoirs que Sa haute confiance nous impose; nous oublier nous mêmes, quand le bien public l'ordonne; lutter avec confiance contre les difficultés — telles sont les loix, qui nous seront à jamais sacrées, dont nous renouvellons le voeu solennel en ce moment mémorable, qui nous accorde pour la seconde fois le bonheur de voir notre auguste Souverain au milieu de nous". Государь отвѣтилъ на эту рѣчь слѣдующими словами: „Monsieur le Recteur! C'est avec beaucoup de plaisir que je me vois au milieu de Votre Université, et chaque occasion que je trauverai lui prouver mon attachement sera agréable pour Moi". Вечеромъ, въ 10 часовъ, въ первый день пребыванія государя въ Дерптѣ, приглашенъ былъ въ его кабинетъ Парротъ, гдѣ императоръ долго бесѣдовалъ съ нимъ; въ этой бесѣдѣ государь выразилъ желаніе, чтобы исчезли послѣдніе слѣды недоразумѣній университета съ другими „сословіями", подъ которыми разумѣлось, конечно, прежде всего дворянство; между прочимъ, какъ передавалъ потомъ Парротъ университету, государь сказалъ ему: „ваше призваніе столь пре-

красно, и чувство исполненнаго долга столь возвышенно, что университетъ не долженъ опасаться въ будущемъ никакихъ непріятностей; облагороживаніе человѣчества, ревность къ общему благу сами по себѣ составляютъ прочныя основы, и, опираясь на нихъ, можно устоять противъ всего". На другой день, прощаясь съ университетомъ передъ отъѣздомъ, государь сказалъ ректору: „Recevez, Monsieur, comme le chef de cette Université, l'assurance de mon contentement parfait et de mon attachement sincère pour Votre Institut", и тотъ отвѣчалъ: „Et Vous, Monarque chéri, agréez les voeux les plus pures et les plus ardents de notre part. La seule ambition et la seule récompense, que nous connoissons, sera de mériter d'être Vos sujets". 27 февраля 1807 года прибылъ проѣздомъ въ Дерптъ и привѣтствуемъ былъ университетомъ вел. кн. Константинъ Павловичъ, пробывшій въ городѣ три дня. 3 іюля того же 1807 года проѣзжалъ черезъ Дерптъ, послѣ Тильзитскаго мира, изъ заграницы въ Петербургъ, государь. 20 іюня 1810 года посѣтила Дерптъ, возвращаясь съ морскихъ купаній въ Курляндіи, императрица Елизавета Алексѣевна; ректоръ Гриндель, привѣтствуя императрицу, говорилъ рѣчь, которая, впрочемъ, потомъ не очень понравилась попечителю Клингеру, что видно изъ писемъ послѣдняго отъ 5 и 16 сентября 1810 года [1]). 21 декабря 1814 года императрица Елизавета Алексѣевна опять проѣзжала черезъ Дерптъ со своей сестрой, принцессой Амаліей Баденской; ей были представлены профессора университета, и ректоръ Стиксъ поднесъ ей отъ имени университета привѣтственное стихотвореніе [2]). 29 августа 1818 года проѣзжала черезъ Дерптъ заграницу вдовствующая императрица Марія Ѳеодоровна, заинтересовавшаяся въ особенности, при обозрѣніи университета, му-

---

1) Briefbuch, стр. 266—268.

2) Dörptsche Beyträge, herausg. von K. Morgenstern, B. I. 368—369.

зеемъ искусствъ; на другой день, 30 августа, проѣхала заграницу черезъ Дерптъ и императрица Елизавета Алексѣевна. Кромѣ того, въ ноябрѣ 1809 года университетъ посѣтилъ проѣздомъ графъ Аракчеевъ, особенно интересуясь собраніемъ военныхъ моделей, физическимъ и химическимъ кабинетами; 5 іюня 1813 года проѣзжалъ черезъ Дерптъ министръ внутреннихъ дѣлъ О. П. Козодавлевъ и посѣтилъ университетъ, а 18—22 іюля того же года онъ снова былъ въ Дерптѣ, уже со своей семьей, и опять былъ въ университетѣ.

Наибольшій слѣдъ изъ событій русской жизни за описываемое время оставила въ лѣтописяхъ университета борьба императора Александра I съ Наполеономъ.

Еще 17 февраля 1807 года университетъ праздновалъ торжественнымъ засѣданіемъ побѣду, впрочемъ далеко не рѣшительную, русскихъ войскъ надъ Наполеономъ. На этомъ собраніи первоначально произнесено было краткое вступительное слово ректоромъ Мейеромъ, а затѣмъ слѣдовала пространная рѣчь проф. Рамбаха по поводу событія, и въ концѣ прочитано было проф. Балкомъ стихотвореніе „Menschengrösse, ein didactisches Gedicht"; во введеніи къ изданной университетомъ брошюрѣ, въ которой напечатаны были обѣ рѣчи и стихотвореніе [1]), Наполеонъ выставленъ какъ человѣкъ, который, „не уважая ничего святого, грозилъ разрушить мирное убѣжище науки и ввести на ея мѣсто варварство темныхъ вѣковъ", а о побѣдѣ русскихъ сказано: „Въ книгѣ жребія установлено, чтобъ на будущія времена слова Россъ и спаситель Европы были единознаменательны; благородная же нація, къ которой мы гордимся быть сопричи-

1) Der siebenzehnte Februar 1807 in Dorpat. Feyer des Sieges bey Preussisch-Eylau im Namen der Kaiserlichen Universität. Gedruckt auf Verordnung des Universitätsconseils zu Dorpat. D. 1807. Рѣчь Рамбаха напечатана тутъ не только въ оригиналѣ, но и въ русскомъ переводѣ, сдѣланномъ проф. Глинкой.

слены, можетъ тогда по всей справедливости признать подвигъ своей большей важности, нежели обратное токмо возвращеніе заимствованнаго черезъ присвоеніе образованности Запада. Въ протекшее столѣтіе Петръ Великій положилъ основаніе сей Имперіи и поставилъ ее на ряду съ первостепенными европейскими державами; теперь сей самой народъ подъ хоругвами Александра-Побѣдоноснаго и подъ предводительствомъ храбраго военачальника своего избавляетъ Европу отъ очевидной гибели" [1]).

12 ноября 1811 года состоялось торжественное собраніе университета, въ которомъ проф. А. С. Кайсаровъ произнесъ на русскомъ языкѣ рѣчь „О любви къ отечеству". Хотя поводомъ къ рѣчи послужила не борьба съ Наполеономъ, въ отношеніяхъ Россіи къ которому продолжалось еще нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ наступившее затишье, тѣмъ не менѣе героемъ русскихъ побѣдъ надъ турками на правомъ берегу Дуная въ 1811 году, которыя вдохновляли въ данномъ случаѣ автора, явился будущій герой наполеоновской эпопеи въ Россіи М. И. Кутузовъ, получившій тогда графское достоинство. Въ рѣчи этой, которой, по собственному признанію автора, онъ „имѣлъ счастіе возбудить удовольствіе во всѣхъ, понимавшихъ его", и которая была напечатана на счетъ университета [2]), есть любопытное мѣсто по поводу языка, который, по мысли оратора, является однимъ изъ источниковъ патріотическаго единенія въ народѣ разноплеменномъ: „Въ первый разъ раздается языкъ русской въ семъ святилищѣ музъ. Въ первый разъ осмѣливается русской, будучи призванъ гражданами сего города и своими почтенными сотоварищами, употребить

---

1) Стр. 3. 33—35.

2) Рѣчь о любви къ отечеству. На случай побѣдъ, одержанныхъ русскимъ воинствомъ на правомъ берегу Дуная, въ торжественномъ собраніи Императорскаго Дерптскаго университета ноября 12 дня 1811 года говоренная профессоромъ Андреемъ Кайсаровымъ. Дерптъ (1811).

языкъ свой въ торжественномъ собраніи сего сословія. Счастливымъ бы я почелъ себя, естьли-бъ слова мои коснулись не одного слуха, но и сердецъ вашихъ и воспламенили бы въ нихъ должное уваженіе и привязанность къ языку обильному, красотами исполненному — къ языку, въ отечествѣ нашемъ господствующему. Счастливъ былъ бы я, естьли бы вы, юноши, ищущіе здѣсь образовать умъ и сердце ваше, желающіе здѣсь содѣлаться полезными членами общества, увидѣли, сколь необходимъ для васъ языкъ народа величайшаго въ свѣтѣ, языкъ вашего отечества. . ." Въ концѣ рѣчи ораторъ говорилъ: „Сія новая побѣда, нами, слушатели, торжествуемая, есть ничто иное, какъ доказательство нашего могущества — враговъ нашихъ безсилія, нашей твердости — ихъ изнемогающаго коварства, нашего права — ихъ злобы и притязанія. Герой Кутузовъ! мышцы твои пріобыкли побѣждать невѣрныхъ! Дотолѣ, пока въ изъязвленной ранами груди твоей бьется русское сердце, дотолѣ мы спокойны!" [1]).

Но вотъ насталъ памятный 1812 годъ, и Дерптскій университетъ не остался въ сторонѣ отъ всеобщаго патріотическаго возбужденія. Профессоръ русскаго языка и литературы Кайсаровъ и политической экономіи Рамбахъ пожелали принять личное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, и, согласно ихъ заявленію, въ іюнѣ 1812 года получено было отношеніе военнаго министра, главнокомандующаго первою западною арміей, Барклая-де-Толли съ извѣщеніемъ, что Государю угодно было, чтобы оба названные профессора отправились въ главную квартиру первой западной арміи, при чемъ имъ поручалось составить походную типографію и для этого взять изъ Дерпта „два стана для русской и нѣмецкой печати", а также пригласить „двухъ переводчиковъ, четырехъ наборщиковъ и четырехъ печатниковъ".

1) Стр. 13—14.

Явившись въ Вильно, гдѣ тогда помѣщалась главная квартира, и назначенный директоромъ походной типографіи, Кайсаровъ, сначала подъ начальствомъ фельдмаршала Барклая-де-Толли, а потомъ князя Кутузова-Смоленскаго, постоянно находился при дѣйствующей арміи, а по смерти послѣдняго (16 апрѣля 1813) вступилъ на дѣйствительную военную службу въ чинѣ маіора, и менѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ, 14 мая 1813 года, погибъ въ саженіи при Гайнау, въ Силезіи, взорванный на воздухъ вмѣстѣ съ пороховымъ ящикомъ, на которомъ находился. Проф. Рамбахъ благополучно возратился въ Дерптъ въ сентябрѣ 1812 года. Какъ разъ въ самый день смерти Кайсарова, этого благороднаго энтузіаста [1]), вписавшаго своею смертію краснорѣчивую и назидательную страницу въ лѣтописи университета, послѣдній, въ лицѣ членовъ изъ своего профессорскаго состава, встрѣчалъ передъ въѣздомъ въ Дерптъ тѣло князя Кутузова-Смоленскаго, которое везли черезъ Дерптъ изъ заграницы въ Петербургъ; Моргенштернъ сказалъ надъ гробомъ великаго героя отечественной войны краткую рѣчь, а ректоръ Парротъ возложилъ на гробъ отъ имени университета вѣнокъ, сопровождая эту церемонію краткою латинскою рѣчью. Особый энтузіазмъ вызвали въ Дерптѣ побѣды графа Витгенштейна, и одна изъ нихъ, при Полоцкѣ, шумно праздновалась 3 ноября 1813 года въ еще не получившей тогда официальнаго разрѣшенія „**Musse**" [1]), при чемъ на обѣдѣ по этому случаю собрано было 3000 р. для раненыхъ корпуса Витгенштейна, который потомъ любезно благодарилъ жертвователей; насколько популяренъ былъ Витгенштейнъ въ Дерптѣ, можно судить изъ того, что еще въ февралѣ 1813 года проф. Зенфъ лично отправился за границу, въ главную квартиру дѣйствующей русской

---

1) См. о немъ сочувственныя строки въ воспоминаніяхъ Бурдаха: Rückblick auf mein Leben, стр. 234.

2) Karl Petersen. Poëtischer Nachlass, стр. 57—59.

арміи, чтобы нарисовать съ натуры портретъ знаменитаго полководца, что и удалось ему не задолго до сраженія при Люценѣ, и этотъ портретъ потомъ сильно распространенъ былъ въ гравюрахъ. Свидѣтельствомъ напряженнаго вниманія университета къ военнымъ событіямъ времени является и рѣчь „О войнѣ", произнесенная проф. Рамбахомъ 30 августа 1813 года, въ торжественномъ собраніи университета въ день тезоименитства государя [1]).

Война коснулась Дерпта своими ужасами отчасти и непосредственно. Въ виду его положенія на главной дорогѣ за границу и обратно, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ военнаго времени черезъ него проходили войска, перевозились раненые и больные, и еще въ 1807 году въ клиникахъ университета, подъ надзоромъ профессоровъ Балка и Кауцмана, лѣчилось до 1000 человѣкъ изъ состава арміи. Въ 1812 году, при вступленіи Наполеона въ Россію, было опасеніе, что онъ, двигаясь на Петербургъ, возьметъ Ригу, и генералъ-губернаторъ фонъ-Эссенъ, получившій ложное, но давно ожидаемое извѣстіе о появленіи будто бы французскихъ войскъ на берегахъ Двины, приказалъ сжечь рижскія городскія предмѣстья, чтобы затруднить непріятелю возможность овладѣть городомъ; многіе послѣ этого пожара остались безъ крова и хлѣба, и по иниціативѣ ректора Паррота, 6 августа 1812 года, при торжествѣ смѣны ректора, была устроена въ пользу этихъ пострадавшихъ подписка, на которой собрано было 5105 р. асс., 9 р. сер., 4 дуката и 1 альб. талеръ; кромѣ того, студенты собрали между собою съ тою же цѣлію около 1000 р. асс.

Личный трудъ болѣе другихъ пришлось приложить

1) Ueber den Krieg. Eine Rede am 30 August 1813 dem Allerhöchsten Namensfeste Sr. K. Majestät Alexander Pawlowitsch, im grossen Hörsaale der Kais. Univ. zu Dorpat gehalten von Dr. Fr. Eb. Rambach. Als Anhang folgt: Desselben Verfassers Rede am Tage der Feier des Sieges bey Preussisch-Eylau, gehalten am 17 Februar 1807. Dorpat 1814.

въ университетѣ во время войны, конечно, медикамъ. Кромѣ значительнаго количества выпущенныхъ въ армію врачей [1]), дерптскимъ медикамъ пришлось поработать и у себя на мѣстѣ. Нищета, какъ слѣдствіе упомянутаго страшнаго пожара въ Ригѣ, и скопленіе множества больныхъ, доставленныхъ туда съ поля битвы, были причиною страшнаго развитія тифа въ этомъ городѣ; не доставало для нихъ ни помѣщенія, ни лѣчебныхъ средствъ, ни врачей; тогда генералъ-губернаторъ фонъ-Эссенъ обратился къ Дерптскому университету съ предложеніемъ, не найдутся ли между студентами медицины молодые люди, которые бы пожелали прійти на помощь рижскому бѣдствію, и такихъ нашлось 25 человѣкъ, между ними знаменитый впослѣдствіи Э. К. фонъ-Беръ, бывшій тогда студентомъ медицинскаго факультета; онъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ [2]) занимательную исторію этой первой медицинской практики своей и своихъ товарищей: всѣ они, за исключеніемъ одного, переболѣли сами тифомъ, заразившись въ самомъ же началѣ, но изъ 24 заболѣвшихъ умеръ только одинъ; крайне неблагопріятная для ихъ дѣятельности обстановка, при отсутствіи самыхъ необходимыхъ средствъ, сдѣлала эту экскурсію въ Ригу благороднымъ, но мало полезнымъ подвигомъ самопожертвованія, и самъ Беръ въ концѣ своего разсказа замѣчаетъ: „что мы принесли государству нашимъ путешествіемъ въ Ригу много пользы — это мнѣ представляется весьма сомнительнымъ". Съ 19 декабря 1811 года по 6 іюня 1813 года при университетѣ устроенъ былъ и дѣйствовалъ въ Дерптѣ обширный военный лазаретъ; въ немъ работали профессора Балкъ, Стиксъ и приватъ-доцентъ Іохманъ, при чемъ на долю перваго выпало 769

1) Одну, не лишенную трагизма, хотя и весьма краткую, исторію такого врача передаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Бурдахъ: Rückblick auf mein Leben, стр. 267—268.

2) Selbstbiographie, стр. 139—143.

больныхъ, второго—257 и третьяго—584, а всего 1610 больныхъ; въ этихъ работахъ принимали участіе и студенты, между которыми особенно отличился Фр. В. Парротъ, сынъ проф. Паррота и самъ бывшій впослѣдствіи профессоромъ физіологіи въ Дерптскомъ университетѣ; нѣкоторые изъ студентовъ получили за свои труды высочайшіе подарки въ видѣ золотыхъ часовъ.

5 іюля 1814 года университетъ съ большой торжественностью праздновалъ благополучное окончаніе борьбы императора Александра съ Наполеономъ въ предѣлахъ Россіи. Празднество началось исполненіемъ студенческимъ хоромъ стихотворенія, написаннаго студентомъ Карломъ Бурсіемъ: „Lobt den Herrn! Des Friedenspalme wehet Welten Heil und Ruh“...; затѣмъ слѣдовали вступительныя слова ректора Стикса, послѣ котораго проф. Рамбахъ произнесъ рѣчь на тему о счастіи мира вообще [1]); далѣе, проф. Гутъ произнесъ краткую рѣчь лирическаго характера на ту же тему о мирѣ [2]), за которой слѣдовали еще двѣ рѣчи студентовъ Вихмана и Вейссе, стихотвореніе студ. Бурсія, и празднество закончилось исполненіемъ хоромъ стиховъ „Heil Dir im Siegeskranz“..., посвященное императору Александру I [3]). 19 марта 1815 года университетъ собрался для новаго торжественнаго празднованія, по случаю взятія Парижа; при этомъ случаѣ ректоръ Рамбахъ говорилъ рѣчь, въ которой посвятилъ нѣсколько словъ и памяти А. С. Кайсарова, а проф. Воейковъ произнесъ на русскомъ языкѣ

---

1) Rede, am Friedensfeste den 5 Juli 1814 im grossen Hörsaale der Kaiserlichen Universität zu Dorpat gehalten von Dr. Fr. Eb. Rambach. Dorpat 1814.

2) Patriotische Herzensergüsse, bei der Friedensfeier in der Universität zu Dorpat, den 5-ten Julius 1814, vorgelesen von D. Huth. Dorpat (1814).

3) Первое и послѣднее стихотворенія, исполненныя хоромъ, изданы были особо: Lieder zur Feier des Friedensfestes am 5-ten Julius im grossen Hörsaale der Universität zu Dorpat. Dorpat 1814.

рѣчь, посвященную заслугамъ императора Александра I и Кутузова въ Отечественную войну.

Событія Отечественной войны сдѣлали въ Дерптскомъ университетѣ личность императора Александра I, и до того времени здѣсь чрезвычайно популярную и любимую, предметомъ безграничнаго поклоненія; любопытныя подробности объ этомъ передаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Эмиль Андерсъ [1]; „освободитель Европы" сдѣлался вдохновителемъ многихъ мѣстныхъ поэтовъ, между которыми изъ студенческой среды особенно выдѣлялся Адальбертъ Каммереръ, написавшій цѣлый рядъ „патріотическихъ" стихотвореній „на случай"; нѣкоторыя изъ нихъ читались авторомъ въ торжественныхъ собраніяхъ университета [2]).

Изъ университетскихъ торжествъ по поводу воспоминанія о событіяхъ не русской жизни слѣдуетъ упомянуть здѣсь о праздновании 31 октября 1817 года трехсотлѣтія реформаціи; по этому поводу въ торжественномъ собраніи университета проф. Белендорфъ говорилъ латинскую рѣчь [3]), и хоромъ исполненъ былъ спеціально приготовленный для этого случая гимнъ [4]).

---

1) Baltische Monatsschrift, B. XXXIX. 1892, стр. 93.

2) Rückblick in die Tage schöner Vergangenheit. Am Krönungsfeste Sr. Kais. Majestät Alexander des Ersten vorgelesen am 15 Sept. 1809 im grossen Hörsaale der Kaiserl. Bibliothek (Dorpat 1809). — Vergangenheit und Gegenwart, auf einem Spaziergang durch Dorpat's botanischen Garten. Bey der Jahresfeier des Krönungstages S. K. M. Alexander des Ersten vorgelesen am 15 Sept. 1810 im Hauptsaale des Universitätsgebäudes (Dorpat 1810).

3) Ad memoriam trisecularum emendatorum a Divo D. Martino Luthero sacrorum die XXXI octobris vet. styli a. s. M.DCCCXVII solenni pioque ritu concelebrandam commilitones omnium ordinum omnes et singulos quam humanissime invitat Rector et Senatus Almae Universitatis Caesareae Dorpatensis, internuncio D. Herm. Leop. Boelendorffio. Praemittuntur pauca de honoribus Luthero habitis et habendis. Dorpat (1817).

4) Gesänge zur dritten hundertjährigen Jubelfeier der Reformation im grossen Universitäts-Hörsaale am 31 October a. St. 1817. Dorpat (1817).

Но если участіе Дерптскаго университета въ событіяхъ русской жизни или вообще его отношеніе къ послѣдней вызывалось лишь болѣе или менѣе особыми поводами и, слѣдовательно, являлось въ извѣстной степени случайнымъ, то можно положительно сказать, что, напротивъ, съ культурной жизнію Запада, и въ особенности Германіи, у университета въ описываемый періодъ, преимущественно въ первые годы по основаніи, была постоянная и тѣсная связь. Изъ Германіи получалъ университетъ значительную часть своихъ ученыхъ силъ, выписывалъ оттуда книги, инструменты и всякаго рода научныя пособія; изо дня въ день читались въ Дерптскомъ университетѣ тамошніе журналы и газеты; съ Германіей соединяли университетъ старыя историческія связи самой образованной, хотя и не многочисленной, части окружавшаго его мѣстнаго населенія, одинъ языкъ, во многомъ сходный складъ понятій и жизни; мѣстная обособленность въ это время еще не успѣла сказаться такъ опредѣленно, какъ въ послѣдующіе годы.

При тогдашнемъ отсутствіи желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ сношенія университета съ чужими краями были довольно затруднительны, и для облегченія ихъ университетъ назначилъ особое лицо, которое, согласно § 19 Устава 1803 года, должно было, нося званіе „литературнаго агента“ Дерптскаго университета и живя въ Германіи, „сообщать ему по всѣмъ частямъ учености“ и „исправлять всякія возложенныя на него отъ университета порученія“. Первымъ такимъ лицомъ явился отставной колл. сов., докторъ медицины Георгъ фонъ-Доппельмайеръ [1]), высочайше утвержденный въ этой должности 21 января 1803 года. Получивъ объ этомъ официальное сообщеніе 4 мая 1803 года, совѣтъ тогда же занялся выработкой для него „инструкціи“, которая сводилась къ тому, что „литературный

1) Архивъ Юрьевскаго университета: Georg von Doppelmayer.

агентъ" этотъ долженъ былъ своевременно извѣщать университетъ о книжныхъ аукціонахъ за границей, о важнѣйшихъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ, объ ученыхъ, могущихъ представлять интересъ для Дерптскаго университета, производить уплату по сдѣланнымъ университетомъ заказамъ, облегчать переписку и вообще сношенія университета съ разными лицами за границей и, наконецъ, самостоятельно закупать для университета необходимыя ему вещи на сумму не свыше 200 р. ежегодно. Доппельмайеръ поселился въ Лейпцигѣ и оттуда посылалъ университету свои донесенія, которыя въ особенности обильны были въ 1803 году, когда, при организаціи университета, возникало много разнообразныхъ вопросовъ. Первое его донесеніе, отъ 9 іюня 1803 года н. ст., было доложено въ совѣтѣ 11 іюля ст. ст. и заключало въ себѣ изображеніе дурныхъ послѣдствій для нравственности и спокойствія студентовъ отъ „орденскихъ обществъ" въ иностранныхъ университетахъ; Доппельмайеръ указывалъ совѣту на необходимость принять мѣры, чтобы зло это не получило распространенія и въ Дерптскомъ университетѣ; въ этомъ же засѣданіи совѣта постановлено было сообщить о донесеніи Доппельмайера попечителю, и, быть можетъ, не безъ связи съ этимъ было постановлено въ утвержденныхъ 23 августа 1803 года „Правилахъ для учащихся въ Дерптскомъ университетѣ", что „подъ опасеніемъ строжайшаго наказанія и даже самаго изгнанія изъ университета" запрещается заводить „такъ называемыя орденскія общества и братства" (§ 17). Изъ послѣдующихъ донесеній Доппельмайера университету, къ сожалѣнію, не всѣ сохранились въ университетскомъ архивѣ: въ засѣданіи совѣта 18 іюля 1803 года, по предложенію проф. Моргенштерна, рѣшено было, въ виду того, что въ донесеніяхъ Доппельмайера находятся свѣдѣнія о живущихъ за границей ученыхъ и другихъ лицахъ, оглашеніе которыхъ можетъ быть неудобно, не читать эти донесенія въ засѣданіяхъ и не заносить ихъ въ протоколъ, а передавать

членамъ совѣта для ознакомленія частнымъ образомъ, послѣ чего не сдавать ихъ въ архивъ, а пріобщать къ бумагамъ, находящимся подъ особымъ храненіемъ ректора. Донесенія Доппельмайера были весьма разнообразны, обыкновенно кратки, иногда пространны; кромѣ указанныхъ въ „инструкціи" предметовъ сношенія, университетъ пользовался услугами Доппельмайера для распространенія свѣдѣній о себѣ за границей путемъ разсылки черезъ его посредство по иностраннымъ университетамъ печатныхъ экземпляровъ разнаго рода постановленій и узаконеній касательно университета, изданій послѣдняго, а также путемъ помѣщенія въ заграничныхъ газетахъ краткихъ свѣдѣній о текущей дѣятельности университета, текстъ которыхъ нерѣдко заготовлялся въ Дерптѣ самими представителями университетской администраціи. Доппельмайеръ исполнялъ принятыя на себя обязанности [1]) до 1810 года, когда, черезъ посредство проф. Краузе, онъ попросилъ совѣтъ выдать ему за его службу аттестатъ, что и исполнено было 5 декабря 1810 года. Изъ „корреспондентовъ" университета послѣ Доппельмайера, заслуживаетъ здѣсь упоминанія знаменитый путешественникъ И. Ф. Крузенштернъ: въ виду его отъѣзда на продолжительное время въ Англію, совѣтъ университета избралъ его 25 октября 1813 года своимъ „корреспондентомъ", при чемъ одновременно съ этимъ присудилъ ему степень почетнаго доктора философіи, по представленію философскаго факультета; впрочемъ, о его дѣятельности въ этомъ званіи на пользу университета до насъ не дошло никакихъ извѣстій [2]).

---

1) Въ засѣданіи совѣта 7 августа 1803 года доложено было желаніе Доппельмайера, чтобы данное ему званіе „литературнаго агента" было замѣнено другимъ, и рѣшено было на будущее время называть его „literarischer Geschäftsträger", хотя въ дѣйствительности въ бумагахъ чаще всего именовался онъ „literarischer Correspondent".

2) Архивъ Юрьевскаго университета: Adam von Krusenstern.

Что касается дерптскихъ студентовъ, то у нихъ несомнѣнно были сношенія и связи съ заграничнымъ, преимущественно германскимъ, студенчествомъ и всего болѣе съ Лейпцигомъ, Галле и Іеной; оттуда переходили студенты, уроженцы Остзейскаго края, въ Дерптъ, а еще болѣе шли изъ Дерпта учиться за границу; студенческія организаціи въ Дерптѣ также, какъ мы видѣли, не лишены были стремленія подражать нѣкоторымъ германскимъ; но политическаго элемента въ этихъ сношеніяхъ не было, чего повидимому опасался Доппельмайеръ, говоря объ „орденскихъ обществахъ и братствахъ": этотъ элементъ явился отчасти въ концѣ періода и, по связи однородныхъ событій, является въ жизни Дерптскаго университета достояніемъ уже слѣдующей эпохи.

8.

Ходатайства университета о прибавкѣ къ штату 1803 года въ 1810—1816 годахъ. — Посѣщеніе Дерпта попечителемъ графомъ Ливеномъ въ апрѣлѣ 1817 года и его записка о состояніи университета; отношеніе къ вопросу министра народнаго просвѣщенія князя Голицына. — Дарованіе университету новаго штата 17 августа 1817 года.

Въ теченіе перваго періода существованія Дерптскаго университета во главѣ министерства народнаго просвѣщенія стояло три лица: сначала графъ П. В. Завадовскій (съ 8 сентября 1802 года), потомъ графъ А. К. Разумовскій (съ 11 апрѣля 1810 года) и за нимъ князь А. Н. Голицынъ (съ 4 сентября 1816 года). О графѣ Завадовскомъ была уже рѣчь выше; пріемникъ его являлся на своемъ посту личностью гораздо менѣе замѣтною. Графъ Разумовскій не имѣлъ особой программы своей дѣятельности, управляя министерствомъ въ духѣ своего предшественника и не обнаруживая особенной административной энергіи; Главное Правленіе Училищъ при немъ собиралось рѣдко и разсуждало

болѣе о хозяйственныхъ вопросахъ, нежели объ учебныхъ. Поэтому Дерптскій университетъ не подвергся при гр. Разумовскомъ никакимъ существеннымъ измѣненіямъ: эти измѣненія имѣли мѣсто при его преемникѣ, князѣ Голицынѣ. Но такъ какъ дѣятельность князя Голицына по отношенію къ Дерптскому университету согласовалась во многомъ съ дѣятельностью новаго попечителя Дерптскаго округа графа К. А. Ливена (съ 17 января 1817 года) и такъ какъ, съ другой стороны, управленіе послѣдняго всецѣло входитъ во второй періодъ жизни университета, то объ этихъ двухъ лицахъ говорить здѣсь пока не приходится. Заканчивая теперь изложеніе перваго періода, мы должны остановиться на одномъ важномъ событіи — дарованіи Дерптскому университету новаго штата 17 августа 1817 года, выгодныя послѣдствія котораго для университета едва лишь начали сказываться въ самомъ концѣ перваго періода, переходя всецѣло во второй періодъ, открываемый новымъ уставомъ 4 іюля 1820 года.

Первоначальный штатъ университета, сопровождавшій собою уставъ 1803 года, самимъ составителямъ его представлялся, про крайней мѣрѣ въ отношеніи жалованья профессорамъ и другимъ служащимъ въ университетѣ, дѣломъ временнымъ: тамъ именно сказано, что „университету предоставляется право черезъ каждыя десять лѣтъ, смотря по цѣнѣ денегъ, представлять объ окладахъ своихъ чиновъ, чиновниковъ и служителей высшему начальству“ (§ 280); то же самое еще ранѣе было сказано и въ „актѣ постановленія“ 12 декабря 1802 года (§ 12). Несомнѣнно, что эта предусмотрительность исходила изъ среды университетской корпораціи и особенно Паррота, принимавшаго столь видное участіе въ составленіи и „акта“ и „устава“; она вытекала изъ неопредѣленнаго представленія объ условіяхъ жизни въ Дерптѣ и о возможности перемѣны ихъ къ худшему. Въ самомъ дѣлѣ, такая осторожность вполнѣ была оправдана послѣдующими фактами.

Жизнь въ Дерптѣ въ первые годы основанія университета, правда, была дешева по части съѣстныхъ припасовъ и незатѣйливыхъ произведеній мѣстной промышленности; но за то все остальное, составлявшее необходимую потребность для человѣка съ культурными привычками, было дорого, потому что привозилось или изъ заграницы, или изъ Петербурга, гдѣ также многое получалось изъ чужихъ краевъ. Даже самыя необходимыя для жизни вещи можно было по сравнительно недорогой цѣнѣ доставать въ Дерптѣ лишь во время январской ярмарки, на которой тогда всѣ и запасались нужными предметами на цѣлый годъ; поэтому, проректоръ Л. Эверсъ еще въ іюнѣ 1802 года просилъ кураторіумъ объ исходатайствованіи въ Дерптѣ второй ярмарки, въ іюлѣ. Извѣстный Авг. Коцебу въ своихъ путевыхъ запискахъ сообщаетъ о первыхъ годахъ жизни университета, что въ Дерптѣ въ общемъ жить было дорого: студенту нужно было по крайней мѣрѣ 600 р. асс. въ годъ, а профессоръ, чтобы имѣть приличную квартиру, долженъ былъ тратить на нее почти половину своего жалованья, которое состояло тогда для ординарнаго профессора изъ 2000 р. асс. [1]). Дѣло мало измѣнилось въ этомъ отношеніи и къ концу періода: мы имѣемъ воспоминаніе одного студента отъ 1820 года, свидѣтельствующее о дороговизнѣ тогдашней жизни для студента въ Дерптѣ, когда за пару маленькихъ сырыхъ комнатъ, съ самой скудной и незатѣйливой мебелью, въ домѣ одного извозчика приходилось платить 75 рубл. — вѣроятно, въ семестръ [2]). Но особенно чувствительнымъ для матеріальнаго положенія служащихъ въ университетѣ явилось паденіе курса бумажныхъ денегъ во время войны:

---

1) Aug. Kotzebue. Erinnerungen von einer Reise aus Liefland nach Rom und Neapel. Th. I. Berlin 1805, стр. 22.

2) W. Greiffenhagen. Bilder aus dem Dorpater Universitätsleben. Rigascher Almanach für 1891, стр. 2.

по свидѣтельству проф. Бурдаха (1811—1814), жалованье ординарнаго профессора сводилось въ это время въ сущности къ суммѣ нѣсколько болѣе 625 р. сер. въ годъ [1]).

Поэтому, университетъ еще нѣсколько ранѣе предусмотрѣннаго уставомъ десятилѣтняго срока обращался, въ 1810 году, при ректорѣ Гринделѣ, къ попечителю о затруднительномъ матеріальномъ положеніи университета, но тотъ отвѣчалъ, что въ силу общихъ финансовыхъ затрудненій онъ не можетъ дать этому ходатайству дальнѣйшаго хода и предлагалъ подождать [2]). Черезъ два года [3]), 2 марта 1812 года, передъ истеченіемъ десятилѣтняго срока, совѣтъ опять возбудилъ ходатайство объ увеличеніи штатныхъ средствъ университета. Причину матеріальныхъ затрудненій указывалъ онъ въ упадкѣ курса государственныхъ ассигнацій, а для частныхъ лицъ также и въ недостаткѣ размѣнной монеты: недостатокъ въ мѣдной монетѣ былъ такъ великъ, что, не смотря на всѣ предписанія, въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ потеря при промѣнѣ пяти- и десяти-рублевыхъ ассигнацій на мѣдь никогда не была въ Дерптѣ ниже 10, а часто достигала и 18 процентовъ, а за промѣнъ крупныхъ ассигнацій на мелкія платилось 5 процентовъ. Слѣдствіемъ этого явилась трудность жизни для профессоровъ и чиновниковъ университета: „за шесть еще лѣтъ передъ симъ — говорилось въ ходатайствѣ совѣта — сажень дровъ стоила 2 рубля, нынѣ же платится за нее съ перевозомъ болѣе 8 рублей, и слышно, что цѣна сія еще возвысится“, въ виду чего университетъ просилъ о разрѣшеніи доставлять дрова университету и его чиновникамъ изъ окрестныхъ казенныхъ лѣсовъ. Результатомъ тѣхъ же условій является и упадокъ университетскихъ учрежденій:

---

1) Rückblick auf mein Leben, стр. 232.

2) Briefbuch, стр. 269.

3) Дальнѣйшее изложеніе основано на документахъ, хранящихся въ Архивѣ Департамента Народнаго Просвѣщенія, № 2237—113.

„библіотека два уже года не могла выписывать ничего новаго, а въ послѣдній годъ даже и продолженія начаныхъ сочиненій; отъ присылаемыхъ нынѣ ранѣе заказанныхъ книгъ, вздорожавшихъ отъ провоза сухимъ путемъ весьма значительно, и отъ получаемыхъ ею счетовъ, она не въ состояніи всего заплатить"; Клиническій Институтъ, учрежденный на 25 или 30 кроватей, можетъ содержать въ настоящее время не болѣе 8 или 10 больныхъ; страдаетъ также и хозяйство: напр., вмѣсто положенныхъ по штату на отопленіе и освѣщеніе 1500 р., въ прошломъ году употреблено было на одно отопленіе болѣе 6000 р. Желанія университета сводились къ слѣдующему: въ 1803 году серебряный рубль стоилъ 1 р. 30 к. асс., а слѣдовательно 126,000 р. асс. составляли 96,923 р. сер.; если теперь (въ 1812 году) перевести эту сумму на ассигнаціи, считая по 4 р. за одинъ серебряный рубль, то получилась бы равная прежней сумма въ 387,692 р. асс.; но, въ виду общихъ финансовыхъ затрудненій государства, совѣтъ просилъ изъ прежнихъ 126,000 р. отпускать, начиная съ 23 апрѣля 1812 г., двѣ трети (84,000 р.) ассигнаціями и одну треть (42,000 р.) серебромъ, что составитъ всего 252,000 р. асс., и, кромѣ того, доставлять для университета и его чиновниковъ дрова изъ казенныхъ лѣсовъ. Министръ народнаго просвѣщенія гр. Разумовскій представилъ это ходатайство университета въ комитетъ министровъ, исключивъ изъ него, впрочемъ, просьбу о казенныхъ дровахъ, что находилъ онъ „несообразнымъ съ существующими о лѣсахъ постановленіями", но при этомъ заявлялъ, что, въ случаѣ удовлетворенія ходатайства Дерптскаго университета, необходимо сдѣлать соотвѣтствующую прибавку и къ штатамъ другихъ университетовъ: Московскаго, Харьковскаго и Казанскаго. Комитетъ министровъ, въ засѣданіи своемъ 3 апрѣля 1812 года, постановилъ, что такъ какъ „по многимъ мѣстамъ штатныя суммы оказываются недостаточными, а „по настоящимъ обстоятельствамъ неудобно приступить къ

прибавкѣ оныхъ", то онъ „полагаетъ оставить просьбу Дерптскаго университета впредь до разсмотрѣнія".

Потерпѣвъ, т. о., неудачу, совѣтъ лишь черезъ три слишкомъ года возобновилъ свое ходатайство. Именно, 30 декабря 1815 года онъ обратился съ прошеніемъ на высочайшее имя о дарованіи ему новаго штата, при чемъ желалъ получить 72,500 р. асс. и столько же серебромъ, что, считая по 4 р. за одинъ серебряный рубль, въ общей сложности составляло 362,500 р. асс., и, кромѣ того, такъ какъ университетъ желалъ введенія новаго штата съ 1812 года, то присоединялъ къ этому просьбу о единовременной выдачѣ за пять лѣтъ (1812—1816) суммы въ размѣрѣ 1,182,500 р. Графъ Разумовскій, внося это ходатайство въ комитетъ министровъ, снова оговаривалъ, что, въ случаѣ удовлетворенія его, придется удовлетворить соотвѣтствующія же просьбы и со стороны другихъ университетовъ, которыя несомнѣнно за нимъ послѣдуютъ. Комитетъ министровъ, въ засѣданіи 21 марта 1816 года, положилъ прежнюю резолюцію: „представленіе Дерптскаго университета оставить до общаго разсмотрѣнія всѣхъ штатовъ въ государствѣ".

Но вскорѣ затѣмъ, почти непосредственно по полученіи отказа, 25 мая 1816 года университетъ возбудилъ новое ходатайство, гдѣ говорилъ уже языкомъ гораздо болѣе энергическимъ. Сославшись на § 280 Устава 1803 года, совѣтъ писалъ: „На основаніи сего прибавка жалованья должна бы была послѣдовать еще въ 1812 году; обстоятельства, припятствовавшія сему, не существуютъ уже болѣе, и императорское слово должно быть неизмѣнно, и что бы по другимъ ученымъ заведеніямъ или по гражданской части государства ни случилось, Дерптскій университетъ подъ оное не подходитъ, ибо въ отношеніи сего жребій его вышеприведенною волею Е. И. В. уже предопредѣленъ". Затѣмъ изображается печальное положеніе, въ которомъ находится университетъ: „Настоящее положеніе универси-

тета требуетъ разрѣшенія. Неоднократно пытался университетъ вызывать на праздныя мѣста извѣстныхъ по своимъ способностямъ иностранныхъ ученыхъ, но тщетно; никто не хотѣлъ принять на себя сего званія, по скудному жалованью. Институты должны частію рушиться, или хотя иные и могутъ продержаться, но только съ крайнею нуждою, поелику положенной на содержаніе ихъ штатной суммы уже недостаточно. Правда, что университетъ, по неоднократнымъ представленіямъ своимъ, получилъ позволеніе, въ удовлетвореніе самыхъ крайнихъ по институтамъ нуждъ, пользоваться заимообразно пенсіонною суммою, но сіе не иначе могло быть, какъ только въ твердомъ предположеніи, что нужда сія недолго продолжится. Отнынѣ совѣтъ затрудняется продолжать такое употребленіе изъ пенсіонной суммы, опасаясь, чтобъ оную не истощить до того, что не станетъ ея и на удовлетвореніе вдовъ и сиротъ пенсіонами, какіе отъ Е. И. В. всемилостивѣйше назначены. . . Почему нужно тотчасъ закрыть клиническіе институты, а вмѣстѣ съ симъ прекратится и образованіе молодыхъ врачей; ботаническій садъ вскорѣ придетъ въ совершенный упадокъ, поелику нѣтъ способовъ къ содержанію его болѣе, и даже нѣтъ средствъ къ закупкѣ дровъ, нужныхъ для отопленія залъ, въ которыхъ преподаются лекціи". Комитетъ министровъ разсматривалъ это ходатайство въ засѣданіи 30 іюня 1816 года и снова остался при отрицательномъ рѣшеніи, постановленномъ 21 марта того же года; впрочемъ, онъ предоставилъ министру народнаго просвѣщенія войти въ особое разсмотрѣніе наиболѣе неотложныхъ нуждъ университета, напр. относительно дровъ, а также вопроса о томъ, можетъ ли быть допущено закрытіе нѣкоторыхъ учебныхъ учрежденій при университетѣ, какъ то предполагаетъ послѣдній.

Наконецъ, вслѣдъ за этимъ отказомъ послѣдовало въ томъ же 1816 году, 25 ноября, новое ходатайство, которое, быть можетъ, имѣло бы ту же судьбу, что и всѣ предше-

ствовавшія, если бы въ составѣ высшаго управленія не произошли важныя перемѣны. Не задолго передъ этимъ, 4 сентября 1816 года, во главѣ министерства сталъ князь А. Н. Голицынъ, что, вѣроятно и было причиною рѣшимости университета сдѣлать новую попытку ходатайства послѣ неоднократно полученныхъ отказовъ; съ другой стороны, не безъ зависимости отъ этого назначенія университетъ получилъ 17 января 1817 года и другого попечителя въ лицѣ графа К. А. Ливена. Новый попечитель пожелалъ лично удостовѣриться, въ какой мѣрѣ университетъ дѣйствительно нуждается въ столь настойчиво просимомъ имъ увеличеніи штатныхъ средствъ; въ концѣ апрѣля 1817 года онъ посѣтилъ Дерптъ, и, на основаніи собранныхъ на мѣстѣ матеріаловъ, представилъ министру особую записку отъ 4 іюня 1817 года. Непосредственное знакомство съ положеніемъ дѣла убѣдило попечителя, что требованія университета не преувеличены, и что отъ неудовлетворенія ихъ университетъ „не только много отъ того потерпитъ, но и долженъ совершенно разрушиться". „Университетскія клиники — продолжаетъ далѣе записка гр. Ливена — толико нужныя для образованія медиковъ и хирурговъ, уже закрыты по недостатку въ деньгахъ, ибо штатной годовой для сихъ заведеній суммы едва достаетъ на одну четверть года. Всѣ другія прекраснѣйшія заведенія, какъ-то: библіотека, обсерваторія, кабинеты физическій, минералогическій, анатомическій и химическій, также музей художествъ и ботаническій садъ, которые въ первые годы своего учрежденія, при общей во всемъ дешевизнѣ и хорошемъ курсѣ ассигнацій, подъ ревностнымъ надзоромъ директоровъ своихъ, столь быстро восходили къ совершенству, теперь совсѣмъ остановились въ ходѣ своемъ, такъ что едва только возможно замѣнять нѣкоторыя отъ времени происходящія утраты, а объ обогащеніи новыми пособіями для наукъ, въ постепенномъ ихъ возвышеніи, и помышлять нельзя. . . Жалованье профессоровъ, учителей и другихъ универси-

тетскихъ чиновниковъ, которое сначала было значительно, по тогдашней дешевизнѣ и почти вчетверо высшей цѣнѣ ассигнацій, нынѣ, отъ упадка курса оныхъ и возвышенія цѣнъ на вещи, такъ сдѣлалось скуднымъ, что всякій чиновникъ, при первомъ благопріятномъ случаѣ, готовъ оставить университетъ, и только тѣ изъ достойнѣйшихъ людей терпѣливо сносятъ сіе положеніе, которые къ освобожденію отъ онаго не находятъ еще никакой возможности, по семейственнымъ связямъ или по разстроеннымъ домашнимъ дѣламъ. Нерѣдко самая необходимость заставляетъ удерживать или принимать вновь профессора съ посредственными способностями потому только, что недостаточное штатное положеніе отвращаетъ отъ принятія мѣста въ университетѣ всякаго, кто хотя немного болѣе обыкновенныхъ способностей въ себѣ имѣетъ, ибо въ своемъ отечествѣ (какъ, напр., въ Пруссіи во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ жалованье значительно умножено) и во всякомъ другомъ мѣстѣ представляются ему лучшія выгоды". Кромѣ того, по мнѣнію попечителя, не лишено значенія и то, что Дерптскій университетъ „находится въ самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ каждый, проѣзжающій въ столицу, иностранецъ имѣетъ случай оной видѣть и изъ его состоянія дѣлать заключенія объ употребляемомъ на то иждивеніи, равно и о степени вкуса въ Россіи къ наукамъ и просвѣщенію". Попечитель ходатайствовалъ объ отпускѣ университету ежегодно 337,710 р. асс. или, полагая 3 р. 80 к. въ одномъ серебряномъ рублѣ, 88,871 р. 52½ к. сер., при чемъ рекомендовалъ фиксировать эту выдачу университету серебромъ, а не ассигнаціями, чтобы и на будущее время не встрѣтиться съ затрудненіями вслѣдствіе измѣненія курса ассигнацій. Это представленіе графа Ливена разсматривалось въ Главномъ Правленіи Училищъ; требованія университета признаны тамъ справедливыми, но въ виду того, что полное удовлетвореніе ихъ было бы для казны слишкомъ отяготительно, предложено удвоить получаемую доселѣ университетомъ

сумму, т. е. вмѣсто 139,500 р. асс. (126,000 + 13,500 квартирныхъ, ассигнованныхъ позднѣе) дать ему 279,000 р. асс., а недостающую часть получить увеличеніемъ, въ силу § 88 Устава, платы студентовъ за слушаніе лекцій и болѣе разборчивымъ освобожденіемъ отъ платы неимущихъ. Министръ князь Голицынъ, на основаніи представленія попечителя и мнѣнія Главнаго Правленія Училищъ, внесъ, отъ 11 іюля 1817 года, въ комитетъ министровъ по этому вопросу особую записку, въ которой, раздѣляя всѣ доводы попечителя и предлагая удовлетворить его ходатайство въ полномъ объемѣ, прибавлялъ отъ себя, что Дерптскій университетъ, по сравненію его съ другими университетами имперіи, находится въ особыхъ обстоятельствахъ: у него нѣтъ другихъ доходовъ, какъ напр. въ Московскомъ университетѣ отъ типографіи; онъ имѣетъ полный составъ профессоровъ, чего другіе университеты еще не имѣютъ, замѣняя ихъ адъюнктами; онъ платитъ за все серебромъ, а не ассигнаціями, потому что таковъ обычай въ Остзейскомъ краѣ и въ виду близости къ границѣ; профессоровъ своихъ онъ долженъ приглашать изъ чужихъ краевъ, для чего нужны привлекательныя условія, особенно въ виду отсутствія въ Дерптѣ другихъ заработковъ для профессора. Высказываясь за удовлетвореніе ходатайства попечителя, князь Голицынъ испрашивалъ немедленной выдачи университету, для покрытія неотложныхъ расходовъ, суммы въ 75,540 р. асс. на текущій 1817 годъ, съ тѣмъ чтобы со слѣдующаго 1818 года введенъ былъ новый штатъ въ размѣрѣ 337,710 р. асс. Записка князя Голицына слушалась въ комитетѣ министровъ 26 іюля 1817 года, и положено было передать ее на обсужденіе Государственнаго Совѣта, но государь, на докладѣ ему объ этомъ, приказалъ, не внося представленія въ Государственный Совѣтъ, согласиться министру народнаго просвѣщенія съ министромъ финансовъ (Д. А. Гурьевымъ) ввести въ дѣйствіе проектированный попечителемъ и министромъ народнаго просвѣщенія штатъ Дерптскаго

университета въ размѣрѣ 337,710 р. асс. или 88,871$^{1}/_{19}$ р. сер., а сумму въ 75,540 р. асс. выдать немедленно.

Такъ разрѣшенъ былъ долго длившійся вопросъ о новомъ штатѣ для Дерптскаго университета; изъ частныхъ цифръ, для сравненія съ предыдущимъ штатомъ, интересно тутъ назвать: жалованья ординарнымъ профессорамъ (эстраординарные совсѣмъ не положены) по 5500 р. асс. или 1447$^{7}/_{19}$ р. сер., лекторамъ языковъ по 900 р. асс. или 236$^{16}/_{19}$ р. сер.; всего на учебно-вспомогательныя учрежденія 46,100 р. асс. или 12,131$^{11}/_{19}$ р. сер. [1]). Въ отчетѣ университета за 1818 годъ этотъ новый штатъ названъ „истинно царскимъ даромъ, подобнымъ которому могутъ похвалиться лишь весьма немногіе заграничные университеты“.

1) Die Kaiserliche Universität zu Dorpat. Fünfundzwanzig Jahre nach ihrer Gründung. Dorpat MDCCCXXVII, стр. XV—XVI.

Часть вторая.

Второй періодъ существованія университета (1820—1865).

1.

Мистическое настроеніе во вторую половину царствованія Александра I. — Министерство князя А. Н. Голицына. — Попечитель графъ К. А. Ливенъ; его отношенія къ Г. Ф. Парроту, Густаву Эверсу и къ университету. — Реакціонныя теченія въ Западной Европѣ и отраженіе ихъ въ Россіи. — Опасенія передъ германскими университетами. — Графъ С. С. Уваровъ и его взглядъ на задачи русскаго просвѣщенія. — Попечитель Г. Б. Крафстремъ. — Е. Ѳ. фонъ-Брадке.

Этотъ періодъ, прожитый университетомъ подъ уставомъ 4 іюня 1820 года, о которомъ придется говорить ниже, былъ самымъ продолжительнымъ изъ всѣхъ трехъ періодовъ его существованія; онъ обнимаетъ собою цѣлыхъ 45 лѣтъ, изъ которыхъ первыя пять протекли въ послѣдніе годы царствованія императора Александра I, послѣдующія затѣмъ тридцать лѣтъ цѣликомъ падаютъ на время Николая I и, наконецъ, послѣднія десять лѣтъ заходятъ въ царствованіе Александра II. На это время приходятся годы наивысшаго научнаго подъема университета, его славы и процвѣтанія; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, во вторую половину періода окончательно складываются и тѣ условія, при которыхъ это учрежденіе въ своей внутренней жизни является совершенно

обособленнымъ не только отъ остальныхъ русскихъ университетовъ, но и безъ прежней связи съ университетской жизнью Германіи, традиціонныя сношенія съ которой къ концу періода значительно ослабѣли; одновременно съ этимъ университетъ пускаетъ все болѣе и болѣе глубокіе корни въ мѣстную жизнь, являясь для нея не только источникомъ высшаго просвѣщенія, но также выразителемъ и руководящимъ центромъ всѣхъ важнѣйшихъ культурно-общественныхъ задачъ ея и стремленій.

Въ теченіе этого длиннаго періода, въ правительственныхъ русскихъ сферахъ нѣсколько разъ произошла смѣна руководящихъ принциповъ и направленій, коснувшихся и Дерптскаго университета; смѣна эта обусловила собою появленіе во главѣ министерства народнаго просвѣщенія и во главѣ управленія Дерптскимъ учебнымъ округомъ нѣсколькихъ лицъ, и здѣсь необходимо коснуться характера дѣятельности ихъ въ отношеніи къ Дерптскому университету.

Мы уже знаемъ, что вступленіе въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія князя А. Н. Голицына въ 1816 году и назначеніе въ 1817 году попечителемъ Дерптскаго учебнаго округа графа К. А. Ливена сопровождалось для университета благопріятнымъ и давно ожидавшимся разрѣшеніемъ вопроса о новомъ штатѣ, высочайше утвержденномъ 17 августа 1817 года. Съ именемъ князя Голицына связана особая эпоха въ исторіи русскаго просвѣщенія. Согласно манифесту 24 октября 1817 года, управленіе духовными дѣлами и народнымъ просвѣщеніемъ было ввѣрено одному лицу, и такимъ лицомъ оказался князь Голицынъ, бывшій уже съ 1810 года главноуправляющимъ духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій и оберъ-прокуроромъ Синода. Восьмилѣтнее управленіе его дѣлами народнаго просвѣщенія ознаменовано было господствомъ мистическаго настроенія, которое въ вторую половину царствованія Александра I раздѣлялось, вмѣстѣ съ

государемъ, многими представителями тогдашней русской администраціи и высшаго общества, хотя на сторонѣ противоположнаго образа мыслей также было немало замѣчательныхъ людей, и между ними Н. М. Карамзинъ, который 18 января 1817 года, по поводу рѣшеннаго уже тогда въ принципѣ сліянія двухъ министерствъ, писалъ И. И. Дмитріеву: „отнынѣ кураторомъ будутъ люди извѣстнаго благочестія. Клингеръ уволенъ: мнѣ сказывали, что онъ считается вольномыслящимъ“ [1]).

Эта наклонность къ мистицизму обозначала собою въ управленіи дѣлами народнаго просвѣщенія поворотъ въ сторону отъ тѣхъ просвѣтительныхъ началъ, которыми ознаменовано было въ Россіи начало XIX вѣка. Реакція, явившаяся результатомъ общаго потрясенія Европы и завершившаяся для Россіи, послѣ великихъ событій Отечественной войны 1812 года, участіемъ императора Александра I въ основаніи Священнаго союза, съ особенною силою отразилась въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія и прежде всего на университетахъ. Дерптскій университетъ въ этомъ отношеніи не избѣжалъ общей участи, испытывая на себѣ реакціонное вліяніе т. ск. съ двухъ сторонъ: по своей связи съ университетами германскими, прежней свободѣ преподаванія въ которыхъ былъ противопоставленъ строгій контроль правительства, и по зависимости отъ министерства народнаго просвѣщенія, которое усматривало въ немъ, какъ и въ другихъ русскихъ университетахъ, недостатки, требовавшіе немедленнаго исправленія. Еще въ началѣ 1811 года извѣстный попечитель Московскаго учебнаго округа П. И. Голенищевъ-Кутузовъ такъ писалъ министру графу Разумовскому: „За должное почитаю донести в. с., что у насъ гораздо поумножилось число лифляндскихъ дворянъ, слу-

1) Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву. Съ примѣчаніями и указателемъ, составленными Я. Гротомъ и П. Пекарскимъ. Спб. 1866, стр. 204.

шающихъ профессорскія лекціи; нынѣ ихъ человѣкъ 12, весьма хорошихъ семей и весьма благонравные люди. На вопросъ мой, отчего лифляндскіе дворяне не въ Дерптѣ учатся, а къ намъ пріѣзжаютъ, они отвѣчали, что и еще многіе сюда собираются, и скоро никого изъ дворянъ въ Дерптскомъ университетѣ не останется, ибо-де всю довѣренность потеряли, п. ч. профессоры явно проповѣдуютъ безбожіе, и пока-де Клингеръ будетъ попечителемъ, то и не будутъ имѣть никакой довѣренности къ университету: ибо-де Клингера вся Лифляндія ненавидитъ, яко человѣка дурныхъ правилъ, злобнаго и безбожнаго. Объ этомъ будто уже собираются и депутацію сдѣлать изъ Риги, что Клингеромъ и университетомъ недовольны. А въ Дерптскомъ университетѣ дошло до того, что щеголяютъ безбожіемъ, и профессора безъ стыда говорятъ: мы-де знаемъ, что попечителю сіе ученіе пріятно, и что-де его эта цѣль всѣмъ ученымъ извѣстна, чтобы религію, яко предразсудокъ, истребить, о чемъ-де есть особыя его тайныя предписанія" [1]). Не смотря на всю невѣроятность послѣдняго сообщенія относительно Клингера и вообще, повидимому, довольно необъективныхъ разсказовъ молодыхъ лифляндцевъ въ Москвѣ, къ тому же переданныхъ съ извѣстной окраской московскимъ попечителемъ, эти извѣстія интересны, какъ указаніе на несомнѣнно существовавшее уже тогда броженіе въ университетѣ, и особенно внѣ его, въ извѣстномъ направленіи; съ этой точки зрѣнія, въ Дерптѣ не только не любили Клингера, но не оставляли въ покоѣ и самого Паррота, еще въ пору дружескихъ отношеній къ нему государя: въ посылавшихся на него въ Петербургъ доносахъ его обвиняли въ ультра-демократическихъ воззрѣніяхъ и доказывали, что онъ въ Парижѣ, во времена революціи, былъ предсѣдате-

---

1) А. А. Васильчиковъ. Семейство Разумовскихъ. Т. II. Спб. 1880, стр. 331.

лемъ клуба якобинцевъ. Хотя подобнымъ внушеніямъ трудно было придавать большую цѣну, тѣмъ не менѣе они соотвѣтствовали общему господствовавшему настроенію и, быть можетъ, имъ и вызывались. Парротъ вскорѣ потерялъ прежнюю интимную свою близость къ Государю, а Клингеръ былъ замѣненъ другимъ лицомъ, гр. К. А. Ливеномъ, примыкавшимъ къ тому же близкому Государю мистическому кружку, въ которомъ столь видную роль игралъ князь А. Н. Голицынъ.

Графъ, съ 1826 года князь, Карлъ Андреевичъ Ливенъ принадлежалъ по рожденію (1 февраля 1767) къ одной изъ знатнѣйшихъ фамилій Остзейскаго края. По желанію матери, любимицы императрицы Екатерины II и воспитательницы ея внуковъ, будущаго императора Николая I и великаго князя Михаила, Ливенъ рано вступилъ въ военную службу, въ 1788—1800 годахъ участвовалъ въ походахъ русской арміи при Екатеринѣ II и Павлѣ I противъ Турціи и Польши и въ 1801 году вышелъ въ отставку, поселившись въ своемъ курляндскомъ имѣніи Сентенъ, гдѣ проводилъ большую часть времени до 1817 года, занимаясь благотворительностью и сельскимъ хозяйствомъ, но не прерывая связей съ высшими кругами столичнаго общества. 17 января 1817 года, по отставкѣ Клингера, Ливенъ призванъ былъ къ занятію поста попечителя Дерптскаго округа и оставался въ этой должности до 25 апрѣля 1828 года. Предшествующая жизненная подготовка новаго попечителя имѣла весьма мало общаго съ тѣми задачами, которыя предстояли ему по его новому служебному положенію; въ этомъ отношеніи онъ, безспорно, уступалъ своему предшественнику, обширная литературная дѣятельность котораго ставила его ближе къ людямъ науки и педагогическаго труда, нежели исключительно военная служебная карьера графа Ливена и его сельско-хозяйственныя занятія въ Курляндіи; онъ и самъ считалъ себя прежде всего „старымъ военнымъ, чуждымъ претензіи на ученость и ученые комплименты"; но счаст-

ливыя черты его характера, уваженіе къ просвѣщенію, умѣнье распознавать людей и находить себѣ въ нихъ помощниковъ, обходительность и мягкость, вмѣстѣ съ твердостію въ преслѣдованіи намѣченныхъ цѣлей, ясное сознаніе служебнаго долга — все это обезпечило ему возможность съ успѣхомъ выполнять въ теченіе болѣе 11 лѣтъ сложныя и нерѣдко весьма тяжелыя обязанности попечителя. Много облегчило ему вступленіе въ новую сферу его обязанностей и то, что въ Остзейскомъ краѣ онъ уже былъ человѣкомъ извѣстнымъ и пользовался общимъ уваженіемъ; черезъ четыре мѣсяца по его назначеніи на постъ попечителя, мѣстный поэтъ Карлъ Петерсенъ такъ писалъ въ одномъ частномъ письмѣ, отъ 17 мая 1817 года, сравнивая Клингера и Ливена: „Клингеръ обладалъ большими знаніями, которыя служатъ къ украшенію попечителя университета, но онъ былъ величайшій эгоистъ, безъ особаго желанія приносить пользу своему дѣтищу и безъ того вліянія, которое бы давало ему на это возможность. Обстояло ли дѣло дѣйствительно хорошо или нѣтъ, это было для него совершенно безразлично, лишь бы соблюдалась экономія въ расходахъ. Преемникъ его человѣкъ поистинѣ превосходный, ангельски мягкій, но сильный и крѣпкій, какъ герой. И если онъ не вытащитъ университетъ изъ тины и не доставитъ ему прежняго почетнаго положенія, то этого не можетъ сдѣлать и никто другой“ [1]).

Въ письмѣ къ совѣту университета, отъ 19 сентября 1817 года, призывая членовъ университета къ дружной работѣ на благо этого учрежденія, новый попечитель выставлялъ желательной и постоянной цѣлью своихъ и университета стремленій — поднятіе его питомцевъ не только въ научномъ, но и въ нравственномъ отношеніи, чтобы подготовить въ нихъ достойныхъ служителей царю, госу-

1) M. Rieger, назв. соч., II. 615.

дарству и человѣчеству [1]). Упоминаніе рядомъ съ научными успѣхами также и объ успѣхахъ нравственныхъ не было у Ливена простымъ, приличнымъ случаю, оборотомъ рѣчи, а вытекало изъ его глубокаго убѣжденія въ важности и необходимости нравственнаго совершенствованія на религіозной основѣ. Въ этомъ отношеніи замѣчательно слѣдующее мѣсто въ общемъ университетскомъ отчетѣ за 1818 годъ, гдѣ, послѣ описанія подготовительныхъ работъ для полученія новаго штата и радостнаго заявленія о достиженіи означенной цѣли, обезпечивающей дальнѣйшее внѣшнее благосостояніе университета, говорится и о тѣхъ моральныхъ условіяхъ, при которыхъ попечитель началъ свое руководство университетомъ: „Не менѣе благодѣтельнымъ по своему вліянію, чѣмъ широкая заботливость о внѣшнемъ существованіи университета, оказалось, для духовной жизни университета и учащагося юношества, и то высокое нравственное стремленіе, которымъ проникнуты всѣ учрежденія счастливаго царствованія Александра. Въ собственной жизни и примѣрѣ, а равно во всѣхъ распоряженіяхъ и вообще административной практикѣ теперешняго попечителя университета, обнаруживается тотъ общій принципъ, что религіозно-нравственному образованію должно быть подчинено всякое другое, исходя только изъ него и снова къ нему возвращаясь, и что только въ стремленіи къ этой высочайшей цѣли можно достигнуть такого воспитанія, которое бы соотвѣтствовало ожиданіямъ отечества. Въ этомъ смыслѣ и духѣ высказался онъ самъ, при послѣднемъ своемъ посѣщеніи университета, передъ собравшимися студентами и требовалъ отъ нихъ ревностнаго исполненія ихъ обязанностей и добросовѣстнаго осуществленія истинной цѣли ихъ академической жизни. Слова увѣщанія, предо-

---

1) Busch Fr. Der Fürst Carl Lieven und die Kaiserliche Universität Dorpat unter seiner Oberleitung, Dorpat und Leipzig 1846, стр. 101.

стереженія и ободренія изъ устъ столь высоко уважаемаго человѣка, который съ неуклонной строгостью соединяетъ весьма горячее участіе къ университетскому юношеству, будущей надеждѣ отечества, оказали самое могущественное дѣйствіе на учащуюся молодежь и на долгое время, лучше всякихъ законовъ, обезпечили среди его образцовую дисциплину". Глубокая религіозность Ливена и мистическая наклонность къ нравственному и религіозному самосовершенствованію и самоуглубленію составляли основную черту его умственнаго и душевнаго склада, вполнѣ опредѣляя его взглядъ на свои служебныя и общественныя отношенія. Вотъ какъ писалъ онъ въ одномъ изъ писемъ къ ректору Эверсу, 5 декабря 1824 года, изъ своего временнаго сельскаго уединенія: „Что такое люди, какъ добрые такъ и злые? Не болѣе, какъ орудія, которыя сегодня есть, а завтра ихъ нѣтъ. И наша обязанность заключается единственно въ томъ, чтобы каждый, будучи на своемъ мѣстѣ, добросовѣстно дѣйствовалъ, согласно указаніямъ Божьей воли" [1]).

Для характеристики личности князя Ливена и его управленія Дерптскимъ учебнымъ округомъ и университетомъ имѣютъ большое значеніе отношенія его къ двумъ выдающимся личностямъ изъ тогдашняго профессорскаго персонала университета, Г. Ф. Парроту и Густаву Эверсу.

Въ попечительство князя Ливена Парротъ не занималъ въ университетѣ никакой административной вліятельной должности, оставаясь лишь профессоромъ физики; онъ покинулъ университетъ въ 1826 году, т. е. за два года до конца попечительства князя Ливена, и въ томъ же году переселился изъ Дерпта въ Петербургъ. Но огромныя заслуги Паррота въ первоначальной организаціи университета, его личныя качества и высокій авторитетъ въ универси-

1) Busch, назв. соч., стр. 165.

тетской средѣ, не смотря на измѣнившіяся уже въ значительной степени личныя отношенія его къ государю, ко времени назначенія попечителемъ Ливена, дѣлали эту личность по прежнему замѣчательной и обусловливали то неизмѣнное уваженіе и вниманіе, которыя оказывалъ Ливенъ къ Парроту; въ теченіе всего времени попечительства Ливена между ними велась довольно оживленная переписка. Въ духовномъ складѣ этихъ двухъ лицъ было много разницы: съ одной стороны — пылкій, свободомыслящій служитель науки и дѣятельный, непреклонный характеръ, съ другой — спокойный, уровновѣшенный и поглощенный помыслами о нравственномъ усовершенствованіи мечтатель. Не удивительно поэтому, что Парротъ казался Ливену „пылкой головой, съ горячимъ, чувствительнымъ, человѣколюбивымъ сердцемъ", какъ онъ обращался къ нему въ одномъ письмѣ, отъ 24 апрѣля 1820 года; нѣсколько позднѣе, въ другомъ письмѣ, отъ 10 іюня 1821 года, говоря объ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, онъ съ сожалѣніемъ замѣчалъ: „наши воззрѣнія и основные взгляды на воспитаніе юношества слишкомъ различны, чтобы мы могли въ этомъ согласно идти рука объ руку; но я слишкомъ высоко и искренно цѣню многія прекрасныя свойства вашего ума и сердца и при томъ слишкомъ мало склоненъ къ борьбѣ вообще, чтобы постоянно могъ спорить съ вами, для чего у меня, впрочемъ, недостаетъ и времени" [1]). Стоя въ своихъ воззрѣніяхъ главнымъ образомъ на религіозной почвѣ, Ливенъ часто былъ несогласенъ съ Парротомъ въ пониманіи и толкованіи разныхъ явленій университетской жизни и, какъ бы забывая или игнорируя совершенно другую точку зрѣнія, на которой стоялъ послѣдній, старался привести его къ согласію съ собой тѣми доводами, которые казались ему самому

1) Briefe des Fürsten Karl Lieven. Mitgetheilt von Friedrich Bienemann. Baltische Monatsschrift. B. XLII. 1895, стр. 267. 423—424.

наиболѣе убѣдительными: напр., письмо его къ Парроту отъ 12 октября 1820 года почти все сплошь состоитъ изъ текстовъ Св. Писанія или даже просто цифровыхъ ссылокъ на нихъ, какъ наиболѣе сильнаго доказательства его мысли [1]; конечно, по отношенію къ Парроту такое средство едва ли могло оказаться дѣйствительнымъ. Разница воззрѣній на свои служебныя и общественныя задачи этихъ двухъ лицъ сказалась и въ томъ, что когда Парротъ представилъ Ливену, отъ 27 марта 1821 года, для сообщенія государю, свою записку по дѣламъ университета, то Ливенъ отказался дать ей дальнѣйшій ходъ, въ объясненіе чего писалъ ему, между прочимъ, въ упомянутомъ уже письмѣ отъ 10 іюня 1821 года: „я убѣжденъ, что для государства и человѣчества было бы лучше, если бы люди менѣе стремились учить и управлять, чѣмъ повиноваться и точно исполнять установленныя правила“ [2]. Въ этихъ словахъ князь Ливенъ, какъ администраторъ, выразился вполнѣ.

Гораздо болѣе близкія отношенія были у Ливена къ Густаву Эверсу, который былъ избранъ въ первый разъ ректоромъ съ 1 августа 1818 года, и затѣмъ это избраніе безпрерывно возобновлялось въ теченіе 12 лѣтъ, до самой смерти Эверса въ 1830 году; такимъ образомъ, если не считать перваго года попечительства Ливена, когда ректоромъ былъ проф. Гизе, Эверсъ въ продолженіе цѣлыхъ десяти лѣтъ былъ ближайшимъ сотрудникомъ Ливена въ управленіи Дерптскимъ университетомъ. Такой человѣкъ, обладавшій необыкновенной энергіей въ работѣ, твердой волей, преданностью интересамъ университета и неизмѣннымъ спокойствіемъ и тактомъ въ обращеніи съ людьми, былъ необходимъ Ливену въ управленіи университетомъ и осуществленіи тѣхъ цѣлей, которыя клонились къ поднятію

---

1) Тамъ же, стр. 273—274.
2) Тамъ же, стр. 424—425.

университета на подобающую высоту въ духовномъ и матеріальномъ отношеніи; мягкая, нѣсколько мечтательная натура Ливена нашла себѣ въ Эверсѣ весьма счастливое дополненіе, и, въ свою очередь, популярный среди товарищей и студентовъ ректоръ съумѣлъ наилучшимъ образомъ воспользоваться своими отношеніями къ попечителю на пользу университета: вотъ почему въ исторіи Дерптскаго университета указанный десятилѣтній періодъ является его блестящимъ временемъ, когда энергическая дружная работа попечителя и ректора обезпечивала собою осуществленіе или подготовку къ ближайшему осуществленію многихъ важныхъ и благодѣтельныхъ для университета мѣръ и начинаній.

Хорошей иллюстраціей этихъ отношеній и вмѣстѣ живой лѣтописью многихъ событій университетской жизни за это время можетъ служить переписка между Ливеномъ и Эверсомъ, извѣстная впрочемъ пока лишь со стороны перваго названнаго участника, и то не въ полномъ видѣ. У Ливена была непреодолимая потребность къ письменному общенію его со своимъ другомъ по всѣмъ важнѣйшимъ дѣламъ университета; онъ привыкъ къ этому общенію въ такой степени, что скучалъ, когда дѣловая переписка иногда прерывалась въ вакаціонное время; онъ всегда находилъ что-нибудь сообщить Эверсу, „wie ein Liebhaber seiner Geliebten", какъ онъ выразился въ письмѣ къ нему отъ 26 апрѣля 1827 года. Ливенъ считалъ Эверса не только „превосходнымъ администраторомъ", но прямо видѣлъ въ немъ единственное лицо, которое могло въ это время стоять во главѣ университета [1]); когда въ 1824 году Эверсъ думалъ о другой сферѣ дѣятельности, Ливенъ старался внушить ему свое убѣжденіе, что онъ для университета „рѣшительно необходимъ", а въ одномъ изъ болѣе раннихъ писемъ, отъ 15 іюня 1820 года, писалъ: „Государь можетъ

1) Busch, назв. соч., стр. 145. 157.

меня сто разъ замѣнить другимъ, но вы для меня незамѣнимы совершенно“ [1]). Независимо отъ изображенія этихъ отношеній, письма Ливена къ Эверсу представляютъ выраженіе многихъ задушевныхъ мыслей автора и даютъ прекрасный матеріалъ для оцѣнки его отношеній къ университету; общая забота о славѣ и процвѣтаніи университета, скорѣйшее замѣщеніе вакантныхъ каѳедръ, оздоровленіе богословскаго факультета отъ господствовавшаго въ немъ раціонализма, развитіе учебно-вспомогательныхъ средствъ университета, упорядоченіе дисциплины между студентами — все это обильно чередуется у Ливена въ обращеніяхъ къ своему другу-корреспонденту [2]).

Князь Ливенъ, подобно своему предшественнику, управлялъ университетомъ изъ Петербурга, но пріѣзжалъ въ Дерптъ довольно часто, останавливаясь въ такъ называемомъ „старомъ университетскомъ зданіи“, въ особо устроенномъ для него помѣщеніи; первый разъ посѣтилъ онъ Дерптъ въ апрѣлѣ 1817 года, а въ октябрѣ того же года пріѣзжалъ второй разъ, и въ послѣдующіе годы онъ посѣщалъ Дерптъ приблизительно дважды въ годъ, обыкновенно въ началѣ или въ концѣ каждаго семестра; ректоръ вызывался для личныхъ совѣщаній въ Петербургъ сравнительно очень рѣдко.

25 апрѣля 1828 года князь Ливенъ назначенъ былъ министромъ народнаго просвѣщенія, по выходѣ въ отставку А. С. Шишкова. Отношенія его къ Дерптскому университету формально измѣнились, но по существу онъ оставался и на министерскомъ посту столь же благожелательнымъ къ его духовнымъ и матеріальнымъ нуждамъ, какъ и раньше. Къ Эверсу сохранилъ онъ по старому дружеское чувство, продолжалъ съ нимъ, хотя и не столь энергично, переписку въ прежнемъ тонѣ вплоть до самой смерти

1) Busch, назв. соч., стр. 146.
2) Тамъ же, стр. 170. 163—164. 144. 147.

послѣдняго[1]). Въ 1833 году онъ вышелъ въ отставку и остальную часть жизни прожилъ уединенно въ Курляндіи; скончался 31 декабря 1844 года.

Указаніе на главнѣйшія событія въ жизни университета при попечителѣ Ливенѣ найдетъ себѣ мѣсто въ послѣдующемъ изложеніи; здѣсь же замѣтимъ вообще, что эти 11 лѣтъ были, безспорно, счастливымъ временемъ для развитія университетской жизни въ Дерптѣ въ разныхъ отношеніяхъ. Получивъ отъ Клингера по управленію округомъ и университетомъ весьма незавидное наслѣдство, князь Ливенъ сумѣлъ вполнѣ воспользоваться своимъ положеніемъ и обратилъ свое вліяніе и власть на благо университета. Начавъ со штата 1817 года, Ливенъ провелъ съ успѣхомъ вскорѣ и новый уставъ 1820 года; оба эти акта подняли университетъ въ разныхъ отношеніяхъ и дали ему возможность научно рости и развиваться; при Ливенѣ университетъ могъ расширить и усовершенствовать нѣкоторыя изъ своихъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій какъ пріобрѣтеніемъ земли и постройкою зданій, такъ и собираніемъ и покупкой цѣнныхъ естественно-историческихъ коллекцій; при немъ начали свое существованіе Медицинскій Институтъ, Педагогическо-Филологическая Семинарія, Богословская Семинарія и Профессорскій Институтъ; при его содѣйствіи приглашено было въ университетъ на разныя каѳедры немало выдающихся представителей науки, совершено нѣсколько важныхъ ученыхъ экспедицій; при Ливенѣ значительно увеличилось число студентовъ въ университетѣ, упорядочилась ихъ внутренняя и внѣшняя дисциплина, возросло значеніе университета и его извѣстность. Слѣды счастливаго для университета попечительства Ливена не ограничиваются двадцатыми годами; они переходятъ въ тридцатые и въ сороковые, когда многія изъ прежнихъ

1) Busch, назв. соч., стр. 172—175.

мыслей Паррота, но не имѣло и тѣни тѣхъ послѣдствій, которыя пришлось испытать другимъ русскимъ университетамъ и высшимъ учебнымъ заведеніямъ въ эпоху, отмѣченную въ исторіи нашего просвѣщенія именами Рунича и Магницкаго. Впрочемъ, о нѣкоторыхъ связанныхъ съ этимъ настроеніемъ фактахъ, имѣвшихъ въ попечительство Ливена отношеніе къ Дерптскому университету, необходимо здѣсь упомянуть.

Изъ всѣхъ культурныхъ государствъ Западной Европы, Германія въ указанное время представляла, съ точки зрѣнія русскаго правительства, наибольшую опасность дурныхъ вліяній. Результатомъ наполеоновскихъ войнъ въ Германіи явилось патріотическое воодушевленіе нѣмецкаго общества и усиленное броженіе свободомысленныхъ идей; особенно ярко отразилось это на настроеніи университетской молодежи, въ которой современныя теченія общественной мысли находили благопріятную почву не только въ силу особой воспріимчивости молодыхъ умовъ къ новымъ идеямъ, но и по самому устройству нѣмецкихъ университетовъ и выработанному долгой исторіей складу ихъ жизни. Это настроеніе германской молодежи не замедлило отозваться извѣстными фактами. 18 октября 1817 года, по почину студенчества Іенскаго университета, устроенъ былъ въ Вартбургѣ праздникъ 300-лѣтія реформаціи, съ участіемъ депутатовъ отъ двѣнадцати германскихъ университетовъ [1]; съ этимъ соединено было празднованіе годовщины у всѣхъ еще свѣжей въ памяти Лейпцигской битвы; въ праздникѣ приняли участіе и нѣкоторые профессора; къ нему примкнуло само правительство, въ лицѣ великаго герцога Веймарскаго, вартбургскіе горожане и многіе съѣхавшіеся гости. Это было народное тор-

---

1) Сколько можно судить по описанію этого празднества въ книгѣ „Die burschenschaftlichen Wartburgfeste von 1817 und 1867. Von Robert und Richard Keil. Mit dem Facsimile der Präsenzliste von 1817. Eisenach (1868)“, депутатовъ отъ Дерптскаго университета тамъ не было.

жество на религіозной и патріотической основѣ, и немало горячихъ рѣчей произнесено было здѣсь не только во славу Лютера и погибшихъ на полѣ битвы героевъ, но и во имя торжества гражданской и политической свободы. На этомъ праздникѣ, между прочимъ, предана была сожженію незадолго передъ тѣмъ вышедшая „Исторія нѣмецкаго государства“ извѣстнаго Августа Коцебу, состоявшаго тогда на русской службѣ и крайне непопулярнаго по своей литературной дѣятельности среди нѣмецкой молодежи, которая видѣла въ немъ яркое выраженіе реакціи; вскорѣ и самъ авторъ, 23 марта 1819 года, въ Мангеймѣ, палъ жертвой образа своихъ мыслей, сраженный рукою экзальтированнаго юноши Занда. Эти событія, въ связи съ общимъ настроеніемъ германской университетской молодежи, возбудили противъ нея опасеніе со стороны самихъ германскихъ правительствъ и дали многимъ поводъ усматривать въ германскихъ университетахъ опасные очаги политическаго безумія и нравственной распущенности.

Такое мнѣніе нашло себѣ полное сочувствіе и въ Россіи, и опасенія эти приняли тѣмъ болѣе тревожную форму, что всѣ русскіе университеты устроены были по образцу нѣмецкихъ, пользуясь услугами весьма многихъ нѣмецкихъ профессоровъ и находясь въ постоянномъ научномъ общеніи съ Германіей. Прежнія симпатіи къ нѣмецкой наукѣ и университетамъ смѣнились въ Россіи, въ глазахъ многихъ, ужасомъ передъ крайне опаснымъ ихъ направленіемъ, и это было тѣмъ естественнѣе, что нѣкоторыя германскія правительства выступили со стѣснительными или даже карательными мѣрами противъ университетовъ; вмѣсто протестантскихъ университетовъ Германіи, руководящія сферы въ Россіи стали видѣть настоящій и вполнѣ безопасный источникъ просвѣщенія въ католическихъ высшихъ школахъ Австріи и Франціи. Какіе взгляды распространены были въ правящихъ русскихъ сферахъ на событія, происходившія въ Германіи, и на ея университеты, наилучшимъ образомъ пока-

зываетъ записка русскаго дипломата Стурдзы, участвовавшаго въ дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія въ званіи члена Главнаго Правленія Училищъ и ученаго комитета; она касается современнаго положенія Германіи и издана, для распространенія среди избранныхъ лицъ, въ ноябрѣ 1818 года подъ заглавіемъ „Mémoire sur l'état actuel de l'Allemagne". Въ Германіи, по словамъ автора, замѣчаются признаки броженія, грозящаго неминуемымъ и гибельнымъ взрывомъ. Въ общественномъ устройствѣ, во всѣхъ вѣдомствахъ и сословіяхъ — страшная путаница и безурядица; распущенность, колебаніе и разладъ — въ области религіозныхъ понятій, сдѣлавшихся орудіемъ страстей; въ общественномъ воспитаніи — застарѣлая испорченность, достигшая такихъ размѣровъ, что противъ нея безсильна самая совершенная система законодательства и администраціи. Но всего печальнѣе въ настоящемъ и гибельнѣе для будущаго состояніе университетовъ. Нѣмецкіе университеты не что иное, какъ средневѣковыя развалины, несовмѣстныя съ учрежденіями и потребностями новаго времени; будучи скопищемъ людей безъ цѣли, образуя государство въ государствѣ, зараженные духомъ корпоративной исключительности, они близки къ разложенію. Ихъ поддерживаетъ только заманчивая прелесть академической свободы да близорукіе расчеты нѣкоторыхъ правительствъ, видящихъ въ университетахъ источникъ доходовъ, который привлекаетъ въ страну значительныя денежныя суммы. Ради ничтожныхъ матеріальныхъ выгодъ, въ университетахъ позволяется все: необузданная молодежь, отвергающая спасительную власть закона, предается всякаго рода крайностямъ и безнравственнымъ порывамъ; профессора хлопочутъ только о гонорарѣ и популярности. Въ ихъ рукахъ теологія сдѣлалась врагомъ религіи; медицина думаетъ своимъ анатомическимъ ножомъ проникнуть въ святилище души, а юридическія науки проповѣдуютъ право сильнаго[1]).

1) Сухомлиновъ. Изслѣдованія и статьи. Т. I. стр. 181—182.

При указанныхъ обстоятельствахъ Дерптскому университету могла грозить большая опасность. Но политическое и религіозное настроеніе Ливена вполнѣ гарантировало въ глазахъ правительства спокойствіе въ университетѣ и свободу отъ иноземныхъ увлеченій [1]); безъ сомнѣнія, въ этихъ намѣреніяхъ оказывало поддержку попечителю и министру само остзейское дворянство, какъ можно видѣть это изъ приведенныхъ выше отзывовъ молодыхъ лифляндцевъ, явившихся въ Москву. Поэтому, мѣры правительства въ данномъ вопросѣ ограничились по отношенію къ Дерптскому университету лишь нѣкоторыми распоряженіями, имѣвшими временный характеръ и лишенными особеннаго значенія.

Во второй годъ своего попечительства Ливенъ сдѣлалъ князю Голицыну докладъ, въ которомъ указывалъ на уклоненіе студентовъ Дерптскаго университета отъ обязательства пробыть въ университетѣ по крайней мѣрѣ три года, чтобы получить право опредѣленія на службу, какъ то предусмотрѣно § 2 Устава 1803 года: „студенты Дерптскаго университета — по словамъ попечителя — какъ примѣчено, стараются большею частію уклоняться отъ дѣйствія сего постановленія и, пробывъ нѣсколько мѣсяцевъ, годъ или полтора года въ отечественномъ университетѣ, ѣдутъ въ иностранные, а потомъ возвращаются опять въ Дерптскій, чтобы прожить въ ономъ токмо узаконенное время“; при этомъ, живутъ въ Дерптѣ „въ праздности“ и, „сами не пользуясь ученьемъ, много вредятъ прочимъ, ибо привозятъ съ особою худые нравы и злоупотребленія тѣхъ университетовъ, вну-

---

1) Въ одномъ изъ писемъ къ Парроту, отъ 4 декабря 1817 года, Ливенъ писалъ; „Gott lasse doch gelingen, diese liebe Jugend von einem schmerzlichen Wahne, vor dem tobenden Unsinn, der die auswärtigen Universitäten verpestet, zu bewahren und sie den doppelten Weg des Christen und des Staatsbürgers — der in Einen zusammenfliesst, sobald das Höhere mit Herz und Geist erfasst ist — väterlich leiten zu können“. Baltische Monatsschrift, B. XLII. 1895, стр. 199.

шаютъ ихъ своимъ товарищамъ и тѣмъ подаютъ поводъ къ великимъ безпорядкамъ и неустройствамъ". Министръ, въ своемъ докладѣ государю, подтверждалъ сообщенія попечителя, прибавляя къ этому, что такіе являющіеся обратно въ Дерптъ студенты „составляютъ тамъ тайныя сотоварищества, по примѣру существующихъ между иностранными студентами, заводятъ буйства, безчинства, каковыя наконецъ начальство едва имѣетъ средства прекращать", въ виду чего и испрашивалъ высочайшаго подтвержденія указаннаго университетскимъ уставомъ порядка; таковое было дано, на имя Сената, отъ 4 августа 1818 года [1]). Это же опасеніе иноземныхъ германскихъ вліяній сказалось и въ резолюціи государя отъ 19 іюня 1821 года на докладѣ министра о необходимости обращаться заграницу для подысканія кандидатовъ, за недостаткомъ своихъ, къ занятію законоучительскихъ мѣстъ въ гимназіяхъ Дерптскаго округа; государь желалъ, „чтобы попечитель поискалъ способныхъ людей въ Россіи, а ежели не найдетъ, то съ большою осторожностью дѣлалъ бы выборы въ чужихъ краяхъ" [2]). Въ 1822 году этотъ вопросъ объ опасности пребыванія дерптскихъ студентовъ заграницей получилъ продолженіе. Именно, еще въ декабрѣ 1820 года управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ графъ Кочубей сообщилъ рижскому губернатору маркизу Паулуччи, что государь обратилъ вниманіе на нежелательность обученія молодыхъ людей изъ Остзейскихъ губерній въ германскихъ университетахъ, и находилъ необходимымъ принятіе соотвѣтствующихъ мѣръ какъ къ возвращенію русскихъ студентовъ изъ-за границы, такъ и къ удержанію отъ отъѣзда туда тѣхъ, которые бы того желали; „но — писалъ объ этомъ князь Голицынъ въ комитетъ министровъ — государь императоръ призналъ однакоже, что всякое дѣйствіе власти въ семъ случаѣ, изъ-

1) Сборникъ постановленій, I. 1188—1194.
2) Тамъ же, I. 1585—1586.

явленное въ рѣшительномъ повелѣніи, произведетъ непремѣнно нѣкоторую гласность, при коей распоряженіе таковое, основанное на благоразумной предусмотрительности, содѣлается предметомъ злонамѣренныхъ толковъ"; поэтому, маркизу Паулуччи было дано знать, чтобы онъ „употребилъ дружелюбныя внушенія и увѣщанія" къ склоненію родителей и опекуновъ молодыхъ людей Остзейскихъ губерній вызвать послѣднихъ изъ университетовъ Гейдельбергскаго, Іенскаго и Гиссенскаго, которые „надмѣру сдѣлались извѣстными по вреднымъ правиламъ, въ оныхъ преподаваемымъ, и безпорядкамъ, тамъ терпимымъ", и воздержаться отъ посылки туда другихъ. Маркизъ Паулуччи, въ мартѣ 1821 года, увѣдомилъ графа Кочубея, что воля государя имъ исполнена, при чемъ, обращаясь съ указанными совѣтами къ родителямъ и опекунамъ, онъ къ названнымъ университетамъ прибавилъ отъ себя и Вюрцбургскій. Въ своей запискѣ комитету министровъ князь Голицынъ выражалъ надежду, что къ іюлю 1821 года или по крайней мѣрѣ къ январю 1822 года остзейскіе студенты или перейдутъ изъ названныхъ четырехъ германскихъ университетовъ въ болѣе благонадежные университеты въ Пруссіи и Ганноверѣ, или возвратятся въ Дерптъ; при этомъ желательно было принять мѣры, чтобы вновь изъ Остзейскихъ губерній никто уже въ упомянутые опасные германскіе университеты отпускаемъ не былъ. 14 іюля 1822 года это мнѣніе князя Голицына было утверждено государемъ [1]. Благодаря этой мѣрѣ, вызваны были изъ Гейдельбергскаго университета 28 молодыхъ людей изъ Остзейскихъ губерній, изъ Іенскаго — 5 и изъ Вюрцбургскаго — 3; впрочемъ, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, опять разрѣшено было посѣщеніе названныхъ университетовъ, а въ первые годы остзейскіе молодые люди обходили законъ тѣмъ, что просто

---

1) Сборникъ постановленій, I. 1674—1681.

слушали лекціи въ запретныхъ университетахъ, не иммантрикулируясь въ нихъ формально студентами [1]). 9 февраля 1823 года послѣдовало распоряженіе министерства о непринимании въ Дерптскій университетъ тѣхъ русскихъ подданныхъ, которые ранѣе обучались въ заграничныхъ университетахъ: фактически разумѣлись тутъ именно университеты германскіе.

Въ связи съ этими отношеніями къ германскимъ университетамъ стоитъ и любопытный эпизодъ съ профессоромъ І. В. Снеллемъ (Joh. W. Snell), который былъ приглашенъ въ концѣ 1818 года изъ Германіи въ Дерптъ на каѳедру уголовнаго права. Уже на родинѣ противъ него возбуждено было преслѣдованіе за его образъ мыслей, и онъ избѣжалъ ареста только быстрымъ переходомъ за русскую границу. Объ этомъ сдѣлалось извѣстно какъ Ливену, такъ и самому государю, по волѣ котораго маркизъ Паулуччи получилъ порученіе вызвать незадолго передъ тѣмъ явившагося въ Дерптъ профессора Снелля и объявить ему о невозможности оставаться на русской службѣ, такъ что въ сентябрѣ 1819 года Снелль уже оставилъ Россію, переѣхавъ въ Кенигсбергъ; впрочемъ, ему были выплачены въ обѣ стороны путевыя издержки, и выдано годовое жалованье [2]); группа студентовъ устроила Снеллю передъ отъѣздомъ его изъ Дерпта сочувственную демонстрацію, за что многіе

1) Die russische Staatsregierung und die Dorpater Studentenschaft, въ книгѣ: Deutsch-protestantische Kämpfe in den Baltischen Provinzen Russlands. Leipzig 1888, стр. 206. По донесенію управляющаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ графа Нессельроде, отъ 16 апрѣля 1820 года, всѣхъ обучавшихся въ германскихъ университетахъ молодыхъ людей изъ Остзейскихъ губерній было 84: 8 изъ Эстляндіи, 41 изъ Курляндіи и 35 изъ Лифляндіи, при чемъ около трети ихъ находилось въ Гейдельбергскомъ университетѣ: Тамъ же, стр. 203; Сухомлиновъ. Изслѣдованія и статьи, т. I, стр. 187.

2) Deutsch-protestantische Kämpfe, стр. 207—209; Ueber die Juristen-Facultät in Dorpat, von Prof. Dabelow, въ „Jahrbuch für Rechtsgelehrte in Russland“, I Band. Riga 1822, стр. 303—304.

ея участники наказаны были нѣсколькими днями карцера [1]).

Этими мѣрами и ограничилось по отношенію къ Дерптскому университету время реакціи въ исторіи нашего просвѣщенія во вторую половину царствованія Александра I. Напротивъ, изъ стѣнъ этого университета раздался голосъ, осуждавшій дѣянія въ духѣ Рунича и Магницкаго, и этотъ голосъ принадлежалъ Парроту. Въ концѣ своей профессорской службы, не задолго передъ оставленіемъ Дерпта, онъ, послѣ упомянутой неудачной попытки 1821 года (выше, стр. 332), представилъ государю обширную записку, подъ заглавіемъ „Coup d'oeil moral sur les principes actuels de l'instruction publique en Russie“, которую препроводилъ при письмѣ отъ 22 февраля 1825 года. Въ письмѣ онъ, между прочимъ, говоритъ: „Я сто разъ спрашивалъ себя, какими средствами этотъ жестокій человѣкъ (т. е. Магницкій) успѣлъ достигнуть столь губительнаго вліянія въ министерствѣ. На основаніи фактовъ я долженъ былъ сказать себѣ, что это достигалось только опутывая благородную и рыцарскую душу вашего величества, эту душу, чуждую страха и упрека, тучею опасеній и подозрѣній, сквозь которую видишь, какъ она свѣтится постоянно, то болѣе, то менѣе затемненная. Чувствуете ли вы себя счастливымъ, государь, среди этого тумана недовѣрія, постоянно стѣсняющаго всѣ ваши естественныя побужденія, заставляющаго васъ идти въ потемкахъ, чтобы на каждомъ шагу ощупывать почву, вооружающаго противъ вашихъ самыхъ вѣрныхъ подданныхъ ту руку, которая хотѣла бы проливать одни благодѣянія, рисующаго вамъ молодежь самыми мрачными красками, ту молодежь, которую однако вы любите, несмотря на отвращеніе и страхъ, которое вамъ внушаютъ къ ней? . . Соблаговолите, государь, ввѣриться вашимъ собственнымъ свѣтлымъ

1) Nachträge zum Album Estonorum. 2 Heft, стр. 42—43; 4 Heft, стр. 39.

и блестящимъ идеямъ, которыя вели васъ по столь вѣрному пути до эпохи конгрессовъ. Разгоните, разсѣйте туманъ, которымъ пытаются устрашить васъ“ [1]). Правда, говоря такъ, Парротъ имѣлъ въ виду не дерптскія, а главнымъ образомъ общерусскія событія; но сужденія эти имѣютъ для насъ въ настоящемъ случаѣ ту цѣну, что показываютъ, какой образъ мыслей въ дѣлахъ просвѣщенія обнаруживалъ одинъ изъ вліятельнѣйшихъ членовъ Дерптскаго университета, спокойное теченіе жизни котораго, нарушенное въ другихъ русскихъ университетахъ, охранялось здѣсь взаимодѣйствіемъ мнѣній и вліяній такихъ людей, какъ съ одной стороны Ливенъ, а съ другой Парротъ.

Преемникомъ князя Ливена на посту попечителя Дерптскаго университета и округа былъ баронъ Матвей Ивановичъ фонъ-деръ-Паленъ, назначенный 31 мая 1828 года. Въ 1830 году, вмѣстѣ съ пожалованіемъ ему чина генералъ-лейтенанта, Паленъ назначенъ былъ рижскимъ военнымъ губернаторомъ и генералъ-губернаторомъ Остзейскихъ губерній, оставаясь одновременно и попечителемъ. Эту послѣднюю должность удержалъ Паленъ до 16 декабря 1835 года. Попечительство Палена не отмѣчено по отношенію къ университету никакими сомостоятельными начинаніями со стороны перваго. Живя сначала въ Петербургѣ, а потомъ въ Ригѣ, онъ въ дѣлахъ попечительства руководился въ первое время указаніями министра, а позднѣе, отвлекаемый сложными обязанностями по общему управленію краемъ, мало вникалъ въ дѣла университета, относясь къ послѣднему формально и свысока.

Настроенія въ области нашего народнаго просвѣщенія въ александровскую эпоху, какъ и вообще наши политическія и общественныя теченія того времени, лишены были

---

1) Шильдеръ. Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе. Т. IV, стр. 298—299; ср. тамъ же т. IV, стр. 557—559.

характера самобытности: сначала это было настроеніе либеральное, отмѣченное многими важными и благодѣтельными явленіями въ дѣлѣ народнаго образованія, а потомъ мистически-консервативное, явившееся прямой реакціей прежнихъ увлеченій, признанныхъ опасными. Кратковременное министерство А. С. Шишкова (1824—1828), несмотря на рѣшительныя симпатіи самого министра къ русской старинѣ и на его энергическую борьбу за славянскіе элементы въ русскомъ языкѣ и литературѣ, не сопровождалось никакими важными мѣропріятіями въ этомъ направленіи въ области народнаго просвѣщенія; взгляды Шишкова находили себѣ очень мало поддержки и во вліятельныхъ сферахъ, и въ болѣе широкихъ кругахъ русскаго общества, которое не было еще достаточно подготовлено къ выработкѣ самостоятельныхъ воззрѣній на государственные и общественные вопросы; да и самое это направленіе отзывалось характеромъ теоретическимъ, офиціальнымъ и потому не носило въ себѣ возможности развитія и прочнаго существованія. Въ николаевскую эпоху, которая, сравнительно съ предшествующимъ временемъ, принесла очень много новаго и неожиданнаго, основы народнаго образованія потерпѣли цѣлый рядъ существенныхъ измѣненій. Выдающимся дѣятелемъ этой эпохи является графъ С. С. Уваровъ, смѣнившій на посту министра народнаго просвѣщенія кн. К. А. Ливена. Его довольно продолжительное управленіе названнымъ министерствомъ (1833—1849) отразилось рядомъ важныхъ мѣръ въ системѣ всего нашего народнаго образованія, но особое вниманіе обращено было имъ на окраины, въ томъ числѣ на Дерптскій учебный округъ и университетъ: вотъ почему время министерства графа Уварова является въ исторіи послѣдняго особенно замѣтнымъ. Принятыя при графѣ Уваровѣ мѣры внесли существенныя измѣненія въ нѣкоторыя части устава Дерптскаго университета 1820 года, энергически стремясь вмѣстѣ съ тѣмъ къ упорядоченію дисциплины среди студентовъ и къ поднятію уровня зна-

комства съ русскимъ языкомъ въ округѣ и университетѣ; объ этихъ сторонахъ, по мѣрѣ необходимости, будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ особо; теперь же мы должны обратить вниманіе на общій характеръ воззрѣній графа Уварова касательно Дерптскаго учебнаго округа и университета, на которыхъ основывались всѣ его административныя мѣропріятія по отношенію къ послѣднему.

Въ 30-е и 40-е годы, на которые падаетъ время дѣятельности графа Уварова, не было недостатка, подобно предшествующей эпохѣ, въ тревожныхъ политическихъ и общественныхъ событіяхъ Запада, которыя съ замѣчательной послѣдовательностью получали свое отраженіе и въ Россіи. Событія 1830 и 1831 годовъ заграницей и въ Россіи (февральская революція, польское возстаніе), имѣвшія свой корень во Франціи и отразившіяся потомъ и въ другихъ государствахъ Европы, охладили у насъ сочувствіе предшествующаго десятилѣтія къ французской католической системѣ воспитанія, которая теперь сама ставилась въ причинную связь съ революціоннымъ движеніемъ массъ; прежнее опасеніе передъ нѣмецкими университетами также не могло изгладиться въ виду такихъ событій, какъ студенческія демонстраціи во Франкфуртѣ на М. 3 апрѣля 1833 года, имѣвшія вполнѣ политическую окраску; и такъ какъ этими двумя обширными сферами, французской и нѣмецкой, почти исчерпывались тогдашніе способы нашего знакомства и соприкосновенія съ западной жизнью, то въ Россіи естественно возникло убѣжденіе въ пагубности западно-европейскихъ началъ вообще и въ необходимости искать средствъ спасенія у себя дома; событія 1848 года могли только подкрѣпить подобное убѣжденіе; въ виду этого, въ Россіи обнаруживается въ правящихъ сферахъ сильное патріотическое настроеніе. Однимъ изъ видныхъ участниковъ и дѣятелей такого настроенія и является въ Россіи того времени графъ С. С. Уваровъ.

Наилучшую формулировку своимъ общимъ взглядамъ

на задачи народнаго образованія вообще, и въ Прибалтійскихъ губерніяхъ въ частности, далъ самъ графъ Уваровъ въ запискѣ, поданной императору Николаю Павловичу въ 1843 году. по поводу десятилѣтія своего управленія министерствомъ народнаго просвѣщенія [1]). Мы позволимъ себѣ сдѣлать изъ нея нѣсколько характерныхъ извлеченій. Основаніе своихъ взглядовъ и вмѣстѣ конечную цѣль своего управленія и своей дѣятельности графъ Уваровъ опредѣляетъ такъ: „изгладить противоборство такъ называемаго европейскаго образованія съ потребностями нашими, изцѣлить новѣйшее поколѣніе отъ слѣпаго, необдуманнаго пристрастія къ поверхностному и иноземному, распространяя въ юныхъ умахъ радушное уваженіе къ отечественному и полное убѣжденіе, что только приноровленіе общаго, всемірнаго просвѣщенія къ нашему народному быту, къ нашему народному духу можетъ принести истинные плоды всѣмъ и каждому; потомъ, обнять вѣрнымъ взглядомъ огромное поприще, открытое предъ любезнымъ отечествомъ, оцѣнить съ точностію всѣ противоположные элементы нашего гражданскаго образованія, всѣ историческія данныя, которыя стекаются въ обширный составъ имперіи, обратить сіи развивающіеся элементы и пробужденныя силы, по мѣрѣ возможности, къ одному знаменателю“ [2]). Сообразно общему плану преобразованія всѣхъ ступеней народнаго образованія въ имперіи, графомъ Уваровымъ обращено было, какъ уже упомянуто, особенное вниманіе на окраины, гдѣ также предполагалось достигнуть „единства“ съ центромъ и „стройности системы общей“, при чемъ положено было „сообразоваться съ мѣстными и, такъ ска-

---

1) Она была напечатана гораздо позднѣе особой книжкой подъ заглавіемъ: „Десятилѣтіе министерства народнаго просвѣщенія. 1833—1843. Записка, представленная Государю Императору Николаю Павловичу министромъ народнаго просвѣщенія графомъ Уваровымъ въ 1843 году и возвращенная съ собственноручною надписью Его Величества: „читалъ съ удовольствіемъ“. Спб. 1864“.

2) Стр. 106.

зать, историческими особенностями государства и его жителей, разноплеменныхъ, удаленныхъ другъ отъ друга и происхожденіемъ, и степенями образованности"; на окраинахъ, какъ и въ центрѣ, имѣлось въ виду „водвореніе образованія отечественнаго, соотвѣтственнаго потребностямъ нашего вѣка, образованія самобытнаго и русскаго по превосходству". Въ частности, въ Остзейскихъ губерніяхъ при проведеніи преобразованій „необходима большая осмотрительность, нѣкоторое даже снисхожденіе къ предразсудкамъ, вкоренившимся съ давнихъ лѣтъ въ томъ краѣ." Отдавая справедливость „политической вѣрности" и „чувству преданности законному государю" въ этомъ краѣ, графъ Уваровъ отмѣчаетъ однакоже въ строѣ господствующихъ здѣсь понятій рядъ предразсудковъ и заблужденій: „Истинное и главное заблужденіе нѣмецкихъ губерній состоитъ въ томъ, что онѣ до сихъ поръ не постигаютъ, что Россія возмужала; онѣ видѣли въ пеленахъ нашъ государственный бытъ; весьма часто были призываны въ пѣстуны къ его колыбели и въ свидѣтели всѣхъ недоумѣній, всѣхъ ошибокъ, всѣхъ колебаній нашего внутренняго образованія... Оттого, что они угнетали Россію императрицы Анны, оттого, что они вблизи видѣли Россію Елизаветы и Екатерины II, они упорно заключаютъ, что Россія тотъ же младенецъ, къ охраненію коего и они платили дань усердія, не всегда безпристрастнаго, не всегда безкорыстнаго. Словомъ, они не постигаютъ Россіи Николая I, и этотъ обманъ, почти оптическій, эта суевѣрная неподвижность въ понятіяхъ, это тайное отрицаніе всего существующаго теперь у насъ, этотъ холодный, мелкій духъ протестантизма въ приложеніи къ дѣламъ государственнымъ — вотъ что отличаетъ и нѣкоторымъ образомъ отталкиваетъ отъ насъ это поколѣніе людей, одаренныхъ душевными доблестями и нѣкоторымъ прямодушіемъ; но то же самое отталкиваетъ ихъ и отъ Европы, или лучше сказать отъ Германіи, изъ которой они выводятъ безпрестанно свое прямое происхожденіе. Съ одной стороны,

Германія измѣнилась, съ другой — Россія возмужала; тщетно духъ Остзейскихъ губерній считаетъ себя представителемъ нѣмецкаго просвѣщенія въ Россіи; мы это просвѣщеніе понимаемъ и цѣнимъ вѣрнѣе ихъ". Далѣе, сравнивая польскій и остзейскій край въ отношеніи пріемовъ осуществленія преобразованій, графъ Уваровъ замѣчаетъ: „тамъ, не взирая на все непріязненное и ненавистное, одна и та же живость славянской крови, та же раздражительность въ соображеніи; тамъ можно уловить толпу, не знаю на долго ли, однимъ ловкимъ движеніемъ, нѣсколькими завѣтными словами; нѣмцевъ на лету схватить невозможно; противъ нихъ надобно вести, такъ сказать, осаду; они сдадутся, но не вдругъ". Къ числу затрудненій, которыя встрѣчаетъ русская администрація въ Остзейскомъ краѣ, графъ Уваровъ относитъ, кромѣ „провинціальнаго духа", еще два источника внутреннихъ несогласій — „разъединеніе церкви на чистыхъ протестантовъ и піэтистовъ и противоборство средняго и низшаго классовъ съ туземнымъ дворянствомъ"; и вотъ, полагалъ графъ Уваровъ, „посреди сего волненія умовъ, колеблемыхъ предразсудками разнаго рода и большею частію еще не пришедшихъ къ сознанію своихъ собственныхъ выгодъ, надлежало соорудить новое и прочное зданіе общественнаго воспитанія" [1]. Взгляды эти, составлявшіе руководящую основу государственной дѣятельности графа Уварова, имѣли тѣмъ большее значеніе по отношенію къ Остзейскому краю, что исходили отъ человѣка, безспорно авторитетнаго не по одному только своему офиціальному положенію. Графъ Уваровъ обладалъ многостороннимъ образованіемъ, былъ хорошимъ знатокомъ литературы какъ древне-классической, такъ и ново-европейской, особенно нѣмецкой, былъ большимъ почитателемъ Гете, который его лично зналъ и цѣнилъ; онъ обнаружилъ съ ранняго возраста особую наклонность

1) Стр. 48—55.

къ научнымъ и литературнымъ занятіямъ и употребилъ потомъ немало нравственныхъ и матеріальныхъ усилій на составленіе себѣ превосходной библіотеки и обширной коллекціи художественныхъ предметовъ по всѣмъ отраслямъ искусства; собственная его литературная дѣятельность свидѣтельствовала не только о его познаніяхъ и любви къ научнымъ изслѣдованіямъ, но и о безспорномъ писательскомъ дарованіи; если присоединить къ этому житейскій тактъ графа Уварова и его умѣнье обращаться съ людьми, изъ которыхъ въ особенности ученая среда была ему знакома не только по министерству, но и по званію президента Академіи Наукъ, то сдѣлается понятнымъ, почему даже изъ-подъ пера автора, котораго нельзя заподозрить въ сочувствіи уваровской административной системѣ, могла выйти весьма благопріятная для графа Уварова характеристика его личности [1]).

Впрочемъ, какъ это ясно будетъ видно изъ послѣдующаго, графъ Уваровъ не остался до конца при разъ принятой относительно Остзейскаго края точкѣ зрѣнія; къ концу своего управленія министерствомъ народнаго просвѣщенія онъ значительно видоизмѣнилъ свой взглядъ на характеръ предпринятой имъ въ половинѣ 1830-хъ годовъ школьной реформы въ Дерптскомъ учебномъ округѣ; первоначальная его настойчивость и энергія смѣнились потомъ склонностью къ уступкамъ и къ недостатку вѣры если не въ сущность своей учебно-административной программы, то, по крайней мѣрѣ, въ возможность ея выполненія и достиженія намѣченныхъ цѣлей.

Личныя отношенія графа Уварова къ университету были весьма хорошія. Въ началѣ своего вступленія въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ іюнѣ 1833 года,

1) Die deutsche Universität Dorpat, стр. 43—44. Панегирическую, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ интересную характеристику графа Уварова, принадлежащую перу И. И. Давыдова, можно найти въ „Отчетахъ Импер. Акад. Наукъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности за 1852—1865 годы. Спб. 1866“, стр. 163—176.

графъ Уваровъ посѣтилъ Дерптскій университетъ и вынесъ изъ этого посѣщенія наилучшія впечатлѣнія отъ всего имъ тамъ видѣннаго; въ 1845 году графъ Уваровъ имѣлъ въ виду посѣтить Дерптъ, но служебныя дѣла отвлекли его тогда отъ исполненія этого намѣренія, которое осуществилъ онъ только въ 1848 году. Когда въ 1849 году графъ Уваровъ оставилъ министерство народнаго просвѣщенія, то объ этомъ событіи помѣщены были въ университетскомъ отчетѣ за упомянутый годъ слѣдующія строки: „Здѣшній университетъ сознаетъ въ полной мѣрѣ, сколь многимъ обязанъ онъ Е. С-ву въ продолженіе его долголѣтняго управленія, и потому всегда останется у насъ въ памяти, какую признательность должно воздать прежде всего за благосклонное попеченіе Е. С-ва въ значительномъ умноженіи пособій и средствъ, коими удовлетворены были давно ощущаемыя потребности, и исполнены давно изъявленныя желанія еще большаго преуспѣянія дѣятельности университетской; точно также университетъ признаетъ себя навсегда обязаннымъ прежнему высшему начальнику своему за сильное его въ разныхъ случаяхъ ходатайство, за неоднократно изъявленное Е. И. В-ву свидѣтельство о дѣятельности университета, за всегдашнюю готовность въ принятіи желаній и просьбъ его, какъ и за безпрерывно оказываемое членамъ университета благоволеніе и довѣріе.“ Затѣмъ, послѣ смерти графа Уварова въ 1855 году, совѣтъ университета поручилъ профессору Розбергу составленіе историческаго обзора дѣятельности бывшаго министра какъ вообще, такъ и въ частности по отношенію къ Дерптскому университету, при чемъ имѣлось въ виду издать это сочиненіе отъ имени университета къ 12 декабря 1855 года; но проф. Розбергъ въ началѣ декабря заявилъ совѣту, что онъ не можетъ къ назначенному сроку исполнить принятую на себя работу, такъ какъ не получилъ еще соотвѣтствующихъ матеріаловъ, за которыми обратился къ сыну покойнаго и къ вице-директору депар-

тамента народнаго просвѣщенія Кисловскому; такъ это дѣло и было оставлено [1]).

Упомянутые знаки почтенія, выказанные университетомъ по отношенію къ графу Уварову и его памяти, имѣли, конечно, чисто формальное происхожденіе, такъ какъ онъ, въ виду своихъ административныхъ воззрѣній, не пользовался симпатіями ни въ университетской средѣ, ни вообще въ Остзейскомъ краѣ; этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ объясняется отчасти и его неохота къ личному посѣщенію Дерпта; впрочемъ, была тому и другая причина.

Именно, преемникомъ Палену въ попечительствѣ надъ Дерптскимъ университетомъ и округомъ назначенъ былъ 21 декабря 1835 года генералъ-лейтенантъ Густавъ Борисовичъ Крафстремъ. Это былъ человѣкъ, вышедшій изъ народа [2]), прошедшій продолжительную военную карьеру и ей всецѣло обязанный своимъ возвышеніемъ. Не лишенный природнаго ума, но безъ широкаго образованія, строгій формалистъ и точный исполнитель чужихъ приказаній, онъ можетъ быть признанъ типичнѣйшимъ представителемъ администратора николаевской эпохи. Сужденія мѣстныхъ людей изъ современниковъ о Крафстремѣ въ общемъ неблагопріятны [3]); отраженіемъ ихъ является, по всей вѣроятности, и отзывъ Н. И. Пирогова, который, въ качествѣ профессора университета, могъ наблюдать его дѣятельность довольно близко: „Фронтовикъ до мозга костей, Крафстремъ вообще какъ попечитель оказался не худымъ человѣкомъ; могъ бы быть гораздо хуже, поступивъ съ сѣдла на попечительство. Міровоззрѣніе Крафстрема было невозможное;

---

1) Архивъ Канцеляріи Попечителя Рижскаго Учебнаго Округа: Общія дѣла № 28.

2) По одному извѣстію — изъ эстонскихъ крестьянъ: Fünfzig Jahre russischer Verwaltung in den Baltischen Provinzen, стр. 21.

3) Напр., библіотекаря университета Эмиля Андерса: Baltische Monatsschrift, B. XXXIX. 1892, стр. 295—296.

наука въ его воззрѣніи была трехъ сортовъ: полезная до извѣстной степени, вредная — если не унять, то пожалуй и очень вредная — и годная, и даже необходимая, для препровожденія времени и для забавы людей со средствами" [1]); во всякомъ случаѣ такую характеристику далеко нельзя назвать безпристрастной. Мѣстныя историческія сужденія о Крафстремѣ въ большинствѣ раздѣляютъ указанную общепринятую точку зрѣнія на этого администратора, хотя и не безъ исключеній [2]). Мы не знаемъ навѣрное, въ какой степени назначеніе Крафстрема было дѣломъ Уварова, но весьма легко понять, что Уварову нуженъ былъ именно такой человѣкъ въ качествѣ вѣрнаго, энергичнаго и точнаго пособника и исполнителя предположеній министра относительно реформы учебнаго дѣла въ Остзейскомъ краѣ; и Крафстремъ, дѣйствительно, былъ добросовѣстнымъ исполнителемъ плановъ своего непосредственнаго начальства.

Крафстремъ пользовался большимъ довѣріемъ со стороны графа Уварова. Здѣсь интересно упомянуть, что въ 1838 году, когда дисциплина въ университетѣ между студентами видимо весьма пошатнулась, Уваровъ имѣлъ въ виду добиться предоставленія Крафстрему званія военнаго губернатора города Дерпта, чтобы сосредоточить въ рукахъ попечителя болѣе широкій кругъ власти, такъ какъ генералъ-губернаторъ Паленъ, послѣ оставленія попечительства, относился къ университету довольно безучастно, а къ Уварову и Крафстрему недоброжелательно. Упомянутая мысль обсуждалась между графомъ Уваровымъ и Крафстремомъ въ конфиденціальной перепискѣ, но послѣдняя вскорѣ сдѣлалась извѣстна барону Палену; впрочемъ, мысль о военномъ

1) Сочиненія Н. И. Пирогова. Т I. Спб. 1887, стр. 472.

2) Одно изъ такихъ сужденій считаетъ Крафстрема „ein wohlwollender Ehrenmann, der nicht wissentlich unrecht that": Victor Hehn. Ein Lebensbild. Von Theodor Schiemann. Stuttgart 1894, стр. 138.

губернаторствѣ дерптскаго попечителя не получила дальнѣйшаго движенія и потому еще, что самъ Крафстремъ нашелъ къ тому немаловажныя затрудненія. Когда графъ Уваровъ уходилъ въ отставку, то въ обращенномъ къ Крафстрему письмѣ отъ 25 октября 1849 года писалъ: „Считаю долгомъ изъявить Вамъ искреннѣйшую благодарность за всегда усердное и просвѣщенное содѣйствіе въ общихъ усиліяхъ на пользу государственной службы и образованія", на что Крафстремъ отвѣчалъ, между прочимъ, 3 ноября того же года: „Чувства любви и нелицемѣрной преданности къ Вамъ сохранятся навсегда въ сердцахъ людей, бывшихъ свидѣтелями и содѣйствователями высокихъ предначертаній, исполненныхъ при прозорливомъ и просвѣщенномъ руководствѣ В. С-ва".

Довѣріе къ Крафстрему унаслѣдовалъ отъ Уварова и преемникъ его въ министерствѣ князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ (1850—1853), не внесшій въ свое управленіе никакихъ новыхъ и самостоятельныхъ принциповъ. Когда, по вступленіи новаго министра въ должность, Крафстремъ въ февралѣ 1850 года подалъ въ отставку, по разстроенному здоровью, то министръ уговорилъ его остаться, и Крафстремъ умеръ въ Дерптѣ 7 сентября 1854 года, прослуживъ въ должности попечителя 19 лѣтъ [1]).

Крафстремъ былъ первымъ попечителемъ, которому назначено было имѣть постоянное пребываніе въ Дерптѣ, и это было, какъ надо думать, той второй причиной, по которой графъ Уваровъ воздерживался отъ личныхъ посѣщеній университета: не было уже нужды въ частомъ непосредственномъ наблюденіи университетской жизни, когда

---

1) Объ участіи университета и другихъ дерптскихъ учебныхъ заведеній въ отданіи покойному попечителю послѣдняго долга см. въ Inland 1854, ст. 609—610, 648—652. Обѣщанная редакціей біографія Крафстрема не появилась. Обширная библіотека его была въ 1856 году продана съ аукціона въ Дерптѣ: Inland 1856, ст. 352.

она наблюдалась попечителемъ, имѣвшимъ непосредственныя письменныя, а иногда и личныя, во время пріѣздовъ въ Петербургъ, сношенія съ министромъ.

Кстати замѣтить здѣсь, что время графа Уварова и Крафстрема, совпавшее, особенно въ концѣ 1840-хъ годовъ, съ эпохой общей реакціи, нашло себѣ лишь весьма слабое отраженіе на Дерптскомъ университетѣ собственно въ политическомъ отношеніи; именно, тутъ приходится упомянуть только объ увольненіи, по политическимъ соображеніямъ, отъ службы лектора нѣмецкаго языка Виктора Гена и профессора Эдуарда Озенбрюггена 14 августа 1851 года; первый, какъ русскій подданный, былъ кромѣ того подвергнутъ суду, сосланъ на жительство въ Тулу, но затѣмъ возвращенъ былъ въ Петербургъ и умеръ заграницей [1]).

Смерть попечителя Крафстрема была также и концомъ той системы, которой служилъ онъ вмѣстѣ съ графомъ Уваровымъ по отношенію къ Дерптскому университету; намъ придется позднѣе говорить, что система эта не дала въ дѣйствительности тѣхъ результатовъ, на которые была расчитана, а съ новымъ царствованіемъ она потеряла и свою коренную опору въ общей системѣ внутренней политики государственнаго управленія. Послѣдовавшіе за кн. Ширинскимъ-Шихматовымъ министры народнаго просвѣщенія, А. С. Норовъ (1854—1858), Е. П. Ковалевскій (1858—1861), графъ Е. В. Путятинъ (28 іюня 1861 — 25 дек. 1861) и, наконецъ, А. В. Головинъ (1861—1866) дѣйствовали уже въ такое время, когда взгляды графа Уварова не встрѣчали сочувствія въ высшихъ сферахъ, и насколько въ отношеніи къ Дерптскому университету обстоятельства въ концѣ описываемаго періода измѣнились, видно изъ одного мѣста рѣчи министра А. В. Головина, сказанной имъ 17 января

---

1) O. Schrader. Victor Hehn. Ein Bild seines Lebens und seiner Werke. Berlin 1890, стр. 23—25; Theodor Schiemann, назв. соч., стр. 137—146.

1863 года въ собраніи лицъ, созванныхъ, по высочайшему повелѣнію, для разсмотрѣнія проекта университетскаго устава 1863 года; именно, рекомендуя возстановленіе въ Дерптѣ бывшаго тамъ Профессорскаго Института, министръ сказалъ: „Дерптскій университетъ находится съ исключительномъ положеніи; такъ какъ преподаваніе происходитъ въ немъ на нѣмецкомъ языкѣ, то весьма легко сдѣлать его однимъ изъ первыхъ университетовъ въ Европѣ, пригласивъ на нѣсколько лѣтъ въ Дерптъ нѣкоторое число знаменитѣйшихъ европейскихъ ученыхъ“ [1]).

Этому настроенію, чуждому ярко выраженныхъ національныхъ стремленій и проникнутому уваженіемъ къ просвѣщенію въ его общемъ европейскомъ источникѣ, соотвѣтствовали и попечители.

Преемникомъ Крафстрему назначенъ былъ 20 сентября 1854 года Егоръ Ѳедоровичъ фонъ-Брадке, бывшій до того попечителемъ Кіевскаго учебнаго округа. Хотя первоначальная служебная карьера Брадке была военная (онъ совершилъ въ 1815 году походъ въ Парижъ, а въ 1831 году участвовалъ въ подавленіи польскаго возстанія), однако послѣ того вышелъ изъ военной службы въ отставку и проходилъ затѣмъ дальнѣйшую службу въ качествѣ попечителя какъ въ Кіевѣ, такъ и въ Дерптѣ, уже какъ лицо невоенное. Это былъ человѣкъ высокой честности, искренній и преданный своему дѣлу, но съ мягкимъ характеромъ и излишней податливостью чужимъ вліяніямъ. Онъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ къ министру А. С. Норову и пользовался довѣріемъ и расположеніемъ его преемника; оставляя министерство, Е. П. Ковалевскій писалъ 2 сентября 1861 года фонъ-Брадке: „во все время этого (т. е. Ковалевскаго) управленія одинъ Дерптскій округъ и университетъ особенно доставляли мнѣ истинное удовольствіе“. Брадке умеръ, въ должности попечителя, 3 апрѣля 1862 года.

---

1) Русская Старина 1887, № 11, стр. 509.

Преемникомъ Брадке былъ Эстляндскій губернскій предводитель дворянства графъ Александръ Андреевичъ Кейзерлингъ, назначенный попечителемъ Дерптскаго округа и университета 17 апрѣля 1862 года. Пользуясь уваженіемъ и довѣріемъ Брадке, графъ Кейзерлингъ, вѣроятно, обязанъ былъ послѣднему въ значительной степени и своимъ назначеніемъ на постъ попечителя. Объ этомъ можетъ свидѣтельствовать слѣдующее письмо фонъ-Брадке императору Александру II, писанное имъ за нѣсколько дней до смерти и найденное нами въ его бумагахъ: „Всемилостивѣйшій Государь! Чувствуя нынѣ приближеніе смерти, я побужденъ искреннѣйшими чувствами любви къ монарху и заботою о благѣ имперіи выразить то, что, по моимъ предсмертнымъ убѣжденіямъ, можетъ принести пользу и отвратить вредъ. Много есть охотниковъ на занятіе званія попечителя Дерптскаго учебнаго округа; изъ нихъ есть многіе, которые желали бы повернуть консервативный духъ къ демократическому прогрессу. Я осмѣливаюсь предложить вашему величеству къ занятію этой обязанности Эстляндскаго дворянскаго предводителя графа Кейзерлинга. По учености онъ принадлежитъ къ лицамъ, коихъ голосъ возвышается надъ массою; онъ уважаемъ въ своемъ сословіи, и прочія сословія къ нему признательны; не уклоняясь отъ прогресса научнаго и дѣйствительнаго, онъ консервативенъ на пути гражданскихъ мечтаній. Ежели бы Господу угодно было продлить на нѣкоторое время мою жизнь, то онъ, какъ лично мнѣ отозвался, охотно приметъ званіе помощника попечителя. Дерптъ, Марта 1862 года“ [1]). Мы не знаемъ навѣрное, послано ли было это письмо по назначенію, но изъ него несомнѣнно явствуетъ существованіе добрыхъ и близкихъ отношеній между фонъ-Брадке и графомъ Кейзерлингомъ.

---

1) Архивъ Канцеляріи Попечителя Рижскаго Учебнаго Округа: Общія дѣла № 88.

Если фонъ-Брадке былъ военнымъ человѣкомъ лишь на половину, то его преемникъ былъ уже вполнѣ чуждымъ военной среды, самъ видный ученый натуралистъ, человѣкъ широко образованный и съ глубокой преданностью наукѣ и просвѣщенію; въ своей дѣятельности по отношенію къ университету и въ своихъ административныхъ воззрѣніяхъ онъ является продолжателемъ фонъ-Брадке[1]); графъ Кейзерлингъ концомъ своей службы въ качествѣ попечителя заходитъ уже въ третій періодъ жизни Дерптскаго-Юрьевскаго университета, и при немъ заканчивается, созданіемъ особаго для Дерптскаго университета устава 1865 года, описываемый нами теперь второй періодъ его существованія.

Т. о., въ этотъ періодъ смѣняются три направленія въ высшихъ правительственныхъ сферахъ по отношенію къ Дерптскому университету, въ общихъ чертахъ совпадающія съ характеромъ трехъ слѣдовавшихъ одно за другимъ царствованій. Переходимъ теперь къ изложенію фактической стороны тѣхъ измѣненій, которыя сопровождали собою, подъ указанными общими вліяніями, внѣшнюю, а отчасти и внутреннюю, жизнь университета.

2.

Возникновеніе устава 1820 года; главнѣйшія его черты по сравненію со старымъ уставомъ 1803 года. — Работы надъ измѣненіемъ новаго устава въ тридцатыхъ годахъ; сближеніе его съ общимъ университетскимъ уставомъ 1835 года. — Дополненія къ уставу 1820 года и къ штату 1817 года. — Правила для учащихся 1834 и 1838 годовъ и сдѣланныя къ нимъ дополненія и измѣненія въ послѣдующее время.

Какъ уже не разъ мы имѣли случай указывать, уставъ Дерптскаго университета 4 іюня 1820 года является рубе-

---

1) Сочувственную характеристику его можно найти въ статьѣ профессора Руссова: Alexander Graf Keyserling, въ Baltische Monatsschrift, B. XXXIX. 1892, стр. 266—272.

жемъ двухъ періодовъ его существованія. По условіямъ своего возникновенія, онъ находится въ тѣсной связи со штатомъ 17 августа 1817 года, являясь, подобно послѣднему, результатомъ тѣхъ же условій, которыя привели университетскую корпорацію и высшія правительственныя сферы къ убѣжденію въ необходимости обновить университетъ матеріально и духовно и дать ему возможность дальнѣйшаго существованія и развитія. Подобно штату 1817 года, и въ дарованіи университету новаго устава 1820 года принимали самое дѣятельное участіе графъ Ливенъ и князь А. Н. Голицынъ. Разница была только въ томъ, что въ то время, какъ штатъ былъ подготовленъ цѣлымъ рядомъ ходатайствъ со стороны университета съ 1810 года и, т. о., явился въ извѣстной степени дѣломъ самого университета, уставъ 1820 года, напротивъ, выработанъ былъ почти совершенно безъ участія университета; въ этомъ отношеніи онъ разнится и отъ устава 1803 года, который, какъ мы видѣли, созданъ былъ цѣликомъ въ университетѣ или при приближайшемъ участіи представителей со стороны послѣдняго.

Начало работъ надъ новымъ уставомъ 1820 года совпадаетъ съ опубликованіемъ штата 17 августа 1817 года; эти работы велись въ министерствѣ подъ главнымъ руководствомъ попечителя графа К. А. Ливена, который, для совѣщанія по нѣкоторымъ вопросамъ, вызывалъ въ Петербургъ профессора I. Г. Неймана; въ числѣ лицъ, подававшихъ свое мнѣніе объ уставѣ Дерптскаго университета 1820 года въ одной изъ послѣднихъ инстанцій, былъ и членъ совѣта комиссіи составленія законовъ извѣстный А. И. Тургеневъ. Уже 13 января 1819 года министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князь Голицынъ внесъ въ комитетъ министровъ проектъ необходимыхъ измѣненій въ Уставѣ и Правилахъ для учащихся 1803 года. Недостатки перваго и послѣднихъ, вмѣстѣ съ предположеніями устранить ихъ, кратко резюмировалъ онъ въ слѣ-

дующихъ выраженіяхъ: „Учебные предметы при семъ университетѣ, какъ впослѣдствіи усмотрѣно, распредѣлены были не по всѣмъ каѳедрамъ въ совершенной сообразности съ цѣлію, для которой учреждены; особливо нѣкоторые изъ нихъ, по причинѣ многосложности предметовъ, требовали раздѣленія и введенія новыхъ каѳедръ, ибо одинъ профессоръ, имѣя много учебныхъ предметовъ, не успѣвалъ пройти оныя въ надлежащее время. При томъ, трудно было и найти профессора, который равно совершенно былъ бы свѣдущъ въ многихъ отрасляхъ наукъ, предлежащихъ ему къ преподаванію. Важная и необходимая каѳедра военныхъ наукъ, для которой по прежнему штату назначенъ былъ только экстраординарный профессоръ, не могла также замѣщена быть способнымъ преподавателемъ, доколѣ не возведена оная стала нынѣ на степень ординарной каѳедры. Судебная расправа при семъ университетѣ равнымъ образомъ требовала новаго разсмотрѣнія. Опытъ многихъ лѣтъ ясно показалъ, что дозволеніе апелляціи студентамъ, по опредѣленіи наказанія университетскимъ судомъ, вредно для благочинія въ университетѣ, и многія судебныя дѣла оттого безъ всякой надобности отлагаются вдаль и подвергаются запутанности. Число членовъ суда положено уменьшить, дабы разсужденія и заключенія могли быть производимы скорѣе, и дабы вообще сколь возможно болѣе времени оставалось профессорамъ для ихъ существенныхъ обязанностей. Равнымъ образомъ, признано за нужное распространить власть ректора университета. Наказанія за грубые и буйственные поступки, кои обличаютъ учащагося въ злонравіи и развратѣ, какъ на опытѣ оказалось, опредѣлены были слишкомъ маловажны и потому оныя увеличены. Во внѣшнемъ и внутреннемъ устройствѣ и расположеніи университета, кромѣ сихъ, еще нѣкоторыя другія статьи требовали частію перемѣны, частію дополненія, на тотъ конецъ, чтобы ввести въ употребленіе всѣ тѣ правила, кои только въ теченіе продолжительнаго управленія могли быть признаны для его

жемъ двухъ періодовъ его существованія. По условіямъ своего возникновенія, онъ находится въ тѣсной связи со штатомъ 17 августа 1817 года, являясь, подобно послѣднему, результатомъ тѣхъ же условій, которыя привели университетскую корпорацію и высшія правительственныя сферы къ убѣжденію въ необходимости обновить университетъ матеріально и духовно и дать ему возможность дальнѣйшаго существованія и развитія. Подобно штату 1817 года, и въ дарованіи университету новаго устава 1820 года принимали самое дѣятельное участіе графъ Ливенъ и князь А. Н. Голицынъ. Разница была только въ томъ, что въ то время, какъ штатъ былъ подготовленъ цѣлымъ рядомъ ходатайствъ со стороны университета съ 1810 года и, т. о., явился въ извѣстной степени дѣломъ самого университета, уставъ 1820 года, напротивъ, выработанъ былъ почти совершенно безъ участія университета; въ этомъ отношеніи онъ разнится и отъ устава 1803 года, который, какъ мы видѣли, созданъ былъ цѣликомъ въ университетѣ или при приближайшемъ участіи представителей со стороны послѣдняго.

Начало работъ надъ новымъ уставомъ 1820 года совпадаетъ съ опубликованіемъ штата 17 августа 1817 года; эти работы велись въ министерствѣ подъ главнымъ руководствомъ попечителя графа К. А. Ливена, который, для совѣщанія по нѣкоторымъ вопросамъ, вызывалъ въ Петербургъ профессора І. Г. Неймана; въ числѣ лицъ, подававшихъ свое мнѣніе объ уставѣ Дерптскаго университета 1820 года въ одной изъ послѣднихъ инстанцій, былъ и членъ совѣта комиссіи составленія законовъ извѣстный А. И. Тургеневъ. Уже 13 января 1819 года министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князь Голицынъ внесъ въ комитетъ министровъ проектъ необходимыхъ измѣненій въ Уставѣ и Правилахъ для учащихся 1803 года. Недостатки перваго и послѣднихъ, вмѣстѣ съ предположеніями устранить ихъ, кратко резюмировалъ онъ въ слѣ-

дующихъ выраженіяхъ: „Учебные предметы при семъ университетѣ, какъ впослѣдствіи усмотрѣно, распредѣлены были не по всѣмъ каѳедрамъ въ совершенной сообразности съ цѣлію, для которой учреждены; особливо нѣкоторые изъ нихъ, по причинѣ многосложности предметовъ, требовали раздѣленія и введенія новыхъ каѳедръ, ибо одинъ профессоръ, имѣя много учебныхъ предметовъ, не успѣвалъ пройти оныя въ надлежащее время. При томъ, трудно было и найти профессора, который равно совершенно былъ бы свѣдущъ въ многихъ отрасляхъ наукъ, предлежащихъ ему къ преподаванію. Важная и необходимая каѳедра военныхъ наукъ, для которой по прежнему штату назначенъ былъ только экстраординарный профессоръ, не могла также замѣщена быть способнымъ преподавателемъ, доколѣ не возведена оная стала нынѣ на степень ординарной каѳедры. Судебная расправа при семъ университетѣ равнымъ образомъ требовала новаго разсмотрѣнія. Опытъ многихъ лѣтъ ясно показалъ, что дозволеніе апелляціи студентамъ, по опредѣленіи наказанія университетскимъ судомъ, вредно для благочинія въ университетѣ, и многія судебныя дѣла оттого безъ всякой надобности отлагаются вдаль и подвергаются запутанности. Число членовъ суда положено уменьшить, дабы разсужденія и заключенія могли быть производимы скорѣе, и дабы вообще сколь возможно болѣе времени оставалось профессорамъ для ихъ существенныхъ обязанностей. Равнымъ образомъ, признано за нужное распространить власть ректора университета. Наказанія за грубые и буйственные поступки, кои обличаютъ учащагося въ злонравіи и развратѣ, какъ на опытѣ оказалось, опредѣлены были слишкомъ маловажны и потому оныя увеличены. Во внѣшнемъ и внутреннемъ устройствѣ и расположеніи университета, кромѣ сихъ, еще нѣкоторыя другія статьи требовали частію перемѣны, частію дополненія, на тотъ конецъ, чтобы ввести въ употребленіе всѣ тѣ правила, кои только въ теченіе продолжительнаго управленія могли быть признаны для его

состава полезными"[1]). Одновременно съ уставомъ университета выработаны были въ министерствѣ также штатъ и уставъ учебныхъ заведеній Дерптскаго округа. Препровождая проектъ этого устава и штата министру, попечитель графъ Ливенъ, въ своей объяснительной запискѣ отъ 12 мая 1819 года, между прочимъ, коснулся одного вопроса, имѣвшаго близкое отношеніе и къ университету, именно къ той сторонѣ его дѣятельности, которая связана была съ приготовленіемъ при университетѣ учителей для школъ округа. По словамъ попечителя, положеніе этихъ учителей, въ виду ихъ матеріальной необезпеченности, очень тяжело, и потому чѣмъ дальше, тѣмъ меньше является охотниковъ поступать въ находящійся при университетѣ Учительскій Институтъ: „Частію воспитанники Учительскаго Института — говоритъ графъ Ливенъ — коимъ по ихъ способностямъ открывались лестные виды, возвращали за себя употребленныя казною на ихъ содержаніе деньги, съ неотступными просьбами освободить ихъ отъ горестной обязанности цѣлыя шесть лѣтъ бороться съ угнетающей бѣдностью; съ другой стороны, молодые люди опасаются участвовать въ благодѣтельномъ педагогическомъ заведеніи, чтобы не подвергнуться столь жестокой при сихъ обстоятельствахъ обязанности, и Институтъ, вмѣсто положенныхъ по уставу 10 семинаристовъ, едва считаетъ трехъ или четырехъ"[2]).

Въ октябрѣ 1819 года всѣ эти проекты были представлены для разсмотрѣнія въ Государственный Совѣтъ, и 4 іюня 1820 года получили высочайшее утвержденіе уставъ университета и уставъ и штатъ учебнаго округа (послѣдній въ общей суммѣ 214.550 руб.); что же касается до Правилъ для учащихся въ университетѣ, то окончательное разсмотрѣніе и утвержденіе ихъ отложено было до будущаго времени.

---

1) Архивъ Департамента Народнаго Просвѣщенія, № 2237—113.

2) Архивъ Департамента Народнаго Просвѣщенія, № 3031—123.

Что же такое представлялъ собою этотъ новый университетскій уставъ?

Уставъ 1820 года не является столь самостоятельнымъ произведеніемъ, какъ его предшественникъ 1803 года. Сравненіе между ними, напротивъ, обнаруживаетъ очевидную зависимость перваго отъ второго: уставъ 1820 года есть собственно кое въ чемъ исправленный и немногимъ дополненный уставъ 1803 года; въ виду этого, мы и ограничимся характеристикой тѣхъ его особенностей, которыми онъ отличается отъ своего прототипа и источника.

Съ внѣшней стороны, уставъ 1820 года, подобно уставу 1803 года, состоитъ изъ 14 главъ, такъ какъ 15-ая глава устава 1803 года занята штатомъ, который для устава 1820 года существовалъ отдѣльно и утвержденъ былъ 17 августа 1817 года. По своему общему содержанію, эти 14 главъ вполнѣ совпадаютъ въ обоихъ уставахъ, нося и одни и тѣ же заглавія. Число §§ въ обоихъ уставахъ также близко одно къ другому: въ уставѣ 1803 года ихъ 279, если не считать 15-ой главы, посвященной штату, а въ уставѣ 1820 года §§ 271. Внутри этихъ весьма сходныхъ внѣшнихъ рамокъ, въ уставѣ 1820 года допущены нѣкоторыя измѣненія — то въ частичномъ распредѣленіи прежняго матеріала, то во введеніи новаго или устраненіи стараго; вообще же этихъ измѣненій немного.

Въ I главѣ, разрѣшается иностранцу-профессору привезти съ собою или выписать „нужныхъ вещей“ „на двѣ тысячи рублей серебряною монетою“, вмѣсто прежнихъ 3000 р. асс. (§ 11); точнѣе опредѣлена форма мундира для профессоровъ и другихъ чиновниковъ университета (§ 15); пропущено упоминаніе о „кураторахъ“; подробнѣе опредѣлено положеніе о корреспондентахъ университета, и введено упоминаніе о „почетныхъ членахъ“, въ которые можетъ выбирать университетъ „знаменитыхъ мужей, споспѣшествовавшихъ общеполезной цѣли онаго своими пособіями“ (§ 18).

Во II главѣ упоминается „синдикъ", вмѣсто прежняго протосиндика, который утверждается въ должности не совѣтомъ, а министромъ черезъ попечителя (§§ 22. 34); избраніе ректора и другихъ ежегодно смѣняющихся служебныхъ лицъ въ университетѣ положено не въ концѣ мая, какъ прежде, а въ началѣ ноября; вступленіе же ихъ въ должность должно было происходить съ 1 января каждаго года (§ 23).

III глава заключаетъ въ себѣ новый § (46), по которому „никто изъ директоровъ университетскихъ заведеній самъ по себѣ на счетъ оныхъ не долженъ ни отсылать, ни принимать пакетовъ; но сіе происходитъ чрезъ посредство правленія, которое судитъ напередь о содержаніи и надобности оныхъ."

Въ IV главѣ, число присутствующихъ въ университетскомъ судѣ ограничено ректоромъ, деканомъ юридическаго факультета и синдикомъ (§ 47), безъ участія декановъ другихъ факультетовъ.

Въ V главѣ, посвященной ректору, послѣдній освобожденъ отъ храненія одного изъ трехъ ключей отъ университетской казны (§ 58), и, кромѣ того, на каждомъ дипломѣ, выдаваемомъ отъ факультета, требуется подпись не только декана, но еще и ректора (§ 61).

VI глава представляетъ, въ краткомъ видѣ (§ 71), указаніе на утвержденныя 20 января 1819 года особыя Правила о производствѣ въ ученыя степени.

Въ весьма важной VII главѣ, опредѣляющей составъ каѳедръ по факультетамъ, также не видимъ большихъ измѣненій. Вмѣсто прежнихъ 29 каѳедръ, въ новомъ уставѣ находимъ 30. На богословскомъ факультетѣ остаются прежнія 4; на юридическомъ, вмѣсто прежнихъ 6, положено 5, съ такимъ измѣненіемъ, что каѳедра „положительнаго государственнаго и народнаго права, политики, исторіи правъ и юридической словесности" раздѣлена на двѣ: „положительнаго государственнаго и народнаго права

и политики“ и „уголовнаго права, уголовнаго судопроизводства, исторіи права и юридической словесности“, а три отдѣльныя каѳедры эстляндскаго, лифляндскаго и курляндскаго права соединены въ одну — „курляндскаго, лифляндскаго и эстляндскаго провинціальнаго права теоретически и практически“. На медицинскомъ факультетѣ число каѳедръ осталось по прежнему 6, но отдѣльныя части медицинской науки распредѣлены въ нихъ нѣсколько иначе: 1) анатоміи и судебной врачебной науки; 2) терапіи и клиники; 3) физіологіи, патологіи и семіотики; 4) діэтетики, врачебнаго веществословія, врачебной исторіи и врачебной словесности; 5) теоретической и практической хирургіи; 6) повивальнаго искусства и женскихъ и дѣтскихъ болѣзней. Въ философскомъ факультетѣ, въ физико-математическомъ отдѣленіи удержаны прежнія три каѳедры; въ отдѣленіи естественныхъ наукъ къ прежнимъ тремъ каѳедрамъ прибавлена четвертая „естественной исторіи вообще и въ особенности минералогіи“; въ филологическо-историческомъ отдѣленіи, вмѣсто прежнихъ 4 каѳедръ, является 5, въ виду раздѣленія первой изъ нихъ, „краснорѣчія и словесности древнихъ языковъ, филологіи, эстетики и исторіи словесности и художествъ“, на двѣ: „краснорѣчія, древней классической филологіи, эстетики и исторіи художествъ“ и „исторіи литературы, древней классической филологіи и педагогики“, что составляетъ лишь незначительное измѣненіе состоявшагося уже раздѣленія этой каѳедры въ 1817 году; въ технолого-экономическомъ отдѣленіи остались прежнія 3 каѳедры. Затѣмъ, къ числу „учителей языковъ“ прибавленъ лекторъ итальянскаго языка, а „учители искусствъ“ остались тѣ же. Кромѣ того, названныя каѳедры не обусловлены ординатурой, а на нихъ „могутъ иногда быть избираемы экстраординарные профессоры“, если университетскій совѣтъ найдетъ это нужнымъ (§ 76).

Въ VIII главѣ опредѣлено нѣсколько иначе время университетскихъ вакацій: вмѣсто прежнихъ января и іюля,

теперь положено на зимнія вакаціи время съ 1 по 15 января, а на лѣтнія съ 10 іюня по 22 іюля (§ 83).

Въ IX главѣ, опредѣляющей составъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, внесены нѣкоторыя существенныя дополненія. Именно, въ то время какъ медицинскія учрежденія остались тѣ же, педагогическія были преобразованы; на мѣсто прежняго Общаго Учительскаго Института учреждены, отчасти согласно предположеніямъ § 110 устава 1803 года, двѣ семинаріи: педагогико-филологическая и богословская. На педагогико-филологическую семинарію возложена задача прежняго Общаго Учительскаго Института, „образованіе способныхъ учителей для округа", и руководство ею вручено четыремъ профессорамъ: краснорѣчія, педагогики, философіи и русскаго языка и словесности; штатныхъ стипендіатовъ для этой семинаріи положено 10, и на содержаніе каждому опредѣлено по 400 р. асс. (§§ 93—94. 98). Богословская же семинарія является учрежденіемъ совершенно новымъ: число студентовъ-участниковъ въ ней точно не опредѣлено; ее „составляютъ всѣ богословскіе студенты, которые отъ университетскаго Правленія, смотря по обстоятельствамъ, получаютъ большія или меньшія вспоможенія"; руководство надъ нею ввѣрено профессору практическаго богословія и другому члену богословскаго факультета, по назначенію послѣдняго (§ 101). Гимнастическія учрежденія остались прежнія. При опредѣленіи порядка управленія университетской библіотекой, опущенъ § 117 прежняго устава, по которому двое воспитанниковъ Учительскаго Института по очереди являлись въ библіотеку для помощи библіотекарю, и ничѣмъ соотвѣтствующимъ не замѣненъ.

X глава пополнена упоминаніемъ о „заслуженныхъ профессорахъ", каковое званіе получаетъ всякій профессоръ, прослужившій въ этой должности 25 лѣтъ; онъ, хотя бы и не занималъ уже каѳедры, можетъ участвовать въ администраціи университета и быть избираемъ въ ректоры, де-

каны и члены Училищной комиссіи (§ 128); кромѣ того, всѣ профессора и преподаватели, потерявшіе вслѣдствіе болѣзни возможность продолжать службу, имѣютъ право на половинное свое жалованье, въ видѣ пенсіи, которая, „за отличныя заслуги" ихъ и „по особенному одобренію университета", можетъ быть увеличена и до размѣра ихъ полнаго жалованья (§ 129). Стипендіальныя суммы значительно увеличены. Кромѣ 4000 р. десяти воспитанникамъ педагогико-филологической семинаріи (вмѣсто прежнихъ 3250 р., положенныхъ на Общій Учительскій Институтъ), остальныя стипендіи студентамъ простираются въ общей суммѣ до 3500 р. (вмѣсто прежнихъ 1750 р.), а именно: одна стипендія въ 500 р., двѣ въ 400 р., четыре въ 300 и пять въ 200 р. (§ 139).

Обширная XI глава, трактующая о судебной расправѣ, подверглась переработкѣ лишь въ подробностяхъ и въ вопросахъ судебной техники, а не въ принципѣ.

Еще менѣе потерпѣли измѣненій XII глава о Цензурномъ Комитетѣ и XIII-ая о канцеляріяхъ университета.

Послѣдняя, XIV глава также осталась въ прежнемъ своемъ видѣ, за исключеніемъ пропуска въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ (§ 238) упоминанія о гакахъ, которые замѣнены ежегоднымъ отпускомъ на содержаніе университета опредѣленной штатной суммы изъ казны, какъ мы видѣли, еще въ 1806 году.

Въ такихъ чертахъ представляются намъ тѣ немногія измѣненія, которымъ подвергся прежній уставъ 1803 года при переработкѣ его въ 1820 году. Если теперь сопоставить съ этимъ приведенныя выше пожеланія министра князя А. Н. Голицына о необходимыхъ измѣненіяхъ въ прежнемъ уставѣ Дерптскаго университета, высказанныя имъ въ 1819 году, то окажется, что ниодно изъ этихъ пожеланій не нашло себѣ осуществленія: многосложность предметовъ по нѣкорымъ каѳедрамъ не была устранена; каѳедра военныхъ наукъ не только не поднялась въ своемъ значеніи, но, какъ

увидимъ, черезъ десять лѣтъ совершенно была упразднена; университетская „расправа“ осталась въ прежнемъ видѣ, и власть ректора не получила расширенія. Безъ сомнѣнія, проектъ князя Голицына потерпѣлъ въ послѣднихъ инстанціяхъ существенныя измѣненія въ направленіи къ удержанію въ университетѣ прежняго устройства. Т. о., формальныя условія жизни Дерптскаго университета, поскольку они опредѣлялись новымъ уставомъ 4 іюня 1820 года, могли мало измѣниться сравнительно съ прошлымъ; въ концѣ перваго періода своего существованія университетъ, съ его собственной точки зрѣнія, чувствовалъ менѣе нужды въ новомъ уставѣ, нежели въ штатѣ, который, будучи дарованъ въ 1817 году, дѣйствительно далъ университету возможность развить свою внутреннюю дѣятельность до весьма значительныхъ размѣровъ. Впрочемъ, и тотъ и другой, т. е. и уставъ 1820 года и штатъ 1817 года, въ теченіе описываемаго періода потерпѣли рядъ измѣненій и дополненій, на которыхъ теперь необходимо нѣсколько остановиться.

Еще въ концѣ царствованія Александра I попечителемъ графомъ Ливеномъ получено было со стороны министра А. С. Шишкова, отъ 13 іюня 1825 года, циркулярное предложеніе передать на обсужденіе совѣта Дерптскаго университета вопросъ о томъ, въ какихъ измѣненіяхъ нуждаются дѣйствующіе уставъ и штатъ университета. Въ отвѣтъ на это послѣдовала обширная записка графа Ливена, отъ 9 сентября 1825 года, составленная на основаніи донесенія попечителю отъ совѣта: хотя университетъ „желалъ бы болѣе остаться при нынѣшнемъ устройствѣ, нежели просить о существенной перемѣнѣ онаго“, тѣмъ не менѣе по отдѣльнымъ частямъ выражены были нѣкоторыя пожеланія, которыя въ общемъ сводились къ усиленію матеріальныхъ средствъ, въ особенности на нужды различныхъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій, по хозяйственной части и по части стипендіальныхъ суммъ; всего испрашивалось на университетъ единовременно 77,700 р. сер. и ежегодная прибавка въ

35,447 р. сер. Со вступленіемъ на престолъ императора Николая I, учрежденъ былъ въ маѣ 1826 года особый „Комитетъ устройства учебныхъ заведеній“, который долженъ былъ заняться приведеніемъ къ единству всей системы учебныхъ заведеній въ имперіи отъ высшихъ до низшихъ, „съ допущеніемъ нужныхъ измѣненій по Дерптскому округу“. Въ этотъ комитетъ переданъ былъ и упомянутый отвѣтъ графа Ливена на запросъ А. С. Шишкова о Дерптскомъ университетѣ; для личныхъ разъясненій къ участію въ совѣщаніяхъ комитета по этому вопросу приглашенъ былъ Г. Ф. Парротъ, но выработанный такимъ образомъ планъ дополнительныхъ статей къ уставу и штату Дерптскаго университета и округа не былъ разсмотрѣнъ въ дальнѣйшихъ инстанціяхъ. Затѣмъ, 9 октября 1830 года въ составѣ названнаго комитета была образована комиссія, съ участіемъ М. А. Балугьянскаго и А. К. Шторха, „для разсмотрѣнія предположенныхъ улучшеній Дерптскаго университета и округа“, работавшая одновременно съ ранѣе уже (7 октября 1829 года) образованной комиссіей по устройству остальныхъ университетовъ. Комиссія по Дерптскому университету и округу дѣйствовала весьма медленно, и 15 сентября 1832 года въ помощь къ двумъ упомянутымъ ея членамъ назначенъ былъ графъ Строгановъ; въ работахъ ея принимали участіе также И. Ѳ. Крузенштернъ и министръ князь К. А. Ливенъ. Къ 13 декабря 1832 года эта комиссія закончила свои труды и выработала новый проектъ дополненій къ уставу и штату Дерптскаго университета и округа, а также и Правилъ для учащихся въ университетѣ; работы эти представлены княземъ Ливеномъ 16 марта 1833 года Государю. Въ это время на посту министра народнаго просвѣщенія князя Ливена замѣнилъ С. С. Уваровъ, который далъ дѣлу о Дерптскомъ университетѣ другое направленіе: въ докладѣ своемъ Государю отъ 29 марта 1833 года онъ предлагалъ подождать съ Дерптскимъ университетомъ впредь до сообразованія съ нуждами другихъ уни-

верситетовъ, особенно Петербургскаго и Московскаго, подготовительныя работы о которыхъ закончены были особой комиссіей еще въ августѣ 1832 года. Этотъ послѣдній вопросъ двинутъ былъ графомъ Уваровымъ въ первую очередь и привелъ къ высочайше утвержденному общему уставу русскихъ университетовъ 26 іюля 1835 года.

Между тѣмъ Дерптскій университетъ, котораго общій университетскій уставъ 1835 года не коснулся, снова обратилъ на себя вниманіе. Высочайшимъ указомъ 20 декабря 1835 года на министра народнаго просвѣщенія возложено было привести къ окончанію начатый вопросъ объ измѣненіяхъ и дополненіяхъ къ его уставу и штату, такъ какъ не только въ Дерптѣ, но и въ Петербургѣ преобладала мысль объ особомъ положеніи Дерптскаго университета и невозможности примѣненія къ нему цѣликомъ только что выработаннаго общаго университетскаго устава. Графъ Уваровъ, державшійся обратнаго взгляда, обратился поэтому къ только что назначенному въ Дерптъ попечителю Г. Б. Крафстрему, отъ 27 февраля 1836 года, съ предложеніемъ заняться этимъ вопросомъ и выработать такой планъ, который бы могъ „согласить учрежденіе Дерптскаго университета съ учрежденіемъ прочихъ университетовъ въ имперіи“ на основаніи устава 26 іюля 1835 года. Попечитель Крафстремъ обратился къ совѣту университета за сообщеніемъ его предложеній; выработанный совѣтомъ проектъ, съ замѣчаніями и особой запиской попечителя отъ 25 сентября 1836 года, былъ представленъ въ министерство. Работы совѣта и попечителя отправлялись на этотъ разъ не отъ устава Дерптскаго университета 1820 года, а отъ общаго университетскаго устава 1835 года, при чемъ имѣлось въ виду допустить отъ послѣдняго такія уклоненія для Дерптскаго университета, которыя „соотвѣтствуютъ его настоящимъ потребностямъ“. Уклоненія эти въ главныхъ чертахъ касались: оставленія за университетомъ внутренней судебной расправы, выбора ректора и декановъ только

на два года, предоставленія ректору надзора за нравственностью учащихся, выбора совѣтомъ чиновниковъ университетской библіотеки, присвоенія оберъ-педелю и ботаническому садовнику чина 14 класса, а механику и хирургическому инструментальному мастеру правъ классныхъ чиновниковъ, предоставленія выслужившимъ пенсіи заграничнымъ профессорамъ еще и квартирныхъ денегъ, пока живутъ въ Россіи, назначенія низшимъ служителямъ послѣ 25-лѣтней службы пожизненнаго пособія. Штатъ въ новомъ проектѣ составленъ былъ на основаніи новыхъ штатовъ С.-Петербургскаго и Московскаго университетовъ и стараго штата 1817 года. Въ этомъ же представленіи своемъ попечитель просилъ освободить Дерптскій университетъ отъ управленія училищами округа. Но въ Комитетѣ устройства учебныхъ заведеній, куда сданъ былъ этотъ вопросъ о Дерптскомъ университетѣ, онъ не получилъ дальнѣйшаго движенія, такъ какъ тамъ 9 апрѣля 1837 года объявлена была высочайшая воля, отъ 16 декабря 1836 года, о томъ, „чтобы Дерптскій университетъ и училища Дерптскаго округа оставить при прежнихъ ихъ уставахъ впредь до особаго повелѣнія“ [1]).

Такъ кончилась ничѣмъ эта длинная десятилѣтняя исторія попытокъ исправленія и дополненія устава Дерптскаго университета 1820 года и штата 1817 года, любопытная въ томъ отношеніи, что въ ней отразились явныя стремленія университета къ удержанію своихъ старыхъ правъ, противъ чего оказались безсильны и попечитель Крафстремъ и даже графъ Уваровъ. Конечно, отказываясь отъ примѣненія общаго устава 1835 года, Дерптскій университетъ тѣмъ самымъ заграждалъ себѣ путь и къ новому болѣе выгодному штату; но, какъ мы увидимъ, это послѣднее имѣло лишь временный характеръ, и, удержавъ старый уставъ, Дерптскій университетъ съумѣлъ получить въ 1842

1) Архивъ Департамента Народнаго Просвѣщенія, №№ 87816—2848. 64939—2435. 58138—2009.

году весьма значительную прибавку къ своимъ штатнымъ ассигнованіямъ, не говоря уже о крупныхъ сверхштатныхъ суммахъ, которыми, какъ мы видѣли, онъ надѣляемъ былъ весьма щедро въ попечительство и министерство князя К. А. Ливена.

Но, несмотря на неудачу общей мѣры примѣненія, въ томъ или иномъ видѣ, университетскаго устава 1835 года къ Дерптскому университету, къ послѣднему въ теченіе всего длиннаго періода его существованія до 1865 года обращенъ былъ цѣлый рядъ частныхъ мѣръ, относившихся то спеціально къ этому университету, то ко всѣмъ русскимъ университетамъ вмѣстѣ.

Прежде всего, надо отмѣтить, что новымъ уставомъ о цензурѣ 10 іюня 1826 года Дерптскій университетъ, подобно другимъ университетамъ имперіи, былъ освобожденъ отъ обязанностей, которыя составляли дѣятельность упраздненнаго теперь университетскаго Цензурнаго Комитета; вмѣсто послѣдняго, учрежденъ былъ особый Дерптскій цензурный комитетъ, подчиненный непосредственно попечителю округа; членами его были уже лица, не принадлежавшія къ университетской корпораціи. Согласно новому цензурному уставу (§§ 107—108), Дерптскій университетъ получилъ право разсматривать и одобрять къ напечатанію, безъ участія мѣстнаго Цензурнаго Комитета, лишь „рѣчи, ученыя разсужденія и всякаго рода другія сочиненія“, читанныя въ собраніяхъ университета и отъ его имени, а также выходящія отъ имени университета повременныя изданія.

20 января 1837 года распространено было на Дерптскій университетъ общее положеніе объ учебныхъ округахъ 25 іюня 1835 года. Этимъ самымъ упразднялась университетская Училищная Комиссія, и подлежавшій ея вѣдѣнію обширный кругъ дѣлъ переходилъ къ особо учрежденному совѣту при попечителѣ округа, въ составъ котораго изъ университетской корпораціи входилъ только одинъ ректоръ [1]).

---

1) Сборникъ постановленій, II. 1, ст. 1213.

Приняты были нѣкоторыя мѣры къ ограниченію самоуправленія въ университетѣ и къ закрѣпленію зависимости послѣдняго отъ высшей центральной власти.

Такъ, 16 декабря 1836 года состоялось высочайшее повелѣніе о примѣненіи къ Дерптскому университету § 80 общаго университетскаго устава 1835 года, по которому министру народнаго просвѣщенія предоставлялось, независимо отъ избранія совѣтомъ, назначать на вакантныя каѳедры по собственному усмотрѣнію „людей отличныхъ ученостію и даромъ преподаванія, съ требуемыми для того учеными степенями“ [1]).

По уставу 1820 года, въ Дерптскомъ университетѣ ректоръ и деканы избираемы были ежегодно, а проректоръ назначался на неопредѣленное время изъ числа профессоровъ самимъ ректоромъ и за личной отвѣтственностью послѣдняго, обыкновенно на случай его болѣзни или отсутствія. Такой порядокъ признанъ былъ неудобнымъ, и 28 октября 1841 года было повелѣно ректора, проректора и декановъ избирать, съ 1842 года, первыхъ двухъ въ совѣтѣ, а послѣднихъ въ факультетахъ, на четырехлѣтній срокъ, согласно порядку, указанному въ общемъ уставѣ 1835 года, при чемъ деканамъ присвоено было жалованье, вмѣсто прежняго 300 р. асс., 500 р. асс., какъ въ другихъ университетахъ [2]). Продолженіемъ этой мѣры было высочайшее повелѣніе 13 марта 1850 года о распространеніи на Дерптскій университетъ указа 11 октября 1849 года о новомъ порядкѣ назначенія ректора, которое отнынѣ должно было зависѣть исключительно отъ министра, причемъ ректоръ назначался на неопредѣленный срокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ освобождался отъ обязанности преподаванія по званію профессора: т. о., ректоромъ университета могло быть лицо и не принадлежащее къ профессорской корпораціи; вмѣстѣ съ этимъ жало-

1) Сборникъ постановленій, П. 1, ст. 1209, № 518.
2) Тамъ же, П. 2, ст. 283—288.

ванье ректору было положено изъ казны 2,200 р. сер., вмѣсто прежнихъ 285 р. 92 к., которыя составляли прибавочный ректорскій окладъ къ жалованью профессора [1]). 19 апрѣля 1851 года ректору дана была особая временная инструкція, имѣвшая цѣлію „усилить надзоръ за преподаваніемъ въ Дерптскомъ университетѣ"; 13 апрѣля слѣдующаго 1852 года эта инструкція была обращена въ постоянную а дополнена однимъ пунктомъ (§ 3), по которому ректоръ имѣлъ право требовать отъ декановъ содѣйствія себѣ по части надзора за университетскимъ преподаваніемъ; этотъ послѣдній пунктъ министръ находилъ „какъ совершенно согласный съ видами правительства и еще болѣе сближающій Дерптскій университетъ съ прочими университетами имперіи" [2]). 23 октября 1853 года министерствомъ предоставлено было экстраординарнымъ профессорамъ Дерптскаго университета право, примѣнительно къ общему университетскому уставу 1835 года, участвовать наравнѣ съ ординарными профессорами въ засѣданіяхъ факультетовъ и совѣта [3]).

Согласно предписанію министра народнаго просвѣщенія отъ 29 января 1836 года, выдача назначаемыхъ по штату на ученыя поѣздки суммъ, а также и на путевые расходы вызываемыхъ изъ-за границы профессоровъ, которая разрѣшалась прежде совѣтомъ, теперь поставлена въ зависимость отъ согласія министра народнаго просвѣщенія.

Усилена была также въ нѣкоторыхъ частяхъ и власть попечителя, которая, въ виду постояннаго пребыванія попечителей въ Петербургѣ, была весьма незначительной. Съ назначеніемъ Г. Б. Крафстрему жить въ Дерптѣ, послѣдовало отъ 20 декабря 1835 года высочайшее повелѣніе, чтобы рѣшенія университетскаго суда, въ силу нѣкоторыхъ

---

1) Сборникъ постановленій, II. 2, ст. 1156—1157.
2) Тамъ же, II. 2, ст. 1371—1375.
3) Сборникъ распоряженій, III. 163.

точно указанныхъ §§ дѣйствовавшихъ тогда въ университетѣ „Правилъ для учащихся“, приводились въ исполненіе не иначе, какъ съ согласія попечителя, тогда какъ раньше для этого достаточно было согласія ректора; точно также, безъ утвержденія попечителя не должны были производиться опредѣленія совѣта „объ исключеніи изъ списковъ студентовъ посредствомъ удаленія или изгнанія“ [1]); позднѣйшими „Правилами“ 1838 года указанное повелѣніе относительно опредѣленія университетскаго суда надъ студентами было подтверждено не только въ смыслѣ права попечителя утверждать или не утверждать послѣднія, но и увеличивать или уменьшать собственной властью мѣру наложеннаго судомъ наказанія. 17 января 1836 года пріемъ вновь въ университетъ исключенныхъ студентовъ предоставленъ былъ попечителю; „Правилами“ 1838 года распредѣленіе стипендій между студентами, зависѣвшее ранѣе исключительно отъ правленія университета, обусловлено было теперь согласіемъ попечителя; 18 января 1839 года попечитель предписалъ правленію университета, что при всякомъ случаѣ предоставленія университетскихъ помѣщеній для частныхъ надобностей должно быть испрошено разрѣшеніе попечителя, а предписаніями отъ того же 18 января и 11 ноября 1839 года попечитель требовалъ отъ ректора своевременнаго извѣщенія обо всѣхъ выдающихся происшествіяхъ въ университетѣ, особенно касательно поведенія студентовъ; эти послѣднія предписанія оказывались необходимыми, очевидно, потому, что предшествующая практика дѣйствовала въ обратномъ смыслѣ.

По учебной части уставъ 1820 года также подвергся нѣкоторымъ измѣненіямъ и дополненіямъ.

Въ 1850 году философскій факультетъ раздѣленъ былъ на два самостоятельныхъ факультета: историко-филоло-

1) Сборникъ постановленій, II. 1, ст. 1038.

гическій и физико-математическій, при чемъ въ составъ перваго вошли „классы“ философско-математическій и филологическо-историческій, а въ составъ второго — естественныхъ наукъ и технологико-экономическій [1]).

Въ составѣ каѳедръ на разныхъ факультетахъ произошли слѣдующія измѣненія. Въ 1829 году каѳедра экономіи, технологіи и гражданской архитектуры раздѣлена была на двѣ: каѳедру экономіи и технологіи и каѳедру архитектуры, съ опредѣленіемъ на первую ординарнаго, а на вторую экстраординарнаго профессора [2]). Въ 1830 году каѳедра военныхъ наукъ упразднена „какъ излишняя“ [3]), а находившееся при ней собраніе военныхъ моделей было частію распредѣлено между другими коллекціями университета, частію отослано въ Дворянскій Полкъ въ Петербургѣ. Въ 1848 году каѳедра архитектуры была упразднена, и въ замѣнъ того опредѣленъ при университетѣ „практическій архитекторъ для употребленія по постройкамъ и передѣлкамъ университетскихъ зданій и для преподаванія основныхъ началъ архитектуры“, съ жалованьемъ по 857 р. 80 к. сер. въ годъ [4]). Въ 1853 году учреждена была особая каѳедра русской исторіи, предметъ которой входилъ прежде въ составъ каѳедры всеобщей исторіи: „Профессоръ Крузе, занимающій каѳедру всеобщей исторіи — говорилось по этому поводу въ докладѣ министра — хотя совершенно благонадеженъ и ученъ, но незнакомъ съ нашимъ языкомъ. Таковое поверхностное преподаваніе нашей исторіи, не почерпаемое прямо изъ источниковъ и направленное съ точки зрѣнія нѣмецкой учености, въ землѣ, гдѣ преобладаніе русскаго элемента такъ важно, не должно, полагаю, долѣе оставаться въ этомъ неудовлетворительномъ положеніи; каѳедра русской исторіи въ Дерптскомъ университетѣ должна быть, какъ и

1) Сборникъ постановленій, II. 2. 1153.
2) Тамъ же, II. 1, ст. 288—289.
3) Тамъ же, II. 1, ст. 357.
4) Тамъ же, II. 2, ст. 973—974.

вездѣ, отдѣльною и занята кореннымъ русскимъ профессоромъ, вполнѣ оживленнымъ чувствами любви къ своему отечеству" [1]). Въ 1860 году учреждена была особая каѳедра общей патологіи и патологической анатоміи, входившая прежде въ составъ каѳедры физіологіи, патологіи и семіотики; необходимую на содержаніе по ней ординарнаго профессора сумму положено было получить отъ одновременнаго съ этимъ упраздненія манежа и должности учителя верховой ѣзды, а недостающіе 572 р. 43 к. сер. покрывать изъ остаточныхъ суммъ университета [2]). Кромѣ того, въ 1827 году при астрономической обсерваторіи учреждена была должность астронома-наблюдателя, съ жалованьемъ изъ казны по 600 р. сер. въ годъ [3]); въ 1833 году — должность помощника директора ботаническаго сада, съ жалованьемъ по 1000 р. асс. въ годъ изъ остаточныхъ суммъ университета [4]). Въ 1834 году учреждено было при каѳедрѣ экономіи и технологіи особое практическое учебное заведеніе сельскаго хозяйства на принадлежащей ландрату фонъ-Липгарту мызѣ Альткустгофъ, близъ Дерпта; на содержаніе этого заведенія положено было по 5000 р. асс. изъ казны [5]). Въ 1837 году отдѣлена была должность лектора русскаго языка при университетѣ отъ должности учителя того же языка въ Дерптской гимназіи, и необходимый ежегодный расходъ на эти должности 2,400 р. въ годъ положено было отнести на счетъ процентовъ съ общаго экономическаго капитала гражданскихъ учебныхъ заведеній [6]). Въ 1839 году разрѣшено имѣть при университетѣ до семи частныхъ преподавателей, съ приравненіемъ ихъ по правамъ службы къ адъюнктамъ прочихъ университетовъ и съ предоставленіемъ

1) Сборникъ постановленій, П. 2, ст. 1489—1490.
2) Тамъ же, Ш. 628—632.
3) Тамъ же, П. 1, ст. 60.
4) Тамъ же, П. 1, ст. 618—619.
5) Тамъ же, П. 1, ст. 715.
6) Тамъ же, П. 1, ст. 1282—1283.

имъ жалованья по 1200 р. въ годъ каждому; необходимыя на то средства отнесены были частію на положенные для этой цѣли въ штатѣ 2000 р., частію на экономическія суммы университета; въ этихъ частныхъ преподавателяхъ министерство видѣло разсадникъ будущихъ профессоровъ для Дерптскаго университета, въ виду все болѣе и болѣе возникавшей трудности вызова послѣднихъ изъ-за границы [1]). Въ 1841 году учреждена была должность помощника прозектора, съ жалованьемъ по 343 р. сер. изъ экономическихъ университетскихъ суммъ [2]).

Въ 1833 году опредѣлена особая сумма изъ казны 1000 р. сер. въ годъ на вознагражденіе православнаго законоучителя изъ мѣстнаго духовенства, а въ 1848 году назначенъ законоучитель римско-католическаго исповѣданія при университетѣ, съ отпускомъ такой же ежегодной суммы въ 1000 р. изъ казны [3]).

По должностямъ внѣ учебной сферы также произошли нѣкоторыя измѣненія сравнительно съ уставомъ 1820 и штатомъ 1817 года. Въ 1829 году учреждены были должности одного старшаго и двухъ младшихъ педелей, и необходимая на содержаніе ихъ сумма въ 2600 р. асс. въ годъ отнесена была на остаточныя суммы университета, а потомъ на казенныя средства [4]); въ 1834 году жалованье синдика увеличено на 1000 р. асс. въ годъ изъ общихъ суммъ университета [5]); въ 1835 году учреждена была должность бухгалтера при казначействѣ университета, и необходимая на то сумма 1500 р. въ годъ взята частію изъ бывшаго оклада секретарю Цензурнаго Комитета при университетѣ, частію изъ остаточныхъ суммъ университета [6]);

---

1) Сборникъ постановленій, П. 1, ст. 1527—1531.
2) Тамъ же, П. 2, ст. 266.
3) Тамъ же, П. 1, ст. 639—641; П. 2, ст. 974.
4) Тамъ же, П. 1, ст. 284.
5) Тамъ же, П. 1, ст. 823.
6) Тамъ же, П. 1, ст. 861.

въ 1839 году учреждена была должность архиваріуса съ жалованьемъ по 1000 р. асс. въ годъ изъ экономическихъ суммъ университета [1]; въ 1859 году должности проректора, предназначенной „для управленія студентами“, было присвоено добавочное къ профессорскому окладу жалованье по 400 р. сер. въ годъ изъ экономическихъ суммъ университета, и вмѣстѣ съ тѣмъ точнѣе опредѣлены его обязанности и способъ замѣщенія его въ случаѣ болѣзни или законнаго отсутствія; также возвышенъ окладъ штатнымъ частнымъ преподавателямъ университета до 500 р., а экзекутору и оберъ-педелю до 450 руб. сер. въ годъ каждому, съ отнесеніемъ заключающейся тутъ прибавки къ прежнимъ окладамъ на экономическія суммы университета. Рѣшеніе ввѣрить именно проректору, а не особому лицу въ видѣ инспектора, наблюденіе надъ поведеніемъ студентовъ, лежавшее прежде на ректорѣ университета, мотивируется тутъ тѣмъ, что ректоръ и безъ того „обремененъ многосложными административными заботами и при томъ, будучи предсѣдателемъ всѣхъ высшихъ инстанцій университетскаго управленія, сужденію коихъ подчинены дѣйствія студентовъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ, въ первой инстанціи, есть изслѣдователь ихъ проступковъ и судья“, а между тѣмъ „обязанности сіи могутъ быть съ пользою возложены лишь на профессора университета, избираемаго для этой цѣли, такъ какъ молодые люди, по чувствамъ, питаемымъ къ профессорамъ, болѣе убѣждены въ ихъ справедливости, охотнѣе принимаютъ ихъ наставленія и даже наказанія и вообще болѣе доступны ихъ нравственному вліянію“ [2]). Въ 1860 году упразднена была должность секретаря библіотеки, а вмѣсто нея учреждена должность особаго библіотекаря, которая ранѣе поручалась одному изъ профессоровъ, и на необходи-

1) Сборникъ постановленій, II. 1, ст. 1556.
2) Тамъ же, III. 384—391.

мое по этой должности вознагражденіе въ размѣрѣ 714 руб. 80 к. сер. въ годъ обращено было жалованье прежняго секретаря библіотеки [1]).

Наряду съ этими узаконеніями и распоряженіями, исходившими отъ высшей власти, умѣстно упомянуть здѣсь, что 19 марта 1836 года утверждена была попечителемъ Крафстремомъ особая „инструкція" для педелей, игравшихъ тогда немалую роль въ дѣлѣ наблюденія за поведеніемъ студентовъ. Согласно этой инструкціи, педель долженъ быть физически и морально здоровымъ человѣкомъ, отличаться твердымъ характеромъ, быть правдивымъ и честнымъ; при входѣ въ квартиру педеля, который имѣетъ въ своемъ вѣдѣніи извѣстный городской районъ, должна быть надпись, и входъ этотъ во всякое время долженъ быть доступенъ; педель подчиненъ старшему педелю или оберъ-педелю, у котораго находится списокъ всѣхъ студентовъ съ ихъ адресами; каждый педель ведетъ списокъ слугъ и служанокъ у студентовъ, живущихъ въ его районѣ; у педелей есть помощники, которые должны возможно чаще бывать на улицахъ ввѣренной имъ части не только днемъ, но и ночью, до 1 часа ночи; обо всемъ противозаконномъ со стороны студентовъ помощникъ педеля немедленно сообщаетъ своему педелю; педель имѣетъ право безпрепятственнаго входа въ каждую студенческую квартиру; оберъ-педель дѣлаетъ каждое утро ректору университета докладъ о томъ, что происходило касательно студентовъ наканунѣ, днемъ и ночью, основываясь главнымъ образомъ на донесеніяхъ педелей, вниманіе которыхъ должно быть устремлено преимущественно на Домскую гору, на разныя увеселительныя заведенія въ городѣ, а также и вообще на мѣста, гдѣ собираются студенты въ большомъ количествѣ; педели должны постоянно имѣть при себѣ экземпляръ студенческихъ правилъ и списокъ всѣхъ вывѣшенныхъ на

1) Сборникъ постановленій, III. 624.

„черной доскѣ“ объявленій; педель имѣетъ право требовать отъ студента, чтобы тотъ слѣдовалъ за нимъ къ ректору, и, въ случаѣ неповиновенія студента, послѣдній не можетъ претендовать, если его арестуютъ при содѣйствіи полицейской силы. Попечитель Крафстремъ, для поднятія авторитета оберъ-педеля и педелей среди студенчества, поддерживаемый въ этомъ случаѣ совѣтомъ университета, ходатайствовалъ о снабженіи ихъ форменной одеждою, со шпагой и треуголкой, но ходатайство это было отклонено министерствомъ народнаго просвѣщенія — кажется, изъ опасенія, что форма эта можетъ слишкомъ часто подвергаться оскорбленіямъ. 21 іюня 1836 года, по представленію университета, попечителемъ разрѣшено было содержаніе швейцара въ главномъ университетскомъ зданіи, съ жалованьемъ по 85 р. 71 коп. сер. въ годъ изъ экономическихъ суммъ университета, и 27 октября того же года была утверждена для него попечителемъ особая „инструкція“. По распоряженію попечителя, 19 января 1840 года, низшіе служители университета получили форменную одежду.

Изъ другихъ постановленій, пополняющихъ уставъ 1820 года, должно здѣсь упомянуть: подчиненіе Дерптскому университету окончившихъ въ немъ курсъ молодыхъ людей и остающихся затѣмъ въ Дерптѣ для приготовленія къ экзамену на ученыя степени [1]); болѣе подробное разъясненіе смысла §§ 68, 186 и 191 устава, касающихся опекунскихъ дѣлъ вдовъ и сиротъ умершихъ членовъ университета [2]); дозволеніе иностраннымъ профессорамъ безпошлинно выписывать или привозить изъ-за границы книги и учебныя пособія, не включая ихъ цѣнность въ тѣ 2000 р. сер., на которые иностранецъ-профессоръ имѣлъ право, какъ мы видѣли, привозить или выписывать изъ-за границы иму-

1) Сборникъ постановленій, II. 1, ст. 21.
2) Тамъ же, II. 1, ст. 143.

щества [1]); продленіе лѣтнихъ вакацій вмѣсто 22 іюля до 1 августа [2]).

Кромѣ нѣкоторыхъ изъ упомянутыхъ выше случаевъ, по поводу которыхъ университетскій штатъ 1817 года пополнялся новыми ежегодными ассигнованіями изъ казны, и къ которымъ должно отнести еще назначенную въ 1832 году ежегодную прибавку на содержаніе астрономической обсерваторіи въ 6000 р. асс. ежегодно [3]), слѣдуетъ здѣсь указать на рядъ другихъ казенныхъ ассигнованій, имѣвшихъ цѣлію увеличеніе стипендіальныхъ средствъ университета. Съ 1820 года учреждено было 40 стипендій для студентовъ медицинскаго факультета, которые должны были образовать т. наз. Медицинскій Институтъ, при чемъ на содержаніе каждаго студента полагалось по 750 р. асс., а общая ежегодная сумма расходовъ на это учрежденіе, имѣвшее цѣлію подготовку нужныхъ для государственной службы врачей, простиралась до 37,800 р. асс. [4]); въ 1823 году положено было отпускать изъ казны 1200 р. сер. въ годъ на шесть воспитанниковъ Литовскаго евангелическо-реформатскаго синода по 200 р. каждому, для приготовленія ихъ къ пасторской дѣятельности; двѣ изъ этихъ стипендій переданы были въ 1838 году въ Петербургскій университетъ, для содержанія двухъ воспитанниковъ упомянутаго синода, предназначенныхъ къ занятію въ Слуцкой гимназіи учительскихъ должностей [5]); въ 1827 году учреждено было 12 стипендій, по 200 р. сер. каждая, для молодыхъ людей евангелическаго исповѣданія, которые обяжутся, по окончаніи курса на богословскомъ факультетѣ, прослужить въ качествѣ пасторовъ не менѣе 4 лѣтъ „въ коллегіяхъ или во внутреннихъ россійскихъ губерніяхъ, также, буде потребуется,

---

1) Сборникъ постановленій, П. 1, ст. 269.
2) Тамъ же, Ш. 306.
3) Тамъ же, П. 1, ст. 473.
4) Тамъ же, I. 1305—1306.
5) Тамъ же, I. 1719—1720; П. 1, ст. 1316—1317.

въ польскихъ губерніяхъ" [1]); въ 1864 году учреждено было 30 стипендій, по 300 р. каждая, для приготовленія учителей въ западныя губерніи [2]).

Съ 1 января 1843 года, согласно высочайшему повелѣнію 19 октября 1842 года, Дерптскій университетъ получилъ крупную прибавку къ своимъ штатнымъ средствамъ, въ размѣрѣ 23,370 р. сер. въ годъ. Въ эту сумму вошли нѣкоторые расходы по учрежденнымъ ранѣе того должностямъ, для оплаты которыхъ источникомъ служили ранѣе экономическія суммы университета; т. о., послѣднія получили на будущее время значительное облегченіе. Но кромѣ того, на медицинскомъ факультетѣ учреждены три новыхъ ординарныхъ профессуры, по хирургіи, терапіи и государственному врачебновѣдѣнію, должность ученаго аптекаря (съ жалованьемъ въ 714 р. сер.) и его помощника (200 р.), помощника прозектора (343 р.), трехъ клиническихъ ассистентовъ (по 200 р.); увеличено содержаніе двухъ клиникъ и Повивальнаго Института съ аптекой (на 2000 р.), кабинетовъ патологической анатоміи (на 143 р.) и физіологической анатоміи (на 285 р.); устроена больница для студентовъ (714 р.); кромѣ того, учреждены Фармацевтическій Институтъ, съ отдѣльнымъ профессоромъ фармаціи, его лаборантомъ (343 р.) и соотвѣтствующимъ количествомъ нужныхъ принадлежностей и приспособленій (1000 р.); при немъ назначено пять стипендій, по 150 р. сер. въ годъ каждая, для тѣхъ воспитанниковъ этого Института, которые обяжутся по окончаніи въ немъ курса прослужить, по назначенію начальства, шесть лѣтъ по фармацевтической части въ военномъ или гражданскомъ вѣдомствѣ [3]). По

1) Сборникъ постановленій, II. 1, ст. 65—68; III. 60—61.

2) Тамъ же, III. 1281—1282.

3) Достойно упоминанія, что когда учреждена была особая каѳедра фармаціи, то возникъ вопросъ, къ какому факультету долженъ принадлежать ея представитель, такъ какъ преподаваніе этого предмета до того времени производилось безъ особаго плана и не

юридическому факультету учреждена была вторая, ординарная, профессура „россійскаго права“, которая однако же въ 1863 году переименована была въ каѳедру юридической практики, съ отнесеніемъ къ ней чтенія нѣкоторыхъ частей мѣстнаго права Прибалтійскихъ губерній; а по философскому — двѣ новыхъ ординарныхъ профессуры: „прикладной математики“ и „зоологіи и сравнительной анатоміи“, и, кромѣ того, отпущены средства на добавочное содержаніе зоологическаго музея (228 р.) и на содержаніе вновь учрежденнаго кабинета сравнительной анатоміи (285 р.), а также положена особая должность общаго консерватора обоихъ этихъ учрежденій (300 р.). Кромѣ того, вообще по университету учреждена особая должность секретаря Правленія (430 р.), экзекутора (343 р.), и сдѣлана прибавка на библіотеку въ 300 р.[1]). Въ связи съ прибавкой къ штату 1842 года находится и основаніе при университетѣ, по мысли проф. Крузе, „Музея отечественныхъ (т. е. Прибалтійскихъ) древностей“, на содержаніе котораго положено, съ разрѣшенія министерства отъ 23 апрѣля 1843 года, 100 р. сер. ежегодно изъ спеціальныхъ средствъ университета.

„Правила“ для учащихся въ Дерптскомъ университетѣ 1803 года, составленныя одновременно съ уставомъ и штатомъ того же года, оказались живучѣе послѣднихъ. Послѣ введенія въ силу устава 1820 года, они продолжали дѣйствовать еще цѣлыхъ 14 лѣтъ. Правда, нѣкоторые недо-

---

принадлежало къ медицинскому факультету формально, хотя этому факультету и предоставлено было производить испытанія и присуждать степени по фармаціи; министръ народнаго просвѣщенія, отъ 17 декабря 1843 года, рѣшилъ этотъ вопросъ въ пользу медицинскаго факультета, при чемъ было разъяснено, что профессоръ фармаціи, какъ полноправный членъ факультета, можетъ быть избираемъ во всѣ факультетскія должности, но лишь при условіи обладанія степенью доктора медицины; въ противномъ же случаѣ, его участіе въ дѣлахъ факультета ограничивается вопросами, входящими въ кругъ его каѳедры.

1) Сборникъ постановленій, II. 2, ст. 366; Штаты и приложенія, стр. 19—20.

статки и неполнота Правилъ 1803 года, обнаружившіяся на практикѣ, побудили, какъ мы видѣли, князя А. Н. Голицына въ 1819 году внести въ комитетъ министровъ проектъ необходимыхъ къ нимъ дополненій и измѣненій; но тогда, при утвержденіи устава 1820 года, окончательное разсмотрѣніе и утвержденіе Правилъ было отложено; позднѣе, въ 1832 году, особая комиссія при Комитетѣ устройства учебныхъ заведеній опять занималась этимъ вопросомъ, и въ 1833 году проектъ новыхъ Правилъ былъ представленъ, вмѣстѣ съ проектомъ дополненій къ уставу 1820 года и штату 1817 года, княземъ К. А. Ливеномъ Государю на утвержденіе; упомянутая комиссія приглашала для обсужденія этихъ Правилъ тогдашняго ректора Дерптскаго университета Фр. Паррота. Проектъ измѣненій и дополненій къ уставу и штату, какъ мы знаемъ, был ъзадержанъ новымъ министромъ С. С. Уверовымъ; быть можетъ, эта же участь ожидала и Правила, если бы въ ноябрѣ 1833 года не сдѣлалось случайно извѣстнымъ существованіе между дерптскими студентами тайнаго общества „Burschenschaft“, что дало рѣшительный толчокъ окончанію вопроса о Правилахъ. Для этой цѣли вытребованъ былъ въ Петербургъ изъ Дерпта тогдашній ректоръ I. X. Мойеръ, при участіи котораго и по предварительномъ сношеніи министра Уварова съ графомъ Бенкендорфомъ Правила были вновь разсмотрѣны и 21 февраля 1834 года утверждены Государемъ, въ видѣ опыта, на трехлѣтній срокъ. Въ этомъ видѣ они состояли изъ 10 главъ, заключавшихъ въ себѣ всего 164 §§[1]). Въ 1837 году къ нимъ было сдѣлано дополненіе, что, въ виду особенно часто повторявшихся въ то время между студентами дуэлей и излишней продолжительности въ такихъ случаяхъ обыкновеннаго уголовнаго судопроизводства, повелѣно было предавать виновныхъ, вмѣсто судебныхъ учрежденій гражданскаго вѣдомства,

---

1) Сборникъ постановленій, П. 1, ст. 718—745.

военному суду при рижскомъ Ордонансъ-Гаузѣ [1]). Просуществовавъ, въ видѣ временной мѣры, нѣсколько болѣе положеннаго срока, Правила эти, послѣ незначительныхъ измѣненій, были высочайше утверждены 4 іюня 1838 года и въ этомъ видѣ дѣйствовали въ теченіе всего описываемаго періода жизни Дерптскаго университета.

Мы должны дать тутъ краткую ихъ [2]) характеристику.

Правила 1838 года состоятъ изъ 10 главъ и 154 §§. По сравненію съ Правилами 1803 года, они представляютъ существенную разницу. Въ нихъ совсѣмъ нѣтъ введенія общаго характера послѣднихъ; содержаніе Правилъ 1803 года, умѣщенное въ 6 главахъ, значительно измѣнено и расширено въ новыхъ Правилахъ, касавшихся въ общемъ тѣхъ же вопросовъ: I глава новыхъ правилъ соотвѣтствуетъ въ общемъ первой и пятой старыхъ, VI — третьей, VII — четвертой, VIII — второй, IX и X — шестой, но въ гораздо болѣе полномъ видѣ; главы II, III, IV и V являются въ Правилахъ 1838 года почти совершенно новыми или подробнымъ развитіемъ вопросовъ, едва затронутыхъ въ Правилахъ 1803 года.

I глава трактуетъ „о вступленіи въ университетъ и выходѣ изъ онаго" (§§ 1—14): изъ нея видно, что „поступающіе въ университетъ обязаны выдержать испытаніе во всѣхъ предметахъ гимназическаго курса, по предназначающіе себя наукамъ математическимъ, дипломатическимъ, камеральнымъ и сельскаго хозяйства могутъ быть освобождены отъ испытанія въ греческомъ языкѣ"; что касается перехода изъ другихъ университетовъ въ Дерптскій, то „обучавшійся въ одномъ изъ прочихъ россійскихъ университетовъ принимается безъ экзамена, если только причины, побудившія его оставить университетъ, въ коемъ прежде обучался, будутъ уважены попечителемъ, и если представитъ одобрительныя свидѣтельства отъ того университета; сту-

1) Сборникъ постановленій, П. 1, ст. 1286—1288.
2) Тамъ же, П. 1, ст. 1348—1374.

денты же и воспитанники медико-хирургическихъ академій принимаются въ Дерптскій университетъ не иначе, какъ по испытанію“ (§ 3); при пріемѣ въ университетъ, каждый студентъ получаетъ „матрикулъ“, за который вносится 6 р. сер. (§ 6); студентъ, оставляющій университетъ до окончанія курса, не можетъ оставаться въ Дерптѣ, если не принадлежитъ къ числу постоянныхъ дерптскихъ жителей и не имѣетъ въ этомъ городѣ родныхъ (§ 13). Во II главѣ (§§ 15—31) сообщаются свѣдѣнія „объ университетскомъ преподаваніи“. Продолжительность обученія на медицинскомъ факультетѣ положена 5 лѣтъ, а на всѣхъ остальныхъ — 4 года (§ 16); гонораръ въ пользу профессоровъ и преподавателей положенъ за два недѣльныхъ часа 5 р., за три и четыре — 10 р., а за пять и болѣе — 15 р. (§ 17); если слушающихъ „публичныя лекціи“ по какому-нибудь предмету окажется менѣе шести человѣкъ, то профессоръ можетъ и не читать объявленнаго имъ курса (§ 20); въ выборѣ курсовъ студенту предоставлена свобода, и списокъ намѣченныхъ имъ лекцій только представляется „одному изъ профессоровъ факультета и утверждается подписью послѣдняго, въ удостовѣреніе, что сдѣланный выборъ приличенъ и достаточенъ“ (§ 30). III глава, „о коллекціяхъ“ (§§ 32—44), посвящена правиламъ пользованія библіотекой, ботаническимъ садомъ и другими учебно-вспомогательными учрежденіями университета. Въ IV главѣ (§§ 45—59) даются свѣдѣнія объ учрежденныхъ при университетѣ для студентовъ „пособіяхъ и наградахъ“. V глава (§§ 60—65) трактуетъ „о студенческихъ обществахъ“; ею запрещается студентамъ заводить „всякаго рода тайныя сборища и общества“ (§ 60), но разрѣшаются „общества, имѣющія ученую цѣль“; они, съ разрѣшенія ректора и утвержденія попечителя, „учреждаются между студентами по факультетамъ, состоя подъ наблюденіемъ и управленіемъ избранныхъ для того профессоровъ“ (§ 61). Въ VI главѣ (§§ 66—78) говорится о долговыхъ „обязательствахъ студентовъ“. VII глава

(§§ 79—95) трактуетъ „объ университетскихъ наказаніяхъ" для студентовъ, которыхъ положено шесть: выговоръ ректора, заключеніе въ карцеръ до трехъ дней, выговоръ университетскаго суда, заключеніе въ карцеръ свыше трехъ дней, исключеніе изъ списка студентовъ, удаленіе (consilium abeundi) и изгнаніе (relegatio) (§ 79). Въ VIII главѣ (§§ 96—123), „о приложеніи наказаній къ преступленіямъ", предусмотрѣны главнѣйшіе виды студенческихъ проступковъ того времени, съ примѣненіемъ къ нимъ соотвѣтствующихъ наказаній: „непристойность при богослуженіи и совершеніи благочестивыхъ обрядовъ", „оскорбленіе лицъ, которыя наблюдаютъ за исполненіемъ законовъ", „оскорбленіе частныхъ лицъ", „обиды женскому полу", „выбитіе оконъ", „упорное и противное добрымъ правамъ любопытство подлѣ мѣста частнаго или общественнаго празднества", „употребленіе крѣпкихъ напитковъ", „крикъ, шумъ, пѣніе и другія на улицѣ непристойности", „выставка въ публичныхъ мѣстахъ непозволительнаго содержанія писемъ и надписей", „непозволительное обращеніе съ женскимъ поломъ", „обольщеніе дѣвицы безпорочнаго поведенія" (§§ 96—110); кромѣ того, конечно, запрещены дуэли (§ 116), студенческія сборища въ домѣ или на улицѣ (§ 117), выходъ безъ форменной одежды на улицу или въ какое-нибудь общественное мѣсто (§ 119), „безчестное исключеніе студентами товарища ихъ изъ своего сообщества" (§ 121). Въ IX главѣ (§§ 124—143) изложено „судопроизводство университета въ отношеніи къ студентамъ". X глава (§§ 144—154) даетъ, наконецъ, свѣдѣнія „объ испытаніи и пріобрѣтеніи ученыхъ степеней", которыхъ тутъ положено три: кандидата, магистра и доктора по факультетамъ богословскому, физико-математическому, историко-филологическому и юридическому, при чемъ узаконено, что магистерская степень не можетъ быть пріобрѣтена ранѣе года по полученіи кандидатской, а докторская не ранѣе года послѣ магистерской (§ 150). Для медицинскихъ же ученыхъ степеней примѣнены къ Дерпт-

скому университету общія „Правила“ 28 декабря 1838 года, съ нѣкоторыми незначительными для Дерпта отклоненіями [1]); эти послѣднія замѣнены были новыми, утвержденными 18 декабря 1845 года.

Въ періодъ до 1865 года „Правила“ 1838 года подверглись нѣкоторымъ измѣненіямъ и дополненіямъ, наряду съ которыми умѣстно будетъ упомянуть здѣсь и о другихъ общихъ распоряженіяхъ, касавшихся дерптскаго студенчества.

Въ дополненіе и поясненіе § 116 Правилъ, повелѣно было 4 октября 1838 года, что „по дѣламъ о поединкахъ между студентами производится университетскимъ судомъ, сверхъ предоставленнаго ему по уголовнымъ дѣламъ предварительнаго или общаго изслѣдованія, и частное или формальное, на основаніи общихъ россійскихъ, а не мѣстныхъ лифляндскихъ законовъ“ [2]). Въ 1839 году подробно разъясненъ былъ особымъ высочайшимъ повелѣніемъ § 13 Правилъ, касавшійся пребыванія въ Дерптѣ тѣхъ студентовъ, которые оставили университетъ до полнаго окончанія курса; согласно этому разъясненію, такіе студенты, если они не принадлежатъ къ мѣстнымъ дерптскимъ жителямъ и не имѣютъ въ этомъ городѣ родныхъ, должны выѣхать изъ Дерпта въ теченіе двухъ недѣль по оставленіи ими университета; тѣ студенты, которые подверглись исключенію изъ университета, должны черезъ 24 часа по объявленіи имъ приговора суда оставить городъ и на слѣдующій день быть за границею Дерптскаго уѣзда, если только за долги не окажутся подъ полицейской стражей; сыновья же дерптскихъ жителей, по оставленіи университета или исключеніи изъ него, хотя и не высылаются изъ города, но поручаются на три года особому надзору полиціи и не могутъ „имѣть съ прежними своими товарищами ни письменнаго, ни словеснаго общенія“; мѣры эти въ своемъ докладѣ министръ мотивировалъ необходимостью „предупре-

1) Сборникъ постановленій, II. 1, ст. 1437—1458.
2) Тамъ же, II. 1, ст. 1411.

дить безпорядки, могущіе произойти отъ накопленія въ семъ городѣ большого числа молодыхъ людей, перестающихъ быть въ зависимости отъ университетскаго начальства и не имѣющихъ никакого занятія"[1]). Въ 1843 году состоялось опредѣленіе Правительствующаго Сената по возбужденному министромъ народнаго просвѣщенія вопросу о роли полицейскихъ депутатовъ по дѣламъ университетскаго суда, когда въ послѣднемъ обсуждаются проступки студентовъ, а равно и университетскихъ депутатовъ при слѣдствіяхъ городской и земской полиціи въ Дерптѣ по дѣламъ студентовъ или другихъ принадлежащихъ къ университету лицъ: роль тѣхъ и другихъ депутатовъ признана лишь наблюдательной[2]). Въ 1847 году § 4 Правилъ видоизмѣненъ былъ новыми общими „Правилами допущенія къ слушанію университетскихъ лекцій" въ томъ смыслѣ, что въ число вольныхъ слушателей могутъ поступать не только „чиновники", но и „лица всѣхъ свободныхъ состояній"[3]). Въ 1849 году, когда состоялось высочайшее повелѣніе объ ограниченіи числа студентовъ въ каждомъ университетѣ 300 человѣкъ, для Дерптскаго университета, вслѣдствіе представленія генералъ-губернатора князя Суворова, упомянутое повелѣніе видоизмѣнено было въ томъ смыслѣ, чтобы на медицинскомъ и богословскомъ факультетахъ число студентовъ было неограничено; для прочихъ же факультетовъ, взятыхъ вмѣстѣ, Государь нашелъ число 300 вполнѣ достаточнымъ, „полагая полезнѣе, чтобы дѣти благороднаго сословія искали преимущественно, какъ потомки древняго рыцарства, службы военной передъ службою гражданской; на сей конецъ имъ открыта возможность поступать въ военно-учебныя заведенія или же прямо въ ряды войскъ, для чего и университетское образованіе не есть необходимость"[4]).

1) Сборникъ постановленій, П. 1, ст. 1470—1476.
2) Тамъ же, П. 2, ст. 401—402.
3) Тамъ же, П. 2, ст. 862—866.
4) Тамъ же, П. 2, ст. 1101—1102.

Въ 1849 же году разъясненъ былъ § 9 Правилъ, о срокѣ имматрикуляціи и возобновленія ея [1]). Когда въ 1850 году принята была мѣра, съ цѣлію ограниченія числа студентовъ въ университетахъ, состоявшая въ томъ, что доступъ въ въ университеты предоставленъ былъ преимущественно лицамъ привилегированныхъ сословій, то правило это примѣнено было въ томъ же году особой высочайшей резолюціей и къ Дерптскому университету [2]). Съ новымъ царствованіемъ, прежняя ограничительная система была отмѣнена, и, въ виду „общаго стремленія нашего юношества къ высшему образованію“, а также „настоятельной надобности большаго распространенія“ послѣдняго, снова разрѣшено было въ 1855 году принимать въ университеты, неограниченное число студентовъ, съ примѣненіемъ этой мѣры и къ Дерптскому университету [3]). Въ 1858 году Дерптскимъ студентамъ, наряду со студентами другихъ университетовъ, запрещено „публично изъявлять профессорамъ знаки своего одобренія или порицанія, составлять между собою сборища и дѣлать разнаго рода демонстраціи“ [4]). Въ январѣ 1860 года, когда студентамъ университетовъ предоставлено было право носить партикулярную одежду внѣ зданій университета, мѣра эта сначала не коснулась Дерптскаго университета „по несуществованію въономъ причинъ къ измѣненію настоящаго порядка надзора за учащимися“, но затѣмъ, въ апрѣлѣ того же года, упомянутое право даровано было и дерптскимъ студентамъ [5]); въ іюлѣ 1861 года форменная одежда для студентовъ всѣхъ университетовъ была совершенно упразднена [6]).

Указанныя измѣненія и дополненія кое въ чемъ измѣнили первоначальный видъ „Правилъ“ для учащихся Дерптскаго

---

1) Сборникъ постановленій, II. 2, ст. 1129—1130.
2) Тамъ же, II. 1, ст. 1157—1158.
3) Тамъ же, III. 64.
4) Тамъ же, III. 365—366.
5) Тамъ же, III. 568—569.
6) Тамъ же, III. 741.

университета 1838 года. Отчасти въ виду этого, отчасти же по соображенію съ духомъ времени, признано было въ 1862 году своевременнымъ приступить къ выработкѣ проекта новыхъ Правилъ, которыя бы сравнительно со старыми представляли собою „необходимыя измѣненія, соотвѣтственныя воспослѣдовавшимъ по настоящее время распоряженіямъ и согласно съ общими законами государства“ [1]). Осуществленіе этихъ предположеній послѣдовало уже въ третій періодъ существованія университета.

Такимъ образомъ, разсмотрѣнныя дополненія и измѣненія штата 1817 года, устава 1820 года и Правилъ для учащихся 1838 года, которыми направлялось и регулировалось теченіе жизни Дерптскаго университета во второй періодъ его существованія, отразили на себѣ тѣ же колебанія въ настроеніи высшей правительственной власти къ университетамъ, которыя испытали на себѣ и другія высшія учебныя заведенія въ Россіи; въ этомъ отношеніи Дерптскій университетъ шелъ большею частію одной дорогой съ другими русскими университетами, хотя и тутъ, какъ мы видѣли, дѣло не обходилось безъ исключеній. Но не то было въ его внутренней жизни, шедшей, въ силу различныхъ условій и обстоятельствъ, своимъ особымъ путемъ, который привелъ Дерптскій университетъ въ концѣ описываемаго періода къ полному разобщенію его съ остальными разсадниками высшаго образованія въ имперіи.

3.

Перемѣны въ личномъ составѣ университетской администраціи: ректоры и проректоры. — Способы замѣщенія вакантныхъ каѳедръ иностранными и мѣстными кандидатами. — Личный составъ каѳедръ по факультетамъ. — Каѳедра православнаго богословія. — Преподаваніе богословія римско-католическаго.

---

1) Сборникъ постановленій, III. 945—946.

Переходимъ теперь къ изложенію перемѣнъ въ личномъ составѣ какъ ректоровъ и проректоровъ университета, такъ и профессорскаго и преподавательскаго персонала.

Выше было уже отмѣчено (стр. 332), что съ 1 августа 1818 года въ теченіе цѣлыхъ 12 лѣтъ, по день своей смерти 8 ноября 1830 года, ректоромъ университета ежегодно выбираемъ былъ профессоръ русской исторіи, а потомъ положительнаго государственнаго народнаго права и политики Густавъ Эверсъ, ректорство котораго, въ связи съ попечительствомъ князя Ливена, совпало и въ значительной степени обусловило собою блестящую пору дѣятельности Дерптскаго университета въ разныхъ отношеніяхъ. Къ тому, что было высказано нами о личности и дѣятельности Эверса, какъ ректора, прибавимъ здѣсь указаніе на двѣ безусловно сочувственныя ему характеристики, принадлежавшія двумъ его коллегамъ, профессорамъ Сарторіусу и Фр. Парроту; впрочемъ, обѣ эти характеристики явились при обстоятельствахъ, не допускавшихъ строгой критики: первая — какъ надгробная рѣчь при похоронахъ Эверса [1]), а вторая — какъ торжественная офиціальная рѣчь новаго ректора, на кандидатуру котораго указалъ самымъ выразительнымъ образомъ совѣту, уже лежа на смертномъ одрѣ, самъ Эверсъ [2]). Обѣ рѣчи, заключая въ себѣ интересный матеріалъ для оцѣнки Эверса, какъ ректора и какъ человѣка, являются вмѣстѣ съ тѣмъ выраженіемъ тѣхъ симпатій, которыя несомнѣнно съумѣлъ внушить Эверсъ многимъ изъ своихъ товарищей, пользуясь среди нихъ въ теченіе столь долгаго времени неизмѣннымъ довѣріемъ и авторитетомъ по своей преданности интересамъ университета, стойкому характеру, энергіи, спокойствію и выдержкѣ въ обращеніи съ людьми; за-

---

1) Fr. Busch. Der Fürst Karl Lieven, стр. 89—94.

2) Festrede am Krönungstage S. K. M. des Selbstherrschers aller Reussen Nicolai Pawlowitsch. Den 22 Aug. 1831 im akademischen Hörsaale gehalten vom d. z. Rector der Universität, Prof. Fr. Parrot. Dorpat 1831, стр. 7—36.

служиваетъ быть отмѣченнымъ, какъ любопытная черта времени, что тогдашній профессоръ ботаники Ледебуръ называлъ именемъ Эверса одно изъ впервые открытыхъ имъ растеній, равно какъ другому подобному же растенію усвоилъ онъ имя попечителя Ливена [1]). Эверсъ пользовался уваженіемъ не однихъ только товарищей, но и студентовъ; въ отношеніяхъ къ послѣднимъ онъ является безспорно весьма типичнымъ для своего времени университетскимъ администраторомъ, смотрѣвшимъ на молодежь весьма патріархально и порою до крайности снисходительно относившимся къ ея проступкамъ; отзвукомъ тогдашнихъ отношеній студентовъ къ Эверсу являются, между прочимъ, воспоминанія о немъ бывшаго въ то время студентомъ Эмиля Андерса [2]). Достойно замѣчанія, что, посвятивши Дерптскому университету лучшія свои силы, Эверсъ случайнымъ образомъ и умеръ въ т. наз. „старомъ университетскомъ зданіи", въ квартирѣ, предназначенной попечителю на случай его пріѣздовъ въ Дерптъ: здѣсь онъ принялъ, за три дня до смерти, депутацію университетскаго совѣта съ извѣщеніемъ о послѣдовавшемъ 13-мъ избраніи его на должность ректора, отъ котораго на этотъ разъ онъ уже долженъ былъ отказаться [3]).

На ректорскомъ посту, послѣ Эверса, въ описываемый періодъ были: профессоръ физики Фр. Парротъ, выбранный три раза сряду (1831—1833), профессоръ хирургіи I. Хр. Мойеръ (1834—1835), профессоръ древнеклассической филологіи Х. Ф. Нейе (1836—1838), профессоръ практическаго богословія К. Хр. Ульманъ (1839—1841), профессоръ физіологіи, патологіи и семіотики А. В. Фолькманъ (1841—1842). Съ 1842 года, какъ мы видѣли, повелѣно было избирать ректора на четырехлѣтній срокъ, и такимъ былъ дважды избранный Х. Ф. Нейе

1) Busch, назв. соч., стр. 171.
2) Baltische Monatsschrift, B. XXXIX. 1892, стр. 285.
3) Busch, назв. соч., стр. 123.

(со 2 дек. 1842 по 1 янв. 1851). Затѣмъ, по назначенію отъ правительства, ректоромъ былъ директоръ училищъ Лифляндской губерніи и особый рижскій цензоръ Э. Гафнеръ (съ 1 янв. 1851 по 31 дек. 1857). Это было весьма достойный уваженія, по своимъ нравственнымъ качествамъ, человѣкъ, но положеніе его въ университетской средѣ, какъ главы университета и не-профессора, было очень затруднительно: „дѣйствительно — писалъ по поводу его предстоявшей отставки попечитель фонъ-Брадке министру А. С. Норову, 9 октября 1857 года — трудно и почти невозможно, чтобы въ званіи ректора не-профессоръ могъ дѣйствовать успѣшно“ [1]). Преемникомъ ему назначенъ былъ профессоръ физіологіи Фр. Биддеръ (съ 1 января 1858 по 5 февраля 1865), при чемъ попечитель совѣщался предварительно объ этомъ кандидатѣ съ профессорами черезъ посредство декановъ, а на второе четырехлѣтіе онъ уже былъ формально избранъ совѣтомъ, по возвращеніи этого права университетамъ въ 1861 году [2]).

Проректоромъ два раза избранъ былъ, на четырехлѣтній срокъ, профессоръ хирургіи Георгъ фонъ-Эттингенъ (1859—1866).

Въ вопросѣ о замѣщеніи свободныхъ каѳедръ на разныхъ факультетахъ Дерптскій университетъ нерѣдко переживалъ въ описываемый періодъ критическіе моменты. Одной изъ первыхъ задачъ графа Ливена при вступленіи на постъ попечителя было именно скорѣйшее замѣщеніе каѳедръ наиболѣе достойными кандидатами. „Сильнѣйшее мое желаніе — писалъ онъ Парроту 26 февраля 1818 года — замѣщать вакантныя каѳедры какъ можно скорѣе, если только имѣются дѣйствительно достойные кандидаты“ [3]); но особенное вниманіе обращено было имъ на богословскій

1) „Къ исторіи министерства народнаго просвѣщенія. Бумаги А. С. Норова. 1857“, въ Русскомъ Архивѣ, 1888, № 9, стр. 157.
2) Сборникъ постановленій, III. 734.
3) Baltische Monatsschrift, B. XLII. 1895, стр. 200—201.

факультетъ, освобожденіе котораго отъ сторонниковъ раціоналистическаго направленія считалъ онъ неотложнымъ „дѣломъ совѣсти"; объ этомъ онъ постоянно упоминалъ въ письмахъ къ Парроту и Эверсу [1]), а устно высказывался о томъ и другомъ, напр., проф. Дабелову [2]); измѣненіе въ составѣ богословскаго факультета было именно тѣмъ дѣломъ, въ которомъ князь Ливенъ обнаружилъ, какъ попечитель, наибольшую энергію и настойчивость. Изъ послѣдующихъ попечителей вопросомъ о замѣщеніи каѳедръ особенно интересовался Г. Б. Крафстремъ, дѣйствуя тутъ, конечно, по указанію С. С. Уварова. Интересны въ этомъ отношеніи нѣкоторыя письма его къ графу Уварову. „Избраніе преподавателей — пишетъ онъ 3 апрѣля 1840 года — на вакантныя каѳедры было всегда сопряжено въ Дерптскомъ университетѣ съ разными затрудненіями, происходящими частію отъ различія мнѣній, частію же отъ личныхъ и пристрастныхъ видовъ членовъ совѣта; оттого нерѣдко лица, которыя съ пользою могли занимать мѣста преподавателей, не были къ тому допущены, за неимѣніемъ при выборѣ достаточнаго числа голосовъ"; такимъ образомъ, происходили проволочки и значительная потеря времени, особенно при выборѣ заграничныхъ кандидатовъ: „цѣль — писалъ въ томъ же письмѣ Крафстремъ — клонится къ тому, чтобы сколь возможно болѣе представить преградъ вызовамъ изъ чужихъ краевъ преподавателей и стараться замѣщать ихъ уроженцами здѣшняго края, что, по мнѣнію моему, въ нынѣшнее время будетъ еще весьма неблагопріятно для университета и усилитъ такъ называемую партію патріотовъ и попечителей національности въ Остзейскихъ губерніяхъ, каковыя усилія передадутся и будущему поколѣнію". Въ другомъ своемъ письмѣ къ С. С. Уварову попечитель Краф-

---

1) Busch, назв. соч., стр. 161. 163. 164. 166; Baltische Monatsschrift, B. XLII. 1895, стр. 271—273. 425—428.

2) Erinnerungen des Bibliothekars Emil Anders, въ Baltische Monatsschrift, B. XXXIX. 1892, стр. 217.

стремъ касается еще одной неблагопріятной стороны избранія тогдашнихъ преподавателей въ университетѣ: „(стараются) при нынѣшнихъ вакантныхъ каѳедрахъ — писалъ онъ 17 октября 1841 года — не избирать преподавателей, которые извѣстны учеными изысканіями своими и обратили уже на себя вниманіе; напротивъ, стараются избирать такихъ, которые по родственнымъ связямъ состоятъ въ нѣкоторыхъ сношеніяхъ съ университетомъ или раздѣляютъ тѣ же мнѣнія, которымъ они сами подчинены; число же профессоровъ, которые безпристрастно пекутся о пользѣ университета и желаютъ ему истиннаго добра и процвѣтанія, малочисленно въ сравненіи съ противною партіей; потому голоса основательности и благоразумія при общихъ совѣщаніяхъ бываютъ устранены“. Въ письмѣ отъ 10 марта 1842 года Крафстремъ рекомендовалъ С. С. Уварову, во избѣжаніе указанныхъ нежелательныхъ явленій, передать право выбора профессоровъ всецѣло въ руки правительства, которое, въ лицѣ министра народнаго просвѣщенія, чрезвычайно рѣдко пользовалось правомъ, предоставленнымъ ему примѣненіемъ § 80 общаго университетскаго устава 1835 года къ Дерптскому университету. Впрочемъ, графъ Уваровъ, по поводу дарованной въ 1842 году значительной прибавки къ штатнымъ средствамъ университета и одновременно съ этимъ послѣдовавшаго открытія нѣсколькихъ новыхъ каѳедръ, испросилъ высочайшаго разрѣшенія „на первый разъ — какъ онъ писалъ Крафстрему 22 октября 1842 года — избрать мнѣ самому лица въ учреждаемыя вновь званія и должности“, чтобы „этимъ устранить промедленіе, интриги и дурные выборы“. Мѣра эта однакоже не сдѣлалась постоянной, и Дерптскій университетъ въ теченіе всего времени дѣйствія устава 1820 года фактически въ полной мѣрѣ пользовался правомъ собственнаго выбора членовъ своего преподавательскаго состава [1]).

---

1) Приведенныя мѣста изъ переписки С. С. Уварова и

Указанные взгляды на недостатки при избранiи на вакантныя каѳедры въ университетѣ попечитель высказывалъ и совѣту послѣдняго: такъ, въ предложенiи своемъ отъ 5 апрѣля 1841 года онъ рекомендовалъ совѣту, при приглашенiи новыхъ профессоровъ, строго наблюдать за тѣмъ, чтобы кандидаты обладали солидной научной подготовкой, а также соотвѣтственными нравственными качествами и даромъ преподаванiя, такъ какъ только такое отношенiе къ вопросу можетъ обезпечить процвѣтанiе университета и его дальнѣйшiй ростъ; при этомъ попечитель выражалъ надежду, что члены совѣта при выборахъ будутъ вполнѣ чужды какой-либо партiйности.

Конечно, духъ этой партiйности и обособленiя не только отъ Россiи, но и отъ Германiи, получившiй съ начала 1840-хъ годовъ особенную силу въ Дерптскомъ университетѣ, оказывался въ дѣйствительности гораздо влiятельнѣе попечительскихъ и даже министерскихъ внушенiй. Каѳедры замѣщались частiю мѣстными силами, частiю иностранцами, вызывавшимися изъ Германiи или изъ другихъ русскихъ университетовъ, которые въ то время также были наполнены нѣмецкими и другими иностранными учеными; появленiе русскихъ людей на каѳедрахъ въ Дерптскомъ университетѣ, если не считать предметовъ русскаго языка и словесности и отчасти русской исторiи, почти не имѣло мѣста, не столько по недостатку такихъ лицъ, сколько по указаннымъ выше болѣе общимъ причинамъ; появленiе въ 1836 году на медицинскомъ факультетѣ Н. И. Пирогова и въ 1844 году I. Варвинскаго, а въ 1852 году на юридическомъ факультетѣ А. С. Жиряева является исключенiемъ, только подтверждающимъ общiй порядокъ: Пироговъ и Варвинскiй были сами воспитанниками Дерптскаго Профессорскаго Института, а Жиряевъ до вступленiя въ университетѣ былъ старшимъ

Г. Б. Крафстрема заимствованы нами изъ бумагъ, хранящихся въ Архивѣ Канцелярiи Попечителя Рижскаго Учебнаго Округа.

учителемъ Дерптской гимназіи; онъ занялъ каѳедру русскаго законовѣдѣнія, преподаваніе котораго и до и послѣ него было въ рукахъ ученыхъ мѣстнаго происхожденія; кромѣ того, избраніе Пирогова не обошлось безъ проволочекъ и энергическихъ протестовъ со стороны университетскаго совѣта, особенно членовъ богословскаго факультета, ссылавшихся „на какой-то законъ перваго основателя Дерптскаго университета, по которому одни только протестанты могли быть профессорами университета", не смотря на единогласное избраніе кандидата въ медицинскомъ факультетѣ и всѣмъ извѣстную тогда блестящую научную его репутацію [1]).

Иностранные ученые, въ виду указаннаго къ нимъ настроенія со стороны лицъ мѣстнаго происхожденія, а также и вслѣдствіе улучшившагося къ этому времени матеріальнаго положенія профессоровъ въ германскихъ университетахъ, не шли съ 1840-хъ годовъ такъ охотно въ Дерптъ, какъ это было раньше; особенно затруднительно было подысканіе кандидатовъ для занятія каѳедръ на юридическомъ факультетѣ; часто лучшіе изъ профессоровъ, вызванныхъ изъ Германіи, при первой возможности оставляли Дерптъ для профессорскаго мѣста на родинѣ, и т. о. пользовались Дерптскимъ университетомъ какъ переходной ступенью къ возвышенію; долѣе оставались въ Дерптѣ лица болѣе скромныхъ дарованій и извѣстности; нерѣдко бывали случаи, что приглашенные въ Дерптъ иностранные профессора и уже утвержденные въ своей должности министромъ народнаго просвѣщенія отказывались отъ Дерпта еще до пріѣзда въ него, если получали какое-либо соотвѣтствующее приглашеніе на родинѣ (такъ, напр., было въ 1837 году съ профессоромъ древне-классической филологіи Г. А. Шеллемъ), и во избѣжаніе подобныхъ случаевъ попечитель предписалъ 5 ноября 1837 года университету представлять иностранныхъ

---

1) Сочиненія Н. И. Пирогова. Т. I, стр. 458 470—471.

кандидатовъ къ утвержденію не прежде, чѣмъ они формально обяжутся принять мѣсто, въ случаѣ утвержденія со стороны министерства. Процедура приглашенія иностранныхъ профессоровъ въ то время была довольно сложная: сначала шла частная переписка; по полученіи согласія на производство выбора въ совѣтѣ, происходила баллотировка, иногда состязательная для нѣсколькихъ кандитатовъ, затѣмъ слѣдовало утвержденіе избраннаго кандидата, по представленію совѣта и попечителя, министромъ народнаго просвѣщенія, и только послѣ этого утвержденія слѣдовало отъ имени совѣта формальное приглашеніе, которое и встрѣчало иногда упомянутый отказъ со стороны избранника; отчасти эта же процедура формально прилагалась и къ кандидатамъ неиностранцамъ. Путевыя издержки пріѣзжавшимъ изъ-за границы профессорамъ, на возмѣщеніе которыхъ въ штатѣ 1817 года положена была особая сумма, опредѣлялись совѣтомъ для каждаго случая особо, но въ 1843 году, въ виду развитія желѣзныхъ дорогъ и вообще улучшенія путей сообщенія, попечителемъ предписано было совѣту назначать для этой цѣли ординарнымъ профессорамъ не болѣе 150 дукатовъ, а экстраординарнымъ — не болѣе 100 дукатовъ.

Весьма достойно сожалѣнія, что истинный смыслъ указаннаго обособленія Дерптскаго университета отъ Германіи въ выборѣ кандидатовъ при замѣщеніи вакантныхъ каѳедръ не всегда вѣрно оцѣнивался въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, откуда иногда исходили мѣры, стѣснявшія притокъ иностранцевъ въ Дерптскій университетъ. Отъ 8 мая 1841 года послѣдовало заслушанное въ совѣтѣ 9 октября того же года предписаніе министра народнаго просвѣщенія избирать въ профессора по преимуществу русскихъ подданныхъ, имѣющихъ докторскую степень отъ одного изъ русскихъ университетовъ, и когда попечитель Крафстремъ въ 1851 году обратился къ министру народнаго просвѣщенія съ вопросомъ, можно ли возобновить вызовъ въ университетъ профессоровъ изъ-за границы, пріоста-

новленный недавними тревожными событіями на западѣ, то на это Государь повелѣлъ объявить попечителю, что онъ „имѣетъ слишкомъ высокое мнѣніе о Дерптскомъ университетѣ, чтобы усумниться въ возможности обходиться ему безъ выписки профессоровъ изъ чужихъ краевъ, полагая, что въ числѣ приготовленныхъ имъ ученыхъ можно безъ затрудненія находить у насъ дома такихъ, которые, будучи допущены къ преподаванію высшихъ наукъ, сдѣлаютъ честь университету“ [1]). Впрочемъ, въ 1862 году послѣдовало общее для всѣхъ русскихъ университетовъ высочайшее разрѣшеніе приглашать иностранцевъ на должности профессоровъ и преподавателей [2]).

Дипломъ на высшую ученую степень, пріобрѣтенный въ заграничныхъ университетахъ, гдѣ онъ доставался легче, чѣмъ въ Россіи, до 1838 года имѣлъ одинаковую силу съ русскимъ дипломомъ при замѣщеніи вакантныхъ каѳедръ, и этимъ нерѣдко пользовались прибалтійскіе уроженцы, обучавшіеся или, по крайней мѣрѣ, заканчивавшіе образованіе въ одномъ изъ иностранныхъ университетовъ. Но 1 марта 1838 года было высочайше утверждено мнѣніе комитета министровъ, которымъ на будущее время допускались къ занятію профессорскихъ должностей въ Дерптѣ изъ русскихъ подданныхъ лишь пріобрѣвшіе докторскую степень въ Россіи, а изъ иностранцевъ — только „извѣстные ученые“; въ виду условности послѣдняго понятія законъ, конечно, не могъ строго соблюдаться.

Переходимъ теперь къ краткому обзору профессорскаго и преподавательскаго состава по факультетамъ.

На богословскомъ факультетѣ, по каѳедрѣ догматики и богословскаго правоученія преемникомъ Лоренца Эверса (1802—1824) явился Эрнстъ Сарторіусъ (1824—1835), по смерти котораго каѳедра эта въ теченіе шести лѣтъ

1) Сборникъ постановленій, П. 2, ст. 1304—1305.
2) Тамъ же, Ш. 812.

оставалась незамѣщенной, и нѣкоторыя части входящаго въ нее предмета излагались преподавателемъ Дерптской гимназіи Карломъ Карбломомъ, пока не былъ назначенъ профессоромъ Фридрихъ-Адольфъ Филиппи (1841—1851); за нимъ слѣдовали бывшій до того профессоромъ практическаго богословія Ѳеодосій Гарнакъ (1852—1853) и Александръ фонъ-Эттингенъ, преподававшій этотъ предметъ до 1856 года въ качествѣ приватъ-доцента, а потомъ профессора (1856—1890). По каѳедрѣ экзегетики и восточныхъ языковъ послѣ В. Ф. Гецеля (1802—1820) назначенъ былъ Самуилъ-Готлибъ Генци (1820—1829), а потомъ Адольфъ-Фридрихъ Клейнертъ (1829—1834); послѣ него каѳедра оставалась четыре года вакантной, пока на нее не назначенъ былъ Карлъ-Фридрихъ Кейль (1838—1858), за которымъ слѣдовалъ Іоганнъ-Гейнрихъ Курцъ (1858—1870), бывшій до того профессоромъ церковной исторіи и богословской словесности. Кромѣ того, по предмету экзегетики преподавалъ, въ качествѣ приватъ-доцента, Іоганнъ Люткенсъ (1858—1875), а по предмету восточныхъ языковъ, сначала въ качествѣ доцента (1861—1863), а потомъ профессора (1864—1898) Вильгельмъ Фолькъ. Каѳедра церковной исторіи и богословской словесности, послѣ Х. Ф. Зегельбаха (1810—1823) была замѣщена Каспаромъ-Фридрихомъ Бушемъ (1824—1849), упомянутымъ Іоганномъ-Гейнрихомъ Курцемъ (1849—1858) и Морицомъ фонъ-Энгельгардтомъ (1859—1881). По каѳедрѣ практическаго богословія, послѣ Г. Л. Белендорфа (1802—1823), вышедшаго въ отставку, въ виду своихъ раціоналистическихъ взглядовъ, одновременно съ Зегельбахомъ, преподавали: Готлибъ-Эдуардъ Ленцъ (1824—1829), Юлій Вальтеръ (1830—1834), Карлъ-Христіанъ Ульманъ (1835—1842), Ѳеодосій Гарнакъ, преподававшій до 1845 года въ качествѣ приватъ-доцента, а потомъ профессора (1845—1852), и Арнольдъ-Фридрихъ Христіани (1852—1865).

На юридическомъ факультетѣ, каѳедра положительнаго государственнаго и народнаго права и политики, послѣ Ф. Лампе (1814—1823), оставалась незамѣщенной до 1826 года, когда ее занялъ Густавъ Эверсъ (1826—1830), бывшій до того нѣкоторое время профессоромъ русской исторіи, а потомъ статистики и географіи; за нимъ слѣдовалъ Эрдманъ-Густавъ фонъ-Брекеръ (1831—1850), послѣ котораго эта каѳедра опять оставалась нѣсколько лѣтъ вакантной, пока не сталъ преподавать по ней съ 1854 года въ качествѣ приватъ-доцента, а потомъ профессора Августъ Бульмерингъ (1856—1875). По каѳедрѣ римскаго и нѣмецкаго права преемникомъ Х. Х. Дабелова (1818—1830), послѣ двухлѣтняго промежутка, когда каѳедра оставалась вакантной, явился Карлъ-Эдуардъ Отто (1832—1857), а за нимъ Оттомаръ Мейковъ (1858—1892). На каѳедрѣ уголовнаго права мы видимъ сначала на короткое время Карла-Августа Шретера (1820—1821), а потомъ, черезъ трехлѣтній промежутокъ, Вальтера-Фридриха Клоссіуса (1824—1837), Карла-Оттона Мадаи (1837—1842), Эдуарда Озенбрюггена (1843—1851) и Франца-Виктора Циглера (1852—1877). Каѳедра теоретическаго и практическаго россійскаго правовѣдѣнія, остававшаяся первыя пять лѣтъ по учрежденіи вакантной, была занята Александромъ фонъ-Рейтцемъ (1825—1840), а потомъ, опять послѣ четырехлѣтняго промежутка, Эвальдомъ-Сигизмундомъ Тобиномъ (1844—1860) и Иваномъ Егоровичемъ Энгельманомъ (1860—1899). Вторая каѳедра русскаго законовѣдѣнія, учрежденная въ 1842 году и остававшаяся до 1846 года вакантной, занята была Александромъ Степановичемъ Жиряевымъ (1846—1856), послѣ котораго въ теченіе описываемаго періода оставалась вакантной. Каѳедра курляндскаго, лифляндскаго и эстляндскаго права оставалась незанятой до 1825 года, когда на нее вступилъ упомянутый Эрдманъ-Густавъ фонъ-Брекеръ (1825—1831), перешедшій потомъ на каѳедру положительнаго государ-

ственнаго и народнаго права; за нимъ слѣдовали Фридрихъ-Георгъ фонъ-Бунге (1831—1842), преподававшій до того по этой каѳедрѣ въ качествѣ приватъ-доцента съ 1823 года, а потомъ, послѣ трехлѣтняго промежутка, Карлъ-Христіанъ фонъ-Руммель (1845—1872), также читавшій этотъ предметъ, какъ приватъ-доцентъ, съ 1841 года.

На медицинскомъ факультетѣ, каѳедра анатоміи и судебной врачебной науки, послѣ Л. Э. Цихоріуса (1814—1827), была занята нѣкоторое время бывшимъ прозекторомъ Іоганномъ-Фридрихомъ Эшшольцемъ (1829—1831), а послѣ него Александромъ-Фридрихомъ Гукомъ (1831—1842), Карломъ-Богуславомъ Рейхертомъ (1843—1853) и Эрнстомъ-Андреемъ Рейснеромъ (1853—1875). По каѳедрѣ терапіи и клиники І. Фр. Эрдману (1817—1824) наслѣдовали Людвигъ-Августъ Струве (1824—1828), Готлибъ-Францъ З针менъ (1828—1847), Фридрихъ Эстерленъ (1848), Іоганнъ-Юлій Эрдманъ (1849—1858), Іоганнъ-Павелъ Уле (1859) и Адольфъ Ваксмутъ (1860—1865). По второй каѳедрѣ терапіи, учрежденной въ 1842 году, дѣйствовали Іосифъ Варвинскій (1844—1846), Альбертъ Краузе (1851—1856) и Викторъ Вейрихъ (1857—1876). По каѳедрѣ физіологіи, патологіи и семіотики мы видимъ сначала Фридриха Паррота (1821—1826), а потомъ, послѣ трехлѣтняго промежутка, Мартина Ратке (1829—1835), за уходомъ котораго каѳедра эта оставалась нѣкоторое время вакантной, пока не занялъ ее Альфредъ-Вильгельмъ Фолькманъ (1837—1842), а за нимъ Фридрихъ-Гейнрихъ Биддеръ (1843—1869). Каѳедра діэтетики и врачебной исторіи послѣ М. Э. Стикса (1802—1826) замѣщена была, черезъ нѣкоторый промежутокъ, І. Фр. Эрдманомъ (1828—1843), которому наслѣдовалъ на короткое время Ф. Эстерленъ (1846), а потомъ Рудольфъ Бухгеймъ (1847—1867). Учрежденная въ 1842 году особая каѳедра государственнаго врачебновѣдѣнія, оставаясь при приватъ-доцентѣ Германѣ

Келерѣ (1821—1844) долгое время вакантной, замѣщена была, наконецъ, Гвидо фонъ-Самсонъ-Гиммельстіерномъ (1844—1868). На каѳедру хирургіи, послѣ І. Х. Мойера (1814—1836), вступилъ Николай Ивановичъ Пироговъ (1836—1840), а за нимъ Георгъ-Францъ Адельманъ (1841—1871). Учрежденная въ 1842 году вторая каѳедра хирургіи имѣла своими представителями Эрнеста-Августа Каруса (1844—1854) и Георга фонъ-Эттингена (1854—1865). По каѳедрѣ женскихъ и дѣтскихъ болѣзней дѣйствовали, послѣ Х. Ф. Дейча (1804—1833), Пирсъ-Фридрихъ Вальтеръ (1834—1859) и Іоганнъ фонъ-Гольстъ (1859—1883). На учрежденной въ 1842 году каѳедрѣ фармаціи мы видимъ сначала Эдуарда Зиллера (1843—1850), потомъ Карла Шмидта (1851—1852), Карла Клауса (1852—1864) и Георга Драгендорфа (1864—1894). Учрежденную въ 1860 году каѳедру общей патологіи и патологической анатоміи занялъ Артуръ Бетхеръ (1860—1883). Должность прозектора, послѣ І. Ф. Эшшольца (1820—1829), перешла сначала къ А. Ф. Гуку (1831—1842), потомъ къ Ф. Г. Биддеру (1842), Фридриху-Герману Шнейдеру (1843—1854), Э. А. Рейснеру (1854—1856) и Карлу Купферу (1858—1865).

Наконецъ, на философскомъ факультетѣ, который, какъ мы видѣли, въ 1850 году раздѣленъ былъ на историко-филологическій и физико-математическій, произошли слѣдующія измѣненія въ личномъ составѣ.

Каѳедра философіи, послѣ Г. В. Еше (1802—1839), была до 1845 года вакантной, и соотвѣтствующіе предметы читали приватъ-доцентъ Морицъ Поссельтъ, начавшій свое преподаваніе въ этомъ званіи еще при жизни Еше (1834—1844), и Людвигъ-Гейнрихъ Штрюмпель, приватъ-доцентъ съ 1844 года, который вскорѣ назначенъ былъ профессоромъ (1845—1870). По каѳедрѣ древне-классической филологіи и эстетики, которая послѣ К. Моргенштерна

штерна (1802—1836) два года оставалась вакантной, мы видимъ на ней Людвига Преллера (1838—1843); послѣ него эта каѳедра опять оставалась вакантной до 1846 года, пока не была замѣщена Лудольфомъ Стефани (1846—1851), которому наслѣдовалъ Людвигъ Мерклинъ (1851—1863), читавшій этотъ предметъ, въ качествѣ приватъ-доцента, еще съ 1841 года, и затѣмъ Людвигъ Швабе (1863—1872). Каѳедра древне-классической филологіи и исторіи литературы была представлена Іоганномъ-Валентиномъ Франке (1821—1831), Христіаномъ-Фридрихомъ Нейе (1831—1861), а за нимъ Карломъ Паукеромъ (1861—1875); въ качествѣ приватъ-доцента, читалъ этотъ предметъ довольно долгое время Клаусъ Моръ (1832—1853). По каѳедрѣ русскаго языка и словесности дѣйствовали Василій Матвѣевичъ Перевощиковъ (1820—1830) и, послѣ шестилѣтняго промежутка, Михаилъ Петровичъ Розбергъ (1836—1867). Каѳедра географіи и статистики была въ рукахъ сначала Густава Эверса (1820—1826), а затѣмъ, по переходѣ послѣдняго въ юридическій факультетъ, Карла Людвига Блума (1826—1851), послѣ котораго по остававшей вакантной каѳедрѣ преподавалъ, въ качествѣ частнаго преподавателя, лекторъ Джонъ Деде (1852—1854), а съ 1856 года приватъ-доцентъ Карлъ Ширренъ, который черезъ три года занялъ эту каѳедру въ качествѣ профессора (1859—1863). Каѳедра всеобщей исторіи, послѣ Г. Ф. Пешмана (1802—1812), оставалась вакантной до 1828 года, когда на нее вступилъ Фридрихъ Крузе (1828—1853), одновременно съ которымъ преподавалъ тотъ же предметъ, въ качествѣ приватъ-доцента, Августъ Ганзенъ (1840—1849); затѣмъ эта каѳедра была предоставлена Карлу Ратлефу (1854—1866). Каѳедра русской исторіи, послѣ Густава Эверса (1810—1820), въ новомъ уставѣ 1820 года не нашла себѣ мѣста, пока въ 1853 году не послѣдовало ея возстановленія; на ней явились Петръ Ефимовичъ Медовиковъ (1855—1856), Николай

Алексѣевичъ Ивановъ (1856—1859), послѣ котораго она была вакантной до 1863 года, а затѣмъ упомянутый выше Карлъ Ширренъ, бывшій до того профессоромъ географіи и статистики (1864—1869). Каѳедра камеральныхъ и финансовыхъ наукъ, послѣ Ф. Э. Рамбаха (1803—1826), оставалась два года вакантной, пока не былъ назначенъ на нее Эбергардъ-Давидъ Фридлендеръ (1828—1854), а затѣмъ, опять послѣ двухлѣтняго промежутка, Ѳедоръ Грассъ (1856—1872).

Каѳедру чистой и прикладной математики, послѣ Г. Гута (1811—1818), занималъ Мартинъ-Христіанъ Бартельсъ (1821—1836), преемникомъ котораго явился Карлъ-Эдуардъ Зенфъ (1837—1849), оставшійся съ 1843 года лишь на преподаваніи чистой математики, когда съ этого времени прежняя единственная каѳедра математики была раздѣлена на двѣ: чистой и прикладной; послѣ него каѳедра чистой математики не была замѣщена до 1854 года, когда ее занялъ Петръ Гельмлингъ (1854—1887), читавшій этотъ предметъ, въ качествѣ приватъ-доцента, еще съ 1852 года. На каѳедрѣ прикладной математики въ теченіе всего описываемаго времени мы видимъ Эрнста-Фердинанда Миндинга (1843—1883). Каѳедру астрономіи занимали Фридрихъ-Вильгельмъ Струве (1820—1839) и Іоганнъ-Гейнрихъ Медлеръ (1840—1865), рядомъ съ которыми по преподаванію астрономіи трудились астрономы-наблюдатели Эрнстъ-Вильгельмъ Прейсъ (1827—1839) и Ѳома Клаузенъ (1842—1865). Каѳедра физики, послѣ Г. Ф. Паррота (1802—1826), перешла къ его сыну Фридриху Парроту (1827—1840) и затѣмъ Людвигу-Фридриху Кемцу (1841—1865). По каѳедрѣ химіи послѣ Ф. Гизе (1814—1821), спустя нѣкоторый промежутокъ, когда она оставалась вакантной, мы видимъ Готфрида-Вильгельма Озанна (1823—1828), затѣмъ Фридемана-Адольфа Гебеля (1828—1851) и Карла Шмидта (1852—1892). На каѳедрѣ ботаники, послѣ Х. Д. Ледебура (1811—1836), при кото-

ромъ, въ качествѣ приватъ-доцента, преподавалъ Эрнстъ-Рудольфъ Траутфеттеръ (1834—1835), былъ Александръ Бунге (1836—1867); въ качествѣ приватъ-доцента короткое время читалъ этотъ предметъ также Фридрихъ Шмидтъ (1858—1859). Каѳедру минералогіи и геогнозіи занимали Морицъ фонъ-Энгельгардтъ (1820—1841), Отто-Германъ Абихъ (1842—1847), послѣ котораго она оставалась вакантной до 1854 года, а преподаваніе по ней велось нѣкоторое время приватъ-доцентомъ Александромъ Шренкомъ (1849—1853); затѣмъ на нее былъ назначенъ Каспаръ-Андрей Гревинкъ (1854—1887). До учрежденія особой каѳедры зоологіи и сравнительной анатоміи въ 1842 году, первый изъ этихъ предметовъ преподавался проф. І. Ф. Эшшольцемъ, приватъ-доцентомъ Карломъ-Эдуардомъ Эйхвальдомъ (1822—1823), профессоромъ М. Г. Ратке и приватъ-доцентомъ Г. М. Асмусомъ (1836—1857); въ 1843 году на каѳедру зоологіи былъ назначенъ Адольфъ-Эдуардъ Грубе (1843—1857), преемникомъ которому явился упомянутый приватъ-доцентъ Германъ-Мартинъ Асмусъ (1857—1859), а за нимъ Густавъ Флоръ (1860—1883). По раздѣленіи въ 1829 году каѳедры экономіи, технологіи и архитектуры на двѣ, первую изъ нихъ, экономіи и технологіи, послѣ І. В. Краузе (1803—1828), занималъ сначала Фридрихъ Шмальцъ (1829—1845), а потомъ Александръ Петцольдъ (1846—1872); вторая же каѳедра, архитектуры, не была замѣщена до 1836 года, когда на нее вступилъ Морицъ-Германъ Якоби (1836—1840), а за нимъ Христофоръ-Конрадъ Штремме (1841—1848), который былъ послѣднимъ представителемъ этой каѳедры, вслѣдствіе ея закрытія въ 1848 году. По каѳедрѣ военныхъ наукъ, вслѣдствіе ея упраздненія въ 1830 году, другихъ представителей, кромѣ упомянутыхъ раньше, не было.

Лекторами живыхъ языковъ были слѣдующія лица. Русскій языкъ, послѣ І. Ф. Тернера (1804—1822), преподавали Фридрихъ-Георгъ Бунге (1822—1825), Александръ

Васильевичъ Тихвинскій (1825—1837), Иванъ Яковлевичъ Павловскій (1837—1858) и Густавъ Карловичъ Шефлеръ (1859—1865). По нѣмецкому языку явились лекторами Карлъ-Эдуардъ Раупахъ (1821— 1846), Викторъ-Амадеусъ Генъ (1846—1851), Августъ Рименшнейдеръ (1852—1865). По французскому языку, послѣ Валле-де-Барра (1803—1825), лекторами явились Шарль Пезе-де-Корваль (1825—1861) и Августъ Саже (1862—1894). Англійскую лектуру занимали Іоганнъ-Фридрихъ Тернеръ (1822—1836), Джонъ Деде (1838—1858), Эмиль фонъ-Киль (1859—1861). Итальянскому языку учили лекторы: упомянутый К. Э. Раупахъ (1821—1830) и Амадео Бурраски (1831—1859). Лекторомъ латышскаго языка былъ, послѣ О. Розенбергера (1803—1847), Германъ Клеменцъ (1852—1864), а эстонскаго, послѣ Л. В. Морица (1817—1822), Іоганнъ-Самуилъ Бубригъ (1826—1837), за которымъ слѣдовали Дидрихъ-Гейнрихъ Юргенсонъ (1838—1841), Фридрихъ-Робертъ Фельманъ (1842—1850) и Карлъ Миквицъ (1851—1874).

Между „учителями искусствъ" являются: верховой ѣзды — Рудольфъ фонъ-Дауэ (1833—1860), фехтованія — Александръ Мальмстремъ (1835—1851) и Георгъ Книгге (1852—1878), рисованія — послѣ К. А. Зенфа (1803—1838), Августъ Гагенъ (1838—1851) и Вольдемаръ Крюгеръ (1856—1892), танцевъ — послѣ Феликса Пелабона (1817—1828), Давидъ Тиронъ (1828—1856) и Карлъ Іорданъ (1858), музыки — послѣ Николая Томсона (1816—1839), Фридрихъ-Христіанъ Бреннеръ (1839—1878), плаванія — Францъ-Даніилъ Штеккель (1829—1839), Теодоръ Штеккель (1839—1841) и Александръ Штеккель (1841—1862). Механическимъ работамъ обучалъ, послѣ В. Политура (1807—1824), Іоганнъ-Христіанъ Брюккеръ (1824—1874).

Какъ можно видѣть изъ представленнаго обзора, и въ описываемый періодъ, подобно предшествовавшему, не было недостатка въ вакантныхъ каѳедрахъ, остававшихся незамѣ-

щенными иногда на довольно продолжительное время. Всего болѣе страдалъ отъ этого юридическій факультетъ, а также историко-филологическій или соотвѣтствующія послѣднему каѳедры философскаго факультета до 1850 года; другіе факультеты обнаруживали этотъ недостатокъ въ меньшей степени. Но незамѣщеніе каѳедръ до извѣстной степени сглаживалось въ описываемое время значительнымъ, сравнительно съ прошлымъ періодомъ, развитіемъ приватъ-доцентуры, и молодые приватъ-доценты вели, по порученію факультетовъ и совѣта, нерѣдко вполнѣ самостоятельно преподаваніе по нѣкоторымъ каѳедрамъ, не находившимъ себѣ замѣстителей. Эти молодые люди были большею частію воспитанниками Дерптскаго университета, и нерѣдко ими же замѣщались каѳедры, по которымъ они предварительно преподавали какъ приватъ-доценты; это уже — новое явленіе въ описываемый періодъ, сравнительно съ предшествующимъ временемъ, когда приватъ-доцентовъ почти совсѣмъ не было; тогда не успѣлъ еще образоваться тотъ разсадникъ молодыхъ ученыхъ силъ, которыя находили выгоду оставаться въ Дерптѣ, въ ожиданіи полученія каѳедры, на правахъ и при обязанностяхъ приватъ-доцентовъ; послѣдніе не могли быть изъ иностранцевъ, которые имѣли интересъ являться въ Дерптѣ лишь въ качествѣ полноправныхъ профессоровъ, и мы имѣли уже случай замѣтить, что число приглашенныхъ изъ-за границы ученыхъ въ описываемое время было сравнительно не велико, такъ какъ каѳедры часто, особенно къ концу періода, замѣщались въ университетѣ своими питомцами.

Должно отмѣтить, какъ характерную черту времени, обусловленную еще недостаточной спеціализаціей науки и унаслѣдованнымъ отъ прошлаго энциклопедизмомъ, что нѣкоторыя лица легко переходили съ одной каѳедры на другую: таковъ былъ І. Фр. Эрдманъ, занимавшій на медицинскомъ факультетѣ въ разное время двѣ разныя каѳедры — сначала терапіи и клиники, а потомъ діэтетики и врачебной исторіи; Густавъ Эверсъ, занимавшій на философ-

скомъ факультетѣ сначала каѳедру русской исторіи, потомъ географіи и статистики, перешелъ, наконецъ, на юридическій факультетъ, гдѣ занималъ каѳедру положительнаго государственнаго и народнаго права. Изъ лекторовъ, І. Ф. Тернеръ одновременно преподавалъ русскій и англійскій языки, а К. Э. Раупахъ — нѣмецкій и итальянскій.

Здѣсь умѣстно разсказать объ одномъ весьма характерномъ эпизодѣ, который имѣлъ мѣсто въ Дерптскомъ университетѣ въ самомъ концѣ описываемаго періода и возникъ на почвѣ упомянутаго выше примѣненія къ § 80 общаго университетскаго устава къ Дерптскому университету — съ одной стороны и стремленія совѣта къ сохраненію своихъ правъ по уставу 1820 года — съ другой.

22 марта 1863 года попечитель графъ Кейзерлингъ сообщилъ совѣту, что министръ народнаго просвѣщенія, въ виду готовности знаменитаго натуралиста, профессора Іенскаго университета Шлейдена перейти на службу въ Дерптъ, если ему предоставлено будетъ жалованье въ 3000 р. и уплочены будутъ издержки по переѣзду изъ Германіи въ Россію, согласенъ на приглашеніе упомянутаго профессора и желалъ бы знать мнѣніе совѣта о томъ, соотвѣтствуетъ ли „достоинству и научнымъ потребностямъ университета“ учрежденіе при Дерптскомъ университетѣ особой каѳедры физіологіи растеній и антропологіи лично для профессора Шлейдена. Запрошенный объ этомъ, физико-математическій факультетъ отвѣтилъ утвердительно, при условіи однако же приглашенія проф. Шлейдена какъ „professor honorarius“ въ германскихъ университетахъ, т. е. безъ права участія въ засѣданіяхъ факультета и совѣта; въ этомъ смыслѣ и данъ былъ 9 апрѣля отвѣтъ совѣта попечителю. Дѣйствительно, 3 іюня 1863 года послѣдовало высочайшее утвержденіе мнѣнія Государственнаго Совѣта объ учрежденіи для профессора Шлейдена упомянутой профессуры и объ отпускѣ необходимыхъ на то изъ казны средствъ, о чемъ попечитель увѣдомилъ совѣтъ универси-

тета отъ 1 сентября; не дожидаясь официальнаго назначенія на вновь учрежденную для него каѳедру, проф. Шлейденъ явился въ Дерптъ и началъ съ 16 октября чтеніе лекцій, а 7 ноября 1863 года, послѣдовало, по высочайшему повелѣнію, его назначеніе, притомъ не въ формѣ, предложенной физико-математическимъ факультетомъ и совѣтомъ, а какъ обыкновеннаго „ординарнаго профессора физіологіи растеній и антропологіи". Это предполагало уже само собою всѣ права и обязанности профессора Шлейдена въ факультетѣ и въ совѣтѣ, о чемъ послѣдній извѣщенъ былъ попечителемъ отъ 4 декабря 1863 года. Но совѣтъ счелъ нужнымъ протестовать противъ этого случая назначенія профессора „сверхъ штата" и, обобщивши вопросъ, представилъ попечителю, отъ 24 декабря 1863 года, подробную записку „о вліяніи, которое должно оказать на университетъ назначеніе сверхштатныхъ профессоровъ".

Содержаніе записки сводится къ слѣдующему. Опираясь на то, что до настоящаго случая „право совѣта самому пополнять личный составъ свой только въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ подвергалось ограниченію", онъ, совѣтъ, видитъ въ назначеніи профессора Шлейдена уже приложеніе новаго „принципа", являющагося „выраженіемъ недовѣрія" къ его „способности или волѣ" относительно выбора профессоровъ. Совѣтъ думаетъ, что онъ не заслужилъ такого недовѣрія и если при замѣщеніи каѳедръ „не могъ удовлетворять всѣмъ требованіямъ", то „не онъ былъ тому виною, а частію изолированное положеніе и ограниченныя средства университета, значительно затруднявшія успѣшную конкурренцію съ германскими университетами, частію существовавшее долгое время запрещеніе приглашать преподавателей изъ-за границы". Ограждая право собственнаго избранія своихъ членовъ, университетъ охраняетъ въ то же время и основное условіе успѣшнаго своего развитія: это право „предоставляетъ непрерывное ручательство въ томъ, что, при приглашеніи новыхъ препода-

вателей, будутъ приняты въ соображеніе истинныя потребности университета, будетъ сохраненъ органическій характеръ факультетовъ, будетъ обезпечено согласное, совокупное дѣйствіе частей, и будетъ необходимому отдано должное преимущество передъ тѣмъ, безъ чего можно обойтись". Указавъ на то, что „должность сверхштатныхъ профессоровъ — учрежденіе понынѣ чуждое Дерптскому университету", совѣтъ, особенно по поводу назначенія профессора Шлейдена, высказываетъ серьезныя опасенія: онъ „убѣжденъ, что замѣщеніе штатныхъ каѳедръ достойными преподавателями будетъ крайне затруднено, если, кромѣ ихъ, будутъ учреждены сверхштатныя должности съ высшими окладами. Извѣстные иностранные ученые будутъ затрудняться принимать приглашенія совѣта, если замѣщаемыя ими каѳедры по содержанію будутъ низведены въ категорію второстепенныхъ должностей. Въ назначеніи по сверхштатнымъ должностямъ высшихъ окладовъ проявляется желаніе большимъ содержаніемъ привлекать болѣе учености или болѣе славы; въ германскихъ университетахъ поэтому вскорѣ должно бы утвердиться мнѣніе, что въ Дерптскомъ университетѣ существуютъ два различные разряда должностей: такія, для замѣщенія которыхъ считаются достаточными менѣе достойные, а, можетъ быть, и посредственные ученые, почему и низшее содержаніе и приглашеніе по избранію совѣта, а кромѣ нихъ — должности, предоставляемыя исключительно достойнымъ и извѣстнымъ ученымъ, сопряженныя посему съ высшимъ окладомъ и замѣщаемыя безъ участія совѣта. Слѣдствіемъ сего было бы, что иностранные ученые, уважающіе самихъ себя, вообще только въ рѣдкихъ случаяхъ и лишь по случайнымъ личнымъ причинамъ соглашались бы послѣдовать вызову въ Дерптъ". Въ виду этого, совѣтъ „не можетъ безъ опасеній ожидать состоянія, которое можетъ возникнуть отъ учрежденія должности сверхштатныхъ профессоровъ", и думаетъ, что отъ этого во всякомъ случаѣ не выиграетъ „достоинство и польза

университета"; наконецъ, онъ выражаетъ желаніе и надежду, „чтобы обращаемыя нынѣ или въ будущемъ въ пользу университета суммы сохранили назначеніе усиливать матеріальныя средства существующихъ при немъ ученыхъ установленій и постоянно увеличивать число штатныхъ каѳедръ".

Попечитель представилъ эту записку совѣта министру народнаго просвѣщенія, отъ 7 января 1864 года, и въ совѣтѣ министра она подвергнута была разсмотрѣнію 18 января того же года. Совѣтъ министра пришелъ къ такимъ заключеніямъ: „Такъ какъ д-ръ Шлейденъ назначенъ профессоромъ не на штатную каѳедру, а на вновь учрежденную, по случаю приглашенія сего знаменитаго ученаго въ Дерптскій университетъ, то посему таковымъ назначеніемъ не было ограничено право совѣта пополнять собственнымъ избраніемъ личный штатный составъ университета, и за симъ нѣтъ повода опасаться за ограниченіе этого права въ будущемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и за нарушеніе органическаго состава факультетовъ. Такъ какъ содержаніе д-ру Шлейдену назначено вовсе не изъ суммъ университета, но по особому высочайшему повелѣнію производится изъ государственнаго казначейства, то таковымъ назначеніемъ равнымъ образомъ не было ограничено право совѣта употреблять предоставленныя ему штатомъ денежныя средства на такіе предметы, которые, по убѣжденію совѣта, наиболѣе необходимы университету. А какъ, такимъ образомъ, назначеніе д-ра Шлейдена въ профессоры Дерптскаго университета не ограничиваетъ права совѣта онаго какъ въ отношеніи избранія штатныхъ преподавателей, такъ и по распоряженію денежными средствами, то посему приглашеніе въ коллегію Дерптскаго университета профессора, пользующагося столь заслуженною извѣстностью въ ученомъ мірѣ, можетъ послужить только къ благосостоянію и достоинству университета и можетъ быть принято университетомъ только съ признательностью" [1]).

---

1) Сборникъ распоряженій по министерству народнаго просвѣщенія, III. 644—650.

Эти заключенія заслушаны были въ засѣданіи совѣта 18 марта 1864 года, и послѣднее изъ нихъ — о томъ, что приглашеніе профессора Шлейдена, служа къ умноженію благосостоянія и достоинства университета, могло бы вызвать со стороны послѣдняго лишь чувство признательности — особенно было непріятно членамъ совѣта, которые и выразили свое полное съ нимъ несогласіе. Но тѣмъ замѣчательнѣе поданное по этому поводу, на другой день послѣ засѣданія, 19 марта 1864 года, особое мнѣніе профессора астрономіи Медлера. По его собственному признанію, это особое мнѣніе есть первое, съ которымъ онъ рѣшился выступить послѣ 24-лѣтней своей службы, но онъ рѣшился высказать его потому, что отношеніе совѣта къ упомянутому заключенію „не только совершенно безполезно, но, быть можетъ, даже прямо вредно для университета"; онъ думаетъ, что, дѣйствительно, назначеніе профессора Шлейдена въ университетъ заслуживаетъ благодарности, и убѣдился въ этомъ еще болѣе послѣ личнаго знакомства со Шлейденомъ: „права университета для меня также дороги — прибавляетъ къ этому Медлеръ — но назначеніемъ профессора Шлейдена они нисколько не нарушены, и я глубоко убѣжденъ, что если такое, хотя бы даже формальное, сопротивленіе совѣта будетъ продолжаться, то оно именно поставитъ права университета въ опасное положеніе".

Пребываніе въ Дерптѣ проф. Шлейдена, вызваннаго сюда по почину попечителя графа Кейзерлинга и благодаря щедрой поддержкѣ правительства, которое дѣйствовало въ цѣляхъ приданія университету славы и блеска, было нежелательно тогдашней университетской дерптской средѣ еще и по другимъ причинамъ, кромѣ выставленной въ запискѣ попечителю отъ 24 декабря 1863 года. По мѣткому выраженію одного мѣстнаго историка, профессоръ Шлейденъ явился въ тогдашней дерптской университетской средѣ какъ „щука въ пруду съ карпами" [1]). Неудивительно, что „прудъ"

1) Die deutsche Universität Dorpat, стр. 56.

всполошился и, не смотря на научную славу Шлейдена и его небывалый успѣхъ въ университетѣ, гдѣ многочисленному и разнообразному составу слушателей изъ городского общества, учителей и профессоровъ читалъ онъ свой публичный курсъ „Шесть картинъ изъ исторіи человѣчества", сумѣлъ поставить дѣятельность Шлейдена въ самыя неблагопріятныя нравственныя условія. Шлейдену было поставлено въ вину чтеніе публичныхъ лекцій за плату; осуждались его „гастроли", по приглашенію, въ Ригу, для чтенія подобныхъ же публичныхъ лекцій; въ числѣ противниковъ Шлейдена выступилъ и тогдашній богословскій факультетъ, вѣроисповѣдное направленіе котораго не могло мириться съ натуралистическими воззрѣніями Шлейдена на Библію и христіанство; наконецъ, противъ упомянутаго публичнаго курса Шлейдена и его научныхъ воззрѣній поднята была на столбцахъ одной мѣстной газеты недоброжелательная полемика, не сумѣвшая остаться въ предѣлахъ одного научнаго интереса [1]). Всего этого вмѣстѣ было вполнѣ достаточно, чтобы сдѣлать для Шлейдена желательною мысль поскорѣе оставить профессуру въ Дерптѣ, и, дѣйствительно, 14 сентября 1864 года онъ уволенъ былъ, по прошенію, отъ службы и снова вернулся въ Германію [2]).

---

1) Dorpater Tagesblatt, 1864, №№ 45. 48. 51. 57. 67: „M. J. Schleiden über den Materialismus"; №№ 62 и 64: сужденіе д-ра Карлблома о лекціяхъ Шлейдена.

2) Вотъ какъ вспоминаетъ проф. Э. Руссовъ о лекціяхъ Шлейдена и ихъ благотворномъ вліяніи на оживленіе научнаго духа въ дерптскомъ студенчествѣ и мѣстной средѣ: „Wer die Zeit erlebt, wird sich der gewaltigen Erregung erinnern, welche sich der Gemüther in Dorpat bemächtigte, als Schleiden seine Vorlesungen über Anthropologie eröffnet hatte. Ganz Dorpat war in zwei Lager gespalten, nicht nur die akademischen Kreise. Die Geister platzen auf einander, die bisher so ruhig neben einander gelebt. Bot Schleiden in seinen Vorlesungen nichts positiv Neues und wurde die Wissenschaft nicht direct durch ihn gefördert, so ist doch der Einfluss nicht zu unterschätzen, welchen er durch seine scharfe und heftige Polemik auf die Gemüther ausübte; es wurden durch ihn doch manche neue Gesichtspunkte eröffnet. Schleidens Stellung war unhaltbar geworden, er er-

Въ описываемый періодъ положено было также начало преподаванію въ университетѣ православнаго и римско-католическаго богословія.

До 1833 года вопросъ о преподаваніи богословія студентамъ православнаго исповѣданія совсѣмъ не поднимался, при чемъ судьбу православныхъ студентовъ университета раздѣляли въ этомъ отношеніи и православные ученики въ Дерптской гимназіи и училищахъ. Министръ Уваровъ впервые обратилъ вниманіе на это ненормальное явленіе, во время своего обозрѣнія въ іюнѣ 1833 года Дерптскаго университета, и въ своемъ докладѣ Государю выразилъ мысль, что настоятель Дерптской Успенской православной церкви могъ бы принять на себя преподаваніе Закона Божія какъ въ университетѣ, такъ и въ училищахъ; мнѣніе это удостоено было высочайшаго одобренія, и на вознагражденіе законоучителя положено отпускать 1000 р. въ годъ изъ казны. Первымъ такимъ законоучителемъ былъ священникъ Петръ Карзовъ (1834—1838), но преподаваніе его имѣло въ университетѣ частный характеръ и даже не вносилось въ семестральное расписаніе лекцій. При преемникѣ его, протоіереѣ Ѳедорѣ Березскомъ (1838—1850), преподаваніе православнаго Закона Божія въ университетѣ также вначалѣ не имѣло правильной постановки, на что и обратилъ вниманіе въ 1841 году преосвященный рижскій Иринархъ, указывая въ своемъ сообщеніи оберъ-прокурору Св. Синода графу Протасову на то, что въ Дерптскомъ университетѣ православный Законъ Божій не преподается „яко бы по малочисленности студентовъ православнаго исповѣданія". Запрошенный объ этомъ, протоіерей

---

kannte das und verliess nach neun Monaten Dorpat. Es war durch ihn in die studirende Jugend ein frischer Zug gekommen, der durch ihre Lehrer weiter unterhalten wurde, welche in dem neuen Curator eine bis dahin ungeahnte Quelle geistiger Anregung fanden (Balt. Mon. B. XXXIX, стр. 267).

Березскій отвѣчалъ совѣту университета, отъ 12 сентября 1841 года, что онъ не читалъ лекцій „за ожиданіемъ распоряженія по сему предмету самого университета“ и, „не зная постановленій приглашенія къ слушанію лекцій чрезъ объявленія на черной доскѣ, не дѣлалъ оныхъ объявленій“. Въ первый разъ объявленіе о лекціяхъ протоіерея Березскаго появилось въ обозрѣніи лекцій на I семестръ 1842 года. Дѣятельность о Березскаго, въ качествѣ православнаго законоучителя, продолжалась до 1850 года, когда въ Дерптскомъ университетѣ учреждена была каѳедра православнаго богословія, при чемъ профессору этого предмета вмѣнено было въ обязанность, какъ и въ другихъ русскихъ университетахъ, преподавать православнымъ студентамъ и разные философскіе предметы. Первымъ профессоромъ православнаго богословія, которому усвоены были всѣ права ординарнаго профессора, назначенъ былъ въ Дерптѣ протоіерей, магистръ богословія, Павелъ А л е к с ѣ е в ъ (1850—1884). Философскіе курсы, преимущественно логику и психологію, читалъ онъ, вмѣстѣ съ богословіемъ, лишь до 1860 года, когда былъ освобожденъ отъ преподаванія первыхъ, вслѣдствіе возстановленія прежняго порядка преподаванія философіи въ русскихъ университетахъ. Слушаніе богословія православные студенты не считали для себя обязательнымъ и посѣщали лекціи весьма неаккуратно, въ виду чего протоіерей Алексѣевъ обратился въ 1863 году къ ректору университета съ просьбой принять къ устраненію этого явленія соотвѣтствующія мѣры, ссылаясь на прямое указаніе со стороны попечителя Г. Б. Крафстрема въ 1871 году объ обязательности для православныхъ студентовъ слушать лекціи по богословію и сдавать семестральныя испытанія; дѣло пошло на разрѣшеніе высшаго начальства, при чемъ попечитель графъ Кейзерлингъ въ своемъ донесеніи министру, отъ 8 февраля 1863 года, высказался противъ такой обязательности, ссылаясь на то, что студенты другихъ исповѣданій не обязываются къ подобному слушанію лекцій и экзамену; отвѣтъ

министра былъ неопредѣленный, съ предложеніемъ „выждать утвержденія новаго университетскаго устава“ [1]).

Возникновеніе вопроса о законоучителѣ римско-католическаго исповѣданія въ университетѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и священника для исполненія требъ немногочисленнаго католическаго населенія города Дерпта, относится къ 1838 году. Хотя въ принципѣ противъ осуществленія этой мысли ниоткуда не было возраженій, но рѣшеніе вопроса затянулось на цѣлыя десять лѣтъ, по недостатку матеріальныхъ средствъ. Толчокъ къ разрѣшенію вопроса дало одно мѣсто во всеподданнѣйшемъ отчетѣ графа Уварова, 4 іюня 1848 года, о посѣщеніи имъ Дерптскаго университета лѣтомъ 1848 года. Упомянувъ съ похвалой о воспитанникахъ университета польской національности, министръ прибавилъ: „я слышалъ отъ нихъ изъявленіе одного лишь общаго желанія, свидѣтельствующаго немало въ ихъ пользу; единогласная эта просьба состоитъ въ томъ, чтобы имѣть духовника ихъ вѣроисповѣданія, въ коемъ они чрезмѣрно нуждаются, будучи лишены возможности исполнить по своему обряду долгъ христіанскій; я предложилъ попечителю заняться соображеніемъ надлежащихъ мѣръ къ удовлетворенію этой похвальной просьбы“. Дѣйствительно, въ августѣ 1848 года министръ Уваровъ увѣдомилъ попечителя Крафстрема, что митрополитъ римско-католическихъ церквей въ Россіи избралъ на службу въ Дерптскій университетъ ксендза Іосифа Бержанскаго, изъ Могилева, бывшаго ранѣе деканомъ закавказскихъ римско-католическихъ церквей, при чемъ изчисленный для содержанія ему расходъ долженъ быть покрытъ съ одной стороны пожертвованіемъ на этотъ предметъ лифляндскаго помѣщика фонъ-Липгардта въ 250 р. ежегодно, а съ другой, въ количествѣ 550 р.,

---

1) Архивъ Канцеляріи Попечителя Рижскаго Учебнаге Округа: „Университетскій архивъ“ №№ 28 и 441.

изъ хозяйственныхъ суммъ университета. Но назначенiе это оказалось неудачнымъ, такъ какъ избранное лицо и по нравственнымъ своимъ качествамъ и по познанiямъ, какъ сообщалъ попечитель министру отъ 14 ноября 1850 года, не соотвѣтствовало своему положенiю. Тогда въ 1851 году могилевскимъ римско-католическимъ епископомъ назначено было на это мѣсто другое лицо, ксендзъ Дiонисiй Мацинскiй; но и это назначенiе также не было удачно, и ксендзъ Мацинскiй даже не явился въ Дерптъ „по разстроенному здоровью и слабому знанiю нѣмецкаго языка", какъ увѣдомилъ министръ народнаго просвѣщенiя попечителя Крафстрема 7 iюня 1851 года. Въ томъ же 1851 году назначено было новое лицо, дiаконъ Феликсъ Каменецкiй, который долженъ былъ принять предварительно рукоположенiе во священники въ Вильнѣ. Ксендзъ Каменецкiй началъ свое преподаванiе въ университетѣ съ I семестра 1852 года. Впрочемъ, въ Дерптѣ онъ оставался не долго: недостаточное вознагражденiе за труды, увеличившiеся къ тому же еще возложенiемъ на него обязанности исполнителя духовныхъ требъ по цѣлому Дерптскому уѣзду, побудило его перейти на службу въ Динабургскую гимназiю, и на его мѣсто назначенъ былъ въ 1854 году ксендзъ Альфонсъ Лещинскiй. Выборъ этотъ снова оказался неудачнымъ, и, послѣ четырехлѣтняго пребыванiя въ Дерптѣ, названный законоучитель, по желанiю попечителя фонъ-Брадке, былъ замѣненъ въ 1860 году другимъ лицомъ, ксендзомъ Генрихомъ Коссовскимъ. Но ксендзъ Коссовскiй вскорѣ переведенъ былъ на мѣсто ректора Варшавской Духовной Академiи, и для Дерпта предположенъ былъ ксендзъ Казимiръ Сорочинскiй, о чемъ и увѣдомилъ попечителя графа Кейзерлинга могилевскiй епископъ Станевскiй, отъ 20 сентября 1863 года. Графъ Кейзерлингъ былъ вообще противъ назначенiя католическаго законоучителя, и въ своемъ представленiи министру народнаго просвѣщенiя, отъ 9 ноября 1863 года, мотивиро-

валъ это тѣмъ что „въ Дерптскомъ университетѣ всего 11 студентовъ католическаго исповѣданія, и Законъ Божій, составляя собственно предметъ гимназическаго обученія, не можетъ быть признанъ, подобно богословію, существенной частью университетскаго образованія“; но ксендзъ Сорочинскій былъ все-таки назначенъ и продолжалъ свою службу въ Дерптѣ до 1867 года [1]).

4.

Мѣры „руссификаціи“ при графѣ Уваровѣ и Г. Б. Крафстремѣ. — Всеподданнѣйшіе доклады графа Уварова 1835, 1836 и 1838 годовъ; произведенное ими впечатлѣніе въ печати и мѣстномъ обществѣ; отношеніе къ „руссификаціи“ со стороны профессоровъ университета. — Положеніе русскаго языка въ университетѣ какъ предмета преподаванія и знакомство съ нимъ студентовъ; русскій языкъ въ преподаваніи наукъ и въ университетскомъ дѣлопроизводствѣ.

Весьма важное значеніе въ исторіи Дерптскаго университета за описываемое время имѣли попытки правительства, предпринятыя въ 30-хъ и 40-хъ годахъ, при министрѣ графѣ С. С. Уваровѣ и попечителѣ Г. Б. Крафстремѣ, сблизить все болѣе и болѣе обособлявшійся университетъ и учебныя заведенія округа съ остальными частями имперіи на почвѣ общихъ культурно-образовательныхъ государственныхъ началъ. По отношенію къ университету тутъ имѣлось въ виду примѣнить общія для другихъ русскихъ университетовъ установленія и матеріальныя средства, съ уступками однакоже нѣкоторымъ кореннымъ историческимъ и культурнымъ особенностямъ общественной жизни края; имѣлось также въ виду дать русскому языку, какъ государственному, подобающее ему распространеніе въ краѣ какъ языку преподаванія и офиціальныхъ дѣловыхъ сношеній,

1) Архивъ Канцеляріи Попечителя Рижскаго Учебнаго Округа: „Университетскій архивъ“ № 213.

и тѣмъ самымъ открыть мѣстнымъ жителямъ возможность войти въ болѣе близкія сношенія съ населеніемъ остальныхъ частей имперіи. Но попытки въ указанномъ направленіи, совпадающія съ царствованіемъ императора Николая I, не привели къ желаемымъ результатамъ, вызвавши энергическій и дружный отпоръ на мѣстѣ и не будучи поддержаны преемниками графа Уварова по управленію министерствомъ народнаго просвѣщенія; новыя вѣянія сверху, при перемѣнѣ царствованія, сняли и самый вопросъ о „сближеніи" съ очереди на довольно продолжительное время; но объ этомъ мы уже говорили выше, равно какъ и о тѣхъ общихъ взглядахъ графа Уварова, которые были положены имъ въ основу своего обширнаго, но не приведеннаго цѣликомъ въ исполненіе плана.

Переходимъ теперь къ обзору главнѣйшихъ моментовъ „руссификаціи" при графѣ С. С. Уваровѣ.

Въ декабрѣ 1835 года графъ Уваровъ представилъ государю докладъ, въ которомъ, между прочимъ, писалъ: „Уставъ Дерптскаго университета, составленный въ 1803 году, носитъ печать своего времени. Всѣ формы управленія совѣщательныя; вся власть, административная и судебная, находится въ рукахъ совѣта университетскаго; ежегодно избираемый ректоръ — случайный представитель воли всѣхъ; о попечителѣ ничего не опредѣлено; это лицо поставлено какъ будто внѣ круга университета. Въ 1820 году сей уставъ былъ передѣланъ и расширенъ; штаты университета распространились, но власть еще болѣе утвердилась въ самомъ университетѣ; лицо попечителя оставалось въ прежнемъ забвеніи". Далѣе говорится, что хотя введенными въ 1834 году временными „Правилами для учащихся" „значительно сокращены излишнія права университета" и „теченіе судебныхъ дѣлъ приведено ближе къ общему порядку", тѣмъ не менѣе власть по прежнему остается въ рукахъ совѣта; въ виду же назначенія попечителемъ Г. Б. Крафстрема, который будетъ жить въ Дерптѣ, а не въ Петербургѣ и не

въ Ригѣ, „открывается удобный случай“ къ соглашенію Дерптскаго университета въ основахъ его существованія съ прочими русскими университетами на почвѣ общаго устава 26 іюля 1835 года; но такъ какъ это дѣло требуетъ „зрѣлыхъ соображеній“ и „нѣкоторой осмотрительности“, то и желательно, чтобы новый попечитель „сперва ознакомился на мѣстѣ съ предметами его управленія“ и затѣмъ сообщилъ министру свои наблюденія, на основаніи которыхъ можно было бы уже приступить къ подготовкѣ реформы; а пока министръ испрашивалъ высочайшаго указа о неприведеніи въ дѣйствіе нѣкоторыхъ §§ „Правилъ для учащихся“ безъ согласія на то попечителя (см. выше, стр. 374—375). На этомъ докладѣ государь 20 декабря 1835 года написалъ: „согласенъ, но не торопиться, а зрѣло обдумать“. Извѣщая попечителя объ этомъ рѣшеніи, графъ Уваровъ, отъ 6 января 1836 года, писалъ Крафстрему, что „вышесказанный указъ не подлежитъ опубликованію“, и что „тѣ статьи, которыя имѣютъ быть приведены нынѣ же въ дѣйствіе, слѣдуетъ только сообщить ректору университета“. Попечитель немедленно занялся даннымъ ему порученіемъ и вскорѣ выработалъ, совмѣстно съ совѣтомъ университета, проектъ необходимыхъ въ уставѣ и штатѣ послѣдняго измѣненій, который и отправилъ министру, со своими особыми замѣчаніями, 25 сентября 1836 года. Мы уже видѣли выше (стр. 371), какая судьба постигла этотъ проектъ, согласно высочайшей волѣ отъ 16 декабря 1836 года.

Но одновременно съ этимъ, того же 16 декабря 1836 года, представленъ былъ графомъ Уваровымъ государю другой докладъ, касавшійся вопроса о преобразованіи учебныхъ заведеній Дерптскаго округа. „Преобразованіе Дерптскаго университета и училищъ Дерптскаго округа — писалъ тутъ Уваровъ — можетъ быть двоякое: окончательное, имѣющее цѣлію рѣшительное сближеніе ихъ съ русскими университетами и училищами, для чего потребуется введеніе преподаванія и производство дѣлъ на русскомъ языкѣ и,

слѣдовательно, замѣна, большей части профессоровъ, учителей и чиновниковъ русскими, или приготовительное, предполагающее только примѣненіе нѣкоторыхъ статей изъ уставовъ русскихъ университетовъ и училищъ, съ оставленіемъ главныхъ основаній въ прежнемъ видѣ и безъ существенной перемѣны въ личномъ составѣ университета и учебныхъ заведеній". Министръ полагалъ, что „для скрѣпленія всѣхъ частей государственнаго тѣла неразрывными узами", „для единообразія въ руководствѣ къ просвѣщенію народа" и „для единства въ управленіи подъ одною монархическою властію всѣхъ вообще университетовъ, гимназій и училищъ" необходимо первое преобразованіе: „второе, несогласное, по моему мнѣнію, съ достоинствомъ правительства, не принесло бы сверхъ того и ожидаемой отъ него пользы, ибо не измѣнило бы нисколько основныхъ началъ, столь рѣзко отдѣляющихъ учебныя заведенія Остзейскихъ губерній, и потому не приготовило бы ихъ даже къ переходу впослѣдствіи къ новому порядку вещей". Но вмѣстѣ съ тѣмъ графъ Уваровъ находилъ, что „такое (т. е. окончательное) преобразованіе было бы нынѣ и преждевременно и едва ли даже возможно", и именно по слѣдующимъ причинамъ: во-первыхъ, профессора, вызванные изъ-за границы, „всякую значительную перемѣну въ настоящихъ отношеніяхъ зависимости, подсудности и проч. почли бы нарушеніемъ условій ихъ вызова и, можетъ быть, немалою частію оставили бы Россію съ неудовольствіемъ"; во-вторыхъ, при введеніи преподаванія на русскомъ языкѣ „обнаружилось бы немаловажное затрудненіе въ недостаточномъ знаніи сего языка студентами для слушанія на немъ всѣхъ или, по крайней мѣрѣ, большей части университетскихъ курсовъ"; изъ этого министръ сдѣлалъ выводъ, что „преобразованіе учебныхъ заведеній Дерптскаго округа надлежитъ начать не съ университета, а съ училищъ и гимназій". Въ виду этого графъ Уваровъ предлагалъ слѣдующія мѣры:

„1. Совершенно отдѣлить нынѣ же гимназіи и учи-

лица отъ вѣдомства и вліянія университета и поручить управленіе оными попечителю“, при чемъ „можно будетъ безъ отлагательства опредѣлить помощника попечителя и инспектора казенныхъ училищъ изъ русскихъ чиновниковъ, съ распространеніемъ сего же условія со временемъ на правителя и чиновниковъ канцеляріи попечителя“.

„2. Усилить всѣми возможными средствами обученіе въ гимназіяхъ и училищахъ Остзейскихъ губерній русскому языку. Для сего, не ограничиваясь учителями собственно этого предмета, опредѣлять учителей наукъ изъ русскихъ и преимущественно изъ воспитанниковъ Главнаго Педагогическаго Института, и по мѣрѣ того вводить постепенно преподаваніе одного или нѣсколькихъ предметовъ на русскомъ языкѣ“.

„3. Постановить строгимъ правиломъ, чтобы по истеченіи трехъ лѣтъ никто изъ уроженцевъ Остзейскихъ губерній не былъ опредѣляемъ учителемъ въ гимназію или училище, если не будетъ способенъ преподавать свой предметъ на русскомъ языкѣ, и за исполненіемъ сего, по допущеніи къ означенной должности, наблюдать безъ упущенія“.

„4. Впредь на свободныя мѣста директоровъ гимназій, ихъ помощниковъ и начальниковъ училищъ опредѣлять чиновниковъ преимущественно изъ русскихъ, съ исключеніемъ только въ пользу тѣхъ уроженцевъ Остзейскихъ губерній, которые, при требуемыхъ для того качествахъ и способностяхъ, будутъ хорошо знать русскій языкъ“.

„5. По мѣрѣ таковыхъ измѣненій въ начальникахъ и самомъ составѣ учебныхъ заведеній, постепенно вводить производство училищныхъ дѣлъ на русскомъ языкѣ, въ чемъ подавать примѣръ Канцеляріи Попечителя и вообще Управленію учебнаго округа въ новомъ его видѣ“.

„6. За успѣхомъ всѣхъ таковыхъ распоряженій, независимо отъ непрестаннаго наблюденія и частыхъ обозрѣній попечителя и его помощника, имѣть неослабный надзоръ министерству народнаго просвѣщенія и отъ времени до времени посылать отъ себя особыхъ визитаторовъ“.

„7. Университетъ оставить на этотъ разъ въ настоящемъ положеніи, со строгимъ подтвержденіемъ, чтобъ никто не былъ удостоиваемъ званія дѣйствительнаго студента, кандидата и лѣкаря безъ достаточнаго знанія русскаго языка".

„8. Для надлежащаго содѣйствія къ изученію онаго, распространивъ ст. 80 Общаго устава Россійскихъ университетовъ и на Дерптскій, дозволить мнѣ, независимо отъ избранія университета, назначать по собственному моему усмотрѣнію въ профессоры на вакантныя каѳедры людей отличныхъ ученостію и даромъ преподаванія, съ требуемыми для того учеными степенями. Пользуясь таковымъ дозволеніемъ, я не премину при удобныхъ случаяхъ опредѣлять въ профессоры достойныхъ сего званія русскихъ ученыхъ, съ требованіемъ, чтобы они преподавали свой предметъ на отечественномъ языкѣ".

Въ концѣ доклада графъ Уваровъ испрашивалъ соизволенія государя оставить пока этотъ планъ „негласнымъ", съ предоставленіемъ ему права объявлять попечителю объ исполненіи вышеуказанныхъ мѣръ лишь постепенно. Государь написалъ на докладъ 16 декабря 1836 года: „согласенъ".

Оба приведенные доклада графа Уварова, 20 декабря 1835 года и 16 декабря 1836 года [1]), получившіе высочайшее одобреніе, заключали въ себѣ въ основныхъ чертахъ всю программу „обрусенія". Но если первый докладъ не повелъ за собой никакихъ практическихъ послѣдствій, то о второмъ нельзя сказать того же самаго. Статьи 7 и 8, касавшіяся университета, были сообщены попечителю обычнымъ порядкомъ для исполненія, отъ 19 декабря 1836 года, на что отчасти было указано выше (стр. 373), а объ остальныхъ было сообщено попечителю, отъ того же числа, секретно.

---

1) Архивъ Департамента Народн. Просвѣщенія, № 126199—3704.

Мы уже знаемъ (см. стр. 372), что 1 статья нашла себѣ исполненіе въ повелѣніи 20 января 1837 года относительно преобразованія въ управленіи училищами Дерптскаго учебнаго округа. Статьи 3, 4, 5 и 6 предполагалось исполнить. Но это-то и заключало въ себѣ особенную трудность, объясняющую рѣшеніе графа Уварова обратиться въ дѣйствительности не къ „окончательной", а лишь къ „приготовительной" системѣ реформы, не смотря на принципіальное его предпочтеніе первой мѣры передъ второю; предвидѣніе этихъ же трудностей побудило министра вести дѣло пока безъ особой огласки.

Не смотря на принятыя въ послѣднемъ направленіи мѣры, слухъ о преобразовательныхъ планахъ графа Уварова относительно учебныхъ заведеній Дерптскаго округа и университета проникъ въ среду мѣстнаго остзейскаго общества и сталъ обсуждаться даже въ печати — сначала заграничной, а потомъ и мѣстной, вызывая то тревожныя, то успокоительныя разсужденія: въ сознаніи мѣстныхъ людей съ идеей о школьной реформѣ связывалось представленіе и объ опасныхъ послѣдствіяхъ болѣе общаго характера.

По поводу второго изъ упомянутыхъ докладовъ графа Уварова появилось въ „Allgemeine Zeitung" 1837 № 96 и въ „Neue Hamburgische Zeitung" 1837, отъ 3 апрѣля, сообщеніе „Von der russischen Grenze, vom 25 März 1837", въ которомъ въ общихъ чертахъ передано было его содержаніе, и выражены были опасенія по поводу предстоящей реформы; на это послѣдовала въ дерптской газетѣ „Inland" 1837 № 23, отъ 9 іюня, отповѣдь, въ которой приведенному сообщенію не давалось вѣры и происхожденіе его, какъ по существу своему невозможнаго, приписывалось недоразумѣнію; впрочемъ, въ частности, авторъ, касаясь вопроса объ обученіи русскому языку, находитъ его для остзейскихъ нѣмцевъ и вообще жителей края необходимымъ; онъ говоритъ, что многіе молодые люди, по окончаніи образованія въ Дерптѣ, отправляются на поиски мѣстъ и встрѣчаютъ нерѣдко отказъ по

незнакомству съ государственнымъ языкомъ: „Конечно — прибавляетъ газета — они были бы безконечно благодарны своимъ воспитателямъ, если бы тѣ своевременно дали имъ знакомство съ этимъ столько же важнымъ, сколько богатымъ и красивымъ языкомъ; но разъ это не было сдѣлано, то теперь самому правительству приходится принять на себя эту по истинѣ благодѣтельную задачу".

Между тѣмъ, графомъ Уваровымъ было на дѣлѣ приступлено къ осуществленію начертаннаго плана. Онъ началъ съ Курляндіи, куда директоромъ Митавской гимназіи и курляндскихъ училищъ назначенъ былъ русскій (Чашниковъ), оказавшійся лицомъ вполнѣ подходящимъ. Испрашивая награду для поощренія его въ дальнѣйшихъ трудахъ, графъ Уваровъ, въ новомъ докладѣ государю, въ іюнѣ 1838 года, снова коснулся темы о реформѣ съ общей точки зрѣнія. „Вашему И. В-ву — говорится тутъ — небезызвѣстно, съ какою трудностію и какъ медленно распространяется знаніе русскаго языка въ Остзейскихъ губерніяхъ, и какъ вообще мало въ теченіе болѣе вѣка сблизились жители ихъ въ характерѣ и обычаяхъ съ коренными русскими; этому важному неудобству ничѣмъ другимъ пособить не можно, какъ воспитаніемъ юношества, и В. В-во, конечно, съ симъ намѣреніемъ еще въ 1827 году, въ бытность въ Ригѣ и Ревелѣ, замѣтивъ въ тамошнихъ гимназіяхъ слабые успѣхи въ отечественномъ языкѣ, высочайше повелѣть соизволили, чтобы этотъ недостатокъ, бывшій тогда общимъ въ учебныхъ заведеніяхъ Остзейскихъ губерній, былъ непремѣнно и безъ потери времени исправленъ". Упомянувъ затѣмъ о положенномъ началѣ для устраненія названнаго „недостатка", графъ Уваровъ не скрываетъ и предстоящихъ въ этомъ дѣлѣ трудностей: „я долженъ со всею откровенностію присовокупить, что достиженіе здѣсь и вообще въ Остзейскихъ губерніяхъ этой цѣли вполнѣ труднѣе, можетъ быть, совершеннаго недавно съ такимъ успѣхомъ преобразованія по части воспитанія въ губерніяхъ, возвращенныхъ отъ Польши,

и потому требуетъ осебеннаго высочайшаго покровительства, смѣю сказать, даже ближайшаго участія В. В-ва". Государь и на этомъ докладѣ [1]) написалъ 7 іюня 1838 года: „согласенъ".

Этотъ докладъ, являющійся въ общихъ чертахъ своихъ не новымъ, по сравненію съ двумя предшествовавшими докладами 1835 и 1836 годовъ, и во всякомъ случаѣ гораздо менѣе важнымъ по содержанію, чѣмъ второй изъ названныхъ докладовъ, произвелъ однакоже въ Остзейскомъ краѣ чрезвычайное впечатлѣніе, и мѣстные историки считаютъ его началомъ уваровской „руссификаціи" [2]). Дѣло объясняется тѣмъ, что упомянутый докладъ 7 іюня 1838 года, имѣвшій, подобно двумъ первымъ, также секретный характеръ, сдѣлался, путемъ канцелярской нескромности, весьма скоро извѣстнымъ, при томъ не по слухамъ и не въ общихъ только чертахъ, а документально и въ полномъ видѣ: онъ былъ цѣликомъ напечатанъ, въ нѣмецкомъ переводѣ, въ № 52 „Приложеній" къ „Allgemeine Zeitung" 21 февраля 1839 года [3]),

---

1) Архивъ Департамента Народн. Просвѣщенія, № 64957—2435.

2) Die Deutsche Universität Dorpat стр. 45—47; Fünfzig Jahre russischer Verwaltung in den Baltischen Provinzen, стр. 23—25.

3) Въ связи съ этимъ опубликованіемъ была статья, помѣщенная въ № 76 „Приложеній" къ „Allgemeine Zeitung" 17 марта 1839 года „Polen, Kiew und die Ostseeprovinzen", гдѣ говорилось о близкомъ упадкѣ Дерптскаго университета, подготовляемомъ послѣдними мѣрами правительства, и вообще данъ былъ порицательный отзывъ о русской политикѣ въ краѣ. — Быть можетъ, на извѣстность этого доклада въ Прибалтійскихъ губерніяхъ еще ранѣе напечатанія его въ „Allgemeine Zeitung" указываетъ слѣдующій отрывокъ изъ собственноручнаго письма попечителя Крафстрема къ графу Уварову, отъ 2 августа 1838 года, изъ Дерпта: „По дошедшимъ до меня свѣдѣніямъ я узналъ, что отправившіеся въ Петербургъ депутаты отъ здѣшняго дворянства, между прочими дѣлами, намѣрены просить, по примѣру, какъ сіе было при началѣ устройства университета, о назначеніи отъ дворянства попечителей, а именно изъ каждой губерніи Остзейскихъ провинцій по одному; предположенія ихъ клонятся къ тому, чтобы симъ назначеніемъ сохранить и поддержать національность и нѣмецкіе обычаи, которые, по мнѣнію ихъ, находятся въ опасности по случаю нововведеній, какъ-то

и вызвалъ въ краѣ чрезвычайное безпокойство. Лифляндское дворянство, желая предупредить „опасность", составило въ мартѣ 1839 года на высочайшее имя петицію и отправило депутацію для подачи ея въ Петербургъ; въ этой петиціи дворянство просило оставить школьное дѣло въ краѣ на прежнихъ основаніяхъ и только увеличить въ учебныхъ заведеніяхъ число хорошихъ учителей русскаго языка. Принявъ петицію, государь поручилъ помощнику попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа князю Волконскому лично отправиться въ Остзейскій край и ознакомиться съ дѣломъ на мѣстѣ; князь Волконскій, явившись въ Дерптъ, обратился къ тогдашнему ректору университета Ульману съ предложеніемъ высказаться по дѣлу, и Ульманъ представилъ особую записку въ духѣ полной оппозиціи преобразовательнымъ планамъ графа Уварова [2]).

Докладъ 7 іюня 1838 года обезпокоилъ, между прочимъ, и стараго Г. Ф. Паррота, жившаго тогда въ Петербургѣ, въ качествѣ члена Академіи Наукъ, и онъ обратился къ императору Николаю Павловичу съ письмомъ, отъ 8 марта 1839 года. Письмо это любопытно, какъ характеристика взглядовъ не только самого Паррота, который продолжалъ и въ Петербургѣ удерживать въ глазахъ представителей Остзейскаго края извѣстный нравственный авторитетъ въ вопросахъ, касавшихся Дерптскаго университета, но и широкаго круга лицъ въ Остзейскомъ краѣ, думавшихъ такимъ

русскаго языка и другихъ устройствъ порядка при университетѣ. Я почелъ за долгъ извѣстія, мною полученныя по секрету, передать В. В-ву и предварить о благихъ намѣреніяхъ здѣшнихъ аристократовъ, при чемъ увѣренъ, ежели подобное домогательство дойдетъ до свѣдѣнія Вашего, Вы не допустите исполненій онаго, что доведетъ университетъ до первобытнаго состоянія и совершеннаго упадка въ нравственномъ и дисциплинарномъ отношеніи. Ректора Нея (Neue) здѣсь не любятъ, потому что онъ не прикрываетъ безпорядковъ и не уважаетъ никакихъ постороннихъ просьбъ" (Архивъ Департамента Народнаго Просвѣщенія, № 130557—165).

2) Fünfzig Jahre russischer Verwaltung, стр. 31—36.

же образомъ. Вотъ какъ онъ говоритъ о русскомъ языкѣ, возражая на выраженныя въ докладѣ мысли: „Въ докладѣ сказано: русскій языкъ лишь съ трудомъ и очень медленно проникаетъ въ Балтійскія провинціи. Вотъ мой отвѣтъ: такъ оно и есть и, по моему мнѣнію, если бы дѣло могло идти скорѣе, оно бы сдѣлалось само собою. Балтійскія провинціи вполнѣ убѣждены, что въ собственномъ интересѣ тѣхъ, которые посвящаютъ себя на служеніе этимъ провинціямъ и Россіи, знать въ совершенствѣ русскій языкъ. Эти безпрестанныя нападки на незначительный успѣхъ русскаго языка въ Балтійскихъ провинціяхъ исходятъ отъ лицъ, не понимающихъ дѣла и думающихъ, что достаточно говорить по-русски, чтобы быть добрымъ русскимъ патріотомъ. Вы упускаете изъ виду, что теперь школы и университеты такъ заполнены научными предметами, что невозможно назначать для преподаванія живого языка больше времени, чѣмъ посвящается языку русскому. Вы упускаете изъ виду, что живой языкъ изучается легче и быстрѣе тамъ, гдѣ народъ говоритъ этимъ языкомъ. . . Повторяю: русскій языкъ проникнетъ самъ собою въ образованные классы балтійскаго народа, но медленно и соразмѣрно успѣху науки и литературы въ Россіи. Насильственныя мѣры могутъ лишь замедлить наступленіе этой эпохи“. Далѣе, Парротъ разбираетъ выраженное въ докладѣ графа Уварова сожалѣніе, что Балтійскія провинціи въ теченіе столѣтія слишкомъ мало сблизились съ кореннымъ русскимъ характеромъ и нравами, и приходитъ къ выводу, что такое сближеніе было бы для Балтійскихъ провинцій невыгодно и нежелательно, такъ какъ въ культурномъ отношеніи онѣ выше остальной Россіи, гдѣ настоящее образованіе стало насаждаться только въ царствованіе Александра I: „Главные носители этого образованія — писалъ Парротъ — были Балтійскія провинціи и иностранцы; изъ русскихъ было лишь очень мало лицъ, способныхъ для этого великаго дѣла. . . Степень развитія Балтійскихъ провинцій выше, чѣмъ въ

остальной Россіи. Всѣ просвѣщенные русскіе, хотя и съ сожалѣніемъ, сознаются въ этомъ; только нѣкоторыя горячія и заблуждающіяся изъ ложнаго патріотизма головы утверждаютъ противное. Авторъ доклада хочетъ, слѣдовательно, чтобы балты пожертвовали частью своей культуры для соединенія съ другими провинціями Россіи. Какъ онъ не можетъ понять, что его долгъ, напротивъ, трудиться въ томъ направленіи, чтобы развитіе остальной Россіи было поднято до уровня Балтійскихъ провинцій. Неблагодарный забылъ, что онъ самъ своимъ собственнымъ образованіемъ обязанъ высшей нѣмецкой школѣ" [1]). Эти сужденія Паррота, представляя собою лишь любопытный историческій документъ, сами собою ясно показываютъ, что, при всемъ своемъ умѣ и широкомъ образованіи, Парротъ раздѣлялъ, особенно подъ конецъ жизни, нѣкоторыя узкія воззрѣнія мѣстной балтійской среды и не могъ заглянуть глубже въ сущность историческихъ задачъ Россіи, на служеніе наукѣ въ предѣлахъ которой онъ добросовѣстно отдалъ свои лучшія умственныя и душевныя силы. Отвѣтъ на нѣкоторыя изъ возраженій Паррота — не лично, а вообще — данъ былъ графомъ Уваровымъ въ упомянутой выше запискѣ его „Десятилѣтіе министерства народнаго просвѣщенія" 1843 года.

Къ этой любопытной исторіи опубликованія доклада графа Уварова 1838 года относится и статья, анонимно появившаяся въ №№ 220 и 221 „Приложеній" къ „Allgemeine Zeitung" 8 и 9 августа 1839 года, подъ заглавіемъ „Die Einführung der russischen Sprache in den deutschen Ostseeprovinzen. Ein Wort der Rechtfertigung von einem Russen." Едвали можно сомнѣваться въ принадлежности ея профессору С. П. Шевыреву, который какъ разъ именно въ то

---

1) М. Мардарьевъ. Письма и записки Георга-Фридриха Паррота къ императорамъ Александру I и Николаю I. „Русская Старина" 1895, № 4, стр. 214—217. Ср. „Deutsche Revue" 1895, B. I, стр. 226—231.

время жилъ въ Мюнхенѣ и въ сосѣднемъ съ нимъ мѣстечкѣ Дахау, занимаясь разборомъ библіотеки барона Молля, пріобрѣтенной для Московскаго университета [1]). Статья имѣла цѣлію доказать не только законность, но и благодѣтельность для нѣмцевъ Прибалтійскаго края усиленнаго изученія въ его школахъ русскаго языка, а также разсѣять воображаемыя опасности политическаго свойства, по поводу которыхъ многіе въ то время забили въ краѣ тревогу, какъ это можно видѣть отчасти и изъ нашего предшествующаго изложенія [2]).

Изложенныя обстоятельства, между прочимъ, показываютъ, при какихъ условіяхъ приходилось вести свое дѣло графу Уварову. Конфиденціальный характеръ его служебной переписки нисколько не обезпечивалъ сохраненія секрета: мы видѣли, что его доклады государю 1836 и 1838 годовъ и положенныя на нихъ резолюціи преждевременно сдѣлались даже, въ томъ или иномъ видѣ, достояніемъ печати. Особенно возбудило его негодованіе разглашеніе доклада 1838 года, и по этому поводу возникла у него переписка съ попечителемъ Крафстремомъ, изъ которой выяснилось, что извѣстное участіе въ передачѣ текста названнаго документа заграницу принимали правитель канцеляріи попечителя Дерптскаго учебнаго округа Винтеръ и старшій учитель Митавской гимназіи Брауншвейгъ; для разъясненія дѣла въ Дерптъ пріѣзжалъ, по порученію графа Уварова, директоръ канцеляріи министра Комовскій и жандармскій офицеръ Алексѣевъ, и въ результатѣ — оба названные участника разглашенія секрета переведены были на службу

1) Словарь профессоровъ и преподавателей Московскаго университета, т. II, стр. 617—618.

2) Не смотря на то, что статья Шевырева была написана въ чрезвычайно примирительномъ тонѣ, со множествомъ комплиментовъ и оговорокъ по адресу нѣмецкой культуры и образованности, она вызвала довольно рѣзкое возраженіе въ той же „Allgemeine Zeitung“ 7 сент. 1839 года, № 250, стр. 1997—1998.

одинъ въ Вятку, другой въ Уфу; даже генералъ-губернаторъ Паленъ, въ виду того, что Брауншвейгъ былъ ему коротко извѣстенъ, получилъ свыше выговоръ „за тѣсную связь съ человѣкомъ, неблагопріятствующимъ намѣреніямъ правительства“.

Въ университетской средѣ преобразовательныя стремленія графа Уварова нашли къ себѣ двоякое отношеніе. Одна часть профессоровъ, во главѣ съ К. Хр. Ульманомъ, отнеслась къ реформѣ враждебно, дѣйствуя при этомъ за одно съ предводителемъ лифляндскаго дворянства барономъ Бруйнингомъ, подписавшимъ упомянутую выше петицію 28 марта 1839 года. Другая же часть взглянула на предположенныя мѣры сочувственно. напр. профессора Нейе, Фолькманъ, Медлеръ и Гебель, а внѣ университета — въ особенности рижскій бургомистръ Тиммъ, съ которымъ попечитель Крафстремъ велъ одно время оживленную переписку. „Прискорбно видѣть — писалъ однажды Крафстремъ графу Уварову, изъ Дерпта, 26 апрѣля 1839 года — что такъ называемые представители здѣшняго края, съ нѣкоторою имъ принадлежащею партіею, возстаютъ противъ мѣръ правительства, затрудняютъ ходъ дѣлъ, прибѣгая даже къ самымъ неблаговиднымъ и упорнымъ средствамъ для достиженія своей цѣли, съ намѣреніемъ всему противиться, устранить всякое постороннее вліяніе, истребить всѣми силами все то, что можетъ со временемъ ихъ сблизить съ Россіей и тѣмъ соорудить полную свою независимость, тогда какъ, съ другой стороны, многіе здѣшніе жители нимало не вооружаются, совершенно покойны, не возстаютъ противъ введенія порядка лучшаго устройства и распространенія русскаго языка, разсматривая это какъ мѣру полезную для благосостоянія будущаго поколѣнія“ [1]). Въ общемъ, сочувственное отношеніе къ намѣреніямъ графа Уварова выказали профессора, вызванные изъ-за гра-

---

1) Архивъ Департамента Народн. Просвѣщенія, № 130557—165.

ницы, ставши этимъ самымъ въ оппозицію со своими балтійскими коллегами, которые видѣли въ такомъ образѣ мыслей со стороны первыхъ своего рода измѣну и даже обвиняли ихъ въ заискиваніи передъ начальствомъ и въ разныхъ корыстныхъ побужденіяхъ [1]). Одинъ иностранный путешественникъ, посѣтившій Дерптъ въ это время и наблюдавшій впечатлѣніе отъ „руссификаціи" на мѣстное общество, между прочимъ писалъ: „Теперь мнѣнія по поводу этой реформы раздѣлились: одна часть рѣшительно высказалась противъ нея, тогда какъ другая совершенно обратно; къ послѣдней, русской, партіи принадлежитъ и большая часть профессоровъ изъ Германіи" [2]). Другой наблюдатель этой эпохи, видя сочувствіе многихъ заграничныхъ профессоровъ въ Дерптѣ къ мѣрамъ преобразованія и получивъ преувеличенное представленіе объ успѣхахъ послѣдняго, считалъ дѣло съ нѣмецкимъ университетомъ въ Дерптѣ совершенно потеряннымъ: „Если мы не ошибаемся, нѣмецкому университету въ Дерптѣ теперь пришелъ уже конецъ" [3]).

Но въ дѣйствительности такія опасенія были совершенно напрасны. Извѣстная группа заграничныхъ профессоровъ, смотрѣвшая на планы графа Уварова съ отвлеченной общегосударственной точки зрѣнія, усвоенной у себя на родинѣ, и чуждая балтійскихъ воззрѣній мѣстнаго характера, не могла, конечно, служить достаточной опорой правительству для проведенія предположенныхъ преобразованій; недостаточно было сочувствія этому и нѣкоторой части мѣстнаго общества, считавшаго себя зависимымъ отъ авторитетовъ

---

1) Eduard Osenbrüggen. Nordische Bilder, стр. 227—231.

2) Reise in europäische Russland in den Jahren 1840 und 1841. Von J. G. Blasius, Prof. am Collegio Carolino in Braunschweig. Th. II. Braunschweig 1844, стр. 401.

3) Halbrussisches. Von Aurelio Buddeus. 3 Ausgabe (1 изданіе было въ 1847 году). Th. II. Leipzig 1854, стр. 40.

среди дворянства, которое въ огромномъ большинствѣ держалось другихъ воззрѣній; все это затрудняло работу въ столь сложномъ вопросѣ, какой былъ поставленъ графомъ Уваровымъ, и сводило ее на путь чисто формальныхъ мѣръ, большею частію не достигавшихъ своей цѣли. Даже въ вопросѣ объ усиленіи знакомства съ русскимъ языкомъ въ университетѣ, пользу чего признавали въ краѣ очень многіе, принятыя мѣры оставались далеко позади тѣхъ результатовъ, которые отъ нихъ ожидались; еще менѣе успѣха имѣли усилія къ тому, чтобы дать русскому языку мѣсто какъ языку преподаванія и дѣлопроизводства.

Къ этому вопросу о положеніи русскаго языка въ университетѣ, въ трехъ указанныхъ отношеніяхъ, за весь описываемый періодъ мы и должны теперь обратиться.

Личныя средства и способы преподаванія русскаго языка въ университетѣ уставомъ 1820 года оставлены были прежнія, и хотя въ 1845 году попечитель Крафстремъ ходатайствовалъ объ опредѣленіи второго профессора по каѳедрѣ русскаго языка и литературы, но ходатайство это успѣха не имѣло. Въ томъ же положеніи, какъ мы видѣли раньше (стр. 238), осталось и нерасположеніе студентовъ къ изученію русскаго языка, а равно не измѣнились и взгляды профессорской коллегіи на степень необходимости занятій названнымъ предметомъ.

17 октября 1821 года профессоръ В. М. Перевощиковъ, по предложенію совѣта, выработалъ планъ занятій по русскому языку и литературѣ казенныхъ студентовъ учрежденнаго 5 ноября 1819 года Медицинскаго Института, причемъ находилъ этотъ планъ примѣнимымъ и къ прочимъ студентамъ всѣхъ факультетовъ. Но хотя этотъ планъ, долженствовавшій обезпечить знакомство всѣхъ студентовъ университета не только съ русскимъ языкомъ, теоретически и практически, но и съ литературой, былъ утвержденъ совѣтомъ, однако, чуждый обязательнаго характера и оставаясь лишь въ предѣлахъ рекомендацій и пожеланій, онъ не могъ

усилить стремленія даже казенныхъ стипендіатовъ къ изученію государственнаго языка. Стремленіе это было настолько слабо и невниманіе названныхъ воспитанниковъ къ русскому языку столь очевидно, что 18 октября 1822 года совѣтъ постановилъ предложить декану медицинскаго факультета разъяснить воспитанникамъ Медицинскаго Института настоятельную необходимость знанія ими русскаго языка, въ виду возможности назначенія ихъ на службу во внутреннія губерніи имперіи; а мѣсяца черезъ полтора (9 декабря 1822 года) совѣтъ постановилъ даже сажать во время вакацій въ карцеръ тѣхъ студентовъ Института, которые не будутъ усердно заниматься русскимъ языкомъ. Надо думать, что и эта мѣра не имѣла благопріятныхъ послѣдствій, такъ какъ въ 1827 году министръ народнаго просвѣщенія нашелъ необходимымъ указать совѣту на то, чтобы казеннымъ стипендіатамъ Медицинскаго Института свидѣтельства объ окончаніи курса выдаваемы были не иначе, какъ по удостовѣреніи ихъ познаній въ русскомъ языкѣ.

Впрочемъ, недоразумѣнія съ русскимъ языкомъ, въ виду отсутствія узаконенныхъ правилъ, не исчерпывались однимъ Медицинскимъ Институтомъ. По поводу утвержденія въ соотвѣтствующихъ степеняхъ и званіяхъ нѣсколькихъ студентовъ, окончившихъ курсъ въ 1823 году по философскому факультету, совѣтъ постановилъ спросить попечителя, въ какой мѣрѣ должны подобныя лица знать русскій языкъ, при чемъ выражено было мнѣніе совѣта, что лица, имѣющія въ виду посвятить себя дипломатической или военной службѣ, должны владѣть русскимъ языкомъ въ томъ размѣрѣ, какой установленъ учебнымъ планомъ училища для колонновожатыхъ въ Петербургѣ (переведеннаго туда изъ Москвы въ 1823 году), а для всѣхъ остальныхъ достаточно умѣнья переводить съ русскаго на нѣмецкій языкъ; но попечитель князь К. А. Ливенъ, въ своемъ отвѣтѣ совѣту (отъ 17 дек. 1823), не со-

гласился съ мнѣніемъ совѣта и полагалъ необходимымъ, чтобы всѣ оканчивающіе курсъ студенты, а особенно посвящающіе себя дипломатической или военной службѣ, могли по-русски правильно читать и писать и не только переводить съ русскаго на нѣмецкій, но и наоборотъ, и, наконецъ, могли бы болѣе или менѣе свободно объясняться по-русски [1]). Въ 1829 году (22 мая) это же подтвердилъ совѣту и попечитель гр. М. И. Паленъ, съ напоминаніемъ, что никто не можетъ быть утвержденъ въ ученой степени безъ доказательства на экзаменѣ удовлетворительныхъ познаній въ русскомъ языкѣ. Но насколько подобныя предписанія попечителя лишены были характера обязательности, видно изъ того, что противъ этого указанія гр. Палена высказался въ особомъ представленіи совѣту (отъ 18 іюня 1829 года) деканъ медицинскаго факультета проф. Ф. Эрдманъ, находившій требованіе знанія русскаго языка неосновательнымъ для тѣхъ изъ оканчивающихъ курсъ медиковъ, которые пожелаютъ заниматься медицинской практикой лишь въ предѣлахъ „нѣмецкихъ провинцій Россіи“. Такого рода отношеніе университета къ распоряженію попечителя является тѣмъ болѣе характернымъ и любопытнымъ, что еще въ январѣ 1825 года попечителемъ была сообщена совѣту, и 24 марта того же года заслушана послѣднимъ, высочайшая воля о томъ, „чтобы по Дерптскому университету и по всѣмъ училищамъ его вѣдомства обращено было вниманіе на преподаваніе русскаго языка, подобно

---

1) При попечителѣ Ливенѣ исходатайствована была даже особая, довольно крупная по тому времени, сумма (12.284 р. асс.) для основанія славянскаго отдѣла университетской библіотеки, въ которомъ видное мѣсто отведено было также и сочиненіямъ по русскому языку и литературѣ (B u s c h, der Fürst Karl Lieven, стр. 97—98), а 4 января 1840 года разрѣшено было, по ходатайству попечителя Крафстрема, отпускать изъ казны ежегодно 143 р. сер. исключительно на покупку учебныхъ пособій по русскому языку и литературѣ, чтобы увеличить тѣмъ для желающихъ средства изученія этихъ предметовъ.

какъ сіе исполняется въ другихъ университетскихъ округахъ“ [1]).

Довольно краснорѣчивымъ указаніемъ на степень вниманія университета къ нуждамъ обученія въ немъ русскому языку служитъ и то, что, по уходѣ изъ Дерпта профессора Перевощикова, каѳедра эта оставалась вакантной въ теченіе почти шести лѣтъ, до назначенія на нее профессора М. П. Розберга 25 іюля 1835 года.

16 декабря 1836 года была выражена, и 28 декабря того же года въ совѣтѣ заслушана, высочайшая императора Николая I воля: „1) строго подтвердить Дерптскому университету, чтобы никто не былъ удостоиваемъ званія дѣйствительнаго студента, кандидата и лѣкаря безъ достаточнаго знанія русскаго языка, и 2) черезъ пять лѣтъ никого въ сей университетъ не принимать въ студенты, ежели не выдержитъ предварительнаго строгаго экзамена въ основательномъ знаніи русскаго языка [2])“. Но время шло, и со стороны университета, повидимому, не было ничего предпринято для того, чтобы привести въ исполненіе эту волю, которая по содержанію своему представляла къ тому же на половину уже извѣстное университету требованіе, какъ обязательное въ прежнее время, но оставшееся безъ исполненія; и вотъ, министръ народнаго просвѣщенія графъ Уваровъ, уступая очевидно силѣ вещей, принужденъ былъ 15 декабря 1839 года войти къ Государю съ докладомъ, въ которомъ, указавъ на трудности выполненія высочайшей воли отъ 16 декабря 1836 года, просилъ: отсрочить силу этого указа до 16 декабря 1845 года, т. е. на четыре года, по обоимъ выраженнымъ тамъ пунктамъ, а до того времени „оказывать нѣкоторое снисхожденіе къ недостаточному знанію сего предмета (русскаго языка), преимущественно студентамъ,

1) Сборникъ постановленій, I. 1792.
2) Сборникъ постановленій, II. 1, ст. 1209.

вступившимъ въ университетъ до 1836 года". Докладъ заканчивался такими словами: „Съ моей стороны осмѣливаюсь заключить изъ похвальнаго и единодушнаго стремленія студентовъ Дерптскаго университета къ достиженію благотворной цѣли, ими вполнѣ постигнутой, что, принявъ съ благоговѣніемъ сей знакъ снисхожденія, правительствомъ временно оказываемый къ прежнему недостатку средствъ для изученія родного языка, одна лишь крайность побудитъ немногихъ воспользоваться льготою времени, дарованною имъ великодушнымъ вниманіемъ Вашего Величества, и что ни одинъ изъ нихъ не утратитъ ничего изъ благонамѣреннаго усердія своего къ пріобрѣтенію знанія, очевидная польза коего для нихъ несомнѣнна". На этотъ докладъ гр. Уварова положена была слѣдующая высочайшая резолюція: „Быть по сему. Я несомнѣнно надѣюсь, что въ скоромъ времени изъ среды дерптскихъ студентовъ найдутся многіе, которые въ состояніи будутъ поступить въ учители русскаго языка въ самомъ краѣ, ибо отличный духъ ихъ мнѣ давно извѣстенъ" [1]).

Безъ сомнѣнія, въ связи съ этимъ выраженіемъ высочайшей воли послѣдовало 8 іюля 1845 года распоряженіе гр. Уварова о томъ, что поступившіе въ Дерптскій университетъ послѣ января 1845 года не могутъ получить соотвѣтствующихъ дипломовъ иначе, какъ доказавъ свое умѣнье вполнѣ грамматически-правильно выражать свои мысли на русскомъ языкѣ; а затѣмъ, профессоръ русскаго языка и литературы М. П. Розбергъ, согласно предложенію попечителя, представилъ совѣту 4 ноября 1845 года планъ упорядоченія преподаванія русскаго языка въ Дерптскомъ университетѣ, утвержденный сначала (17 января 1846) лишь на три года, затѣмъ (26 августа 1849), съ нѣкоторыми измѣненіями, еще на три года и, наконецъ, (14 февраля

---

1) Сборникъ постановленій, II. 1, ст. 1567—1570.

1853) безъ измѣненій на дальнѣйшее время, безъ указанія срока.

Въ маѣ 1848 года попечитель Крафстремъ увѣдомилъ совѣтъ университета, что министръ народнаго просвѣщенія сообщилъ ему о неблагопріятномъ впечатлѣніи, вынесенномъ генералъ-губернаторомъ Прибалтійскихъ губерній княземъ А. А. Суворовымъ относительно слабаго знакомства съ русскимъ языкомъ въ предѣлахъ Остзейскаго края даже среди тѣхъ лицъ, которыя учились въ Дерптскомъ университетѣ; по этому поводу попечитель предлагалъ ректору обсудить основательно этотъ вопросъ и сообщить ему свои заключенія о мѣрахъ, какія могли бы быть приняты въ этомъ отношеніи. Ректоръ Нейе пригласилъ для обсужденія этого вопроса, кромѣ проф. Розберга, еще профессоровъ Бунге, Тобина и Биддера, и въ отвѣтѣ своемъ попечителю старался объяснить невыгодное впечатлѣніе князя Суворова нѣкоторыми соображеніями въ пользу той мысли, что Дерптскій университетъ въ этомъ невиноватъ: можетъ быть, тѣ лица, которыя подали поводъ къ заключенію князя Суворова, не окончили полнаго курса въ Дерптскомъ университетѣ и не сдали установленнаго экзамена по русскому языку; кромѣ того, слѣдуетъ различать положеніе дѣла до утвержденія правилъ, составленныхъ проф. Розбергомъ въ 1845 году, когда дѣйствительно русскій языкъ слабо преподавался въ Дерптскомъ университетѣ, и послѣ утвержденія этихъ правилъ, когда положеніе дѣла значительно улучшилось. Проф. Розбергъ въ особой запискѣ своей по этому же поводу (отъ 9 іюня 1848) тоже старался привести объясненія и оправданія, указывая на то, что въ особенности въ послѣднія 12 лѣтъ знакомство съ русскимъ языкомъ въ предѣлахъ Остзейскихъ губерній значительно поднялось въ разныхъ слояхъ общества, и что университетъ со своей стороны старается воспользоваться всѣми находящимися въ его распоряженіи средствами, чтобы доставить студентамъ возможность основательно познакомиться съ русскимъ языкомъ.

Довольно оптимистическій взглядъ на успѣхи русскаго языка въ Дерптскомъ университетѣ въ концѣ 1840-хъ годовъ выразилъ и самъ графъ Уваровъ во всеподданѣйшемъ отчетѣ своемъ о посѣщеніи университета и округа въ 1848 году. „Смѣю утвердительно сказать — писалъ графъ Уваровъ — что сравнивая въ этомъ отношеніи Дерптскій университетъ въ настоящемъ видѣ съ тѣмъ, что онъ былъ за 15 лѣтъ, нельзя не признать, что вопросъ о русскомъ языкѣ въ Остзейскихъ губерніяхъ окончательно рѣшенъ въ духѣ правительства; оканчивающіе въ университетѣ полный курсъ ученія студенты не получаютъ аттестата иначе, какъ съ засвидѣтельствованіемъ профессора русскаго языка, что они въ состояніи или излагать или производить дѣла на русскомъ языкѣ и съ онымъ совершенно ознакомлены". Министръ полагалъ, что какъ въ университетѣ, такъ и вообще въ учебныхъ заведеніяхъ округа „распространеніе русскаго языка не требуетъ никакихъ новыхъ мѣръ", и что „успѣхи въ русскомъ языкѣ можно назвать разительными". „Гдѣ русскій языкъ не природный — продолжаетъ далѣе графъ Уваровъ — не семейный, не общественный, тамъ трудно въ одно десятилѣтіе исправить столѣтнія упущенія; тамъ мы должны довольствоваться и медленнымъ развитіемъ языка, если только это развитіе происходитъ правильно и, такъ сказать, уже само собою; сверхъ того, нельзя не принять въ уваженіе, что по сродству славянскихъ поколѣній успѣхи русскаго языка въ Польскихъ губерніяхъ должны были имѣть и имѣли значительную быстроту въ сравненіи съ тѣми результатами, коихъ можно ожидать отъ племени, происходящаго отъ чуждаго корня и не имѣющаго никакихъ точекъ прикосновенія съ нашимъ языкомъ и съ преданіями отечественными". Отказываясь отъ дальнѣйшихъ мѣръ въ принятомъ направленіи, графъ Уваровъ говоритъ даже, что „всякое притязаніе къ этому порыву (т. е. въ изученіи русскаго языка), вмѣсто принесенія пользы, могло бы только ослабить оный и служить поводомъ къ недоумѣніямъ раз-

наго рода“ [1]). Отзвукомъ этихъ сужденій графа Уварова, со ссылкою на нихъ, какъ они были выражены устно, явились и указанія мѣстной печати въ томъ же оптимистическомъ тонѣ: выражалось мнѣніе, что, благодаря принятымъ мѣрамъ правительства, теперь уже молодымъ людямъ Остзейскаго края, желающимъ основательно изучить русскій языкъ, нѣтъ необходимости ѣхать „въ Россію“ (nach Russland), а можно удовлетворить этому стремленію дома [2]).

Нельзя не отмѣтить тутъ разницы во взглядахъ графа Уварова на задачи распространенія русскаго языка въ Прибалтійскомъ краѣ въ 1830-хъ и въ концѣ 1840-хъ годовъ: они потеряли значительную долю своей настойчивости и энергіи. Министръ оказывается довольнымъ достигнутыми успѣхами, хотя въ дѣйствительности для этого было очень мало основаній; успокоительный характеръ заявленій графа Уварова въ извѣстной степени слѣдуетъ объяснить желаніемъ доказать въ докладѣ 1848 года, что выше упомянутыя указанія князя Суворова лишены основанія или преувеличены, такъ какъ справедливость подобныхъ указаній имѣла бы характеръ признанія, что усилія графа Уварова не имѣли успѣха; но, конечно, оптимистическія завѣренія послѣдняго имѣли еще и болѣе глубокое основаніе и опредѣляли собою общее видоизмѣненіе государственной мысли графа Уварова по отношенію къ Остзейскому краю.

Вообще, какъ мы уже имѣли случай отмѣтить, преобразовательныя стремленія графа Уварова въ русскомъ направленіи относительно остзейской школы, въ томъ числѣ и университета, не дали всѣхъ ожидаемыхъ результатовъ. Конечно, русскій языкъ при немъ получилъ въ школахъ болѣе видное положеніе, чѣмъ раньше, но онъ не завоевалъ

---

1) Архивъ Департамента Народн. Просвѣщенія, № 64957—2435.

2) Einiges über den jetzigen Unterricht in der russischen Sprache in den öffentlichen Schulen der Ostseeprovinzen. „Inland“ 1848, № 23, ст. 480—481.

широкихъ симпатій ни въ школьной средѣ, ни въ средѣ общественной. Нечего и говорить о результатахъ болѣе общихъ, о воздѣйствіи русскихъ литературныхъ, культурныхъ и общественныхъ элементовъ, черезъ посредство языка, на складъ міровоззрѣнія мѣстныхъ жителей Остзейскаго края, что стояло конечной цѣлію объединительныхъ, въ государственномъ смыслѣ, начинаній графа Уварова. Причиною этого служили отчасти краткость времени дѣйствія реформы, около полуторыхъ десятилѣтій, отчасти неустойчивость дальнѣйшаго къ ней отношенія центральной власти, начавшей дѣйствовать вскорѣ послѣ графа Уварова въ другомъ направленіи. Вѣрная мысль графа Уварова начать реформу со средней школы не принесла при своемъ осуществленіи надлежащихъ плодовъ уже и потому, что не оказалось достаточнаго количества хорошихъ учителей и школьныхъ администраторовъ съ русскимъ направленіемъ и языкомъ. По словамъ Н. И. Пирогова, въ качествѣ русскихъ учителей посылались въ Прибалтійскія губерніи „поскребки“: „Кто изъ казеннокоштныхъ плохо учился, кутилъ или пилъ горькую, и только изъ состраданія помилованъ, кое-какъ окончивъ курсъ, тотъ посылался учителемъ въ Эстляндію или Лифляндію; а тутъ, незнакомый ни съ языкомъ, ни съ обычаями, не принятый нигдѣ въ обществѣ сверстниковъ, подвергаемый насмѣшкамъ и злымъ шуткамъ отъ мальчиковъ-учениковъ, видавшихъ его не разъ пьянымъ, злосчастный педагогъ окончательно спивался и бѣдствовалъ; кромѣ позора русскому имени, русскіе учители того времени ничего не вносили въ край, и русская грамота оставалась въ нѣмецкихъ остзейскихъ школахъ дѣвственницею“ [1]). Конечно, въ этихъ словахъ могло быть и нѣкоторое преувеличеніе; отзывы самого графа Уварова говорятъ нѣсколько иное; напр., во всеподданнѣйшемъ докладѣ 3 декабря

---

1) Сочиненія. Т. I, стр. 365—366.

1837 года онъ сообщаетъ, что, согласно наблюденіямъ проф. Розберга, „русскій языкъ въ Остзейскихъ губерніяхъ начинаетъ распространяться съ очевиднымъ успѣхомъ, и учители сего предмета въ большей части училищъ отличаются примѣрною ревностію“, а въ докладѣ 7 іюня 1848 года говорится, что „въ гимназіяхъ, въ уѣздныхъ и народныхъ училищахъ и даже въ частныхъ женскихъ пансіонахъ русскій языкъ занялъ принадлежащее ему мѣсто“; однако, имѣя въ виду послѣдующіе факты, мы вправѣ недовѣрять такимъ увѣреніямъ; безъ сомнѣнія, дѣло такъ благополучно не обстояло. Но едвали не самой главной причиной неуспѣха реформы графа Уварова было противодѣйствіе ей на мѣстѣ, сложной сѣтью разнообразныхъ вліяній на школу и ея дѣятелей, со стороны мѣстныхъ общественныхъ элементовъ, дѣйствовавшихъ не только въ краѣ, но и за его предѣлами, особенно въ Петербургѣ — личнымъ вліяніемъ высокопоставленныхъ лицъ изъ прибалтійскихъ нѣмцевъ, петиціями, депутаціями и другими подобными способами. Одинъ изъ тогдашнихъ сторонниковъ мѣстнаго образа мыслей прямо говоритъ, что когда сдѣлалось извѣстнымъ существованіе докладовъ графа Уварова въ серединѣ 1830-хъ годовъ касательно Остзейскаго края, то это открыло глаза нѣмцамъ на грозящую опасность и сдѣлало ихъ осторожнѣе, такъ какъ въ этой реформѣ видѣлось вредное для нѣмецкихъ интересовъ посягательство не только на языкъ, но и на правовыя отношенія и религію [1]). Можно прибавить — не только осторожнѣе, но и активнѣе въ дѣятельности, обратной русскому вліянію: вотъ почему 30-е и 40-е годы, не смотря на „руссификацію“, являются для университета временемъ наибольшаго успѣха въ мѣстно-патріотическомъ направленіи, когда, не взирая на „строгости“ и „стѣсненія“, шедшія отъ графа Уварова и Крафстрема, въ университетѣ

1) E. Osenbrüggen. Nordische Bilder, стр. 80—83.

и въ краѣ крѣпли основы внутренней связи, какъ на это справедливо указываютъ сами мѣстные историки[1]). Наконецъ, думается намъ, не безъ вліянія на поворотъ взглядовъ графа Уварова въ концѣ его министерской дѣятельности, а также на характеръ воззрѣнія его преемниковъ остались и обще-европейскія событія того времени, направившія внутреннюю, въ особенности окраинную, политику Россіи послѣ 1848 года по другой дорогѣ.

При вступленіи своемъ въ попечительство, фонъ-Брадке былъ очень доволенъ успѣхами русскаго языка въ университетѣ. „Въ университетѣ выпускные студенты — писалъ онъ 30 декабря 1854 года министру А. С. Норову, подъ вліяніемъ своихъ первыхъ впечатлѣній — удобно понимаютъ разговоры и книги; они большею частію пишутъ правильно, съ русскаго языка переводятъ хорошо, но ловкости и чистоты русскаго выраженія не имѣютъ; они думаютъ по-нѣмецки“ [2]). Но благодушный попечитель ошибался; слабыя занятія русскимъ языкомъ вызвали необходимость составленія новыхъ правилъ, которыя были выработаны особой комиссіей (изъ проф. Розберга, инспектора училищъ Серно-Соловьевича и лектора Шефлера) и утверждены министерствомъ, подъ именемъ „Положенія о преподаваніи русскаго языка и словесности въ Дерптскомъ университетѣ“; послѣдній извѣщенъ былъ объ этомъ попечителемъ 14 апрѣля 1860 года. Тутъ былъ точно опредѣленъ не только планъ занятій русскимъ языкомъ и литературой для студентовъ всѣхъ факультетовъ, но и степень обязательности этихъ занятій и объемъ необходимыхъ для пріобрѣтенія знаній. Однако и при новыхъ правилахъ дѣло шло по прежнему неудовлетворительно, и университетъ продолжалъ тяготиться государственнымъ языкомъ, что ясно

1) Die deutsche Universität Dorpat, стр. 48. 119—120; Eckardt, назв. соч., стр. 405—406.
2) Архивъ Департамента Народн. Просвѣщенія, № 115196—3474.

видно изъ обширнаго мнѣнія ректора Биддера, представленнаго, отъ 6 апрѣля 1863 года, попечителю графу Кейзерлингу, вѣроятно въ виду ожидаемаго новаго устава для университета. Въ основу этого мнѣнія положена была мысль о томъ, что было бы вполнѣ цѣлесообразно отмѣнить обязательность обученія русскому языку въ Дерптскомъ университетѣ и предоставить занятіе имъ лишь доброй волѣ желающихъ; при этомъ авторъ мнѣнія констатируетъ всѣмъ извѣстный фактъ, что лекціи русскаго языка, не смотря на всю свою обязательность, посѣщаются студентами чрезвычайно слабо, при неизбѣжныхъ совпаденіяхъ этихъ лекцій съ факультетскими предметами, и т. о. обязательность ихъ по неволѣ превращается въ вопросъ гонорарный: уваженіе къ предмету и интересъ къ нему отъ этого не выигрываетъ [1]). Но попечитель, въ отвѣтѣ своемъ, отъ 11 апрѣля 1863 года, соглашаясь въ общихъ чертахъ съ доводами Биддера, не нашелъ однакоже возможнымъ дать его мнѣнію офиціальный ходъ „въ виду того положенія, которое теперь занимаетъ, по волѣ правительства, русскій языкъ въ Дерптскомъ университетѣ".

Русскій языкъ, какъ органъ преподаванія, занималъ въ университетѣ въ описываемый періодъ совершенно ничтожное мѣсто. Постоянно велось на немъ преподаваніе лишь по каѳедрѣ русскаго языка и литературы, а также по православному богословію; кромѣ того, вели свое преподаваніе по-русски лекторы русскаго языка. Даже русская исторія и русское право преподавались большею частію по-нѣмецки. До 1840-хъ годовъ правительство не принимало мѣръ къ предоставленію русскому языку болѣе широкаго приложенія, какъ языка преподаваніи въ Дерптскомъ университетѣ. 19 октября 1842 года состоялось высочайшее повелѣніе о преподаваніи русскаго права на русскомъ языкѣ; дѣй-

1) См. мою статью: „Каѳедра русскаго языка и словесности въ Юрьевскомъ университетѣ. Юрьевъ 1900", стр. 20—23.

ствительно, профессора Э. С. Тобинъ и А. С. Жияревъ читали этотъ предметъ по-русски, но преемникъ перваго проф. Э. читалъ съ 1860 года русское право по-нѣмецки [1]). 22 марта 1845 года министръ народнаго просвѣщенія предписалъ, чтобы государственное врачебновѣдѣніе преподаваемо было по-русски и, кромѣ того, чтобы на каждомъ факультетѣ введено было преподаваніе хотя одного предмета на русскомъ языкѣ, для лучшаго знакомства съ послѣднимъ студентовъ; но университетъ отвѣтилъ (отъ 8 іюля 1845), что онъ не имѣетъ возможности исполнить это предписаніе. Даже Пироговъ (1836—1840) и Варвинскій (1844—1846) преподавали по-нѣмецки, хотя, конечно, имъ удобнѣе было бы вести преподаваніе на родномъ языкѣ. Нечего и говорить, что еще менѣе могъ находить себѣ мѣста русскій языкъ на экзаменахъ, диспутахъ и при другихъ подобныхъ случаяхъ учебной жизни университета.

Что касается круга внутренняго дѣлопроизводства и дѣловой переписки университета, то первое всецѣло производилось, какъ и въ первомъ періодѣ существованія университета, на нѣмецкомъ языкѣ; о второй можно сказать то же самое, хотя со стороны правительства и были попытки, довольно безуспѣшныя, къ тому, чтобы предоставить государственному языку нѣкоторое приложеніе въ офиціальныхъ

---

1) Это послѣднее обстоятельство обратило на себя вниманіе сенатора Н. А. Манасеина во время его извѣстной ревизіи Лифляндской и Курляндской губерній въ 1882—1883 годахъ; въ отвѣтъ на запросъ его попечителю, отъ 9 іюля 1883 года, какимъ образомъ высочайшее повелѣніе о преподаваніи русскаго права на русскомъ языкѣ оказалось обойденнымъ, получено было объясненіе, что, при назначеніи проф. Э. 21 апрѣля 1860 года, обязанность его читать на русскомъ языкѣ не была особо указана, и потому вновь назначенный профессоръ нашелъ возможнымъ читать лекціи по-нѣмецки „въ интересахъ преподаванія, такъ какъ большая часть его слушателей нѣмецкаго происхожденія"; донося объ этомъ попечителю, отъ 25 октября 1883 года, ректоръ Валь прибавилъ, что лекціи проф. Э. были посѣщены попечителями фонъ-Брадке и Жерве и не вызвали съ ихъ стороны никакихъ замѣчаній касательно языка преподаванія.

сношеніяхъ университета съ другими учрежденіями. Переписка съ министромъ и письменныя сношенія съ попечителемъ производились по-нѣмецки. Но 12 марта 1841 года попечитель Крафстремъ предложилъ совѣту, чтобы въ перепискѣ съ министерствомъ народнаго просвѣщенія, а равно въ приложеніяхъ къ ней и денежныхъ счетахъ, для облегченія дѣлопроизводства и контроля, университетъ употреблялъ русскій языкъ. Предложеніе это показалось университету нарушеніемъ предоставленныхъ ему правъ, и совѣтъ передалъ вопросъ на заключеніе юридическаго факультета. Послѣдній представилъ свой отзывъ, отъ 10 апрѣля 1841 года, въ которомъ справками съ законами, начиная съ привиллегіи Сигизмунда-Августа 1561 года и кончая уставомъ 1820 года, старался доказать, что университетъ не обязанъ исполнять предложеніе попечителя. „Но принимая во вниманіе — говорится въ заключеніи факультета — что нѣкоторыя административныя дѣла университета направляются непосредственно въ департаментъ народнаго просвѣщенія и, конечно, могутъ тамъ причинить затрудненія въ письменномъ оборотѣ, особенно же при контролѣ счетовъ съ приложеніями, юридическій факультетъ полагалъ бы, въ видахъ охраненія своихъ привиллегій и облегченія дѣлопроизводства, наиболѣе удобнымъ выходомъ изъ этого рода затрудненій такой пріемъ, чтобы всѣ представленія, направляемыя непосредственно въ департаментъ за подписью ректора, писались по-нѣмецки, но съ приложеніемъ русскаго перевода, сдѣланнаго и скрѣпленнаго лекторомъ русскаго языка, какъ присяжнымъ переводчикомъ. При этомъ само собою разумѣется, что ректоръ, нерѣдко иностранецъ, былъ бы отвѣтственъ только за подписанный имъ нѣмецкій подлинникъ, а лекторъ — только за точность подписаннаго имъ перевода“. Совѣтъ университета, въ засѣданіи 14 апрѣля 1841 года, вполнѣ согласился съ заключеніемъ юридическаго факультета и въ указанномъ смыслѣ принялъ къ исполненію предложеніе попечителя, о чемъ и донесъ послѣднему.

Еще непринужденнѣе смотрѣлъ университетъ на вопросъ объ употребленіи русскаго языка въ дѣловой перепискѣ при сношеніяхъ съ учрежденіями, которымъ онъ не былъ подчиненъ. Когда 18 мая 1842 года Динабургская комиссаріатская комиссія препроводила обратно въ университетъ отношеніе его Правленія, писанное на нѣмецкомъ языкѣ, ссылаясь при этомъ на ст. 1744 т. X. Свода Гражд. Зак., то получила отъ Правленія университета, отъ 2 іюня 1842 года, отвѣтъ, что нѣмецкій языкъ для Прибалтійскихъ губерній не можетъ почитаться за иностранный, и потому приводимая комиссіей статья къ данному случаю не примѣнима; но, вмѣстѣ съ этимъ, Правленіе, желая исполнить „просьбу комиссіи“ и „въ уваженіи того, что въ оной, можетъ быть, нѣтъ чиновниковъ, свѣдущихъ въ нѣмецкомъ языкѣ“, препроводило въ комиссію, въ видѣ любезности, русскій переводъ своего отношенія, касавшагося высылки прогонныхъ денегъ для двухъ медицинскихъ казенныхъ воспитанниковъ университета.

Переходъ къ перепискѣ на русскомъ языкѣ не совершился въ полной мѣрѣ и по опубликованіи высочайше утвержденнаго 3 января 1850 года положенія комитета министровъ, касавшагося также и Дерптскаго университета, слѣдующаго содержанія: „подтвердить [1]) губернскимъ присутствіямъ и всѣмъ вообще короннымъ присутственнымъ мѣстамъ всѣхъ трехъ Остзейскихъ губерній производить на русскомъ языкѣ всю переписку не только съ высшими и общими государственными установленіями и властями и съ присутственными мѣстами всѣхъ Остзейскихъ губерній, но и съ тѣми, находящимися въ Остзейскихъ губерніяхъ, присутственными и правительственными мѣстами и лицами, кои сами производятъ дѣла не на нѣмецкомъ, а на русскомъ языкѣ, а также со всѣми вообще находящимися въ

---

1) Это постановленіе нашло себѣ мѣсто еще въ 1845 году въ ст. 121 ч. I Свода мѣстныхъ узаконеній Остзейскихъ губерній.

тѣхъ губерніяхъ мѣстами и лицами военныхъ вѣдомствъ". Хотя попечитель, въ отвѣтъ на сообщеніе объ этомъ, и писалъ министру народнаго просвѣщенія, отъ 25 января 1850 года, что Дерптскимъ университетомъ переписка въ указанныхъ предѣлахъ производится на русскомъ языкѣ, но указаніемъ на то, что выполненіе этого закона не было безусловно точнымъ, являются послѣдующія высочайшія повелѣнія о томъ же 1 іюня 1867 и 21 октября 1869 годовъ [1]).

Для характеристики отношенія университета къ государственному языку умѣстно указать здѣсь на слѣдующее мѣсто высочайше одобреннаго 15 мая 1853 года доклада министра народнаго просвѣщенія: „замѣтивъ, что печатаемые и разсылаемые конспекты преподаванія въ Дерптскомъ университетѣ составляются не иначе, какъ на нѣмецкомъ языкѣ, какъ бы конспекты какого-нибудь германскаго университета, я считаю это неприличнымъ и полагаю сдѣлать распоряженіе, чтобы конспекты Дерптскаго университета были печатаемы на русскомъ языкѣ съ нѣмецкимъ переводомъ" [2]).

Окончательное разрѣшеніе вопроса о русскомъ языкѣ, какъ органѣ преподаванія и дѣлопроизводства, совершенно было уже въ третьемъ періодѣ жизни Дерптскаго-Юрьевскаго университета [3]).

5.

Дѣятельность университетскаго совѣта; торжественныя собранія и рѣчи; празднованіе двадцатипятилѣтняго юбилея въ 1827

---

1) Будиловичъ, А. С., назв. соч., стр. 19—25.

2) Сборникъ постановленій, II. 2, ст. 1490.

3) Приведенныя данныя о русскомъ языкѣ почерпнуты нами изъ дѣла Архива Юрьевскаго Университета: „Die russische Sprache". Vol. I—II.

[illegible] — [illegible] — [illegible]: [illegible]: [illegible] — [illegible] при [illegible].

[illegible] 1830 [illegible] университетской жизни.

[illegible] въ учебное время [illegible] черезъ три. Такъ въ 1821 году [illegible], въ 1822 — 15, въ 1823 — 15, въ 1824 — 12, въ 1825 — 13; въ 1840 году — 14, въ 1841 — 17, въ 1842 — 16, въ 1843 — 14, въ 1844 — 19, въ 1845 — 14; въ 1860 году — 15, въ 1861 — 16, въ 1862 — 20, въ 1863 — 16, въ 1864 — 17.

Согласно прежнему порядку, совѣтъ до 1851 года и послѣ 1857 года выбиралъ въ одномъ изъ засѣданій ректора, сначала ежегодно, а съ 1842 года на четырехлѣтній срокъ, и время этого выбора падало на конецъ осенняго семестра. Такъ какъ въ началѣ второго періода много лѣтъ подрядъ выбираемо было совѣтомъ одно и то же лицо (Эверсъ), да и послѣ его смерти, въ теченіе 1830-хъ годовъ, ректоры не мѣнялись ежегодно, то старый обычай говорить вновь избранному ректору при своемъ вступленіи въ должность особую рѣчь сталъ приходить въ забвеніе, и 28 сентября 1840 года послѣдовало, по этому поводу, отъ попечителя Крафстрома предписаніе университету точно слѣдить за выполненіемъ § 62 устава; однако, въ виду весьма небольшого количества лицъ, являвшихся въ должности ректора съ начала 1840-хъ годовъ и до конца періода, это

предписаніе имѣло весьма мало случаевъ къ своему выполненію.

Впрочемъ, въ торжественныхъ собраніяхъ университета, устраиваемыхъ совѣтомъ, не было недостатка. Въ царствованіе императора Александра I праздновались соотвѣтствующими рѣчами дни рожденія государя, восшествія на престолъ, коронаціи и другіе; въ оба послѣдующія царствованія изъ этихъ дней удержался лишь день рожденія Александра I, 12 декабря, такъ какъ этотъ день былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и днемъ основанія университета; по прежнему въ этотъ день совершался годичный университетскій актъ, на которомъ читалась факультетская рѣчь, отчетъ, и объявлялись награды за студенческія сочиненія на заданныя темы; этотъ именно порядокъ трехъ главнѣйшихъ составныхъ частей акта, соблюдаемый и до настоящаго времени, формально узаконенъ былъ, согласно впрочемъ прежней практикѣ, попечителемъ Крафстремомъ 18 декабря 1836 года.

19 ноября 1825 года скончался императоръ Александръ I, и слѣдовавшій затѣмъ черезъ три недѣли университетскій актъ носилъ поэтому торжественно-траурный характеръ. Профессоръ Г. Э. Ленцъ произнесъ на немъ рѣчь, въ которой очертилъ заслуги и благодѣянія почившаго государя какъ для Европы и для Россіи, такъ въ частности и для Дерптскаго университета[1]; рѣчи этой предшествовало и за ней слѣ-

1) „Was aber zumal Dorpat, was unsere hohe Schule seit der heute vor dreiundzwanzig Jahren unterzeichneten Gründungsacte ihrem erhabenen Stifter, ihrem beständigen Mehrer und Erhalter, ihrem unvergesslichen Wohlthäter schuldig ist, was Er durch Seine Kaiserliche Freigebigkeit, durch Seine väterliche Fürsorge, durch Seinen Schutz und Seine Aufmunterung für die Gründung und Verbreitung der Wissenschaft in unserem deutsch-russischen Vaterlande gethan hat, — das werden die Denkmäler, die Seine Hand sich hier geschaffen und die nun in würdiger Schönheit vor unsern Augen stehen, das werden die mannigfaltigen Sammlungen für Wissenschaft und Kunst, mit denen Seine Huld uns beschenkt hat, das werden die Jahrbücher

довало хоровое пѣніе, въ которомъ приняли участіе многіе изъ присутствовавшихъ на актѣ; профессоромъ Моргенштерномъ было прочитано специально на этотъ случай написанное нѣмецкое стихотвореніе, а профессоромъ Франке — подобныя же стихотворенія на греческомъ и латинскомъ языкахъ; особой элегіей на смерть императора Александра I откликнулся и проживавшій въ Альштедтѣ, въ вел. герцогствѣ Веймарскомъ, незадолго передъ тѣмъ выбранный „литературный корреспондентъ" университета Фр. Авг. Кетэ. Вскорѣ затѣмъ университетъ праздновалъ особымъ торжественнымъ актомъ, 12 сентября 1826 года, коронацію новаго государя Николая I, и при этомъ проф. Сарторіусъ произнесъ соотвѣтственную рѣчь, а проф. Людвигъ Струве стихотвореніе „Vergangenheit und Zukunft", въ которомъ сопоставлялъ недавнее прошлое съ предстоящимъ, не менѣе счастливымъ, будущимъ.

Изъ рѣчей на торжественныхъ собраніяхъ въ послѣдующіе годы назовемъ здѣсь еще: „Слово о превосходствѣ самодержавнаго правленія", проф. Перевощикова (въ день восшествія на престолъ, 20 ноября 1826 года); „Vom höchsten Principe der Wissenschaft", проф. Сарторіуса (въ день коронаціи, 22 августа 1829 года); латинская рѣчь о духоборцахъ, проф. Ленца (въ день тезоименитства государя, 6 декабря 1829 года); „Ueber die Bedeutung der innern Communication", проф. Якоби (22 августа 1836 года); „Die Physiologie als Gegnerin der Lehre des Materialismus von der Identität des Leibes und der Seele", проф. Фолькмана (въ день тезоименитства императрицы Александры Θео-

---

unserer Universität ewig dankbar bewahren, das werden die Jünglinge und Männer, welche hier ihre Bildung empfingen und nun ihrem Vaterlande im Segen dienen, noch lange, lange nach Seinen Lebenstagen durch die That verkündigen": Zum Gedächtniss Alexanders I. Trauerrede im grossen Hörsaale der K.-Universität Dorpat am 12. December 1825, gehalten von Gottlieb Eduard Lenz. Dorpat 1826, стр. 33—34.

доровны, 21 апрѣля 1838 года); „Ueber das Verhältniss der Mathematik zur Naturwissenschaft", проф. Зенфа (20 ноября 1838 года); „Zukunft der Astronomie", проф. Медлера (20 ноября 1840 года); „Beitrag zur moralischen Würdigung des Zweikampfes", касающаяся вопроса о дуэли, проф. Фолькмана (22 августа 1841 года); „Ueber die Bedeutung des Schwarzen Meeres für den Handel und Verkehr der alten Welt", проф. Преллера (22 августа 1842 года); „Die Architectur und ihr Verhältniss zur Cultur und zum Volke", проф. Штремме (20 ноября 1842 года); „Ueber die geologische Natur des armenischen Hochlandes", проф. Абиха (22 августа 1843 года); „Der Rechtsunterricht auf den Universitäten, mit nächster Beziehung auf die Forderung einer practischen Richtung desselben", проф. Озенбрюггена (20 ноября 1844 года); „Ueber den Einfluss des Orients auf das griechische Alterthum", проф. Мерклина (22 августа 1851 года); его же рѣчь: „Karl Morgenstern", произнесенная по поводу смерти Моргенштерна (20 ноября 1853 года).

На долю совѣта выпала и организація празднованія двухъ университетскихъ юбилеевъ — двадцатипятилѣтняго въ 1827 году и пятидесятилѣтняго въ 1852-мъ.

Высочайшее разрѣшеніе праздновать первый юбилей получено было незадолго до самаго празднества, черезъ попечителя, отъ 30 ноября 1827 года. Въ день празднованія, 12 декабря, въ 8 часовъ утра, весь служебный персоналъ университета, съ ректоромъ во главѣ, собрался въ зданіи гимназіи, куда явились также и гимназическіе учителя; здѣсь прежде всего объявлено было письменное поздравленіе университету попечителя князя Ливена и сообщеніе его о наградахъ ректору Эверсу (чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника) и о пожалованіи орденовъ профессорамъ Ледебуру, Энгельгардту, Вильгельму Струве и Еше и синдику барону Унгернъ-Штернбергу, которые тутъ же и возложили на себя знаки пожалованныхъ отличій. Затѣмъ, всѣ собравшіеся отправились въ сосѣднюю съ гимназіей Ивановскую церковь, при звонѣ

церковныхъ колоколовъ, по парамъ. По окончанiи церковной службы и проповѣди профессора практическаго богословiя Ленца, всѣ участники торжества, въ томъ числѣ студенты и приглашенные гости изъ почетныхъ жителей города, отправились, въ количествѣ 1400 человѣкъ, въ актовый университетскiй залъ, въ $11^1/_2$ часовъ. Въ залу торжественно внесены были къ моменту начала акта подлинникъ „акта постановленiя" 12 декабря 1802 года и экземпляръ упомянутаго нами выше (стр. 17—18) юбилейнаго изданiя, исполненнаго подъ редакцiей ректора Эверса. Актъ начался пѣнiемъ хоромъ любителей и любительницъ Моцартовскаго „Te Deum", послѣ котораго слѣдовала рѣчь ректора Эверса, заключавшая въ себѣ краткое историческое обозрѣнiе жизни университета за прожитую четверть вѣка. Послѣ Эверса и небольшого музыкальнаго промежутка говорилъ рѣчь проф. Фридрихъ Парротъ на тему „Die Natur des Menschen hinsichtlich des Gedeihens und Nichtgedeihens seiner Werke, aus dem Standpunkte der Naturforschung". Затѣмъ, послѣ новой музыкальной пiесы, объявлены были ректоромъ имена лицъ, возведенныхъ совѣтомъ университета въ почетные доктора, по случаю юбилея; это были: по богословскому факультету — лифляндскiй генералъ-суперинтендентъ Карлъ Бергъ и первый проповѣдникъ церкви св. Михаила въ Бременѣ Готфридъ Менкенъ; по юридическому — М. М. Сперанскiй, бывшiй попечитель Клингеръ, имѣвшiй, какъ мы видѣли, уже ранѣе степень почетнаго доктора философiи отъ Дерптскаго университета, и извѣстный итальянскiй ученый Анджело Маи; по медицинскому — Александръ Гумбольдтъ и Георгъ-Фридрихъ Парротъ; по философскому — кiевскiй митрополитъ Евгенiй, московскiй митрополитъ Филаретъ, принцъ Карлъ-Бернгардтъ Саксенъ-Веймарскiй и Эйзенахскiй и шведскiй химикъ Яковъ Берцелiусъ. Наконецъ, по объявленiи присужденныхъ за сочиненiя на заданныя темы наградъ и прочтенiя поздравительнаго письма министра народнаго просвѣщенiя, отъ 4 декабря 1827 года, актъ закончился бла-

годарственнымъ отъ имени совѣта обращеніемъ профессора Эрдмана къ присутствовавшимъ гостямъ и хоровымъ пѣніемъ „Аллилуія“ Генделя. Въ тотъ же день въ домѣ Левенштерна, бывшемъ фонъ-Бока, въ четыре часа, состоялся отъ имени университета обѣдъ, на которомъ, въ качествѣ приглашенныхъ гостей, присутствовало и 20 студентовъ разныхъ факультетовъ, а также нѣсколько учениковъ какъ Дерптской, такъ и другихъ гимназій округа. Вечеромъ главное зданіе университета и весь городъ былъ иллюминованъ; по улицамъ до поздней ночи ходили, съ музыкой и пѣніемъ, студенческія процессіи, закончившіяся восторженной демонстраціей передъ квартирой ректора. Празднованіе продолжалось и въ слѣдующіе два дня — двумя балами, изъ которыхъ одинъ данъ былъ студентами, другой бывшими студентами университета, и на которыхъ было приглашено немало профессоровъ и почетныхъ лицъ изъ городскихъ сословій.

Кромѣ упомянутыхъ уже ранѣе изданій перваго юбилея, къ этому торжеству приготовлены и выпущены были въ свѣтъ каждымъ факультетомъ, а также совѣтомъ, и другія посвященныя университету сочиненія научнаго или поэтическаго характера [1]).

Второй юбилей, по общей своей программѣ, походилъ на первый, но онъ отличался большей торжественностью, оживленіемъ и многолюдствомъ участниковъ. Онъ оффиціально продолжался не одинъ, а уже два дня, 12 и 13 декабря 1852 года.

Еще въ сентябрѣ 1852 года совѣтомъ выработана была программа празднества и сдѣланы своевременныя оповѣщенія тѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, которыя пожелали бы принять въ немъ участіе. Изъ среды совѣта избранъ

---

1) Das erste Jubelfest der Kaiserlichen Universität Dorpat. Fünfundzwanzig Jahre nach ihrer Gründung, gefeiert am 12. December 1827. Dorpat 1828, стр. XII—XIV.

ствительно, профессора Э. С. Тобинъ и А. С. Жияревъ читали этотъ предметъ по-русски, но преемникъ перваго проф. Э. читалъ съ 1860 года русское право по-нѣмецки [1]). 22 марта 1845 года министръ народнаго просвѣщенія предписалъ, чтобы государственное врачебновѣдѣніе преподаваемо было по-русски и, кромѣ того, чтобы на каждомъ факультетѣ введено было преподаваніе хотя одного предмета на русскомъ языкѣ, для лучшаго знакомства съ послѣднимъ студентовъ; но университетъ отвѣтилъ (отъ 8 іюля 1845), что онъ не имѣетъ возможности исполнить это предписаніе. Даже Пироговъ (1836—1840) и Варвинскій (1844—1846) преподавали по-нѣмецки, хотя, конечно, имъ удобнѣе было бы вести преподаваніе на родномъ языкѣ. Нечего и говорить, что еще менѣе могъ находить себѣ мѣста русскій языкъ на экзаменахъ, диспутахъ и при другихъ подобныхъ случаяхъ учебной жизни университета.

Что касается круга внутренняго дѣлопроизводства и дѣловой переписки университета, то первое всецѣло производилось, какъ и въ первомъ періодѣ существованія университета, на нѣмецкомъ языкѣ; о второй можно сказать то же самое, хотя со стороны правительства и были попытки, довольно безуспѣшныя, къ тому, чтобы предоставить государственному языку нѣкоторое приложеніе въ офиціальныхъ

---

1) Это послѣднее обстоятельство обратило на себя вниманіе сенатора Н. А. Манасеина во время его извѣстной ревизіи Лифляндской и Курляндской губерній въ 1882—1883 годахъ; въ отвѣтъ на запросъ его попечителю, отъ 9 іюля 1883 года, какимъ образомъ высочайшее повелѣніе о преподаваніи русскаго права на русскомъ языкѣ оказалось обойденнымъ, получено было объясненіе, что, при назначеніи проф. Э. 21 апрѣля 1860 года, обязанность его читать на русскомъ языкѣ не была особо указана, и потому вновь назначенный профессоръ нашелъ возможнымъ читать лекціи по-нѣмецки „въ интересахъ преподаванія, такъ какъ большая часть его слушателей нѣмецкаго происхожденія“; донося объ этомъ попечителю, отъ 25 октября 1883 года, ректоръ Валь прибавилъ, что лекціи проф. Э. были посѣщены попечителями фонъ-Брадке и Жерве и не вызвали съ ихъ стороны никакихъ замѣчаній касательно языка преподаванія.

сношеніяхъ университета съ другими учрежденіями. Переписка съ министромъ и письменныя сношенія съ попечителемъ производились по-нѣмецки. Но 12 марта 1841 года попечитель Крафстремъ предложилъ совѣту, чтобы въ перепискѣ съ министерствомъ народнаго просвѣщенія, а равно въ приложеніяхъ къ ней и денежныхъ счетахъ, для облегченія дѣлопроизводства и контроля, университетъ употреблялъ русскій языкъ. Предложеніе это показалось университету нарушеніемъ предоставленныхъ ему правъ, и совѣтъ передалъ вопросъ на заключеніе юридическаго факультета. Послѣдній представилъ свой отзывъ, отъ 10 апрѣля 1841 года, въ которомъ справками съ законами, начиная съ привиллегіи Сигизмунда-Августа 1561 года и кончая уставомъ 1820 года, старался доказать, что университетъ не обязанъ исполнять предложеніе попечителя. „Но принимая во вниманіе — говорится въ заключеніи факультета — что нѣкоторыя административныя дѣла университета направляются непосредственно въ департаментъ народнаго просвѣщенія и, конечно, могутъ тамъ причинить затрудненія въ письменномъ оборотѣ, особенно же при контролѣ счетовъ съ приложеніями, юридическій факультетъ полагалъ бы, въ видахъ охраненія своихъ привиллегій и облегченія дѣлопроизводства, наиболѣе удобнымъ выходомъ изъ этого рода затрудненій такой пріемъ, чтобы всѣ представленія, направляемыя непосредственно въ департаментъ за подписью ректора, писались по-нѣмецки, но съ приложеніемъ русскаго перевода, сдѣланнаго и скрѣпленнаго лекторомъ русскаго языка, какъ присяжнымъ переводчикомъ. При этомъ само собою разумѣется, что ректоръ, нерѣдко иностранецъ, былъ бы отвѣтственъ только за подписанный имъ нѣмецкій подлинникъ, а лекторъ — только за точность подписаннаго имъ перевода“. Совѣтъ университета, въ засѣданіи 14 апрѣля 1841 года, вполнѣ согласился съ заключеніемъ юридическаго факультета и въ указанномъ смыслѣ принялъ къ исполненію предложеніе попечителя, о чемъ и донесъ послѣднему.

Еще непринужденнѣе смотрѣлъ университетъ на вопросъ объ употребленіи русскаго языка въ дѣловой перепискѣ при сношеніяхъ съ учрежденіями, которымъ онъ не былъ подчиненъ. Когда 18 мая 1842 года Динабургская комиссаріатская комиссія препроводила обратно въ университетъ отношеніе его Правленія, писанное на нѣмецкомъ языкѣ, ссылаясь при этомъ на ст. 1744 т. X. Свода Гражд. Зак., то получила отъ Правленія университета, отъ 2 іюня 1842 года, отвѣтъ, что нѣмецкій языкъ для Прибалтійскихъ губерній не можетъ почитаться за иностранный, и потому приводимая комиссіей статья къ данному случаю не примѣнима; но, вмѣстѣ съ этимъ, Правленіе, желая исполнить „просьбу комиссіи“ и „въ уваженіи того, что въ оной, можетъ быть, нѣтъ чиновниковъ, свѣдущихъ въ нѣмецкомъ языкѣ“, препроводило въ комиссію, въ видѣ любезности, русскій переводъ своего отношенія, касавшагося высылки прогонныхъ денегъ для двухъ медицинскихъ казенныхъ воспитанниковъ университета.

Переходъ къ перепискѣ на русскомъ языкѣ не совершился въ полной мѣрѣ и по опубликованіи высочайше утвержденнаго 3 января 1850 года положенія комитета министровъ, касавшагося также и Дерптскаго университета, слѣдующаго содержанія: „подтвердить [1]) губернскимъ присутствіямъ и всѣмъ вообще короннымъ присутственнымъ мѣстамъ всѣхъ трехъ Остзейскихъ губерній производить на русскомъ языкѣ всю переписку не только съ высшими и общими государственными установленіями и властями и съ присутственными мѣстами всѣхъ Остзейскихъ губерній, но и съ тѣми, находящимися въ Остзейскихъ губерніяхъ, присутственными и правительственными мѣстами и лицами, кои сами производятъ дѣла не на нѣмецкомъ, а на русскомъ языкѣ, а также со всѣми вообще находящимися въ

---

1) Это постановленіе нашло себѣ мѣсто еще въ 1845 году въ ст. 121 ч. I Свода мѣстныхъ узаконеній Остзейскихъ губерній.

тѣхъ губерніяхъ мѣстами и лицами военныхъ вѣдомствъ". Хотя попечитель, въ отвѣтъ на сообщеніе объ этомъ, и писалъ министру народнаго просвѣщенія, отъ 25 января 1850 года, что Дерптскимъ университетомъ переписка въ указанныхъ предѣлахъ производится на русскомъ языкѣ, но указаніемъ на то, что выполненіе этого закона не было безусловно точнымъ, являются послѣдующія высочайшія повелѣнія о томъ же 1 іюня 1867 и 21 октября 1869 годовъ [1]).

Для характеристики отношенія университета къ государственному языку умѣстно указать здѣсь на слѣдующее мѣсто высочайше одобреннаго 15 мая 1853 года доклада министра народнаго просвѣщенія: „замѣтивъ, что печатаемые и разсылаемые конспекты преподаванія въ Дерптскомъ университетѣ составляются не иначе, какъ на нѣмецкомъ языкѣ, какъ бы конспекты какого-нибудь германскаго университета, я считаю это неприличнымъ и полагаю сдѣлать распоряженіе, чтобы конспекты Дерптскаго университета были печатаемы на русскомъ языкѣ съ нѣмецкимъ переводомъ" [2]).

Окончательное разрѣшеніе вопроса о русскомъ языкѣ, какъ органѣ преподаванія и дѣлопроизводства, совершенно было уже въ третьемъ періодѣ жизни Дерптскаго-Юрьевскаго университета [3]).

5.

Дѣятельность университетскаго совѣта; торжественныя собранія и рѣчи; празднованіе двадцатипятилѣтняго юбилея въ 1827

---

1) Будиловичъ, А. С., назв. соч., стр. 19—25.

2) Сборникъ постановленій, II. 2, ст. 1490.

3) Приведенныя данныя о русскомъ языкѣ почерпнуты нами изъ дѣла Архива Юрьевскаго Университета: „Die russische Sprache". Vol. I—II.

году и пятидесятилѣтняго въ 1852 голу. — Правленіе. — Судебныя учрежденія университета. — Денежныя средства; постройки; расширеніе и покупка университетскихъ зданій. — Постройка евангелическо-лютеранской церкви при университетѣ.

Какъ уже выше было замѣчено нами, уставъ 1820 года оставилъ компетенцію университетскаго совѣта въ прежнихъ границахъ, которыя и въ послѣдующіе годы весьма мало были затронуты новыми узаконеніями. Поэтому, тутъ, какъ и ранѣе, приходится сказать о дѣятельности совѣта лишь весьма немногое, такъ какъ важнѣйшіе слѣды этой дѣятельности нашли или найдутъ себѣ извѣстное изображеніе по поводу упоминанія о тѣхъ или иныхъ отдѣльныхъ сторонахъ и явленіяхъ университетской жизни.

Обычныя засѣданія совѣта собираемы были въ учебное время приблизительно недѣли черезъ три. Такъ, въ 1821 году было 8 засѣданій, въ 1822 — 18, въ 1823 — 15, въ 1824 — 12, въ 1825 — 13; въ 1840 году — 14, въ 1841 — 17, въ 1842 — 16, въ 1843 — 14, въ 1844 — 19, въ 1845 — 14; въ 1860 году — 15, въ 1861 — 16, въ 1862 — 20, въ 1863 — 16, въ 1864 — 17.

Согласно прежнему порядку, совѣтъ до 1851 года и послѣ 1857 года выбиралъ въ одномъ изъ засѣданій ректора, сначала ежегодно, а съ 1842 года на четырехлѣтній срокъ, и время этого выбора падало на конецъ осенняго семестра. Такъ какъ въ началѣ второго періода много лѣтъ подрядъ выбираемо было совѣтомъ одно и то же лицо (Эверсъ), да и послѣ его смерти, въ теченіе 1830-хъ годовъ, ректоры не мѣнялись ежегодно, то старый обычай говорить вновь избранному ректору при своемъ вступленіи въ должность особую рѣчь сталъ приходить въ забвеніе, и 28 сентября 1840 года послѣдовало, по этому поводу, отъ попечителя Крафстрема предписаніе университету точно слѣдить за выполненіемъ § 62 устава; однако, въ виду весьма небольшого количества лицъ, явившихся въ должности ректора съ начала 1840-хъ годовъ и до конца періода, это

предписаніе имѣло весьма мало случаевъ къ своему выполненію.

Впрочемъ, въ торжественныхъ собраніяхъ университета, устраиваемыхъ совѣтомъ, не было недостатка. Въ царствованіе императора Александра I праздновались соотвѣтствующими рѣчами дни рожденія государя, восшествія на престолъ, коронаціи и другіе; въ оба послѣдующія царствованія изъ этихъ дней удержался лишь день рожденія Александра I, 12 декабря, такъ какъ этотъ день былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и днемъ основанія университета; по прежнему въ этотъ день совершался годичный университетскій актъ, на которомъ читалась факультетская рѣчь, отчетъ, и объявлялись награды за студенческія сочиненія на заданныя темы; этотъ именно порядокъ трехъ главнѣйшихъ составныхъ частей акта, соблюдаемый и до настоящаго времени, формально узаконенъ былъ, согласно впрочемъ прежней практикѣ, попечителемъ Крафстремомъ 18 декабря 1836 года.

19 ноября 1825 года скончался императоръ Александръ I, и слѣдовавшій затѣмъ черезъ три недѣли университетскій актъ носилъ поэтому торжественно-траурный характеръ. Профессоръ Г. Э. Ленцъ произнесъ на немъ рѣчь, въ которой очертилъ заслуги и благодѣянія почившаго государя какъ для Европы и для Россіи, такъ въ частности и для Дерптскаго университета[1]; рѣчи этой предшествовало и за ней слѣ-

1) „Was aber zumal Dorpat, was unsere hohe Schule seit der heute vor dreiundzwanzig Jahren unterzeichneten Gründungsacte ihrem erhabenen Stifter, ihrem beständigen Mehrer und Erhalter, ihrem unvergesslichen Wohlthäter schuldig ist, was Er durch Seine Kaiserliche Freigebigkeit, durch Seine väterliche Fürsorge, durch Seinen Schutz und Seine Aufmunterung für die Gründung und Verbreitung der Wissenschaft in unserem deutsch-russischen Vaterlande gethan hat, — das werden die Denkmäler, die Seine Hand sich hier geschaffen und die nun in würdiger Schönheit vor unsern Augen stehen, das werden die mannigfaltigen Sammlungen für Wissenschaft und Kunst, mit denen Seine Huld uns beschenkt hat, das werden die Jahrbücher

довало хоровое пѣніе, въ которомъ приняли участіе многіе изъ присутствовавшихъ на актѣ; профессоромъ Моргенштерномъ было прочитано специально на этотъ случай написанное нѣмецкое стихотвореніе, а профессоромъ Франке — подобныя же стихотворенія на греческомъ и латинскомъ языкахъ; особой элегіей на смерть императора Александра I откликнулся и проживавшій въ Альштедтѣ, въ вел. герцогствѣ Веймарскомъ, незадолго передъ тѣмъ выбранный „литературный корреспондентъ“ университета Фр. Авг. Кетэ. Вскорѣ затѣмъ университетъ праздновалъ особымъ торжественнымъ актомъ, 12 сентября 1826 года, коронацію новаго государя Николая I, и при этомъ проф. Сарторіусъ произнесъ соотвѣтственную рѣчь, а проф. Людвигъ Струве стихотвореніе „Vergangenheit und Zukunft“, въ которомъ сопоставлялъ недавнее прошлое съ предстоящимъ, не менѣе счастливымъ, будущимъ.

Изъ рѣчей на торжественныхъ собраніяхъ въ послѣдующіе годы назовемъ здѣсь еще: „Слово о превосходствѣ самодержавнаго правленія“, проф. Перевощикова (въ день восшествія на престолъ, 20 ноября 1826 года); „Vom höchsten Principe der Wissenschaft“, проф. Сарторіуса (въ день коронаціи, 22 августа 1829 года); латинская рѣчь о духоборцахъ, проф. Ленца (въ день тезоименитства государя, 6 декабря 1829 года); „Ueber die Bedeutung der innern Communication“, проф. Якоби (22 августа 1836 года); „Die Physiologie als Gegnerin der Lehre des Materialismus von der Identität des Leibes und der Seele“, проф. Фолькмана (въ день тезоименитства императрицы Александры Ѳео-

---

unserer Universität ewig dankbar bewahren, das werden die Jünglinge und Männer, welche hier ihre Bildung empfingen und nun ihrem Vaterlande im Segen dienen, noch lange, lange nach Seinen Lebenstagen durch die That verkündigen“: Zum Gedächtniss Alexanders I. Trauerrede im grossen Hörsaale der K.-Universität Dorpat am 12. December 1825, gehalten von Gottlieb Eduard Lenz. Dorpat 1826, стр. 33—34.

доровны, 21 апрѣля 1838 года); „Ueber das Verhältniss der Mathematik zur Naturwissenschaft“, проф. Зенфа (20 ноября 1838 года); „Zukunft der Astronomie“, проф. Медлера (20 ноября 1840 года); „Beitrag zur moralischen Würdigung des Zweikampfes“, касающаяся вопроса о дуэли, проф. Фолькмана (22 августа 1841 года); „Ueber die Bedeutung des Schwarzen Meeres für den Handel und Verkehr der alten Welt“, проф. Преллера (22 августа 1842 года); „Die Architectur und ihr Verhältniss zur Cultur und zum Volke“, проф. Штремме (20 ноября 1842 года); „Ueber die geologische Natur des armenischen Hochlandes“, проф. Абиха (22 августа 1843 года); „Der Rechtsunterricht auf den Universitäten, mit nächster Beziehung auf die Forderung einer practischen Richtung desselben“, проф. Озенбрюггена (20 ноября 1844 года); „Ueber den Einfluss des Orients auf das griechische Alterthum“, проф. Мерклина (22 августа 1851 года); его же рѣчь: „Karl Morgenstern“, произнесенная по поводу смерти Моргенштерна (20 ноября 1853 года).

На долю совѣта выпала и организація празднованія двухъ университетскихъ юбилеевъ — двадцатипятилѣтняго въ 1827 году и пятидесятилѣтняго въ 1852-мъ.

Высочайшее разрѣшеніе праздновать первый юбилей получено было незадолго до самаго празднества, черезъ попечителя, отъ 30 ноября 1827 года. Въ день празднованія, 12 декабря, въ 8 часовъ утра, весь служебный персоналъ университета, съ ректоромъ во главѣ, собрался въ зданіи гимназіи, куда явились также и гимназическіе учителя; здѣсь прежде всего объявлено было письменное поздравленіе университету попечителя князя Ливена и сообщеніе его о наградахъ ректору Эверсу (чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника) и о пожалованіи орденовъ профессорамъ Ледебуру, Энгельгардту, Вильгельму Струве и Еше и синдику барону Унгернъ-Штернбергу, которые тутъ же и возложили на себя знаки пожалованныхъ отличій. Затѣмъ, всѣ собравшіеся отправились въ сосѣднюю съ гимназіей Ивановскую церковь, при звонѣ

церковныхъ колоколовъ, по парамъ. По окончаніи церковной службы и проповѣди профессора практическаго богословія Ленца, всѣ участники торжества, въ томъ числѣ студенты и приглашенные гости изъ почетныхъ жителей города, отправились, въ количествѣ 1400 человѣкъ, въ актовый университетскій залъ, въ $11^1/_2$ часовъ. Въ залу торжественно внесены были къ моменту начала акта подлинникъ „акта постановленія" 12 декабря 1802 года и экземпляръ упомянутаго нами выше (стр. 17—18) юбилейнаго изданія, исполненнаго подъ редакціей ректора Эверса. Актъ начался пѣніемъ хоромъ любителей и любительницъ Моцартовскаго „Te Deum", послѣ котораго слѣдовала рѣчь ректора Эверса, заключавшая въ себѣ краткое историческое обозрѣніе жизни университета за прожитую четверть вѣка. Послѣ Эверса и небольшого музыкальнаго промежутка говорилъ рѣчь проф. Фридрихъ Парротъ на тему „Die Natur des Menschen hinsichtlich des Gedeihens und Nichtgedeihens seiner Werke, aus dem Standpunkte der Naturforschung". Затѣмъ, послѣ новой музыкальной піесы, объявлены были ректоромъ имена лицъ, возведенныхъ совѣтомъ университета въ почетные докторы, по случаю юбилея; это были: по богословскому факультету — лифляндскій генералъ-суперинтендентъ Карлъ Бергъ и первый проповѣдникъ церкви св. Михаила въ Бременѣ Готфридъ Менкенъ; по юридическому — М. М. Сперанскій, бывшій попечитель Клингеръ, имѣвшій, какъ мы видѣли, уже ранѣе степень почетнаго доктора философіи отъ Дерптскаго университета, и извѣстный итальянскій ученый Анджело Маи; по медицинскому — Александръ Гумбольдтъ и Георгъ-Фридрихъ Парротъ; по философскому — кіевскій митрополитъ Евгеній, московскій митрополитъ Филаретъ, принцъ Карлъ-Бернгардтъ Саксенъ-Веймарскій и Эйзенахскій и шведскій химикъ Яковъ Берцеліусъ. Наконецъ, по объявленіи присужденныхъ за сочиненія на заданныя темы наградъ и прочтенія поздравительнаго письма министра народнаго просвѣщенія, отъ 4 декабря 1827 года, актъ закончился бла-

государственнымъ отъ имени совѣта обращеніемъ профессора Эрдмана къ присутствовавшимъ гостямъ и хоровымъ пѣніемъ „Аллилуія“ Генделя. Въ тотъ же день въ домѣ Левенштерна, бывшемъ фонъ-Бока, въ четыре часа, состоялся отъ имени университета обѣдъ, на которомъ, въ качествѣ приглашенныхъ гостей, присутствовало и 20 студентовъ разныхъ факультетовъ, а также нѣсколько учениковъ какъ Дерптской, такъ и другихъ гимназій округа. Вечеромъ главное зданіе университета и весь городъ былъ иллюминованъ; по улицамъ до поздней ночи ходили, съ музыкой и пѣніемъ, студенческія процессіи, закончившіяся восторженной демонстраціей передъ квартирой ректора. Празднованіе продолжалось и въ слѣдующіе два дня — двумя балами, изъ которыхъ одинъ данъ былъ студентами, другой бывшими студентами университета, и на которыхъ было приглашено немало профессоровъ и почетныхъ лицъ изъ городскихъ сословій.

Кромѣ упомянутыхъ уже ранѣе изданій перваго юбилея, къ этому торжеству приготовлены и выпущены были въ свѣтъ каждымъ факультетомъ, а также совѣтомъ, и другія посвященныя университету сочиненія научнаго или поэтическаго характера[1]).

Второй юбилей, по общей своей программѣ, походилъ на первый, но онъ отличался большей торжественностью, оживленіемъ и многолюдствомъ участниковъ. Онъ оффиціально продолжался не одинъ, а уже два дня, 12 и 13 декабря 1852 года.

Еще въ сентябрѣ 1852 года совѣтомъ выработана была программа празднества и сдѣланы своевременныя оповѣщенія тѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, которыя пожелали бы принять въ немъ участіе. Изъ среды совѣта избранъ

---

1) Das erste Jubelfest der Kaiserlichen Universität Dorpat. Fünfundzwanzig Jahre nach ihrer Gründung, gefeiert am 12. December 1827. Dorpat 1828, стр. XII—XIV.

былъ юбилейный комитетъ, въ который вошли профессора Самсонъ-Гиммельштіерна, Рейхертъ, Грубе, Эрдманъ и Бунге; представители города и нѣкоторыя частныя лица пришли къ нему на помощь по пріему приглашенныхъ гостей. Уже 9 и 10 декабря дерптскія улицы стали оживляться пріѣзжими, главнымъ образомъ изъ разныхъ мѣстъ Прибалтійскаго края, гостями, такъ что упомянутый распорядительный комитетъ долженъ былъ нѣсколько измѣнить первоначальную программу праздника, начавши офиціальный пріемъ гостей и депутацій уже 11 декабря, въ залѣ совѣтскихъ засѣданій, въ 1 часъ дня, а вечеромъ въ тотъ же день въ помѣщеніи общества „Рессурсъ" сошлись, безъ всякаго посторонняго приглашенія, многіе изъ пріѣхавшихъ гостей и дерптскихъ жителей, бывшихъ воспитанниковъ университета.

12 декабря, въ первый офиціальный день празднества, собрались прибывшія депутаціи и гости, а также представители дерптскаго городского управленія, къ 9 часамъ, въ залу совѣтскихъ засѣданій въ университетѣ, гдѣ и продолженъ былъ начатый наканунѣ пріемъ ихъ ректоромъ Гафнеромъ. Во главѣ депутацій стояли большею частію бывшіе воспитанники университета или его бывшіе дѣятели, и между ними особенно выдѣлялись и обращали на себя всеобщее вниманіе въ теченіе всего празднества академики Вильгельмъ Струве и Карлъ-Эрнстъ Беръ, явившіеся делегатами отъ Императорской Академіи Наукъ; отъ университетовъ личныхъ депутацій не было, но были письменныя привѣтствія изъ Харькова, Казани и Кіева, а также отъ Іенскаго университета; но депутаціи и адресы отъ разныхъ казенныхъ и общественныхъ учрежденій, обществъ и лицъ Прибалтійскаго края были весьма многочисленны. Многими изъ этихъ депутацій и лицъ поднесены были университету посвященные ему печатные труды научнаго или поэтическаго содержанія, которые, вмѣстѣ съ сочиненіями отъ имени каждаго факультета, а также совѣта, составляютъ довольно

длинный рядъ названій книгъ и брошюръ, связанныхъ съ днемъ второго университетскаго юбилея[1]). Когда въ $10^1/_2$ часовъ кончился пріемъ гостей и депутацій, то всѣ участники празднества, въ торжественномъ порядкѣ, по особому церемоніалу, направились въ Ивановскую церковь, гдѣ совершена была служба, при участіи профессоровъ богословскаго факультета Гарнака и Христіани, а послѣ нея вся процессія вернулась въ университетъ, гдѣ, вмѣстѣ со студентами и приглашенными гостями, наполнила актовый залъ. Послѣ музыкальнаго вступленія, ректоръ Гафнеръ прочелъ краткую историческую записку объ университетѣ за 50 лѣтъ его существованія, а за нимъ университетскій синдикъ Бейзе сообщилъ три письма попечителя къ совѣту университета: въ первомъ объявлялись награды ректору, профессорамъ и чиновникамъ университета, орденами и подарками, во второмъ — поздравленіе министра народнаго просвѣщенія и въ третьемъ — повышеніе и утвержденіе въ должности нѣкоторыхъ профессоровъ и чиновниковъ университетскихъ; вмѣстѣ съ этимъ объявленъ былъ милостивый высочайшій рескриптъ, отъ 6 декабря 1852 года, на имя попечителя Крафстрема, съ пожалованіемъ ему ордена Владиміра 1-ой степени. Затѣмъ, послѣ исполненнаго студенческимъ хоромъ особаго, спеціально написаннаго къ этому случаю, праздничнаго гимна, профессоръ Мерклинъ объявилъ о присужденныхъ студентамъ наградахъ за сочиненія; тутъ имѣла мѣсто та интересная подробность, что въ числѣ немногихъ удостоенныхъ золотой медали оказался авторъ сочиненія по физикѣ, студентъ Морицъ Парротъ, отецъ и дѣдъ котораго, тогда уже покойные, были профессорами физики въ Дерптскомъ университетѣ и, въ должности ректора, оба, особенно дѣдъ, играли столь видную роль въ жизни этого

---

1) Das zweite Jubelfest der Kaiserlichen Universität Dorpat. Fünfzig Jahre nach ihrer Gründung, gefeiert am 12 und 13 December 1852. Dorpat 1853, стр. III—IV, VII—XVIII.

учебнаго заведенія. По окончаніи акта, былъ данъ отъ имени университета въ помѣщеніи купца Рейнгольда гостямъ и депутатамъ обѣдъ, на который приглашены были также 20 студентовъ и, кромѣ того, семь студентовъ, удостоенныхъ въ этотъ день медалей. День закончился пышнымъ факельцугомъ, устроеннымъ студентами въ честь попечителя Крафстрема.

Во второй день праздника, 13 декабря, гости снова собрались въ $11^1/_2$ часовъ въ актовый залъ университета, и здѣсь, послѣ исполненной оркестромъ увертюры къ оперѣ Рейссигера „Либелла", профессоръ Медлеръ произнесъ рѣчь „Ueber die Astronomie des Unsichtbaren", а за нимъ ректоръ Гафнеръ объявилъ имена лицъ, избранныхъ въ почетные члены Дерптскаго университета; между этими именами были, между прочими: министръ народнаго просвѣщенія князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ, товарищъ министра А. С. Норовъ, попечитель Г. Б. Крафстремъ, князь М. С. Воронцовъ, графъ А. Ѳ. Орловъ, графъ С. С. Уваровъ, баронъ М. А. Корфъ, князь А. А. Суворовъ-Италійскій, И. И. Давыдовъ, Вильгельмъ Струве, Карлъ-Эрнстъ Беръ, Н. И. Пироговъ и др.; кромѣ того, соизволили принять на себя званіе почетныхъ членовъ университета наслѣдникъ престола вел. князь Александръ Николаевичъ, вел. князь Константинъ Николаевичъ и принцъ Петръ Ольденбургскій; послѣ этого, ректоръ произнесъ благодарственное привѣтствіе собравшимся на юбилей гостямъ, на которое, въ весьма прочувствованной рѣчи, отъ имени собравшихся, отвѣчалъ престарѣлый Вильгельмъ Струве. Вторая половина этого дня посвящена была концерту въ актовомъ залѣ университета и собраніямъ отдѣльными кружками въ общественныхъ помѣщеніяхъ и частныхъ домахъ. Студенты продолжали празднество еще и на третій день, 14 декабря, когда уже официальное празднованіе юбилея было закончено.

Въ спискѣ съѣхавшихся гостей [1]) русскія имена почти

---

1) Inland 1852 № 51. 52; 1853 № 2.

совсѣмъ отсутствуютъ: второй юбилей, какъ и первый, носилъ исключительно мѣстный характеръ и не послужилъ поводомъ къ какому-либо сближенію или ознакомленію Дерптскаго университета съ другими русскими университетами и лицами изъ числа русскихъ ученыхъ. Вообще, по характеру своему, оба юбилея были весьма похожи одинъ на другой, хотя происходили они въ довольно различное по настроенію время. Ораторы въ офиціальныхъ рѣчахъ своихъ остерегались затрогивать какіе-либо деликатные вопросы. Впрочемъ, въ рѣчи своей на юбилеѣ 1827 года ректоръ Эверсъ, припоминая пожеланіе Екатерины Великой, чтобы русскіе учились нѣмецкому языку, а нѣмцы русскаго подданства русскому, и перенося это ко времени императора Николая I, замѣтилъ, что это „желательно — для русскихъ ради научнаго образованія, а для нѣмцевъ — ради потребностей въ практической жизни“ [1]; въ рѣчи же ректора Гафнера въ 1852 году говорится, напротивъ, что изученіе государственнаго языка нужно для нѣмцевъ Прибалтійскаго края не только въ интересахъ практической жизни, но и „общаго образованія“, что, затѣмъ, цѣль существованія Дерптскаго университета заключается въ служеніи, путемъ науки и образованія, „какъ человѣчеству вообще, такъ въ особенности тому государству, къ которому онъ принадлежитъ“ [2]).

Упраздненіе Цензурнаго комитета при университетѣ въ 1826 году и Училищной комиссіи въ 1837 году въ значительной степени облегчило съ этого времени занятія университетскаго совѣта.

Дѣятельность Правленія университета за описываемый періодъ также мало чѣмъ разнилась отъ прошлаго времени, и только большей многолюдностью состава слушателей уни-

---

1) Das erste Jubelfest, стр. IX.
2) Das zweite Jubelfest, стр. 41. 45.

верситета объясняется болѣе интенсивная дѣятельность этого органа университетскаго управленія, требовавшая и большаго количества засѣданій: въ 1821 году — 13, въ 1822 — 17, въ 1823 — 13, въ 1824 — 10, въ 1825 — 11; въ 1840 году — 11, въ 1841 — 10, въ 1842 — 11, въ 1843 — 13, въ 1844 — 16, въ 1845 — 17; въ 1860 году — 29, въ 1861 — 23, въ 1862 — 25, въ 1863 — 25, въ 1864 — 19.

Судебная компетенція университета также осталась прежней, и т. наз. „университетскій судъ“ по-прежнему сосредоточивалъ въ себѣ главную массу работъ судебныхъ инстанцій университета; о размѣрахъ этой работы могутъ дать понятіе слѣдующія числа дѣлъ и засѣданій: въ 1821 году 84 засѣданія для 213 дѣлъ, въ 1822 — 70 засѣданій для 387 дѣлъ, въ 1823 — 81 засѣданіе для 268 дѣлъ, въ 1824 — 73 засѣданія для 334 дѣлъ, въ 1825 — 71 засѣданіе для 315 дѣлъ; въ 1840 — 82 засѣданія для 238 дѣлъ, въ 1841 году — 147 засѣданій для 198 дѣлъ, въ 1842 — 152 засѣданія для 240 дѣлъ, въ 1843 — 177 засѣданій для 207 дѣлъ, въ 1844 — 167 засѣданій для 259 дѣлъ, въ 1845 — 120 засѣданій для 264 дѣлъ. Замѣчательной особенностью этого времени является незначительная, сравнительно съ прошлымъ, дѣятельность „апелляціоннаго суда“, который въ первые годы по введеніи устава 1820 года собирался 7 или 8 разъ въ годъ, а потомъ — гораздо рѣже, имѣя среднимъ числомъ одно-два засѣданія въ годъ, а бывали годы (напр. 1843, 1845, 1849, 1855), когда онъ и вовсе не собирался. О характерѣ и содержаніи судебныхъ университетскихъ дѣлъ сказано будетъ въ своемъ мѣстѣ.

Что касается денежныхъ средствъ университета, въ видѣ штатныхъ ассигнованій, то о нихъ уже мы имѣли случай говорить, когда рѣчь шла о дополненіяхъ къ штату 1817 года (стр. 382—384). Иллюстраціей весьма хорошаго положенія денежныхъ средствъ университета въ 1830-хъ го-

дахъ является тотъ фактъ, что когда въ 1836 году рѣшено было для образованія общаго капитала всѣхъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія обратиться къ „экономическимъ суммамъ“ учебныхъ заведеній, то Дерптскій университетъ внесъ отъ себя 363,609 руб. 95 коп. асс.

Послѣ прибавки въ 1842 году къ штатной суммѣ 23,370 р. сер. ежегодно, нормальный бюджетъ Дерптскаго университета превышалъ бюджеты прочихъ русскихъ университетовъ, исключая развѣ Московскаго послѣ 1845 года, такъ что ,напр., въ 1852 году общая штатная сумма его равнялась 126,539 р. сер. въ годъ, не считая особаго кредита на содержаніе Домской горы въ размѣрѣ 1,350 р. сер. въ годъ. Сверхштатныя ассигнованія изъ казны въ одинъ лишь періодъ ректорства Эверса простирались до 1,002,166 р. асс. (въ томъ числѣ на библіотеку 55,491 р. сер., на астрономическую обсерваторію 71,003 р. сер., на ботаническій садъ 31,780 р. сер.). Это дало возможность университету не только привлекать къ себѣ выдающіяся ученыя силы, но и наилучшимъ образомъ обставить свои учебно-вспомогательныя учрежденія. Профессоръ химіи Гебель, приглашенный въ концѣ 20-хъ годовъ изъ Іены въ Дерптскій университетъ, былъ въ восторгѣ отъ щедрости русскаго правительства къ научнымъ нуждамъ университета и считалъ судьбу послѣдняго въ этомъ отношеніи гораздо счастливѣе судьбы многихъ университетовъ въ Германіи [1]). И четверть вѣка спустя

---

1) Вотъ нѣкоторыя выдержки изъ его писемъ къ женѣ, изъ Дерпта. Отъ 2 ноября 1828: „Mein Cabinet und Laboratorium ist kaiserlich ausgestattet und wenn ein Professor hier etwas leisten will und etwas leistet, so wird ihm Unterstützung zu Theil, da die Regierung viel für Wissenschaft und Bildung sorgt und thut“. Отъ 6 ноября 1828: „Es giebt kaum eine Regierung, die so schnell und reich alle Unternehmungen zur Förderung von Wissenschaft und Kunst und Bildung unterstützt, wie die russische“. Отъ 16 ноября 1828: „Die Universitätsbibliothek ist sehr reich ausgestattet. Ich finde hier mehr für Chemie und die anderen Naturwissenschaften als in Jena; selbst die

ректоръ Гафнеръ могъ сказать въ своей юбилейной рѣчи 12 декабря 1852 года о Дерптскомъ университетѣ, что онъ „не только можетъ стать на уровнѣ подобныхъ учрежденій заграницей, но даже выше многихъ изъ нихъ“ [1]). Однако къ концу описываемаго періода денежныя средства университета, при возраставшихъ научныхъ и жизненныхъ потребностяхъ, оказались въ менѣе благопріятномъ положеніи, особенно по сравненію съ другими университетами имперіи, получившими въ 1863 году новый, увеличенный, штатъ [2]). Благодаря хорошему состоянію матеріальныхъ средствъ, университетъ, особенно въ періодъ съ 1820-хъ по конецъ 1850-хъ годовъ, произвелъ главнѣйшія изъ тѣхъ построекъ, сооруженій и пріобрѣтеній землей, которыя служатъ ему и по настоящее время.

Въ 1819—1821 гг. построено жилое помѣщеніе при астрономической обсерваторіи, на что отпущено было 28,043 р. 97 к. асс.; въ 1821 году построено новое каменное зданіе манежа, что потребовало отпуска 55,837 р. 37 коп. асс.; на расширеніе территоріи ботаническаго сада и нѣкоторыя постройки въ немъ израсходовано въ 1822 году 3375 р. 66 коп. асс.; въ 1825—1827 гг. произведена постройка для расширенія анатомическаго театра, что вмѣстѣ съ умноженіемъ патолого-анатомическихъ коллекцій вызвало расходъ на сумму 55,000 р. асс. Въ 1836 году произведена постройка большого Домскаго моста (Engelsbrücke), стоившая

---

seltenen Werke von Humboldt, Spix und andere sind hier“. Отъ 30 января 1829, по полученіи экстренно 4000 р. на пріобрѣтеніе инструментовъ для химическаго кабинета: „Wo giebt in Deutschland eine Regierung ihrem Chemiker gleich eine solche Summe zum Ankauf von Apparaten... Das Cabinet ist schon reicher als irgend eines in Deutschland“ (Friedemann Goebel. Briefe aus alter Zeit. „Neue Dörptsche Zeitung“ 1895, №№ 111. 112. 122).

1) Das zweite Jubelfest, стр. 30.

2) Будиловичъ, А. С. Историческая замѣтка о бюжетныхъ отношеніяхъ И. Ю. У. въ разные періоды его существованія. Ж. М. Н. Пр. 1895, № 9, стр. 4.

6650 р. асс., а въ 1844 году малаго Домскаго моста (Teufelsbrücke) въ 2165 р. 98 коп. сер. Въ 1839 году купленъ былъ университетомъ домъ Левенштерна за 65,000 р. асс. для помѣщенія тамъ „Академической Муссы", съ разсрочкой платежа на 37 лѣтъ. Въ 1841 году разрѣшена была перестройка части т. наз. „стараго зданія" университета на сумму 1589 р. 75 коп. сер. Въ 1840—42 годахъ состоялась перестройка помѣщенія завѣдующаго Домскимъ хозяйствомъ (Domvogt) въ особую Женскую клинику, которая т. о. была отдѣлена отъ общей и единственной до того университетской клиники, что стоило 7341 р. 14 коп. Въ 1845—1847 годахъ произведена капитальная перестройка зданія и этой главной клиники, что обошлось въ 19,995 р. 80 к. сер. Въ 1844—1847 годахъ въ ботаническомъ саду перестроены были оранжереи, на сумму 5149 р. 14 коп. сер. Въ 1847 году купленъ за 1200 р. сер. домъ, принадлежавшій проф. Кехи, для помѣщенія находившагося во владѣніи университета собранія приборовъ по ветеринарной части бывшей Виленской Медико-хирургической Академіи; въ 1848 году профессоръ Моргенштернъ принесъ въ даръ университету часть своего сада, прилегающаго къ Домской горѣ.

Между тѣмъ какъ упомянутыми постройками 30-хъ и 40-хъ годовъ расширены были главнымъ образомъ нѣкоторыя помѣщенія физико-математическаго и медицинскаго факультетовъ, аудиторіи трехъ остальныхъ факультетовъ располагали прежнимъ помѣщеніемъ въ главномъ зданіи университета, и, съ умноженіемъ числа студентовъ и расширеніемъ преподаванія, уже въ 1840-хъ годахъ оказывались недостаточными не столько по объему комнатъ, сколько по ограниченному числу послѣднихъ; въ виду этого, попечитель Крафстремъ, 10 октября 1847 года, предложилъ правленію университета, чтобы существующія при различныхъ кабинетахъ аудиторіи предоставлялись, въ случаѣ нужды, всѣмъ вообще преподавателямъ университета.

Въ 1856—1859 годахъ построены были оба крыла главнаго зданія университета, что дало большій просторъ кабинетамъ физическому, химическому, изящныхъ искусствъ, а также канцеляріямъ университета; стоимость этой постройки простиралась до 56,000 р. сер.

Впрочемъ, къ концу періода матеріальныя средства университета оказались гораздо менѣе въ соотвѣтствіи съ возраставшими его нуждами, чѣмъ въ началѣ или въ серединѣ описываемаго времени; къ концу 1850-хъ годовъ выяснилось, что, за недостаткомъ штатныхъ суммъ, универверситетъ долженъ вносить въ свой ежегодный бюджетъ сумму въ 11,755 руб. сер. изъ спеціальныхъ средствъ; значительная доля этой суммы шла на отопленіе и освѣщеніе умножившихся университетскихъ зданій; чтобы твердо обезпечить правильное поступленіе этой суммы въ университетскую казну, возбуждено было сначала въ 1859-мъ, а потомъ въ 1860 году ходатайство о разрѣшеніи взимать съ каждаго студента въ семестръ по 5 рублей въ пользу университета, съ тѣмъ чтобы отъ этой платы освобождены были казеннокоштные студенты и тѣ изъ своекоштныхъ, которые представятъ установленныя свидѣтельства о бѣдности; при этомъ сдѣланъ былъ расчетъ, что среднимъ числомъ со студента Дерптскаго университета взыскивалось доселѣ всего въ годъ: по богословскому факультету 39 рублей, по юридическому — 45 р., по медицинскому — 41 р., со слушателей фармаціи — 39 р., по историко-филологическому 30 р. и по физико-математическому — 28 р. Это ходатайство университета было уважено министерствомъ и получило высочайшую резолюцію 6 ноября 1860 года [1]).

Здѣсь же полагаемъ умѣстнымъ привести свѣдѣнія и о возникновеніи особой университетской евангелическо-лютеранской церкви.

---

1) Сборникъ постановленій, III. 632—634.

Еще при выработкѣ устава 1820 года въ Государственномъ Совѣтѣ принята была въ соображеніе мысль объ устройствѣ при университетѣ евангелическо-лютеранской церкви. Вопросъ этотъ сильно занималъ попечителя Ливена, но разныя неблагопріятныя обстоятельства отодвигали его осуществленіе, и только въ 1837 году, отъ 10 іюля, сообщено было попечителю Крафстрему министромъ народнаго просвѣщенія о высочайшемъ соизволеніи на постройку названной церкви. Прежній планъ построить церковь въ возобновленныхъ развалинахъ стараго „Дома", часть которыхъ была занята библіотекой, пришлось оставить, въ виду огромныхъ расходовъ на реставрацію; поэтому рѣшено было составить планъ новой постройки, между Домской горой и главнымъ зданіемъ университета, фасадомъ на Яковлевскую улицу. Составленный профессоромъ архитектуры Якоби въ 1839 году планъ залежался нѣкоторое время въ Петербургѣ, и когда возвращенъ былъ оттуда, съ требованіемъ кое-какихъ измѣненій, то Якоби уже не было въ Дерптѣ, такъ какъ въ 1840 году онъ перешелъ на службу въ Петербургъ, и трудъ упомянутыхъ измѣненій въ планѣ порученъ былъ въ 1843 году и. д. практическаго архитектора университета Винклеру. Между тѣмъ оказалось возможнымъ открыть университетскую церковь и до постройки собственнаго зданія. Когда въ 1844 году построена была въ Дерптѣ эстонская церковь св. Маріи, то Ивановская церковь, въ которой до того времени совершалось эстонское богослуженіе, сдѣлалась болѣе свободной, и университетъ обратился къ городскому магистрату съ просьбой предоставить ему Ивановскую церковь для цѣлей университетскаго богослуженія, офиціальное разрѣшеніе на которое отъ министерства дано было еще 12 іюня 1836 года; просьба эта была уважена, 27 іюня 1844 года, съ тѣмъ, чтобы университетъ не составлялъ отдѣльнаго прихода, и чтобы университетскій пасторъ, кромѣ богослуженія по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, не исполнялъ никакихъ другихъ

службъ и требъ. Однако богослуженіе начало совершаться лишь съ Пасхи 1847 года, и первымъ университетскимъ проповѣдникомъ былъ назначенъ профессоръ практическаго богословія Гарнакъ, состоявшій въ этой должности до 1852 года. На расходы по совершенію богослуженія положено было отпускать изъ экономическихъ суммъ университета по 300 р. въ годъ; потомъ эта сумма увеличена была до 550 руб. Впрочемъ, поставленныя магистратомъ университетскому богослуженію и проповѣднику условія показались для университета, по истеченіи нѣкотораго времени, стѣснительными, и рѣшено было настоятельно позаботиться о собственномъ помѣщеніи. Въ ноябрѣ 1855 года учрежденъ былъ самостоятельный университетскій приходъ, и до постройки особой церкви богослуженіе совершалось въ нижней залѣ университетской библіотеки. Между тѣмъ, 26 августа 1856 года совершена была закладка церковнаго зданія на ранѣе предположенномъ мѣстѣ, а 31 января 1860 года состоялось его освященіе; постройка церкви обошлась около 40,000 р. сер.[1]). Преемникомъ проф. Гарнака въ должности университетскаго проповѣдника былъ профессоръ практическаго богословія А. Ф. Христіани, исполнявшій эти обязанности съ 1852 по 1865 годъ, при чемъ примѣненное ранѣе назначеніе проповѣдника Евангелической Генеральной Консисторіей замѣнено было, согласно отзыву консисторіи и разрѣшенію министерства народнаго просвѣщенія отъ 10 октября 1864 года, избраніемъ его со стороны членовъ прихода изъ среды профессоровъ или преподавателей богословскаго факультета.

---

1) Die Einweihung der neuerbauten Universitätskirche zu Dorpat am Sonntage Septuagesima den 31 Januar 1860. „Inland“ 1860 № 5, ст. 99—102.

6.

Учебно-вспомогательныя учрежденія университета. — Библіотека; университетская типографія. — Учрежденія для физическаго развитія учащихся. — Училищная и Цензурная комиссіи и ихъ упраздненіе. — Педагогико-филологическая Семинарія. — Педагогическіе курсы. — Профессорскій Институтъ. — Отправка молодыхъ людей для усовершенствованія заграницу. — Воспитанники Императорскаго Воспитательнаго Дома. — Прикомандированіе къ университету постороннихъ лицъ для научнаго усовершенствованія. — Популярно-техническія лекціи.

Изъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій университета, имѣющихъ характеръ коллекцій, мы остановимся здѣсь, какъ и для прошлаго періода, прежде всего на библіотекѣ.

Административное устройство библіотеки, въ основныхъ чертахъ, осталось прежнее. Главнымъ начальникомъ ея является „библіотекарь" изъ профессоровъ, которому предоставляется титулъ „директора", наравнѣ съ начальниками другихъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій, не только офиціальнымъ и неофиціальнымъ обиходомъ, но косвенно и самимъ уставомъ 1820 года (§§ 105. 106); ему полагалось добавочныхъ къ жалованью 1000 р. асс. Въ распоряженіи директора библіотеки находились его помощникъ, получавшій 1200 р. асс. и долженствовавшій быть „изъ ученыхъ", а также секретарь съ 1500 р. асс.; при послѣднемъ находился непосредственно ему подчиненный „канцеляристъ"; кромѣ того, помогать библіотекарю и секретарю, при удовлетвореніи требованій въ библіотекѣ обязаны были всѣ „учители языковъ". Главная работа въ библіотекѣ выпадала на библіотекаря-директора и секретаря; послѣднему уже въ 1823 году увеличено было жалованье до 2500 р. асс., а въ 1860 году, какъ уже упомянуто, создана была, по образцу другихъ русскихъ университетовъ, самостоятельная должность „библіотекаря" не изъ профессоровъ, съ упраздненіемъ должности „секретаря", но вмѣстѣ съ тѣмъ оставлена была и должность „директора" изъ профессоровъ, какъ почетная, съ облегченіемъ ея функцій,

въ видѣ лишь высшаго надзора за библіотекой, и безъ вознагражденія. Штатныя средства библіотеки были значительно противъ прежняго увеличены: вмѣсто прежнихъ 5.000 р. положена была по штату 1817 года двойная сумма въ 10.000 р. асс. Но такъ какъ потребности библіотеки по умноженію ея книгами превышали и эту сумму, то въ 1820-ые и 1830-ые годы нерѣдко бывали разрѣшаемы спеціальныя сверхсмѣтныя ассигнованія то изъ казны, то изъ университетскихъ остатковъ: такъ, въ 1821 году отпущено было 3000 р. асс. на покупку юридическихъ сочиненій, въ 1822 году 620 талеровъ и 15 грошей уплочено было за коллекцію книгъ по патристикѣ и церковной исторіи; въ 1827 году, въ годъ перваго юбилея университета и по его поводу, состоялось крупное ассигнованіе 25.000 р. асс. и затѣмъ 4000 р. сер. на покупку недостающихъ въ библіотекѣ старыхъ книгъ по разнымъ отраслямъ знанія; кромѣ того, въ теченіе 1827—1840 гг. израсходовано было разными частями 12.284 р. 84 коп. асс. на составленіе особаго отдѣла русскихъ и вообще славянскихъ книгъ [1]). По дополнительному штату 1842 года на библіотеку прибавлено по 300 р. сер. ежегодно, такъ что штатный годовой бюджетъ ея возросъ съ этого времени до 3157 р. 10 коп. сер.

Для пользованія библіотекой продолжали дѣйствовать старыя „правила" до 1838 года, и 14 января 1838 года изданы были новыя „правила" (§§ 20), существенныя части которыхъ касательно студентовъ вошли и въ „Правила для учащихся" 4 іюня 1838 года. Согласно этимъ „Правиламъ", библіотека для преподавателей университета открыта была два дня въ недѣлю, отъ 10 до 12 и отъ 2 до 5 час., а въ остальные дни отъ 10 до 1 и отъ 3 до 5 час.; для студентовъ и остальныхъ посѣтителей библіотеки — два дня въ недѣлю, отъ 2 до 4 час., а остальные дни только

---

1) Ср. выше, стр. 438.

отъ 3 до 4; въ вакаціонное время библіотека была открыта каждый день, отъ 12 до 1 ч.; для проѣзжихъ и желавшихъ посѣтить библіотеку она доступна была во всякое время. 12 сентября 1863 года утверждены были для библіотеки опять новыя „Правила" (§§ 16), нѣсколько сокращенныя сравнительно съ предшествовавшими, но въ общемъ сходныя съ ними; по нимъ установлено было одинаковое время для пользованія библіотекою всѣмъ вообще лицамъ: четыре дня въ недѣлю отъ 10 до 2 ч. и два дня отъ 10 до 12 и отъ 2 до 4 ч., а во время вакацій по прежнему отъ 12 до 1 ч. ежедневно; о проѣзжихъ посѣтителяхъ въ новыхъ правилахъ ничего не упомянуто, но, какъ видно изъ семестральныхъ „обозрѣній" лекцій, практика относительно ихъ осталась прежняя.

Способы пріобрѣтенія книгъ для библіотеки остались прежніе. Послѣ Мейнсгаузена (см. выше, стр. 195) званіе „университетскаго книгопродавца" получилъ въ 1833 году Эдуардъ Франценъ, торговля котораго въ 1837 году перешла къ Фридриху Северину. Въ 1847 году „университетская книжная торговля" сдѣлалась собственностью Э. Ю. Карова.

Вмѣстѣ съ тѣмъ библіотека продолжала обогащаться и пожертвованіями со стороны разныхъ лицъ и учрежденій. Такъ, въ 1821 году, по завѣщанію профессора Гизе, поступило въ библіотеку 1114 №№ книгъ разнаго содержанія; въ 1833 году флигель-адъютантомъ Александровымъ принесено было въ даръ весьма цѣнное собраніе старыхъ изданій XVI—XVIII вв. по историческимъ и юридическимъ наукамъ, въ количествѣ 1660 №№ въ 2938 томахъ; въ 1844 году пожертвована вдовою бывшаго попечителя Клингера библіотека послѣдняго, 1272 №№ въ 5591 томахъ, состоящая изъ классическихъ писателей нѣмецкихъ, французскихъ, англійскихъ и итальянскихъ, а также древнихъ, при чемъ въ библіотекѣ оказалось много иллюстрованныхъ изданій, и всѣ почти книги въ хорошихъ переплетахъ. Въ 1852 году вдовою

профессора Моргенштерна, Минной Моргенштернъ, была передана университету, согласно завѣщанію мужа, отъ 9 іюня 1851 года, обширная библіотека этого ученаго, бывшаго въ теченіе болѣе полувѣка одной изъ выдающихся личностей среди профессорской корпораціи Дерптскаго университета, главнымъ организаторомъ университетской библіотеки при ея основаніи и долгое время ея директоромъ; это весьма цѣнное приношеніе заключало въ себѣ до 7000 книгъ, главнымъ образомъ въ области классической филологіи, эстетики, археологіи, исторіи, статистики, педагогики, географіи и богословія; кромѣ того, вмѣстѣ съ книгами поступило въ университетскую библіотеку и довольно значительное количество рукописей, кабинетныхъ бумагъ и обширнѣйшая переписка Моргенштерна съ разными лицами, а также немало картинъ, портретовъ, гравюръ и другихъ художественныхъ и научныхъ предметовъ, въ видѣ монетъ, медалей, геммъ и пр., часть которыхъ нашла себѣ мѣсто въ университетскомъ музеѣ изящныхъ искусствъ; всему этому собранію владѣльцемъ его при жизни составленъ былъ подробный систематическій каталогъ, который, согласно завѣщанію, изданъ былъ въ 1868 году вдовой покойнаго и въ 200 экземплярахъ также принесенъ въ даръ университетской библіотекѣ [1]).

Кромѣ того, въ библіотеку переданы были, съ высочайшаго соизволенія, 153 №№ въ 456 томахъ изъ собранія книгъ бывшей Виленской Медико-хирургической Академіи, немедицинскаго содержанія; были и другіе высочайшіе подарки весьма цѣнныхъ и дорогихъ сочиненій [2]); изъ дру-

1) Catalogus manuscriptorum et bibliothecae Carol. Morgenstern. Academm. Halens. Gedanens. Dorpatens. Pars I. II. cum supplemento. Dorpati 1868.

2) Die wissenschaftlichen Sammlungen, Institute und Cabinette der Universität beim Jahresschlusse 1852. I. Die Universitäts-Bibliothek, отд. отт., стр. 91.

гихъ жертвователей слѣдуетъ назвать: прусскаго короля, вдовствующую королеву Марію-Христину Бурбонскую, министерство народнаго просвѣщенія, англійскій парламентъ, министра финансовъ графа Канкрина, графа Демидова, митрополита Евгенія, графа Н. П. Румянцева, князя Гагарина, существовавшій съ 1829 года университетскій кружокъ для выписки газетъ и журналовъ и цѣлый рядъ ученыхъ и учебныхъ учрежденій въ Россіи и заграницей. Библіотека значительно пополнялась, между прочимъ, заграничными диссертаціями, получавшимися взамѣнъ на дерптскія диссертаціи, вслѣдствіе участія Дерптскаго университета въ организованномъ въ 1820-хъ годахъ „Tausch-Verein" университетовъ въ Германіи. Одновременно съ этимъ, поступали пожертвованія и рукописями, частію мѣстно-историческаго и юридическаго содержанія, частію восточныя, пожертвованныя фонъ-Бреверномъ, барономъ Унгернъ-Штернбергомъ, наслѣдниками проф. Мютеля, Ѳ. В. Булгаринымъ, фонъ-Энгельгардтомъ; отъ проф. Моргенштерна, въ составѣ его библіотеки, поступило обширное собраніе его кабинетныхъ бумагъ, среди которыхъ особенно выдается по своей цѣнности многотомная переписка его со многими лицами изъ ученаго, литературнаго и служебнаго міра, на протяженіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ [1]).

Такимъ образомъ, къ 1 января 1865 года библіотека заключала въ себѣ: книгъ и періодическихъ изданій 106.080, рукописей 673, плановъ, картинъ и рисунковъ 5.519, а всего, въ общей сложности, №№ 112. 272.

Къ концу періода библіотека имѣла рукописный систематическій каталогъ, начатый съ первыхъ же лѣтъ ея существованія и пополнявшійся постепенно, при чемъ въ основу системы положенъ былъ извѣстный трудъ І. С. Эрша „Allgemeines Repertorium der Litteratur", законченный въ 1809

---

1) Catalogus manuscriptorum et bibliothecae Carol. Morgenstern. Pars I—II, cum supplemento. Dorpati 1868, стр. I—XII.

году и обнимавшій литературныя явленія 1785—1800 годовъ; вмѣстѣ съ этимъ составлялись особые каталоги отдѣльныхъ, болѣе крупныхъ, поступленій, рукописей, дублетовъ и „запрещенныхъ книгъ"; составлялся также и общій алфавитный каталогъ всѣхъ книгъ библіотеки, но, подобно систематическому, онъ оставался въ рукописномъ видѣ.

Во главѣ библіотеки стоялъ, въ качествѣ директора, до 1 іюня 1839 года профессоръ Моргенштернъ, неутомимой дѣятельности и любви къ книжнымъ занятіямъ котораго библіотека въ значительной степени обязана не только своей первоначальной организаціей, но и послѣдующимъ обогащеніемъ и устройствомъ. Преемникомъ Моргенштерна по управленію библіотекой явился профессоръ Ф. Г. Бунге, остававшійся въ этой должности однакоже недолго; съ 1842 по 1855 годъ должность директора библіотеки не была замѣщена, и связанныя съ нею обязанности выполнялъ секретарь библіотеки Эмиль Андерсъ; въ 1855—1857 годахъ „временнымъ" директоромъ былъ проф. Кейль, а съ 1858 года — проф. Бухгеймъ. Весьма виднымъ лицомъ въ тогдашней библіотечной администраціи и дѣятельнымъ сотрудникомъ Моргенштерна былъ названный Эмиль Андерсъ, служившій въ библіотекѣ съ 1 мая 1826 по 13 октября 1871 года, въ качествѣ сначала помощника библіотекаря, потомъ секретаря и, наконецъ, библіотекаря, и оставившій послѣ себя продиктованныя въ глубокой старости воспоминанія, на которыя намъ уже не разъ приходилось ссылаться; со свойственнымъ ему юморомъ сообщаетъ онъ въ нихъ также и о библіотечныхъ дѣлахъ описываемаго періода, о примитивныхъ и патріархальныхъ порядкахъ въ библіотекѣ, о способахъ пользованія книгами изъ нея, о веденіи каталоговъ и о забавныхъ случаяхъ и лицахъ въ средѣ служебнаго персонала библіотеки [1]).

---

1) Baltische Monatsschrift, B. XXXIX. 1892, стр. 287—290. Ср. тамъ же, въ предисловіи Л. фонъ-Шредера, стр. 37—38.

Въ собственномъ смыслѣ университетской, т. е. принадлежащей университету, типографіи не существовало и въ описываемое время, подобно первому періоду. Въ 1834 году даже продана была та часть купленнаго ранѣе университетомъ шрифта, которая хранилась въ типографіи І. Х. Шюнмана (стр. 212), умершаго въ 1840 году; съ 1848 года университетскія изданія печатались и печатаются главнымъ образомъ въ типографіи Карла Маттисена, но, кромѣ того, въ описываемый періодъ печатались они и въ другихъ дерптскихъ типографіяхъ: А. Стицинскаго и наслѣдниковъ Линдфорса, перешедшей потомъ въ собственность Гейнриха Лакмана.

Изъ учрежденій, предназначенныхъ уставомъ 1820 года (§§ 102—103) для физическаго развитія учащихся, въ наилучшихъ условіяхъ находился манежъ. По штату 1817 года, вмѣсто прежнихъ 1200 р. асс., положено было на содержаніе манежа 2500 р. асс., а въ 1819 году эта сумма увеличена была еще на 1500 р. асс., но съ условіемъ, чтобы завѣдующій манежемъ „шталмейстеръ“ содержалъ на эти деньги не менѣе восьми лошадей для обученія студентовъ верховой ѣздѣ; въ 1821 году, какъ уже было упомянуто, для манежа было выстроено новое каменное зданіе. Манежъ окончилъ свое существованіе нѣсколько ранѣе конца описываемаго періода. Когда въ концѣ 1850-хъ годовъ вырабатывался проектъ новаго устава и штата для Дерптскаго университета, то попечитель фонъ-Брадке, въ одномъ изъ представленій своихъ въ министерство, отъ 16 декабря 1857 года, выразилъ мысль о своевременности упраздненія университетскаго манежа и должности преподавателя верховой ѣзды; но мысль эта встрѣтила съ разныхъ сторонъ несочувствіе, и въ министерство немедленно поступило нѣсколько ходатайствъ въ пользу сохраненія при университетѣ упомянутаго учрежденія, напр. отъ барона Мейендорфа, князя Суворова и лифляндскаго предводителя дворянства фонъ-Эттингена. Попечитель однако же стоялъ на своемъ

и такъ какъ мнѣніе его встрѣтило сочувствіе у министра А. С. Норова и преемника его Е. П. Ковалевскаго, то 6 ноября 1860 года высочайше утверждено было опредѣленіе Главнаго Правленія Училищъ, отъ 7 октября 1860 года, объ упраздненіи манежа, при чемъ отпускавшаяся на его содержаніе и на жалованье учителя верховой ѣзды сумма перенесена была на содержаніе профессора одновременно съ этимъ учрежденной каѳедры общей патологіи и патологической анатоміи. Однако защитники манежа продолжали хлопотать въ его пользу и послѣ формальнаго его упраздненія. Князь Суворовъ обратился, 11 ноября 1861 года, къ министру народнаго просвѣщенія графу Е. В. Путятѣ съ просьбой о возстановленіи манежа и, между прочимъ, писалъ: „позвольте надѣяться, графъ, что Вы уважите эту мою едва ли не послѣднюю и весьма убѣдительную просьбу по дѣламъ края, которымъ я 14 лѣтъ управлялъ: вѣдь сумма не велика!“ Дѣло опять возобновилось, но такъ какъ фонъ-Брадке, запрошенный объ этомъ, высказалъ, отъ 8 февраля 1862 года, прежнее свое мнѣніе о степени необходимости манежа для университета, то новый министръ народнаго просвѣщенія А. В. Головнинъ увѣдомилъ, отъ 3 марта 1862 года, лифляндскаго предводителя дворянства, какъ главнаго официальнаго ходатая о манежѣ, что онъ не видитъ возможности измѣненія вопроса о положеніи манежа послѣ высочайшей резолюціи 6 ноября 1860 года и думаетъ, что возстановленіе этого учрежденія могло бы состояться лишь на средства лифляндскаго дворянства. Тѣмъ дѣло и кончилось [1]).

Какъ уже было выше упомянуто, хотя мысль о заведеніи для купанья и плаванія нашла себѣ мѣсто еще въ уставѣ 1803 года, но осуществленіе ея имѣло мѣсто не ранѣе 1819 года, когда, по предложенію профессоровъ Стикса и

---

1) Архивъ Департамента Народн. Просвѣщ., № 140435—2413, ч. I.

Эрдмана, опредѣлено было на берегу Эмбаха, въ чертѣ города, для купанья студентовъ, особое мѣсто; въ 1822 году сооружена была необходимая для того постройка, на мѣстѣ нынѣшняго университетскаго дровяного двора, а въ 1828 году поставленъ былъ къ этому мѣсту отъ университета особый сторожъ, въ распоряженіе котораго дана была спасательная лодка; кромѣ того, еще ранѣе, въ 1822 году, университетомъ пріобрѣтены были нѣкоторые приборы для спасанія утопающихъ, хранившіеся сначала въ домѣ содержателя частной купальни на Эмбахѣ Рейнгольда, а затѣмъ въ названной университетской постройкѣ; въ 1862 году приборы эти переданы частію въ уѣздный госпиталь, частію въ университетъ, въ распоряженіе профессора анатоміи. Правомъ купанья на этомъ мѣстѣ пользовались не только студенты, но и всѣ вообще принадлежавшія къ университету лица; постороннимъ же разрѣшалось купаться здѣсь сначала лишь съ согласія учителя плаванія, а затѣмъ просто за особую плату.

Обученіе студентовъ музыкѣ, фехтованію и танцамъ производилось въ наемныхъ помѣщеніяхъ и не имѣло характера особыхъ университетскихъ учрежденій, подобно манежу и купальнѣ.

Здѣсь должно отмѣтить, что особый интересъ нѣкоторыхъ студентовъ къ музыкальнымъ упражненіямъ находилъ себѣ удовлетвореніе въ организаціи небольшихъ, подъ руководствомъ университетскихъ учителей музыки, кружковъ; тутъ происходило обученіе какъ практикѣ, такъ и теоріи музыкальнаго искусства, и кружки эти исполняли, нерѣдко при участіи постороннихъ лицъ изъ внѣ-университетской среды, инструментальныя и вокальныя вещи при разныхъ университетскихъ торжествахъ. Для удобства упражненій въ фехтованіи, устроено было въ 1857 году въ т. наз. „Моргенштерновскомъ саду“, на Домской горѣ, небольшое помѣщеніе, гдѣ хранились и необходимые для того аппараты; на постройку этого помѣщенія израсходовано было 209 р. 40 к.

Какъ мы уже знаемъ, Училищная Комиссія при Дерптскомъ университетѣ существовала до 1837 года. Дѣятельность ея, подобно тому какъ было въ первомъ періодѣ, состояла въ руководствѣ средними и низшими школами округа; членами ея были во второмъ періодѣ профессора Густавъ Эверсъ, Фр. Парротъ, Нейманъ, Генци, Франке, фонъ-Энгельгардтъ, Сарторіусъ, Фридлендеръ, I. Фр. Эрдманъ, Вальтеръ, Нейе и Ульманъ, при чемъ Парротъ и Эверсъ оказали услуги Комиссіи составленіемъ учебныхъ руководствъ по математикѣ и нѣмецкому языку [1]).

Упраздненіе Цензурнаго Комитета въ 1826 году освободило университетъ отъ значительнаго труда по этой части, но уже въ самомъ концѣ описываемаго времени, согласно высочайшему повелѣнію 15 іюня 1864 года, при университетѣ былъ учрежденъ цензурный досмотръ тѣхъ изъ произведеній заграничной печати, которыя, черезъ Вержболовскую таможню, были адресованы въ Дерптъ; при чемъ трудъ этотъ возложенъ былъ на двухъ профессоровъ университета, на правахъ отдѣльныхъ цензоровъ въ пограничныхъ городахъ, а обязанности отдѣльнаго Дерптскаго цензора ограничены были просмотромъ произведеній печати, проходившихъ черезъ другія таможни и занятіями по внутренней цензурѣ [2]). Мѣра эта принята была по желанію самого университета, который, пользуясь уже, согласно высочайшей резолюціи 2 сентября 1859 года, для своихъ потребностей правомъ безцензурнаго полученія печатныхъ произведеній изъ-за границы, пріобрѣталъ, благодаря упомянутому повелѣнію 15 іюня 1864 года, возможность ускорить и облегчить полученіе произведеній заграничной печати тому кругу мѣстныхъ обывателей, корреспонденція которыхъ сосредоточивалась

---

1) (Beise). Die Kaiserliche Universität Dorpat, стр. 91. 117.

2) Сборникъ постановленій, III. 1284—1285.

въ Дерптѣ, и нерѣдко подолгу задерживаема была отдѣльнымъ дерптскимъ цензоромъ: по множеству лежавшей на немъ работы, онъ могъ справляться съ ней лишь весьма медленно.

Педагогическая, въ тѣсномъ смыслѣ, дѣятельность университета, направленная къ болѣе практическимъ цѣлямъ и обставленная болѣе опредѣленными условіями, въ описываемый періодъ получила, сравнительно съ прежнимъ временемъ, довольно широкое развитіе, благодаря какъ предначертаніямъ новаго устава 1820 года, такъ и дарованнымъ на выполненіе ихъ матеріальнымъ средствамъ.

Прямымъ продолженіемъ дѣйствовавшаго въ первомъ періодѣ „Общаго Учительскаго или Педагогическаго Института“ была „Педагогико-филологическая Семинарія“ [1]), главной цѣлью которой было подготовленіе учителей для учебныхъ заведеній Дерптскаго округа; кромѣ того, уставъ 1820 года имѣлъ въ виду, что въ этомъ учрежденіи „откроется вообще всѣмъ студентамъ удобнѣйшій случай снискать потребныя къ основательному изученію всякой науки свѣдѣнія въ языкахъ и твореніяхъ грековъ и римлянъ“ (§ 93). Учрежденіе это поставлено было подъ „главное управленіе“ четырехъ профессоровъ: краснорѣчія, педагогики, философіи и русскаго языка и словесности; въ качествѣ сотрудниковъ этимъ главнымъ „директорамъ“ являются два профессора классической филологіи, какъ „управляющіе по дѣламъ“ семинаріи (§ 94. 95). Курсъ ученья имѣлъ главнымъ образомъ филологическій характеръ и расчитанъ былъ на два года; однако директора имѣли право въ извѣстныхъ случаяхъ продолжить его для нѣкоторыхъ воспитанниковъ и на третій годъ; во второй годъ пребыванія въ семинаріи воспитанники упражнялись въ преподаваніи въ

---

1) Архивъ Юрьевскаго Университета: Das allgemeine Lehrer-Institut und das Pädagogisch-philologische Seminarium.

учебныхъ заведеніяхъ города Дерпта. Семинаристовъ, которыми могли быть зачислены только „отличившіеся прилежаніемъ и способностями", положено было 10 человѣкъ, и на содержаніе каждаго отпускалось по 400 рублей; двумъ изъ четырехъ директоровъ положено было вознагражденіе по 400 р. въ годъ, а двумъ другимъ по 200 р. (§§ 97. 98). Подобно воспитанникамъ прежняго Учительскаго Института, и воспитанники Семинаріи обязывались за полученное воспитаніе прослужить въ качествѣ учителей не менѣе шести лѣтъ (§ 100).

Педагогическо-филологическая Семинарія, въ которую съ самаго начала зачислено было изъ Учительскаго Института 9 человѣкъ, открыла свою дѣятельность въ 1821 году, подъ руководствомъ профессоровъ Моргенштерна и Еше, къ которымъ вскорѣ примкнули Перевощиковъ и Франке. Уже при самой выработкѣ плана для занятій въ семинаріи въ 1821 году, проектъ котораго принадлежалъ Моргенштерну, возникли въ совѣтѣ прѣнія о томъ, надобно ли ввести въ кругъ занятій семинаристовъ и математику; но вопросъ этотъ рѣшенъ былъ пока въ отрицательномъ смыслѣ, и только въ 1840 году математика введена была въ семинаріи какъ предметъ преподаванія. Въ 1827 году преподаваніе философіи замѣнено было богословіемъ, и представитель послѣдняго, профессоръ практическаго богословія, замѣнилъ въ руководствѣ семинаріей представителя философіи; въ 1840 году отъ попечителя Крафстрема послѣдовало предписаніе требовать отъ „семинаристовъ" основательнаго знакомства съ русскимъ языкомъ, а 12 января 1845 года попечитель особымъ предписаніемъ напомнилъ объ исполненіи обязательнаго для воспитанниковъ правила давать, особенно въ послѣдній семестръ, практическія уроки въ Дерптской гимназіи или городской школѣ, безъ чего они не могутъ быть допущены и къ пробнымъ урокамъ, обусловливающимъ полученіе права преподаванія. Въ 1852 году поднятъ былъ вопросъ о выработкѣ новаго учебнаго

плана для семинаріи, именно въ смыслѣ ослабленія преобладавшей въ ней „филологической тенденціи“ въ пользу математики; вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлось въ виду усилить и практическую сторону занятій „семинаристовъ“; назначенная для выработки этого новаго плана комиссія состояла изъ профессоровъ Курца, Розберга, Штрюмпеля, Мерклина и доцента Гельмлинга; 28 апрѣля 1853 года выработанный этой комиссіей планъ былъ представленъ попечителю, но не получилъ утвержденія, такъ какъ поставленъ былъ на очередь вопросъ о дальнѣйшемъ существованіи этого учрежденія. Въ самомъ дѣлѣ, въ послѣдніе годы Педагогико-филологическая Семинарія давала все меньшее и меньшее число полноправныхъ школьныхъ учителей, такъ что, напр., въ періодъ времени 1846—1855 годовъ окончательному испытанію на званіе учителя подверглось изъ воспитанниковъ семинаріи всего одно лицо. Спрошенный о причинѣ этого явленія попечителемъ въ 1855 году, ректоръ университета отвѣчалъ, что происходитъ оно отъ отсутствія опредѣленнаго, закономъ установленнаго, срока для выдержанія окончательнаго экзамена, и потому огромное большинство „семинаристовъ“, постоянно откладывая такое испытаніе, занимаются пока частной педагогической практикой. Но были, конечно, и другія, болѣе глубокія, причины паденія числа желавшихъ воспользоваться, путемъ экзамена, правами школьной службы, и едва ли не самой важной изъ нихъ была необезпеченность и вообще непривлекательность этого рода дѣятельности сравнительно съ другими интеллигентно-служебными профессіями въ краѣ, за предѣлами котораго воспитанники семинаріи не могли дѣйствовать уже въ силу слабаго знакомства съ русскимъ языкомъ; многіе изъ воспитанниковъ оставляли семинарію еще до окончанія курса. Въ виду этого, 26 іюля 1856 года послѣдовало запрещеніе принимать въ семинарію новыхъ воспитанниковъ; въ томъ же году, за выходомъ изъ ея состава послѣднихъ двухъ воспитанниковъ, семинарія была упразднена, и хотя

въ 1857 году послѣдовало ходатайство со стороны историко-филологическаго факультета о возобновленіи дѣятельности Педагогико-филологической Семинаріи, но оно оставлено было попечителемъ безъ послѣдствій. За все время болѣе чѣмъ 35-лѣтняго существованія семинаріи, въ ней обучалось 117 воспитанниковъ, и изъ нихъ далеко не всѣ достигли предположенной конечной цѣли. Существованіе семинаріи имѣло, въ нѣкоторыхъ чертахъ ея существованія, извѣстную аналогію съ предшествовавшимъ ей въ первомъ періодѣ Учительскимъ Институтомъ. Не отрицая извѣстной пользы какъ Семинаріи, такъ и Института, давшихъ для Дерптскаго учебнаго округа около сотни учителей уѣздныхъ училищъ и гимназій, надобно однакоже согласиться съ офиціальнымъ историкомъ, что „плоды, принесенные этимъ заведеніемъ въ обоихъ его видахъ, недостаточно соотвѣтствовали ожиданіямъ, кои были на него возлагаемы, такъ какъ число студентовъ, приготовляемыхъ въ немъ быть дѣльными учителями, оказывалось неудовлетворительнымъ для потребностей округа“ [1]).

Въ тѣсной связи съ Педагогико-филологической Семинаріей оказались, правда фактически не открытые, но формально учрежденные въ 1861 году, Педагогическіе курсы при Дерптскомъ университетѣ.

Именно, въ 1858 году послѣдовало закрытіе Главнаго Педагогическаго Института въ Петербургѣ, имѣвшаго преимущественной цѣлью приготовленіе учителей для среднихъ учебныхъ заведеній. Но такъ какъ потребность въ учителяхъ не только продолжала существовать, но и возрастала,

1) Обзоръ дѣятельности Дерптскаго университета, стр. 101. — 30 декабря 1854 года попечитель фонъ-Брадке писалъ министру А. С. Норову: „Одинъ существенный недостатокъ меня крайне заботитъ, а именно неимѣніе въ виду способныхъ лицъ для замѣщенія учительскихъ вакансій въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ; заведенное при университетѣ педагогическое учрежденіе совершенно не достигаетъ своей цѣли“ (Архивъ Департамента Народнаго Просвѣщенія, № 115196—3474).

то въ Главномъ Правленіи Училищъ выработанъ былъ проектъ новаго учрежденія, которое должно было замѣнить собою какъ упраздняемый Главный Педагогическій Институтъ, такъ и существовавшіе при университетахъ „Педагогическіе Институты“, однородные съ Дерптской Педагогико-филологической Семинаріей. Сущность новаго учрежденія, имѣвшаго цѣлію разрѣшить чрезвычайно важный и трудный вопросъ подготовки учителей для среднихъ школъ имперіи, заключалась въ слѣдующемъ. На „педагогическіе курсы“, которые имѣлось въ виду учредить при университетахъ, могли поступать молодые люди, окончившіе университетскій курсъ и сознательно избравшіе себѣ педагогическое поприще. Ученіе на курсахъ должно было продолжаться два года и состоять съ одной стороны въ совершенствованіи по избранной спеціальности самостоятельнымъ трудомъ, подъ руководствомъ соотвѣтствующаго профессора университета, а также въ научномъ ознакомленіи съ педагогикой, а съ другой — въ пріобрѣтеніи практическихъ свѣдѣній и навыка въ преподаваніи, подъ руководствомъ директора и опытныхъ преподавателей нарочно учреждаемой для того при университетѣ „педагогической гимназіи“. Курсы подчинялись попечителю учебнаго округа, а не университету. Поступающіе на нихъ молодые люди пользовались во время пребыванія своего на курсахъ казенной стипендіей, но съ обязательствомъ прослужить потомъ по учебной службѣ не менѣе шести лѣтъ. Кромѣ стипендіатовъ, могутъ быть принимаемы на курсы и „вольные слушатели“, безъ обязательства служить потомъ по учебной части, но съ зачисленіемъ имъ времени, проведеннаго на курсахъ, въ дѣйствительную службу, если они потомъ въ самомъ дѣлѣ въ нее вступятъ. Возникшій было вопросъ о томъ, должны ли быть курсы эти закрытыми заведеніями или открытыми, Главное Правленіе Училищъ рѣшило безусловно въ послѣднемъ смыслѣ, на томъ основаніи, что „въ педагогѣ, который по преимуществу долженъ явиться самостоятельнымъ дѣятелемъ, есть большой недоста-

токъ незнаніе дѣйствительной жизни, а знанія жизни закрытое заведеніе ему не можетъ дать". Проектъ этотъ удостоился одобренія государя, который 15 ноября 1858 года приказалъ его исполнить. 20 марта 1860 года утверждено было особое „Положеніе о педагогическихъ курсахъ", и такіе курсы учреждены были при пяти университетахъ: С.-Петербургскомъ, Московскомъ, Кіевскомъ, Харьковскомъ и Казанскомъ [1]). Въ Дерптскомъ же университетѣ учрежденіе педагогическихъ курсовъ, согласно общему положенію 20 марта 1860 года, но „съ нѣкоторыми, сообразно съ мѣстными потребностями, измѣненіями", послѣдовало лишь 11 января 1861 года, при чемъ на содержаніе ихъ положено было всего 7,053 р. сер. въ годъ, въ томъ числѣ: пять стипендій по 350 р. и пять по 300 р.; вознагражденіе профессоровъ, директора гимназіи и учителей, а также составленіе педагогической библіотеки — 3,403 р. и жалованье письмоводителю — 400 р. [2]).

Но Педагогическіе курсы, не смотря на нѣкоторыя здравыя мысли, положенныя въ ихъ основаніе, не имѣли успѣха, о чемъ попечители учебныхъ округовъ доносили министерству народнаго просвѣщенія въ 1863 году; мало помогли этому и принятыя 25 іюня и 2 іюля 1863 года мѣры, состоявшія въ измѣненіи учебныхъ плановъ на курсахъ и въ передачѣ, сверхъ прежнихъ 67 казенныхъ стипендій, еще 150 „педагогическихъ" стипендій, учрежденныхъ 14 іюля 1862 года при университетахъ Московскомъ, Харьковскомъ и Казанскомъ, въ исключительное пользованіе тѣхъ студентовъ историко-филологическаго и физико-математическаго факультета, которые пожелаютъ поступить на Педагогическіе курсы [3]). Въ Дерптскомъ же университетѣ курсы эти совсѣмъ не были открыты, хотя

1) Сборникъ постановленій. III. 340—357. 534—555.
2) Тамъ же, III. 650—660.
3) Тамъ же, III. 1144—1146. 1156—1159.

въ 1864 году, по предложенію попечителя графа Кейзерлинга, командированъ былъ заграницу деканъ историко-филологическаго факультета профессоръ Ширренъ для ближайшаго ознакомленія съ устройствомъ тамъ педагогическихъ семинарій и другихъ подобныхъ учрежденій, въ цѣляхъ наилучшей организаціи въ Дерптѣ Педагогическихъ курсовъ. Въ это время университетъ ожидалъ утвержденія своего особаго устава 1865 года, въ которомъ Педагогическіе курсы не нашли себѣ мѣста и остались, такимъ образомъ, для Дерпта учрежденіемъ лишь на бумагѣ, а не въ жизни.

Здѣсь умѣстно припомнить также, что университетъ ежегодно производилъ испытанія для желающихъ получить званія домашняго наставника и учителя, согласно Положенію объ этомъ 1 іюля 1834 года, подобно тому, какъ, въ силу Положенія 6 августа 1809 года, производились въ университетѣ экзамены на право производства въ чины по гражданской службѣ.

Гораздо болѣе важное значеніе, чѣмъ Педагогико-филологическая Семинарія, имѣло другое существовавшее при Дерптскомъ университетѣ учрежденіе, вліяніе и назначеніе котораго не ограничивалось предѣлами Дерптскаго учебнаго округа, а простиралось на всю Россію: это былъ „Профессорскій Институтъ", имѣвшій цѣлію подготовить необходимый въ то время контингентъ профессоровъ для русскихъ университетовъ, среди которыхъ Дерптскій, конечно, не имѣлся въ виду, такъ какъ онъ могъ получать профессоровъ изъ заграницы. Учрежденіе это, существовавшее при Дерптскомъ университетѣ всего около 12 лѣтъ, является однимъ изъ значительнѣйшихъ явленій его жизни за описываемый періодъ, ярко выдвигая его научную высоту среди другихъ университетовъ въ Россіи въ 1820-ые и 1830-ые годы [1]).

Мысль о Профессорскомъ Институтѣ впервые подана

---

1) Архивъ Юрьевскаго Университета: Das Professoren-Institut. 1827—1838.

была Г. Фр. Парротомъ, когда уже онъ, оставивъ профессуру въ Дерптскомъ университетѣ, жилъ въ качествѣ академика въ Петербургѣ. Въ засѣданіи Комитета устройства учебныхъ заведеній, 3 сентября 1827 года внесенъ былъ, по повелѣнію государя, статсъ-секретаремъ Блудовымъ на обсужденіе проектъ Паррота „Mémoire sur les universités de l'interieur de la Russie“. Проектъ имѣлъ цѣлію разрѣшить вопросъ о возможно быстрой подготовкѣ для русскихъ университетовъ необходимаго числа профессоровъ по всѣмъ главнѣйшимъ отдѣламъ высшаго преподаванія; университеты, пополнявшіе свой преподавательскій составъ главнымъ образомъ иностранцами и пришедшіе къ концу предшествовавшаго царствованія въ видимый упадокъ, нуждались въ радикальной реформѣ; нужны были университетскіе профессора именно изъ русскихъ, но прошедшіе хорошую европейскую научную школу, чтобы обезпечить дальнѣйшее достойное существованіе русскихъ университетовъ. Парротъ имѣлъ въ виду именно три русскихъ университета, Московскій, Харьковскій и Казанскій, оставляя въ сторонѣ Петербургскій, который онъ считалъ на столько упавшимъ, что его невозможно было привести въ хорошее состояніе. Полагая, что для каждаго изъ названныхъ университетовъ должно приготовить по 32 профессора, и что подготовка эта должна длиться 7 лѣтъ, Парротъ, въ виду возможности смерти нѣкоторыхъ кандидатовъ и желательности имѣть изъ нихъ выборъ, предлагалъ готовить для каждаго университета по 52 человѣка; лучшіе изъ нихъ, по окончаніи ученья, сдѣлаются профессорами, а другіе займутъ мѣста директоровъ и учителей въ гимназіяхъ или изберутъ иной родъ службы. Избранныхъ кандидатовъ, уже окончившихъ курсъ въ одномъ изъ русскихъ университетовъ, Парротъ предлагалъ отправить на пять лѣтъ учиться въ Дерптъ, а потомъ на два года за границу, именно въ Берлинъ, Геттингенъ или Парижъ, смотря по избранной ими спеціальности; тѣхъ же, которые изберутъ

своей специальностью русскую словесность, вмѣсто отправки въ Дерптъ и за границу, слѣдуетъ оставить при своихъ университетахъ для дальнѣйшихъ самостоятельныхъ занятій, а потомъ прикомандировать на два года къ Россійской Академіи, при которой должны быть учреждены для этихъ лицъ особыя бесѣды о россійской и славянской словесности. Какъ въ Дерптѣ, такъ и заграницей надзоръ за занятіями кандитатовъ долженъ быть порученъ особымъ директорамъ. Окончательное сужденіе объ окончившихъ свое ученье кандидатахъ, при опредѣленіи ихъ на службу, будетъ зависѣть отъ министра народнаго просвѣщенія и отчасти отъ Академіи Наукъ. На приведеніе этого плана въ исполненіе Парротъ исчислилъ сумму въ 1,500,000 р., всключая сюда содержаніе 156 кандидатовъ въ теченіе семи лѣтъ, вознагражденіе профессорамъ и директорамъ въ Дерптѣ и заграницей, путевые расходы и разныя непредвидѣнныя издержки.

Подвергнутый обсужденію, проектъ этотъ вызвалъ среди членовъ комиссіи разногласіе, при чемъ предсѣдатель Шишковъ и члены Сперанскій и графъ Строгановъ находили его незаслуживающимъ дальнѣйшаго разсмотрѣнія, а другіе члены, князь Ливенъ, графъ Ламбертъ, Уваровъ, Блудовъ, Крузенштернъ и Шторхъ, полагали, напротивъ, что проектъ Паррота достоинъ вниманія; въ особенности Шторхъ отстаивалъ мысль Паррота о посылкѣ молодыхъ людей въ Дерптъ, ссылаясь на то, что Дерптскій университетъ безъ сомнѣнія лучшій между русскими университетами, что профессора тамъ весьма дѣятельны, а студенты прилежны, что университетъ этотъ уже выпустилъ значительное число хорошихъ питомцевъ; то обстоятельство, что языкъ преподаванія тамъ нѣмецкій, считалъ онъ говорящимъ именно въ пользу проекта, такъ какъ этотъ языкъ не только полезенъ воспитанникамъ института, какъ будущимъ людямъ науки, но и прямо необходимъ имъ въ виду продолженія ими своихъ занятій за границей; для намѣревающихся специализироваться по русскому языку и литературѣ рекомендовалъ онъ быть

прикомандированными къ университетамъ Петербургскому и Московскому, гдѣ они могли бы заниматься подъ руководствомъ профессоровъ Бутырскаго и Мерзлякова. Въ виду этого, рѣшено было представить дѣло на усмотрѣніе государя, который положилъ 14 октября 1827 года слѣдующую резолюцію: „Профессоры есть достойные, но ихъ немного и нѣтъ имъ наслѣдниковъ; ихъ должно готовить, и для сего лучшихъ студентовъ человѣкъ 20 послать на два года въ Дерптъ, а потомъ въ Берлинъ или Парижъ, и не однихъ, а съ надежнымъ начальникомъ, на два же года; все сіе исполнить немедля“ [1]). Такъ положено было начало существованію Профессорскаго Института.

Согласно высочайшей волѣ, Главное Правленіе Училищъ немедленно приступило къ осуществленію начертаннаго плана, по которому предполагалось обратиться къ университетамъ С.-Петербургскому, Московскому, Казанскому и Харьковскому для избранія ими желающихъ поступить въ Профессорскій Институтъ, при чемъ рекомендовалось не ограничиваться при выборѣ одними казенными воспитанниками, а вносить въ списки также и своекоштныхъ, и не только студентовъ, но и кандидатовъ и даже магистровъ, если такіе найдутся. Отъ этихъ лицъ требовалась „безпорочная, надежная нравственность“, „природныя дарованія, любовь и прилежаніе къ наукамъ“, „достаточныя свѣдѣнія“ въ избранной спеціальности, знаніе языковъ латинскаго, французскаго и нѣмецкаго, для филологовъ и греческаго, способность къ преподаванію и надежное здоровье; имѣлось въ виду отправить этихъ лицъ въ Дерптъ на три года, а затѣмъ на два года заграницу; предварительно вступленія въ Институтъ, они должны будутъ под-

1) Сборникъ постановленій, II. 1. ст. 95—101; Das Professoren-Institut in Dorpat. 1827—1838. Eine Studie zur russischen Universitätsgeschichte. Von Dr. Georg Schmidt. Russische Revue. B. XIX. 1881, стр. 139—151.

вергнуться „строгому испытанію“, а по окончаніи ими полнаго круга ученья и признанія ихъ годными къ занятію профессорскихъ каѳедръ, они будутъ обязаны прослужить въ университетахъ не менѣе 12 лѣтъ. Государь выразилъ съ проектомъ свое согласіе, написавъ на немъ 27 ноября 1827 года такую резолюцію: „Согласенъ, но съ тѣмъ, чтобы непремѣнно всѣ были природные русскіе“ [1]). Тогда приступлено было по округамъ къ выбору кандидатовъ, которыхъ оказалось въ Московскомъ, С.-Петербургскомъ и Казанскомъ университетахъ по 7 человѣкъ, а въ Харьковскомъ ни одного. Такъ какъ число это почти равнялось указанному государемъ, то выбора изъ кандидатовъ дѣлать не пришлось, и они приняты были всѣ. Рѣшено было подвергнуть ихъ предварительному испытанію въ Петербургѣ, а не въ Дерптѣ, какъ предполагалось раньше, и отправить въ Дерптъ къ началу осенняго семестра 1828 года. Директоромъ Института въ Дерптѣ предположено было назначить профессора Перевощикова съ дополнительнымъ къ его жалованью вознагражденіемъ по 3000 р. асс. въ годъ, а на содержаніе каждаго кандидата, не считая путевыхъ издержекъ, положить по 1200 р. асс.; профессорамъ въ Дерптѣ особаго вознагражденія за труды по преподаванію не назначать, но предположено представить объ ихъ трудахъ по окончаніи всего курса на усмотрѣніе государя. Государь выразилъ и этому проекту свое одобреніе, 20 февраля 1828 года, въ слѣдующей формѣ: „Согласенъ. Довольно стыдно Харьковскому университету, что ни одного не нашлось кандидата на полезную службу. Избрать нѣсколько студентовъ изъ Виленскаго университета на томъ же точно основаніи“ [2]).

Молодымъ людямъ назначено было явиться въ Петербургъ, для испытанія, къ 1 іюня 1828 года. Численный

1) Сборникъ постановленій, II. 1, ст. 107—111.
2) Сборникъ постановленій, II. 1, ст. 131—135.

составъ явившихся былъ нѣсколько иной, чѣмъ возвѣщенный донесеніями попечителей министерству: съ одной стороны, нѣкоторые изъ первоначальныхъ 21 человѣка измѣнили свое намѣреніе, а съ другой — явились кандидаты изъ Виленскаго университета; такимъ образомъ, всего подверглись испытанію въ Академіи Наукъ, съ 18 по 22 іюня 1828 года и благополучно выдержали его, 16 человѣкъ, именно: 6 изъ Петербургскаго университета, 5 изъ Московскаго, 2 изъ Казанскаго и 3 изъ Виленскаго. Изъ Виленскаго университета были: Игнатій Акинѳовичъ Ивановскій, Антонъ Осиповичъ Мухлинскій и Альфонсъ Осиповичъ Валицкій; изъ Казанскаго: Димитрій Львовичъ Крюковъ и Никаноръ Скандовскій; изъ Московскаго: Иванъ Осиповичъ Шиховскій, Петръ Корнухъ-Троцкій, Григорій Ивановичъ Сокольскій, Николай Ивановичъ Пироговъ и Александръ Шуманскій; изъ Петербургскаго: Василій Ивановичъ Лапшинъ, Степанъ Семеновичъ Куторга, Михаилъ Семеновичъ Куторга, Петръ Давыдовичъ Калмыковъ, Павелъ Щкляревскій и Александръ Ивановичъ Чивилевъ [1]).

Особенно доволенъ былъ исходомъ этихъ испытаній попечитель С.-Петербургскаго округа К. М. Бороздинъ. Не смотря на указанное ранѣе безнадежное мнѣніе академика Паррота относительно Петербургскаго университета — мнѣніе, въ общемъ не лишенное основаній [2]) — изъ него явилось наибольшее число кандидатовъ для поступленія въ Профессорскій Институтъ, при чемъ всѣ они найдены „весьма надежными“, а нѣкоторые изъ нихъ признаны за обладающихъ „отличными познаніями не только по части, коей они себя преимущественно посвящаютъ, но и по многимъ другимъ“. 16 іюля 1828 года воспитанники Профессор-

1) Georg Schmidt, назв. соч., стр. 154.

2) В. В. Григорьевъ. Императорскій С.-Петербургскій университетъ въ теченіе первыхъ пятидесяти лѣтъ его существованія. Спб. 1870, стр. 83—84.

скаго Института, послѣ торжественнаго богослуженія въ университетѣ, отпущены были изъ Петербурга въ Дерптъ. Петербургскіе воспитанники вскорѣ по прибытіи туда получили отъ К. М. Бороздина весьма теплое привѣтствіе, въ которомъ, извѣщая ихъ о полученномъ за ихъ прежніе успѣхи монаршемъ благоволеніи къ себѣ, попечитель, между прочимъ, писалъ отъ 8 августа 1828 года: „Слѣдуйте неутомимо къ той великой цѣли, которую Провидѣніе и Государь вамъ предназначили. Обогащайте умъ вашъ новыми познаніями, принесите ихъ съ собою въ наше отечество; но возвратитесь также съ чистыми сердцами, возвратитесь усердными сынами православной греко-россійской церкви, съ непоколебимой вѣрностью къ Государю, съ пламенною любовію къ отечеству, словомъ — возвратитесь русскими"[1]).

Кромѣ 16 названныхъ лицъ, въ первый составъ Профессорскаго Института вошли и нѣкоторыя другія. Харьковскій университетъ, сконфуженный замѣчаніемъ Государя, постарался отыскать четырехъ кандидатовъ, которые въ сентябрѣ 1828 года явились въ Петербургъ, 23 октября отэкзаменованы были въ Академіи Наукъ и въ ноябрѣ прибыли въ Дерптъ; это были: Ѳедоръ Ивановичъ Иноземцевъ, Алексѣй Матвѣевичъ Филомаѳитскій, Петръ Ивановичъ Котельниковъ и Поліевктъ Шрамковъ. Сверхъ того, одновременно съ первыми прибывшими кандидатами вступили въ Институтъ изъ Московскаго университета Петръ Григорьевичъ Рѣдкинъ и изъ Дерптскаго — Михаилъ Лунинъ.

Изъ всѣхъ этихъ лицъ пятеро не закончили предположеннаго для воспитанниковъ Профессорскаго Института круга занятій: Шуманскій въ 1829 году, по его просьбѣ, былъ отпущенъ и вступилъ въ гражданскую службу; Шкляревскій и Шрамковъ умерли въ 1830 и 1831 году

---

1) Григорьевъ, назв. соч., примѣчанія стр. 28.

въ Дерптѣ, а Рѣдкинъ и Калмыковъ, посвятившіе себя юриспруденціи, въ виду ослабленія Дерптскаго юридическаго факультета, за смертію Эверса и Дабелова[1]), отсутствіемъ Клоссіуса и болѣзнью Рейца, послѣдовали вызову М. М. Сперанскаго и отправились въ началѣ 1831 года для продолженія научныхъ занятій по избранной спеціальности въ Берлинъ, куда, по проекту Сперанскаго, посланы были для изученія законовѣдѣнія, подъ руководствомъ профессоровъ Савиньи и Рудорфа, и еще нѣсколько лицъ изъ Петербургской и Московской Духовныхъ Академій[2]). Остальные, распредѣлившись въ Дерптѣ по спеціальностямъ: медицинѣ, древнимъ языкамъ, юриспруденціи, математикѣ и астрономіи, довели свои занятія до конца[3]).

Директоромъ Института дѣйствительно былъ назначенъ профессоръ В. М. Перевощиковъ. Первымъ дѣломъ его было составленіе двухъ „инструкцій", утвержденныхъ министромъ народнаго просвѣщенія 1 сентября 1828 года; это именно „Инструкція директору Профессорскаго Института" (§§ 17) и „О взаимныхъ отношеніяхъ ректора и директора" (§§ 14). Въ первой инструкціи, въ обязанность директору поставлено „снискать полное довѣріе" воспитанниковъ и „при самомъ началѣ своихъ съ ними сношеній возбудить въ нихъ къ своему характеру, правиламъ, образу мыслей то чувство уваженія и любви, которое дѣлаетъ

1) Въ началѣ 1820-хъ годовъ профессоръ Дабеловъ высказывалъ мысль о необходимости основать при Дерптскомъ университетѣ спеціальный Институтъ для подготовленія будущихъ профессоровъ-юристовъ какъ для Дерпта, такъ и для другихъ русскихъ университетовъ, но мысль эта не получила осуществленія: Ueber die Juristen-Facultät zu Dorpat, въ Jahrbuch für Rechtsgelehrte in Russland, herausg. von E. G. v. Bröcker. I Band. Riga 1822, стр. 310—313.

2) П. Майковъ. Сперанскій и студенты законовѣдѣнія. Очеркъ изъ исторіи русскаго правовѣдѣнія. „Русскій Вѣстникъ" 1899, № 9, стр. 246—247.

3) Georg Schmidt, назв. соч., стр. 157.

всякое управленіе легкимъ“ (§ 1); дѣйствуя на этой основѣ, директоръ долженъ стараться развить или удержать въ молодыхъ людяхъ религіозное и вѣрноподданническое чувства (§§ 2. 3); входя ближайшимъ образомъ въ жизнь студентовъ Института, онъ долженъ „посѣщать ихъ отъ времени до времени въ ихъ жилищахъ, а иногда и принимать участіе въ ихъ занятіяхъ и увеселеніяхъ“ (§ 4); студенты, въ свою очередь, избѣгая излишнихъ развлеченій и ненужныхъ знакомствъ, должны прилежно заниматься наукой, усердно посѣщать какъ обыкновенныя, такъ и приватныя лекціи и стараться окончить свои занятія въ предначертанный срокъ (§§ 6. 9); въ употребленіи положенныхъ имъ на содержаніе денегъ они должны быть крайне бережливы, и тотъ изъ студентовъ, который окажется къ тому неспособнымъ, лишается права получать деньги изъ казначейства университета и поступаетъ въ этомъ отношеніи подъ опеку къ директору (§§ 12. 14); во всемъ, что не предусмотрѣно настоящей инструкціей, студенты Института должны руководствоваться общими для всѣхъ студентовъ Дерптскаго университета правилами (§ 17). Вторая инструкція имѣетъ въ виду уяснить взаимоотношеніе власти ректора и директора относительно студентовъ Института; директоръ является ближайшимъ и непосредственнымъ ихъ начальникомъ, а ректоръ начальникомъ болѣе отдаленнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе полновластнымъ; участіе ректора проявляется въ болѣе общихъ случаяхъ, и до принятія какихъ-либо мѣръ ректоръ и директоръ взаимно освѣдомляютъ одинъ другого о случившемся, стараясь прійти къ обоюдному соглашенію (§§ 2. 7. 8. 10)[1].

Проф. Перевощиковъ оставался директоромъ Профессорскаго Института до выхода своего въ отставку 5 сентября 1830 года, но за нѣсколько дней до полученія

---

1) Сборникъ распоряженій, I, ст. 662—668.

послѣдней ему пришлось направить попечителю, отъ 27 августа 1830 года, два ходатайства касательно воспитанниковъ Института, со времени начала ученья которыхъ въ Дерптѣ прошло уже два года и оставался еще только одинъ. Первое касалось желанія воспитанниковъ по окончаніи третьяго года ученья остаться въ Дерптѣ еще три или четыре мѣсяца, чтобы имѣть время приготовиться къ испытанію и выдержать его; директоръ поддерживалъ эту просьбу какъ въ виду того, что „всѣ воспитанники вели себя доселѣ тихо и скромно, многіе благонравно и примѣрно“, такъ и во вниманіе къ ихъ „ревности и успѣхамъ въ наукахъ“. Второе ходатайство заключалось въ томъ, чтобы разрѣшить Дерптскому университету присудить воспитанникамъ, сообразно результату экзаменовъ, прямо тѣ ученыя степени, которыхъ они будутъ достойны, не стѣсняясь обычной постепенностью степеней кандидата, магистра и и доктора; затрудненіе заключалось тутъ собственно въ отношеніи степеней по наукамъ юридическаго и философскаго факультетовъ, такъ какъ по медицинскому факультету университетъ имѣлъ уже право возводить изъ студентовъ прямо въ докторы медицины; приведя въ пользу этого ходатайства различныя соображенія, директоръ въ заключеніе говорилъ: „Профессорскій Институтъ есть особенная и чрезвычайная мѣра, употребляемая правительствомъ для распространенія наукъ въ Россіи; по сему и съ воспитанниками Профессорскаго Института надлежитъ поступать по особеннымъ правиламъ.“ Оба ходатайства Перевощикова были уважены.

О Перевощиковѣ, какъ директорѣ Профессорскаго Института, сохранились нѣсколько желчныя воспоминанія Н. И. Пирогова, въ которыхъ онъ изображается какъ „типъ сухого, безжизненнаго, скрытнаго или, по крайней мѣрѣ, ничего не выражающаго бюрократа“. „Перевощиковъ — разсказываетъ Пироговъ — имѣлъ, конечно, инструкцію слѣдить за нашею нравственностью, и онъ, какъ формалистъ, по-

лагалъ, что ничѣмъ не можетъ передъ начальствомъ показать такъ свою заботу о нашей нравственности, какъ посѣщая насъ въ разное время и врасплохъ; онъ это и дѣлалъ въ началѣ нашего пребыванія въ Дерптѣ" [1]). Преемникомъ Перевощикова въ роли директора Профессорскаго Института назначенъ былъ профессоръ медицинскаго факультета I. Фр. Эрдманъ, остававшійся въ этой должности до закрытія названнаго учрежденія.

Между тѣмъ трехлѣтній срокъ обученія воспитанниковъ приходилъ къ концу, и университетомъ возбуждено было передъ министерствомъ ходатайство объ оставленіи ихъ въ Дерптѣ еще на одинъ или на два семестра для продолженія и завершенія занятій; на это потребовалось соизволеніе Государя, которое и было дано 24 мая 1831 года, о чемъ, отъ 25 мая 1831, министръ князь Ливенъ увѣдомилъ ректора. Наконецъ, истекъ и этотъ срокъ, а за нимъ и ранѣе испрошенные 3—4 мѣсяца на подготовку къ экзаменамъ, и т. о. послѣ почти $4^1/_2$-лѣтняго пребыванія въ Дерптѣ воспитанникамъ произведены были, въ концѣ 1832 года, „строгія испытанія", которыя и выдержали они „съ замѣчательнымъ успѣхомъ", при чемъ изъ 16 молодыхъ людей трое (М. Куторга, Лапшинъ и Чивилевъ) удостоены были степени магистра по философскому факультету, а остальные — степени доктора: шестеро (Лунинъ, Крюковъ, Валицкій, Котельниковъ, Корнухъ-Троцкій и Шиховскій) по философскому факультету, шестеро (Пироговъ, Иноземцевъ, Филомаѳитскій, Соколовскій Скандовскій и С. Куторга) — по медицинскому и одинъ (Ивановскій) — по юридическому. Большая часть изъ нихъ въ январѣ 1833 года отправилась, согласно предначертанному плану, за границу — въ Вѣну и главнымъ обра-

---

1) Н. И. Пироговъ. Сочиненія. Т. I, стр. 336. 337. Подтверждается и отчасти объясняется этотъ отзывъ въ воспоминаніяхъ библіотекаря Андерса: Baltische Monatsschrift, B. XXXIX. 1892, стр. 287.

зомъ въ Берлинъ; къ нимъ присоединены были 17 февраля 1833 года и также отправились заграницу еще трое молодыхъ ученыхъ — кандидаты Викторъ Степановичъ Порошинъ и Владиміръ Печоринъ и лѣкарь І. Хр. Геннигъ; чрезвычайно интересныя сообщенія о пребываніи ихъ за границей передаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Н. И. Пироговъ [1]), но они уже выходятъ за предѣлы нашего изложенія.

Такъ завершилось дерптское обученіе первой партіи русскихъ „будущихъ профессоровъ", а вмѣстѣ съ тѣмъ и существованіе такъ наз. І-го Профессорскаго Института. Въ виду этого министръ народнаго просвѣщенія испрашивалъ высочайшаго разрѣшенія о томъ, продолжать ли быть Институту или нѣтъ; на этотъ докладъ послѣдовала 16 марта 1833 года резолюція: „Профессорскій Институтъ продолжить и новыхъ студентовъ вытребовать" [2]).

По сдѣланному вызову явилось изъ Харьковскаго университета четыре кандидата и изъ Петербургскаго два, но, за болѣзнію одного изъ нихъ, подвергнуты были испытанію при министерствѣ 20 сентября 1833 года лишь пятеро: Іосифъ Васильевичъ Варвинскій, Петръ Любовскій, Владиміръ Гриневъ, Степанъ Ростовцевъ и Григорій Лапшинъ; 18 октября они уже отправились въ Дерптъ, гдѣ къ нимъ присоединены были, безъ испытанія, еще четверо: Николай Алексѣевичъ Ивановъ, Алексѣй Николаевичъ Савичъ, Георгій Саблеръ и Иванъ Яковлевичъ Горловъ — первые три по рекомендаціи дерптскихъ профессоровъ, а четвертый по рекомендаціи Московскаго университета.

Курсъ этого такъ наз. ІІ-го Профессорскаго Института въ Дерптѣ начался, на прежнихъ основаніяхъ, 20 октября 1833 года, но вскорѣ Лапшинъ и Гриневъ, по домашнимъ

1) Сочиненія. Т. I, стр. 400—446.

2) Сборникъ постановленій. II. 1, ст. 543.

обстоятельствамъ, оставили Институтъ, а Ростовцевъ умеръ, и хотя въ 1834 году къ Институту былъ причисленъ кандидатъ Московскаго университета П. Я. Петровъ, но такъ какъ его спеціальностью были восточные языки, то онъ не поѣхалъ въ Дерптъ и велъ свои занятія въ Петербургѣ. Такимъ образомъ, въ Институтѣ оказалось всего шесть воспитанниковъ; въ виду этого должность особаго директора была упразднена, и они находились подъ непосредственнымъ надзоромъ ректора университета. Всѣ названные шесть воспитанниковъ окончили свои занятія въ Дерптѣ въ 1838 году, при чемъ Варвинскій и Любовскій получили степень доктора по медицинскому факультету, а Горловъ, Ивановъ, Саблеръ и Савичъ — по философскому; заграницу они отправлены не были, а получили мѣста немедленно. Вмѣстѣ съ этимъ закончилъ свое существованіе и II-ой Профессорскій Институтъ, дальнѣйшее продолженіе котораго по описанному типу уже признано было болѣе ненужнымъ, о чемъ попечитель Крафстремъ и увѣдомилъ университетъ отъ 8 февраля 1838 года.

Весьма важное значеніе Профессорскаго Института въ исторіи высшаго русскаго образованія, не смотря на кратковременное существованіе этого учрежденія, не подлежитъ сомнѣнію. Онъ далъ русскимъ университетамъ около двухъ десятковъ хорошихъ профессоровъ, изъ которыхъ трое (Пироговъ, Варвинскій и отчасти Ивановъ) дѣйствовали потомъ въ самомъ Дерптскомъ университетѣ. Но успѣхъ обучавшихся въ немъ молодыхъ людей въ достиженіи намѣченныхъ ими цѣлей было бы несправедливо приписывать однимъ только достоинствамъ дерптской научной школы и дисциплины; много значилъ тутъ и выборъ самыхъ кандидатовъ, сдѣланный съ особой осторожностью и привлекшій въ Дерптъ людей большею частію выдающихся дарованій. Со своей стороны, и воспитанники Института, сдѣлавшіеся впослѣдствіи профессорами въ русскихъ университетахъ, отдавали справедливую дань признательности тѣмъ благопріятнымъ

условіямъ, которыми окружена была ихъ научная подготовка въ Дерптѣ [1]).

Для нуждъ самого Дерптскаго университета систематическая посылка молодыхъ людей заграницу, ради приготовленія къ профессурѣ, не получила развитія, такъ какъ университетъ, благодаря нѣмецкому языку преподаванія, имѣлъ возможность выписывать въ Дерптъ изъ Германіи уже готовыя научныя силы; другіе подготовлялись къ профессорскому поприщу въ самомъ Дерптѣ и ѣздили заграницу на сравнительно короткіе сроки, нерѣдко на свой счетъ. Впрочемъ, бывали, особенно въ 1840-хъ годахъ, случаи посылки университетомъ окончившихся курсъ молодыхъ людей заграницу и безъ отношенія къ будущей ихъ ученой карьерѣ. Такъ, когда въ 1830-хъ годахъ университеты привлечены были къ распространенію техническихъ знаній, и въ частности агрономіи, то отъ Дерптскаго университета въ 1839 году отправленъ былъ въ Тарантъ, близъ Дрездена, кандидатъ философскаго факультета Эдуардъ Книпферъ для усовершенствованія въ агрономіи; въ 1840 году посланъ былъ заграницу д-ръ мед. Г. Фр. Шнейдеръ для изученія ветеринарныхъ наукъ; въ 1847 году отправился, для продолженія занятій по физикѣ, въ Германію, Францію и Италію кандидатъ философскаго факультета Арнольдъ Морицъ; всѣ эти лица отправлены были университетомъ на казенный счетъ.

Въ ряду учрежденій при Дерптскомъ университетѣ, имѣвшихъ спеціально педагогическое назначеніе, заслуживаетъ здѣсь упоминанія особая группа его воспитанниковъ, прикомандированныхъ къ университету изъ С.-Петербургскаго и Московскаго Воспитательныхъ Домовъ,

1) Кромѣ воспоминаній Н. И. Пирогова, см. еще біографіи нѣкоторыхъ профессоровъ Московскаго университета въ „Біографическомъ словарѣ профессоровъ и преподавателей Московскаго университета“, ч. I, стр. 355—356. 439; ч. II, 380—382. 554—555.

переживавшихъ тогда свѣтлую эпоху своего существованія подъ заботливымъ руководствомъ императрицы-матери Маріи Ѳедоровны [1]).

Именно, лѣтомъ 1823 года, по желанію императрицы-матери, посланы были въ Дерптъ пять молодыхъ людей изъ воспитанниковъ С.-Петербургскаго Воспитательнаго Дома, при чемъ инспекторъ послѣдняго по учебной части д-ръ Панснеръ писалъ, отъ 21 іюля 1823 года, ректору университета Эверсу, что эти молодые люди подлежатъ экзамену, а затѣмъ должны вступить въ университетъ для приготовленія къ будущей учительской дѣятельности по предназначенной уже заранѣе каждому изъ нихъ спеціальности; курсъ ученія ихъ предположенъ четырехлѣтній, по особому плану, который будетъ составленъ профессорами; каждый воспитанникъ получитъ ежегодно по 750 р. асс. на содержаніе, и, кромѣ того, профессорамъ будетъ уплоченъ особый гонораръ, какой они для того назначатъ; надъ воспитанниками желателенъ особый надзоръ, который было бы лучше всего поручить одному изъ профессоровъ; воспитанники должны каждый семестръ подвергаться испытанію, отчеты о которомъ, равно какъ и о произведенныхъ денежныхъ расходахъ, будутъ посылаться для доклада императрицѣ. Эти молодые люди были: Александръ Степановъ, Федоръ Александровъ, Иванъ Ивановъ, Василій Федоровъ и Павелъ Ивановъ. Немедленно по пріѣздѣ въ Дерптъ, они были подвергнуты испытанію, и познанія ихъ найдены удовлетворительными, за исключеніемъ греческаго языка, для укрѣпленія въ которомъ имъ пришлось прибѣгнуть къ частнымъ урокамъ; при этомъ первые два изъ названныхъ лицъ должны были обратиться къ изученію филологіи, третій —

1) Архивъ Юрьевскаго Университета: Acta die auf Kosten Ihrer Majestät der Kaiserin Maria Feodorowna aus dem Kaiserlichen St. Peterburgschen Erziehungshause hierher gesandten Studierenden betreffend. V. I—III. 1823—1835.

исторіи, четвертый — математики и пятый — естествознанія. Профессора, принявшіе на себя занятія съ этими воспитанниками, отказались отъ гонорара, но просили предоставить въ распоряженіе каждаго студента по 200 р. асс. въ годъ на пріобрѣтеніе учебныхъ пособій. На все это послѣдовало согласіе императрицы, что видно изъ письма Панспера къ ректору отъ 1 октября 1823 года.

Насколько императрица принимала личное участіе въ заботахъ объ этихъ дерптскихъ своихъ воспитанникахъ, видно изъ того, что 19 апрѣля 1824 года двумъ изъ нихъ (И. Иванову и Александрову) переданъ былъ, черезъ статсъ-секретаря Вилламова, выговоръ отъ имени императрицы за несвоевременное сообщеніе о ходѣ своихъ занятій; это послужило также поводомъ къ назначенію особаго надзора за этими воспитанниками въ лицѣ профессора Перевощикова; съ другой стороны, когда въ 1826 году одинъ изъ воспитанниковъ (П. Ивановъ), обладавшій хорошими способностями, но безъ достаточнаго прилежанія и настойчивости, вызвалъ со стороны ректора Эверса сомнѣніе, можетъ ли онъ окончить курсъ и не слѣдуетъ ли его подвергнуть исключенію, императрица высказалась по этому вопросу такимъ образомъ: „если г. ректоръ Эверсъ пожелаетъ попробовать еще разъ имѣть терпѣніе съ этимъ Павломъ Ивановымъ, то онъ дастъ молодому человѣку возможность исправиться“; дѣйствительно, П. Иванову, послѣ принятыхъ мѣръ, удалось благополучно окончить начатый курсъ и поступить на мѣсто. Но, безспорно, самыми выдающимися изъ этихъ молодыхъ людей оказались Федоровъ и Степановъ, которымъ, по окончаніи курса въ Дерптѣ, предоставлена была возможность къ продолженію занятій; въ награду за ихъ успѣшныя занятія, въ ноябрѣ 1827 года каждому изъ нихъ пожалованы были отъ императрицы золотые часы, переданные имъ черезъ попечителя и ректора университета. Степанова рѣшено было отправить для дальнѣйшихъ занятій въ Берлинскій и Лейпцигскій университеты, а Федорова приняли подъ свое ближайшее

руководство профессоры Г. Фр. Парротъ и В. Струве: съ первымъ онъ совершилъ въ 1829 и 1830 годахъ важное въ научномъ отношеніи путешествіе на Араратъ, а при посредствѣ и рекомендаціи второго Федоровъ могъ совершить обширную научную экспедицію въ Сибирь, продолжавшуюся съ 1832 по 1837 годъ; вскорѣ затѣмъ онъ, еще до окончанія курса начавши службу въ Дерптской астрономической обсерваторіи въ качествѣ помощника Струве, назначенъ былъ въ 1838 году профессоромъ астрономіи въ Кіевскій университетъ [1]).

Лѣтомъ 1827 года присланы были изъ С.-Петербургскаго Воспитательнаго Дома въ Дерптъ новые студенты, Смарагдовъ для занятій исторіей и Антоновъ — естественными науками, а въ концѣ 1828 года еще четыре молодыхъ человѣка изъ Московскаго Воспитательнаго Дома — Шереметевскій, Кантемировъ, Меранвиль и Сафоновъ, на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и прежніе воспитанники; и они должны были брать частные уроки по греческому, а также и по латинскому языкамъ; за ними слѣдовали въ разные годы другіе воспитанники — Кузьминъ, Алексѣевъ, Василій Ивановъ, Михаилъ Васильевъ, Михайловъ, Глѣбовъ. Большая часть ихъ окончила курсъ и получила назначеніе на разныя учительскія должности; Кантемировъ пріобрѣлъ даже степень доктора медицины; но, съ другой стороны, не обошлось и безъ печальныхъ явленій: одинъ воспитанникъ за плохіе успѣхи отданъ былъ изъ университета въ военную службу; другой исключенъ университетскимъ судомъ за пьянство; третій, въ состояніи умопомѣшательства, покушался даже на убійство; изъ обратныхъ явленій въ жизни этихъ дерптскихъ воспитанниковъ заслуживаетъ быть отмѣченнымъ, что одинъ изъ нихъ, Петръ Алексѣевъ, 10

---

1) Левицкій, Г. В. Астрономы Юрьевскаго университета съ 1802 по 1894 годъ, стр. 145—159.

іюля 1835 года спасъ утопавшаго въ Эмбахѣ мѣщанина Прокофьева, за что и удостоился пожалованія серебряной медали на владимірской лентѣ въ петлицу.

За уходомъ въ отставку профессора Перевощикова, особое наблюденіе надъ студентами изъ Воспитательнаго Дома, послѣ промежутка въ нѣсколько лѣтъ, принялъ на себя въ 1835 году профессоръ Э. Г. Брекеръ. Послѣднія письменныя сношенія администраціи Воспитательныхъ Домовъ съ университетомъ относятся къ 1843 году, послѣ котораго они уже не возобновлялись.

Должно здѣсь отмѣтить, что въ 1820-хъ годахъ, при Вильгельмѣ Струве, посылались въ Дерптъ офицеры генеральнаго штаба для усовершенствованія въ астрономіи и геодезіи, а также флотскіе офицеры для занятій по астрономіи [1]; въ 1834 году состоялось, по докладу министра финансовъ, высочайшее повелѣніе о прикомандированіи къ Дерптскому университету четырехъ воспитанниковъ Горнаго и Лѣснаго Институтовъ для занятія ихъ сельскимъ хозяйствомъ подъ руководствомъ проф. Шмальца въ только что устроенномъ въ Альткустгофѣ, близъ Дерпта, университетскомъ Институтѣ, при чемъ имѣлось въ виду, послѣ двухлѣтняго пребыванія въ Дерптѣ, послать ихъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми дерптскими слушателями проф. Шмальца, на одинъ годъ заграницу для дальнѣйшаго совершенствованія, съ тѣмъ чтобы замѣстить ими университетскія каѳедры агрономіи или мѣста преподавателей въ предположенныхъ земледѣльческихъ школахъ; въ 1836 году къ этому присоединилось еще соображеніе образовать, подъ тѣмъ же руководствомъ профессора Шмальца, преподавателей для чтенія публичныхъ и агрономическихъ лекцій какъ въ университетскихъ, такъ и въ неуниверситетскихъ городахъ [1]; но планъ этотъ,

---

1) Левицкій, Г. В., назв. соч., стр. 106—107. 127. 130.
2) Сборникъ постановленій, II. 1, ст. 808—810; II. 2, ст. 275—278.

по разнымъ причинамъ, не получилъ полнаго осуществленія, и въ апрѣлѣ 1839 года Альткустгофскій Институтъ былъ закрытъ; затѣмъ, въ 1859 году Дерптскій университетъ, подобно другимъ русскимъ университетамъ и С.-Петербургской Медико-хирургической Академіи, указанъ былъ для прикомандированія къ нему военныхъ врачей въ цѣляхъ теоретическаго и практическаго усовершенствованія въ медицинѣ [1]).

Наконецъ, въ ряду средствъ сообщенія познаній университетомъ внѣ круга студенчества, должно упомянуть еще о популярно-техническихъ лекціяхъ, учрежденныхъ при университетахъ 23 іюня 1836 года, согласно представленію министра финансовъ графа Канкрина, который видѣлъ въ этой мѣрѣ одинъ изъ способовъ распространенія полезныхъ техническихъ знаній среди публики и ремесленнаго класса [2]). Для Дерптскаго университета разрѣшеніе относительно этихъ лекцій послѣдовало 30 сентября 1836 года [3]), но фактически онѣ организованы были впервые лишь въ 1839 году, и на вознагражденіе трехъ лекторовъ отпущено было изъ казны 857 р. 15 коп. ежегодно. Первыми выступили со своими чтеніями профессора Гебель, Парротъ и Шмальцъ, каждый лекторъ по 2 часа въ недѣлю, читавшіе съ октября по конецъ весенняго семестра; въ послѣдующіе годы лекціи эти читались еще профессорами Петцольдомъ, Зенфомъ, Кемцемъ, Шмидтомъ и другими. Лекціи для посѣтителей были безплатны и привлекали довольно значительное число слушателей изъ ремесленниковъ, сельскихъ хозяевъ и разнаго рода молодежи. Темы для этихъ лекцій брались изъ области физики, химіи и технологіи, и изложеніе имѣло по преимуществу практическій

---

1) Сборникъ постановленій, III. 426—429; Обзоръ дѣятельности И. Дерптскаго университета, стр. 34.

2) Сборникъ постановленій, II. 1, ст. 1152—1154.

3) Сборникъ распоряженій, II, ст. 140—141.

характеръ; напр., профессоръ Гебель излагалъ „О добываніи металловъ и употребленіи ихъ въ искусствахъ и ремеслахъ“ (1839), „О кислородѣ, водородѣ, углеродѣ и азотѣ въ ихъ техническомъ примѣненіи“ (1841), „Объ употребительныхъ въ художествѣ и ремеслахъ металлахъ и о способѣ золоченія, серебренія и луженія посредствомъ гальванизма“ (1843), „О вліяніи воды, воздуха, огня и электричества и объ употребленіи ихъ въ художественной промышленности и домоводствѣ“ (1845), „О важнѣйшихъ кислотахъ и соляхъ и употребленіи ихъ въ художествахъ и промышленности“ (1846); профессоръ Шмальцъ — „О движущей силѣ, направленіи, дѣйствіи и управленіи ея“ (1841), „О картофелѣ и его разведеніи“ (1843), „О новѣйшихъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ въ области технологіи“ (1845); профессоръ Кемцъ — „О громоотводахъ и устройствѣ ихъ, о телеграфѣ“ (1843), „О водѣ“ (1845), „Общіе законы механики, особенно въ отношеніи къ конструкціи машинъ“ (1846), „О свѣтѣ и цвѣтахъ, преимущественно важныхъ для промышленности“ (1853); профессоръ Зенфъ — „О летучихъ тѣлахъ и теплотѣ“ (1841); профессоръ Петцольдъ — „Основныя правила агрономической химіи“ (1853); профессоръ Шмидтъ — „О средствахъ питанія“ (1853). Современный историкъ свидѣтельствуетъ, что лекціи эти въ 1850-хъ годахъ возбуждали живой интересъ въ слушателяхъ, поощряли къ пріобрѣтенію техническихъ и промышленныхъ знаній и не остались безъ существеннаго вліянія на мѣстную жизнь какъ въ практическомъ, такъ и въ болѣе широкомъ общественномъ отношеніи [1]).

1) Beise, назв. соч., стр. 119.

7.

Студенты. — Пріемныя испытанія при вступленіи въ университетъ. — Число студентовъ по всѣмъ факультетамъ вмѣстѣ и по каждому въ отдѣльности; распредѣленіе по мѣсту происхожденія. — Занятія студентовъ въ теченіе курса и контроль за этими занятіями; окончательныя испытанія и присужденіе ученыхъ степеней и званій. — Казенныя и частныя стипендіи. — Присужденіе медалей за сочиненія студентамъ. — Участіе студентовъ въ литературныхъ трудахъ и ученыхъ экспедиціяхъ. — Студенческіе кружки для научныхъ занятій подъ руководствомъ профессоровъ.

Недостаточный уровень познаній вступавшихъ въ университетъ молодыхъ людей, бывшій одною изъ причинъ малыхъ учебныхъ успѣховъ университета въ первый періодъ, не былъ совершенно устраненъ и къ началу дѣйствія новаго устава 1820 года. Одновременно съ уставомъ, университету данъ былъ того же 4 іюня 1820 года и новый уставъ учебныхъ заведеній Дерптскаго округа, въ силу котораго мѣстныя гимназіи должны были оказаться въ возможности дать для университета достаточно подготовленный составъ будущихъ студентовъ; но это требовало времени. Гимназическій аттестатъ зрѣлости уже и въ послѣдніе годы дѣйствія стараго университетскаго устава 1803 года давалъ если не формально, то фактически возможность поступленія въ университетъ безъ особаго испытанія; новымъ уставомъ для учебныхъ заведеній округа это было, хотя и косвенно, подтверждено (§ 49), но въ виду того, что прямого и яснаго указанія на этотъ счетъ дано не было, при университетѣ продолжалъ существовать особый „комитетъ“ изъ профессоровъ для производства пріемныхъ испытаній бышихъ гимназистовъ. Эта неопредѣленность побудила университетъ въ 1834 году ходатайствовать о совершенной отмѣнѣ провѣрочныхъ испытаній въ университетѣ обладателямъ гимназическихъ аттестатовъ, но министръ, въ своемъ отвѣтѣ попечителю на упомянутое ходатайство, разъяснилъ, что удовлетвореніе такого ходатайства невозможно, такъ какъ „не всѣ гимназіи Дерптскаго учебнаго округа доведены до той сте-

пени устройства, чтобы можно было безусловно допускать въ равной силѣ данныя симъ ученикамъ при увольненіи свидѣтельства"; однако министръ находилъ, что если принять эту мѣру снисходительности, то примѣнить ее „единственнно къ гимназіямъ Дерптскаго учебнаго округа, за благосостояніе коихъ ручается нѣкоторымъ образомъ университетъ; воспитанниковъ же гимназій прочихъ округовъ, при принятіи въ университетъ, слѣдуетъ подвергать испытанію на основаніи данныхъ по сему предписаній" [1]); такимъ образомъ, въ концѣ концовъ Дерптскому университету разрѣшено было принимать безъ экзамена окончившихъ курсъ гимназіи лишь своего округа. Остальные поступавшіе въ университетъ молодые люди подвергались провѣрочному экзамену, особыя правила для котораго составлены были еще въ 1821 году.

Пріемъ новыхъ студентовъ производился въ началѣ каждаго семестра, и такъ какъ на пріемныя испытанія уходила обыкновенно первая недѣля учебнаго времени каждаго семестра, то въ виду этого попечителемъ Крафстремомъ, разрѣшено было, 13 мая 1843 года, начинать лекціи недѣлей позже назначеннаго срока [2]). Въ „Правилахъ для учащихся" 4 іюня 1838 года нашли себѣ мѣсто болѣе точныя указанія о томъ, къ кому и какъ должны быть примѣняемы пріемныя испытанія въ университетѣ, о чемъ уже мы имѣли случай упоминать (стр. 386—387). Еще въ 1833 году графъ Уваровъ, послѣ ревизіи Дерптскаго университета, выразилъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ желаніе „впредь большей строгости въ экзаменахъ при вступленіи въ университетъ"; но особое вниманіе обращено было на пріемныя испытанія попечителемъ фонъ-Брадке, который, послѣ сношенія съ министерствомъ народнаго

---

1) Сборникъ распоряженій, I. 941—942.
2) Тамъ же, II. 2, ст. 687—689.

просвѣщенія по этому вопросу, предписалъ въ 1855 году совѣту строго слѣдить за тѣмъ, чтобы вступительные экзамены производились болѣе тщательно, чѣмъ это до сихъ поръ имѣло мѣсто, и чтобы вообще степень требуемыхъ на нихъ познаній была не ниже того, что требуется на окончательныхъ испытаніяхъ въ гимназіи; кромѣ того, относительно латинскаго языка попечитель предписывалъ, чтобы получившіе въ гимназіи при окончательномъ испытаніи по этому предмету баллъ 3 (начиная обозначеніе наилучшихъ познаній съ 1) подвергались изъ него въ университетѣ провѣрочному испытанію и принимаемы были бы не иначе, какъ по полученіи балла 2. Въ 1861 году пріемныя испытанія въ университетѣ были отмѣнены и производились лишь при гимназіяхъ.

Переходя теперь къ вопросу о числѣ студентовъ въ университетѣ по годамъ, мы имѣемъ возможность сдѣлать нѣсколько небезынтересныхъ наблюденій.

Общее число студентовъ въ университетѣ въ 1821 году было 309, которые распредѣлялись по факультетамъ такимъ образомъ: на богословскомъ — 68, на юридическомъ — 74, на медицинскомъ — 105 и на философскомъ — 62; въ концѣ же описываемаго періода, въ 1864 году, общее число студентовъ достигло 560, а именно: на богословскомъ — 81, на юридическомъ — 167, на медицинскомъ — 162 и, кромѣ того, 39 слушателей фармаціи; на историко-филологическомъ и физико-математическомъ факультетахъ, которые выдѣлены были съ 1850 года изъ бывшаго философскаго фафакультета, 43 и 68; изъ этого видно, что общее число учащихся въ теченіе всего описываемаго періода увеличилось менѣе чѣмъ въ двое, и именно въ концѣ періода оказалось въ университетѣ на 251 человѣкъ болѣе, нежели въ началѣ. Ростъ этого общаго числа обнаруживаетъ въ теченіе періода нѣкоторыя колебанія; самая высокая цифра (712 чел.) падаетъ на 1853 годъ, самая низкая (301 чел.) на 1822; особенно усиленный приливъ слушателей въ университетъ замѣтенъ

въ концѣ 1820-хъ годовъ, нѣсколько ослабляется въ 1830-хъ и 1840-хъ, поднимается затѣмъ въ началѣ 1850-хъ и къ концу періода снова опускается. Такимъ образомъ, эпоха процвѣтанія университета только въ началѣ, при Ливенѣ и Эверсѣ, отмѣчена была увеличеніемъ численнаго состава университетскихъ слушателей, и затѣмъ протекала при нѣкоторомъ даже уменьшеніи этого числа въ два послѣднія десятилѣтія этой эпохи. Принятыя правительствомъ ограничительныя мѣры въ концѣ 40-хъ и началѣ 50-хъ годовъ относительно числа студентовъ весьма мало отразились на Дерптскомъ университетѣ, съ одной стороны потому, что онѣ не коснулись ни богословскаго, ни медицинскаго факультетовъ, а съ другой — потому, что и ранѣе упомянутыхъ мѣръ число студентовъ на другихъ факультетахъ почти не выходило изъ положенной предѣльной цифры 300; впрочемъ, нѣкоторое уменьшеніе слушателей на юридическомъ, историко-филологическомъ и физико-математическомъ факультетахъ въ 1850—55 годахъ, какъ послѣдствіе названной мѣры, все-таки замѣтно, а одновременно съ этимъ замѣчается и возвышеніе числа студентовъ на факультетахъ медицинскомъ и богословскомъ; но послѣ отмѣны ограниченія въ 1855 году такое колебаніе между факультетами сглаживается и вскорѣ снова приходитъ въ свою норму; что же касается ограниченія въ пріемѣ студентовъ изъ непривилегированныхъ сословій, то и эта мѣра, примѣненная въ 1850 году, не оказала какого-либо замѣтнаго вліянія на колебанія въ числѣ дерптскихъ студентовъ, такъ какъ и до и послѣ того въ теченіе періода, о которомъ идетъ рѣчь, изъ непривилегированныхъ сословій поступало въ университетъ сравнительно немного. Если взглянуть теперь на каждый факультетъ отдѣльно, то окажется, что на богословскомъ факультетѣ цифра 1821 года 68 поднялась въ 1864 году лишь до 81; на юридическомъ вмѣсто 74 является 167, на медицинскомъ вмѣсто 105—162, безъ слушателей фармаціи, на историко-филологическомъ и физико-математическомъ

43 и 68, т. е. всего 111 вмѣсто прежней общей цифры 62 въ 1821 году для философскаго факультета; такимъ образомъ, въ отношеніи роста слушателей факультеты распредѣляются такъ: юридическій, философскій, медицинскій и богословскій; кромѣ того, что касается времени отдѣльнаго существованія историко-филологическаго и физико-математическаго факультетовъ, то оба они, во вторую половину періода, обнаружили наклонность къ уменьшенію: въ 1850 году на первомъ изъ нихъ было 98, а на второмъ 82, тогда какъ въ 1864 году на первомъ оказалось лишь 43, а на второмъ 68. Самыя высокія цифры числа слушателей падаютъ для богословскаго факультета на 1854 годъ — 119, для юридическаго на 1864 годъ — 167, для медицинскаго на 1856 годъ — 316, для философскаго на 1830 годъ — 261, а послѣ раздѣленія его на два факультета, для историко-филологическаго на 1850 годъ — 98 и для физико-математическаго на 1861 годъ — 110. Увеличеніе числа слушателей въ серединѣ 1850-хъ годовъ на медицинскомъ факультетѣ находитъ себѣ объясненіе не только въ указанныхъ ранѣе обстоятельствахъ относительно ограниченія числа студентовъ на другихъ факультетахъ, но и въ событіяхъ Крымской войны, когда потребовался усиленный притокъ врачей въ армію.

По мѣсту происхожденія университетскіе слушатели въ 1821 году распредѣлялись такъ: изъ Лифляндіи — 165, изъ Курляндіи — 63, изъ Эстляндіи — 51, изъ прочихъ губерній Россіи — 16 и изъ заграницы — 14; изъ этого видно, что въ началѣ періода университетомъ почти исключительно пользовалась мѣстная остзейская молодежь, среди которой преобладающую роль играли лифляндцы; число слушателей изъ другихъ губерній Россіи было въ 17 разъ менѣе числа остзейскихъ уроженцевъ и почти стояло на одномъ уровнѣ съ иностранцами изъ заграницы; къ концу періода, въ 1864 году, картина нѣсколько мѣняется: изъ Лифляндіи — 258, изъ Курляндіи — 123, изъ Эстляндіи — 71,

изъ прочихъ губерній Россіи — 106 и изъ заграницы — 2; такимъ образомъ, хотя и въ это время молодежь изъ Остзейскаго края, съ прежнимъ преобладаніемъ лифляндцевъ, составляетъ большинство слушателей въ университетѣ, но теперь число учащихся изъ другихъ губерній меньше остзейцевъ лишь приблизительно въ 4 раза, и число это особенно выигрываетъ въ отношеніи къ иностранцамъ, превосходя его, вмѣсто прежняго почти равенства, въ 53 раза; вообще, съ конца 1840-хъ годовъ число иностранцевъ въ университетѣ вплоть до конца періода не превышало 10-ти. Этотъ чрезвычайно ярко выразившійся приливъ молодыхъ людей изъ не-прибалтійскихъ губерній Россіи и отливъ иностранцевъ изъ заграницы нельзя не поставить въ связь съ одной стороны съ усиліями, въ эпоху графа Уварова и Крафстрема, сблизить Дерптскій университетъ съ остальной Россіей, а съ другой — отчужденіемъ университета отъ Германіи въ пользу сосредоточенія на мѣстныхъ патріотическихъ стремленіяхъ и задачахъ, которыя были почти одинаково далеки отъ культурныхъ и общественныхъ интересовъ какъ Россіи, такъ и Германіи [1]).

---

1) Вотъ какъ разсказываетъ о поступленіи въ университетъ и отношеніи къ учебнымъ занятіямъ студентовъ одинъ изъ бывшихъ питомцевъ Дерптскаго университета (1838—1841): „При поступленіи въ университетъ, студентъ получалъ отъ самого ректора дипломъ (т. е. матрикулъ), правила о правахъ и обязанностяхъ студентовъ, списокъ для записи лекцій, которыя онъ обязанъ въ теченіе своего курса слушать, росписаніе лекцій, которыя читались въ полугодіе его вступленія въ университетъ, и изустное наставленіе, какъ понимать эти правила. Вновь вступавшій студентъ давалъ ректору, съ пожатіемъ руки, честное слово исполнять возлагаемыя на него обязанности и пользоваться предоставляемыми ему правами. Утвержденный такимъ порядкомъ въ званіи студента, вновь поступившій разсматривалъ росписаніе лекцій даннаго полугодія и избиралъ тѣ изъ нихъ, кои считалъ для себя нужными или которыя его болѣе интересовали. . . Записавъ избранныя лекціи на особомъ листѣ, студентъ отправлялся къ одному изъ профессоровъ своего факультета и просилъ одобрить выборъ; никогда или почти никогда профессоръ не отказывалъ въ своемъ одобреніи, такъ какъ

Главнѣйшимъ видомъ контроля надъ занятіями студентовъ были зачетъ семестровъ и имѣвшія характеръ репетицій испытанія въ теченіе университетскаго курса, пропродолжительность котораго, какъ мы знаемъ, была точно опредѣлена впервые „Правилами“ 4 іюня 1838 года: для медицинскаго факультета 5 лѣтъ, а для всѣхъ остальныхъ факультетовъ — 4 года. О зачетѣ семестровъ уже 17 іюня 1820 года послѣдовало предписаніе министра, чтобы „какъ нынѣ, такъ и впредь не зачитать никому время нахожденія его внѣ Дерпта, заграницей или гдѣ бы то ни было, въ число бытности его сряду при университетѣ“ [1]). Что же касается испытаній, то они имѣли почти исключительно лишь формальный характеръ; сроки и объемъ ихъ устанавливались факультетами особо, согласно учебнымъ планамъ, мѣнявшимся, для многочисленныхъ и весьма дробныхъ категорій слушателей каждаго факультета, въ теченіе описываемаго времени нѣсколько разъ. Упомянутая дробность обусловливалась существованіемъ многихъ отдѣленій на фа-

---

каждое полугодіе читались непремѣнно лекціи, доступныя для молодого человѣка, получившаго образованія въ гимназіи, какъ напримѣръ исторія или статистика, географія, физика, химія, логика и психологія, ботаника, зоологія, минералогія, алгебра, основные законы и учрежденія европейскихъ государствъ, такъ называемое международное право, гражданское уголовное право и прочее. . . Получивъ одобреніе, студентъ записывалъ избранныя имъ лекціи въ данный ему ректоромъ списокъ и предъявлялъ его въ казначействѣ университета съ установленною за лекціи платою или свидѣтельствомъ о бѣдности, освобождавшимъ отъ платы за лекціи. За симъ прекращались его сношенія съ начальствомъ университета, и студентъ могъ дѣйствовать, жить и учиться или вовсе не учиться, ходить на лекціи или вовсе не ходить на нихъ, по собственному своему произволу. . . Съ наступленіемъ второго полугодія студентъ снова избиралъ по произволу лекціи и, съ одобренія профессора, записывался на нихъ, а по окончаніи полугодія получалъ отъ профессоровъ удостовѣреніе въ исправномъ посѣщеніи аудиторіи, и такъ продолжалъ до окончанія положеннаго курса. (Н. Варадиновъ. Объ условіяхъ университетскаго образованія. Русское Слово 1859 № 4, смѣсь, стр. 69—71).

1) Сборникъ распоряженій, I. 417.

культетѣ, одно изъ которыхъ выбиралъ студентъ уже при самомъ вступленіи въ университетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдовалъ, хотя и не всегда строго, спеціальному учебному плану избраннаго отдѣленія [1]). Невыгодныя въ учебномъ отношеніи особенности этой преждевременной спеціализаціи, характеризующей собою учебный строй Дерптскаго университета какъ въ описываемый, такъ отчасти и въ послѣдующій періодъ, съ общей точки зрѣнія очевидны, но разборъ ихъ не входитъ въ предѣлы нашей задачи; невыгода эта умѣрялась, впрочемъ, указанной въ приведенныхъ выше воспоминаніяхъ свободой обученія и уравновѣшивалась совѣтами профессоровъ для каждаго студента въ отдѣльности относительно предположенныхъ ими къ слушанію лекцій; такимъ образомъ, и тутъ, какъ и относительно испытаній до окончанія курса, не было строгихъ установленій, и господствовала большая свобода; самое же существованіе учебныхъ плановъ и испытаній въ теченіе университетскаго курса рѣзко отличаетъ учебный порядокъ описываемаго періода отъ предшествующаго времени, когда не было никакихъ на этотъ счетъ постановленій, и даже обязательный минимальный срокъ пребыванія въ университетѣ не былъ, какъ мы видѣли, установленъ.

Отношеніе студентовъ къ посѣщенію лекцій далеко не было безукоризненнымъ, и противъ этого начальство принимало нерѣдко тѣ или другія, впрочемъ не всегда достигавшія цѣли, мѣры. 26 октября 1821 года министръ предписалъ, согласно представленію попечителя, чтобы каждый студентъ, опоздавшій въ началѣ семестра къ опредѣленному сроку начала лекцій или уѣзжавшій ранѣе ихъ окончанія, подвергался за каждый просроченный день штрафу въ

1) Какъ примѣръ упомянутой спеціализаціи и частой смѣны учебныхъ плановъ см. таблицы учебныхъ плановъ съ 1827 по 1863 годъ для „студентовъ-минералоговъ" въ сочиненіи: Das mineralogische Cabinet der Kaiserlichen Universität Dorpat. Von C. Grewingk. Dorpat 1863, стр. 7—12.

пользу бѣдныхъ въ размѣрѣ 2 рублей сер.; освобожденіе отъ этого штрафа допускалось только для тѣхъ, которые предъявятъ отъ „присутственныхъ мѣстъ“ надлежащее свидѣтельство о законныхъ причинахъ своей просрочки или ранней отлучки; кто же просрочитъ болѣе мѣсяца или за столько же времени ранѣе уѣдетъ домой, тотъ, не платя штрафа, теряетъ цѣлый семестръ изъ учебнаго курса [1]). Легче всего въ этомъ отношеніи можно было воздѣйствовать на стипендіатовъ, и 16 мая 1823 года министерствомъ утверждено было предложеніе дирекціи Педагогико-филологической семинаріи штрафовать воспитанниковъ послѣдней за каждую пропущенную безъ уважительныхъ причинъ лекцію 3 рублями и за каждую невыполненную письменную работу 25 рублями въ пользу семинарской библіотеки; деньги эти прямо вычитались при выдачѣ стипендій изъ университетскаго казначейства. Попечитель Крафстремъ, въ цѣляхъ болѣе удобнаго контроля за посѣщеніемъ студентами лекцій, имѣлъ въ виду даже переномеровать мѣста на скамейкахъ въ аудиторіяхъ; но предложеніе это не было встрѣчено сочувственно графомъ Уваровымъ, который по этому поводу конфиденціально писалъ попечителю, 27 февраля 1836 года: „не возбудитъ ли сіе безъ пользы неудовольствія со стороны студентовъ, ибо мѣра эта, сама по себѣ хорошая, кажется болѣе свойственна для гимназій, нежели для университетовъ“. Позднѣе, въ 1858 году, попечитель фонъ-Брадке, съ той же цѣлію предотвратить вредныя для студентовъ послѣдствія отъ непосѣщенія лекцій, предложилъ всѣмъ преподавателямъ университета употребить рѣшительныя мѣры, а именно — строже относиться къ отмѣткамъ о посѣщеніи лекцій въ лекціонныхъ студенческихъ книжкахъ, а также производить экзамены въ теченіе курса болѣе отчетливо и безъ излишней снисходительности. Но достигнуть этого на

---

1) Сборникъ распоряженій. I. 459—460.

дѣлѣ было очень трудно, особенно въ виду господствовавшаго какъ среди университетскихъ слушателей, такъ и преподавателей взгляда о сравнительной неважности контроля за правильными занятіями до окончательнаго экзамена, который главнымъ образомъ и имѣлся въ виду той и другой стороною и составлялъ въ сущности единственный, дѣйствительно существенный, родъ испытанія въ университетѣ.

Для этихъ окончательныхъ испытаній на ученыя степени и званія имѣло силу изданное въ концѣ перваго періода „Положеніе о производствѣ въ ученыя степени" 20 января 1819 года, обязательное для всѣхъ факультетовъ кромѣ медицинскаго (§ 71 устава 1820 года); медицинскій же факультетъ долженъ былъ руководствоваться „Правилами" 15 іюля 1810 года, изданными для С.-Петербургской Медико-хирургической академіи; новыя правила по всѣмъ факультетамъ, кромѣ медицинскаго, допущенныя для русскихъ университетовъ сначала временно, на три года, 28 апрѣля 1837 года, а потомъ, въ измѣненномъ видѣ, окончательно утвержденныя 6 апрѣля 1844 года, не коснулись Дерптскаго университета, такъ какъ, на предложеніе примѣнить къ нему эти правила, университетъ категорически отвѣтилъ отказомъ, желая остаться при старыхъ правилахъ и дополненіяхъ къ нимъ въ „Правилахъ для учащихся" 1838 года (§§ 144—153); для медицинскаго факультета дѣйствовали, какъ уже было сказано, правила сначала 28 декабря 1838 года, а потомъ 18 декабря 1845 года, общія для Дерптскаго университета вмѣстѣ съ другими университетами имперіи.

Въ описываемое время, подобно первому періоду, многіе изъ прослушавшихъ университетскій курсъ не спѣшили со сдачей окончательнаго испытанія, если не стремились къ немедленному поступленію на службу; этотъ промежутокъ между окончаніемъ курса и экзаменомъ бывалъ нерѣдко весьма значительнымъ и создавалъ затрудненія какъ для

экзаменовавшихся, такъ и для университетскаго начальства; въ виду этого, попечитель Крафстремъ предлагалъ, 11 мая 1838 года, совѣту установить извѣстный крайній срокъ такого промежутка, но совѣтъ отклонилъ это предложеніе; во всякомъ случаѣ такія лица, являясь для экзамена, вновь подвергались имматрикуляціи, если установленный предѣльный срокъ первой имматрикуляціи къ этому времени уже истекалъ.

Пироговъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что, явившись въ Дерптъ въ концѣ 1820-хъ годовъ, онъ засталъ въ университетѣ многія „мхомъ обросшія головы", какъ называли тогда на студенческомъ жаргонѣ слишкомъ престарѣлыхъ студентовъ: „мнѣ показывали одного, сынъ крестный котораго оканчивалъ уже курсъ, а крестный папенька все еще числился между студентами; другого зналъ я, предобрѣйшую душу и вовсе неглупаго человѣка, вступившаго въ университетъ года за четыре до нашего прибытія въ Дерптъ и уѣхавшаго съ кучкою дѣтей; онъ держалъ уже у меня экзаменъ на лѣкаря, когда я поступилъ на профессорскую каѳедру въ Дерптѣ" [1]).

Результатъ окончательныхъ испытаній обыкновенно обозначался экзаменаторами кратко — удовлетворительно или нѣтъ; но при попечителѣ Крафстремѣ университетъ получилъ, отъ 5 января 1837 года, разъясненіе, что такой видъ оцѣнки экзамена недостаточенъ, при чемъ было предписано на будущее время, чтобы въ протоколахъ испытаній на ученыя степени и званія болѣе точно обозначалось сужденіе каждаго экзаменатора. Тогда послѣдніе стали обозначать свои впечатлѣнія отъ экзаменовъ съ большимъ разнообразіемъ, въ которомъ подчасъ трудно было разобраться: „bestanden", „ziemlich", „zufrieden", „ganz wohl", „meisterhaft", „nicht gerade übel", „nicht ungenügend" и т. п.,

---

1) Сочиненія. Т. I, стр. 358.

и попечитель обратился съ новымъ требованіемъ, отъ 21 января 1840 года, чтобы для единообразія употреблялись лишь слѣдующія обозначенія: „ausgezeichnet", „sehr gut", „gut", „ziemlich gut" и „ungenügend".

По отдѣльнымъ факультетамъ общее число присужденныхъ степеней во второмъ періодѣ, съ 1820 по 1864 годъ, представляется въ слѣдующемъ видѣ. По богословскому факультету: докторовъ — 3, магистровъ — 5, кандидатовъ — 101, дѣйствительныхъ студентовъ — 589; по юридическому факультету: докторовъ — 6, магистровъ — 35, кандидатовъ — 418, дѣйствительныхъ студентовъ — 200; по медицинскому факультету: докторовъ медицины и хирургіи — 2, докторовъ медицины — 607, лѣкарей — 717, уѣздныхъ врачей — 149, провизоровъ — 714, магистровъ фармаціи — 7, аптекарей — 19, аптекарскихъ помощниковъ — 1283, операторовъ — 11, акушеровъ — 56, инспекторовъ врачебной управы — 11, штабъ-лѣкарей — 9, медико-хирурговъ — 1, зубныхъ врачей и дантистовъ — 23, повивальныхъ бабокъ — 393; по философскому факультету: докторовъ — 16, магистровъ 21, кандидатовъ — 217, дѣйствительныхъ студентовъ — 97; по историко-филологическому факультету: докторовъ — 4, магистровъ — 7, кандидатовъ — 85, дѣйствительныхъ студентовъ — 58; по физико-математическому факультету: докторовъ — 2, магистровъ — 15, кандидатовъ — 115, дѣйствительныхъ студентовъ — 32 [1]).

Стипендіальныя суммы, которыми могъ располагать университетъ для оказанія поддержки бѣднымъ и способнымъ студентамъ, въ описываемый періодъ, сравнительно съ прежнимъ временемъ, значительно возросли. Какъ уже

---

1) Перечень медицинскихъ диссертацій см. въ упомянутомъ уже выше трудѣ Абрагама Грюнфельда: Historische Studien aus dem Pharmakologischen Institute der Kaiserlichen Universität Dorpat. Herausg. von Dr. Rudolph Kobert. B. III, стр. 6—38, а также въ „Обзорѣ дѣятельности И. Дерптскаго университета" (Д. 1866), стр. 36—43; въ послѣднемъ изданіи можно найти, стр. 138—140, и перечень диссертацій по юридическому факультету.

упомянуто было выше (стр. 382—383), для медицинскаго факультета существовало съ 1820 года 40 стипендій по 750 р. асс. каждая (Медицинскій Институтъ) и, кромѣ того, съ 1843 года 5 стипендій по 150 р. сер. для слушателей фармаціи; для богословскаго — съ 1827 года 12 стипендій по 200 р. сер. (Богословская семинарія) и 6 стипендій (съ 1823 года, а съ 1838 года только 4) Литовскаго реформатскаго Синода, по 200 р. сер. каждая; для философскаго факультета съ 1820 года 10 разнаго размѣра стипендій на сумму 4000 р. асс. (Педагогико-филологическая семинарія, а потомъ, въ 1861 году, не осуществившіеся Педагогическіе курсы) и для всѣхъ вообще факультетовъ — съ 1820 года 12 разныхъ стипендій на сумму 37,500 р. асс. и 4350 р. сер. въ годъ или, круглымъ счетомъ, около 15,000 р. сер., изъ казенныхъ средствъ, если не считать учрежденныхъ въ самомъ концѣ періода 30 стипендій для приготовленія въ западныя губерніи учителей. Что касается частныхъ стипендій, то, кромѣ существовавшихъ уже раньше, возникло еще нѣсколько новыхъ: въ 1835 году ассесоръ фонъ-Вильбоа пожертвовалъ 10,000 р. сер. для учрежденія на проценты съ этой суммы одной стипендіи, безъ различія факультетовъ; въ 1842 году учреждена была стипендія на проценты съ капитала въ 5000 р. сер., завѣщаннаго въ 1827 году д-ромъ Тишеромъ для студентовъ богословскаго, юридическаго или медицинскаго факультета. Въ 1853 году нѣкоторые изъ бывшихъ воспитанниковъ Дерптскаго университета собрали между собою капиталъ въ 5000 р. сер. для учрежденія на проценты съ него стипендіи въ память 50-лѣтняго юбилея университета; предназначалась она одному изъ студентовъ мѣстнаго происхожденія, но получившихъ среднее образованіе въ Петербургѣ или принадлежащихъ къ живущему въ этомъ городѣ семейству [1]). Въ 1854 году учреждена была

---

1) Сборникъ постановленій, II. 2, ст. 1546—1547; V. 1400—1401.

для одного изъ студентовъ богословскаго факультета штабсъ-капитаномъ I. Р. фонъ-Штакельбергомъ стипендія въ размѣрѣ процентовъ съ капитала въ 3000 р. сер. [1]); въ 1859 году учреждена была, также въ память 50-лѣтняго юбилея университета, стипендія на проценты съ собранной въ г. Нарвѣ бывшими воспитанниками университета суммы въ 1300 р. сер. для бѣднаго студента изъ нарвскихъ уроженцевъ [2]).

Изъ этого можно видѣть, что число частныхъ пожертвованій на стипендіи въ Дерптскомъ университетѣ въ теченіе столь продолжительнаго времени было весьма незначительно, и недостаточная молодежь изъ дерптскаго студенчества имѣла себѣ главную матеріальную поддержку въ стипендіяхъ отъ казны. Это обстоятельство находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что самая идея о пожертвованіяхъ въ университетъ для учрежденія стипендій не пользовалась въ краѣ сочувствіемъ среди тѣхъ лицъ, которыя бы могли ее осуществить, въ виду господствовавшаго взгляда, что въ университетъ поступаетъ только тотъ, кто имѣетъ возможность проучиться тамъ безъ посторонней помощи; тѣмъ не менѣе, по свидѣтельству князя Ливена въ 1828 году, въ университетъ поступало и немалое число лицъ недостаточныхъ [3]).

Вольнослушатели въ описываемый періодъ не составляли сколько-нибудь постояннаго контингента учащихся, какъ раньше, потому что по уставу 1820 года „не внесенные въ списокъ студентовъ не могутъ участвовать въ лекціяхъ, выключая служащихъ и служившихъ особъ, которыя отъ ректора получаютъ на то письменное дозволеніе“ (§ 57); но такія лица были рѣдкимъ исключеніемъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ общемъ дерптское студенчество въ данный періодъ серьезнѣе относилось къ научнымъ

---

1) Сборникъ постановленій, II. 2, ст. 1605—1606.
2) Сборникъ распоряженій, III. 341—344.
3) Сборникъ постановленій, II. 1, ст. 151—152.

занятіямъ, чѣмъ раньше, и болѣе значительная умственная зрѣлость его пришла на смѣну прежней почти повальной преданности тому безпечно-веселому легкомыслію, въ чаду котораго проходили у многихъ учебные годы въ первые два десятилѣтія существованія университета; причины этого были съ одной стороны — внутреннія, выразившіяся въ наличности въ средѣ преподавателей университета многихъ хорошихъ ученыхъ силъ, способныхъ привлечь молодежь къ занятіямъ и заинтересовать ее наукой, а съ другой — внѣшнія, въ общемъ подъемѣ культурныхъ и образовательныхъ стремленій эпохи, богатой великими событіями въ области знанія и общественной жизни. Въ особенности въ періодъ съ 1820-хъ по 50-ые годы изъ стѣнъ Дерптскаго университета вышло значительное количество лицъ, сдѣлавшихся потомъ извѣстными въ наукѣ или занимавшихъ каѳедры въ Дерптскомъ и другихъ русскихъ университетахъ [1]); хотя фактъ этотъ долженъ объясняться въ значительной степени наплывомъ русскихъ молодыхъ людей, въ качествѣ воспитанниковъ „Профессорскаго Института“, и другихъ лицъ, лишь временно прикомандированныхъ къ Дерптскому университету, и, такимъ образомъ, не можетъ быть всецѣло поставленъ на счетъ высокаго научнаго развитія послѣдняго, тѣмъ не менѣе въ общемъ подъемъ научныхъ стремленій въ Дерптскомъ университетѣ за названныя десятилѣтія едвали можетъ подлежать сомнѣнію.

Что причина этого обстоятельства лежала не въ природныхъ талантахъ мѣстнаго остзейскаго студенчества и не въ особыхъ самостоятельныхъ усиліяхъ его къ пріобрѣтенію познаній, это можно видѣть отчасти изъ наблюденій, вынесенныхъ графомъ Уваровымъ при обозрѣніи имъ университета въ 1833 году: „касательно студентовъ, находящихся въ Дерптскомъ университетѣ — писалъ министръ въ своемъ

---

1) Otto und Hasselblatt. Von den 14,000 Immatriculirten, стр. 49—52.

докладѣ — сдѣлалъ я общее замѣчаніе, что, судя на взглядъ и въ совокупности, не открывается въ нихъ тѣхъ преимущественныхъ дарованій или способностей, какихъ многіе ожидаютъ найти въ семъ заведеніи: сіе можно отнести частію къ разсѣянной ихъ жизни, частію къ врожденной медленности ума; по сличеніи ихъ съ русскими студентами, выводилъ я заключеніе, что совокупность оныхъ, напримѣръ въ Московскомъ университетѣ, нимало не уступаетъ природными талантами или прилежаніемъ студентамъ дерптскимъ, и что если бы Московскій университетъ пользовался такимъ наборомъ отличныхъ профессоровъ и столькими учебными пособіями всякаго рода, то, вѣроятно, въ короткомъ времени могъ бы сравниться съ Дерптскимъ или даже превзойти оный" [1]).

Однимъ изъ способовъ поощренія къ самостоятельнымъ научнымъ занятіямъ студентовъ по прежнему оставалась выдача за сочиненія на заданныя темы золотыхъ и серебряныхъ медалей; по уставу 1820 года положено было выдавать золотыя медали въ 200 р. асс., вмѣсто прежнихъ медалей въ 100 р., но число ихъ по прежнему оставалось пять для всѣхъ факультетовъ; число же серебряныхъ медалей было не ограничено (§§ 146. 147); кромѣ того, 18 сентября 1861 года учреждена была медаль въ память 50-лѣтія службы попечителя Дерптскаго учебнаго округа сенатора фонъ-Брадке, цѣною въ 18 червонныхъ, для ежегоднаго присужденія за сочиненія на темы, задаваемыя каждымъ факультетомъ по-очередно [2]). Въ общемъ, число присужденныхъ медалей, относительно числа студентовъ въ университетѣ, за описываемое время было нѣсколько выше средняго, но безотносительно оно не было велико; на нѣкоторыхъ факультетахъ бывали промежутки въ нѣсколько лѣтъ, когда не было присуждено ни одной медали, напр. на богословскомъ въ 1832—33 и 1853—54 годахъ,

1) Сборникъ постановленій, II. 1, ст. 593—594.
2) Тамъ же, III. 762—763.

на юридическомъ въ 1833—36 годахъ, на медицинскомъ въ 1825—28 годахъ, на I и III отдѣленіяхъ философскаго, т. е. на историко-филологическомъ факультетѣ, въ 1823—25, 1829—31 и 1858—64 годахъ, на II и IV отдѣленіяхъ философскаго, т. е. на физико-математическомъ факультетѣ, въ 1841—48 и 1861—63 годахъ; кромѣ того, бывали годы, когда ни на одномъ факультетѣ не было присуждено ни одной медали, именно въ 1825 и 1861-мъ; въ 1848 году была присуждена лишь одна медаль на весь университетъ, именно серебряная на богословскомъ факультетѣ. За то, съ другой стороны, бывали годы, обильные присужденными медалями: въ 1826 и 1827 — по 6 медалей на всѣ факультеты вмѣстѣ, а въ 1829 году даже 10 медалей и въ томъ числѣ знаменитому впослѣдствіи Н. И. Пирогову; въ 1841, 1852, 1856 и 1864 годахъ — по 7 медалей. Всего медалей по всѣмъ факультетамъ за годы 1820—1864 было присуждено 194, изъ которыхъ золотыхъ — 111 и серебряныхъ — 83: такимъ образомъ, въ противоположность первому періоду, тутъ замѣчается перевѣсъ золотыхъ медалей надъ серебряными. По отдѣльнымъ факультетамъ медали распредѣлялись такъ: по богословскому 56 (28 золотыхъ и 28 серебряныхъ), по юридическому 31 (19 и 12), по медицинскому 51 (30 и 21), по историко-филологическому или соотвѣтствовавшимъ ему отдѣленіямъ философскаго факультета 34 (23 и 11) и по физико-математическому 22 (16 и 6); изъ этого видно, что впереди всѣхъ факультетовъ, по количеству присужденныхъ медалей, стоитъ богословскій, но за то единственно въ немъ число золотыхъ медалей не превышаетъ число серебряныхъ, что, подобно тому, какъ было въ первый періодъ, указываетъ болѣе на прилежаніе, нежели на талантливость состязавшихся; далѣе идутъ факультеты медицинскій, историко-филологическій, юридическій и физико-математическій, а если принять историко-филологическій и физико-математическій по старой терминологіи какъ одинъ философскій, то градація факуль-

тетовъ, по количеству медалей, будетъ такова: на первомъ мѣстѣ богословскій, а за нимъ — медицинскій, философскій и, наконецъ, юридическій, т. е. сравнительно съ прошлымъ періодомъ философскій факультетъ поднимается надъ юридическимъ. Эта перестановка, свидѣтельствующая о продолжавшемся и въ описываемое время первенствующемъ положеніи, въ отношеніи количества медалей, факультетовъ богословскаго и медицинскаго и о преобладаніи, послѣ нихъ, философскаго факультета надъ юридическимъ, представляется тѣмъ болѣе интересной, что въ отношеніи роста числа студентовъ факультеты, какъ мы видѣли, шли какъ разъ въ обратномъ порядкѣ; наименѣе быстро увеличивавшійся числомъ слушателей богословскій факультетъ удержалъ прежнее первенствующее мѣсто, наиболѣе быстро увеличивавшійся юридическій спустился на послѣднее мѣсто: такимъ образомъ, обнаруживалось то явленіе, что чѣмъ болѣе данный факультетъ умножался каличествомъ слушателей, тѣмъ менѣе оказывалось у послѣднихъ рвенія къ соревнованію въ достиженіи почетныхъ отличій за научныя занятія [1]).

Стремленія студентовъ къ научнымъ занятіямъ нашли себѣ приложеніе и въ участіи нѣкоторыхъ изъ нихъ въ научныхъ экспедиціяхъ, особенно въ 1820-хъ годахъ, съ профессорами или при ихъ рекомендаціи и подъ ихъ руководствомъ. Такъ, въ совершенномъ Вильгельмомъ Струве градусномъ измѣреніи Прибалтійскихъ губерній въ 1816—1827 годахъ принимали участіе нѣкоторые изъ молодыхъ учениковъ и слушателей знаменитаго астронома: Леммъ, Ѳедоровъ, Прейсъ, Энгельманъ; кромѣ того, когда въ 1823 году снаряжено было судно „Предпріятіе", подъ начальствомъ Коцебу, для кругосвѣтнаго путешествія, то на немъ отправилась, для научныхъ наблюденій, группа дерптскихъ натуралистовъ, въ главѣ которыхъ оказался

---

1) Die Ehrenlegion von 14,000 Immatriculirten, стр. 33—34. 38. 40—41. 44—45. 47—48.

профессоръ Эшшольцъ, а въ числѣ участниковъ — студенты, впослѣдствіе извѣстные ученые, физикъ Ленцъ, минералогъ Гофманъ и упомянутый астрономъ Прейсъ, бывшій съ 1821 года воспитанникомъ Педагогико-филологической семинаріи [1]; лѣтомъ 1825 года студенты Гессъ и фонъ-Гельмерсенъ сопровождали проф. Морица фонъ-Энгельгардта въ путешествіи его по Лифляндской губерніи съ цѣлію геогностическихъ изслѣдованій, а также принимали участіе въ предпринятой имъ барометрической нивелировкѣ источниковъ рѣкъ Волги, Западной Двины и Великой. Въ 1829 году профессоръ Фр. Парротъ совершилъ, въ сопровожденіи четырехъ питомцевъ университета, Ѳедорова, Бегагельфонъ-Адлерскрона, Гена и Шимана, подъемъ на Араратъ. Въ 1843 году издана была, на средства министерства народнаго просвѣщенія, I ч. „Очерка всеобщей исторіи древняго міра“, составленная на русскомъ языкѣ группою студентовъ-филологовъ, подъ руководствомъ проф. Розберга, путемъ извлеченій и переводовъ изъ сочиненій Герена, Вахлера, Гризара, Беккера, Лео и другихъ, а въ 1849 году напечатанъ, подъ редакціей профессора Озенбрюггена, сборникъ статей студентовъ юридическаго факультета „Dorpater juristische Studien“.

Профессора, помимо обычныхъ способовъ преподаванія, содѣйствовали научнымъ занятіямъ студентовъ посредствомъ устройства особыхъ студенческихъ кружковъ, въ которыхъ обѣ стороны находили средства для взаимнаго сближенія, хотя въ началѣ описываемаго періода сближеніе это вообще не было значительно. Таковъ былъ, напр., кружокъ студентовъ-юристовъ, основанный въ 1837 году профессоромъ римскаго и нѣмецкаго права Отто и существовавшій до 1853 года. Число участниковъ было въ разное время различно, и иногда простиралось до 40 человѣкъ; тутъ чи-

---

1) Левицкій, Г. В. Астрономы Юрьевскаго университета съ 1802 по 1894 годъ, стр. 127. 140—141.

тались студентами рефераты по научнымъ вопросамъ, обработанные подъ руководствомъ названнаго профессора, и къ этому именно кружку принадлежало не мало лицъ, получившихъ медали за сочиненія на темы отъ юридическаго факультета; собранія бывали то разъ въ недѣлю, то два раза въ мѣсяцъ; общество имѣло свою небольшую спеціальную библіотеку, составлявшуюся на взносы его членовъ. Одинъ изъ участниковъ этого общества вспоминаетъ о немъ въ такихъ выраженіяхъ: „Занятія въ этомъ обществѣ расположены были такъ: студентъ писалъ небольшое, не болѣе полулиста или листа, разсужденіе на избранную имъ тему; одинъ экземпляръ его передавалъ своему оппоненту, по собственному избранію или указанію секретаря общества, а другой оставлялъ на каѳедрѣ профессорской, въ юридической аудиторіи, дабы каждый изъ желающихъ могъ его читать и приготовить возраженія. Въ назначенный день, обыкновенно въ субботу къ вечеру, собирались члены этого общества въ юридическую аудиторію, и, подъ предсѣдательствомъ профессора Отто, открывалось прѣніе между сочинителемъ разсужденія и его оппонентомъ; хотя другимъ присутствующимъ не было воспрещено вмѣшиваться въ диспутъ, но это случалось очень рѣдко, такъ какъ сочинитель разсужденія и оппонентъ его изучали избранный предметъ въ такой основательной степени, что безъ подобныхъ спеціальныхъ изученій рѣдко кто могъ войти съ ними въ состязаніе, не подвергаясь пораженію; если спорящіе не соглашались въ своихъ взглядахъ, то споръ разрѣшалъ профессоръ Отто; во всякомъ же случаѣ онъ высказывалъ въ заключеніе прѣнія свое мнѣніе. . . Юридическое общество сближало всѣхъ студентовъ-юристовъ съ профессоромъ Отто и открывало имъ знакомство въ самомъ его почтенномъ семействѣ" [1]). Въ 1840-хъ годахъ нѣкоторое

1) Н. Варадиновъ. Объ условіяхъ университетскаго образованія. Русское Слово, 1859 № 4, смѣсь, стр. 74.

время существовалъ и другой подобный кружокъ, основанный также среди студентовъ юридическаго факультета профессоромъ уголовнаго права фонъ-Мадаи, но онъ дѣйствовалъ, повидимому, не столь регулярно, какъ кружокъ проф. Отто [1]).

8.

Студенты. — Взгляды на дисциплину студентовъ со стороны маркиза Паулучи и ректора Эверса. — Студенческіе проступки въ 1820-хъ годахъ. — Мѣры попечителя Крафстрема къ внѣшнему упорядоченію студенческаго быта въ 1830-ые и 1840-ые годы; взглядъ на это дѣло графа Уварова. — Отношеніе къ студенческой дисциплинѣ попечителя фонъ-Брадке. — Общій характеръ проступковъ студентовъ; политическіе элементы; дерптскій „Burschenschaft".

Мы уже видѣли выше (стр. 246—256), до какой степени упадка дошла дисциплина студентовъ въ первый періодъ существованія университета, и указали отчасти на тѣ причины, которыя обусловили собою такое состояніе этой стороны университетской жизни. И во второй періодъ студенческая дисциплина составляла весьма слабое мѣсто въ жизни Дерптскаго университета, что объясняется столько же преобладаніемъ прежней, крайне снисходительной, точки зрѣнія университетской администраціи на студенческіе проступки, сколько и сохраненіемъ унаслѣдованныхъ отъ перваго періода взглядовъ самой молодежи на свою студенческую жизнь; характеръ проступковъ студентовъ во второй періодъ разнообразнѣе, чѣмъ въ первый, явившись результатомъ того, что на смѣну прежней безпечной веселости и стремленія къ необузданной свободѣ явились болѣе сложные мотивы, представлявшіе собою комбинацію старыхъ и новыхъ понятій о сущности и задачахъ университетской жизни,

1) Nachträge zum Album Estonorum. Heft 4, стр. 49.

о правахъ и обязанностяхъ студента, объ отношеніяхъ его къ товарищамъ и къ окружающей внѣуниверситетской средѣ. Но обратимся къ фактамъ.

Въ апрѣлѣ 1820 года у дерптскаго бургомистра Акермана выбиты были окна; полицеймейстеръ донесъ генералъ-губернатору маркизу Паулучи, что это дѣло студентовъ, хотя университетскій судъ и не нашелъ ихъ въ томъ виновными, и когда генералъ-губернаторъ предложилъ ректору Эверсу обратиться къ студентамъ съ общимъ увѣщаніемъ воздерживаться отъ подобныхъ дѣйствій, то ректоръ отвѣтилъ отказомъ, ссылаясь на то, что такое увѣщаніе можетъ чувствительно оскорбить честь студентовъ; тогда маркизъ Паулучи сообщилъ о дѣлѣ министру народнаго просвѣщенія князю Голицыну, отъ 23 мая 1820 года, при чемъ жаловался на то, что ректоръ и профессора относятся съ полной беззаботностью къ господствующему среди студентовъ духу и къ ихъ поведенію и тѣмъ подаютъ поводъ къ справедливому неудовольствію публики; но министръ рѣшительно сталъ на сторонѣ ректора Эверса. Можно видѣть, что эта исторія, въ смыслѣ отношеній университета къ высшей гражданской власти въ краѣ, вполнѣ напоминаетъ подобную же исторію въ самомъ началѣ перваго періода, въ 1804—1805 годахъ, когда роль побѣжденнаго маркиза Паулучи игралъ графъ Буксгевденъ. По поводу этихъ событій маркизъ Паулучи представилъ государю, 25 декабря 1820 года, докладную записку, въ которой, говоря о политическихъ движеніяхъ въ нѣмецкихъ университетахъ и о господствующей въ нихъ распущенности молодежи, объяснялъ это въ значительной степени тѣмъ, что мѣстное гражданское начальство совершенно устранено тамъ отъ вліянія на порядокъ университетской жизни; эта обособленность „государства въ государствѣ“ повела за собою чрезмѣрное вліяніе университетовъ на общественное мнѣніе и дошедшее до крайности критическое отношеніе какъ профессоровъ, такъ и студентовъ къ явленіямъ общественной и государственной жизни;

въ глазахъ юношества совершалось постепенное паденіе авторитета общей власти; усматривая тѣ же самыя начала и въ Дерптскомъ университетѣ, маркизъ Паулучи указывалъ на необходимость измѣнить положеніе вещей въ смыслѣ сосредоточенія высшей власти надъ университетомъ въ рукахъ генералъ-губернатора, и только тогда, думалъ онъ, министерству народнаго просвѣщенія будетъ доступно вѣрное представленіе о происходящемъ въ университетѣ, начальство котораго, поблажая студентамъ и охраняя свои исключительныя прерогативы власти надъ ними, нерѣдко даетъ вещамъ неправильное освѣщеніе въ своихъ представленіяхъ высшему начальству [1]). Вообще маркизъ Паулучи не ладилъ съ ректоромъ Эверсомъ и съ университетомъ, и въ 1825 году возникло даже дѣло, по почину маркиза, о „неприличной" перепискѣ съ нимъ ректора Эверса; дѣло это восходило на разсмотрѣніе комитета министровъ, гдѣ найдено, что оно „по существу своему не заключаетъ въ себѣ никакой важности и показываетъ одни только личности и взаимныя неудовольствія" [2]).

Тѣмъ не менѣе, весной 1827 года, получивши изъ Дерпта жалобы на цѣлый рядъ предосудительныхъ студенческихъ проступковъ, маркизъ Паулучи негласно командировалъ туда трехъ чиновниковъ (Гамалѣю, Шамина и Шмидта) для изслѣдованія дѣла. Изъ донесеній этихъ чиновниковъ и сообщеній другихъ лицъ генералъ-губернатору обнаружились слѣдующіе факты. Трое пьяныхъ студентовъ вторглись вечеромъ въ квартиру ландрата фонъ-Э. и, не смотря на уговоры обитателей дома, въ шинеляхъ, не снимая шапокъ и съ дымящимися трубками, проникли

---

1) Deutsch- protestantische Kämpfe in den Baltischen Provinzen Russlands, стр. 209—215; А. Чумиковъ. Лѣтопись забавъ и шалостей дерптскихъ студентовъ, въ „Русской Старинѣ" 1890 № 2, стр. 353—355.

2) Сборникъ постановленій, I. 1448—1450.

во внутренніе покои; когда хозяинъ квартиры обратился къ нимъ съ вопросомъ, что имъ угодно, то получилъ, въ грубомъ тонѣ, отвѣтъ, что они желаютъ въ этомъ домѣ панять квартиру; когда фонъ-Э., назвавъ себя, замѣтилъ имъ, что весь домъ занимаетъ онъ самъ и что никакихъ наемныхъ квартиръ въ этомъ домѣ не имѣется, то студенты съ угрожающими жестами стали кричать на него, пока, наконецъ, съ большимъ трудомъ, не удалось ихъ выпроводить на улицу. Когда въ другой разъ, послѣ одного учиненнаго скандала, группа студентовъ была позвана въ полицейское управленіе, то они явились туда не снимая шапокъ и верхней одежды, съ трубками во рту, и вели себя такъ безобразно передъ зерцаломъ, что полицеймейстеръ нашелъ нужнымъ возбудить объ этомъ формальное слѣдствіе; но дѣло было улажено благодаря благодушному посредничеству ректора, у котораго студенты, впрочемъ, въ тотъ же день выбили окна; ректоръ, не говоря ни слова, распорядился вставить новыя стекла. Нѣсколько студентовъ вошли вечеромъ въ квартиру университетскаго учителя верховой ѣзды Д., въ то время, когда у него были гости, и, раскрывъ дверь въ гостиную, произвели шумъ и наполнили ее табачнымъ дымомъ. Кромѣ того, сообщалось, что студенты имѣютъ обыкновеніе, при съѣздѣ гостей въ какой-либо частный домъ, становиться группой въ 20—30 человѣкъ у подъѣзда и встрѣчать входящихъ дамъ разными насмѣшками; точно также у нихъ есть обычай, запасшись веревочными лѣстницами, взлѣзать по вечерамъ въ комнаты чужихъ квартиръ и взбираться иногда даже до второго этажа, чтобы напугать находящихся въ домѣ или удовлетворить своему любопытству. Особенно любопытно донесеніе Шмидта, отъ 6 апрѣля 1827 года. „Въ городѣ Валкѣ — пишетъ онъ — наткнулись мы на шестерыхъ студентовъ, катающихся въ огромныхъ саняхъ, запряженныхъ шестерней. Каждый проѣзжающій долженъ былъ счесть этихъ господъ днемъ за сумасшедшихъ, ночью за разбойниковъ. Въ без-

образныхъ костюмахъ, съ лицомъ, разрисованнымъ углемъ, они съ шумными пѣснями выходили на каждой станціи, у каждаго кабака. Никто не подумалъ бы, что это люди образованные, отъ которыхъ преимущественно требуется соблюденіе приличій и нравственное поведеніе. Прибывъ въ Дерптъ вечеромъ, замѣтили мы во многихъ домахъ выбитыя стекла, а въ домѣ отсутствующаго помѣщика Вильбоа по всему фасаду разрушены оконные переплеты. Разспросивъ, узнали, что это было дѣло рукъ студенческихъ. Свѣжаго человѣка, при самомъ поверхностномъ знакомствѣ съ бытомъ студентовъ, поражаютъ ихъ полнѣйшая разнузданность и испорченность. Въ различныхъ, крайне неприличныхъ и странныхъ, костюмахъ, съ отпущенной бородой, въ ботфортахъ со шпорами, пестрыхъ шапочкахъ, длинныхъ плащахъ, растегнутыхъ сюртукахъ и мундирахъ, безъ жилета и галстуха, сомкнутыми рядами прогуливаются студенты на улицахъ и толкаютъ, ругаютъ и нерѣдко колотятъ тѣхъ, кто не уступитъ имъ дороги, не сойдетъ съ тротуара. Точно также студенты постоянно толпятся на базарной площади, противъ гауптвахты, и заняты только тѣмъ, какъ бы посмѣяться надъ прохожими, которые, для избѣжанія ссоры, бываютъ вынуждены обходить эту мѣстность". Тотъ же чиновникъ разсказываетъ далѣе объ отдѣльныхъ случаяхъ безчинствъ, произведенныхъ студентами незадолго до прибытія его въ Дерптъ. „Многолюдное собраніе студентовъ на площади происходило 27 марта 1827 года, когда возвращались изъ своей церкви лица лютеранскаго вѣроисповѣданія. При этомъ произошелъ такой большой безпорядокъ, что караульный на гаупвахтѣ офицеръ счелъ необходимымъ вызвать къ ружью, и послалъ унтеръ-офицера пригласить студентовъ разойтись. Но, какъ водится, подобная мѣра вызываетъ лишь насмѣшки между ними, при отговоркѣ, что они-де кромѣ своего ректора никого знать не хотятъ. Должно полагать, что эта базарная площадь служитъ имъ всегдашней сценой для шумныхъ де-

монстрацій. Когда ректоръ Эверсъ въ прошлое лѣто издалъ распоряженіе, касающееся ночныхъ безпорядковъ, въ которомъ запрещалось студентамъ пребывать на улицѣ позже 11 часовъ, то они двѣ ночи кряду массами собирались на этой площади, а когда мѣстная полиція, съ помощью казаковъ, приглашала ихъ разойтись, то послѣднимъ было нанесено оскорбленіе дѣйствіемъ. Не смотря на это, никто изъ виновныхъ не былъ привлеченъ къ отвѣтственности". Сообщается также о неуважительномъ отношеніи одного студента къ профессору Перевощикову, обнаруженномъ на лекціи, и когда послѣдній, указавъ ему на невѣжество, назвалъ его „грубіяномъ", то студентъ этотъ, накрывшись шапкой и сопровождаемый своими товарищами, немедленно вышелъ изъ аудиторіи; на слѣдующій день на лекціи Перевощикова аудиторія оказалась почти пустой, а самъ профессоръ вызванъ былъ къ ректору по жалобѣ, поданной на него студентами; особая комиссія, разбиравшая это дѣло, рѣшила подвергнуть виновнаго студента наказанію, но не прежде, какъ по испрошеніи у него профессоромъ извиненія за выраженіе „грубіянъ".

„Рубцы и пластыри на лицахъ студентовъ — разсказываетъ Шмидтъ — доказываютъ, что дуэли студентовъ не прекращаются; онѣ затѣваются обыкновенно изъ-за ссоръ, происходящихъ на попойкахъ и коммершахъ. Дуэли чрезвычайно облегчаются тѣмъ обстоятельствомъ, что во всѣхъ студенческихъ квартирахъ можно найти рапиры, палаши, эспадроны, пистолеты и прочее оружіе, употребляемое не только противъ товарищей, но и другихъ лицъ, хотя бы они не подали къ тому повода. Недѣль пять тому назадъ студенты изъ своей квартиры всадили пять пуль въ стѣну сосѣдняго дома, а 24 марта 1827 года угрожали заколоть шпагой явившагося къ нимъ еврея, и затѣмъ, цѣлясь въ него, выстрѣлили въ окно; пуля найдена была въ находящемся насупротивъ столбѣ. Ни домохозяева, ни жильцы не осмѣливаются доносить о безобразіяхъ, совершаемыхъ

студентами, такъ какъ опасаются ихъ мщенія и лишенія заработка; бѣднѣйшій классъ въ Дерптѣ живетъ лишь студентами. Доносчикъ наказывается опалой, въ силу которой никто изъ студентовъ не осмѣлится поселиться у него въ домѣ или вообще вступить съ нимъ въ какія-либо дѣловыя отношенія" [1]). Фактическія свѣдѣнія подобнаго же рода о жизни дерптскихъ студентовъ въ 1820-хъ годахъ можно найти и въ другихъ современныхъ свидѣтельствахъ очевидцевъ, гораздо болѣе расположенныхъ къ студенчеству, чѣмъ генералъ-губернаторскій чиновникъ, пріѣхавшій со спеціальнымъ порученіемъ изслѣдовать проступки университетской молодежи, слишкомъ уже сдѣлавшіеся извѣстными: таковы сообщенія въ воспоминаніяхъ Андерса и Пирогова, на которыхъ мы здѣсь не имѣемъ возможности подробно останавливаться [2]); конечно, поступки эти получаютъ тутъ вполнѣ понятное благодушное освѣщеніе. Въ смыслѣ оцѣнки, съ извѣстной точки зрѣнія, подобныхъ проявленій студенческой жизни въ Дерптѣ въ описываемое время и указанія ближайшихъ причинъ этого порядка вещей, не лишенъ извѣстнаго интереса и одинъ документъ, поданный, въ видѣ анонимнаго сообщенія, маркизу Паулучи по поводу упомянутыхъ безпорядковъ весной 1827 года; онъ безспорно, отражаетъ въ себѣ голосъ человѣка, который смотрѣлъ на дѣло иначе, чѣмъ ближайшее университское начальство, находившее себѣ поддержку и въ болѣе высокихъ сферахъ. „Въ Дерптѣ — говорится въ анонимномъ сообщеніи — не существуетъ надлежащаго полицейскаго надзора. Настоящій полицеймейстеръ — человѣкъ благонамѣренный и добродушный, но, при всѣхъ его добрыхъ намѣреніяхъ, не обладаетъ достаточными тѣлесными (ему 80 лѣтъ) и душевными силами, чтобы сдер-

---

1) Deutsch-protestantische Kämpfe in den Baltischen Provinzen Russlands, стр. 221—227; Русская Старина 1890, № 2, стр. 358—362.

2) Baltische Monatsschrift, B. XXXIX. 1892, стр. 148—149. 286; Сочиненія Н. И. Пирогова, т. I, стр. 346. 355—356. 359—360.

[illegible] содѣйствіе и [illegible] мѣры противъ ихъ нарушителей, принадлежащихъ къ университетскому персоналу: находящіеся въ [illegible] 3) [illegible] не только не [illegible] арестовать буйствующихъ, но имъ приказано равнодушно переносить даже оскорбленія, наносимыя имъ студентами. Второе зло заключается въ принципѣ ректора: по возможности скрывать или заминать всѣ случаи безпорядковъ и законопротивныхъ дѣйствій студентовъ; скрывая отъ высшаго начальства неприличное поведеніе и озорничество студенчества, ректоръ, конечно, удостоивается благоволенія онаго; однако же подобная тактика, утверждая студентовъ въ превратныхъ и сумасбродныхъ идеяхъ, должна вредно влiять на ихъ умы и поступки. Наконецъ, причину многихъ бѣдъ и несчастій не только молодыхъ людей, студентовъ, но и цѣлыхъ семействъ нельзя не видѣть въ слабости существующихъ наказаній, которыя, не заключая въ себѣ предостереженія, вовсе не достигаютъ цѣли относительно настоящаго поколѣнія студентовъ. Все наказаніе ограничивается карцеромъ или исключеніемъ изъ университета; но быть заключеннымъ въ карцеръ считается у студентовъ за честь; заключенный вырѣзываетъ свое имя на окнахъ и дверяхъ — карцеръ называется студенческимъ альбомомъ — и съ посѣщающими его товарищами проводитъ время въ карточной игрѣ, попойкахъ и пѣсняхъ. За болѣе важные проступки наказываютъ исключеніемъ, но тяжесть этого наказанія чувствуется не столько самими студентами, сколько ихъ родителями; кромѣ того, это наказаніе не заключаетъ въ себѣ примѣра, который могъ бы служить предостереженіемъ, ибо въ юношескомъ возрастѣ всякія непріятности

скоро забываются, и товарищи смотрятъ на пострадавшаго какъ на жертву, принесенную въ честь и славу студенчества, такъ что по прошествіи какихъ-нибудь 24 часовъ уже объ исключеніи перестаютъ говорить, забывается какъ исключенный, такъ и самая причина исключенія“ [1]).

Маркизъ Паулучи вполнѣ раздѣлялъ эти соображенія неизвѣстнаго корреспондента, и въ своей докладной запискѣ государю, въ томъ же 1827 году, жалуясь на дурные нравы университетскаго юношества, предлагалъ слѣдующія мѣры: увеличить полицейскій штатъ на средства правительства; повелѣть, чтобы университетскія судебныя инстанціи приговаривали виновныхъ студентовъ къ болѣе цѣлесообразнымъ наказаніямъ; обязать профессоровъ, чтобы они старались болѣе, чѣмъ это было до настоящаго времени, вліять на нравственную сторону студентовъ. При этомъ маркизъ Паулучи коснулся того же вопроса, что и въ 1820 году — о полезности соединенія власти генералъ-губернатора и попечителя округа въ однѣхъ рукахъ; мысль эта нашла себѣ кратковременно осуществленіе въ 1830—1835 годахъ при баронѣ Паленѣ, но по другимъ мотивамъ и, повидимому, при иныхъ условіяхъ, чѣмъ это представлялось желательнымъ маркизу Паулучи.

Дѣйствительно, взглядъ ректора Эверса на проступки студентовъ отличался чрезвычайной мягкостью; онъ обнаруживалъ его не только въ отдѣльныхъ распоряженіяхъ по поводу возникавшихъ дѣлъ и вопросовъ, но далъ ему и форму общаго сужденія о поведеніи студентовъ въ своей юбилейной рѣчи 12 декабря 1827 года; не взирая на то, что случилось какъ разъ въ I семестрѣ 1827 года и о чемъ упомянуто выше, онъ во II семестрѣ того же 1827 года утверждалъ, что въ общемъ нравы студентовъ

1) Deutsch-protestantische Kämpfe in den Baltischen Provinzen Russlands, стр. 219—221; Русская Старина 1890, № 2, стр. 357—358.

становятся мягче, что „господствующій духъ среди нихъ заслуживаетъ болѣе похвалы, нежели порицанія, и обнаруживаетъ рѣшительную наклонность къ улучшенію; прилежаніе и нравственность растутъ“ [1]). Весьма благопріятнымъ для студентовъ оказался и отзывъ о нихъ министра народнаго просвѣщенія графа С. С. Уварова, посѣтившаго университетъ черезъ пять лѣтъ послѣ юбилея, въ іюнѣ 1833 года. „Въ тамошней университетской молодежи — писалъ во всеподаднѣйшемъ отчетѣ о своемъ посѣщеніи графъ Уваровъ — замѣтны остатки врожденныхъ предразсудковъ, въ смѣшеніи съ нѣкоторыми давнишними обычаями германскихъ университетовъ: наклонность къ поединкамъ и къ шумнымъ увеселеніямъ на открытомъ воздухѣ — все сіе туземно и, такъ сказать, наслѣдственно; все сіе влечетъ къ явленіямъ иногда непріятнымъ и недозволительнымъ; но, съ другой стороны, все сіе не сопровождается никакими предосудительными замыслами; по внимательномъ наблюденіи и по собраніи достовѣрныхъ свидѣтельствъ, увѣрился я, что не только никакое политическое заблужденіе не присоединяется къ прочимъ заблужденіямъ юношей, но еще что дерптскіе студенты вовсе не занимаются современной политикой, такъ что едва ли читаютъ газеты; въ числѣ ихъ довольно шалуновъ, но политическихъ мечтателей не имѣется. Страсть къ поединкамъ очевидно уменьшается; сему служитъ особенно поводомъ клятвенное обѣщаніе, данное студентами, не драться на пистолетахъ, которое они исполняютъ свято; почему и вся опасность поединковъ почти исчезла, тѣмъ болѣе, что, по собственнымъ ихъ преданіямъ и обычаямъ, дерутся они только до первой крови; изъ сего слѣдуетъ, что поединки случаются весьма рѣдко и что они не опасны; сіе между собою сдѣланное условіе болѣе способствовало къ усмиренію сей вредной страсти,

---

1) Das erste Jubelfest der Kaiserlichen Universität Dorpat, стр. 42—43.

чѣмъ самыя сильныя мѣры, которыя могли бы быть начальствомъ предприняты". Имѣя въ виду раздѣляемый тогда нѣкоторыми взглядъ о необходимости болѣе строгихъ мѣръ относительно студентовъ, какъ это высказывалъ и маркизъ Паулучи, графъ Уваровъ говоритъ о студентахъ: „не взирая на врожденныя ихъ наклонности и дурные навыки, можно однакоже, по моему мнѣнію, безъ слишкомъ крутыхъ мѣръ водворить между студентами болѣе благочинія и устройства" [1]).

Нѣсколько иная точка зрѣнія на студенческую дисциплину въ Дерптѣ обнаружена была въ 1830-хъ годахъ попечителемъ Крафстремомъ. Ему принадлежитъ рядъ мѣръ, направленныхъ главнымъ образомъ къ тому, чтобы ввести теченіе студенческой жизни въ опредѣленныя, болѣе нормальныя, границы; справедливость требуетъ однакоже сказать, что мѣры эти не вполнѣ привели къ тѣмъ результатамъ, которые отъ нихъ ожидались, частію потому, что имъ оказывалось противодѣйствіе со стороны студенческой массы и ближайшаго университетскаго начальства, а частію вслѣдствіе ихъ внѣшняго и слишкомъ формальнаго характера.

Согласно дѣйствовавшимъ въ описываемый періодъ „Правиламъ" какъ 1803 года (§ 36), такъ и 1838 года (§ 119), студенты Дерптскаго университета должны были, выходя изъ квартиры, носить форменную одежду, которая, какъ мы уже видѣли, была отмѣнена въ 1860 году и болѣе въ описываемое время не возобновлялась. Форменный студенческій сюртукъ былъ сначала синяго цвѣта, а затѣмъ, согласно высочайшему повелѣнію 3 февраля 1831 года, зеленаго. Но большинство дерптскихъ студентовъ, съ одной стороны, не исполняло обязательнаго ношенія формы, появляясь внѣ дома въ партикулярномъ платьѣ и надѣвая форму лишь въ случаяхъ какихъ-либо торжествъ, а съ другой — многіе отступали въ

1) Сборникъ постановленій, II. 1, ст. 591—593.

во внутренніе покои; когда хозяинъ квартиры обратился къ нимъ съ вопросомъ, что имъ угодно, то получилъ, въ грубомъ тонѣ, отвѣтъ, что они желаютъ въ этомъ домѣ нанять квартиру; когда фонъ-Э., назвавъ себя, замѣтилъ имъ, что весь домъ занимаетъ онъ самъ и что никакихъ наемныхъ квартиръ въ этомъ домѣ не имѣется, то студенты съ угрожающими жестами стали кричать на него, пока, наконецъ, съ большимъ трудомъ, не удалось ихъ выпроводить на улицу. Когда въ другой разъ, послѣ одного учиненнаго скандала, группа студентовъ была позвана въ полицейское управленіе, то они явились туда не снимая шапокъ и верхней одежды, съ трубками во рту, и вели себя такъ безобразно передъ зерцаломъ, что полицеймейстеръ нашелъ нужнымъ возбудить объ этомъ формальное слѣдствіе; но дѣло было улажено благодаря благодушному посредничеству ректора, у котораго студенты, впрочемъ, въ тотъ же день выбили окна; ректоръ, не говоря ни слова, распорядился вставить новыя стекла. Нѣсколько студентовъ вошли вечеромъ въ квартиру университетскаго учителя верховой ѣзды Д., въ то время, когда у него были гости, и, раскрывъ дверь въ гостиную, произвели шумъ и наполнили ее табачнымъ дымомъ. Кромѣ того, сообщалось, что студенты имѣютъ обыкновеніе, при съѣздѣ гостей въ какой-либо частный домъ, становиться группой въ 20—30 человѣкъ у подъѣзда и встрѣчать входящихъ дамъ разными насмѣшками; точно также у нихъ есть обычай, запасшись веревочными лѣстницами, взлѣзать по вечерамъ въ комнаты чужихъ квартиръ и взбираться иногда даже до второго этажа, чтобы напугать находящихся въ домѣ или удовлетворить своему любопытству. Особенно любопытно донесеніе Шмидта, отъ 6 апрѣля 1827 года. „Въ городѣ Валкѣ — пишетъ онъ — наткнулись мы на шестерыхъ студентовъ, катающихся въ огромныхъ саняхъ, запряженныхъ шестерней. Каждый проѣзжающій долженъ былъ счесть этихъ господъ днемъ за сумасшедшихъ, ночью за разбойниковъ. Въ без-

образныхъ костюмахъ, съ лицомъ, разрисованнымъ углемъ, они съ шумными пѣснями выходили на каждой станціи, у каждаго кабака. Никто не подумалъ бы, что это люди образованные, отъ которыхъ преимущественно требуется соблюденіе приличій и нравственное поведеніе. Прибывъ въ Дерптъ вечеромъ, замѣтили мы во многихъ домахъ выбитыя стекла, а въ домѣ отсутствующаго помѣщика Вильбоа по всему фасаду разрушены оконные переплеты. Разспросивъ, узнали, что это было дѣло рукъ студенческихъ. Свѣжаго человѣка, при самомъ поверхностномъ знакомствѣ съ бытомъ студентовъ, поражаютъ ихъ полнѣйшая разнузданность и испорченность. Въ различныхъ, крайне неприличныхъ и странныхъ, костюмахъ, съ отпущенной бородой, въ ботфортахъ со шпорами, пестрыхъ шапочкахъ, длинныхъ плащахъ, растегнутыхъ сюртукахъ и мундирахъ, безъ жилета и галстуха, сомкнутыми рядами прогуливаются студенты на улицахъ и толкаютъ, ругаютъ и нерѣдко колотятъ тѣхъ, кто не уступитъ имъ дороги, не сойдетъ съ тротуара. Точно также студенты постоянно толпятся на базарной площади, противъ гауптвахты, и заняты только тѣмъ, какъ бы посмѣяться надъ прохожими, которые, для избѣжанія ссоры, бываютъ вынуждены обходить эту мѣстность". Тотъ же чиновникъ разсказываетъ далѣе объ отдѣльныхъ случаяхъ безчинствъ, произведенныхъ студентами незадолго до прибытія его въ Дерптъ. „Многолюдное собраніе студентовъ на площади происходило 27 марта 1827 года, когда возвращались изъ своей церкви лица лютеранскаго вѣроисповѣданія. При этомъ произошелъ такой большой безпорядокъ, что караульный на гаупвахтѣ офицеръ счелъ необходимымъ вызвать къ ружью, и послалъ унтеръ-офицера пригласить студентовъ разойтись. Но, какъ водится, подобная мѣра вызываетъ лишь насмѣшки между ними, при отговоркѣ, что они-де кромѣ своего ректора никого знать не хотятъ. Должно полагать, что эта базарная площадь служитъ имъ всегдашней сценой для шумныхъ де-

монстрацій. Когда ректоръ Эверсъ въ прошлое лѣто издалъ распоряженіе, касающееся ночныхъ безпорядковъ, въ которомъ запрещалось студентамъ пребывать на улицѣ позже 11 часовъ, то они двѣ ночи кряду массами собирались на этой площади, а когда мѣстная полиція, съ помощью казаковъ, приглашала ихъ разойтись, то послѣднимъ было нанесено оскорбленіе дѣйствіемъ. Не смотря на это, никто изъ виновныхъ не былъ привлеченъ къ отвѣтственности". Сообщается также о неуважительномъ отношеніи одного студента къ профессору Перевощикову, обнаруженномъ на лекціи, и когда послѣдній, указавъ ему на невѣжество, назвалъ его „грубіяномъ", то студентъ этотъ, накрывшись шапкой и сопровождаемый своими товарищами, немедленно вышелъ изъ аудиторіи; на слѣдующій день на лекціи Перевощикова аудиторія оказалась почти пустой, а самъ профессоръ вызванъ былъ къ ректору по жалобѣ, поданной на него студентами; особая комиссія, разбиравшая это дѣло, рѣшила подвергнуть виновнаго студента наказанію, но не прежде, какъ по испрошеніи у него профессоромъ извиненія за выраженіе „грубіянъ".

„Рубцы и пластыри на лицахъ студентовъ — разсказываетъ Шмидтъ — доказываютъ, что дуэли студентовъ не прекращаются; онѣ затѣваются обыкновенно изъ-за ссоръ, происходящихъ на попойкахъ и коммершахъ. Дуэли чрезвычайно облегчаются тѣмъ обстоятельствомъ, что во всѣхъ студенческихъ квартирахъ можно найти рапиры, палаши, эспадроны, пистолеты и прочее оружіе, употребляемое не только противъ товарищей, но и другихъ лицъ, хотя бы они не подали къ тому повода. Недѣль пять тому назадъ студенты изъ своей квартиры всадили пять пуль въ стѣну сосѣдняго дома, а 24 марта 1827 года угрожали заколоть шпагой явившагося къ нимъ еврея, и затѣмъ, цѣлясь въ него, выстрѣлили въ окно; пуля найдена была въ находящемся насупротивъ столбѣ. Ни домохозяева, ни жильцы не осмѣливаются доносить о безобразіяхъ, совершаемыхъ

студентами, такъ какъ опасаются ихъ мщенія и лишенія заработка; бѣднѣйшій классъ въ Дерптѣ живетъ лишь студентами. Доносчикъ наказывается опалой, въ силу которой никто изъ студентовъ не осмѣлится поселиться у него въ домѣ или вообще вступить съ нимъ въ какія-либо дѣловыя отношенія" [1]). Фактическія свѣдѣнія подобнаго же рода о жизни дерптскихъ студентовъ въ 1820-хъ годахъ можно найти и въ другихъ современныхъ свидѣтельствахъ очевидцевъ, гораздо болѣе расположенныхъ къ студенчеству, чѣмъ генералъ-губернаторскій чиновникъ, пріѣхавшій со спеціальнымъ порученіемъ изслѣдовать проступки университетской молодежи, слишкомъ уже сдѣлавшіеся извѣстными: таковы сообщенія въ воспоминаніяхъ Андерса и Пирогова, на которыхъ мы здѣсь не имѣемъ возможности подробно останавливаться [2]); конечно, поступки эти получаютъ тутъ вполнѣ понятное благодушное освѣщеніе. Въ смыслѣ оцѣнки, съ извѣстной точки зрѣнія, подобныхъ проявленій студенческой жизни въ Дерптѣ въ описываемое время и указанія ближайшихъ причинъ этого порядка вещей, не лишенъ извѣстнаго интереса и одинъ документъ, поданный, въ видѣ анонимнаго сообщенія, маркизу Паулучи по поводу упомянутыхъ безпорядковъ весной 1827 года; онъ безспорно, отражаетъ въ себѣ голосъ человѣка, который смотрѣлъ на дѣло иначе, чѣмъ ближайшее университское начальство, находившее себѣ поддержку и въ болѣе высокихъ сферахъ. „Въ Дерптѣ — говорится въ анонимномъ сообщеніи — не существуетъ надлежащаго полицейскаго надзора. Настоящій полицеймейстеръ — человѣкъ благонамѣренный и добродушный, но, при всѣхъ его добрыхъ намѣреніяхъ, не обладаетъ достаточными тѣлесными (ему 80 лѣтъ) и душевными силами, чтобы сдер-

---

1) Deutsch-protestantische Kämpfe in den Baltischen Provinzen Russlands, стр. 221—227; Русская Старина 1890, № 2, стр. 358—362.

2) Baltische Monatsschrift, B. XXXIX. 1892, стр. 148—149. 286; Сочиненія Н. И. Пирогова, т. I, стр. 346. 355—356. 359—360.

живать въ надлежащихъ границахъ наружнаго порядка и нравственности 300 молодыхъ людей, полныхъ отваги и вкусившихъ студенческой вольности, тѣмъ болѣе, что въ распоряженіи полиціи нѣтъ рѣшительно никакихъ къ тому средствъ. Обязанный оберегать общественное спокойствіе и безопасность, полицеймейстеръ лишенъ права принимать рѣшительныя мѣры противъ ихъ нарушителей, принадлежащихъ къ университетскому персоналу; находящимся въ его распоряженіи 30 казакамъ не только не дозволено арестовать буйствующихъ, но имъ приказано равнодушно переносить даже оскорбленія, наносимыя имъ студентами. Второе зло заключается въ принципѣ ректора: по возможности скрывать или заминать всѣ случаи безпорядковъ и законопротивныхъ дѣйствій студентовъ; скрывая отъ высшаго начальства неприличное поведеніе и озорничество студенчества, ректоръ, конечно, удостоивается благоволенія онаго; однако же подобная тактика, утверждая студентовъ въ превратныхъ и сумасбродныхъ идеяхъ, должна вредно вліять на ихъ умы и поступки. Наконецъ, причину многихъ бѣдъ и несчастій не только молодыхъ людей, студентовъ, но и цѣлыхъ семействъ нельзя не видѣть въ слабости существующихъ наказаній, которыя, не заключая въ себѣ предостереженія, вовсе не достигаютъ цѣли относительно настоящаго поколѣнія студентовъ. Все наказаніе ограничивается карцеромъ или исключеніемъ изъ университета; но быть заключеннымъ въ карцеръ считается у студентовъ за честь; заключенный вырѣзываетъ свое имя на окнахъ и дверяхъ — карцеръ называется студенческимъ альбомомъ — и съ посѣщающими его товарищами проводитъ время въ карточной игрѣ, попойкахъ и пѣсняхъ. За болѣе важные проступки наказываютъ исключеніемъ, но тяжесть этого наказанія чувствуется не столько самими студентами, сколько ихъ родителями; кромѣ того, это наказаніе не заключаетъ въ себѣ примѣра, который могъ бы служить предостереженіемъ, ибо въ юношескомъ возрастѣ всякія непріятности

скоро забываются, и товарищи смотрятъ на пострадавшаго какъ на жертву, принесенную въ честь и славу студенчества, такъ что по прошествіи какихъ-нибудь 24 часовъ уже объ исключеніи перестаютъ говорить, забывается какъ исключенный, такъ и самая причина исключенія“ [1]).

Маркизъ Паулучи вполнѣ раздѣлялъ эти соображенія неизвѣстнаго корреспондента, и въ своей докладной запискѣ государю, въ томъ же 1827 году, жалуясь на дурные нравы университетскаго юношества, предлагалъ слѣдующія мѣры: увеличить полицейскій штатъ на средства правительства; повелѣть, чтобы университетскія судебныя инстанціи приговаривали виновныхъ студентовъ къ болѣе цѣлесообразнымъ наказаніямъ; обязать профессоровъ, чтобы они старались болѣе, чѣмъ это было до настоящаго времени, вліять на нравственную сторону студентовъ. При этомъ маркизъ Паулучи коснулся того же вопроса, что и въ 1820 году — о полезности соединенія власти генералъ-губернатора и попечителя округа въ однѣхъ рукахъ; мысль эта нашла себѣ кратковременно осуществленіе въ 1830—1835 годахъ при баронѣ Паленѣ, но по другимъ мотивамъ и, повидимому, при иныхъ условіяхъ, чѣмъ это представлялось желательнымъ маркизу Паулучи.

Дѣйствительно, взглядъ ректора Эверса на проступки студентовъ отличался чрезвычайной мягкостью; онъ обнаруживалъ его не только въ отдѣльныхъ распоряженіяхъ по поводу возникавшихъ дѣлъ и вопросовъ, но далъ ему и форму общаго сужденія о поведеніи студентовъ въ своей юбилейной рѣчи 12 декабря 1827 года; не взирая на то, что случилось какъ разъ въ I семестръ 1827 года и о чемъ упомянуто выше, онъ во II семестрѣ того же 1827 года утверждалъ, что въ общемъ нравы студентовъ

1) Deutsch-protestantische Kämpfe in den Baltischen Provinzen Russlands, стр. 219—221; Русская Старина 1890, № 2, стр. 357—358.

становятся мягче, что „господствующій духъ среди нихъ заслуживаетъ болѣе похвалы, нежели порицанія, и обнаруживаетъ рѣшительную наклонность къ улучшенію; прилежаніе и нравственность растутъ“ [1]). Весьма благопріятнымъ для студентовъ оказался и отзывъ о нихъ министра народнаго просвѣщенія графа С. С. Уварова, посѣтившаго университетъ черезъ пять лѣтъ послѣ юбилея, въ іюнѣ 1833 года. „Въ тамошней университетской молодежи — писалъ во всеподаднѣйшемъ отчетѣ о своемъ посѣщеніи графъ Уваровъ — замѣтны остатки врожденныхъ предразсудковъ, въ смѣшеніи съ нѣкоторыми давнишними обычаями германскихъ университетовъ: наклонность къ поединкамъ и къ шумнымъ увеселеніямъ на открытомъ воздухѣ — все сіе туземно и, такъ сказать, наслѣдственно; все сіе влечетъ къ явленіямъ иногда непріятнымъ и недозволительнымъ; но, съ другой стороны, все сіе не сопровождается никакими предосудительными замыслами; по внимательномъ наблюденіи и по собраніи достовѣрныхъ свидѣтельствъ, увѣрился я, что не только никакое политическое заблужденіе не присоединяется къ прочимъ заблужденіямъ юношей, но еще что дерптскіе студенты вовсе не занимаются современной политикой, такъ что едва ли читаютъ газеты; въ числѣ ихъ довольно шалуновъ, но политическихъ мечтателей не имѣется. Страстъ къ поединкамъ очевидно уменьшается; сему служитъ особенно поводомъ клятвенное обѣщаніе, данное студентами, не драться на пистолетахъ, которое они исполняютъ свято; почему и вся опасность поединковъ почти исчезла, тѣмъ болѣе, что, по собственнымъ ихъ преданіямъ и обычаямъ, дерутся они только до первой крови; изъ сего слѣдуетъ, что поединки случаются весьма рѣдко и что они не опасны; сіе между собою сдѣланное условіе болѣе способствовало къ усмиренію сей вредной страсти,

---

1) Das erste Jubelfest der Kaiserlichen Universität Dorpat, стр. 42—43.

чѣмъ самыя сильныя мѣры, которыя могли бы быть начальствомъ предприняты". Имѣя въ виду раздѣляемый тогда нѣкоторыми взглядъ о необходимости болѣе строгихъ мѣръ относительно студентовъ, какъ это высказывалъ и маркизъ Паулучи, графъ Уваровъ говоритъ о студентахъ: „не взирая на врожденныя ихъ наклонности и дурные навыки, можно однакоже, по моему мнѣнію, безъ слишкомъ крутыхъ мѣръ водворить между студентами болѣе благочинія и устройства" [1]).

Нѣсколько иная точка зрѣнія на студенческую дисциплину въ Дерптѣ обнаружена была въ 1830-хъ годахъ попечителемъ Крафстремомъ. Ему принадлежитъ рядъ мѣръ, направленныхъ главнымъ образомъ къ тому, чтобы ввести теченіе студенческой жизни въ опредѣленныя, болѣе нормальныя, границы; справедливость требуетъ однакоже сказать, что мѣры эти не вполнѣ привели къ тѣмъ результатамъ, которые отъ нихъ ожидались, частію потому, что имъ оказывалось противодѣйствіе со стороны студенческой массы и ближайшаго университетскаго начальства, а частію вслѣдствіе ихъ внѣшняго и слишкомъ формальнаго характера.

Согласно дѣйствовавшимъ въ описываемый періодъ „Правиламъ" какъ 1803 года (§ 36), такъ и 1838 года (§ 119), студенты Дерптскаго университета должны были, выходя изъ квартиры, носить форменную одежду, которая, какъ мы уже видѣли, была отмѣнена въ 1860 году и болѣе въ описываемое время не возобновлялась. Форменный студенческій сюртукъ былъ сначала синяго цвѣта, а затѣмъ, согласно высочайшему повелѣнію 3 февраля 1831 года, зеленаго. Но большинство дерптскихъ студентовъ, съ одной стороны, не исполняло обязательнаго ношенія формы, появляясь внѣ дома въ партикулярномъ платьѣ и надѣвая форму лишь въ случаяхъ какихъ-либо торжествъ, а съ другой — многіе отступали въ

1) Сборникъ постановленій, II. 1, ст. 591—593.

[illegible] формѣ съ [illegible] установленнаго образца. Студен-
ческій мундиръ въ Дерптѣ въ концѣ 30-хъ годовъ, по
словамъ Пирогова, былъ не то, что теперешній мундиръ
того времени въ другихъ русскихъ университетахъ: у
дерптскихъ студентовъ воротникъ на мундирѣ [illegible]
[illegible], что былъ воротникъ черный бархатный; на
мундирѣ съ выпушками [illegible] узкими. [illegible]
[illegible] воротника, и на [illegible], и въ
[illegible] чтобъ производилъ эффектъ [1]. Съ цѣлью
устранить это различіе и ввести въ этомъ отношеніи сту-
дентамъ точное выполненіе формы, утвержденной [illegible] при
[illegible] въ Дерптѣ попечитель Крафтстремъ приказалъ
24 мая 1837 года выписать изъ Петербурга на счетъ уни-
верситета одинъ экземпляръ полной студенческой формы
и помѣстить его въ квартирѣ швейцара съ тѣмъ, чтобы
каждый желающій изъ студентовъ могъ съ нимъ ближе
ознакомиться. 25 іюня того же года попечитель напомнилъ
студентамъ о строгомъ соблюденіи правилъ относительно
форменной одежды и потребовалъ, чтобы всѣ вновь посту-
пающіе въ университетъ студенты лично представлялись
попечителю; требованіе это повторено было 22 іюня 1845
года. 9 февраля и 26 апрѣля 1838 года и 30 марта
1840 года послѣдовали новыя строгія предписанія относи-
тельно формы, а также объ обязательномъ ношеніи галсту-
ховъ при форменномъ сюртукѣ; 15 января 1838 года при-
казано было, чтобы студенты носили волосы въ порядкѣ.
Конечно, эти усиленныя распоряженія не имѣли бы мѣста,
если бы не вызывались необходимостью.

Въ сильной степени среди студенчества господствовало
пьянство. Еще въ 1833 году графъ Уваровъ обратилъ
вниманіе на это обстоятельство и ходатайствовалъ объ

1) Сочиненія Н. И. Пирогова, т. I, стр. 345—341. Ср. также „Воспоминанія" Ю. К. Арнольда, вып. I, стр. 162—163.

уменьшеніи числа трактирныхъ заведеній въ Дерптѣ и его окрестностяхъ, что и было уважено высочайшимъ повелѣніемъ 31 октября 1833 года [1]). Особенно проявлялось пьянство на студенческихъ „коммершахъ". Противъ этого направлено было немало предписаній попечителя Крафстрема. 28 апрѣля 1836 года онъ предписалъ, чтобы сходки студентовъ, сопровождаемыя пьянствомъ и безчинствомъ, не имѣли мѣста и чтобы виновные въ этомъ подвергались исключенію, а 20 января 1838 года требовалъ, чтобы лица, исключенныя изъ университета за пьянство, ни въ какомъ случаѣ снова въ университетъ не принимались. Согласно ходатайству попечителя, послѣдовало, отъ 21 іюня 1838 года, предписаніе гражданскаго начальства о томъ, чтобы содержатели кондитерскихъ, ресторановъ, винныхъ погребовъ и подобныхъ заведеній въ Дерптѣ не предоставляли студентамъ особыхъ комнатъ и помѣщеній кромѣ тѣхъ, которыя доступны всѣмъ остальнымъ посѣтителямъ. Введеніе въ силу новыхъ „Правилъ" 1838 года сопровождалось особымъ предписаніемъ попечителя, отъ 26 іюля 1838 года, въ которомъ указывалось на то, что сборища студентовъ, гдѣ бываютъ попойки, особенно для новичковъ, не должны быть терпимы, и что всякій вообще проступокъ студента нисколько не долженъ смягчаться въ глазахъ университетскаго начальства тѣмъ, что студентъ въ это время былъ пьянъ, какъ дѣйствительно нерѣдко смотрѣли въ то время; предписаніе противъ „коммершей" повторено было 30 декабря 1840 года, а 3 февраля 1847 года, для предупрежденія студенческихъ сходбищъ подобнаго рода, было предписано, что ректоръ можетъ дать разрѣшеніе на собраніе вмѣстѣ студентамъ до 12 человѣкъ, а для большаго числа требуется разрѣшеніе попечителя.

21 апрѣля каждый годъ весьма шумно праздновалась

---

1) Сборникъ постановленій, II. 1, ст. 601. 639.

студентами годовщина открытія университета до перехода его въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія, и такъ какъ такое торжество (процессіи, загородный коммершъ и пр.) изъ года въ годъ сопровождалось какими-нибудь значительными безпорядками, влекшими за собою исключеніе виновныхъ изъ университета и другія наказанія, то попечитель Крафстремъ запретилъ въ 1837 году празднованіе этого дня въ городѣ, разрѣшивъ студентамъ только ту часть торжества, которая происходила за городомъ; тогда студенты, недовольные такимъ распоряженіемъ, устроили къ этому дню (21 апрѣля 1837 года) похоронную процессію черезъ Домскую гору къ главному зданію университета, при чемъ, въ концѣ церемоніи, съ соотвѣтствующимъ пѣніемъ положили передъ главнымъ входомъ въ университетъ жезлъ, обернутый чернымъ флеромъ, въ знакъ того, что студенческій праздникъ похороненъ и болѣе никогда не возобновится. Въ послѣдующіе годы празднованіе это имѣло болѣе скромный характеръ, однако не обходилось безъ несчастій: такъ, 21 апрѣля 1838 года смертельно раненъ былъ на дуэли въ лѣсу, близъ Дерпта, студентъ Л. Гусаровскій, скончавшійся черезъ недѣлю. Въ прежнемъ видѣ празднованіе 21 апрѣля возстановлено было въ концѣ сороковыхъ годовъ.

Дуэли также были однимъ изъ довольно обычныхъ явленій тогдашней студенческой жизни, хотя онѣ строго запрещались студенческими „Правилами“ 1803 года (§ 20) и 1838 года (§ 116) и не смотря на то, что, согласно упомянутому уже высочайшему повелѣнію 28 іюня 1837 года, виновные въ участіи въ поединкахъ должны были судиться военнымъ судомъ. По поводу опубликованія этого повелѣнія, попечитель Крафстремъ писалъ графу Уварову 3 іюля 1837 года: „не могу не замѣтить, что далѣе этой мѣры идти уже невозможно, и что неуспѣхъ оной былъ бы для меня истинно прискорбенъ“; въ свою очередь, министръ писалъ попечителю, по тому же поводу, 13 іюля 1837 года: „пред-

лагаю Вамъ объясниться съ профессорами университета, поставляя имъ на видъ, что каждый изъ нихъ обязанъ на этотъ разъ содѣйствовать правительству, употребляя всѣ средства къ усмиренію необузданнаго духа студентовъ, ибо за принятыми мѣрами строгости не предвижу я никакихъ другихъ, кромѣ такихъ распоряженій, которыя поколебали бы самое существованіе университета". Но такое обращеніе едва ли могло имѣть существенныя послѣдствія, такъ какъ поединки пользовались одобреніемъ и въ профессорской средѣ: въ студенчествѣ сохранялась память, будто въ Дерптскомъ университетѣ поединки введены были ректоромъ Г. Ф. Парротомъ, который самъ прекрасно владѣлъ рапирой и съ успѣхомъ мѣрился въ Дерптѣ силами съ лучшими заграничными „фехтерами" [1]). Столь же горячимъ сторонникомъ дуэлей былъ, по словамъ одного изъ студентовъ, и другой, не менѣе знаменитый, ректоръ Густавъ Эверсъ [2]); за поединки стоялъ даже Н. И. Пироговъ, который, уже въ концѣ своей долгой жизни, умудренный опытомъ, восхвалялъ дерптскія дуэли какъ воспитательное средство [3]). Во время профессорства въ Дерптѣ, Пирогову пришлось даже навлечь на себя порицательный отзывъ начальства за поведеніе свое при одной студенческой дуэли; именно, 6 марта 1837 года на поединкѣ раненъ былъ смертельно студентъ Ф. Т. Лаурсонъ; университетскому начальству сдѣлалось извѣстно объ этой дуэли только тогда, когда 9 марта раненый умеръ, при чемъ, сохраняя тайну, его пользовали Пироговъ и д-ръ Китеръ; получивъ объ этомъ извѣщеніе отъ попечителя, графъ Уваровъ писалъ Крафстрему, 16 1837 года марта: „поступокъ профессора Пирогова, который три дня пользовалъ раненаго студента и не доносилъ о томъ ни ректору, ни В. Пр-ву, крайне предосудителенъ"; другой

---

1) Baltische Monatsschrift, B. XXXIX. 1892, стр. 232.
2) Nachträge zum Album Estonorum. 3 Heft, стр. 36.
3) Сочиненія, т. I, стр. 347—348.

участникъ этого поединка не былъ разысканъ, что особенно вызывало негодованіе попечителя. Впрочемъ, безнаказанность участниковъ въ поединкахъ была дѣломъ довольно обыкновеннымъ: когда въ іюлѣ того же 1837 года, не смотря на высочайшее повелѣніе о военномъ судѣ, произошла новая дуэль со смертельнымъ исходомъ, то виновнику (В. фонъ-Лезедовъ) удалось бѣжать заграницу, и даже самое дѣло осталось не разъясненнымъ, о чемъ графъ Уваровъ докладывалъ государю. Крафстрема немало огорчало и то, что генералъ-губернаторъ Паленъ несочувственно относился къ его мѣрамъ для искорененія наклонности къ дуэлямъ, относясь къ послѣднимъ весьма снисходительно, на что попечитель нерѣдко жаловался въ письмахъ къ графу Уварову. Для избѣжанія отвѣтственности за дуэли студенты имѣли обыкновеніе временно увольняться изъ университета, съ тѣмъ чтобы, въ случаѣ благопріятнаго исхода поединка, снова вступить въ число студентовъ, внесши только новую плату за матрикулъ.

Кромѣ этихъ темныхъ сторонъ студенческой жизни, занимавшихъ собою довольно видное мѣсто въ дѣятельности университетскаго суда въ 1830 и 1840-ые годы, послѣдній занятъ былъ часто разборомъ и болѣе мелкихъ студенческихъ проступковъ; таковы были: весьма часто повторявшееся битье оконъ, оскорбленіе частныхъ лицъ словами и дѣйствіемъ, сопротивленіе университетской полиціи и неприличное обращеніе съ педелями, самовольная отлучка изъ города и неявленіе послѣ того на вызовъ ректора, безчинство на улицѣ, безнравственность и безпорядочная жизнь, долги, карточная игра и пьянство, побѣгъ изъ-подъ ареста, неосновательная жалоба о претерпѣнномъ отъ ректора наказаніи, произведеніе выстрѣловъ въ городѣ, появленіе въ Ботаническомъ саду съ сигарой и собакой, куреніе табаку на улицѣ, появленіе на улицѣ въ неформенной одеждѣ, перехожденіе черезъ улицу съ горящею свѣчей, поврежденіе древесныхъ насажденій на Домской

горѣ и т. п. [1]). Студенческая неупорядоченность и своеволіе проявлялись иногда и лично на профессорахъ. Такъ, 24 ноября 1841 года, когда профессоръ Преллеръ далъ одному студенту на лекціи, въ аудиторіи, переводить текстъ, тотъ принялъ весьма непринужденную позу, облокотившись на скамейку, и продолжалъ оставаться въ этомъ положеніи также и послѣ сдѣланнаго профессоромъ замѣчанія; тогда профессоръ предложилъ студенту оставить аудиторію; но на слѣдующую лекцію въ аудиторію къ Преллеру вошла необычная масса студентовъ, свыше 70 человѣкъ, и встрѣтила профессора свистками и шумомъ; въ результатѣ — появленіе проректора и разбирательство дѣла въ университетскомъ судѣ, причемъ нѣкоторые изъ студентовъ были исключены, а другіе посажены въ карцеръ. 10 февраля 1846 года черезъ окно была пущена выстрѣломъ въ квартиру профессора Медлера пуля, но виновный не былъ найденъ; осталось предположеніе, что это былъ результатъ неосторожнаго упражненія въ стрѣльбѣ какого-то студента [2]).

Хотя университетскій судъ, вообще говоря, былъ довольно снисходителенъ къ проступкамъ студентовъ, входившимъ на его разсмотрѣніе, и нерѣдко, особенно въ 1840-хъ годахъ, попечителю Крафстрему приходилось вести борьбу съ нимъ, по поводу этой снисходительности, передъ министерствомъ, тѣмъ не менѣе студенты дозволяли себѣ передъ этимъ судомъ невѣрныя показанія; въ виду этого попечитель, 23 мая 1847 года, предписалъ, чтобы имена тѣхъ студентовъ, которые будутъ давать передъ судомъ завѣдомо ложныя показанія, вывѣшивались публично на „черной доскѣ“ въ университетѣ; въ нѣкоторомъ смыслѣ

---

1) О нѣкоторыхъ изъ такихъ, большею частію комическихъ, случаевъ весьма живо и добродушно разсказано въ воспоминаніяхъ Ю. К. Арнольда (Воспоминанія, вып. I, стр. 131—143) и Н. И. Пирогова (Сочиненія, т. I, стр. 355—360).

2) Архивъ попечителя Рижскаго Учебнаго Округа: Дѣла стараго „университетскаго архива“ №№ 457 и 638.

къ этой же категоріи относится и болѣе раннее предписаніе попечителя, отъ 29 мая 1839 года, чтобы студенты не были выпускаемы изъ карцера на честное слово до отбытія положеннаго срока наказанія.

Для характеристики студенчества описываемаго времени въ отношеніе дисциплины служитъ и одно совершенно незначительное дѣло, о которомъ однакоже возникла переписка между попечителемъ Крафстремомъ, генералъ-губернаторомъ княземъ А. А. Суворовымъ и управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія княземъ П. А. Ширинскимъ-Шихматовымъ въ 1848 году. Именно, въ виду того, что жителямъ города Дерпта допущено было съ нѣкотораго времени безпрепятственно ходить по улицамъ съ зажженными сигарами и даже съ трубками, а студентамъ это ихъ „Правилами" запрещалось, то они, не допуская какого-либо ограниченія въ своихъ „правахъ" сравнительно съ горожанами, пожелали также пользоваться предоставленнымъ послѣднимъ „правомъ"; требованіе ихъ было, повидимому, настолько внушительно и казалось столь вѣскимъ, что попечитель обратился къ генералъ-губернатору, отъ 10 августа 1848 года, за разъясненіемъ, какъ поступить въ данномъ случаѣ, указывая на то, что въ самомъ дѣлѣ несправедливо было бы лишать студентовъ тѣхъ „правъ", которыя предоставлены остальнымъ обывателямъ города; уклончивый и колкій отвѣтъ князя Суворова, отъ 14 августа 1848 года, не удовлетворилъ попечителя, и онъ обратился, 28 августа, за разъясненіемъ къ министру; окончаніе „дѣла" неизвѣстно, но студенты, повидимому, не получили желаемаго „права" [1]).

Между тѣмъ министру народнаго просвѣщенія общая картина студенческой дисциплины представлялась совершенно благопріятной. Мы уже видѣли, какое впечатлѣніе

---

1) Архивъ Департамента Народн. Просвѣщенія, № 130557—165.

произвели на графа Уварова студенты въ 1833 году, когда онъ впервые посѣтилъ университетъ при вступленіи своемъ въ управленіе министерствомъ; еще въ болѣе выгодномъ свѣтѣ предстали ему дерптскіе студенты при концѣ его министерской карьеры, когда онъ въ послѣдній разъ лично побывалъ въ университетѣ въ 1848 году. „Донесенія попечителя — пишетъ графъ Уваровъ во всеподданнѣйшемъ отчетѣ своемъ объ этомъ обозрѣніи — свѣдѣнія, отъ прочихъ университетскихъ начальствъ полученныя, наконецъ собственное наблюденіе привели меня къ выводу, что духъ университетскаго юношества соотвѣтствуетъ во всѣхъ отношеніяхъ ожиданію правительства. Не взирая на то, что въ городѣ, имѣющемъ не болѣе 14,000 жителей, сосредоточено болѣе 600 студентовъ, тишина и благочиніе господствуютъ въ Дерптѣ: изгладились всѣ слѣды прежней буйной жизни студентовъ, этотъ печальный и безсмысленный сколокъ съ германскихъ преданій; исчезли шапки на бекрень, бороды, усы, ботфорты и всѣ принадлежности прежнихъ студентовъ; съ ними исчезли и буршеншафты и шумныя студенческія бесѣды и кровавые поединки. Дерптскій студентъ настоящаго поколѣнія носитъ съ удовольствіемъ форменную одежду, прилежно учится, живетъ скромно, послушенъ начальству и учтиво обходится съ жителями“ [1]).

Эта характеристика, совершенно несогласная съ дѣйствительностью, объясняется съ одной стороны той перемѣною во взглядахъ графа Уварова на задачи учебной реформы въ Прибалтійскомъ краѣ, въ сторону благодушія и осторожной мягкости, на которую уже было указано выше (стр. 351. 443), а съ другой — стремленіемъ его видѣть хотя бы и призрачные плоды своей дѣятельности въ извѣстномъ направленіи и доказать, что предпринятая имъ работа не осталась безъ результата; отзывъ же 1833 года есть не

1) Архивъ Департамента Народнаго Просвѣщенія, № 64957—2435.

болѣе, какъ свидѣтельство безусловнаго преклоненія графа Уварова передъ духомъ нѣмецкой культуры, которую онъ уже заранѣе предположилъ глубоко укорѣнившейся въ Дерптѣ и къ которой еще не установилъ онъ въ то время критическаго отношенія.

Въ 1850-хъ годахъ и началѣ 1860-хъ, совпадающихъ главнымъ образомъ съ попечительствомъ фонъ-Брадке, характеръ студенческой дисциплины въ общемъ остался прежній. Отношеніе новаго попечителя къ студентамъ было въ высшей степени доброжелательно и благодушно, и въ послѣднемъ отношеніи замѣчательнымъ образомъ гармонировало съ отношеніемъ къ нимъ университетскаго начальства. Фонъ-Брадке поддерживалъ взгляды своего предшественника на необходимость упорядоченія съ внѣшней стороны дерптскаго студенчества, и прилагалъ къ этому нѣкоторыя старанія путемъ распоряженій и предписаній, но онъ спокойно мирился съ неудачами въ этомъ отношеніи и склоненъ былъ смотрѣть на вещи то весьма оптимистически, то, напротивъ, мрачно и безъ всякой надежды на успѣхъ.

Здѣсь умѣстно будетъ привести нѣсколько интересныхъ выдержекъ изъ писемъ фонъ-Брадке къ министру А. С. Норову, характеризующихъ отношеніе попечителя къ своей задачѣ исправленія студенческой дисциплины и объясняющихъ отчасти тѣ бытовые и административные устои, на которыхъ покоились какъ раньше, такъ и позднѣе нѣкоторыя особенности описываемой стороны дерптской университетской жизни.

Передавая первыя свои впечатлѣнія отъ знакомства съ университетомъ, которыя въ общемъ были весьма благопріятны, Брадке писалъ однакоже, 6 ноября 1854 года: „нравственное состояніе студентовъ и повиновеніе къ властямъ въ послѣдніе два года болѣзненнаго состоянія бывшаго попечителя нѣсколько ослабли и требуютъ бдительнаго вниманія". Въ октябрѣ 1855 года А. С. Норовъ посѣтилъ

университетъ, и, въ дополненіе къ вынесеннымъ имъ раньше впечатлѣніямъ, писалъ 21 октября 1855 года: „Наша молодежь въ политической благонадежности не уступитъ ни одному университету и, по солидности своихъ въ семъ отношеніи понятій, не увлечется никакими хитрыми мудрствованіями, какъ это и на дѣлѣ доказано; въ ней много хорошихъ нравственныхъ началъ, много добрыхъ чувствъ; но есть свои предразсудки, свои особенныя понятія, которыя, какъ дѣдовскія преданія, крѣпко въ ней укоренились и, раздѣляемыя краемъ, находятъ свою подпору въ общемъ сочувствіи. Вреднаго тутъ нѣтъ для отечества, для нихъ самихъ не скажу того же; но они бываютъ иногда непріятны и всѣмъ намъ непривычны. Въ томъ числѣ наружный видъ небрежности въ одеждѣ, поступи и обхожденіи, который они считаютъ принадлежностію студентскаго быта, студентской самостоятельности. Крафстремъ въ лучшіе годы, при самыхъ строгихъ мѣрахъ, не могъ этого прекратить. Мундирные сюртуки введены, но шпаги и шляпы уже по бѣдности здѣсь никогда не носились, и не болѣе отъ 100—150, имѣя ихъ, носятъ лишь при мундирѣ. Частная одежда строго запрещена, и я, находя это необходимымъ, усилилъ взысканіе за несоблюденіе этого правила. Но эта студентская самостоятельность есть легко исчезающій фантомъ, какъ только что является серьезное начальничье вліяніе. При моемъ пріѣздѣ я нашелъ безпрерывныя насильственныя противодѣйствія педелямъ — теперь я уже 10 мѣсяцевъ о нихъ не слышу, безпрерывныя уличныя драки съ мастеровыми — а теперь и духу о нихъ нѣтъ; дѣйствительнаго неповиновенія я не встрѣчалъ и встрѣтить не могу. Они много привыкли къ закону и въ теченіе времени еще болѣе привыкнутъ, шалости по немногу прекратятся, а Богъ дастъ — и многое наружное получитъ со временемъ лучшій видъ, за что впрочемъ поручиться не могу. Прикажутъ — можно ввести насильно и шпаги, и шляпы, и строгую форму; но добра изъ этого не выдетъ; оно отзовется на чувствахъ.

35

Блаженныя памяти императоръ мнѣ сказалъ: „наблюдай за существеннымъ, обыкновеній ихъ не трогай, волненій не производи", и я всѣми силами старался и стараюсь достигнуть указанной цѣли. Волненій нѣтъ, а многое измѣнилось къ лучшему". Въ письмѣ отъ 3 января 1856 года: „университетская молодежь моя видимо преуспѣваетъ въ пріученіи къ порядку; находя меня неумолимымъ въ проступкахъ дисциплинарныхъ, они понимаютъ теперь важность оныхъ, и я надѣюсь, что вы и извнѣ услышите, что болѣе скромности и менѣе шуму; уже давно не было случая сопротивленія университетской полиціи, безъ чего прежде вовсе не обходилось", а отъ 20 апрѣля того же года: „университетская молодежь особенно весною болѣе разгуливается; пробужденіе природы какъ-то ее болѣе пробуждаетъ не къ добру, а потому именно въ это время наибольшее число наказаній и исключеній; но тѣмъ обходимся, и понемногу унимаются". Въ письмѣ отъ 29 мая 1856 года: „Крафстремъ 18 лѣтъ преимущественно дѣйствовалъ на наружность — и результатовъ не видно. Чего же я ожидать могу? Можетъ быть, по капелькѣ будутъ исправленія, но для пріѣзжаго всѣ эти капельки будутъ незамѣтны. Въ прочихъ губерніяхъ любятъ мундиры, а любовь все превозмогаетъ; здѣсь общее мнѣніе считаетъ для юношества всякое наружное единообразіе вреднымъ для успѣшнаго умственнаго и душевнаго развитія, — такъ что прикажете дѣлать? Наказывать уже безъ того безпрерывно приходится, ибо безпорядковъ противъ нравственнаго порядка и дисциплины терпѣть невозможно, и уже это возбуждаетъ порицанія" [1]). Отъ 24 февраля 1857 года: „Не желая завлекаться суетными надеждами, я однакожъ долженъ сказать, что Господь благословилъ, и начатки есть; покорности и уваженія къ властямъ рѣшительно болѣе въ значительной

1) Архивъ попечителя Рижскаго Учебнаго Округа: Ueber die Privatcorrespondenz des Curators (v. Bradke), т. II, № 104.

степени; какого-то непріятнаго чувства ко всему русскому рѣшительно менѣе. Болѣе приличія въ одеждѣ, менѣе нахальства во взглядѣ. Но духа времени, ошибочнаго направленія въ воспитаніи и вкоренившихся особенностей страны трудно измѣнить, и чувствуя всю важность принятыхъ на себя обязанностей противъ Бога и Государя, при всѣхъ добросовѣстныхъ усиліяхъ и нѣкоторой опытности въ дѣлѣ, не находится причинъ быть довольнымъ своими дѣйствіями" [1]).

Говоря объ уклоненіяхъ въ студенческой жизни отъ установленнаго извнѣ порядка, мы должны здѣсь коснуться еще одной стороны вопроса.

Мы уже высказали мнѣніе (стр. 256), что студенческіе проступки перваго періода жизни университета были лишены политическаго элемента. Это въ значительной степени объясняется тѣмъ, что по крайней мѣрѣ въ первыя полтора десятилѣтія XIX вѣка въ самихъ германскихъ университетахъ, съ которыми Дерптскій университетъ поддерживалъ столь тѣсную связь, политическія стремленія почти совершенно отсутствовали. Политика вошла въ среду германскихъ университетскихъ интересовъ только послѣ наполеоновскихъ войнъ, всколыхнувшихъ общественную и политическую жизнь цивилизованныхъ государствъ Европы. Эта политическая волна, захватившая собой и Россію, не могла не отразиться извѣстнымъ образомъ и на Дерптскомъ университетѣ. Мы уже видѣли (стр. 337—343), какія мѣры были приняты русскимъ правительствомъ въ самомъ началѣ описываемаго періода для огражденія прибалтійской молодежи отъ соблазна политическихъ заблужденій германскаго студенчества, и знаемъ, что эта молодежь находила въ себѣ желаніе и средства обходить принятыя мѣры относительно

1) „Къ исторіи министерства народнаго просвѣщенія. Бумаги А. С. Норова. 1857", въ Русскомъ Архивѣ, 1888 № 9, стр. 154.

посѣщенія запретныхъ университетовъ въ Германіи. Эти молодые люди имѣли самыя тѣсныя связи со своими земляками, учившимися въ Дерптѣ, что было, конечно, совершенно естественно; мы видѣли, что въ концѣ перваго періода имѣла въ Дерптѣ мѣсто сочувственная демонстрація профессору Снеллю, поспѣшно оставившему Дерптскій университетъ именно по причинѣ своихъ политическихъ воззрѣній. Интересъ къ политическимъ событіямъ Европы, особенно во время съ 1820-хъ по 1840-ые годы, не могъ не захватывать вниманія и дерптскаго студенчества, о которомъ Пироговъ совершенно вѣрно замѣтилъ, что въ двадцатые и тридцатые годы оно „не было чуждо политическихъ тенденцій", но что, вмѣстѣ съ тѣмъ, тенденціи эти не были „разрушительными и радикальными" [1]. Стремленія эти выражались исключительно въ платонической связи и интересѣ къ политическимъ движеніямъ германскаго студенчества, не идя далѣе этого ни въ ширь, ни въ глубину; въ этомъ отношеніи нельзя не признать справедливымъ господствующее и не разъ подтвержденное со стороны представителей русской власти мнѣніе, что проступки дерптской молодежи въ описываемое время не имѣли политическаго элемента, если подъ послѣднимъ разумѣть политику въ широкомъ, общерусскомъ, а не въ мѣстномъ, болѣе узкомъ смыслѣ.

Чѣмъ же отразилась эта упомянутая связь дерптскаго студенчества съ политическими интересами учащейся молодежи въ германскихъ университетахъ?

Въ 1815 году студентами Іенскаго университета основано было общество „Burschenschaft" съ девизомъ: „честь, свобода, отечество"; въ 1816 и 1817 годахъ къ нему примкнули и студенты нѣкоторыхъ другихъ германскихъ университетовъ. Общество это имѣло цѣлію, съ одной стороны, нравственное совершенствованіе своихъ членовъ, а съ дру-

1) Сочиненія. Т. I, стр. 361.

гой — развитіе и осуществленіе идеи германскаго политическаго единства. Члены его приняли весьма дѣятельное участіе въ извѣстномъ „Вартбургскомъ праздникѣ“ 18 октября 1817 года, гдѣ и положено было начало „всеобщему нѣмецкому студенческому союзу“ (Allgemeine deutsche Burschenschaft), получившему вскорѣ правильную организацію и принявшему въ свой составъ значительную часть учащейся молодежи 14 университетовъ. Въ 1819 году однимъ изъ членовъ этого общества, іенскимъ студентомъ Зандомъ, совершено было политическое убійство Коцебу, послѣ чего общество было закрыто, но, вмѣсто прежняго открытаго существованія, продолжало существовать тайно, не смотря на строгія репрессивныя мѣры. Въ 1827 году „Burschenschaft“ возродился, выдѣливши изъ своей среды двѣ противоборствующія партіи, „германцевъ“ и „арминовъ“, изъ которыхъ первые ставили осязательно-конкретныя цѣли своей политической дѣятельности, а вторые ту же цѣль объединенія Германіи понимали лишь въ идеальномъ смыслѣ, работая надъ своимъ умственнымъ, нравственнымъ и физическимъ развитіемъ.

Сколько можно судить по имѣющимся даннымъ, дерптское студенчество не принимало участія въ упомянутыхъ стремленіяхъ и дѣятельности германской молодежи, хотя, конечно, очень хорошо знало о существованіи германскаго Burschenschaft'а и интересовалось происходившими событіями, имѣя въ своей средѣ иностранцевъ и будучи связано съ Германіей постоянными и разнообразными сношеніями. Тутъ умѣстно упомянуть объ одномъ обстоятельствѣ, которое послужило даже предметомъ особаго секретнаго „дѣла“ и офиціальной переписки. Въ іюнѣ 1820 года профессоръ Рамбахъ, будучи на ревизіи школъ въ Митавѣ, сообщилъ ректору Эверсу о встрѣчѣ своей въ этомъ городѣ съ однимъ іенскимъ студентомъ Эрнстомъ Дюрромъ, имѣвшимъ намѣреніе отправиться въ Дерптъ; субъектъ этотъ показался Рамбаху опаснымъ въ политическомъ отношеніи и могущимъ имѣть дурное вліяніе на дерптскихъ студентовъ, въ виду

чего ректоръ Эверсъ сообщилъ о полученномъ извѣстіи дерптскому полицеймейстеру, предлагая ему принять мѣры къ удаленію этого Дюрра, если онъ явится въ городъ; этимъ дѣло и кончилось. Но въ сентябрѣ того же 1820 года ректоръ Эверсъ узналъ отъ лектора Раупаха и студента М. фонъ-Энгельгардта, что въ Дерптъ пріѣхалъ изъ Курляндіи, подъ именемъ инструментальнаго мастера Шмидта, одинъ бывшій студентъ Іенскаго университета и старается завести знакомства въ студенческой средѣ; полагая, что это лицо можетъ быть тожественно съ тѣмъ, о которомъ писалъ проф. Рамбахъ, ректоръ опять обратился къ полиціи съ предложеніемъ о воспрещеніи ему оставаться въ Дерптѣ; и вопросъ этотъ опять вышелъ изъ поля зрѣнія бдительнаго ректора. Между тѣмъ прошло семь лѣтъ, и въ 1827 году, быть можетъ не безъ связи съ возобновившейся дѣятельностью нѣмецкаго Burschenschaft'а, арестованъ былъ въ Варшавѣ одинъ субъектъ, назвавшій себя инструментальнымъ мастеромъ Шмидтомъ, и разсказалъ, что лѣтомъ 1820 года онъ былъ въ Дерптѣ, имѣлъ сношеніе со многими лицами, при чемъ, кромѣ фонъ-Энгельгардта и Раупаха, назвалъ еще университетскаго синдика фонъ-деръ-Борга. Такъ какъ арестованный сообщилъ, что былъ онъ въ Дерптѣ по дѣламъ дерптскаго Burschenschaft'а, находящагося въ сношеніяхъ съ „нѣмецкимъ студенческимъ союзомъ“, то для изслѣдованія этого вопроса посланъ былъ въ Дерптъ адъютантъ маркиза Паулучи полковникъ Гамалея, который и разспрашивалъ профессора минералогіи Морица фонъ-Энгельгардта, Раупаха и фонъ-деръ-Борга, а также самого ректора Эверса, о Шмидтѣ. Относительно фонъ-Энгельгардта оказалось полное недоразумѣніе, такъ какъ Шмидтъ имѣлъ въ виду другое лицо съ той же фамиліей, и, конечно, профессоръ фонъ-Энгельгардтъ, впервые слыша о Шмидтѣ, не могъ дать никакихъ объясненій; но Раупахъ и фонъ-деръ-Боргъ сообщили, что дѣйствительно въ августѣ и сентябрѣ 1820 года пріѣзжалъ въ Дерптъ нѣкто подъ именемъ Шмидта,

но сознался, что въ дѣйствительности онъ баронъ Геммингенъ, убившій на дуэли барона Мюнхаузена и спасшійся отъ грозившаго ему наказанія въ Россію; онъ просилъ дать ему на нѣкоторое время тайный пріютъ, который и получилъ сначала на мызѣ фонъ-деръ-Борга, недалеко отъ города, потомъ въ самомъ городѣ у одного студента и, наконецъ, на мельницѣ Кикиферъ; но потомъ мнимый баронъ Геммингенъ скрылся изъ Дерпта въ Ревель и даже взялъ съ собой при этомъ дворянское свидѣтельство фонъ-деръ-Борга. Обо всемъ этомъ, по отъѣздѣ полковника Гамалеи изъ Дерпта, ректоръ Эверсъ сообщилъ въ двухъ своихъ донесеніяхъ попечителю князю Ливену, отъ 9 и 11 февраля 1827 года, категорически утверждая, что среди дерптскихъ студентовъ нѣтъ и никогда не было связей съ германскимъ Burschenschaft'омъ, и что во всемъ этомъ дѣлѣ нѣтъ ничего, имѣющаго серьезный политическій смыслъ [1]).

Но ректоръ былъ несовсѣмъ правъ, не допуская даже возможности существованія дерптскаго Burschenschaft'а. Возможность эта для 1820 года явствуетъ уже изъ того, что 4 февраля 1823 года выработанъ былъ его подробный уставъ (въ 92 §§); согласно § 4 этого устава, „дерптскій союзъ" (Dörptsche Burschenschaft) учрежденъ съ цѣлію объединенія учащихся въ Дерптскомъ университетѣ „связью разсудка, нравственности и научнаго образованія ко благу отечества и міра" и для установленія въ университетѣ „истинно студенческой жизни"; политическія идеи изъ цѣлей дѣятельности общества были устранены (§ 10); девизомъ Burschenschaft'а было: „Богъ, честь, свобода, отечество" (§ 11) [2]). Общество, повидимому, совсѣмъ не имѣло

---

1) Архивъ Юрьевскаго университета: Die angeblich von Dörptschen Studirenden im Jahre 1820 gebildete geheime Burschenschaft.

2) Gedenkblätter an das fünfundsiebenzigjährige Bestehen der Landesuniversität Dorpat zum 21. April 1877. D. 1877, прилож. стр. I—XII.

конкретныхъ политическихъ стремленій, примыкая, по основной своей идеѣ, къ той группѣ общегерманскаго Burschenschaft'а, которая извѣстна была подъ именемъ „арминовъ"; въ этомъ смыслѣ, говоря объ отсутствіи политическихъ тенденцій, ректоръ Эверсъ былъ правъ.

Существованіе этого общества явно обнаружилось и послужило предметомъ новаго „дѣла" въ 1833 году, когда именно въ общегерманскомъ Burschenschaft'ѣ оказалась усиленная дѣятельность, выразившаяся, между прочимъ, въ участіи членовъ его въ извѣстныхъ событіяхъ во Франкфуртѣ 3 апрѣля 1833 года.

Именно, генералъ-губернаторъ и въ то же время попечитель университета и округа баронъ Паленъ увѣдомилъ, 2 ноября 1833 года, ректора Фр. Паррота о существованіи въ Дерптѣ общества „Burschenschaft" и назвалъ ему имена двухъ студентовъ, А. Г. и Л. фонъ-Г., которые могутъ дать о томъ необходимыя свѣдѣнія. Ректоръ пригласилъ къ себѣ этихъ лицъ и узналъ отъ нихъ, что дѣйствительно въ Дерптѣ существуетъ названное общество, но что уже два года тому назадъ они вышли изъ его состава, чтобы успѣшнѣе заниматься наукой, и указали, въ свою очередь, на студента В. для полученія свѣдѣній объ обществѣ. Спрошенный ректоромъ, В. также призналъ существованіе общества „Burschenschaft" въ Дерптѣ и представилъ даже текстъ его устава, при чемъ прибавилъ, что такъ какъ общество не заключаетъ въ себѣ ничего противуправительственнаго, то члены его уже давно намѣревались открыться начальству и просить объ офиціальномъ признаніи общества. Всѣ эти свѣдѣнія, вмѣстѣ съ текстомъ устава, ректоръ Парротъ сообщилъ, 18 ноября 1833 года, въ секретномъ письмѣ, министру С. С. Уварову, который сдѣлалъ объ этомъ государю краткій докладъ 20 ноября 1833 года; на докладѣ императоръ Николай I сдѣлалъ слѣдующую собственноручную резолюцію, съ обращеніемъ къ графу Бенкендорфу: „Прочтите сіи бумаги и условьтесь сейчасъ съ г. Уваровымъ о нуж-

ныхъ по сему мѣрахъ; я считаю открытіе сіе весьма важнымъ, потому что подобными способами начались всѣ безпорядки въ иностранныхъ университетахъ, коихъ послѣдствія мы нынѣ видимъ; личина же и смыслъ этого общества совершенно подобны германскимъ". Согласно высочайшей волѣ о немедленномъ разслѣдованіи дѣла, университетскій судъ, подъ предсѣдательствомъ барона Палена и въ составѣ ректора Паррота, профессора Бунге, синдика фонъ-деръ-Борга и избраннаго ректоромъ на будущій годъ проф. Мойера, разсмотрѣлъ дѣло 28—30 ноября 1833 года и вынесъ такой приговоръ: общество „Burschenschaft" и его фехтовальную залу закрыть; отъ всѣхъ бывшихъ членами общества и посѣтителей фехтовальнаго зала взять клятвенное обѣщаніе впредь не учреждать никакого недозволеннаго правительствомъ общества; изъ подвергшихся суду, одного студента исключить изъ университета, такъ какъ онъ и прежде былъ уже два раза подъ судомъ, а остальныхъ членовъ союза, числомъ 52 (44 настоящихъ и 8 бывшихъ), посадить въ карцеръ на 14 дней зимнихъ вакацій на хлѣбъ и на воду; тѣмъ же, которые только посѣщали фехтовальную залу общества и знали о существованіи послѣдняго — сдѣлать отъ имени суда выговоръ; при этомъ т. наз. „старшины" общества до утвержденія приговора должны содержаться подъ арестомъ. Министръ нашелъ приговоръ этотъ слишкомъ мягкимъ и въ своемъ докладѣ государю, отъ 18 декабря 1833 года, выразилъ мнѣніе, что „старшинъ" общества, числомъ 18, слѣдуетъ подвергнуть исключенію и воспретить имъ поступать на службу, сдѣлавши впрочемъ изъятіе относительно поступленія на службу для студента В., который далъ ректору подробныя свѣдѣнія объ обществѣ, остальныхъ же 34 студентовъ подвергнуть наказанію, опредѣленному университетскимъ судомъ. Государь положилъ на этомъ докладѣ, 19 декабря 1833 года, слѣдующую резолюцію: „Согласенъ, но при томъ считаю справедливымъ велѣть замѣтить начальству университета, а въ

особенности бывшему ректору, что неизвѣстность существованія подобнаго общества не дѣлаетъ чести тѣмъ, коихъ первая обязанность блюсти за строгимъ порядкомъ.“ Въ послѣдующіе годы (до 1836-го) почти всѣ исключенные молодые люди, по ихъ прошеніямъ, получили однако же разрѣшеніе продолжить ученье въ университетѣ и затѣмъ поступить на службу [1]). Какъ уже было упомянуто выше, открытіе въ Дерптѣ Burschenschaft'а имѣло послѣдствіемъ изданіе новыхъ „Правилъ“ для студентовъ, сначала временно въ 1834 году, а потомъ окончательно утвержденныхъ 4 іюня 1838 года.

Въ послѣдующіе годы описываемаго періода, повидимому, не было обнаружено подобныхъ упомянутымъ явленій, и въ критическій 1848 годъ дерптское студенчество осталось совершенно спокойнымъ, какъ сравнительно спокойнымъ, противъ ожиданія многихъ, явилось тогда и студенчество германскихъ университетовъ. Намъ уже не разъ приходилось упоминать о посѣщеніи университета въ этомъ году графомъ Уваровымъ и о тѣхъ похвалахъ, которыя онъ расточилъ университету во всеподданнѣйшемъ докладѣ своемъ 4 іюня 1848 года; тамъ было, между прочимъ, замѣчено: „иностранцы, находящіеся при университетѣ (т. е. профессора), преисполнены благодарности къ правительству и всѣ благословляютъ жребій свой находиться вдали отъ тревожныхъ и печальныхъ явленій Германіи; я увѣренъ, что они всѣми силами будутъ стараться сохранить хорошее мнѣніе о себѣ начальства; впрочемъ, всѣ мѣры наблюденія приняты и по этой части“.

Приведенныя нами фактическія данныя и разнаго рода указанія на наличность весьма значительнаго числа студенческихъ проступковъ въ Дерптѣ и на участіе нѣкотораго числа студентовъ въ тайныхъ организаціяхъ въ описываемое время, разумѣется, никоимъ образомъ не должны служить

---

1) Архивъ Департамента Народнаго Просвѣщенія, № 130349—157: Объ открытомъ между студентами Дерптскаго университета тайномъ обществѣ Burschenschaft.

достаточнымъ матеріаломъ для слишкомъ широкихъ обобщеній; въ представленномъ перечнѣ мы сгруппировали извѣстнаго рода явленія только для удобства изложенія, и произносить по нимъ приговоръ о всей массѣ дерптскаго студенчества, за все описываемое время и во всей широтѣ понятія „поведенія“, было бы заблужденіемъ. Темныя стороны въ значительномъ количествѣ, конечно, были, и о нихъ именно велась въ данномъ случаѣ рѣчь; но рядомъ съ ними было и много свѣтлыхъ сторонъ въ дерптской студенческой жизни, въ видѣ серьезныхъ научныхъ занятій и выработкѣ тѣхъ нравственныхъ чертъ характера, съ которыми потомъ молодые люди выходили въ жизнь и дѣлались полезными членами общества. Эти уклоненія отъ установленнаго порядка, являясь результатомъ юношеской горячности, несдержанности, обыкновенно особо отмѣчаются, регистрируются и вообще привлекаютъ къ себѣ извѣстное вниманіе; особенно это имѣетъ приложеніе къ Дерпту, маленькому городу, въ которомъ студенты играли столь видную роль, и гдѣ всѣ ихъ поступки и проступки становились извѣстны всѣмъ, дѣлались предметомъ разговоровъ и, такимъ образомъ, получали нерѣдко совсѣмъ неподобающую имъ репутацію того и другого оттѣнка; рядомъ съ этимъ другія, лучшія стороны оставались незамѣтными, входя въ обычное теченіе жизни; о нихъ и намъ не приходилось говорить, но не слѣдуетъ забывать объ ихъ существованіи, когда приходится дѣлать общее заключеніе или произносить то или иное сужденіе, что въ данномъ случаѣ не входитъ въ предѣлы нашей задачи. „Нѣмецкіе студенты — говоритъ Пироговъ — кутили, вливали въ себя пиво, какъ въ бездонную бочку, дрались на дуэляхъ, цѣлые годы иногда не брали книги въ руки, но потомъ какъ будто перерождались, начинали работать такъ же прилежно, какъ прежде бражничали, и оканчивали блестящимъ образомъ свою университетскую карьеру“ [1]).

1) Сочиненія, т. I, стр. 346—347.

9.

Блестящая эпоха въ исторіи Дерптскаго университета. — Обособленность университета и отношеніе къ ней правительства. — Профессорскія собранія по факультетамъ. — Учрежденіе „Ученаго Эстонскаго Общества“ и „Общества естествоиспытателей“. — Научные и литературные интересы профессорской среды; путешествія; публичныя лекціи. — Манифестаціи студентовъ въ отношеніи къ профессорамъ. — Случай съ профессоромъ Ульманомъ 1 ноября 1842 года и его послѣдствія — Академическая Мусса. — Театральныя представленія. — Музыкальные кружки. — Студенческія корпораціи, ихъ возникновеніе и внѣшняя организація; вопросы о равноправности всѣхъ студентовъ и о непринудительности дуэли; „собраніе уполномоченныхъ“, его роль и дѣятельность. — Открытое признаніе корпорацій при попечителѣ фонъ-Брадке; уставъ корпорацій. — Дальнѣйшая жизнь корпорацій до конца второго періода. — Студенческие „ферейны“.

Подобно первому періоду, мы и для описываемаго теперь времени не имѣемъ въ виду, согласно нашему плану, входить въ оцѣнку учебной и научной дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, учебно-вспомогательныхъ учрежденій университета и факультетовъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что на первыя двѣ трети, съ 1820 года по конецъ 1840-хъ годовъ, второго періода падаетъ самая блестящая пора дѣятельности Дерптскаго университета за все время съ основанія до 1865 года, и характеристика названной стороны жизни университета, сдѣланная именно къ этому времени однимъ мѣстнымъ историкомъ, не смотря на нѣкоторую склонность къ панегиризму и частныя преувеличенія, въ общемъ заключаетъ въ себѣ довольно много вѣрнаго [1]); отблескъ заслуженной славы этой эпохи сохранилъ университетъ и въ послѣднія полтора десятилѣтія второго періода, хотя, въ силу разныхъ обстоятельствъ, онъ пошелъ нѣсколько назадъ и въ составѣ своихъ преподавательскихъ силъ, и въ устройствѣ учебно-

---

1) Julius Eckardt. Die baltischen Provinzen Russlands. Leipzig 1868, стр. 415—419.

вспомогательныхъ учрежденій, и въ широтѣ своего научнаго вліянія.

Высшее учебное начальство, въ лицѣ своихъ представителей, говоря о Дерптскомъ университетѣ, почти всегда ограничивалось только похвалами. Министръ народнаго просвѣщенія А. С. Шишковъ 31 мая — 2 іюня 1825 года посѣтилъ университетъ; по поводу этого посѣщенія такъ писалъ А. Ѳ. Воейковъ профессору В. М. Перевощикову отъ 23 іюня 1825 года, изъ Царскаго Села: „Министръ народнаго просвѣщенія съ сильнѣйшимъ восторгомъ разсказывалъ мнѣ о цвѣтущемъ по всѣмъ частямъ состояніи Дерптскаго университета; хвалилъ профессоровъ и образъ преподаванія и доволенъ духомъ студентовъ“ [1]). Въ іюнѣ 1833 года, какъ уже не разъ было упомянуто нами, посѣтилъ университетъ министръ С. С. Уваровъ, который, въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ, между прочимъ писалъ: „Сословіе профессоровъ Дерптскаго университета отличается преданностью къ правительству, равномѣрно и единодушіемъ, вездѣ весьма рѣдкимъ, особенно въ ученыхъ сословіяхъ. Многіе изъ нихъ имѣютъ имя въ ученомъ свѣтѣ и всѣ воодушевлены постояннымъ рвеніемъ къ успѣхамъ наукъ; между собою они живутъ мирно и способствуютъ другъ другу во всѣхъ случаяхъ. Моральное ихъ поведеніе не подвержено никакому нареканію, и во все пребываніе мое не слыхалъ я ни жалобы другъ на друга, ни малѣйшаго замѣчанія, клонящагося въ пользу личныхъ страстей или выгодъ. Въ медицинскомъ факультетѣ особенно заслуживаютъ уваженіе профессоры Эрдманъ, Мойеръ, Дейчъ, Ратке; въ философскомъ — Струве (украшеніе Дерптскаго университета), Парротъ, Нейе, Ледебуръ, Бартельсъ, Блюмъ, Крузе, Гебель; въ юридическомъ — Бунге, Клоссіусъ, Рейцъ; въ богословскомъ — Сарторіусъ, Вальтеръ“ [2]). Не менѣе лестное

1) Русскій Архивъ 1890, № 9, стр. 90.
2) Сборникъ постановленій, II. 1, ст. 594.

для университета впечатлѣніе вынесъ изъ посѣщенія его тотъ же министръ лѣтомъ 1848 года: „Какъ университетъ — писалъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ по этому поводу графъ Уваровъ — такъ и всѣ отъ него зависящія заведенія я нашелъ въ совершенномъ устройствѣ. . . Имѣлъ я случай убѣдиться въ хорошемъ духѣ преподаванія, въ нравственной жизни профессоровъ и въ уваженіи, коимъ они пользуются“ [1]). Товарищъ министра народнаго просвѣщенія князь Вяземскій даетъ о своемъ посѣщеніи университета въ 1856 году такой о немъ отзывъ: „Ученіе въ этомъ краѣ (т. е. какъ въ университетѣ, такъ и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ) имѣетъ и крѣпкое основаніе, и обширное развитіе, и дѣятельное примѣненіе къ общественной жизни; Дерптскій университетъ не только содѣйствуетъ распространенію образованности и полезныхъ свѣдѣній на потребность туземныхъ жителей, но дѣйствуетъ благотворно и на все государство“ [1]).

Здѣсь было бы совершенно излишне приводить сочувственные отзывы о Дерптскомъ университетѣ со стороны бывшихъ его воспитанниковъ, какъ нѣмцевъ, такъ и русскихъ, за описываемое время; они сдѣлались уже общимъ мѣстомъ. Въ этомъ отношеніи имѣетъ интересъ, по своей типичности, слѣдующее замѣчаніе одного изъ бывшихъ студентовъ (1838—41), уже ранѣе упомянутаго Н. В. Варадинова: „Разбросанные по всѣмъ концамъ Россіи, студенты Дерптскаго университета питаютъ замѣчательную привязанность къ Дерпту и своимъ профессорамъ; если же они сами встрѣчаются гдѣ-либо въ отдаленныхъ губерніяхъ, то между ними тотчасъ завязывается сближеніе, хотя бы они не знали прежде другъ друга, хотя бы не принадлежали къ одному факультету и одному академическому времени. . .

---

1) Архивъ Департамента Народн. Просвѣщенія, № 64957—2435.
2) „Извлеченіе изъ отчета министерства народнаго просвѣщенія за 1856 годъ“, въ Ж. М. Н. Пр. 1857, № 7, стр. 56.

Заговорите съ бывшимъ дерптскимъ воспитанникомъ объ его пребываніи въ университетѣ, вы никогда не услышите насмѣшекъ на профессоровъ или порицаній ихъ; напротивъ того, услышите самое искреннее выраженіе преданности и благодарности; такія чувства возможны при необходимой для науки свободѣ, при добросовѣстности преподавателей въ чтеніи лекцій, при тѣхъ отношеніяхъ, которыя существуютъ между профессорами и студентами и при безукоризненной справедливости профессоровъ" [1]).

Мы не входимъ здѣсь въ разсужденіе о томъ, на сколько эти официальныя и частныя оцѣнки соотвѣтствовали дѣйствительности, и чѣмъ долженъ быть объясненъ несомнѣнный фактъ привязанности и уваженія бывшихъ студентовъ Дерптскаго университета къ мѣсту своего воспитанія; думаемъ однако же, что, помимо значительнаго числа выдающихся преподавательскихъ силъ, тутъ оказали свое дѣйствіе и прочные устои дерптской университетской жизни, покоившіеся въ теченіе довольно продолжительнаго времени на строго научномъ духѣ преподаванія, тѣсной связи учившихъ и учившихся и на той необходимой долѣ свободы, безъ которой немыслимы ни настоящее обученіе, ни правильное воспитаніе.

Въ общемъ дерптскіе профессора любили мѣсто своей дѣятельности и дорожили имъ; университетъ и общая работа въ немъ представлялись имъ на столько цѣнными, что во имя ихъ смолкали, когда было нужно, внутреннія разногласія, въ которыхъ, конечно, не было недостатка, какъ и въ предшествующій періодъ, въ довольно широкой университетской средѣ, составлявшейся изъ лицъ различнаго происхожденія и политическаго подданства, разныхъ направленій, характеровъ и взглядовъ на задачи своей дѣятельности. Мы видѣли уже, что при реформѣ графа Уварова въ 1830-хъ и 40-хъ

1) Русское Слово 1859. № 4. смѣсь, стр. 75—76.

годахъ мнѣнія объ ея оцѣнкѣ въ профессорской средѣ раздѣлились; основные внутренніе мотивы этого раздѣленія давали себя чувствовать и по другимъ, менѣе исключительнымъ, поводамъ въ университетской жизни; тѣмъ не менѣе въ общемъ профессорская среда обнаруживала довольно единодушную склонность къ удержанію сложившихся временемъ преданій университетской жизни, разсматривая Дерптскій университетъ внѣ другихъ университетовъ имперіи и съ недовѣріемъ относясь къ тѣмъ нововведеніямъ, которыя примѣнялись къ послѣднимъ. Это чувство обособленности не только повліяло, какъ мы видѣли, на успѣхъ уваровской реформы, но было причиною выдѣленія Дерптскаго университета и при иныхъ правительственныхъ мѣропріятіяхъ какъ въ это, такъ и въ ближайшее затѣмъ время, а также и при другихъ случаяхъ.

Такъ не коснулись Дерптскаго университета: Положеніе о производствѣ въ ученыя степени 6 апрѣля 1844 года, Положеніе о возвышеніи платы за ученье 31 декабря 1848 года, нѣкоторыя мѣры относительно университетовъ 11 октября 1849 года[1]). Интересно отмѣтить тутъ еще слѣдующее обстоятельство. Въ сентябрѣ 1837 года нѣсколько профессоровъ (Нейе, Эрдманъ, Блюмъ, Отто, Г. Ф. Бунге и Фолькманъ) заявили попечителю о желательности установить между учеными Прибалтійскаго края и Финляндіи періодическіе съѣзды для общихъ научныхъ работъ и для личнаго между собою знакомства; такіе съѣзды предложено было устраивать въ какомъ-либо изъ городовъ Финляндіи или Прибалтійскаго края, причемъ съѣздъ можетъ продолжаться три дня, во время которыхъ будутъ читаться заготовленные ранѣе научные рефераты, общаго и спеціальнаго характера, въ присутствіи посторонней образованной публики. Попечитель Крафстремъ сдѣлалъ объ этомъ представленіе

---

1) Сборникъ постановленій, II. 2, ст. 476. 1023. 1104. 1144—1145.

министру народнаго просвѣщенія, который однакоже разъяснилъ, что въ подобные съѣзды желательно включить и другіе русскіе университеты и мѣстомъ ихъ назначать не одни только города Прибалтійскаго края и Финляндіи, но и другіе русскіе города; однако иниціаторы съѣздовъ высказались противъ равноправнаго участія въ нихъ русскихъ университетовъ, и дѣло дальнѣйшаго движенія не имѣло.

Впрочемъ, стремленіе къ организаціи въ цѣляхъ научно-литературнаго общенія, хотя и въ болѣе ограниченной формѣ, вскорѣ получило свое осуществленіе.

Въ 1831 году положено было начало ежемѣсячнымъ собраніямъ профессоровъ и преподавателей университета, на которыхъ дѣлались сообщенія и велись бесѣды по самымъ разнообразнымъ научнымъ вопросамъ; на собранія эти допускались и посторонніе гости. Позднѣе, въ концѣ 1830-хъ годовъ, изъ этихъ собраній возникаютъ болѣе спеціальные кружки „для взаимнаго сообщенія ученыхъ наблюденій и мнѣній“ профессоровъ юридическаго, философскаго и медицинскаго факультетовъ; затѣмъ, натуралисты философскаго факультета образовали одну группу съ медиками; былъ особый кружокъ и у богослововъ. Собранія эти имѣли совершенно частный характеръ. Въ тѣсной связи съ этими научными кружками находится и основаніе въ Дерптѣ двухъ ученыхъ обществъ, въ которыхъ нашло себѣ средства сближенія съ университетской средой въ болѣе широкихъ размѣрахъ и внѣуниверситетское образованное общество, въ цѣляхъ научнаго изученія края и общественной дѣятельности на его пользу въ разныхъ отношеніяхъ; это именно были „Ученое эстонское общество въ Дерптѣ“ и „Дерптское общество естествоиспытателей.“

Первое начало „Ученому эстонскому обществу“ положено было 18 января 1838 года, когда группа изъ 19 лицъ (11 пасторовъ, 4 профессора и 4 „литерата“) задумали соединиться въ особую организацію, съ цѣлію изученія прошлаго и современнаго состоянія эстонскаго народа, его языка и литературы, исторіи, этнографіи, быта. Уставъ

Общества утвержденъ былъ министромъ народнаго просвѣщенія 7 января 1839 года, при чемъ оно признано было „состоящимъ при Императорскомъ Дерптскомъ университетѣ" (§ 1), и президентъ его долженъ былъ ежегодно получать утвержденіе министра народнаго просвѣщенія (§ 16) [1]. Четыре упомянутые профессора, явившіеся членами-учредителями Общества, были Ф. Г. Бунге, фонъ-Гукъ, Крузе и Германъ; интересно отмѣтить, что въ числѣ четырехъ „литератовъ" былъ и извѣстный впослѣдствіи славистъ и петербургскій профессоръ П. И. Прейсъ, бывшій тогда старшимъ учителемъ въ Дерптской гимназіи. Первымъ предсѣдателемъ Общества избранъ былъ пасторъ К. Г. Геве (1838—1841), за которымъ слѣдовали въ теченіе описываемаго времени: фонъ-Гукъ (1841—1842), А. Ганзенъ (1842—1843), Ф. Р. Фельманъ (1843—1850), фонъ-Рейнталь (1850—1853), Г. М. Санто (1853—1856), баронъ фонъ-Бруйнингъ (1857—1859), проф. Тобинъ (1859—1860), Ѳ. Бейзе (1860—1861), проф. Ширренъ (1861—1864) и проф. Энгельманъ (1864—1867). Общество долгое время не имѣло своего постояннаго помѣщенія, и засѣданія происходили сначала на частныхъ квартирахъ членовъ, потомъ въ одной изъ комнатъ „Академической Муссы", въ зданіи Уѣзднаго училища и въ разныхъ наемныхъ помѣщеніяхъ; наконецъ, въ 1860 году Общество получило для своихъ засѣданій, а также образовавшейся библіотеки и научныхъ коллекцій, помѣщеніе въ учрежденномъ въ 1843 году университетскомъ Музеѣ отечественныхъ древностей, который, слившись въ коллекціями Общества, перенесенъ былъ въ 1870 году изъ главнаго зданія университета въ т. наз. „старое университетское зданіе", гдѣ Общество, его музей и библіотека находятся и въ настоящее время. Въ первые 20 лѣтъ существованія Общества его дѣятельность сосредото-

---

1) Сборникъ распоряженій, II. 360—363.

чивалась главнымъ образомъ на собираніи матеріаловъ для изученія эстонской части Прибалтійскаго края въ отношеніяхъ археологическомъ, историческомъ, лингвистическомъ, литературномъ, этнографическомъ и бытовомъ; кромѣ того, Общество издавало популярныя брошюры для народа на нѣмецкомъ языкѣ по разнымъ практическимъ вопросамъ, буквари, календари и т. п. и организовало склады этихъ изданій не только въ Дерптѣ, но и въ другихъ городахъ края, какъ Ревель, Перновъ, Феллинъ, Верро и Везенбергъ. Въ отношеніи онѣмеченія эстонскаго народа дѣятельность эта имѣла большое значеніе. Затѣмъ Общество перешло къ задачамъ научнаго изученія прошлаго эстонскаго народа въ указанныхъ выше отношеніяхъ, и наиболѣе значительнымъ плодомъ этого новаго направленія въ его дѣятельности является въ 1861 году нѣмецкое изданіе народнаго эпоса эстовъ „Kalewipoeg" трудами Ф. Р. Крейцвальда, К. Рейнталя и д-ра Бертрама. Общество, кромѣ того, выпускало отъ себя два и нынѣ существующихъ періодическихъ изданія: съ 1840 года „Verhandlungen der Gelehrten Estnischen Gesellschaft zu Dorpat" и съ 1861 года „Sitzungsberichte der G. E. G. zu Dorpat", а въ самомъ концѣ описываемаго періода еще и третье „Schriften der G. E. G. zu Dorpat", съ 1863 по 1869 годъ.

26 октября 1863 года утвержденъ былъ для Общества новый уставъ, введенный временно въ силу еще съ 1860 года[1]).

Еще тѣснѣе связано было съ университетомъ, по условіямъ своего первоначальнаго возникновенія, „Дерптское общество естествоиспытателей", явившееся сначала какъ вспомогательное отдѣленіе уже существовавшаго ранѣе, независимо отъ университета, Лифляндскаго Экономическаго

1) A. Hasselblatt. Rückschau auf die 50-jährige Thätigkeit der Gelehrten Estnischen Gesellschaft, въ „Sitzungsberichte der G. E. G. zu Dorpat" 1888. Dorpat 1889, стр. 16—20. 25—28.

Общества. Именно, 30 мая 1851 года 11 лицъ, изъ которыхъ 10 принадлежало къ преподавательскому персоналу университета, внесли въ Лифляндское Экономическое Общество предложеніе основать при немъ отдѣленіе, которое посвятило бы свои силы всестороннему научному изслѣдованію Прибалтійскаго края въ отношеніи природы и климата и явилось бы, такимъ образомъ, на помощь тѣмъ сельско-хозяйственнымъ практическимъ задачамъ, которымъ посвящена была дѣятельность Экономическаго Общества. Лица эти были: президентъ Общества К. Э. фонъ-Липгардтъ, профессоръ А. фонъ-Бунге, Кемцъ, К. Шмидтъ, Бухгеймъ, Петцольдъ, Медлеръ, Рейхертъ и Грубе и приватъ-доценты Шренкъ и Асмусъ. Общество, заслушавши это предложеніе въ своемъ засѣданіи 5 іюня 1851 года, отнеслось къ нему съ полнымъ сочувствіемъ; немедленно приступлено было къ выработкѣ устава, который и утвержденъ былъ министромъ народнаго просвѣщенія 4 апрѣля 1853 года [1]). 28 сентября 1853 года состоялось первое засѣданіе „Дерптскаго общества естествоиспытателей", при чемъ фонъ-Липгардтъ избранъ былъ предсѣдателемъ, а профессора Бунге и Грубе и приватъ-доцентъ Шренкъ вошли въ составъ его Совѣта. Одновременно съ возникновеніемъ Общества положено было начало и его научнымъ коллекціямъ, первыми вкладами въ которыя явились пожертвованія А. Г. Шренка, А. фонъ-Бунге и нѣкоторыхъ другихъ лицъ [1]). Съ 1854 года началъ издаваться Обществомъ „Archiv für Naturkunde Liv-, Est- und Kurland", а въ 1861 году вышелъ первый томъ другого періодическаго изданія Общества „Sitzungsberichte der Naturforscher-Gesellschaft zu Dorpat". Общество Естествоиспытателей существовало при Лифляндскомъ Экономическомъ Об-

1) Сборникъ постановленій, II. 2, ст. 1470—1477.

2) Die Dorpater Naturforschergesellschaft als Filialverein de- Livländischen gemeinnützigen und ökonomischen Societät, въ „Sitr zungsberichte der Naturforschergesellschaft zu Dorpat in den Jahren 1853 bis 1860" (Dorpat 1861), стр. 3—16.

ществѣ и пользовалось отъ него помѣщеніемъ и денежной ежегодной субсидіей по 300 р. до 1868 года, а затѣмъ продолжало и продолжаетъ свое существованіе самостоятельно.

Такимъ образомъ, оба эти общества, „Ученое Эстонское Общество“ и „Общество Естествоиспытателей“, явились средоточіемъ научныхъ интересовъ университетской и внѣуниверситетской образованной дерптской среды для совмѣстной работы надъ изученіемъ прошлаго и настоящаго состоянія Прибалтійскаго края, главнымъ образомъ его эстонской части, какъ въ историко-филологическомъ, такъ и естествовѣдномъ отношеніяхъ; въ нихъ вошли и работали многіе изъ представителей физико-математическаго и историко-филологическаго факультетовъ.

На этой же почвѣ живыхъ научныхъ интересовъ возникли литературныя предпріятія по почину и при ближайшемъ участіи членовъ богословскаго и юридическаго факультетовъ. Съ 1838 года стали выходить въ Дерптѣ подъ редакціей проф. К. X. Ульмана „Mittheilungen und Nachrichten für die evangelische Geistlichkeit“, а съ 1840 года, въ Дерптѣ же, профессора Ф. Г. Бунге и фонъ-Мадаи начали издавать „Theoretisch-praktische Erörterungen aus den in Liv-, Est- und Kurland geltenden Rechten“.

Кромѣ того, группою профессоровъ издавались съ 1834 года „Dorpater Jahrbücher für Litteratur, Statistik und Kunst, besonders Russlands“, а съ 1836 года профессоръ Ф. Г. Бунге сталъ издавать въ Дерптѣ еженедѣльный журналъ „Inland“, посвященный главнымъ образомъ мѣстной исторіи, географіи, статистикѣ и литературѣ; какъ изданіе общаго характера, этотъ журналъ пользовался широкимъ распространеніемъ въ краѣ и продолжалъ издаваться, подъ редакціей разныхъ лицъ, до 1863 года.

Немало жизни въ профессорскую среду вносили и путешествія съ научной цѣлію членовъ преподавательской корпораціи университета, сопровождавшіяся иногда

важными пріобрѣтеніями для науки, сужденія о которыхъ, впрочемъ, выходятъ за предѣлы нашей задачи. Кромѣ упомянутыхъ уже ранѣе предпріятій профессоровъ Струве, Эшпольца, Энгельгардта и Фр. Паррота, выполненныхъ при помощи студентовъ, здѣсь можно еще припомнить: путешествіе проф. Ледебура въ 1826 году для ботаническихъ изслѣдованій на Алтай, проф. Фр. Паррота въ 1837 году къ Нордъ-Капу, проф. Крузе въ 1843 году, для археологическихъ изслѣдованій, на западные берега озера Пейпуса, проф. Абихта въ 1844 году въ Закавказье для изслѣдованія вулканическаго образованія земли и геологическихъ явленій возвышенныхъ мѣстъ Арменіи, проф. Кемца въ 1847 году въ Финляндію для изслѣдованій земного магнетизма, проф. Петцольда въ 1855 году въ восточныя и южныя губерніи Россіи для наблюденій надъ веденіемъ тамъ сельскаго хозяйства. Многія поѣздки спеціально имѣли въ виду изученіе Прибалтійскаго края и сосѣднихъ мѣстностей въ разныхъ отношеніяхъ, напр. въ 1839 году — проф. Крузе ѣздилъ для археологическихъ изслѣдованій въ губерніи Эстляндскую, Лифляндскую и Курляндскую и проф. Ф. Г. Бунге въ Ревель для архивныхъ занятій по исторіи мѣстнаго права, въ 1842 — проф. А. Бунге для ботаническихъ изслѣдованій въ Эстляндію и Лифляндію и проф. Крузе — въ Ревель для занятій по мѣстной исторіи края, въ 1844 — проф. Штремме въ Эстляндскую и Псковскую губерніи для ознакомленія со способами веденія построекъ, въ 1854 — проф. Кемцъ въ Лифляндскую губернію для опредѣленія и точнѣйшаго обозначенія горныхъ высотъ, въ 1855 — проф. Гревингъ въ Курляндскую и Ковенскую губерніи для геогностическихъ изслѣдованій и т. п.; немало было совершено путешествій и въ разныя страны Западной Европы, напр. профессорами Шмальцемъ (1842), Гебелемъ (1843), Рейхертомъ (1847), Шмидтомъ, Кемцемъ и Рейснеромъ (1855).

Здѣсь должно отмѣтить и нерѣдко читавшіяся про-

фессорами публичныя лекціи, обыкновенно въ пользу какого-либо изъ мѣстныхъ благотворительныхъ учрежденій: такъ, въ 1839 году проф. Блумъ читалъ „О новѣйшей исторіи со временъ реформаціи"; въ 1840 году — проф. Фолькманъ „О явленіяхъ и законахъ жизни природы", въ 1843 году — проф. Медлеръ „О солнечной системѣ" и „О туманныхъ пятнахъ", проф. Абихтъ „О допотопныхъ животныхъ", проф. Штремме „О греческомъ театрѣ". Если присоединить къ этому довольно частое общеніе профессоровъ между собою въ семейной обстановкѣ на т. наз. „чайныхъ собраніяхъ", съ участіемъ студенчества и городскихъ обывателей изъ образованнаго класса, то должно признать, что тогдашняя профессорская жизнь въ Дерптѣ, особенно съ конца 1830-хъ годовъ, отличалась значительнымъ оживленіемъ и вполнѣ отвѣчала тому особому и почетному положенію, которое занималъ университетъ въ городѣ и въ краѣ. Указанный характеръ дерптской университетской жизни подалъ даже поводъ одному изъ ея мѣстныхъ наблюдателей увидѣть, конечно не безъ преувеличенія, въ Дерптѣ того времени „ein kleines Paris vor der Revolutionszeit", съ оговоркой однакоже, что дерптская общественность не заключала въ себѣ политическихъ элементовъ [1]).

Студенческая общественная жизнь протекала въ тѣсной связи съ жизнью профессоровъ и цѣлаго университета. Мы уже видѣли выше (стр. 541), что студенты позволяли себѣ разнаго рода недозволенныя выходки также и по отношенію къ нѣкоторымъ профессорамъ, какъ въ зданіи университета, такъ и внѣ его, при чемъ обыкновенно проступки эти не имѣли характера сознательной и острой враждебности, а являлись лишь формой выраженія того неупорядоченнаго состоянія

1) (Carl Brandt). Reminiscenzen aus meiner Vergangenheit. I Heft. Reval (1844), стр. 38.

студенческой дисциплины въ описываемое время, о которомъ мы уже упоминали. Бывали, съ другой стороны, и сочувственныя манифестаціи отъ студентовъ къ нѣкоторымъ, особенно уважаемымъ, профессорамъ, какъ ректоры Эверсъ и Мойеръ, профессора Моргенштернъ, Еше, Ледебуръ и другіе. Такимъ лицамъ студенты устраивали публичныя, передъ домомъ, привѣтствія, иногда съ факелами и при пѣніи традиціонныхъ пѣсенъ; это были вечернія серенады, такъ наз. „Ständchen", „Vivat". Одна такая серенада заслуживаетъ здѣсь особаго упоминанія, такъ какъ повлекла за собою печальныя и весьма серьезныя послѣдствія для нѣскольких членовъ профессорской корпораціи: это именно извѣстное въ лѣтописяхъ университета дѣло съ поднесеніемъ бокала бывшему ректору Ульману.

Когда профессоръ практическаго богословія Ульманъ оставилъ въ 1842 году ректорство и послѣ него избранъ былъ профессоръ физіологіи Фолькманъ, то студенты, въ знакъ своего уваженія къ бывшему главѣ университета, принимавшему особое участіе въ интересахъ студентовъ и студенческихъ корпорацій, рѣшили выразить ему свои симпатіи публичнымъ чествованіемъ, на которое и получили отъ ректора разрѣшеніе. Мысль эта приведена была ими въ исполненіе 1 ноября 1842 года: они пропѣли передъ квартирой проф. Ульмана серенаду, при которой присутствовало, кромѣ 16 получившихъ формальное разрѣшеніе участниковъ ея, еще много другихъ студентовъ и посторонней городской публики, и поднесли Ульману ранѣе заказанный въ Петербургѣ по подпискѣ серебряный бокалъ; при этомъ спѣта была обычная въ такихъ случаяхъ пѣсня „Was ist des Deutschen Vaterland", а профессоръ Ульманъ, благодаря за подарокъ, сказалъ студентамъ небольшую рѣчь. Содержаніе этой рѣчи, вскорѣ послѣ событія, передано было въ Петербургъ въ такомъ смыслѣ, что въ ней допущены были неудобныя съ точки зрѣнія политической лояльности выраженія о „вѣрности отечеству", о „нѣмецкомъ сердцѣ." Попечитель Крафстремъ,

ничего не подозрѣвавшій, получилъ отъ министра графа Уварова предложеніе произвести разслѣдованіе и допросить какъ ректора Фолькмана и профессора Ульмана, такъ и студентовъ, участвовавшихъ въ поднесеніи подарка; собранныя свѣдѣнія и отвѣты названныхъ лицъ на поставленные вопросы немедленно были отправлены съ пріѣхавшимъ за ними нарочнымъ курьеромъ въ Петербургъ, а 16 ноября того же 1842 года состоялась высочайшая резолюція, торжественно прочтенная попечителемъ въ полномъ экстренномъ собраніи университетскаго совѣта. Согласно этой резолюціи, самому попечителю Крафстрему сдѣлано было замѣчаніе за то, что онъ не воспользовался имѣвшимися въ его распоряженіи средствами для недопущенія студентовъ до этого недозволеннаго поступка; ректоръ Фолькманъ, разрѣшившій студентамъ поднесеніе бокала, былъ уволенъ отъ должности ректора, при чемъ совѣту предписывалось немедленно же приступить къ выбору ему преемника; проф. Ульманъ за принятіе недозволеннаго закономъ, безъ особаго высочайшаго разрѣшенія, подарка, въ качествѣ начальника отъ подчиненныхъ ему лицъ, былъ отрѣшенъ отъ должности профессора, съ обязательствомъ немедленно оставить Дерптъ; наконецъ, деканъ юридическаго факультета проф. Бунге, за невѣрное толкованіе имъ упомянутаго закона, получилъ строгое замѣчаніе и переводъ профессоромъ въ Казанскій университетъ. Что же касается участвовавшихъ въ поднесеніи бокала студентовъ, то они были освобождены отъ всякаго наказанія въ виду того, что приготовлялись къ этому совершенно явно и не получили отъ своего начальства ни запрещенія, ни даже предостереженія. Самый бокалъ повелѣно было передать въ Приказъ общественнаго призрѣнія въ Ригѣ.

Но исполненіемъ этой резолюціи, при чемъ проф. Бунге, отказавшись отъ Казани, вышелъ въ отставку, дѣло не ограничилось: по принципіальному отношенію къ нему, оставили университетъ также профессоръ уголовнаго права

фонъ-Мадаи и профессоръ классической филологіи Преллеръ, при чемъ первый вскорѣ же далъ въ одномъ изъ заграничныхъ періодическихъ изданій („Augsburger Allgemeine Zeitung“ 1843, №№ 172—173) подробное изложеніе дѣла профессора Ульмана со своей точки зрѣнія [1]).

По тому впечатлѣнію, которое произвело это дѣло въ Дерптѣ, въ краѣ и въ Петербургѣ, его можно сравнить съ погромомъ 1816 года по поводу присужденія юридическимъ факультетомъ докторскихъ дипломовъ; внезапныя перемѣны въ профессорской средѣ, явившіяся результатомъ дѣла Ульмана, были на этотъ разъ не менѣе значительны, чѣмъ въ 1816 году, и подобно тому, какъ тогда говорили о возможномъ закрытіи университета, такъ объ этомъ же стали говорить и въ 1842 году. Кромѣ того, такъ какъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ этой исторіи былъ членъ богословскаго факультета, то у графа Уварова возникла даже мысль о переводѣ богословскаго факультета изъ Дерпта въ Ревель, и для разсмотрѣнія этого вопроса учреждена была, подъ предсѣдательствомъ графа Бенкендорфа, особая комиссія изъ министра внутреннихъ дѣлъ Перовскаго, графа Уварова и графа Тизенгаузена; графъ Уваровъ предлагалъ именно, вмѣсто богословскаго факультета въ Дерптѣ, устроить богословскую академію въ Ревелѣ, въ составѣ четырехъ профессоровъ, трехъ лекторовъ и двухъ адъюнктъ-профессоровъ; но комиссія, особено въ лицѣ графа Тизенгаузена, отнеслась несочувственно къ этому проекту, и рѣшено было все оставить попрежнему [2]).

Главнымъ мѣстомъ соприкосновенія студенческой среды съ профессорами и образованнымъ классомъ городского

---

1) Архивъ Канцеляріи Попечителя Р. У. О: „Университетскій архивъ“ № 503; Fünfzig Jahre russischer Verwaltung in den Baltischen Provinzen. Leipzig 1883, стр. 36—41.

2) St. Petersburger Briefe eines kurländischen Candidaten. „Baltische Monatsschrift“, B. XXXIII. 1886, стр. 146. 150. 305.

общества служила „Академическая Мусса“, основанная, какъ мы уже знаемъ, въ 1814 году. Въ теченіе описываемаго времени первый уставъ этого общества, вслѣдствіе указаній практики, замѣненъ былъ послѣдовательно двумя новыми, 30 сентября 1840 года и 20 февраля 1857 года. До 1839 года Общество помѣщалось въ разныхъ наемныхъ помѣщеніяхъ, но въ этомъ году, какъ уже упомянуто, купленъ былъ университетомъ домъ Левенштерна, бывшій нѣкогда фонъ-Бока, который послужилъ нуждамъ университета при самомъ его открытіи, еще до постройки главнаго университетскаго зданія; подлежавшая выплатѣ изъ экономическихъ средствъ университета въ продолженіе 37 лѣтъ сумма въ 65,000 р. должна была быть возвращена университету Обществомъ постепенно, въ видѣ наемной платы. Когда въ 1845 году предпринята была перестройка клиническаго зданія, то помѣщеніе Академической Муссы было предоставлено подъ клиники, которыя помѣщались въ немъ до окончанія постройки послѣднихъ въ 1847 году; вслѣдъ за тѣмъ, когда въ 1848 году въ Дерптѣ открыто было Ветеринарное Училище, то, до постройки для него особаго зданія, оно было помѣщено въ домѣ Академической Муссы, что продолжалось до 20 октября 1856 года, когда Мусса, послѣ двѣнадцатилѣтняго перерыва, возобновила свое существованіе. За исключеніемъ этого времени, съ 1845 по 1856 годъ, Мусса занимала большую часть предоставленнаго ей дома, и только весьма немногими комнатами располагалъ университетъ, предоставляя ихъ то для Фармацевтическаго Института, то для квартиры оберъ-педеля, то для аудиторій.

Изъ заслуживающихъ вниманія событій внутренней жизни Муссы должно здѣсь упомянуть объ оживленно обсуждавшемся какъ въ средѣ ея администраціи, такъ и въ университетскомъ совѣтѣ вопросѣ касательно юрисдикціи ея членовъ: какому суду должны подлежать возникавшія между членами Муссы дѣла, университетскому или общему;

вопросъ этотъ университетскій судъ и совѣтъ рѣшали, хотя и не единогласно, въ послѣднемъ смыслѣ, такъ какъ среди членовъ Муссы было немало лицъ, не принадлежавшихъ къ университету, а администрація Муссы — въ первомъ, въ виду того мотива, что Мусса въ полномъ своемъ составѣ, какъ „persona moralis", принадлежитъ къ университету; окончательное рѣшеніе его явилось лишь позднѣе, въ § 2 устава 1840 года, по которому члены Общества должны были подлежать университетской юрисдикціи. Въ 1842—44 годахъ возбуждалъ горячія пренія вопросъ о способѣ избранія въ члены Муссы изъ „публики", т. е. изъ лицъ, не принадлежавшихъ по своему общественному положенію къ университету; многіе изъ „публики" протестовали противъ участія въ этихъ выборахъ студентовъ, которые своей численностью оказывали нерѣдко рѣшительное вліяніе на исходъ избранія и тѣмъ подавали поводъ къ обидной для неизбранныхъ кандидатовъ квалификаціи ихъ со стороны студенчества; въ связи съ этимъ возникалъ вопросъ о несообразности участія студентовъ и „публики" въ выборахъ въ члены Муссы профессоровъ университета, такъ какъ вступленіе послѣднихъ въ Общество могло быть для него только честью и не должно бы подвергаться случайностямъ обычной баллотировки. Но студенты вышли изъ неоднократнаго обсужденія этихъ вопросовъ въ спеціальныхъ коммиссіяхъ безъ особыхъ со своей стороны уступокъ и удержали за собою прежнія свои права, предоставленныя имъ уставомъ Академической Муссы. Жалобы публики на указанное положеніе студентовъ въ Муссѣ были, повидимому, небезосновательны, что видно, между прочимъ, изъ указанія попечителя 4 ноября 1842 года на достойное сожалѣнія замѣтное уменьшеніе числа членовъ Муссы изъ „публики", и вообще въ началѣ 1840-хъ годовъ Мусса переживала, вслѣдствіе внутреннихъ неурядицъ, критическое время, такъ что наступившій затѣмъ вскорѣ двѣнадцатилѣтній перерывъ въ ея существованіи долженъ быть объясненъ не

нуждой употребить ея помѣщеніе для другихъ цѣлей, а иными, болѣе серьезными мотивами. Упомянутыя недоразумѣнія между членами изъ „публики“ и студентами продолжались однакоже и послѣ возобновленія Муссы въ 1856 году; именно, 19 января 1861 года попечитель фонъ-Брадке съ неодобреніемъ указывалъ университету на фактъ выхода изъ членовъ Муссы многихъ, не принадлежащихъ къ университету, вслѣдствіе неприличнаго поведенія въ ней студентовъ, и выражалъ даже мнѣніе, что лучше ужъ совсѣмъ закрыть это Общество, чѣмъ допускать въ немъ подобнаго рода прискорбныя явленія.

Подобно первому періоду, и въ описываемое время Академическая Мусса имѣла вполнѣ характеръ университетскаго клуба, въ которомъ члены собирались для совмѣстнаго препровожденія времени, и гдѣ устраивались балы, концерты, публичныя лекціи и т. п. Не малую роль играли тутъ и театральныя представленія, о которыхъ, въ дополненіе къ вышеприведенному (стр. 282—286), слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ, въ виду того особаго положенія, которое и въ описываемый періодъ продолжалъ занимать вопросъ о театральныхъ представленіяхъ въ Дерптѣ въ отношеніи къ студентамъ и къ университету.

Высочайшими повелѣніями 1804 и 1812 годовъ были запрещены публичныя театральныя представленія въ Дерптѣ, въ виду возможности дурного вліянія ихъ на нравственность и поведеніе студентовъ; вмѣстѣ съ этимъ, студентамъ запрещалось принимать какое-либо активное участіе и въ частныхъ любительскихъ спектакляхъ. Эта точка зрѣнія въ общемъ господствовала долгое время и позднѣе. Когда въ 1824 году княгиня Барклай-де-Толли хотѣла устроить, въ пользу Женскаго вспомогательнаго Общества въ Дерптѣ, нѣсколько спектаклей съ участіемъ въ нихъ студентовъ, то, несмотря на согласіе генералъ-губернатора маркиза Паулучи, ректоръ Эверсъ воспротивился этому; вопросъ былъ доложенъ 30 ноября 1824 министромъ народнаго просвѣщенія

Государю, со стороны котораго на участіе студентовъ въ театральныхъ представленіяхъ разрѣшенія не послѣдовало [1]). Въ 1827 году, когда нѣсколько дерптскихъ горожанъ изъ средняго класса организовали кружокъ для частныхъ безплатныхъ представленій и желали привлечь къ участію въ немъ студентовъ, то ректоръ Эверсъ, на вопросъ о послѣднемъ маркиза Паулучи, отвѣчалъ отрицательно, ссылаясь на то, что общеніе студентовъ съ упомянутымъ классомъ горожанъ не можетъ быть для нихъ полезно въ образовательномъ отношеніи; вопросъ восходилъ на сужденіе министра народнаго просвѣщенія, который высказался согласно съ ректоромъ, о чемъ и оповѣщены были студенты объявленіемъ на „черной доскѣ“ отъ 16 декабря 1827 года.

Однако, въ самой студенческой средѣ стремленіе къ театральнымъ развлеченіямъ было столь велико, что, при составленіи первоначальнаго временнаго текста „Правилъ для учащихся“, въ него внесены были §§ (71—73), разрѣшавшіе устройство „малыхъ драматическихъ представленій“ студентами въ Академической Муссѣ, съ тѣмъ однакоже условіемъ, чтобы выборъ піесъ и надзоръ за соблюденіемъ при представленіяхъ должной благопристойности лежалъ на ректорѣ университета и администраціи Муссы, и чтобы представленія эти допускались не болѣе 6 или 8 разъ въ годъ, безъ участія въ нихъ женскаго пола; эти постановленія вошли и въ окончательный текстъ „Правилъ“ 1838 года (§§ 63—65).

Впрочемъ, на возобновлявшіяся ходатайства съ разныхъ сторонъ, даже при поддержкѣ ихъ высшей гражданской властью въ краѣ, объ открытіи въ Дерптѣ, хотя бы во время университетскихъ вакацій, театральныхъ представленій, министерство народнаго просвѣщенія, согласно взглядамъ университетскаго начальства, давало отрицательные отвѣты; такъ было въ 1837, 1848, 1851 и 1854

1) Сборникъ постановленій, I. 1798.

годахъ. Въ 1856 году разрѣшено было антрепренеру Карлу Нилицу давать представленія въ вакаціонное время, въ трактирѣ „Zum weissen Ross", близъ Дерпта, и хотя въ послѣдующіе годы онъ обращался съ просьбой о дозволеніи ему представленій въ самомъ городѣ, однако получалъ постоянно отказы. Положеніе измѣнилось только тогда, когда 2 іюня 1867 года, по докладу министромъ внутреннихъ дѣлъ отзывовъ министра народнаго просвѣщенія и генералъ-губернатора Прибалтійскихъ губерній, послѣдовало высочайшее соизволеніе „разрѣшить пріѣзжающимъ въ Дерптъ труппамъ давать театральныя представленія въ такое время, какое по соглашенію мѣстной гражданской власти съ учебнымъ начальствомъ будетъ признано для того болѣе удобнымъ" [1]). Съ этого времени публичныя театральныя представленія дѣлаются возможными въ самомъ городѣ, при чемъ съ 1870 года руководство ими беретъ въ свои руки мѣстное „Ремесленное Общество": вмѣстѣ съ этимъ прекращается и прежнее весьма близкое отношеніе университета къ мѣстнымъ театральнымъ дѣламъ, являющееся весьма характерной особенностью жизни университета въ первые два періода его существованія, въ смыслѣ его преобладающаго вліянія на теченіе мѣстной внѣ-университетской жизни; описанныя театральныя дѣла являются яркимъ образчикомъ этого вліянія и иллюстраціей того взгляда, по которому городъ существовалъ почти исключительно для студентовъ, и интересы горожанъ не принимались въ соображеніе, если они казались противорѣчащими интересамъ студентовъ и университета [2]).

Не безъ связи съ жизнью „Академической Муссы" были и тѣ музыкальные кружки, въ которыхъ университетское

---

1) Сборникъ постановленій, IV. 479—480.

2) Архивъ Юрьевскаго Университета: Die Errichtung eines Theaters in Dorpat. V. I—II; Архивъ Канцеляріи Попечителя Рижскаго учебнаго Округа: „Университетскій Архивъ" № 237.

юношество находило новые случаи общенія съ профессорами, ихъ семьями и лицами изъ внѣ-университетской образованной среды. Именно, въ 1857 году формально утверждены были еще ранѣе фактически организовавшіяся „Музыкальное Общество“ (Musikalische Gesellschaft или иначе Orchesterverein) и „Университетское пѣвческое Общество“ (Academischer Gesangverein). Много потрудился для обоихъ этихъ обществъ университетскій преподаватель музыки Фридрихъ Бреннеръ, руководя ими сначала единолично, а потомъ, съ 1863 года, это руководство перешло въ руки особаго „правленія“ изъ профессоровъ и студентовъ; нѣкоторыя изъ дамъ приняли на себя хозяйственную часть. Общества эти существовали лишь на членскіе взносы. Музыкальныя упражненія происходили въ актовомъ залѣ университета каждую недѣлю; тамъ же давались и концерты; духовные концерты давались иногда и въ церквахъ.

Но главнѣйшей формой, которую получило стремленіе къ общественности среди студентовъ, являются въ описываемое время корпораціи; онѣ включали въ себя довольно значительную часть студенчества и не только опредѣляли собою многія стороны внѣшней и внутренней, общей и индивидуальной, жизни студента, но вліяли весьма рѣшительнымъ образомъ на общій складъ его воззрѣній, привычки, характеръ, занятія, создавали ему общественныя связи въ университетѣ и послѣ него и нерѣдко имѣли значеніе для всей его послѣдующей жизни. Въ данное время корпораціи въ Дерптѣ получили свое полное развитіе. Не находя возможнымъ входить здѣсь въ этотъ вопросъ подробно, мы остановимся на немъ лишь въ главныхъ его чертахъ.

Мы уже видѣли выше (стр. 277—279), что въ дѣлѣ студенческой организаціи, которой придавали важное значеніе не одни только студенты, но также начальство университета и профессора, почти весь первый періодъ прошелъ въ борьбѣ за разные принципы этой организаціи; въ концѣ концовъ получилъ преобладаніе принципъ земляческій надъ обще-

студенческимъ и факультетскимъ. Особенно сильное развитіе получилъ земляческій принципъ среди курляндцевъ, и къ 8 сентября 1808 года относятъ они основаніе корпораціи Curonia [1]). Факультетскій принципъ, какъ неудовлетворявшій стремленіямъ студенчества и, послѣ кратковременнаго осуществленія, покинутый въ 1816 году, болѣе уже не являлся предметомъ обсужденій; но принципъ общестуденческій, безъ раздѣленія на землячества, находилъ себѣ немало сторонниковъ, которые въ концѣ перваго періода жизни университета стремились къ его осуществленію; онъ находилъ себѣ поддержку въ ректорѣ Гизе и въ самомъ попечителѣ князѣ Ливенѣ, которые въ 1817 году очень были заинтересованы въ успѣхѣ единой организаціи для всего дерптскаго студенчества. Необходимо замѣтить, что, кромѣ этихъ двухъ боровшихся между собою сторонъ, въ средѣ дерптскаго студенчества существовало немало и такихъ лицъ, которыя стояли за непринадлежность къ какой бы то ни было организаціи: это были т. наз. „дикіе" (Wilde), права которыхъ готовы были признать въ извѣстной степени и сторонники покинутой въ 1816 году факультетской организаціи, и защитники общестуденческаго принципа; строже и менѣе терпимо относились къ нимъ сторонники земляческаго принципа. Но именно этимъ послѣднимъ принадлежало будущее, и въ началѣ 1820-хъ годовъ, на почвѣ преобладанія упомянутаго принципа въ средѣ студенчества, основаны три новыхъ корпораціи: Estonia 7 сентября 1821 года, Livonia 20 сентября 1822 года и Fraternitas Rigensis 21 января 1823 года.

Стоя твердо на принципѣ земляческаго обособленія, обусловленнаго историческими и отчасти этнографическими обстоятельствами, корпораціонное студенчество однакоже не

---

1) Die Keimbildung der Dorpater Landsmannschaften. Eine kritisch-historische Untersuchung von Theodor Neander. Mitau 1884. стр. 15—25.

могло не видѣть необходимости извѣстнаго объединенія этихъ отдѣльныхъ частей, такъ какъ только при такомъ условіи оно могло имѣть соотвѣтствующее значеніе и вліяніе. Въ этомъ смыслѣ ранѣе другихъ къ „Куроніи“ примкнула „Эстонія“, а за ней „Ливонія“ и „Рижское Братство“; это послѣднее случилось 29 августа 1824 года, такъ что ко второй половинѣ 1820-хъ годовъ не только закончилась борьба общестуденческаго и земляческаго принциповъ за преобладающую роль въ дѣлѣ организаціи дерптскаго студенчества, но и было достигнуто соглашеніе упомянутыхъ принциповъ. Эти частныя соглашенія отдѣльныхъ корпорацій опирались на особыя „картели“, которыя замѣнилъ потомъ общій уставъ или „комманъ“. Въ началѣ 1830-хъ годовъ всѣ четыре названныя корпораціи согласились въ учрежденіи т. наз. „собранія уполномоченныхъ“, Chargirten-convent, который вскорѣ, не позднѣе 3 октября 1834 года, и былъ учрежденъ, являясь съ того времени центральнымъ административнымъ органомъ корпораціоннаго дерптскаго студенчества и объединяя всѣ корпораціи посредствомъ участія выборныхъ со стороны послѣднихъ въ его составѣ.

Кромѣ четырехъ названныхъ группъ, обусловившихъ собою возникновеніе упомянутыхъ корпорацій, болѣе или менѣе замѣтное мѣсто занимали въ университетѣ русскіе и поляки; обѣ группы также рѣшили объединиться въ корпораціи: такъ въ I сем. 1828 года возникла Polonia, а въ I сем. 1829 года Ruthenia (главнымъ образомъ по почину Н. М. Языкова), изъ которыхъ первая вошла въ составъ „собранія уполномоченныхъ“ въ 1834, а вторая въ 1835 году — впрочемъ въ томъ лишь смыслѣ, что „собраніе“ признало ихъ существованіе какъ корпорацій, не давая однакоже ихъ представителямъ мѣста и голоса въ своемъ составѣ.

Тридцатые годы могутъ быть названы счастливой эпохой для дерптскихъ корпорацій: къ концу этого десятилѣтія онѣ успѣли уже окончательно сложиться и окрѣпнуть,

прочно установить свою внѣшнюю организацію, привлечь въ свой составъ значительное число членовъ и пріобрѣсти большое вліяніе на всю студенческую массу. Не будучи разрѣшенными формально, онѣ тѣмъ не менѣе существовали и дѣйствовали совершенно явно, и начальство университета обращалось къ нимъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда требовались представители студенчества; даже попечитель Крафстремъ, относившійся въ началѣ своего управленія округомъ и университетомъ несочувственно къ корпораціямъ, совѣтуя въ одномъ изъ писемъ къ графу Уварову (отъ 17 іюля 1837 года) прекратить ихъ существованіе, впослѣдствіи измѣнилъ къ нимъ свое отношеніе; самому же министру народнаго просвѣщенія, въ бытность его въ Дерптѣ, корпораціи устроили, 21 мая 1833 года, т. наз. „виватъ", который былъ имъ благосклонно принятъ.

Но если въ тридцатые годы корпораціи въ Дерптѣ, пользуясь поддержкой или благосклонностью университета и высшаго начальства, сумѣли столько сдѣлать для упроченія своего внѣшняго существованія и спокойно пережить трудное время политическихъ движеній студенчества въ Германіи, то слѣдующее десятилѣтіе отмѣчено въ ихъ жизни возбужденіемъ нѣкоторыхъ важныхъ вопросовъ внутренняго характера. Общій умственный подъемъ подготовилъ къ сороковымъ годамъ и среди дерптскихъ корпорацій возникновеніе такихъ элементовъ, которые пожелали шире взглянуть на нѣкоторыя стороны корпораціонной жизни и подвергнуть критикѣ нѣкоторые изъ ея устоевъ; современныя религіозныя и философскія идеи гуманности и идеализма дали толчокъ къ критической провѣркѣ тѣхъ нравственныхъ принциповъ, на которыхъ покоилась корпораціонная жизнь. Самыми важными изъ поднятыхъ при этомъ вопросовъ были два: о равноправности всѣхъ студентовъ университета, независимо отъ ихъ принадлежности или непринадлежности къ какой-либо корпораціи, и о непринудительности дуэли.

Уже самая постановка перваго вопроса показываетъ,

что при существованіи корпорацій „дикіе“, т. е. некорпоранты, не считались полноправными членами студенческаго міра, что отражалось на многихъ подробностяхъ быта и случаяхъ личныхъ или общественныхъ къ нимъ отношеній; „собраніе уполномоченныхъ“ отъ корпорацій ставило себя во главѣ не только этихъ послѣднихъ, но и всего студенчества, требуя его нравственнаго и иногда формальнаго подчиненія своимъ взглядамъ и постановленіямъ. Но такъ какъ признаніе полноправности „дикихъ“ связано было, въ глазахъ многихъ, съ самымъ существованіемъ корпорацій и во всякомъ случаѣ съ объемомъ и силою ихъ вліянія, то вопросъ этотъ, въ полномъ его видѣ, не получилъ достаточнаго разрѣшенія въ теченіе всего описываемаго періода; уже въ самомъ концѣ его, 26 сентября 1862 года, 117 „дикихъ“ подали въ „собраніе уполномоченныхъ“ письменное заявленіе съ желаніемъ получить въ немъ мѣсто и голосъ подъ именемъ „представительства дикихъ“ (Wildenvertretung); уполномоченные представители корпорацій отнеслись къ этой просьбѣ весьма различно, и въ концѣ концовъ на нее было отвѣчено отказомъ. Этотъ случай наилучшимъ образомъ показываетъ, какую силу и вліяніе имѣло „собраніе уполномоченныхъ“ даже во мнѣніи тѣхъ студентовъ, которые не принадлежали ни къ одной изъ корпорацій.

Болѣе счастливую судьбу имѣлъ вопросъ о дуэли. Мы уже выше видѣли (стр. 538—540), какую значительную роль играла дуэль въ быту дерптскихъ студентовъ описываемаго времени. Для члена корпораціи она была нравственно обязательной во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда надо было защитить свою честь; а такіе случаи представлялись безпрестанно и нерѣдко создавались даже искусственно и безъ всякаго видимаго повода; довольно было корпоранту услышать сказанное ему въ лицо „dummer Junge“, чтобы имѣть не только нравственное право, но и обязанность вызвать обидчика на поединокъ; своей отвагой и готовностью защитить свою честь оружіемъ, юноша-корпорантъ долженъ

былъ доказать товарищамъ право свое находиться въ ихъ средѣ и пользоваться ихъ уваженіемъ; эта точка зрѣнія на дуэль исходила изъ отдаленныхъ преданій рыцарской эпохи и объяснялась до нѣкоторой степени всѣмъ складомъ жизни высшихъ общественныхъ слоевъ Прибалтійскаго края. Съ другой стороны, общіе успѣхи образованія, пустившіе въ практическій оборотъ жизни многія новыя нравственно-философскія идеи гуманности и свободы, неизбѣжно приводили къ тому логическому выводу, что поединокъ есть поступокъ, не только противный религіи и нравственности, но и совершенно недостаточный для достиженія той цѣли, ради которой онъ предпринимается. Обѣ эти точки зрѣнія, живо обсуждавшіяся въ устныхъ бесѣдахъ и въ печати, давали поводъ чрезвычайно-дѣятельному обмѣну мыслей въ дерптскомъ студенчествѣ конца тридцатыхъ и начала сороковыхъ годовъ [1]). Въ этихъ спорахъ принялъ участіе и профессоръ физіологіи Фолькманъ, выступившій 22 августа 1841 года въ университетѣ съ торжественной рѣчью, посвященной вопросу о поединкахъ [2]); въ ней онъ высказалъ свое полное отрицательное отношеніе къ этому устарѣлому пережитку прежнихъ временъ. Особенно дѣятельныхъ противниковъ

---

1) Насколько непримиримы были взгляды на дуэль въ эту переходную эпоху въ средѣ дерптскаго студенчества, показываетъ одинъ весьма характерный случай. Одинъ изъ „дикихъ", студентъ-медикъ К., пользовавшійся любовію и уваженіемъ товарищей, отказался принять вызовъ на дуэль по ничтожному поводу, считая это средство остаткомъ „варварства", недостойнымъ просвѣщеннаго человѣка и недостигающимъ своей цѣли; согласно обычаю, такой человѣкъ долженъ былъ подвергнуться позорному исключенію изъ товарищеской среды, но, въ виду безспорныхъ нравственныхъ достоинствъ даннаго лица, найденъ былъ компромиссъ въ такой оригинальной формѣ: студентъ- противникъ дуэли объявленъ былъ сумасшедшимъ, и этимъ дѣло было окончено: Eckardt, J. Die baltischen Provinzen Russlands, стр. 406—407.

2) Beitrag zur moralischen Würdigung des Zweikampfes. Festrede, gehalten am Krönungstage S. M. des Kaisers und Herrn Nicolai Pawlowitsch am 22 August 1841 im grossen Hörsaale der K. Universität Dorpat. Von Dr. A. W. Volkmann. Dorpat. 1841.

нашла себѣ дуэль въ средѣ студентовъ-богослововъ, исходившихъ главнымъ образомъ изъ религіозной точки зрѣнія; между ними находились положительные фанатики мысли о грѣховности дуэли, не только ведшіе пропаганду этой идеи обычнымъ способомъ, но выходившіе на площадь для публичнаго убѣжденія студентовъ, что поединокъ есть грѣхъ; на почвѣ студенческаго корпораціоннаго быта, отрицательный взглядъ на дуэль превращался въ вопросъ о „свободѣ совѣсти", т. е. о правѣ студента, не прибѣгая къ поединку, удерживать однакоже уваженіе къ себѣ товарищей; особенно дѣятельныхъ защитниковъ эти мысль о необязательности дуэли нашла себѣ въ членахъ образовавшагося въ 1843 году студенческаго кружка „Theologischer Abend" [1]).

Но такъ какъ дуэль являлась важнымъ практическимъ способомъ разрѣшенія вопросовъ объ оскорбленіи чести, то противники дуэли, отрицая ее въ принципѣ, должны были выставить вмѣсто нея другой способъ для достиженія той же цѣли: такимъ явился „судъ чести" (Ehrengericht). Именно, еще въ I сем. 1840 года одинъ изъ „дикихъ", Гугенбергеръ, вѣроятно не безъ вліянія профессора и тогдашняго ректора Ульмана, обратился къ студенчеству съ проектомъ объ образованіи „суда чести"; проектъ этотъ первоначально циркулировалъ среди студентовъ всего университета, и вскорѣ одной изъ корпорацій предложенъ былъ на обсужденіе въ „собраніи уполномоченныхъ"; послѣднимъ образована была для разсмотрѣнія и окончательной выработки проекта особая комиссія, и 21 мая 1841 года уже состоялось учрежденіе „суда чести", въ составѣ особыхъ „судей", посылаемыхъ по три отъ каждой корпораціи, въ томъ числѣ отъ „Полоніи" и „Рутеніи"; въ компетенцію этого суда входилъ разборъ вопросовъ о случаяхъ „обиды",

---

1) Kraus, Eberhard. Studentische Strömungen in den vierziger Jahren. Baltische Monatsschrift. B. XXXV. 1888, стр. 284—309.

признаніе или непризнаніе факта этой „обиды“ и посредничество между враждующими сторонами въ цѣляхъ примиренія; рѣшеніе его должно было считаться безапелляціоннымъ; первое засѣданіе этого суда состоялось 23 іюля 1841 года. Впрочемъ, учрежденіемъ „суда чести“ вопросъ о непринудительности поединка не былъ разрѣшенъ въ полномъ его объемѣ; въ составѣ корпорацій все-таки находилось еще много сторонниковъ примѣненія дуэли какъ наилучшаго суда чести, способнаго поддержать необходимую для студента „Burschikosität“; поэтому, продолжали существовать оба теченія, консервативное и либеральное, и во главѣ перваго стояла корпорація „Ливонія“, а во главѣ второго „Эстонія“. Конфликтъ между этими двумя теченіями повлекъ къ паденію „собранія уполномоченныхъ“, мѣсто котораго заступило болѣе широко и въ болѣе демократическомъ духѣ организованное 25 апрѣля 1847 года „собраніе представителей“ (Repräsentantenconvent), первымъ важнымъ дѣломъ котораго и было рѣшеніе вопроса о непринудительности дуэли въ силу внутренняго убѣжденія обиженнаго, 17 мая 1847 года; вопросъ этотъ рѣшенъ былъ 170 голосами противъ 50. Рѣшеніе это имѣло существенное вліяніе на уменьшеніе количества поединковъ между студентами [1]).

Однако существованіе „собранія представителей“ было недолговременно; уже въ концѣ 1849 года обнаружились, въ виду преобладанія консервативныхъ теченій въ студенчествѣ, попытки къ возстановленію прежняго „собранія уполномоченныхъ“, и, послѣ сдѣланныхъ съ обѣихъ сторонъ уступокъ, послѣдній дѣйствительно былъ возстановленъ, хотя и въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, 23 февраля 1850 года. Въ нѣкоторой связи съ успѣхомъ консервативныхъ началъ находится и возникновеніе 15 марта 1850 года

1) (Eduard Fehre). Geschichte der Fraternitas Rigensis, стр. 129.

новой корпораціи Baltica, которая, выдѣлившись изъ „Куроніи", основана была не на принципахъ землячества, а на аристократическихъ связяхъ [1]).

Пятидесятые годы отмѣчены въ исторіи дерптскихъ корпорацій важнымъ событіемъ: онѣ получаютъ офиціальное разрѣшеніе на свое существованіе.

Хотя, какъ уже не разъ было упомянуто, существованіе студенческихъ корпорацій въ Дерптѣ ни для кого не составляло тайны, однако въ первыя три десятилѣтія жизни университета формально онѣ никакимъ закономъ не были разрѣшены. Только въ 1834 году, въ виду открытаго въ 1833 году дерптскаго Burschenschaft'а, во временныя „Правила для учащихся" впервые внесена была глава „о частныхъ обществахъ между студентами", дозволявшая учрежденіе студенческихъ обществъ для „умственныхъ занятій" и „пріятнаго препровожденія времени"; общества эти поставлены были подъ надзоръ ректора университета; число членовъ въ каждомъ изъ нихъ не должно было превышать пятидесяти человѣкъ (§§ 66—70); въ окончательно утвержденныхъ „Правилахъ" 1838 года постановленія эти измѣнены были въ томъ смыслѣ, что дозволялись только студенческія общества, имѣющія „ученую цѣль"; они могли быть учреждаемы лишь „между студентами по факультетамъ" и состоять подъ „наблюденіемъ и управленіемъ избранныхъ для того профессоровъ" (§ 61). Корпораціи, по своему устройству, не подходили ни подъ одну изъ категорій, предусмотрѣнныхъ „Правилами" 1834 года, и не были составлены по факультетамъ, какъ того требовали „Правила" 1838 года; тѣмъ не менѣе онѣ продолжали существовать и развиваться; указаніемъ на то, какъ смотрѣли на корпораціи университетское и высшее начальство, можетъ служить

1) Axel von Gernet. Die Hauptmomente in der Geschichte des Chargirtenconvents. „Baltische Monatsschrift", B. XLI. 1894. стр. 376—396.

тотъ фактъ, что приглашенными на официальный юбилейный обѣдъ 12 декабря 1852 года студентами были именно представители существовавшихъ тогда корпорацій. Особенно благопріятнымъ для корпорацій оказалось время попечительства фонъ-Брадке, вступившаго въ управленіе округомъ и университетомъ въ 1854 году.

Первыя ограничительныя распоряженія фонъ-Брадке относительно студенческихъ сборищъ породили слухи, что новый попечитель желаетъ совершеннаго уничтоженія корпорацій въ Дерптѣ, но опасенія эти были совершенно напрасны.

Вскорѣ послѣ своего вступленія въ должность, онъ представилъ, 11 ноября 1844 года, записку министру касательно тогдашнихъ шести дерптскихъ корпорацій. По его собственнымъ словамъ, сообщаемыя тутъ свѣдѣнія собраны имъ „тайно и изъ-подъ руки". „Каждая корпорація — писалъ попечитель — имѣетъ трехъ уполномоченныхъ, одного судью по дѣламъ чести и одного старшину вновь принятыхъ студентовъ, а нѣкоторыя и особаго кассира; всѣ эти лица избираются на одинъ семестръ. Корпораціи имѣютъ свои правила, измѣняемыя лишь съ общаго согласія. Цѣль ихъ есть прекращеніе споровъ между студентами и предотвращеніе тѣмъ тѣхъ поединковъ, которые, по ихъ мнѣнію, не имѣютъ достаточнаго основанія, направленіе нравственности своихъ членовъ и разсужденіе о всѣхъ предметахъ, касающихся университетскаго ихъ быта. Разсужденія политическія во всѣхъ корпораціяхъ запрещены, и постановлено исключать изъ нихъ того, кто заговоритъ о политикѣ. . . Собранія корпорацій бываютъ въ началѣ каждаго семестра, а нѣсколько разъ въ году бываетъ собраніе уполномоченныхъ всѣхъ корпорацій. О собраніяхъ сихъ всегда объявлялось не излагая ихъ цѣли, и они разрѣшались въ видѣ дозволяемаго общаго увеселенія, съ соблюденіемъ лишь установленныхъ на сей предметъ правилъ. Въ этихъ собраніяхъ много ѣдятъ и пьютъ, а вредныя излишества предупреждаются надзоромъ педелей,

которые впрочемъ въ залу собранія не входятъ". Брадке полагалъ, что такъ какъ, съ одной стороны, внезапное закрытіе корпорацій неминуемо произведетъ въ краѣ „болѣзненное чувство", а съ другой „оставленіе корпорацій въ такомъ видѣ, въ какомъ онѣ теперь существуютъ, противно общимъ государственнымъ постановленіямъ и имѣетъ важное зло въ томъ, что пріучаетъ студентовъ къ дѣйствіямъ, скрываемымъ отъ правительства", то слѣдуетъ выработать для нихъ офиціальныя правила и разрѣшить существованіе ихъ открыто. Мысль фонъ-Брадке встрѣчена была въ министерствѣ безъ особаго сочувствія; въ отвѣтѣ своемъ А. С. Норовъ ссылался на отзывъ прежняго попечителя Крафстрема, который не находилъ вреда въ существующей организаціи студентовъ, и совѣтовалъ съ этимъ дѣломъ вообще не торопиться. Тогда Брадке обратился къ министру съ новымъ представленіемъ, отъ 12 января 1855 года, въ которомъ, настаивая на своемъ проектѣ, между прочимъ писалъ: „хотя я раздѣляю мнѣніе генерала Крафстрема о политической безвредности корпорацій, но тѣмъ не менѣе признаю нежелательнымъ скрытное ихъ существованіе въ видахъ государственныхъ и административныхъ." За этимъ представленіемъ послѣдовало отъ 16 января 1855 года третье, въ которомъ фонъ-Брадке даетъ министру справки о прошломъ корпорацій на основаніи ознакомленія съ архивнымъ матеріаломъ; справедливость требуетъ, впрочемъ, сказать, что справки эти были столь же неполны, какъ недостаточны и односторонни были и вышеприведенныя сужденія попечителя о современномъ состояніи корпорацій, собранныя имъ окольнымъ путемъ.

Не встрѣчая прямого противодѣйствія въ министерствѣ, фонъ-Брадке обратился къ мѣрамъ болѣе рѣшительнымъ.

19 февраля 1855 года онъ пригласилъ къ себѣ нѣсколькихъ профессоровъ университета для обсужденія вопроса о корпораціяхъ, которымъ попечитель пожелалъ доставить право законнаго существованія; онъ предложилъ

выработать и представить ему проектъ тѣхъ основаній, на которыхъ корпораціи могли бы существовать. Упомянутыя лица, которыя большею частію сами были нѣкогда членами корпорацій и сохраняли съ ними прежнія связи, немедленно передали желаніе попечителя „собранію уполномоченныхъ“, которое назначило отъ себя особую комиссію для занятія этимъ дѣломъ; въ эту комиссію вошло по два представителя отъ каждой изъ корпорацій: Curonia, Estonia, Livonia, Fraternitas Rigensis, Ruthenia и Baltica. Работа была ведена настолько быстро, что уже 9 марта 1855 года изготовленный комиссіей проектъ былъ представленъ попечителю, вмѣстѣ съ петиціей исхлопотать для корпорацій разрѣшеніе вполнѣ открытаго существованія. Попечитель принялъ депутацію, представившую ему эту петицію, весьма любезно и выразилъ свое предварительное согласіе на утвержденіе проекта; онъ высказался только противъ ношенія корпоративныхъ „цвѣтовъ“, но депутаты, придававшіе большую важность этому послѣднему обстоятельству, немедленно собрались для новыхъ совѣщаній и представили попечителю вопросъ о „цвѣтахъ“ въ такомъ видѣ, что онъ согласился на ихъ допущеніе и далъ обѣщаніе ходатайствовать объ утвержденіи представленнаго проекта.

Тогда фонъ-Брадке составилъ новую обширную записку въ министерство, въ которой изложилъ сущность предложеннаго корпораціями проекта и испрашивалъ его утвержденія. На основаніи этой записки, министромъ представленъ былъ государю докладъ, на которомъ императоръ Александръ II 13 апрѣля 1855 года написалъ: „корпораціи допустить по прежнему, но и начальству строго слѣдить за ихъ дѣйствіями.“ Увѣдомляя объ этомъ попечителя, отъ 16 апрѣля 1855 года, А. С. Норовъ писалъ, что существованіе корпорацій по прежнему допускается въ виду удостовѣренія попечителя, что онѣ „имѣютъ лишь нравственную цѣль и не представляли доселѣ примѣровъ нарушенія общественнаго порядка, правилъ нравственности

и повиновенія начальству“, и что разрѣшеніе это имѣетъ силу до тѣхъ поръ, „пока онѣ (корпораціи) будутъ соотвѣтствовать цѣли нравственнаго и благотворительнаго духа и направленія между учащимися“; разрѣшая попечителю утвердить представленный корпораціями проектъ, министръ прибавилъ при этомъ, что при объявленіи о томъ студентамъ нѣтъ нужды въ упоминаніи, что дѣло это извѣстно государю, и что не слѣдуетъ даже разрѣшенію этому придавать формы министерскаго утвержденія, „ибо эти общества по прежнему должны считаться только терпимыми, какъ частныя связи по товариществу, а не утвержденными обществами“; упорядоченіе всѣхъ частностей дѣла министръ предоставилъ университетскому начальству. На основаніи этого сообщенія, проектъ правилъ для корпорацій былъ утвержденъ попечителемъ фонъ-Брадке, въ томъ видѣ, какъ онъ былъ представленъ, 27 апрѣля 1855 года.

Въ виду того, что „Правила для корпорацій студентовъ Дерптскаго университета“ нигдѣ, сколько намъ извѣстно, не были опубликованы, мы полагаемъ нелишнимъ привести ихъ здѣсь цѣликомъ.

„§ 1. Давнишнее знакомство, родственныя связи, происхожденіе изъ той же губерніи, одинаковый образъ мыслей произвели между студентами Дерптскаго университета тѣснѣйшія соединенія, получившія названіе корпорацій.

§ 2. Корпораціи имѣютъ цѣлію приготовленіе входящихъ въ составъ ихъ лицъ къ будущей полезной дѣятельности въ отечествѣ, сохраненіе между студентами хорошаго тона, споспѣшествованіе нравственному и сообразному съ честію поведенію и учрежденіе правилъ хорошаго общежитія во время пребыванія въ университетѣ. Корпораціи отнюдь не должны преслѣдовать никакихъ политическихъ цѣлей.

§ 3. Корпораціи состоятъ изъ добровольно соединившихся членовъ, которые согласились между собою соблюдать принятыя для сего правила.

§ 4. Для достиженія сей цѣли корпораціи имѣютъ со-

бранія (Convente) и выбираютъ изъ своей среды трехъ представителей-уполномоченныхъ (Chargirte), которые предсѣдательствуютъ въ собраніяхъ и служатъ представителями корпорацій. Имена выбранныхъ представителей немедленно по ихъ избраніи и при каждомъ возобновленіи выбора сообщаются ректору университета.

§ 5. Каждая корпорація имѣетъ особое названіе, заимствованное отъ родины ея, и отличается отъ другихъ цвѣтами, носимыми членами ея при празднествахъ, для взаимнаго разузнанія, а не внѣ мѣстъ таковыхъ празднествъ. Общій день празднества для всѣхъ корпорацій есть 21 апрѣля, въ который день въ Дерптскій университетъ былъ принятъ первый студентъ.

§ 6. Взаимныя сношенія между отдѣльными корпораціями совершаются посредствомъ собранія уполномоченныхъ корпорацій (Chargirten-Convent).

§ 7. Собраніе уполномоченныхъ образуется изъ уполномоченныхъ всѣхъ корпорацій и имѣетъ цѣлію, согласно съ заключеніями отдѣльныхъ корпорацій, постановлять общеобязательныя положенія и приводить таковыя къ общему со стороны всѣхъ студентовъ соблюденію.

§ 8. Одно только собраніе уполномоченныхъ имѣетъ право сдѣлать постановленіе объ упраздненіи отдѣльной корпораціи, коль скоро направленіе ея будетъ несогласно съ изложенными здѣсь правилами, но для приведенія таковаго рѣшенія въ исполненіе требуется утвержденіе университетскаго начальства.

§ 9. Желающіе образовать новую корпорацію обязаны подчиниться существующимъ постановленіямъ и просить о признаніи таковой корпораціи собраніе уполномоченныхъ, которое затѣмъ ходатайствуетъ передъ университетскимъ начальствомъ объ утвержденіи оной.

§ 10. Учреждается судъ чести (Ehrengericht), имѣющій цѣлію миролюбивымъ образомъ улаживать личныя столкновенія между студентами и препятствовать возникновенію

дуэлей. Каждая отдѣльная корпорація выбираетъ для образованія означеннаго суда трехъ судей чести (Ehrenrichter), имена которыхъ немедленно послѣ ихъ избранія сообщаются ректору университета.

§ 11. Въ случаѣ столкновенія между студентами, каждый изъ участниковъ въ таковомъ столкновеніи выбираетъ одного изъ числа судей чести, а сіи послѣдніе выбираютъ третьяго предсѣдателемъ.

§ 12. Составленный такимъ образомъ судъ обязанъ разсмотрѣть дѣло и по возможности склонить участниковъ къ добровольному примиренію или же окончить дѣло постановленіемъ извинительнаго объясненія.

§ 13. Кромѣ того, существуетъ Слѣдственная Комиссія, имѣющая цѣлію, въ случаѣ нарушенія обязательныхъ главныхъ основаній корпорацій, изслѣдовать существо дѣла. Комиссія эта составляется изъ двухъ членовъ каждой корпораціи, которые о послѣдствіяхъ своихъ разысканій обязаны представлять на разрѣшеніе собраніямъ отдѣльныхъ корпорацій.

§ 14. По таковому представленію Слѣдственной Комиссіи, собранія отдѣльныхъ корпорацій рѣшаютъ дѣло по нравственному убѣжденію, постановляютъ черезъ уполномоченныхъ своихъ, въ собраніи сихъ послѣднихъ, окончательный приговоръ и опредѣляютъ мѣру наказанія.

§ 15. Таковыя наказанія слѣдующія: предостереженіе, выговоръ, порицаніе (Verruf), т. е. прекращеніе на большее или меньшее время всякаго сношенія студентовъ съ виновнымъ.

§ 16. Предостереженіе виновнаго опредѣляется за маловажные проступки; выговоръ дѣлается, напр., за оскорбленіе корпораціи, за употребленіе неприличныхъ выраженій противъ товарищей, за намѣренное оскорбленіе подвергнутаго порицанію и т. д.; при болѣе важныхъ проступкахъ, какъ-то за обиду дѣйствіемъ товарищей, упорное сопротивленіе существующимъ правиламъ и т. д., виновный подвергается порицанію.

§ 17. При объявленіи порицанія за важные проступки,

какъ-то за воровство, ложные доносы, лихву, фальшивую игру, предоставляется собранію уполномоченныхъ просить университетское начальство объ исключеніи виновнаго изъ университета.

§ 18. Для вспомоществованія нуждающимся студентамъ собраніе уполномоченныхъ назначаетъ стипендіи, на что потребная сумма собирается добровольными приношеніями членовъ корпорацій“.

Таковъ былъ такъ наз. „казенный уставъ“ (Kronscomment) дерптскихъ корпорацій, знакомящій съ основами существованія этихъ студенческихъ организацій не только въ пятидесятые годы и позднѣе, но и въ болѣе раннее время; безспорно, правила эти, служа общимъ регуляторомъ корпораціонной жизни, существовали и раньше, быть можетъ въ нѣсколько иной формулировкѣ, и, представляя 9 марта 1855 года попечителю свой проектъ, депутаты корпорацій явились съ постановленіями, выработанными не въ нѣсколько дней по приглашенію начальства, а уже давно существовавшими и подвергшимися испытанію на практикѣ. Конечно, нельзя предположить, чтобы корпораціи существовали столь продолжительное время безъ всякихъ общихъ постановленій, да и самая быстрота и сравнительная законченность работы корпораціонной „комиссіи“ указываетъ на то, что она имѣла предварительно уже вполнѣ готовый матеріалъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ послѣдующее время „Правила“ эти подверглись самымъ незначительнымъ измѣненіямъ. Именно, 20 октября 1864 года попечителемъ было разрѣшено: 1) § 13 измѣнить такъ: „Кромѣ того, существуетъ общій студенческій судъ (Burschengericht), имѣющій цѣлію изслѣдовать и наказывать нарушеніе общеобязательныхъ главныхъ основаній корпорацій. Судъ этотъ составляется изъ трехъ членовъ каждой корпораціи“; 2) § 14 отмѣнить; 3) въ § 15 слова „таковыя наказанія слѣдующія“ замѣнить словами: „наказанія, опредѣляемыя студенческимъ

судомъ, слѣдующія". 19 апрѣля 1882 года разрѣшено было той же инстанціей измѣнить § 5 слѣдующимъ образомъ: „Каждая корпорація имѣетъ особое названіе и отличается отъ другихъ корпорацій цвѣтами, носимыми членами для взаимнаго разузнанія. Общій день празднества для всѣхъ корпорацій есть 21 апрѣля, въ который день въ Дерптскій университетъ принятъ былъ первый студентъ"[1]).

Дальнѣйшее послѣ 1855 года существованіе корпорацій, вплоть до конца описываемаго періода, ознаменовано было съ внѣшней стороны лишь весьма немногими событіями, достойными здѣсь упоминанія. Въ I сем. 1857 года прекратила свое существованіе Ruthenia, вслѣдствіе внутреннихъ несогласій ея членовъ, и хотя въ 1868 году 11 русскихъ желали возстановить эту корпорацію, но „собраніемъ уполномоченныхъ" въ этомъ имъ было отказано, такъ какъ для признанія корпораціи существующей нужна была наличность не менѣе 20 членовъ. За то въ II сем. 1857 года возникла новая корпорація Fraternitas Academica Dorpatensis, но существовала всего лишь нѣсколько лѣтъ. Во II сем. 1859 года среди общества „Theologischer Abend" возникла мысль организоваться въ особую корпорацію Arminia, но такъ какъ въ поставленномъ имъ вопросѣ о дуэли лица эти выразили свое отрицательное къ ней отношеніе, то, не смотря на прежнее постановленіе о непринудительности дуэли, „собраніе уполномоченныхъ" отнеслось къ нимъ несочувственно и отказало „Арминіи" въ признаніи ея не только какъ корпораціи, но и какъ простого „Burschenverbindung"; „Арминія" была признана корпораціей лишь 3 марта 1865 года, но существовала весьма недолго и 22 мая 1866 года была признана „собраніемъ уполномоченныхъ" несуществующей. Послѣ окончательной отмѣны въ 1861 году форменной одежды для

---

1) Архивъ Канцеляріи попечителя Рижскаго Учебнаго Округа: „Университетскій архивъ" № 114 „Die Corporationen der Studirenden"; Общія дѣла № 20—82.

студентовъ, корпорантамъ разрѣшено было въ слѣдующемъ 1882 году публично носить корпоративные цвѣта не только при студенческихъ празднествахъ, но и при другихъ случаяхъ. Во II сем. 1862 года 120 „дикимъ“ по ихъ просьбѣ разрѣшено было „собраніемъ уполномоченныхъ“ посылать въ него трехъ своихъ представителей и имѣть нѣсколькихъ „судей чести“. 18 мая 1864 года учрежденъ былъ „студенческій судъ“ (Burschengericht), какъ было упомянуто выше: каждая корпорація посылала въ него изъ своей среды по три члена; судъ долженъ былъ принимать къ своему разслѣдованію и обсужденію всѣ жалобы, подаваемыя студентами и возбуждаемыя противъ нихъ, для чего имѣлъ каждый мѣсяцъ засѣданія; выполненіе приговоровъ этого суда возложено было на „собраніе уполномоченныхъ“ [1]).

Въ такихъ чертахъ сложились главнѣйшіе моменты внѣшней жизни дерптскихъ корпорацій за описываемое время. Внутренней стороны этой жизни мы не станемъ касаться не только по ея замкнутости, затрудняющей правильное ея изображеніе, но и потому, что вопросъ этотъ выходитъ за предѣлы нашей задачи. Кое-что сказанное выше по поводу студенческой дисциплины, безспорно, относится и къ корпораціямъ, такъ какъ именно въ нихъ складывались многія изъ тѣхъ особенностей дерптской жизни студентовъ, которыя вели за собой упомянутыя тамъ дѣянія. Но корпораціи не ограничивали своего вліянія на студента временемъ его пребыванія въ университетѣ; между корпораціями и обществомъ внѣ ихъ и внѣ университета была тѣсная и живая связь; большинство корпорантовъ, вступая по окончаніи курса въ жизнь, удерживали такую связь съ нѣкогда пріютившей ихъ корпораціей и считались ея членами подъ именемъ „филистеровъ“, при случаѣ и по мѣрѣ возможности приходили ей и ея молодымъ членамъ, въ той или другой формѣ, на

---

1) Axel von Gernet, назв. соч., стр. 399—407.

помощь, участвовали въ ея торжествахъ и празднествахъ, нерѣдко пріѣзжая для этого издалека. Мы не станемъ касаться здѣсь и вопроса о характерѣ вліянія корпораціоннаго строя на студенческую среду; несомнѣнно, были въ этомъ вліяніи добрыя и положительныя стороны, воспитывавшія характеръ, товарищеское чувство, любовь къ своей родинѣ въ тѣсномъ смыслѣ слова и регулировавшія студенческую жизнь въ ея индивидуальныхъ и общественныхъ чертахъ; по этому вопросу существуетъ цѣлая обширная литература, и какъ на типическое выраженіе сочувственныхъ взглядовъ на корпораціи въ Дерптѣ укажемъ здѣсь, въ видѣ примѣра, на разсужденія по этому вопросу пастора Карла Мауpaxa въ его воспоминаніяхъ: разсужденія эти имѣютъ тѣмъ большій интересъ, что исходятъ отъ человѣка, пробывшаго въ корпораціонной средѣ въ знаменательные для дерптскихъ корпорацій сороковые годы (1841—1846) и написавшаго потомъ свои воспоминанія незадолго передъ смертью, послѣ весьма продолжительнаго жизненнаго пути [1]). Рядомъ съ хорошими, въ извѣстномъ смыслѣ, были въ корпораціонномъ строѣ и отрицательныя стороны, мѣшавшія развитію индивидуальностей, налагавшія стѣсненіе на свободу мысли, чувства и поступковъ отдѣльныхъ лицъ, отнимавшія у студента много времени на дѣла постороннія ученью и т. п.; эти стороны также нашли себѣ свое изображеніе [2]), и въ этомъ отношеніи особенно цѣннымъ считаемъ мы указаніе мѣстнаго историка г. Экарта

---

1) Eines livländischen Pastors Leben und Streben, Kämpfen und Leiden. In seinem fünfundsiebzigsten Jahre niedergeschrieben von Carl Maurach. Leipzig 1900, стр. 81—89.

2) Ср. тамъ же стр. 90: „Wir erhielten freilich nicht den academischen Grad als Kandidaten, sondern nur als graduirte Studenten. Wir hatten es aber auch gar nicht anders erwartet, dass es in jener Zeit, ich möchte fast sagen, seit Menschengedenken nicht vorgekommen war, dass ein korporeller Theologe den Kandidatengrad erhalten hätte. Das war gewissermassen Tradition so"; (Karl Brandt). Reminiscenzen aus meiner Vergangenheit. Reval (1844), стр. 41—42.

на одну весьма существенную изъ этихъ „тѣневыхъ сторонъ“. Корпораціи въ описываемое время являлись, по свидѣтельству г. Экарта, тѣсными земляческими кружками, обособлявшими во многомъ жизнь студента-корпоранта не только отъ жизни русскаго изъ внутреннихъ губерній или иностранца, но и отъ уроженца другой прибалтійской губерніи; вращаясь въ узкомъ кругу своихъ земляковъ, юноша лишался тѣмъ самымъ, въ силу характера корпоративнаго строя, выгодъ широкаго и свободнаго общенія съ остальной массой университетскаго студенчества, и отчужденіе это не ограничивалось годами обученія въ университетѣ, а проникало въ складъ понятій и убѣжденій на цѣлую жизнь, опредѣляя дальнѣйшія связи и знакомства; все это не могло не содѣйствовать тому достойному сожалѣнія духу провинціальнаго партикуляризма, который такъ ярко бросается въ глаза наблюдателю культурной жизни Прибалтійскаго края [1]).

Здѣсь небезынтересно отмѣтить, что корпораціонная жизнь дерптскихъ студентовъ не осталась безъ связи съ жизнію студентовъ другихъ русскихъ университетовъ. Въ 1820-хъ годахъ дерптскіе студенты занесли корпораціонный строй въ Московскій университетъ, а во второй половинѣ 1830-хъ годовъ и въ Петербургскій, хотя ни тамъ, ни тутъ строй этотъ не получилъ развитія и объединялъ собою на короткое время весьма небольшое количество лицъ преимущественно изъ бывшихъ дерптскихъ студентовъ или уроженцевъ Прибалтійскихъ губерній: такъ, въ Петербургскомъ университетѣ были корпораціи Ruthenia и Baltica, самое названіе которыхъ указываетъ на подражаніе ихъ одноименнымъ корпораціямъ въ Дерптѣ; между этими петербургскими корпораціями была и нѣкоторая связь, выражавшаяся

1) Julius Eckardt. Die Universität Dorpat. въ сборникѣ: Die baltischen Provinzen Russlands. Leipzig 1868, стр. 401. — Очень интересны воспоминанія объ отношеніяхъ къ корпораціи „Эстонія“ въ 1830-хъ и 1840-хъ годахъ А. фонъ-Цурмюлена: Nachträge zum Album Estonorum. Heft 4, стр. 45—50. 51—52.

въ приглашеніи изъ Петербурга гостей на коммерши въ Дерптѣ [1]).

Рядомъ съ корпораціями существовали въ описываемое время въ Дерптѣ между студентами и просто „общества“ (ферейны), разрѣшенныя, какъ мы видѣли, „Правилами для учащихся“ 1834 и 1838 годовъ; въ виду указанной выше разницы въ постановленіяхъ объ этихъ обществахъ въ томъ и другомъ текстѣ „Правилъ“, тѣ общества, которыя возникли согласно „Правиламъ“ 1834 года, должны были закрыться по изданіи „Правилъ“ 1838 года, согласно предписанію попечителя 28 іюля 1838 года. Впрочемъ, были ли такія, подлежавшія закрытію общества, достовѣрно не извѣстно; да и вообще въ описываемое время, рядомъ съ корпораціями, „общества“ развивались очень туго; въ 1843 году учрежденъ былъ упомянутый Theologischer Abend, въ 1846 — Liedertafelverein, въ 1860 — Gesellig-wissenschaftlicher Studentenverein, въ 1864 году — Gemeinschaft der Studierender russischer Nationalität и другія; но существовали они большею частію весьма короткое время и при небольшомъ количествѣ членовъ; гораздо большее развитіе получили такія общества въ послѣдующее время.

10.

Посѣщенія университета Государемъ, особами императорской фамиліи, министрами и другими лицами. —Волонтеры изъ студентовъ во время польскаго возстанія 1831 года; готовность врачебной помощи отъ университета во время Крымской войны. — Мнѣнія юридическаго факультета по дѣламъ частныхъ лицъ. — Ученые корреспонденты университета.

---

1) Студенческія корпораціи въ Петербургскомъ университетѣ въ 1830—1840 годахъ. „Русская Старина“ 1881 № 2 стр. 372—376; Петербургскій университетъ полвѣка назадъ. „Русскій Архивъ“ 1888 № 9, стр. 126—127; И. Б— въ. Университетъ и корпорація (отрывокъ изъ воспоминаній). „Историческій Вѣстникъ“ 1880 № 4, стр. 781—802.

Чтобы закончить обозрѣніе второго періода жизни Дерптскаго университета, намъ остается еще коснуться нѣкоторыхъ вопросовъ, которые не могли найти себѣ мѣста въ предшествующемъ изложеніи.

Уже ранѣе нѣсколько разъ и по различнымъ поводамъ намъ приходилось говорить о томъ, въ какихъ отношеніяхъ находился университетъ къ городу Дерпту, его администраціи и населенію, къ высшему административному начальству края, къ министерству народнаго просвѣщенія, къ ученымъ и общественнымъ сферамъ въ Россіи и заграницей. Можно сказать, что общій характеръ этихъ отношеній опредѣлялся сильно развитымъ чувствомъ самоуваженія и стремленіемъ къ господству въ однѣхъ сферахъ и возможной степени независимости отъ другихъ. Эти отношенія университета, при извѣстныхъ благопріятныхъ условіяхъ, и выработали тотъ взглядъ на него какъ на „eigenartiges Wesen“, которымъ, по выраженію одного мѣстнаго историка, руководились заправители университета во второй половинѣ тридцатыхъ годовъ; намъ думается, что этотъ взглядъ въ существѣ оставался и позднѣе, переживъ не только эпоху графа Уварова и Крафстрема, но и ту грань, которая отдѣляетъ второй періодъ жизни университета отъ третьяго и послѣдняго. Нельзя отрицать, что нѣкоторые сторонники этого взгляда изъ числа дерптскихъ университетскихъ администраторовъ и профессоровъ оказали значительныя услуги въ поднятіи этого учебнаго заведенія въ извѣстные годы на высокую степень научнаго развитія, но этотъ же взглядъ, раздѣлявшійся, какъ мы видѣли, и самимъ правительствомъ, привелъ университетъ къ тому дѣйствительно „своеобразному“ и отчужденному положенію, которое имѣло своимъ неминуемымъ послѣдствіемъ крайнюю шероховатость реформы, предпринятой въ третій періодъ его существованія.

Въ описываемое время Дерптъ, по прежнему, лежалъ на прямой дорогѣ изъ Петербурга заграницу, и былъ не разъ посѣщаемъ какъ членами императорской фамиліи,

такъ и представителями русской администраціи и вообще русскими людьми.

22 и 23 іюня 1830 года, проѣздомъ изъ-заграницы въ Петербургъ, посѣтили Дерптъ и университетъ императоръ Николай I и императрица Александра Ѳеодоровна, въ сопровожденіи принца Карла Прусскаго. Въ первый день высокіе гости, пріѣхавшіе вечеромъ, посѣтили астрономическую обсерваторію, а во второй утромъ императоръ былъ въ главномъ зданіи университета и осматривалъ, въ сопровожденіи попечителя барона Палена, клинику, нѣкоторые кабинеты, канцеляріи и библіотеку. О посѣщеніи государемъ библіотеки интересныя свѣдѣнія передаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ бывшій тогда секретарь ея Эмиль Андерсъ, получившій отъ ректора Мойера приказаніе слѣдовать за высокимъ посѣтителемъ, чтобы быть готовымъ отвѣчать на его вопросы. Съ чиновниками библіотеки и университета государь говорилъ по-нѣмецки, съ попечителемъ по-русски. Ему показано было нѣсколько наиболѣе замѣчательныхъ гравюръ; затѣмъ онъ освѣдомился о рукописяхъ и другихъ рѣдкостяхъ, которыхъ однако же оказалось тогда немного; когда, при разсматриваніи восточныхъ рукописей, директоръ библіотеки Моргенштернъ упомянулъ о желательности учрежденія при университетѣ особой каѳедры восточныхъ языковъ, независимо отъ потребностей богословскаго факультета, то попечитель, со своей стороны, замѣтилъ о гораздо болѣе настоятельной потребности, объ учрежденіи въ Дерптѣ Ветеринарнаго училища, съ чѣмъ государь согласился; императоръ выразилъ также мысль о постройкѣ для библіотеки особаго зданія и о перестройкѣ развалинъ въ церковь; онъ долго любовался изъ окна верхняго этажа библіотеки видомъ на городъ [1]). Другой современникъ этого посѣщенія, бывшій тогда студентомъ Ю. К. Арнольдъ, разсказываетъ

---

1) Baltische Monatsschrift, B. XXXIX. 1892, стр. 292—293.

въ своихъ воспоминаніяхъ о той роли, которая выпала на долю студентовъ въ пріемѣ высокихъ посѣтителей. Около 60-ти изъ нихъ, въ томъ числѣ нѣсколько русскихъ уроженцевъ, воспитанниковъ Профессорскаго Института, составили почетную стражу государя, имѣвшаго пребываніе въ домѣ фонъ-Липгардта, возлѣ Каменнаго моста, при чемъ эта импровизованная команда состояла подъ начальствомъ полковника Баранова, прибывшаго заранѣе и обучавшаго, нѣсколько дней до пріѣзда государя, этихъ молодыхъ людей необходимѣйшимъ пріемамъ военной службы. Государь остался очень доволенъ университетскими порядками, какъ потомъ сообщено было студентамъ формально на публикаціонной университетской (т. наз. „черной") доскѣ отъ попечителя и отъ ректора [1]).

13 апрѣля 1835 года, проѣздомъ изъ-заграницы въ Петербургъ, посѣтила Дерптъ императрица Александра Өеодоровна и приняла отъ ректора Мойера рапортъ о состояніи университета; а черезъ нѣсколько дней, 27 апрѣля 1835 года, проѣзжала черезъ Дерптъ великая княгиня Елена Павловна и пожелала осмотрѣть рано утромъ, совершенно частнымъ образомъ, университетскую библіотеку; въ это посѣщеніе сопровождалъ ее упомянутый Эмиль Андерсъ, отмѣтившій въ своихъ воспоминаніяхъ любезность и любознательность высокой гостьи при этомъ обзорѣ [2]).

Въ іюнѣ 1820 года пріѣзжалъ въ Дерптъ и осматривалъ университетъ знаменитый ученый, митрополитъ Евгеній, бывшій тогда архіепископомъ Псковскимъ, Лифляндскимъ и Курляндскимъ. Вотъ какъ писалъ онъ объ этомъ посѣщеніи другу своему В. Г. Анастасевичу, изъ Пскова, отъ 21 іюня 1828 года: „Осмотръ (университета) по множеству любопытныхъ предметовъ продолжался три дня, и я не успѣлъ всего подробно осмотрѣть. Одинъ физическій ка-

---

1) Воспоминанія. Вып. I, стр. 161—165.
2) Baltische Monatsschrift, B. XXXIX, стр. 293.

бинетъ, при разсказахъ весьма умнаго и славнаго профессора физики Паррота, занялъ меня на три часа... Машинъ рѣдкихъ и новѣйшихъ безчисленное множество, и все это отъ щедротъ нашего Монарха, нѣкогда особенно благоволившаго къ Парроту... Натуральный кабинетъ также довольно богатый. Химическій имѣетъ только нужное. Библіотека изъ 27 т. книгъ занимала меня часа 4; но я успѣлъ осмотрѣть только классъ литературы древней, весьма богатый, а прочаго не успѣлъ. Клиника обширнѣе зданіями, нежели заведеніями. Ботаническій садъ достаточнѣе землею, нежели растеніями. О профессорахъ нечего сказать. Два только могли говорить со мною кое-какъ по-латыни; прочіе отдѣлывались французскимъ языкомъ, а есть нѣкоторые, кромѣ нѣмецкаго не знающіе никакого. Объ русскомъ они и не думаютъ; ибо, получая по 5,500 р. жалованья, надѣются съ капиталомъ возвратиться въ Германію, а живутъ съ нѣмецкою экономіею" [1]).

Съ 31 мая по 2 іюня 1825 года пробылъ въ Дерптѣ и осматривалъ университетъ министръ народнаго просвѣщенія адмиралъ А. С. Шишковъ; отзывъ его объ университетѣ по поводу этого посѣщенія приведенъ нами выше (стр. 557), въ письмѣ А. Ө. Воейкова къ В. М. Перевощикову. Лѣтомъ 1833 года первый разъ посѣтилъ университетъ министръ народнаго просвѣщенія С. С. Уваровъ, и вынесъ изъ этого посѣщенія самое благопріятное для университета впечатлѣніе; на всеподданнѣйшій его отчетъ объ этомъ посѣщеніи намъ не разъ уже приходилось ссылаться. Точно также нѣсколько разъ имѣли мы случай указывать и на всеподданнѣйшій отчетъ графа С. С. Уварова о посѣщеніи имъ университета лѣтомъ 1848 года; по поводу этого посѣщенія, въ годовомъ университетскомъ отчетѣ за 1848 годъ отмѣчено, что отъ министра

---

1) Псковскія письма Евгенія Болховитинова къ петербургскому библіографу и археологу В. Г. Анастасевичу. „Русскій Архивъ" 1889 № 7, стр. 352—353.

университетъ „имѣлъ счастіе получить, въ самыхъ благосклонныхъ выраженіяхъ, изъявленіе совершеннаго монаршаго удовольствія за нынѣшнее состояніе сего заведенія, какъ и вообще за похвальное направленіе господствующаго въ немъ духа и рвеніе къ ученымъ занятіямъ". Въ іюлѣ 1835 года былъ въ Дерптѣ и осматривалъ университетъ министръ финансовъ графъ Е. Ф. Канкринъ. Въ II сем. 1836 года университетъ посѣтилъ попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа князь Дондуковъ-Корсаковъ, а вскорѣ затѣмъ московскій генералъ-губернаторъ, князь Д. В. Голицынъ. Въ октябрѣ 1855 года посѣтилъ университетъ министръ народнаго просвѣщенія А. С. Норовъ; черезъ нѣсколько дней послѣ этого посѣщенія такъ писалъ министру попечитель фонъ-Брадке, отъ 21 октября 1855 года: „Впечатлѣніе, Вами здѣсь оставленное, самое благопріятное, и даже самые злые языки не смѣютъ говорить; еще ни одна сплетня не проявилась, хотя за будущность не ручаюсь. Что же имъ дѣлать въ маленькомъ городкѣ? о чемъ разговоръ вести? За то эти сплетни, не обходя никого, и не вредятъ никому. По Вашему порученію, собравъ всѣхъ студентовъ въ университетскую залу, я благодарилъ ихъ отъ Вашего имени, при чемъ шарканье необыкновенно долго продолжалось; а по окончаніи онаго, я отъ своего имени прочелъ имъ добрую рацею: дай Богъ въ добрый часъ!" [1]). Въ слѣдующемъ 1856 году посѣтилъ университетъ товарищъ министра народнаго просвѣщенія князь Волконскій, а въ 1861 году также товарищъ министра народнаго просвѣщенія баронъ Николаи. Въ разное время были посѣщенія фельдмаршала графа Берга, генералъ-губернатора князя Суворова и другихъ высокопоставленныхъ лицъ [2]).

---

1) Архивъ Канцеляріи попечителя Рижскаго Учебнаго Округа: „Университетскій архивъ" № 104 „Ueber die Privat-Correspondenz des Curators (v. Bradke)".

2) Baltische Monatsschrift, B. XXXIX, стр. 294.

Изъ крупныхъ общественныхъ и политическихъ событій въ Россіи за описываемое время, Дерптскій университетъ, подобно предшествующему періоду, отзывался почти исключительно на событія военныя. Такъ, въ 1831 году, во время польскаго мятежа, болѣе 200 студентовъ пошли волонтерами въ русскую армію. Во время Крымской войны, когда ожидались вражебныя дѣйствія англійскаго флота въ Финскомъ заливѣ, профессоръ хирургіи Адельманъ посланъ былъ съ четырьмя студентами-медиками старшихъ курсовъ въ Ревель, чтобы, въ случаѣ открытія военныхъ дѣйствій, быть готовымъ къ подачѣ помощи квартирующимъ тамъ войскамъ; эти лица пробыли въ Ревелѣ съ 24 іюня по 27 сентября 1855 года, но врачебная дѣятельность ихъ, къ счастью, не понадобилась, и профессоръ Адельманъ употребилъ означенное время на изложеніе военнымъ врачамъ полнаго курса хирургическихъ операцій надъ трупами, а также необходимыхъ свѣдѣній объ употребленіи гипсовыхъ повязокъ при переломахъ костей. За участіе въ этой поѣздкѣ четыремъ упомянутымъ студентамъ (Сцимановскому, Брауну, Бертенсону и Стоковскому) объявлено было, 16 мая 1856 года, высочайшее благоволеніе.

Также и юридическій факультетъ, пользовавшійся въ описываемое время, въ противоположность первому періоду, значительнымъ научнымъ авторитетомъ, призывался къ соприкосновенію съ вопросами практической жизни, помимо своего учебнаго назначенія. Такъ, въ 1829 году оберъ-камергеръ Баварскаго короля графъ фонъ-Рехбергъ обратился къ ректору университета съ просьбой получить отъ юридическаго факультета Дерптскаго университета мнѣніе о претензіи графа къ бывшимъ банкирамъ братьямъ Ливіо на сумму до 48,000 р. Ректоръ представилъ объ этомъ, черезъ попечителя Палена, въ министерство, а министръ князь Ливенъ, въ свою очередь, спрашивалъ комитетъ министровъ, можно ли исполнить упомянутую просьбу графа фонъ-Рехберга; при этомъ князь Ливенъ пояснилъ, что „въ Германіи

издавна существуетъ обычай, признаваемый весьма полезнымъ, для объясненія сложныхъ и запутанныхъ судныхъ дѣлъ, требовать о нихъ мнѣнія университетскихъ юридическихъ факультетовъ", и что именно въ силу этого обычая графъ фонъ-Рехбергъ обратился и къ юридическому факультету Дерптскаго университета. По поводу этого случая, въ комитетѣ министровъ поставленъ былъ на обсужденіе общій вопросъ: могутъ ли юридическіе факультеты россійскихъ университетовъ давать мнѣнія по тяжебнымъ дѣламъ частныхъ лицъ; рѣшеніе постановлено было отрицательное, въ виду чего юридическій факультетъ Дерптскаго университета признанъ былъ не въ правѣ входить въ соображеніе по поставленному графомъ фонъ-Рехбергомъ вопросу [1]). Впрочемъ, позднѣе юридическому факультету представился случай высказать свое мнѣніе по подобному же вопросу, когда въ рѣшеніи его затронуты были интересы самого университета: именно, въ засѣданіи юридическаго факультета 11 октября 1843 года деканъ его проф. Брекеръ, согласно предписанію высшаго начальства, представилъ свое мнѣніе о правахъ генералъ-маіора Д. М. Бегичева на наслѣдство умершаго орднунгсъ-рихтера барона Матвея Малама и о его правѣ уступки своего наслѣдства Дерптскому университету; мнѣніе это, одобренное факультетомъ, представлено было въ министерство народнаго просвѣщенія.

Для облегченія сношеній университета съ заграницей существовали и въ описываемое время специальные „ученые корреспонденты", число которыхъ, по § 18 устава 1820 года, опредѣлено было отъ 4 до 5 „въ чужихъ краяхъ" и кромѣ того „большее число оныхъ въ самой Россіи". Для сношенія въ предѣлахъ Россіи, сколько мы знаемъ, у университета корреспондентовъ не было, а изъ заграничныхъ заслуживаютъ здѣсь упоминанія трое. Именно, въ засѣданіи

1) Сборникъ постановленій, II. 1, ст. 286—287.

университетскаго совѣта 20 мая 1825 года, по предложенію проф. Паррота, избранъ былъ въ ученые корреспонденты Дерптскаго университета, главнымъ образомъ по части естественныхъ наукъ и математики, профессоръ Гейдельбергскаго университета Георгъ-Вильгельмъ Мунке; онъ состоялъ въ этомъ званіи до самой своей смерти, 17 октября 1847 года, получая изъ университетскихъ суммъ по 100 р. сер. ежегодно на издержки по перепискѣ. Почти одновременно съ нимъ, именно 27 мая 1825 года, университетскій совѣтъ избралъ, по предложенію попечителя Ливена, и другого корреспондента, по части богословскихъ и историческихъ наукъ, въ лицѣ суперинтендента въ Альштадтѣ (въ герцогствѣ Саксенъ-Веймарскомъ) Фридриха-Августа Кетэ; это лицо пользовалось особеннымъ довѣріемъ и благосклонностью князя Ливена и принимало дѣятельное участіе въ подысканіи кандидатовъ на занятіе каѳедръ при реформѣ богословскаго факультета [1]). Кетэ оставался корреспондентомъ университета до 1840 года, получая также по 100 р. на ежегодные расходы по перепискѣ; 31 іюля 1829 года онъ пожалованъ былъ, за оказанныя университету услуги, орденомъ св. Владиміра 4 степени. 19 ноября 1836 года избранъ былъ совѣтомъ, по предложенію проф. Нейе, въ корреспонденты университета архиваріусъ города Гамбурга Іоганнъ-Мартинъ Лаппенбергъ. Предложеніе свое проф. Нейе мотивировалъ тѣмъ, что Лаппенбергъ можетъ быть полезенъ университету не только какъ ученый писатель, но и какъ лицо, которое стоитъ близко къ архивному дѣлу города, обладающаго важными матеріалами для исторіи Прибалтійскаго края; кромѣ того, онъ могъ быть полезенъ университету и по своимъ близкимъ отношеніямъ къ представителямъ англійской науки, являясь посредникомъ между ними и университетомъ по пріобрѣтенію необходимыхъ

---

1) Busch. Der Fürst Karl Lieven, стр. 160. 163—164.

пособій для университетскихъ учрежденій въ Дерптѣ. Подобно своимъ товарищамъ по званію, Лаппенбергъ также получалъ по 100 р. ежегодно изъ университета и состоялъ корреспондентомъ до самой своей смерти, 28 ноября 1865 года[1]).

---

1) Архивъ Юрьевскаго университета: Georg Wilhelm Munke. — Friedrich August Köthe. — Johann Martin Lappenberg.

Указатели.

1. Личныя имена.

2. Литературныя ссылки.

Содержаніе.

— 12

СТАТИСТИЧЕСКІЯ ТАБЛИЦЫ

и

личные списки

по

Императорскому Юрьевскому, бывшему Дерптскому, университету

(1802—1901).

Приложеніе къ историческому очерку Е. В. Пѣтухова: „Императорскій Юрьевскій, бывшій Дерптскій, университетъ за сто лѣтъ его существованія. Юрьевъ 1902.“

Юрьевъ.
Типографія К. Маттисена.
1902.

Печатано по опредѣленію Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО
Юрьевскаго Университета.

Юрьевъ, 31 мая 1902 года.
№ 1463.

Ректоръ: **А. Филипповъ.**

I. Студенты[1]).

(Общее число; отдѣльно по факультетамъ; по мѣсту происхожденія).

Таблица эта въ первой своей половинѣ (за годы 1802—1852) представляетъ перепечатку тѣхъ данныхъ, которыя были помѣщены въ приложеніи къ изданію „Das zweite Jubelfest der Kaiserlichen Universität Dorpat. Dorpat 1853“, при чемъ за годы 1828—1852 нами взяты лишь цифры II семестра. Тотъ же методъ въ общемъ принятъ и при составленіи таблицы за вторую половину столѣтія. Источникомъ служили цифровыя данныя, помѣщавшіяся въ издаваемомъ университетомъ съ I семестра 1844 года „Личномъ составѣ“. Это изданіе выходило до конца 1859 года дважды въ годъ, по-нѣмецки, подъ заглавіемъ то „Verzeichniss des Personals und der Studierenden auf der Kaiserlichen Universität zu Dorpat“, то просто „Personal der Kaiserlichen Universität zu Dorpat“; въ 1860 году вышло оно только за I семестръ, а въ 1861-омъ, повидимому, совсѣмъ не появлялось; въ 1862 году — опять только за I семестръ, въ 1863—1865 годахъ — только за II семестръ; за годы 1866—1892 изданіе это снова печаталось за оба семестра отдѣльно, при чемъ съ I семестра 1892 года на русскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ „Личный составъ Императорскаго Юрьевскаго университета“; съ 1893 года и до конца это изданіе выходило только во II семестрѣ. За тѣ немногіе годы, для которыхъ недоставало въ названномъ источникѣ свѣдѣній за II семестръ, нами взяты цифры I семестра. Кромѣ того, необходимо замѣтить, что данныя за II семестръ не всегда были пріурочиваемы къ одному и тому же моменту: въ 1863—1891 и 1894 годахъ — къ сентябрю, въ 1893 — къ ноябрю, а въ 1892 и 1895—1901 годахъ — къ октябрю. — Съ 1843 по 1858 годъ въ составѣ медицинскаго факультета посчитаны и слушатели фармаціи, каѳедра которой учреждена была при этомъ факультетѣ въ 1842 году; но съ 1859 года, согласно имѣвшимся источникамъ, слушатели фармаціи сосчитаны отдѣльно. — Съ 1850 года слушатели историко-филологическаго и физико-математическаго факультета посчитаны отдѣльно.

Должно имѣть въ виду, что такъ какъ помѣщаемыя цифры показываютъ количество студентовъ въ университетѣ къ извѣстному, хотя и не вездѣ одинаково фиксированному, годовому сроку, а не число вступившихъ въ университетъ вообще, то существеннымъ дополненіемъ къ значительной части таблицы являются данныя „академическаго альбома“ (Album Academicum der Kaiserlichen Universität Dorpat. Bearbeitet von A. Hasselblatt und Dr. G. Otto. Dorpat 1889).

---

1) Въ составленіи помѣщаемыхъ ниже матеріаловъ принималъ участіе архиваріусъ Юрьевскаго университета Г. Г. Саблеръ.

Годы	Общее число студ., а съ 1843 г. и фармацевтовъ	по факультетамъ богословскому	юридическому	медицинск. (студ. и. за гг. 1843—1857, фармац.)	философскому
1802	46	11	27	6	2
1803	95	18	41	14	22
1804	155	42	56	21	36
1805	150	50	41	19	40
1806	145	39	31	38	37
1807	147	36	49	31	31
1808	139	33	32	42	32
1809	183	30	30	86	37
1810	217	38	43	92	44
1811	259	50	69	84	56
1812	209	49	61	51	48
1813	245	47	66	77	55
1814	247	54	67	76	50
1815	238	59	57	75	47
1816	244	61	60	78	45
1817	142	46	14	54	28
1818	211	55	40	70	46
1819	232	63	42	83	44
1820	262	59	63	92	48
1821	309	68	74	105	62
1822	301	64	62	111	64
1823	343	70	55	113	105
1824	334	67	70	108	89
1825	376	77	70	120	109
1826	391	78	77	131	105
1827	452	81	79	158	134
1828	530	87	77	191	175
1829	609	91	84	207	227
1830	619	64	68	226	261
1831	592	53	62	259	218
1832	585	49	54	298	184
1833	577	52	47	302	176
1834	550	48	45	302	155
1835	581	37	53	296	195
1836	574	48	57	261	181
1837	586	58	78	238	212
1838	575	62	127	233	153
1839	562	66	119	214	163
1840	573	67	124	192	190
1841	537	72	115	170	180
1842	523	67	119	170	167
1843	517	65	103	150	199
1844	561	78	106	190	187

по мѣстопроисхожденію				
изъ Лифляндской губ.	изъ Эстляндской губ.	изъ Курляндской губ.	изъ прочихъ губерній	изъ заграницы
31	9	1	—	5
49	17	9	8	12
103	25	12	7	8
75	28	24	17	6
63	29	23	23	7
68	25	30	17	7
64	18	23	22	12
60	14	30	28	51
84	21	30	29	53
98	51	56	35	19
88	34	47	24	16
97	40	58	32	18
106	40	55	30	16
102	41	45	32	18
128	38	42	27	9
77	23	22	13	7
110	39	36	14	12
123	45	34	19	11
137	55	45	16	9
165	51	63	16	14
151	57	52	24	17
170	63	54	35	21
160	58	54	44	18
184	59	71	50	12
187	64	77	51	12
198	79	98	61	16
205	87	102	116	20
249	109	80	157	14
256	82	118	153	10
254	100	102	125	11
237	76	110	147	15
219	85	117	141	15
186	75	122	149	18
202	82	122	156	19
189	81	111	153	13
224	76	116	156	14
221	83	101	158	12
232	75	102	144	9
243	68	107	144	11
233	51	106	140	7
220	55	105	135	8
221	58	99	134	5
245	60	99	149	8

Годы	Общее число студ., а съ 1843 г. и фармацевтовъ	по факультетамъ: богословскому	юридическому	медицинскому (студенты и, за гг. 1843—1857, фармацевты)		философскому	
				медики	фармацевты	ист.-филол.	физ.-мат.
1845	570	83	109	186		192	
1846	594	85	116	171		222	
1847	614	88	112	182		232	
1848	634	85	107	196		246	
1849	623	76	126	222		199	
1850	620	84	120	236		98	82
1851	659	94	117	261		93	94
1852	676	100	114	272		96	94
1853	712	116	108	293		90	105
1854	707	119	104	307		80	97
1855	663	112	93	297		67	94
1856	629	110	75	316		55	73
1857	610	110	81	288		52	79
1858	625	101	79	312		52	81
1859	598	107	82	254	30	46	79
1860	633	103	78	277	30	54	91
1861	627	91	76	254	33	63	110
1862	582	94	87	223	27	57	94
1863	601	97	142	195	40	51	76
1864	560	81	167	162	39	43	68
1865	594	80	204	146	35	60	69
1866	607	74	191	156	28	77	81
1867	582	63	183	130	38	86	82
1868	593	56	210	131	42	89	65
1869	679	68	247	161	38	90	75
1870	696	71	233	172	43	91	86
1871	742	83	231	189	52	93	94
1872	728	93	198	205	52	82	98
1873	768	92	207	225	66	89	89
1874	779	87	194	237	77	95	89
1875	832	102	196	256	85	118	75
1876	859	85	190	292	85	132	75
1877	858	96	175	292	75	133	87
1878	938	119	175	339	70	144	91
1879	1048	128	187	389	108	160	76
1880	1105	139	212	435	90	151	78
1881	1222	159	221	494	90	173	85
1882	1366	177	228	574	97	189	101
1883	1484	192	265	629	104	185	109
1884	1595	201	262	671	120	209	132

по местопроисхожденію				
изъ Лифляндской губ.	изъ Эстляндской губ.	изъ Курляндской губ.	изъ прочихъ губерній	изъ заграницы
242	73	99	147	9
249	68	107	159	11
250	63	109	180	12
243	62	121	199	9
233	64	124	195	7
214	58	140	201	7
225	62	136	226	10
250	63	134	220	9
259	62	146	238	7
256	69	140	237	5
236	65	141	217	4
225	63	135	200	6
224	67	119	196	4
242	67	135	177	4
249	72	119	154	4
256	82	126	164	5
259	112	80	174	2
260	69	95	157	1
274	83	117	124	3
258	71	123	106	2
273	66	137	116	2
278	70	129	128	2
264	72	117	126	3
262	77	131	118	5
309	81	149	133	7
315	86	147	144	4
331	92	157	155	7
339	85	141	159	4
345	90	141	185	7
349	97	148	181	4
371	86	169	197	9
386	91	178	197	7
379	95	157	220	7
400	107	177	239	15
442	111	206	271	18
459	124	207	295	20
498	125	239	341	19
508	136	273	428	21
520	143	314	487	20
543	145	353	529	25

Годы	Общее число студ., а съ 1843 г. и фармацевтовъ	по факультетамъ					
		богословскому	юридическому	медицинскому		ист.-фил.	физ.-мат.
				медики	фармацевты		
1885	1704	239	287	716	124	211	127
1886	1734	235	264	748	120	222	145
1887	1685	243	222	770	100	208	142
1888	1743	246	227	786	104	211	169
1889	1741	256	193	799	122	195	176
1890	1812	284	160	884	148	148	188
1891	1723	267	135	863	151	110	197
1892	1670	256	142	868	151	81	172
1893	1546	234	99	824	198	53	138
1894	1524	252	99	743	277	43	110
1895	1301	221	95	622	237	43	83
1896	1225	185	115	527	293	33	72
1897	1443	170	230	582	345	36	80
1898	1697	165	337	727	324	47	97
1899	1733	139	386	682	281	81	164
1900	1786	143	464	792	77	100	210
1901	1876	140	484	807	85	127	233

по мѣстопроисхожденію				
изъ Лифляндской губ.	изъ Эстляндской губ.	изъ Курляндской губ.	изъ прочихъ губерній	изъ заграницы
574	145	371	587	27
613	148	364	584	25
633	139	340	554	19
638	143	340	609	13
642	137	319	631	12
648	144	319	694	7
606	135	303	674	5
589	127	296	653	5
514	112	249	664	7
474	98	229	715	8
394	70	189	640	8
352	71	159	635	8
349	61	137	892	4
343	66	135	1146	7
332	63	112	1218	8
289	63	93	1335	6
275	67	87	1439	8

II. Посторонніе слушатели.

Посторонніе слушатели въ этой таблицѣ помѣчены лишь за годы 1802—1821 и 1866—1901, такъ какъ уставомъ Дерптскаго университета 4 іюня 1820 года такая категорія учащихся не была предусмотрѣна. Источникомъ для составленія таблицы за 1802—1821 года послужили общіе годовые отчеты университета, статистическія свѣдѣнія которыхъ пріурочены къ концу гражданскаго года; въ виду этого, хотя въ печатномъ „Личномъ составѣ“ за годы 1866—1892 имѣются свѣдѣнія о числѣ постороннихъ слушателей за каждый семестръ отдѣльно, мы помѣщаемъ здѣсь лишь данныя II семестра, тѣмъ болѣе, что и за 1893—1901 годы имѣются свѣдѣнія только за II семестръ учебнаго года.

Годы	Число постороннихъ слушателей	Годы	Число постороннихъ слушателей	Годы	Число постороннихъ слушателей
1802	—	1821	11	1884	18
1803	—	1866	22	1885	19
1804	—	1867	12	1886	17
1805	3	1868	29	1887	18
1806	—	1869	13	1888	11
1807	—	1870	9	1889	6
1808	—	1871	9	1890	10
1809	—	1872	6	1891	12
1810	8	1873	20	1892	7
1811	3	1874	9	1893	8
1812	3	1875	11	1894	8
1813	—	1876	15	1895	12
1814	6	1877	13	1896	8
1815	22	1878	16	1897	6
1816	19	1879	21	1898	5
1817	10	1880	17	1899	6
1818	2	1881	17	1900	3
1819	1	1882	8	1901	5
1820	10	1883	13		

III. Лица, получившія ученыя степени и званія.

Таблицы составлены по факультетамъ, при чемъ послѣднія двѣ, №№ 5 и 6, представляютъ собою, обѣ вмѣстѣ, продолженіе № 4, вслѣдствіе раздѣленія философскаго факультета въ 1850 году на историко-филологическій и физико-математическій. — Относительно всѣхъ факультетовъ, кромѣ медицинскаго, слѣдуетъ замѣтить, что званіе „дѣйствительнаго студента“ появляется въ Дерптскомъ-Юрьевскомъ университетѣ только съ 1821 года, будучи вызвано уставомъ 4 іюня 1820 года; ранѣе же 1821 года лица этой категоріи именовались получившими „аттестатъ съ правомъ поступленія на службу“ или, какъ по богословскому факультету, „аттестатъ съ правомъ проповѣдыванія“. Наименованіе степеней и званій на медицинскомъ факультетѣ нѣсколько разъ мѣнялось въ теченіе столѣтія, и, соотвѣтственно этимъ перемѣнамъ, для названнаго факультета составлено четыре особыхъ таблицы (А. Б. В. Г.), при чемъ римскія цифры въ таблицахъ Б. и В., поставленныя передъ числами, обозначаютъ разряды (I-ый, II-ой и III-ій) соотвѣтствующихъ званій. Наименованія „зубного врача“ и „дантиста“, встрѣчающіяся въ таблицахъ, отражаютъ на себѣ измѣненія наименованія этого званія въ практикѣ и въ источникахъ, на основаніи которыхъ составлены таблицы; только съ 1895 года „зубные врачи“ и „дантисты“, какъ носители разныхъ медицинскихъ званій, посчитаны особо. За послѣдній 1901 годъ, согласно предложенію г. министра народнаго просвѣщенія попечителю округа отъ 13 іюня 1901 года, окончившіе курсъ по юридическому факультету получили „дипломы“ I и II степеней, соотвѣтственно прежнимъ степени кандидата и званію дѣйствительнаго студента. — Всѣ таблицы основаны исключительно на годовыхъ отчетахъ университета.

1. Богословскій факультетъ.

Годы	Докторы	Магистры	Кандидаты	Дѣйствит. студенты	Годы	Докторы	Магистры	Кандидаты	Дѣйствит. студенты
1802	—	—	—	—	1843	—	—	2	8
1803	—	—	—	—	1844	—	1	2	10
1804	1	—	2	—	1845	—	—	2	14
1805	3	—	1	—	1846	—	—	4	10
1806	—	—	—	—	1847	1	—	2	13
1807	—	—	—	—	1848	—	—	2	12
1808	—	—	4	—	1849	—	—	—	26
1809	—	—	2	4	1850	—	—	5	21
1810	1	—	1	2	1851	—	—	—	14
1811	—	—	1	1	1852	—	—	4	18
1812	—	—	—	—	1853	—	2	1	14
1813	—	—	1	—	1854	—	—	4	16
1814	—	—	—	—	1855	—	1	5	16
1815	—	—	—	—	1856	1	—	1	20
1816	—	—	—	—	1857	—	—	6	33
1817	—	—	—	—	1858	1	1	2	18
1818	—	—	—	—	1859	—	—	4	20
1819	—	—	—	—	1860	—	—	4	12
1820	—	—	—	—	1861	—	—	4	14
1821	—	—	—	2	1862	—	—	4	13
1822	—	—	—	1	1863	—	—	1	15
1823	—	—	—	3	1864	—	—	7	17
1824	—	—	—	—	1865	—	—	4	6
1825	—	—	1	—	1866	—	—	4	15
1826	—	—	4	10	1867	—	—	2	16
1827	—	—	1	11	1868	—	—	4	10
1828	—	—	1	12	1869	1	—	7	13
1829	—	—	4	18	1870	—	—	6	12
1830	—	—	4	19	1871	—	—	—	5
1831	—	—	5	13	1872	1	—	4	11
1832	—	—	7	14	1873	—	—	—	4
1833	—	—	1	10	1874	—	—	1	4
1834	—	—	1	20	1875	—	—	6	8
1835	—	—	1	18	1876	—	—	3	6
1836	—	—	—	16	1877	—	—	2	12
1837	—	—	1	16	1878	—	2	5	4
1838	—	—	—	5	1879	—	—	2	12
1839	—	—	1	10	1880	—	—	5	15
1840	—	—	3	9	1881	1	—	4	9
1841	—	—	—	16	1882	—	—	4	12
1842	—	—	—	12	1883	—	—	9	11

1. Богословскій факультетъ.

Годы	Докторы	Магистры	Кандидаты	Дѣйствит. студенты	Годы	Докторы	Магистры	Кандидаты	Дѣйствит. студенты
1884	—	1	6	12	1893	—	—	6	15
1885	—	—	4	17	1894	—	1	14	30
1886	—	—	4	28	1895	1	2	9	38
1887	—	—	10	23	1896	—	—	8	47
1888	—	—	7	20	1897	—	1	13	17
1889	—	—	13	21	1898	—	3	6	31
1890	—	—	11	23	1899	—	1	6	19
1891	—	2	9	25	1900	—	—	8	17
1892	—	1	14	24	1901	—	—	3	15

2. Юридическій факультетъ.

Годы	Докторы	Магистры	Кандидаты	Дѣйствит. студенты	Годы	Докторы	Магистры	Кандидаты	Дѣйствит. студенты
1802	—	—	—	—	1823	—	—	2	1
1803	—	—	—	—	1824	—	—	—	—
1804	—	—	—	—	1825	—	—	—	—
1805	—	—	—	—	1826	—	—	1	7
1806	—	—	—	—	1827	—	—	—	—
1807	1	—	—	—	1828	—	—	—	2
1808	—	—	—	—	1829	—	—	2	8
1809	—	—	—	—	1830	—	—	1	3
1810	—	—	—	1	1831	—	—	4	4
1811	—	—	—	—	1832	—	—	12	6
1812	—	—	—	—	1833	1	—	3	4
1813	—	—	—	—	1834	—	1	7	9
1814	—	—	—	—	1835	—	—	5	3
1815	—	—	—	—	1836	—	—	5	3
1816	9	—	—	—	1837	—	—	7	4
1817	—	—	—	—	1838	—	—	8	4
1818	—	—	—	—	1839	—	—	11	8
1819	—	—	—	—	1840	—	1	15	6
1820	—	—	—	—	1841	—	—	18	5
1821	—	—	2	2	1842	—	—	15	4
1822	—	—	2	2	1843	—	1	13	8

2. Юридическій факультетъ.

Годы	Докторы	Магистры	Кандидаты	Дѣйствит. студенты	Годы	Докторы	Магистры	Кандидаты	Дѣйствит. студенты
1844	—	—	14	6	1873	—	—	27	12
1845	—	2	22	2	1874	1	—	10	6
1846	—	—	16	13	1875	—	1	28	10
1847	2	2	10	5	1876	—	2	22	8
1848	—	2	21	7	1877	—	—	16	8
1849	—	3	18	3	1878	—	1	18	11
1850	1	1	13	7	1879	—	—	18	13
1851	1	2	17	8	1880	1	—	5	5
1852	—	2	10	5	1881	—	—	15	13
1853	—	2	12	6	1882	—	—	11	5
1854	—	—	16	11	1883	—	—	13	10
1855	—	3	12	9	1884	1	—	14	23
1856	1	1	21	3	1885	—	—	28	20
1857	—	5	12	3	1886	—	—	23	13
1858	—	—	14	7	1887	—	1	24	31
1859	—	3	16	3	1888	1	—	31	17
1860	—	3	3	2	1889	—	—	27	22
1861	—	—	7	2	1890	—	—	23	29
1862	—	1	15	2	1891	—	3	27	21
1863	—	—	4	—	1892	—	1	24	21
1864	—	—	12	3	1893	—	2	9	11
1865	1	—	17	2	1894	—	—	14	11
1866	—	1	24	7	1895	—	—	10	9
1867	1	—	18	8	1896	—	—	12	10
1868	—	1	19	9	1897	—	—	4	8
1869	—	—	27	5	1898	—	—	9	7
1870	—	1	19	4	1899	—	—	2	5
1871	—	—	30	11	1900	—	—	20	9
1872	1	—	32	6	1901	—	—	26	43

3. Медицинскій факультетъ.

А.

Годы	Докторы мед. и хир.	Докторы медицины	Магистры мед. и хир.	Медиц. и хир. практ.	Медиц. практика	Хирургич. практика	Аптекари	Провизоры	Кандидаты фармаціи	Аптек. помощники	Зубные врачи	Повив. бабки	Акушеры
1802	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1803	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1804	—	—	—	—	—	3	—	—	—	—	—	—	—
1805	4	—	2	–	1	5	1	—	—	—	—	—	—
1806	8	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1807	1	—	—	—	4	—	5	—	—	—	—	—	—
1808	5	—	4	3	—	—	1	—	—	—	—	—	—
1809	3	—	3	1	1	—	—	—	1	—	—	—	—
1810	1	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—
1811	3	7	—	—	—	3	1	1	1	9	—	—	—
1812	—	25	—	1	1	42	2	5	—	4	—	6	—
1813	1	3	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
1814	2	8	—	—	—	—	8	6	—	7	1	10	—
1815	2	23	—	—	—	1	2	6	—	21	—	—	—
1816	—	8	—	—	—	5	1	13	—	21	1	—	—
1817	—	3	—	—	—	1	3	7	—	18	—	1	1
1818	—	7	—	1	—	7	—	2	—	17	—	5	—
1819	—	—	—	—	—	4	—	2	—	12	—	5	—

Медицинскій факультетъ.

Б.

Годы	Докторы медицины	Лѣкари			Провизоры	Аптекари	Аптекарскіе помощники	Зубные врачи	Повивальныя бабки	Акушеры	Инспект. врачебн. управы
		I разр.	II разр.	III разр.							
1820	6	1	4	4	5	—	7	1	3	—	
1821	6	1	2	3	7	1	19	1	4	—	
1822	10	3	2	—	I 13 II 2	I4	I 5 II 6 III 1	—	9	—	
1823	9	—	—	—	I 1 III 1	—	II 9 III 2	—	6	3	
1824	11	5	6	3	I 2 II 4 III 4	—	I 3 II 13 III 6	—	3	2	

Медицинскій факультетъ.

B.

Годы	Доктора медицины	Лѣкари			Провизоры	Аптекари	Аптекарскіе помощники	Зубные врачи	Повивальныя бабки	Акушеры	Инспект. врачебн. управы
		I разр.	II разр.	III разр.							
1825	14	7	7	4	I 7 II 3 III 1	I 1	I 3 II 3 III 4	1	8	2	
1826	17	3	6	3	I 5 II 2 III 1	I 1	I 6 II 9 III 1	1	15	4	
1827	9	1	2	—	I 4 II 4 III 2	I 1 III 1	I 2 II 7 III 2	—	10	5	
1828	14	4	1	1	I 7 II 2 III 1	II 1	I 5 II 10 III 2	1	9	8	
1829	18	4	8	8	I 6 II 2 III 1	II 1	I 7 II 6 III 19	1	14	1	
1830	4	3	5	2	I 7 II 4 III 1	III 1	I 6 II 11 III 15	—	5	4	2
1831	4	3	7	1	I 6 III 3	—	I 9 II 4 III 6	—	6	—	1
1832	16	5	6	—	I 9 II 7 III 1	I 2 II 1	I 8 II 13 III 3	—	12	—	—
1833	21	1	3	2	19	1	I 12 II 10 III 7	—	6	2	—
1834	13	4	6	—	22	—	I 9 II 18 III 6	—	4	1	—
1835	25	2	4	2	15	—	I 11 II 20 III 13	—	8	1	—
1836	32	2	12	5	25	—	I 11 II 19 III 4	—	10	1	—
1837	9	4	7	5	I 8 II 8 III 2	—	I 11 II 13 III 12	—	19	—	—
1838	12	5	5	5	I 9 II 6 III 3	—	I 21 II 18 III 5	—	20	3	—

Медицинскій факультетъ.

В.

Годы	Докт. мед.	Лѣкари I разр.	Лѣкари II разр.	Лѣкари III разр.	Штабъ-лѣкари	Медико-хирурги	Инспект. врачебн. управы	Акушеры	Дантисты	Повив. бабки	Аптекари	Провизоры	Аптек. помощники
1839	4	15	11	2	—	—	—	—	—	3	—	I 1 II 3	I 10 II 20 III 4
1840	3	24	10	—	—	—	—	—	—	10	—	I 6 II 12	I 14 II 20
1841	—	21	11	—	1	—	1	2	2	7	—	I 14 II 13	I 10 II 24
1842	—	20	16	—	—	—	1	—	4	10	—	I 7 II 12	I 17 II 16
1843	2	16	11	—	1	—	—	—	1	9	—	I 7 II 13	I 15 II 20
1844	—	23	13	—	2	—	—	—	—	10	2	I 6 II 13	I 7 II 21
1845	1	24	12	—	5	1	—	—	1	5	1	I 15 II 22	I 14 II 22

Медицинскій факультетъ.

Г.

Годы	Докт. мед.	Докт. мед. и хир.	Лѣкари	Уѣздные врачи	Акушеры	Операторы	Инспект. врач. управы	Маг. фарм.	Провизоры	Апт. помощники	Зубные врачи. Дантисты	Повив. бабки
1846	6	—	10	1	1	—	—	—	13	34	—	4
1847	13	—	8	4	—	—	—	—	23	26	1	6
1848	16	1	7	1	1	1	—	1	15	12	—	—
1849	9	—	5	4	1	2	—	—	11	22	4	5
1850	14	—	8	4	—	—	1	—	24	36	—	7
1851	19	1	9	16	4	2	—	—	19	19	1	5
1852	18	—	12	7	1	—	1	—	14	28	1	4
1853	22	—	24	7	2	3	—	1	18	18	—	14
1854	30	—	24	4	—	—	1	—	11	27	—	7
1855	24	—	13	5	1	—	1	2	21	24	1	12
1856	20	—	18	8	1	1	—	—	17	29	—	14
1857	22	—	19	13	2	1	1	—	2	24	—	6
1858	32	—	23	11	1	—	—	—	19	31	—	15

Медицинскій факультетъ.

Г.

Годы	Докт. мед.	Докт. мед. и хир.	Лѣкари	Уѣздные врачи	Акушеры	Операторы	Инспект. врач. управы.	Маг. фарм.	Провизоры	Апт. помощники	Зубные врачи. Дантисты	Повив. бабки
1859	27	—	34	15	—	—	—	—	29	38	—	11
1860	21	—	13	12	—	1	—	—	12	55	—	9
1861	17	—	21	13	—	—	—	1	17	36	—	9
1862	13	—	11	12	1	—	—	1	19	52	1	10
1863	7	—	13	6	—	—	1	—	18	42	—	14
1864	17	—	17	6	1	—	—	1	27	44	—	16
1865	10	—	18	10	1	—	1	4	29	37	1	9
1866	23	—	19	14	5	1	—	1	10	46	—	13
1867	18	1	15	11	—	1	2	—	17	46	1	25
1868	11	—	12	2	1	—	—	2	14	34	1	9
1869	20	—	10	6	1	3	1	2	15	51	1	12
1870	11	—	14	—	—	—	—	—	11	38	1	9
1871	11	—	12	2	—	—	—	4	18	49	—	16
1872	11	—	7	1	—	—	—	3	18	67	—	32
1873	18	—	2	2	—	—	2	1	21	45	—	24
1874	18	—	11	3	—	—	—	2	23	44	4	24
1875	12	—	11	2	1	—	1	2	28	47	6	30
1876	11	—	15	1	—	—	—	1	36	54	1	22
1877	13	—	10	3	1	—	1	1	35	50	1	25
1878	7	—	7	1	1	—	1	3	28	60	1	37
1879	22	—	13	2	—	—	—	1	23	45	3	32
1880	24	—	8	11	1	—	—	7	24	45	4	21
1881	22	—	24	3	—	—	—	4	46	66	3	—
1882	18	—	17	4	1	—	—	3	24	78	5	—
1883	32	—	39	9	—	—	—	1	32	84	4	1
1884	29	—	18	7	—	—	—	5	35	66	4	29
1885	28	—	35	8	—	—	—	2	36	78	8	15
1886	31	—	36	9	—	—	—	—	54	94	4	20
1887	16	—	60	9	—	—	1	2	37	98	7	21
1888	28	—	76	9	1	—	—	5	38	108	15	10
1889	49	—	59	14	—	—	—	6	55	110	26	33
1890	44	—	32	15	—	—	—	8	52	102	25	33
1891	73	—	30	15	—	—	—	6	67	110	53	28
1892	55	—	26	10	—	—	—	8	88	64	19	12
1893	61	—	134	18	—	—	—	9	73	77	28	24
1894	47	—	140	11	—	—	—	1	117	82	22	18

Медицинскій факультетъ.

Г.

Годы	Докт. мед.	Докт. мед. и хир.	Лѣкари	Уѣздные врачи	Акушеры	Операторы	Инспект. врач. управы	Маг. фарм.	Провизоры	Апт. помощники	Зубные врачи	Дантисты	Повив. бабки
1895	14	—	169	4	—	—	—	2	190	56	1	23	23
1896	12	—	188	6	—	—	—	4	103	61	—	27	67
1897	7	—	132	5	—	—	1	1	76	52	3	21	43
1898	8	—	118	3	2	—	1	—	127	39	16	14	50
1899	9	—	111	5	—	—	—	1	133	75	32	38	50
1900	12	—	91	7	2	—	—	6	58	82	31	35	60
1901	6	—	123	11	1	—	—	5	34	120	20	48	76

4. Философскій факультетъ.

Годы	Доктора	Магистры	Кандидаты	Дѣйств. ст. (съ 1821 г.)	Годы	Доктора	Магистры	Кандидаты	Дѣйств. ст. (съ 1821 г.)
1802	—	—	—		1826	—	—	—	—
1803	—	—	—		1827	—	—	6	1
1804	—	—	—		1828	—	—	2	2
1805	1	1	1		1829	—	—	2	3
1806	1	1	—		1830	—	—	8	2
1807	—	—	—		1831	—	—	4	4
1808	—	—	—		1832	4	2	5	—
1809	1	—	—		1833	6	3	7	1
1810	—	—	—		1834	—	—	5	6
1811	—	—	—		1835	—	—	8	2
1812	—	—	—		1836	—	1	2	3
1813	4	—	1		1837	—	3	15	3
1814	—	—	—		1838	1	1	5	1
1815	1	—	2		1839	3	—	13	4
1816	3	—	—		1840	—	2	5	2
1817	—	—	—		1841	—	4	17	4
1818	—	—	—		1842	—	—	13	1
1816	—	—	—		1843	—	—	12	4
1820	—	—	1		1844	1	2	14	5
1821	—	—	3	1	1845	—	—	10	11
1822	—	—	—	1	1846	1	1	14	5
1823	—	—	1		1847	—	—	8	10
1824	—	—	—	—	1848	—	—	18	7
1825	—	1	1	1	1849	—	1	18	13

5. Историко-филологическій факультетъ.

Годы	Докторы	Магистры	Кандидаты	Дѣйств. студенты	Годы	Докторы	Магистры	Кандидаты	Дѣйств. студенты
1850	—	1	11	5	1876	—	3	8	1
1851	—	—	5	6	1877	1	1	8	4
1852	—	1	7	6	1878	—	2	11	4
1853	—	1	5	3	1879	2	2	11	7
1854	—	1	9	7	1880	2	1	25	7
1855	—	—	7	3	1881	—	2	11	5
1856	1	1	7	6	1882	1	2	16	7
1857	—	—	3	3	1883	2	2	10	7
1858	2	1	3	5	1884	2	1	12	10
1859	—	—	2	4	1885	—	—	11	13
1860	1	—	2	—	1886	1	4	24	20
1861	—	—	5	4	1887	2	3	8	13
1862	—	1	2	2	1888	1	1	13	11
1863	—	—	2	1	1889	1	1	24	14
1864	—	—	5	3	1890	1	1	24	16
1865	—	—	4	3	1891	1	1	17	15
1866	—	2	6	2	1892	—	4	15	12
1867	1	2	2	2	1893	—	2	15	7
1868	1	1	4	1	1894	—	1	12	9
1869	1	—	3	5	1895	—	1	5	9
1870	1	—	6	4	1896	—	2	3	6
1871	—	2	5	7	1897	1	—	2	2
1872	—	—	12	4	1898	1	—	4	7
1873	1	—	7	7	1899	—	—	2	—
1874	—	—	10	2	1900	—	—	3	—
1875	—	1	6	4	1901	—	—	4	6

6. Физико-математическій факультетъ.

Годы	Докторы	Магистры	Кандидаты	Дѣйств. студенты	Годы	Докторы	Магистры	Кандитаты	Дѣйств. студенты
1850	—	—	14	3	1856	—	2	6	4
1851	—	1	7	2	1857	—	2	5	1
1852	—	1	12	3	1858	—	2	4	2
1853	—	3	6	3	1859	1	—	5	2
1854	—	1	9	5	1860	1	—	7	1
1855	—	1	6	2	1861	—	—	5	—

Годы	Доктора	Магистры	Кандидаты	Дѣйств. студенты	Годы	Доктора	Магистры	Кандидаты	Дѣйств. студенты
1862	—	1	9	2	1882	2	1	6	5
1863	—	—	5	—	1883	—	2	12	4
1864	—	1	15	2	1884	—	1	7	6
1865	1	1	16	4	1885	2	5	11	11
1866	—	2	6	1	1886	—	1	12	6
1867	1	2	9	3	1887	1	2	12	10
1868	1	2	7	1	1888	1	2	10	5
1869	—	4	7	3	1889	—	—	14	14
1870	1	—	10	2	1890	1	3	15	12
1871	5	—	2	1	1891	—	1	19	13
1872	—	2	8	—	1892	3	1	18	11
1873	1	3	6	—	1893	2	1	23	14
1874	1	1	8	1	1894	1	—	21	22
1875	2	—	12	5	1895	—	—	19	14
1876	—	—	5	1	1896	—	1	13	11
1877	2	1	11	5	1897	—	1	7	8
1878	3	1	10	7	1898	—	—	8	10
1879	1	1	7	2	1899	—	—	5	3
1880	1	1	10	4	1900	1	1	3	5
1881	—	1	6	2	1901	—	—	12	15

IV. Общее число студентовъ за годы 1878—1901 по вѣроисповѣданіямъ, сословіямъ, категоріямъ учебныхъ заведеній и по учебнымъ округамъ, въ которыхъ получили предварительное образованіе.

Списки ограничиваются названными годами потому, что въ годовыхъ отчетахъ университета, откуда они взяты, предлагаемый матеріалъ имѣется только за эти годы.

1. По вѣроисповѣданію.

Годы	Православные	Единовѣрцы	Армяно-грегоріане	Армяно-катол.	Римско-католики	Лютеране	Реформаты	Англиканск. исповѣд.	Магометанской вѣры	Евреи	Караимск. вѣры	Баптисты	Буддисты
1878	57		1		63	709	21			31			
1879	59		1		67	806	30			43			
1880	60		1		81	853	23			47			
1881	65		1		86	924	25			63			
1882	68		—		92	1003	33			115			
1883	79		—		95	1050	38			155			
1884	68		—		101	1110	30			176			
1885	71		—		99	1141	38			235			
1886	77		—		103	1165	28			241			
1887	75		—		96	1174	22			215			
1888	95		2		106	1162	17			250			
1889	93		3		99	1114	26	1	1	301			
1890	104		1		110	1119	25	1	1	333			
1891	94		2		106	1050	20	1	—	342			
1892	103	1	2		98	1018	17	1	—	326	1	1	
1893	90	1	2		83	923	16	1	—	373	1	1	
1894	88	1	1		66	709	13	1	—	291	1	—	
1895	91	1	2		83	565	8	—	—	235	1	—	1
1896	138	—	2		88	466	3	—	—	179	1	—	—
1897	282	—	7	1	86	419	4	—	—	187	—	1	—
1898	557	—	10	—	91	398	5	1	—	156	—	—	—
1899	715	—	11	1	85	360	3	—	—	115	—	—	—
1900	958	—	8	1	82	362	2	—	—	130	—	—	—
1901	1025	—	4	1	67	374	5	—	—	104	—	—	—

2. По сословіямъ.

Годы	Сыновья дворянъ и чиновниковъ	Духовн. званія	Сыновья почетн. гражданъ и купц.	Сыновья мѣщанъ и разночинцевъ	Сыновья крестьянъ	Иностр. поддан.
1878	398	101	100	183	62	38
1879	423	114	125	213	84	47
1880	384	136	237	196	76	36
1881	421	157	237	215	91	43
1882	473	136	406	118	121	57
1883	518	126	338	246	128	61
1884	511	127	373	285	130	59
1885	550	107	364	353	137	73
1886	562	118	331	400	138	65
1887	509	91	274	479	171	58
1888	502	74	317	500	188	51
1889	491	108	340	455	194	50
1890	440	103	413	475	214	49
1891	397	21	436	477	232	52
1892	384	17	464	439	217	47
1893	313	11	513	397	221	36
1894	278	12	318	346	191	26
1895	252	8	254	278	171	24
1896	230	38	196	247	151	15
1897	243	144	187	248	148	17
1898	284	337	178	255	145	19
1899	305	451	141	250	129	14
1900	302	646	174	258	150	13
1901	268	705	179	247	167	14

3. По предварительному образованію.

Годы	Гимназ.	Семинар.	Изъ др. учеб. з.	Аптек. помощн.	Годы	Гимназ.	Семинар.	Изъ др. учеб. з.	Аптек. помощн.
1878	755	6	51	70	1890	1336	—	233	125
1879	853	5	47	101	1891	1272	—	215	128
1880	916	1	65	83	1892	1241	—	210	117
1881	1011	1	78	74	1893	1138	—	188	165
1882	1121	—	101	89	1894	999	2	170	—
1883	1166	—	151	100	1895	805	5	177	—
1884	1250	—	140	95	1896	646	47	184	—
1885	1304	—	176	104	1897	571	164	252	—
1886	1325	—	190	99	1898	526	382	310	—
1887	1308	—	186	88	1899	469	539	282	—
1888	1292	—	248	92	1900	477	779	287	—
1889	1302	—	244	92	1901	499	864	217	—

3. По учебнымъ округамъ.

Годы	С.-Петербургскій	Московскій	Казанскій	Харьковскій	Одесскій	Кіевскій	Виленскій	Варшавскій	Дерптскій (Рижскій)	Оренбургск.	Кавказскій	Сибирскія губерніи	Изъ загран. учеб. завед.	Финляндія
1878	66	14	5	2	2	2	6	22	743	—	—	—	20	
1879	88	12	5	4	1	2	7	24	845	—	—	—	18	
1880	116	4	3	4	3	3	2	24	881	—	—	—	25	
1881	125	9	5	5	6	6	7	26	944	—	—	—	31	
1882	127	18	5	10	19	19	17	31	1033	—	—	—	32	
1883	151	21	3	9	26	40	25	38	1068	—	—	—	36	
1884	129	24	9	8	23	31	38	47	1148	2	—	1	25	
1885	149	37	10	11	25	42	30	69	1182	4	—	1	24	
1886	152	38	11	14	30	41	29	73	1198	5	—	—	23	
1887	141	33	9	7	28	37	31	108	1159	5	2	—	22	
1888	154	50	18	14	28	38	34	88	1178	1	1	3	25	
1889	140	51	24	23	25	24	32	86	1207	8	3	—	15	
1890	138	67	25	23	27	24	34	78	1241	11	4	2	20	
1891	116	93	16	26	24	32	29	68	1178	5	7	2	19	
1892	116	87	17	22	26	40	33	53	1143	6	7	1	16	1
1893	115	112	13	30	36	51	35	51	1015	7	6	1	14	5
1894	108	62	5	12	39	28	36	66	786	7	7	3	8	2
1895	92	65	8	8	39	23	31	94	611	3	4	3	3	3
1896	93	58	4	13	34	54	30	102	471	4	5	5	2	2
1897	124	111	19	26	39	110	38	86	394	5	9	21	3	2
1898	135	207	43	65	47	163	54	77	354	16	16	39	2	—
1899	149	240	66	87	45	168	73	69	311	18	22	39	2	1
1900	171	296	98	122	63	185	101	70	311	27	48	47	3	1
1901	189	309	113	143	62	150	108	56	316	26	55	48	4	1

V. Списокъ почетныхъ докторовъ (honoris causa).

Списокъ состоитъ изъ трехъ таблицъ. Въ таблицахъ А. и В. перечислены лица, удостоенныя степени почетнаго доктора по избранію факультетовъ и съ утвержденія совѣта, согласно § 78 устава 12 сентября 1803 года и § 70 устава 9 января 1865 года. Въ промежутокъ же дѣйствія этихъ двухъ уставовъ, т. е. съ 1820 по 1864 годъ, степень почетнаго доктора совсѣмъ не присуждалась, согласно прим. къ § 44 „Положенія о производствѣ въ ученыя степени“ 20 января 1819 года (Сборникъ постановленій, I. 1257), и только по случаю 25-лѣтняго юбилея университета, по ходатайству совѣта отъ 21 октября 1827 года, ему было высочайше разрѣшено, въ видѣ изъятія изъ существовавшихъ правилъ, возвести нѣсколькихъ лицъ въ званіе почетнаго доктора; имена ихъ помѣщены въ таблицѣ Б.

А. 1803—1818.

1803 г. декабря 19. Совѣтникъ Прусской ев.-лют. Консисторіи, Директоръ Домскаго Училища въ г. Магдебургѣ Готлибъ-Бенедиктъ Функъ — въ п. д. философіи.

1803 г. декабря 19. Пасторъ ев.-лют. прихода Оберпаленъ, Лифл. губ., Августъ-Вильгельмъ Гупель — въ п. д. философіи.

1805 г. августа 5. Генералъ-суперинтендентъ и Духовный Предсѣдатель Лифляндской ев.-лют. Консисторіи, Оберъ-пасторъ ев.-лют. церкви Св. Якова въ г. Ригѣ, Д-ръ филос. Карлъ-Готлобъ Зоннтагъ — въ п. д. богословія.

1810 г. декабря 13. Ординарный профессоръ Дерпскаго Университета Иванъ-Вильгельмъ Краузе — въ п. д. философіи.

1810 г. декабря 13. Придворный Проповѣдникъ Его Императорскаго Высочества Принца Ольденбургскаго, Пасторъ ев.-лют. церкви въ г. Твери, Иванъ-Фридрихъ-Августъ Фольбортъ — въ п. д. богословія.

1811 г. февраля 22. Бывшій Инспекторъ Рижскаго уѣзднаго училища, секретарь Рижскаго Экономическаго Общества Вильгельмъ-Христіанъ Фрибе — въ п. д. философіи.

1813 г. мая 29. Пасторъ реформ. церкви въ г. Ригѣ Георгій-Людвигъ Коллинсъ — въ п. д. философіи.

1813 г. октября 25. Почетный Членъ Императорской Академіи Наукъ, Адмиралъ-Маіоръ Адамъ фонъ-Крузенштернъ — въ п. д. философіи.

1814 г. августа 24. Ординарный профессоръ Дерптскаго Университета Карлъ-Фридрихъ Мейеръ — въ п. д. правъ.

1815 г. января 29. Попечитель Дерптскаго Учебнаго Округа, Генералъ-Лейтенантъ Федоръ Ивановичъ Клингеръ — въ п. д. философіи.

1815 г. мая 24. Проповѣдникъ Домскаго прихода и Директоръ губернскихъ училищъ въ г. Ригѣ, Д-ръ филос. Августъ Албанусъ — въ п. д. богословія.
1815 г. мая 24. Совѣтникъ Курляндской ев.-лют. Консисторіи, Пасторъ ев.-лют. прихода Добленъ, Курл. губ., Иванъ-Леберехтъ-Георгъ Рихтеръ — въ п. д. богословія.
1815 г. октября 27. Ординарный Профессоръ Дерптскаго Университета, Морицъ фонъ-Энгельгардтъ — въ п. д. философіи.
1816 г. марта 31. Пасторъ ев.-лют. прихода Руенъ, Лифл. губ., Веніаминъ-Балтазаръ Бергманъ — въ п. д. философіи.
1816 г. марта 31. Поэтъ Василій Андреевичъ Жуковскій — въ п. д. философіи.
1816 г. мая 19. Членъ Лифляндской Ландратской Коллегіи Густавъ-Иванъ фонъ-Будденброкъ, въ С.-Петербургѣ — въ п. д. правъ.
1816 г. сентября 29. Членъ С.-Петербургской ев.-лют. Консисторіи, Пасторъ ев.-лют. главнаго прихода въ С.-Петербургѣ Іеронимъ-Гейнрихъ Гамельманъ — въ п. д. богословія.
1817 г. апрѣля 24. Ев.-лют. Благочинный, Пасторъ ев.-лют. прихода Вейссенштейнъ, Эстл. губ., Давидъ Гланстремъ — въ п. д. богословія.
1818 г. марта 11. Совѣтникъ Эстляндской ев.-лют. Консисторіи, Пасторъ ев.-лют. прихода Вейссенштейнъ, Эстл. губ., Д-ръ филос. Августъ-Вильгельмъ Гупель — въ п. д. богословія.
1818 г. марта 30. Ординарный Профессоръ Дерптскаго Университета Александръ Воейковъ — въ п. д. философіи.
1818 г. мая 15. Пасторъ ев.-лют. прихода Кабилленъ, Курл. губ., Германъ-Фридрихъ Дулло — въ п. д. богословія.
1818 г. октября 3. Посланникъ Его Величества Короля Баварскаго въ С.-Петербургѣ, Графъ Францъ-Гавріилъ де-Бре (de Bray) — въ п. д. философіи.

Б. По поводу перваго юбилея университета 12 декабря 1827 года.

По богословскому факультету:

Генералъ-суперинтендентъ Лифляндской ев.-лют. Консисторіи Карлъ Бергъ.
Старшій проповѣдникъ ев.-лют. церкви Св. Михаила въ Бременѣ Готфридъ Менкенъ.

По юридическому факультету:

Членъ Государственнаго Совѣта, Д. Т. С. Михаилъ Михаиловичъ Сперанскій.
Бывшій Попечитель Дерптскаго Учебнаго Округа, Генералъ-Лейтенантъ Федоръ Ивановичъ Клингеръ.
Прелатъ и Библіотекарь Ватикана Анджело Маи.

По медицинскому факультету:

Камергеръ Короля Прусскаго, Баронъ Александръ фонъ-Гумбольдтъ.
Академикъ, С. С. Георгъ-Фридрихъ Парротъ.

По 1 и 3 отд. философскаго факультета:

Кіевскій Митрополитъ Евгеній.
Московскій Митрополитъ Филаретъ.

По 2 и 4 отд. философскаго факультета:

Принцъ Саксонскій-Веймаръ-Эйзенахскій Карлъ Бернгардъ.
Профессоръ химіи въ Стокгольмѣ Яковъ Берцеліусъ.

B. 1866—1899[1]).

1866 г. марта 18. Академикъ Фердинандъ Видеманъ — въ п. д. древне-классической филологіи.

1866 г. ноября 29. Вице-президентъ ев.-лют. Генеральной Консисторіи, Епископъ Карлъ-Христіанъ Ульманъ — въ п. д. богословія.

1869 г. сентября 9. Духовный Предсѣдатель Ревельской ев.-лют. Консисторіи, оберъ-пасторъ церкви Св. Олая, Христофоръ-Гейнрихъ-Отто Гиргенсонъ — въ п. д. богословія.

1869 г. декабря 11. Попечитель Дерптскаго Учебнаго Округа графъ Александръ Кейзерлингъ — въ п. д. минералогіи и геологіи.

1871 г. декабря 29. Генералъ-суперинтендентъ Московской ев.-лют. Консисторіи Вильгельмъ Карлбломъ — въ п. д. богословія.

1872 г. ноября 24. Экстраординарный профессоръ богословскаго факультета Эрлангенскаго Университета Густавъ-Леонгардъ Плиттъ — въ п. д. богословія.

1873 г. августа 11. Гейдельбергскій профессоръ д-ръ мед. Фридрихъ Велеръ — въ п. д. химіи.

1873 г. ноября 29. Геттингенскій преподаватель гимназіи Августъ Фикъ — въ п. д. сравнительнаго языковѣдѣнія.

1875 г. сентября 16. Заслуженный профессоръ Дерптскаго Университета, Д-ръ мед. Александръ фонъ-Бунге — въ п. д. ботаники.

1875 г. декабря 2. Академикъ, Т. С., Д-ръ мед. Ѳедоръ Ѳедоровичъ Брандтъ — въ п. д. зоологіи.

---

1) Кромѣ докторовъ honoris causa, одно лицо удостоено было степени почетнаго магистра фармаціи, именно 25 мая 1873 г. Рижскій аптекарь Карлъ Фредеркингъ.

1878 г. февраля 17. Академикъ, Генералъ-Лейтенантъ, Директоръ Горнаго Института Григорій фонъ-Гельмерсенъ — въ п. д. минералогіи и геологіи.
1879 г. августа 31. Заслуженный профессоръ Дерптскаго Университета, Д-ръ филос. Фердинандъ Миндингъ — въ п. д. математики.
1882 г. октября 7. Ординарный профессоръ богословскаго факультета Эрлангенскаго Университета, Лиц. бог., Альбертъ Гаукъ — въ п. д богословія.
1883 г. октября 13. Генералъ-суперинтендентъ Эстляндской ев.-лют. Консисторіи Вольдемаръ Шульцъ — въ п. д. богословія.
1883 г. октября 13. Рижскій оберъ-пасторъ Иванъ Люткенсъ — въ п. д. богословія.
1883 г. октября 13. Генералъ-суперинтендентъ и Совѣтникъ Прусской ев.-лют. Консисторіи въ г. Целле, Максъ Фроммель — въ п. д. богословія.
1884 г. октября 12. Председатель Рижскаго „Общества Исторіи и древностей Прибалтійскихъ губерній“, Рижскій городской библіотекарь Георгъ Беркгольцъ — въ п. д. исторіи.
1885 г. мая 31. Заслуженный проповѣдникъ ев.-лют. церкви Св. Якова въ г. Ригѣ, Совѣтникъ Консисторіи, Д-ръ филос. Христіанъ-Августъ Беркгольцъ — въ п. д. богословія.
1887 г. января 31. Директоръ Императорской Николаевской Главной Астрономической Обсерваторіи, Т. С. Оттонъ Васильевичъ Струве — въ п. д. астрономіи.
1888 г. марта 18. Лифляндскій Директоръ Губернскихъ Училищъ въ г. Ригѣ, Д. С. С. Александръ Крангальсъ — въ п. д. философіи.
1888 г. сентября 24. Д. С. С. Викторъ Генъ, въ Берлинѣ — въ п. д. древне-классической филологіи.
1888 г. октября 28. Ординарный профессоръ богословскаго факультета Грейфсвальдскаго Университета, Викторъ Шульце — — въ п. д. богословія.
1889 г. октября 23. Ев.-лют. Суперинтендентъ, въ г. Плоцкѣ, пасторъ Игнатій фонъ-Бернеръ — въ п. д. богословія.
1889 г. декабря 7. Ординарный профессоръ богословскаго факультета Эрлангенскаго Университета, Маг. бог., Рейнгольдъ Зебергъ — въ п. д. богословія.
1892 г. мая 20. Заслуженный проповѣдникъ Юрьевской ев.-лют. церкви Св. Маріи, Совѣтникъ Консисторіи, Адальбертъ Виллигероде — въ п. д. богословія.
1892 г. сентября 29. Вице-президентъ Эстляндскаго Литературнаго Общества, Евгеній Эдуардовичъ фонъ-Нотбекъ — въ п. д. правъ.
1893 г. декабря 10. Приватъ-доцентъ Московскаго Университета, Борисъ Измайловичъ Срезневскій — въ п. д. физики.
1894 г. февраля 18. Ординарный профессоръ богословскаго факультета Грейфсвальдскаго Университета, Д-ръ филос. Иванъ Гауслейтеръ — въ п. д. богословія.

1898 г. декабря 17. Заслуженный профессоръ Московскаго Университета Василій Яковлевичъ Цингеръ — въ п. д. ботаники.
1899 г. сентября 16. Директоръ Николаевской Главной Физической Обсерваторіи въ С.-Петербургѣ, Академикъ, Генералъ-Маіоръ Михаилъ Александровичъ Рыкачевъ — въ п. д. физической географіи.

VI. Списокъ почетныхъ членовъ.

Въ спискѣ помѣщены двѣ таблицы, изъ которыхъ первая (А.) заключаетъ въ себѣ имена лицъ, избранныхъ, съ высочайшаго соизволенія, въ почетные члены университета по случаю 50-лѣтняго его юбилея, а во второй (Б.) названы лица, избранныя въ упомянутое званіе совѣтомъ университета за годы 1872—1901.

А. По поводу второго юбилея университета 12 декабря 1852 года.

Его Императорское Высочество Великій Князь Цесаревичъ Наслѣдникъ Александръ Николаевичъ.
Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Николаевичъ.
Его Императорское Высочество Принцъ Петръ Ольденбургскій.
Министръ Народнаго Просвѣщенія, Сенаторъ, Т. С. Князь Платонъ Александровичъ Ширинскій-Шихматовъ.
Товарищъ Министра Народнаго Просвѣщенія, Сенаторъ, Т. С. Авраамъ Сергѣевичъ Норовъ.
Попечитель Дерптскаго Учебнаго Округа, Членъ Главнаго Правленія Училищъ, Генералъ отъ Инфантеріи Густавъ Борисовичъ Крафстремъ.
Генералъ-Адъютантъ, Президентъ Государственнаго Совѣта, Генералъ отъ Кавалеріи Князь Александръ Ивановичъ Чернышевъ.
Генералъ-Адъютантъ, Членъ Государственнаго Совѣта, Намѣстникъ Кавказской Области, Генералъ-губернаторъ Новороссійскій и Бессарабскій, Генералъ отъ Инфантеріи Князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ.
Генералъ-Адъютантъ, Членъ Государственнаго Совѣта, Генералъ отъ Кавалеріи Графъ Петръ фонъ-деръ-Паленъ.
Генералъ-Адъютантъ, Членъ Государственнаго Совѣта, Генералъ отъ Кавалеріи Графъ Алексѣй Федоровичъ Орловъ.
Предсѣдатель Императорской Академіи Наукъ, Членъ Государственнаго Совѣта, Д. Т. С. Графъ Сергій Семеновичъ Уваровъ.

Предсѣдатель Департамента Законовъ Государственнаго Совѣта, Главно-Управляющій II Отдѣленія Собственной Канцеляріи Его Императорскаго Величества, Статсъ-Секретарь, Д. Т. С. Графъ Дмитрій Николаевичъ Блудовъ.

Членъ Государственнаго Совѣта, Генералъ отъ Кавалеріи Баронъ Магнусъ фонъ-деръ-Паленъ.

Членъ Государственнаго Совѣта, Директоръ Императорской Публичной Библіотеки, Т. С. Баронъ Модестъ Андреевичъ Корфъ.

Генералъ - Адъютантъ, Рижскій Военный Губернаторъ, Генералъ-Губернаторъ Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи, Генералъ-Лейтенантъ Князь Александръ Аркадіевичъ Италійскій Графъ Суворовъ-Рымникскій.

Генералъ-Адъютантъ, Ревельскій Военный Губернаторъ и Главнокомандующій Ревельской гавани, Вице - Адмиралъ Фридрихъ фонъ-Люткe.

Вице - президентъ Главной ев. - лют. Консисторіи, Епископъ, Д-ръ Фридрихъ-Николай фонъ-Пауфлеръ.

Старшій Совѣтникъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Т. С. Христіанъ фонъ-Бекъ.

Предсѣдатель Медицинскаго Совѣта, Лейбъ-медикъ, Т. С. Д-ръ мед. и хир. Михаилъ фонъ-Маркусъ.

Предсѣдатель Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, Членъ Главнаго Правленія училищъ, Директоръ Главнаго Педагогическаго Института, Д. С. С. Иванъ Ивановичъ Давыдовъ.

Дѣйствительный Членъ Императорской Академіи Наукъ, Директоръ Главной Обсерваторіи въ Пулковѣ, Д. С. С. Д-ръ Вильгельмъ Струве.

Дѣйствительный Членъ Императорской Академіи Наукъ, Д. С. С. Д-ръ Карлъ-Эрнстъ фонъ-Беръ.

Президентъ Лифляндскаго Гофгерихта, Д. С. С. Рейнгольдъ-Иванъ-Людвигъ Самсонъ-фонъ-Гиммельстіернъ.

Профессоръ Императорской Медико-хирургической Академіи въ С.-Петербургѣ, Академикъ, Д. С. С., Д-ръ мед. и хир. Николай Ивановичъ Пироговъ.

Почетный Попечитель Митавской Гимназіи, Камергеръ, С. С. баронъ Отто фонъ-Мирбахъ.

Бывшій Старшій Совѣтникъ Лифляндской ев.-лют. Консисторіи, Оберъ-пасторъ въ Вольмарѣ, Д-ръ Фердинандъ Вальтеръ.

Профессоръ Берлинскаго Университета, Т. С. Д-ръ Іоганнъ Мюллеръ.

Профессоръ Мюнхенскаго Университета, Д-ръ баронъ Юстъ фонъ-Либигъ.

Б. 1872—1901.

1872 г. сентября 2. Бывшій Ординарный Профессоръ Дерптскаго У-та, Д. С. С., Д-ръ пр. Фридрихъ-Георгъ фонъ-Бунге.

1874 г. марта 4. Ординарный Профессоръ Лейпцигскаго У-та, Д-ръ филос. и бог. Гейнрихъ Флейшеръ.
1880 г. апрѣля 25. Управляющій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія (бывшій Попечитель Дерптскаго Учебнаго Округа), Т. С. Андрей Александровичъ Сабуровъ.
1880 г. августа 28. Дѣйствительный Членъ Императорской Академіи Наукъ (почетный докторъ Дерптскаго У-та), Т. С. Фердинандъ Видеманъ.
1883 г. марта 8. Почетный Членъ Императорской Академіи Наукъ (бывшій ординарный профессоръ Дерптскаго У-та), Т. С. Д-ръ филос. Германъ Абихъ.
1884 марта 27. Заслуженный Профессоръ Дерптскаго У-та, Д. С. С. Д-ръ мед. Фридрихъ Биддеръ.
1885 г. октября 11. Заслуженный Профессоръ Дерптскаго У-та, Д. С. С. Д-ръ мед. (и почетный докторъ Дерптскаго У-та) Александръ фонъ-Бунге.
1887 г. мая 16. Дѣйствительный Членъ Императорской Академіи Наукъ, Т. С. Д-ръ мед. Александръ фонъ-Миддендорфъ.
1887 г. декабря 8. Дѣйствительный Членъ Императорской Академіи Наукъ, Т. С. Оттонъ Бетлингъ.
1889 г. мая 16. Дѣйствительный Членъ Императорской Академіи Наукъ, Директоръ Николаевской Главной Астрономической Обсерваторіи, Д. Т. С. (почетный докторъ Дерптскаго У-та) Оттонъ Струве.
1891 г. октября 9. Академикъ и Ординарный Профессоръ въ Берлинѣ, Т. С., Д-ръ филос. Германъ-Людвигъ-Фердинандъ фонъ-Гельмгольцъ.
1891 г. октября 10. Академикъ и Ординарный Профессоръ въ Берлинѣ, Т. С., Д-ръ мед. Рудольфъ Вирховъ.
1891 г. ноября 20. Ординарный Профессоръ Мюнхенскаго У-та, Т. С., Д-ръ филос. Гейнрихъ фонъ-Бруннъ.
1892 г. мая 21. Ординарный Профессоръ Геттингенскаго У-та, Д-ръ пр. Рудольфъ фонъ-Іерингъ.
1892 г. ноября 4. Извѣстный русскій историкъ Иванъ Егоровичъ Забѣлинъ.
1894 г. октября 27. Ординарный Профессоръ Московскаго У-та Дмитрій Николаевичъ Зерновъ.
1897 г. ноября 11. Министръ Финансовъ, Статсъ-Секретарь, Т. С. Сергѣй Юліевичъ Витте.
1897 г. декабря 18. Вице-президентъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, Сенаторъ, Членъ Государственнаго Совѣта, Д. Т. С. Петръ Петровичъ Семеновъ.
1897 г. декабря 18. Его Императорское Высочество Великій Князь Владиміръ Александровичъ.
1898 г. февраля 9. Оберъ-Прокуроръ Святѣйшаго Синода, Статсъ-Секретарь, Сенаторъ, Членъ Государственнаго Совѣта, Д. Т. С. Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ.
1898 г. декабря 3. Начальникъ Военно-Медицинской Академіи, Т. С. Викторъ Васильевичъ Пашутинъ.

1901 г. декабря 17. Заслуженный Ординарный **Профессоръ У-та** Св. Владиміра Михаилъ Флегонтовичъ **Владимірскій-Будановъ.**

1901 г. декабря 17. Заслуженный Ординарный **Профессоръ Московскаго** У-та Василій Осиповичъ **Ключевскій.**

VII. Ректоры.

Съ 1 авг. 1802 г.	по 1 авг. 1803 г.	Г. Ф. Парротъ
„ 1 авг. 1803	„ 1 авг. 1804	Балкъ
„ 1 авг. 1804	„ 1 авг. 1805	Гаспари
„ 1 авг. 1805	„ 1 авг. 1806	Г. Ф. Парротъ
„ 1 авг. 1806	„ 1 авг. 1808	Мейеръ
„ 1 авг. 1808	„ 1 авг. 1810	Дейчъ
„ 1 авг. 1810	„ 1 авг. 1812	Гриндель
„ 1 авг. 1812	„ 1 авг. 1813	Г. Ф. Парротъ
„ 1 авг. 1813	„ 1 авг. 1814	Стиксъ
„ 1 авг. 1814	„ 1 авг. 1816	Рамбахъ
„ 1 авг. 1816	„ 1 мая 1817	Штельцеръ
„ 1 авг. 1817	„ 1 авг. 1818	Гизе
„ 1 авг. 1818	„ конецъ 1830	Г. Эверсъ
„ 1 янв. 1831	„ 1 янв. 1834	Фр. Парротъ
„ 1 янв. 1834	„ 1 янв. 1836	Мойеръ
„ 1 янв. 1836	„ 1 янв. 1839	Нейе
„ 1 янв. 1839	„ 1 янв. 1842	Ульманъ
„ 1 янв. 1842	„ 16 нояб. 1842	Фолькманъ
„ 2 дек. 1842	„ 1 янв. 1851	Нейе
„ 1 янв. 1851	„ 1 янв. 1858	Гафнеръ
„ 13 янв. 1858	„ 5 фев. 1865	Биддеръ
„ 5 фев. 1865	„ 18 янв. 1868	фонъ-Самсонъ-Гиммельстіернъ
„ 22 фев. 1868	„ 22 фев. 1876	Г. фонъ-Эттингенъ
„ 23 фев. 1876	„ 7 нояб. 1881	Мейковъ
„ 7 нояб. 1881	„ 7 нояб. 1885	фонъ-Валь
„ 7 нояб. 1885	„ 18 янв. 1890	А. Шмидтъ
„ 18 янв. 1890	„ 27 сент. 1892	Мейковъ
„ 27 сент. 1892	„ 18 мая 1901	А. С. Будиловичъ
„ 25 іюня 1901		А. Н. Филипповъ

VIII. Проректоры.

Съ	1	янв.	1859 г.	по	1	янв.	1863 г.	Г. ф.-Эттингенъ
„	1	янв.	1863	„	4	февр.	1866	„
„	4	февр.	1866	„	4	февр.	1867	ф.-Руммель
„	18	мрт.	1867	„	18	мрт.	1870	ф.-Бульмерингъ
„	21	мрт.	1870	„	21	мрт.	1873	О. Шмидтъ
„	21	мрт.	1873	„	21	мрт.	1876	„
„	21	мрт.	1876	„	21	мрт.	1879	„
„	21	мрт.	1879	„	4	мрт.	1882	„
„	4	мрт.	1882	„	4	мрт.	1885	Драгендорфъ
„	4	мрт.	1885	„	10	іюня	1887	„
„	4	мрт.	1888	„	1	іюля	1891	Брикнеръ
„	1	іюля	1891	„	24	янв.	1893	Вальтцъ
„	19	февр.	1893	„	18	іюля	1895	Филипповъ [1])

1) 18 іюля 1895 года, при замѣнѣ упраздненной проректуры должностью инспектора, первымъ инспекторомъ студентовъ былъ назначенъ М. А. Бутлеровъ (остававшійся въ этой должности до 1 іюля 1900 года), за которымъ, въ той же должности, слѣдовалъ Н. И. Тихоміровъ (со 2 августа 1900 года).

Годы	богословскаго ф-та	юридическаго ф-та
1802 съ 24 апр.	Л. Эверсъ съ 21 мая Гецель	Мютель
1803	Белендорфъ	Мейеръ
1804	Л. Эверсъ	Розенмюллеръ
1805	Горнъ	Мютель
1806	Гецель	Кехи
1807	Белендорфъ	Мютель
1808	Гецель	Мейеръ
1809	Белендорфъ	Кехи
1810	Гецель	Мютель
1811 съ 1 авг.	Белендорфъ	Мейеръ
1812	Зегельбахъ	Мейеръ
1813	Гецель	Мейеръ
1814	Белендорфъ	Лампе
1815	Зегельбахъ	Мейеръ
1816	Гецель	Кехи
1817	Белендорфъ	„
1818	Зегельбахъ	„
1819	Белендорфъ	Дабеловъ
1820	Зегельбахъ	Дабеловъ
1821	Зегельбахъ	Дабеловъ
1822	Генци	Лампе
1823	Белендорфъ	Дабеловъ
1824	Генци	Дабеловъ
1825	Генци	Клоссіусъ
1826	Сарторіусъ	Дабеловъ
1827	Ленцъ	Клоссіусъ
1828	Бушъ	Дабеловъ
1829	Генци	Клоссіусъ
1830	Сарторіусъ	Дабеловъ
1831 съ 1 янв.	Сарторіусъ	Клоссіусъ
1832	Вальтеръ	Брекеръ
1833	Клейнертъ	Бунге
1834	Бушъ	ф.-Рейтцъ
1835	Вальтеръ ст.	Отто
1836	Бушъ	Брекеръ
1937	Ульманъ	ф.-Рейтцъ
1838	Ульманъ	Бунге ст.
1839	Бушъ	ф.-Мадан
1840	Бушъ	Отто
1841	Кейль	Брекеръ
1842	Бушъ	Бунге ст.
1843	„	Брекеръ

Деканы.

медицинскаго ф-та	философскаго ф-та	
Стиксъ	Парротъ ст. съ 28 іюн. Пешманъ	
	филос.-мат. отд.	ест.-технол. отд.
Стиксъ	Моргенштернъ	Парротъ ст.
Балкъ	Глинка	Рамбахъ
Изенфламмъ	Еше	бар. Эльснеръ
Дейчъ	Гаспари	Германъ
Стиксъ	Пфаффъ	Гриндель
Балкъ	Еше	Парротъ ст.
Стиксъ	Пешманъ	бар. Эльснеръ
Дейчъ	Моргенштернъ	Краузе
Балкъ	Г. Эверсъ	Рамбахъ
Бурдахъ	Кайсаровъ	Ледебуръ
Дейчъ	Еше	Парротъ ст.
Стиксъ	Моргенштернъ	Ледебуръ
Балкъ	Гутъ	Гизе
Дейчъ	Г. Эверсъ	Рамбахъ
Мойеръ	Еше	Парротъ ст.
Эрдманъ	Моргенштернъ	Гизе
Стиксъ	Еше	Ледебуръ
Дейчъ	Моргенштернъ	Рамбахъ
Дейчъ	Моргенштернъ	Рамбахъ
Цихоріусъ	Бартельсъ	ф.-Энгельгардтъ
Мойеръ	Франке	ф.-Энгельгардтъ
Парротъ ст.	Перевощиковъ	Озаннъ
Л. А. Струве	Еше	ф.-Энгельгардтъ
Стиксъ	Бартельсъ	Озаннъ
Мойеръ	Перевощиковъ	ф.-Энгельгардтъ
Замснъ	Блумъ	Парротъ
Эрдманъ	Бартельсъ	ф.-Адеркасъ
Мойеръ	Бартельсъ	Гебель
Ратке	Бартельсъ	ф.-Энгельгардтъ
Заменъ	Блумъ	Шмальцъ
Эрдманъ	Нейе	Ледебуръ
Ратке	Блумъ	Парротъ мл.
Гукъ	Нейе	Фридлендеръ
Вальтеръ мл.	Блумъ	Парротъ мл.
Заменъ	Блумъ	Гебель
Эрдманъ	Крузе	Бунге мл.
Фолькманъ	Нейе	Фридлендеръ
Гукъ	Преллеръ	Шмальцъ
Вальтеръ мл.	Зенфъ	Гебель
Заменъ	Нейе	Гебель
»	Медлеръ	»

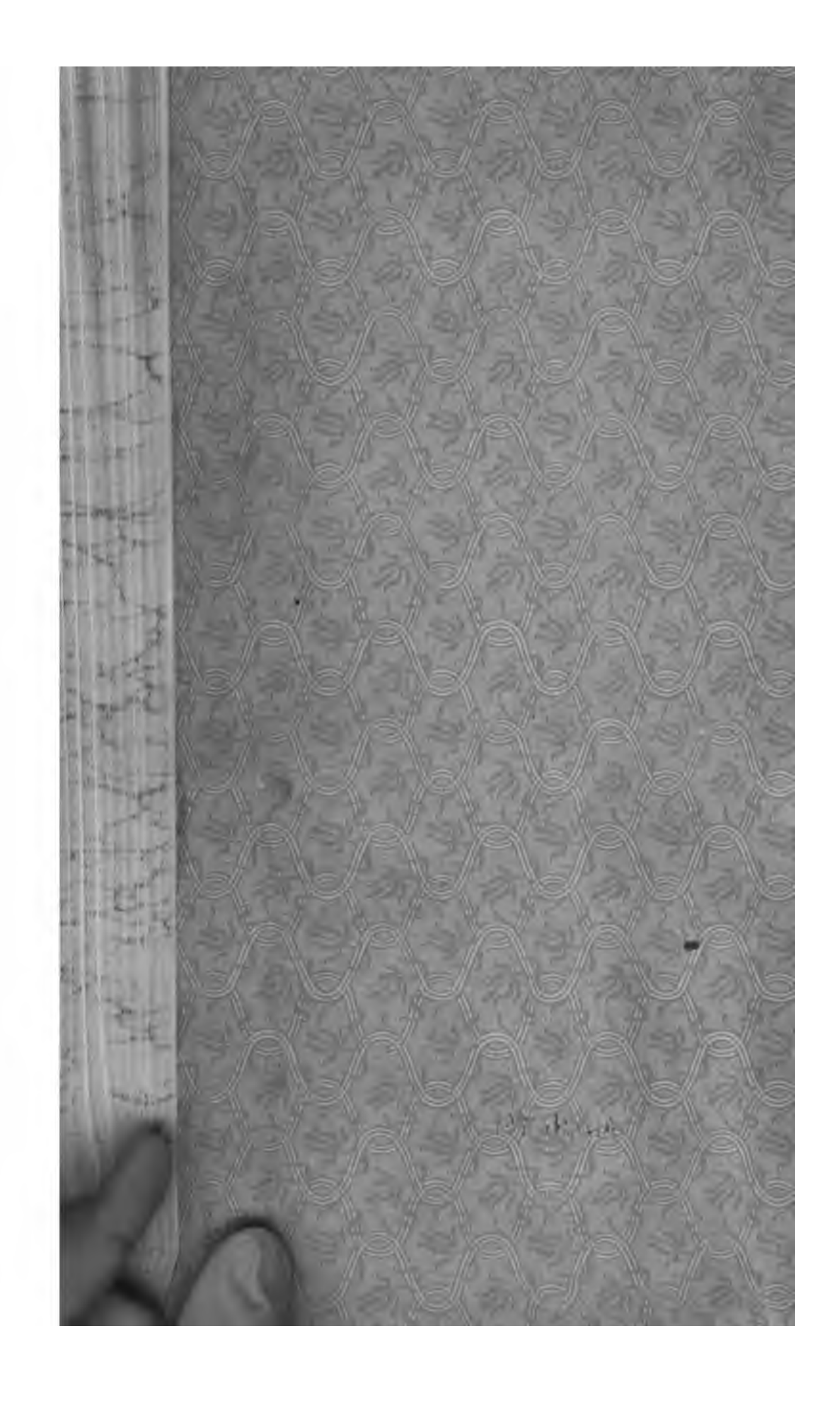
Годы	богословскаго ф-та	юридическаго ф-та
1844	Бушъ	Брекеръ
1845	"	"
1846	Филиппи	Озенбрюггенъ
1847	"	"
1848	"	"
1849	"	"
1850	"	"
1851	Кейль	Тобинъ
1852	"	"
1853	"	"
1854	"	"
1855	Куртцъ	ф.-Руммель
1856	"	"
1857	"	"
1858	"	"
1859	Куртцъ	ф.-Руммель
1860	"	"
1861	"	"
1862	"	"
1863	Куртцъ	ф.-Руммель
1864	"	"
1865 съ 1 янв.	"	"
1866	"	съ 14 мрт. ф.-Бульмер
1867	Гарнакъ	съ 13 сент. ф.-Румме
1868	"	"
1869	"	"
1870	ф.-Энгельгардтъ	ф.-Руммель
1871	"	"
1872	"	съ 16 сент. Мейковъ
1873	А. ф.-Эттингенъ	"
1874	"	"
1875	"	съ 16 сент. Мейковъ
1876	Фолькъ	съ 4 мрт. Энгельманъ
1877	"	"
1878	"	"
1879	Мюлау	съ 4 мрт. Энгельманъ
1880	"	"
1881	"	"
1882	Фолькъ	съ 4 мрт. О. Шмидтъ
1883	"	"
1884	"	"
1885	Фолькъ	съ 4 мрт. Эрдманъ
1886	"	"
1887	"	"

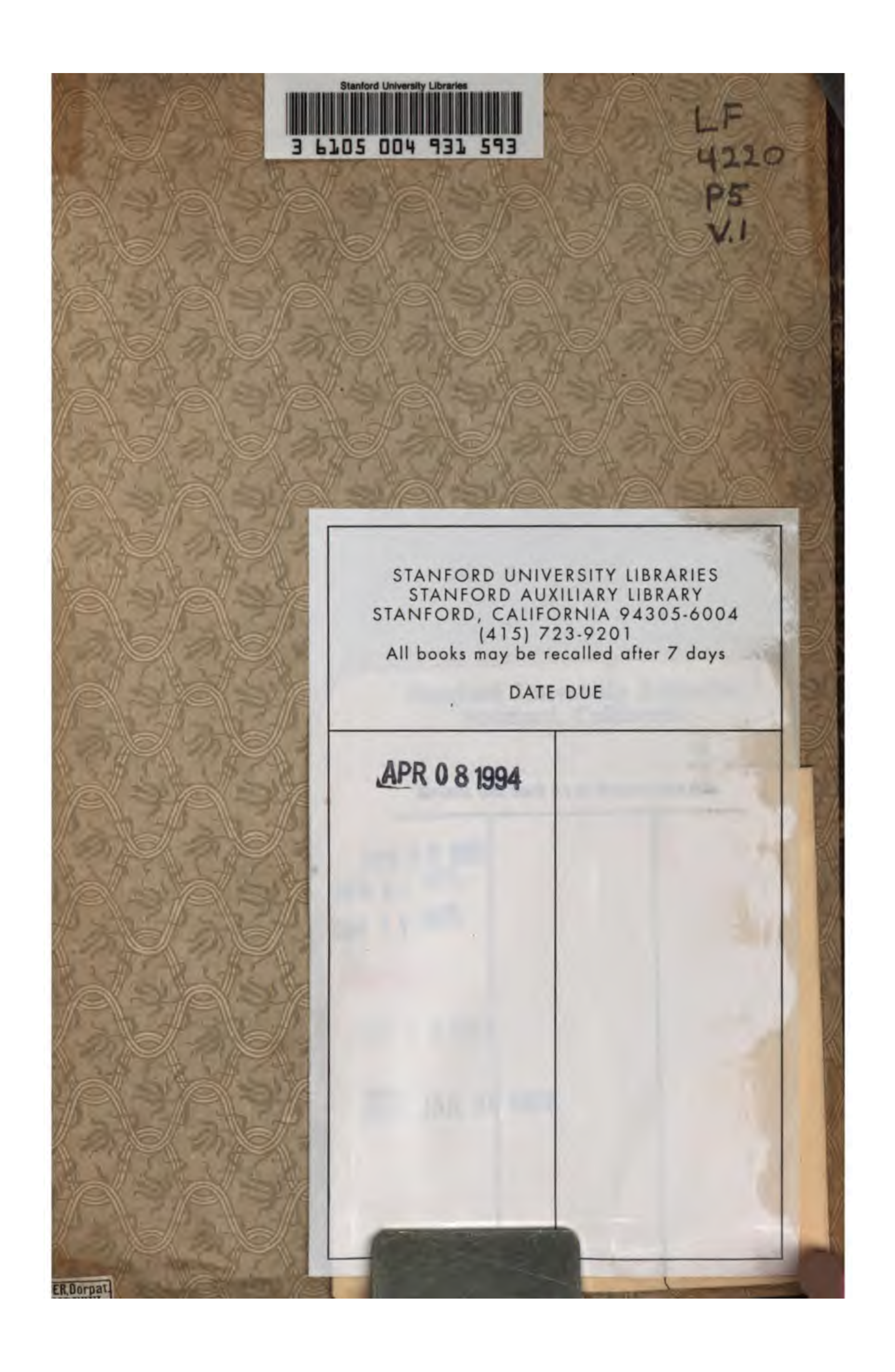
медицинскаго ф-та	философскаго ф-та	
	филос.-мат. отд.	ест.-технол. отд.
Заменъ	Медлеръ	Гебель
"	"	"
Биддеръ	Блумъ	Бунге
"	"	"
"	"	"
"	"	"
"	"	"
	ист.-филол. ф-та	физ.-мат. ф-та
Рейхертъ	Нейе	Миндингъ
"	"	"
съ 16 сент. Биддеръ	"	"
"	"	"
ф.-Самсонъ	Розбергъ	Грубе
"	"	"
"	"	Петцольдтъ
"	"	"
Бухгеймъ	Штрюмпель	Петцольдтъ
"	"	"
"	"	"
"	"	"
Бухгеймъ	Ширренъ	К. Шмидтъ
"	"	"
"	"	"
"	"	"
Г. ф.-Эттингенъ	Швабе	Гельмлингъ
съ 27 апр. ф.-Гольстъ	"	Гельмлингъ
"	Швабе	"
"	"	"
Бетхеръ	"	Гревинкъ
"	Паукеръ	"
"	"	"
Бетхеръ	"	Шварцъ
"	Мейеръ	"
"	"	"
А. Шмидтъ	"	Шварцъ
"	Брикнеръ	"
"	"	"
Бемъ	"	Арт. ф.-Эттингенъ
Гофманъ	Митгофъ	"
"	"	"
съ 24 янв. Л. Стида	"	Арт. ф.-Эттингенъ
"	В. Горшельманъ	"
съ 1 нбр. Рельманъ	"	"
"	"	Вейраухъ
"	Мейеръ	"

Годы		богословскаго ф-та	юридическаго ф-та
1888	съ 1 янв.	Мюлау	съ 4 мрт. Эрдманъ
1889		"	"
1890		"	"
1891		съ 1 янв. Бонвечъ	съ 4 мрт. Энгельман
1892		"	"
1893		съ 5 апр. Керстенъ	"
1894		"	съ 4 мрт. Пусторосл
1895		"	"
1896		"	"
1897		съ 5 апр. Керстенъ	"
1898		"	съ 4 мрт. Пусторосл
1899		"	съ 10 нбр. Красноже
1900		"	"
1901		"	"
1902		"	"

медицинскаго ф-та	ист.-филол. ф-та	физ.-мат. ф-та
съ 1 нбр. Драгендорфъ	Мейеръ	Вейраухъ
"	съ 29 сент. Гаусманъ	"
"	съ 25 окт. Вальтцъ	"
"	съ 24 мрт. Мукке	съ 7 янв. К. Шмидтъ
"	"	"
съ 28 апр. Васильевъ	н. д. съ 11 февр. утв. съ 25 дек. } Озе	съ 5 апр. Левинсонъ-Лессингъ
"		"
съ 14 дек. Игнатовскій	"	"
"	"	"
"	"	съ 5 апр. Левинсонъ-Лессингъ
"	съ 25 дек. Озе	"
съ 30 дек. Курчинскій	"	съ 10 нбр. Срезневскій
"	"	"
"	"	"
"	"	"

Оглавленіе.

Stanford University Libraries
3 6105 004 931 593
LF
4220
P5
V.1
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD AUXILIARY LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-9201
All books may be recalled after 7 days
DATE DUE
APR 08 1994
ER.Dorpat

